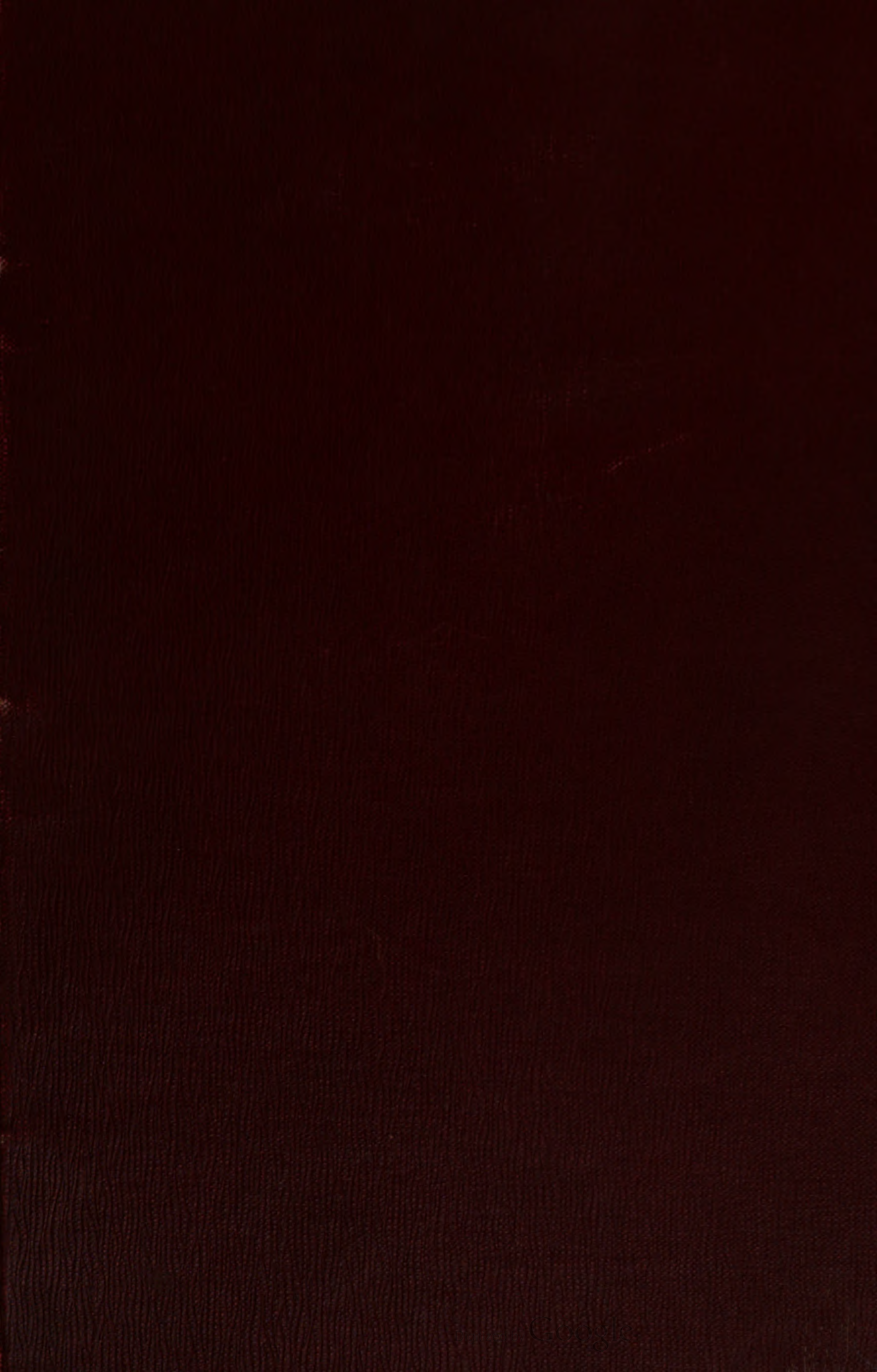

R
Pen

~~3026~~ Ph Obryazóvyaniie

July 1907

XVI. **1907**

Obryazovyaniie!

ОБРАЗОВАНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126
1907.

3 Августа.

СОДЕРЖАНІЕ № 7.

Ясный день.

(Отрывокъ изъ повѣсти „Бабаевъ").

С. Сергѣева-Ценскаго.

I.

Надъ рѣкою пухлыми клочьями проворно ползъ утренній туманъ, насквозь пронизанный солнцемъ и потому желтый, слоистый, почти живой, испуганный внезапно-рожденнымъ свѣтомъ и бѣгущій. Тыкался въ берега, согнувшись, прятался въ липовый молоднякъ, чуть слышно шурша листами, забѣгалъ дальше въ лѣсъ за толстыя дубовыя колоды. Разрываясь, клубясь, сшиваясь снова, уже оторванный отъ рѣки, уже висящій, лохматый, протискивался въ узкую раму лѣса и пропадалъ за поворотомъ.

Рѣка подъ нимъ начинала улыбаться подслѣповато, широко и влажно, какъ дѣти, когда они хотятъ и никакъ не могутъ проснуться. А лѣсъ по обѣимъ сторонамъ пѣлъ,— неувѣренными голосами начинающихъ новый день птицъ, неяснымъ шорохомъ и шумомъ листьевъ, яркими зелеными фонариками, зажженными на верхушкахъ.

Солнце хохотало. Здѣсь этотъ хохотъ былъ беззвученъ, отъ него только дрожало все и лучилось, только разжимало вѣки и хотѣло оглядѣться и вобрать, а тамъ, далеко, надъ полотнами полевыхъ облаковъ... Поручикъ Бабаевъ шелъ и представлялъ, какой хохотъ былъ тамъ, точно ударили тысячи оркестровъ.

Черный Нарцисъ бѣжалъ впереди, останавливался, слушалъ, оглядывался на Бабаева, дѣловито зѣвалъ и нырялъ дальше по невысокимъ кустамъ. Въ кустахъ онъ долго вынюхивалъ чьи-то слѣды и былъ виденъ, какъ приросшій къ темной зелени черный лоскутъ; шумно вдыхалъ, фыркалъ, скребъ лапами; хвостъ у него торчалъ напряженно концомъ кверху.

Трава вдоль тропинки была мокрая, съ деревьевъ капало, небо сыро голубѣло въ просвѣты.

Пахло земными соками. Это былъ смѣшанный и сложный, простой и острый запахъ роста и силы. Бабаеву казалось, что этотъ запахъ имѣлъ и цвѣтъ зеленый, какъ у рѣчной осоки. Входилъ сплошь во всѣ поры тѣла, и тѣло становилось отъ него шире, сочнѣе.

Шагалось легко и точно, и не мѣшала охотничья двустволка за спиной. Кожаная шведская куртка плотно охватила грудь, отчего грудь казалась выпуклѣй и моложе.

Ощущалась какая-то старинная извѣчная связь между тѣломъ и этими зелеными кустами, точно это было одно гибкое, растущее, жадное къ жизни, все равно—стояло оно на мѣстѣ или шло.

Въ тѣлѣ бродило оно, какъ паръ чернозема, въ этихъ зеленыхъ кустахъ ощущалось оно, какъ смутныя, неясныя мысли, понятныя именно потому, что неясныя, что стелились невысоко надъ землей. Тѣло растворялось въ этомъ живомъ свѣжемъ утреннемъ. Покойно было, что все кругомъ росисто.

Всю эту короткую ночь онъ не спалъ. О ней хотѣлось забыть, но она колыхалась гдѣ-то внизу и жалила десятками возбужденныхъ человѣческихъ глазъ. Цѣлую ночь рѣшали, почему такъ плохо и такъ стыдно жить, и какъ нужно жить, чтобы не было стыдно.

Хотѣлось забыть, какія были жадныя потныя лица и то плавныя и пустыя, то подобранныя короткія слова, и какъ кучи этихъ словъ торопливо сбрасывались куда-то подъ откосъ, какъ мусоръ... Мелькнулъ перстень на чьемъ-то вытянутомъ пальцѣ, свалившаяся на бокъ прическа, папироса въ чьихъ-то зубахъ...

А солнце сѣло на верхніе сучья дубовъ и качалось, какъ цирковой акробатъ. Насухо старалось вытереть потную почернѣвшую кору, на иззябшіе листья дуло горячимъ, любопытно протискивалось внизъ на тропинку, закружившуюся между стволами.

Пахло солнцемъ.

Въ густой, влажный запахъ земли врывался запахъ солнца, сухой и легкій, какъ перелетъ стрекозъ надъ болотными купавами.

Купалось въ росистомъ, синевато-зеленомъ золотисто-звонкое, точно натянутыя струны, и изъ тѣла рвалось что-то такое же ему навстрѣчу.

Ноги ставились на землю такъ длинно и крѣпко, будто прижимались, ласкаясь, и не хотѣли оторваться. Вливалось внутрь что-то хмельное.

На рѣкѣ, слышно было, хлопала плесомъ крупная рыба, какъ баба валькомъ. Въ камышахъ сычало что-то. Ихъ такъ было жестко видно изъ-за кустовъ, эти камыши,— сизые, шершавые, съ пухлыми султанами.

Низами мелькали вспугнутые Нарцисомъ черные дрозды и на сучьяхъ вздрергивали хвостами и сердито чокали. А Нарцисъ изумленно слѣдилъ за ними яркими глазами, потомъ поджимался, каменѣлъ и, тихо оглянувшись на Бабаева и весь подавшись впередъ, дѣлалъ стойку.

Что-то кающееся, великопостное тамъ у людей въ эту ночь смѣнилось пасхальнымъ, и предсѣдатель земской управы, говорившій длинную рѣчь, такъ и закончилъ ее словами пасхальной пѣсни: „Другъ друга обымемъ! Рцемъ: братіе! И ненавидящіи ны простимъ...“ Предсѣдатель былъ старый, морщинистый, съ однимъ только, очень замѣтнымъ чернымъ волоскомъ на совершенно лысой головѣ, и Бабаевъ слушалъ его, слѣдилъ за широкими жестами и гибкимъ станомъ и думалъ: „Поздно! Для тебя, стараго, это было-бы уже поздно,—зачѣмъ тебѣ?

Было странно въ этомъ большомъ залѣ, куда собрались крадучись и гдѣ опасливо смотрѣли на него, Бабаева; было волнисто отъ опасеній, ожиданія, нервнаго потиранія рукъ.

Бабаевъ почувствовалъ, вспоминая, какъ подходила издалека легкая головная боль, даже не боль, а усталость, которую онъ чувствовалъ тамъ, гдѣ говорили.

За предсѣдателемъ говорилъ скуластый, подстриженный въ кружокъ рабочій о цѣляхъ труда, о гнетѣ капитала, вставлялъ непонятныя книжныя слова, заикался, путался, звучно стучалъ кулакомъ по ладони.

Говорилъ о войнѣ, еще не оконченной, о неизбывномъ позорѣ и расплатѣ какой-то тонкій, какъ тростинка, студентъ, говорилъ, что нужно жалѣть, нужно бояться... Голосъ у него былъ зыбкій, дрожащій, какъ оконная занавѣска при вѣтрѣ... А за нимъ низенькая, лохматенькая школьная учительница въ темномъ пенснэ убѣждала, что жизнь должна быть прекрасна,— приземистая, угловатая, безмужняя, требовала какой-то красоты въ жизни.

Потомъ выходили еще кто-то,—Бабаевъ не разглядѣлъ, кто,—и звали свободу.

Пахло духами, потомъ, табачнымъ дымомъ. Отъ двухъ лампъ по стѣнамъ крошились желтыя пляшущія пятна, какія-то мелкія, душныя...

Туманъ безжизненно и сине повисъ, какъ дымъ на томъ берегу, зацѣпившись за лѣсныя верхушки, а внизу подъ нимъ что-то растопилось, освѣтлѣло. Солнце прокралось сквозь частоколъ дубовъ, позолотило осоку мимоходомъ,

засверкало на мокрой корягѣ, какую-то веселую чешую натянуло на плѣсень коры вблизи, звучно христосовалось, смѣшливое, съ застѣнчивыми сѣрыми лѣсными колокольчиками, безжалостно находя ихъ у самыхъ корней. Захлестнуло все, продырявило всѣ ограды.

Заяснилась шерсть у Нарциса. Пятно его впереди стало легче, подбористѣй. Бѣжалъ мягкими изгибами, дѣловито выпугивалъ пѣпочекъ, варакушей и синицъ, бѣгло смотрѣлъ имъ вслѣдъ и шарилъ дальше.

Гдѣ-то махрово ворковала горлинка,—гдѣ-нибудь на сухомъ сучкѣ. Бабаевъ ясно представилъ этотъ сучокъ на верхушкѣ граба,—острый, пѣгій, съ облупившейся корой, а отъ него откатывалось воркованье, какъ тонкія колесики, окрашенныя въ синій цвѣтъ.

Справа, внизу, густая и буйная вихрасто пыжилась зелень папоротниковъ и лѣсного бурьяна.

По какой-то осязаемой, живой и упругой силѣ шагали ноги, и хотѣлось шагать все глубже и дальше, уже не по землѣ, а въ самой землѣ, гдѣ таинственно сплетались корни и пили земные соки.

Отъ колючихъ, встревоженныхъ такихъ жалкихъ глазъ хотѣлось уйти въ безглазое. И плыло безглазое по сторонамъ, спереди и сзади, зеленое, мягкое, въ золотистомъ переплетѣ солнечныхъ пятенъ, брызгъ и полосъ.

II.

На широкой лѣсной луговинѣ, гдѣ скосили недавно траву, гдѣ пахло клубникой, протопталъ кто-то тропинку къ рѣкѣ. Вдоль ея, какъ толстыя купчихи за прилавкомъ, чинно сидѣли копны.

Высоко стало и просторно, и совсѣмъ не прежнее, свѣжее, нахлынуло и стало вровень.

Хорошо было, что нигдѣ не было людей: отъ этого казалось все вдумчивымъ, бѣлымъ. Тоненькія, нѣжныя вдоль опушки затолпились какія-то частыя молодыя деревья. Нарцисъ кружилъ между копнами размѣреннымъ бѣгомъ, какъ неторопливый сыщикъ.

Яркая кайма сверкнула изгибами на рѣкѣ, ближе къ тому берегу,—теплая какая-то, точно плавили тамъ свинецъ. Туманъ поднялся, но тихенькій сонливый дымокъ все еще пушился надъ водой, точно рѣка дышала.

Бабаевъ подошелъ къ самому берегу, снялъ ружье. Пара чирятъ пролетала гдѣ-то очень далеко. Онъ приложился срыву, безцѣльно выстрѣлилъ въ ихъ сторону въ воздухъ, прислушался къ лѣсному эху. Нарцисъ безпокойно запры-

галъ около, тупо оглянулся кругомъ, удивленно спросилъ его глазами, поднявъ брови; опрометью бросился вдоль берега,—пропалъ въ кустахъ. Гдѣ-то далеко кругло, до боли громко залаялъ.

Тихая рѣка внизу думала о чемъ-то. Берегъ былъ не обрывистый, песчаный. Бабаевъ попробовалъ воду рукою,—точно окунулъ ее въ ворохъ только-что обмолоченной ржи на току на солнцепекѣ. Не спѣша снялъ высокіе сапоги, куртку, рубаху.

Въ мягкой, теплой и густой, какъ парное молоко, водѣ, они купались вдвоемъ съ Нарцисомъ. Бабаевъ плылъ вразмашку, далеко загребая руками, а Нарцисъ часто перебиралъ лапами, фыркалъ, дѣлалъ строгіе глаза, вылѣзающіе изъ орбитъ.

— Гопъ-гопъ-гопъ!—смѣшливо кричалъ ему Бабаевъ, отплывая.

Нарцисъ догонялъ, вытянувъ морду, прижавъ уши, извиваясь, какъ черная змѣя; обнималъ его лапами, царапалъ когтями визжа. Глаза были чуть испуганные, яркіе.

Въ мягкой водѣ чувствовалъ Бабаевъ все свое тѣло, молодое, цѣльное, гибкое. Онъ былъ—одно это тѣло. Не думалъ,—думало оно: посылало впередъ руки,—и руки сами, шутя хватали ладонью по водѣ, прежде чѣмъ прорѣзать ее упруго,—отталкивалось ногами сзади, размѣренно дышало. Въ водѣ отражались и лѣсъ, и небо, и солнце, и онъ былъ въ нихъ, въ серединѣ, весь родной этимъ красочнымъ струящимся пятнамъ, поцѣлуямъ лучей и взмаху неба, весь солнце, вода, лѣсъ, весь недосказанное и смутное и въ тоже время понятное и простое.

Вода была такая любовно-теплая, какъ ласка старенькой матери, плачущей отъ радости свиданья, а лѣсъ съ берега, тоже старый, тихо подмигивалъ лукавый, выгребая изъ неба синеву и солнце и хороня ихъ внизу, въ кустахъ у корней.

Мелькнули на мигъ крикливые люди въ душномъ залѣ, затолпились стукнулись головами, пропали...

— Фрр,—шумно отряхнулся доплывшій до берега Нарцисъ. Мускулистая мокрая спина ярко сверкнула, изогнувшись; отбѣжалъ пять-шесть шаговъ, еще разъ отряхнулся, зѣвнулъ, вопросительно поглядѣвъ на Бабаева, юркнулъ въ кусты.

Бабаевъ сталъ на мелкомъ по-поясъ мѣстѣ, попробовалъ встряхнуться такъ же просто, по-животному, какъ Нарцисъ, и не могъ такъ шумно и ловко. Улыбнулся, подумалъ:— „Должно быть, умѣлъ когда-то, теперь забылъ".—Показалось вдругъ сразу яснымъ, что когда-то умѣлъ, когда-то

неутомимо бѣгалъ, плавалъ, вдыхалъ лѣсные запахи, понималъ языкъ солнца, теперь усталъ и забылъ.

Тонкія руки съ отчетливыми рѣзкими мышцами сжались— разжались.

Лѣсъ на этомъ берегу былъ гуще, пѣвучѣе. Легъ накипью дрожащихъ зеленыхъ пятенъ то свѣтящихся, то темныхъ.

Въ водѣ, собравшей ночное тепло, и въ воздухѣ, еще свѣжемъ отъ утра, тѣло силилось отыскать что-то потерянное и не могло.

И опять плыли оба,—Нарцисъ и Бабаевъ, раздирали плещущее, живое, смотрѣли другъ на друга одинъ смѣющимися, другой строгими, вылѣзающими изъ орбитъ глазами, оба простые и равные здѣсь, какъ въ одной дѣтской люлькѣ.

Опрокинулся Бабаевъ на спину,—небо дрожало такое полное, нѣжное, страшно-родное, точно придвинулось откуда-то изъ прошлаго, небо того дня, въ который онъ родился.

Коршунъ проплылъ, не шевеля крыльями; верхушка какого-то дерева поползла снизу къ нему на встрѣчу.

Синь ласково, жмуро брезжила, сѣялась, круглилась, мрѣла.

III.

Сжатый холодкомъ чуть мокраго бѣлья, Бабаевъ шелъ вдоль берега и ярко представлялъ, какъ ночью, тамъ въ въ залѣ, въ углу онъ увидалъ дряблаго съ приглаженными волосиками, сутулаго, склизкаго какого-то,—подошелъ къ нему и просилъ:

— А скажите, когда начнется новая жизнь, такихъ, какъ вы, будутъ любить женщины?

Дряблый, некрасивый замигалъ непонимающими глазами, заикнулся было что то отвѣтить, но не отвѣтилъ,—попятился, утонулъ въ толпѣ. Только остался отъ него въ памяти круглый взглядъ, какъ у Нарциса, когда онъ плылъ. Нарцисъ кружился теперь суетливо, безтолково, всѣмъ тѣломъ взбрасываясь на бѣгу. Теперь пятно его стало летучимъ, острымъ.

За копнами влѣво тянулись мочежины съ обстриженными рыжими кочнами, а вправо сѣдѣла мелкая полынь. Грачъ пролетѣлъ,—засеребрѣлъ на солнцѣ крыльями; по полыни мелькнула тѣнь отъ него, юркая, какъ ящерица. На небо протиснулись нѣсколько бѣлыхъ облачковъ, наивно присмотрѣлись къ землѣ и разбѣжались.

На поляну лѣсъ вышелъ косякомъ, и когда Бабаевъ за-

вернулъ за этотъ косякъ, то остановился удивленный: чернымъ крестомъ, поднявъ руки, стоялъ кто-то на колѣняхъ, вотъ наклонился, приникъ къ землѣ и опять поднялъ руки крестомъ. Кто-то молился, стоя спиной къ Бабаеву, и цѣловалъ землю, черный на сѣдой простынѣ полыни.

— Гам!—сказалъ Нарцисъ.—Гам-гам-гам!—вдругъ поднялъ онъ голосъ выше и заводилъ хвостомъ. Сырой лай кругло раскатился по мочежинамъ, по полыннику.

Черный опустилъ руки, полуобернулся, тяжело всталъ. Заботливо отряхнулъ колѣна.

Было странно видѣть Бабаеву, какъ сжался одинъ, распустившійся было, какъ цвѣтокъ, человѣкъ, лишь только увидѣлъ другого.

Вотъ онъ пошелъ, опираясь на палку, волоча задъ. Голову выставилъ впередъ, какъ черепаха. Пошелъ прямо на кусты терна и будняка, чтобы гдѣ-нибудь пропасть на укромной тропинкѣ.

— Не пущу!—упрямо и весело рѣшилъ вдругъ Бабаевъ и зашагалъ на перерѣзъ.

Нарцисъ заскочилъ было впередъ хищными бросками. Бабаевъ свистнулъ, и онъ потянулся рядомъ, нагнувъ голову, то порываясь къ ковыляющему черному, то косясь на Бабаева. Чуть ворчалъ, должно быть, обидѣлся.

Молодо ярила опушка между сѣдиной полыни и голубизной неба, и по ней боязливо двигалось вислозадое черное пятно, такое обидное здѣсь, гдѣ ничто не боялось.

Даже ощутительно было для Бабаева, что отовсюду росли мягкія, мягче воздуха тонкія руки и обнимались, а черное пятно, порывисто двигаясь, грубо разрывало ихъ, какъ угловатый камень, ненужно брошенный въ красивую сѣтку паутины.

Ноги нетвердо ставились въ стороны, бились о полы пальто, спѣшили.

— Да стойте, наконецъ! Все равно, догоню,—чудакъ!—крикнулъ ему Бабаевъ.

Было смѣшно, и овладѣло всѣмъ тѣломъ что-то мирное, полное.

— Гам-гам-гам!—крикнулъ и Нарцисъ.

Цѣловавшій землю и теперь бѣгущій отъ этой земли человѣкъ, безпомощно оглянулся кругомъ и дѣйствительно сталъ. Вынулъ розовый платокъ, вытеръ лицо.

— Въ потъ вогнало?—улыбнулся, подходя, Бабаевъ. Шаговъ за десять онъ уже узналъ его: это былъ тотъ самый дряблый, сутулый, котораго онъ видѣлъ ночью, и у котораго спросилъ о новой жизни.

На немъ было форменное пальто и фуражка съ какимъ-

то значкомъ и кокардой: рѣденькая рыжая бородка, жидкіе длинные волосы, очки въ золотой оправѣ. Изъ-подъ очковъ чуть испуганно, точно мелко дрожали, таращились глаза.

— Да вѣдь мы знакомы даже!.. Знакомы, а вы бѣжите... Нехорошо!

Бабаевъ подошелъ и протянулъ руку.

— Нагнибѣда,—назвалъ свою фамилію тотъ, кашлянулъ и добавилъ:—Не знакомы, а только видѣлись... Я оттуда не пошелъ спать,—прямо сюда...

— И я вѣдь тоже!.. Не спалъ, пошелъ охотиться,—улыбался ему прямо въ лицо Бабаевъ.

Было какое-то странное чувство своей власти вотъ теперь надъ этимъ дряблымъ человѣкомъ. Точно охотиться онъ вышелъ именно за нимъ, долго бродилъ, выслѣживалъ и настигъ.

— Утромъ въ лѣсу очень хорошо,—конфузливо сказалъ Нагнибѣда,—я люблю.

— Утромъ только? Всегда хорошо, а не утромъ,—улыбнулся Бабаевъ.

Онъ внимательно вглядывался въ красноватыя съ бурыми морщинами щеки, кустистые волосы на нихъ, какой-то вдумчивый и совсѣмъ не умный носъ Нагнибѣды съ мягкими ноздрями, и вспоминалъ, что слышалъ гдѣ-то о Нагнибѣдѣ, что онъ учитель гимназіи, а раньше служилъ въ акцизѣ, пишетъ какія-то книги, которыя печатаетъ самъ и которыхъ никто не покупаетъ, а заглавія послѣдней книги— „Суть ли законы эстетики" даже не понялъ никто, и смѣялись надъ нею, толстой, невинно и лѣниво лежавшей подъ солнцемъ въ окнѣ книжнаго магазина. Обложка у нея сначала была зеленая, потомъ порыжѣла, и почему-то чѣмъ больше смотрѣлъ Бабаевъ на Нагнибѣду, тѣмъ больше онъ казался ему похожимъ на свою книгу.

— Теперь часовъ шесть... или больше?— ненужно спросилъ Нагнибѣда и поднялъ голову къ солнцу.

Бабаевъ медленно, все такъ же глядя на него въ упоръ, досталъ часы.

Зеленое чуялось кругомъ, переливалось, шушукалось. Зеленое было живое, сплошное. Нельзя было его назвать какъ-то мелко—опушкой лѣса. Оно сочилось и отражалось, точно со всѣхъ сторонъ стояли зеркала, и странно было, что въ немъ, безформенномъ, четкой вкраплиной торчалъ человѣкъ въ опредѣленной смѣшно сидящей на немъ формѣ, носилъ какую-то фамилію, глаза у него таращились изъ-подъ очковъ, щеки морщинились бурыми полосками; голосъ былъ свой,—сухой съ трещинами, какъ спѣлая коробочка мака.

— Двадцать минутъ шестого,—сказалъ Бабаевъ,—теперь солнце встаетъ рано,—добавилъ онъ.

Вглядываясь и напрягаясь, онъ страстно хотѣлъ угадать ходъ мыслей его, другого: сейчасъ онъ что-то долженъ сказать,—что?

— Такая длинная ночь была, показалось уже поздно,—повелъ головою въ бокъ Нагнибѣда.

Бабаевъ уперся въ него глазами и ждалъ еще чего-то, чѣмъ полонъ былъ этотъ другой и что долженъ былъ онъ вылить.

— Хорошая ночь была, чистая,—несмѣло глядя поверхъ очковъ, прибавилъ Нагнибѣда.

Это и было то, чего ждалъ Бабаевъ.

— Чѣмъ хорошая? Глупая!—весело сказалъ онъ.

— Нѣтъ! Что вы!... Единственная! Единственная ночь въ моей жизни!...

Нагнибѣда вдругъ покраснѣлъ, всхлипнулъ ноздрями, угловато развелъ правой рукой.

— Жили въ норахъ и вышли! Вѣдь это что? Это—крестный ходъ! Чуда просятъ! Съ плащаницей идутъ!...—Остановился на минуту, поглядѣлъ, пригнувшись, въ глаза Бабаева.—Развѣ это что? Это—глупая ночь по вашему? Это—мистерія! Одно тѣло и одна душа!... Это взрывъ!... Всѣ клапаны вылетѣли, и вотъ... вамъ кажется глупымъ... Экстазъ это,—онъ взмахнулъ рукою,—полетъ въ небо, хирувимская пѣснь! Въ это только вдуматься надо, и станетъ ясно. Какъ собрались? Какъ первые христіане въ катакомбахъ, какъ влюбленные... Въ этомъ поэзіи сколько, дѣтства сколько!.. Развѣ найдешь слова для этого, когда это... ландышами пахнетъ?... Я объ этомъ, всю жизнь мечталъ,—сидѣлъ у себя въ себѣ, подъ своимъ замкомъ и думалъ: вѣдь можно... вѣдь только начать, и выйдутъ!...

У него теперь поднялось, какъ-то вздулось все лицо, точно кислое тѣсто, и это показалось смѣшнымъ Бабаеву; онъ чувствовалъ углы своихъ губъ, представлялъ, какъ они дергались, складывались въ обидную усмѣшку, опускались.

— Все ждали?—не выдержалъ онъ, наконецъ, и засмѣялся.— Все мечтали?

Онъ ясно вообразилъ, какъ ждалъ Нагнибѣда,—стоялъ гдѣ-то въ темнотѣ у запертыхъ дверей, согнувшись, припалъ къ замочной скважинѣ ухомъ и слушалъ. Ротъ у него былъ открытый, глаза округлые, колѣни худыя...

Никуда нельзя было уйти даже мыслью отъ того пѣвучаго, яркаго, что толпилось кругомъ. Зяблики звонили. Какія-то травы пахли. Что-то колыхалось, лучилось, насквозь пронизывало тѣло чѣмъ-то теплымъ... Точно забытыя нѣж-

ныя руки гладили по щекамъ, и глаза, далекіе глаза, мерцали и гасли...

Но сказалъ что-то около человѣкъ, и не слышалъ Бабаевъ.

— О чемъ вы?—съ усиліемъ спросилъ онъ.

— Я говорю, что стыдно! Что вамъ должно быть стыдно!—рѣзко крикнулъ Нагнибѣда и отбросилъ голову. Глаза пробились прямо сквозь середину очковъ и не мигали.

— Мнѣ? Нѣтъ, не стыдно, – просто отвѣтилъ Бабаевъ.— Какъ стыдно?

У него было все то же смѣющееся наблюдающее лицо. Теперь оно уже отрѣшилось отъ себя, оттолкнулось и потонуло въ лицѣ Нагнибѣды. Было остро любопытно осязать проступавшую сквозь кожу, сквозь мелкія морщинки щекъ, сквозь окна зрачковъ какую-то созрѣвшую обиду.

— Вамъ должно быть стыдно!—крикнулъ еще визгливѣе Нагнибѣда:—Должно быть стыдно!

— Почему?—спросилъ Бабаевъ; посмотрѣлъ серьезно на Нагнибѣду и добавилъ: — Стыдно?.. Да вѣдь стыдъ уже умеръ... долженъ умереть.

— Стыдъ,—это богъ!—глухо сказалъ Нагнибѣда.—Богъ умеръ.

— Десятки тысячъ лѣтъ жили люди,—вдругъ почему-то вспомнилъ Бабаевъ. Мысль эта явилась неизвѣстно откуда, проскользнула, какъ метеоръ, и почему-то засвѣтилась сквозь лицо Нагнибѣда, точно была ночь, и лицо его было фонарь изъ бумаги, а въ немъ какъ свѣчка эта мысль. Почему-то стало жутко отъ нея, закрытой, и захотѣлось ее вынуть и поставить прямо передъ собой.

— Десятки тысячъ лѣтъ жили люди, — сказалъ онъ вслухъ,—и все-таки есть еще стыдъ? Быть не можетъ!

Онъ сказалъ это тихо и медленно и въ то же время, наблюдая лицо Нагнибѣды, видѣлъ (въ первый разъ увидѣлъ) залѣзшіе въ ротъ жидкіе, обмокшіе желтые усы, отъ этого все лицо его показалось желтымъ, волосатымъ, какъ мохнатая гусеница,

— Я десять лѣтъ изучаю, работаю надъ этимъ,—взмахнулъ рукою Нагнибѣда,—а вы такъ сразу, съ маху...

— Что изучаете?

— Стыдъ!.. и совѣсть. Стыдъ и совѣсть!—отчетливо повторилъ Нагнибѣда.—Это не одно и то же... Это только родственныя понятія...

— Эти люди ночью сошлись, значитъ, потому, что существуетъ еще стыдъ и совѣсть.

— Да!—мотнулъ головою Нагнибѣда.—Потому что не звѣри, что хотятъ чуда,—вотъ почему!.. Зачѣмъ вы смѣетесь?

— Чудесъ не бываетъ,—сказалъ Бабаевъ,—есть необходимость... Говорили о свободѣ... Развѣ можно дать свободу? Свобода внутри. А терпишь—значитъ, хочешь терпѣть.

Нарцисъ лежалъ около, положивъ голову на лапы; то закрывалъ глаза, дремалъ, то открывалъ снова, ежился; вздрагивалъ отъ какихъ-то желтыхъ, кружившихся надъ нимъ мухъ; вдругъ подымалъ голову и такъ гордо и снисходительно смотрѣлъ то на хозяина, то на этого длиннаго чужого человѣка, что Бабаеву становилось обидно, и онъ замахивался на него ногою. Нарцисъ жмурился и покорно пригибалъ голову къ лапамъ.

— Подъемъ—это чудо!—уже кричалъ Нагнибѣда:—Безъ подъема—будни... Подъемъ—праздникъ, чудо! Чтобы всѣмъ сказать, нуженъ подъемъ!

—Чудо—это тонкій расчетъ, просто, не видно, какъ сосчитали, а счетъ готовъ,—скучно сказалъ Бабаевъ.

Нагнибѣда долго глядѣлъ на него, сузивъ глаза подъ матовостью очковъ; глаза дѣлались мельче, острѣе, ближе, совсѣмъ близко и кололи.

— Людей любить надо!—вдругъ укоризненно протянулъ онъ.—Любить, а не такъ!.. Все любить надо!

— А если бы вмѣсто меня передъ вами былъ бродяга-каторжникъ,—опять смѣясь, перебилъ Бабаевъ,—съ ножомъ, еще тамъ съ чѣмъ, и этакъ не то что убилъ бы, а... ну, ранилъ что ли, обобравъ и бросивъ... тогда вы что?

— Бродяга что!—вскрикнулъ Нагнибѣда.—Бродяга можетъ меня и убить даже,—онъ мое тѣло убьетъ, а вотъ вы... вы... вы хуже!.. Вы мою душу убить хотите, душу!.. Только я не дамся, нѣтъ! Я вамъ не дамся!

У него лицо покраснѣло и тряслось, какъ въ ознобѣ, и глаза были страшно переполнены чѣмъ-то: страхомъ, возбужденіемъ, злобой.

— Знаете ли что?—вдругъ сказалъ Бабаевъ.—Это вѣдь такъ, въ самомъ дѣлѣ... Еслибы мы были съ вами вдвоемъ на какомъ-нибудь пустомъ островѣ, и нечего было бы ѣсть, я бы васъ убилъ и съѣлъ... Право! Потомъ жалѣлъ-бы, что... мало. А вы могли-бы? Не днемъ,—вы слабый,—ну, хоть ночью, когда бы я спалъ,—могли бы?

— Я васъ боюсь! — отступилъ Нагнибѣда. — Я вамъ искренно говорю: боюсь!—онъ отступилъ еще на шагъ, помолчалъ.—Я лучше пойду къ попу, къ старенькому сельскому попу, и съ нимъ мнѣ будетъ легче, съ нимъ мы сговоримся, поймемъ!.. А вы... Васъ я боюсь! Прощайте!

Онъ взялся за фуражку; рука дрожала. Стало плоское и жалкое лицо у него, какъ раздавленное большимъ кам-

немъ. Распустилось — сжалось. Даже не было уже лица: просто дырявилась какая-то рѣдкая сѣтка.

Бабаеву почему-то вдругъ стало неловко, точно обиженъ былъ онъ самъ, а не этотъ ненужный. Почему-то выбилась откуда-то изъ глубины мягкая, ласковая струя, пролилась внутри, и стало тепло.

— Постойте, куда вы!—взялъ онъ за плечо Нагнибѣду.

— Домой! — по-дѣтски отвернувшись, глухо отвѣтилъ тотъ.

— Меня, значитъ, вы не любите, хотя я тоже человѣкъ?—спросилъ Бабаевъ.

— Вотъ возьму и поцѣлую его сейчасъ,—подумалъ онъ.— Возьму и поцѣлую... Что онъ скажетъ тогда? растрогается? Заплачетъ?

Нагнибѣда обернулся къ нему бокомъ и молчалъ. Теперь, когда онъ стоялъ бокомъ, рѣзала глаза кривая линія его спины, тощей, согнутой шеи, фуражки, сплюснутой сзади.

Странная, ничѣмъ непобѣдимая брезгливость, молодая здоровая, жадная, какъ зеленая послѣ дождя трава, выросла вдругъ въ Бабаевѣ.

Онъ передернулъ плечами, свистнулъ. Нарцисъ вскочилъ. Потрепалъ за шею Нарциса; онъ поднялся на заднія лапы, радостно завизжалъ, тыкался мордой въ плечо. Пріятно было, что жизнь въ немъ такая буйная, темная.

— Ну, прощайте!—кивнулъ онъ Нагнибѣдѣ и пошелъ. Улыбался, уходя, широко и просто, какъ шагалъ привычно и четко ставя ноги. Обернулся было, хотѣлъ что-то сказать Нагнибѣдѣ, подумалъ: „Зачѣмъ? На что онъ мнѣ?“ Только осмотрѣлъ, какъ тотъ провожалъ его глазами, и почему-то еще подбористѣй и прямѣе, какъ на парадѣ, пошелъ дальше.

Уже густо клубились впереди опять, не заслоняемые ничѣмъ, маслянистые сочные комья зеленыхъ и желтыхъ, голубыхъ и сѣрыхъ, чуть розовыхъ, чуть фіолетовыхъ красокъ.

Видно было, какъ проползало надъ ними солнце, сквозило, плавило ихъ, и они дробились, сливались въ дрожащія полосы, подымались, никли, распускались, какъ большіе мягкіе цвѣты, унизанные росами.

Небо стало страшно высокое, тонкое, точно распахнулось вдругъ, и оказалось, что оно все изъ серебряныхъ тугихъ струнъ и всемірно звенитъ далеко гдѣ-то.

Тепло было. Теплота эта лилась кругомъ, неслышная и живая, какъ кровь въ тѣлѣ, въ огромномъ, повсюду разметавшемся тѣлѣ; была она пахучая, нѣжная, заколдовала все кругомъ и струилась одна, безсвязная, лѣниво сытая.

Мухи вились около впередъ идущимъ столбомъ. Низкій

боярышникъ цѣплялся за ноги колючками, потомъ, бойко ершась, качался сзади, потомъ опять засыпалъ.

Шмыгали ящерки то зеленыя, то сѣрыя. Мягкая матовая трава подъ ногами грустила о чемъ-то, слушая землю.

Бабаевъ представилъ на мигъ Нагнибѣду такого испуганнаго, запертаго, лишняго, — сверху до низу провелъ по немъ глазами и забылъ о немъ.

IV.

Песчаная коса вонзалась въ рѣку съ берега. Издали— липкая видна была грязь на ней треугольными полосками, какъ водяныя морщинки, и казалось, что она тоже струилась, тихо кипѣла, какъ вода около, то узилась, то ширилась.

Вода въ рѣкѣ стала зеленовато-прозрачная холодно-свѣжая на видъ. Упругій вѣтеръ тянулъ надъ нею. Это былъ и не вѣтеръ: такъ, просто, куда-то шло по водѣ что-то невнятное, зыбкое; чуялось только, что кругло выпятило грудь. У краснаго лозняка на берегу отдуло въ сторону листья, да такъ и оставило, изрѣдка перебирая, точно считая мимоходомъ.

Нарцисъ красиво искалъ въ сторонѣ, ближе къ лѣсу, гдѣ было столько таинственныхъ живыхъ для него слѣдовъ, каждый кустъ живой и полный. Онъ шуршалъ, фыркалъ, трещалъ сухоломомъ,—черный комокъ безпокойныхъ нервовъ. То спина мелькала, то дыбился хвостъ, то подымалась внимательная, чуткая голова и вбирала далекое.

Вотъ онъ вдругъ окаменѣлъ, насторожился: тройка куликовъ мигала бѣлой подкладкой крыльевъ, спѣшила куда-то, четко видная надъ рѣкой. Одинъ свистнулъ, за нимъ другой, третій, какъ пастушата. Свистъ тонкій, сильный, но не сухой: смоченный рѣчнымъ паромъ.

У Нарциса глаза округлѣли, точно тоже хотѣлъ свистнуть.

Бабаевъ глянулъ на него, на куликовъ, подобрался, присѣлъ за кустъ. Ружье приросло къ рукамъ. Глаза прилипли къ тремъ мигающимъ лоскутамъ, кружились вмѣстѣ съ ними надъ зеленымъ, надъ сѣрымъ, ушли куда-то далеко, чуть видно, вернулись, ударились вдругъ о песчаную косу и забѣгали по морщинкамъ грязи.

Кулики были смѣшные, хлопотливые, длинноногіе; бѣгали по песку какъ-то страшно быстро,—нельзя было услѣдить, взлетывали, дергали хвостами. Пятна ихъ казались синими на бѣлесомъ пескѣ, синими и верткими, все время тыкались внизъ клювами и сжимались, тыкались и сжимались, и присвистывали, какъ пастушата.

Нарцисъ осторожно поползъ къ нимъ за кустами, низко проставляя ноги, какъ кошка.

— Куш-ш!—зашипѣлъ на него Бабаевъ.—Ку-уда!

Нарцисъ оглянулся, вильнулъ хвостомъ и припалъ къ землѣ. Видно было, что не дышалъ: ждалъ выстрѣла.

Кулики были веселые, странные.

Оттого, что въ нихъ было такъ много счастливости, вся коса казалась праздничной. Сѣтка повисла между нею и берегомъ. Эта сѣтка качалась въ мозгу Бабаева, и за нею,— онъ такъ просто это чувствовалъ, — слились въ одно два одинакихъ, жуткихъ: или два Бабаева, или два Нарциса.

А глаза искали мушки и хотѣли, чтобы всѣ три сбѣжались къ ней сразу хоть на моментъ. Мелкая... крупная... Есть два рядомъ... Третій отбѣжалъ... Куда?.. Двое тоже распались, какъ ртуть, свистали, подлетывали.

Бабаевъ нетерпѣливо въ одного, ближняго, и выстрѣлилъ.

И тутъ же вскочилъ и покатился черезъ кусты внизъ, какъ кусокъ черной земли, Нарцисъ, и гдѣ-то далеко надъ рѣкой испуганно свистѣла пара куликовъ — ти-ти-ти-ти!—а третій мелко хлопалъ на пескѣ крыльями.

Какъ-то сразу стало ясно, что онъ уже не встанетъ, не засвиститъ, что Нарцисъ схватилъ его, придушилъ зубами и принесетъ.

Стало скучно, и Бабаевъ отвернулся, но ждалъ Нарциса, слѣпо смотря въ зеленое. И Нарцисъ подбѣжалъ и принесъ,— бросилъ у ногъ, какъ ненужное, и сѣлъ возлѣ.

Куликъ былъ весь въ крови и грязи, дергалъ головою. Изъ длиннаго, какъ ножницы, раскрытаго клюва сочилась красная пѣна.

Нарцисъ, сидя около, смотрѣлъ на него и брезгливо морщилъ носъ, какъ неумѣющія притворяться маленькія дѣти.

Бабаевъ поднялъ кулика, взявъ его за тонкія ноги, осмотрѣлъ,—одинъ глазъ былъ выбитъ дробинкой, другой торчалъ какой-то огромный, надувшійся, красный, и шея скрючилась и вздрагивала.

Бабаевъ непроизвольно-брезгливо передернулъ лицомъ, такъ же, какъ Нарцисъ, ударилъ кулика головою о прикладъ ружья и положилъ въ ягдташъ.

Нарцисъ снисходительно слѣдилъ за всѣми его движеніями круглыми и строгими, яркими и внимательными, всепонимающими и потому страшными глазами.

А земля кругомъ невинно-радостно молилась и горячо цѣловала небо.

Ложь.

Заперъ я двери и все отошло—
Улица, женщины, шумъ и огни.
Дьяволъ раздумья, смѣющійся зло,
Дьяволъ раздумья, мы снова одни.

Мысль, какъ умѣлый, отточенный ножъ,
Жизнь эту мертвую весело вскрыть,
Сердце ея—неизбывную ложь,
Весело сердце ея обнажить.

Свѣтлый ребенокъ о Богѣ спросилъ:
„Гдѣ Онъ?"—и я отвѣчалъ: „Въ небесахъ"...
Зная весь ужасъ и холодъ могилъ,
Зная предсмертный мучительный страхъ.

Женщинѣ-сказкѣ, лазурной мечтѣ,
Клялся я вѣчностью, солнцемъ, душой,
Зная, что завтра же,—гадъ въ темнотѣ,—
Ею пресытясь, я буду съ другой.

Съ крикомъ: „Свобода!" въ пылу баррикадъ,
Слѣпо ступая на трупы и въ кровь,
Въ сердцѣ твердилъ я, безпеченъ и радъ:
„Было не разъ и не разъ будетъ вновь".

Ложь многоликая, пестрая ложь
Пляшетъ, хохочетъ, рыдаетъ, клянетъ.
Каждый на вздорную куклу похожъ,
Въ каждомъ—пружина и хитрый заводъ.

Кто-то завелъ и забылъ навсегда:—
Вѣчно, безцѣльно... впередъ и назадъ.
Эти сломались—другимъ череда...
Ловко придумано: жизнь—„автоматъ".

Ложь двухсторонняя, цѣльная ложь,
Маска подъ маской и такъ безъ конца...
Тщетно, безумецъ,—ихъ всѣ не сорвешь,
Если бы сорвалъ, не увидѣлъ лица.

Лгите же смѣло, уставшіе жить,
Каждый солгалъ уже тѣмъ, что живетъ,
Правды не выдумать, лжи не убить,
Рыцарь мой добрый—слѣпой Донъ-Кихотъ.

Александръ Рославлевъ

Нервный.

Разсказъ **Марка Криницкаго.**

Онъ стоялъ въ плохо-освѣщенной передней и въ смущеніе мялъ большую шапку-папаху, ношеніе которой было воспрещено гимназическимъ начальствомъ.

— Я, собственно, поговорить... хотя я согласенъ, что намъ говорить трудно,—наконецъ, сказалъ онъ и быстро, видимо, съ дрожью пожавъ однимъ плечомъ, тотчасъ поднялъ голову и уставилъ горящій, вызывающій взглядъ въ лицо классному наставнику.

Тотъ нерѣшительно попросилъ юношу раздѣться и зайти.

„Не о чемъ мнѣ съ нимъ говорить", — раздумывалъ онъ въ то же время вяло и утомленно: — „Онъ враждебно настроенъ противъ меня... въ городѣ настроили..."

Въ переднюю раскрылась узкая щель двери, и быстро высунулись двѣ веселыхъ и любопытныхъ дѣтскихъ головки.

— Сколько вамъ разъ говорить? Здѣсь холодно!—крикнулъ учитель.

Головки спрятались, и дверь медленно затворилась.

Юноша почему-то сконфузился и началъ медленно снимать пальто.

У учителя были дѣти, и это было такъ странно. Откуда-то, должно быть, изъ кухни пахло обѣдомъ.

Учитель былъ, какъ ни странно, такой же человѣкъ, какъ всѣ. Но его надо было ненавидѣть.

Медленно и неловко, толкаясь и взаимно извиняясь, они вошли въ какую-то комнату, налѣво изъ передней, должно быть, кабинетъ.

Лежали стопочками синія тетрадки. Это вдругъ и рѣзко напомнило гимназію.

И Костенскій вдругъ вспомнилъ, что онъ пришелъ къ классному наставнику для рѣшительнаго и послѣдняго объясненія.

Наконецъ, они сѣли.

У учителя были старыя, короткія брюки; онъ былъ безъ манишки и неловко застегивалъ поношенный и тѣсный пиджачекъ. Это опять располагало въ его пользу.

Но лицо было знакомое, гимназическое, насторожившееся и равнодушное. И все пропадало. И опять хотѣлось мстить, быть откровеннымъ, дерзкимъ.

— Мнѣ къ вамъ, собственно, и заходить не слѣдовало... Это какъ-то глупо вышло,—началъ Костенскій, тяжело ворочая ногами въ большихъ, казавшихся неуклюжими сапогахъ.

Ногамъ было ужасно неловко. Сидѣлъ онъ низко, почти провалившись въ диванъ, мягкій и противный, съ звенящими и шевелящимися пружинами. Поэтому колѣнки торчали высоко, чуть ли не подъ самый подбородокъ.

Но все равно.

Учитель потиралъ свои узловатыя руки, точно озябъ, и все ждалъ, съ непріятнымъ и жесткимъ выраженіемъ человѣка, имѣющаго опредѣленное общественное положеніе, ученый дипломъ и сознающаго себя выше какого-то мозгляка, умственнаго и нравственнаго ничтожества, осмѣливающагося размышлять и подавать свой голосъ.

Костенскій поднялъ одну бровь, неловко обхватилъ руками правое колѣно и, покачиваясь взадъ и впередъ, началъ говорить.

Лицо у него было угреватое и блѣдное, старообразное отъ морщинъ на лбу и возлѣ угловъ рта; волоса черные, длинные и упрямые, лѣзшіе на лобъ и закрывавшіе уши.

— Я васъ назвалъ при всемъ классѣ бюрократомъ... Собственно...

Онъ сдѣлалъ многозначительную мину, медленно, точно раздумывая надъ чѣмъ-то важнымъ, вытащилъ изъ брюкъ портсигаръ, досталъ папиросу, чуть поморщившись закурилъ, и продолжалъ:

— Я не хотѣлъ этимъ оскорбить лично васъ...

„Ага, пришелъ съ повинной! — подумалъ учитель: — Но какъ же онъ такъ развязно?..“

Не зная, что сказать, онъ нервно повертѣлъ какой-то бумажкой, взятой со стола, весь добрался и старался вообще казаться корректнѣе своего посѣтителя.

Костенскій между тѣмъ откинулся на спинку дивана и, вообще казалось, овладѣлъ положеніемъ.

— Вы не подумайте, впрочемъ, что я явился къ вамъ извиняться,—продолжалъ онъ, точно угадывая мысль учителя.

Тонкая, ироничечкая усмѣшка искривила его губы.

Учитель почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Извините,—началъ онъ,—но, такъ сказать, цѣль... Я не совсѣмъ понимаю...

— Цѣль? Я хотѣлъ, чтобы вы не поняли моихъ словъ превратно... хотя я согласенъ, что намъ въ вами трудно столковаться.

Лицо учителя омрачилось.

— Я васъ покорнѣйше прошу сказать яснѣе, что вамъ угодно отъ меня,—сказалъ онъ, безпокойно пошевелившись.

— Ахъ, да... такъ!

Костенскій потушилъ недокуренную папиросу.

— Въ такомъ случаѣ, въ двухъ словахъ... Я, помнится, сказалъ вамъ въ классѣ, что не признаю за вами по отношенію къ моей личности никакихъ такъ называемыхъ правъ педагога. Я предложилъ вамъ ограничиться по отношенію ко мнѣ чисто-чиновнической точкой зрѣнія... Вы оскорбились, хотя, повторяю, я оскорбить васъ не хотѣлъ. Затѣмъ вы поступили со мной, какъ говорится, гуманно: вы придали всему такой видъ, что я былъ нервно разстроенъ... И меня не исключили, а только временно удалили... для поправленія моихъ нервовъ...

Онъ добродушно разсмѣялся.

— Но, виноватъ: я хочу, чтобы вы стали, такъ сказать, на нашу... гимназическую, что ли, точку зрѣнія... Васъ, кажется, коробитъ, что я говорю съ вами... какъ равный съ равнымъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ... Эхъ!

Костенскій досадливо тряхнулъ волосами.

— Папироса васъ смутила? Хотите, я уйду?

Онъ неловко, опираясь одной рукой о спинку дивана, сталъ приподыматься.

— Нѣтъ, постойте... Ужъ останьтесь...

Учитель почувствовалъ себя заинтересованнымъ. Тѣмъ болѣе, въ голосѣ юноши звучали какія-то искреннія, располагающія нотки.

— Слушаю-съ...

Костенскій охотно опустился на прежнее мѣсто. Опять жалобно зазвонили пружины, и онъ провалился чуть не до полу.

— Коли такъ, давайте толковать, — сказалъ онъ возбужденно, и въ голосѣ его послышалась довѣрчивость.

Онъ сдѣлалъ сосредоточенную физіономію, мгновеніе подумалъ и энергично началъ:

— Позвольте издалека... Вопросъ сложный... Идеалы истины, добра и красоты обязательны или нѣтъ?.. Добро, впрочемъ, можно откинуть: добро и красота это одно и то же... Итакъ, обязательны?

— Конечно... Только я не понимаю, къ чему...

— Позвольте...

Костенскій поднялъ на учителя свой упорный, горящій и какъ бы враждебный взглядъ.

— Если они обязательны для всякаго, то обязательны и для гимназиста... Вы учили насъ добру, высокимъ словамъ: красота, истина, правда, и мы захотѣли быть правдивыми и красивыми. Развѣ рабство, лицемѣріе, подличанье красивы?.. Вы насъ учили, мы сдѣлали выводы...

„Какъ онъ говоритъ! Точно и не гимназистъ... Кто ихъ научилъ?“—думалъ учитель.

— ...мы сдѣлали выводы: отъ лжи надо отвернуться, ложь надо преслѣдовать, подлость надо клеймить! И тогда вы намъ говорите: вы не имѣете права этого дѣлать... вы неполноправны. Это невѣрно: кто понимаетъ, что ложь есть ложь,—тотъ полноправенъ. И разъ человѣкъ это понимаетъ, онъ обязанъ... Но вы говорите: оставьте ваши идеалы въ вашихъ книгахъ и тетрадяхъ... пусть они будутъ только на бумагѣ. Это все равно, какъ флотъ и финансы только на бумагѣ. Развѣ же это не бюрократизмъ, когда все только на бумагѣ обстоитъ благополучно: добро-де у насъ заведено, истинна числится, красота за такимъ-то номеромъ...

Учитель съ удивленіемъ смотрѣлъ на Костенскаго. Ему хотѣлось что-нибудь возразить самоувѣренному юношѣ, но онъ не находилъ подходящихъ возраженій.

— Вы неправы, Костенскій,—наконецъ, сказалъ онъ:—да... неправы...

И голосъ у него былъ непріятно-дребезжащій и забавно тонкій.

Такимъ голосомъ онъ обыкновенно диктовалъ диктанты и объяснялъ уроки.

— Молодости свойственна, конечно, горячность... Теперь я понимаю васъ отчасти... Но... разсудимте...

Въ его распоряженіи было нѣсколько старыхъ, банальныхъ фразъ вродѣ: идеалы суть путеводныя звѣзды, къ коимъ надлежитъ только стремиться безъ надежды когда-нибудь ихъ достигнуть.

Но ему стало совѣстно.

„Надо возразить что-нибудь существенное, хорошее,—думалось ему: — Непремѣнно надо возразить, а то вѣдь иначе онъ... Молодежи надо непремѣнно возражать“...

И вдругъ ему пришла странная мысль: „А, можетъ быть, и не надо?“

И на душѣ у него сразу стало пусто и скучно. Какъ жилъ? На что надѣялся? Жилъ за другими, за чужой спиной... думалъ, что служитъ идеѣ, а въ сущности вѣрно, что служилъ бумагѣ. . И теперь этотъ мальчикъ умнѣе и, главное, честнѣе его...

Смолчать? Ничего ему не сказать или сказать:

— Ты правъ...

Но этого тоже нельзя... да, нельзя... почему-то...

Онъ поднялъ взглядъ на Костенскаго.

На лицѣ того лежала хмурая, озабоченная тѣнь и складочка на лбу между бровей точно жестокая и мстительная, но въ тоже время какая-то дѣтски-открытая, простодушная... И онъ вдругъ ощутилъ болѣзненную и вмѣстѣ нѣжную жалость къ юношѣ.

„Это ненормально, — подумалъ онъ, точно внезапно понялъ то, что давно долженъ былъ понять: — ненормально, чтобы юношамъ приходилось ставить такіе вопросы... Молодость должна быть свѣтлой, играющей"...

Костенскій улыбнулся. И этотъ переходъ отъ строгости въ лицѣ къ улыбкѣ точно освѣтилъ его худощавое личико.

Глаза его затеплились хорошимъ блескомъ. И было въ этомъ блескѣ что-то уже не дѣтски-вдумчивое и серьезное, точно онъ хотѣлъ подѣлиться чѣмъ-то особенно важнымъ и завѣтнымъ, чѣмъ онъ не сталъ бы дѣлиться со всякимъ.

— Дѣло не въ томъ,—началъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалась сердечная юношеская откровенность,—не въ томъ, что вы хотите быть педагогомъ вообще, а въ томъ, что вы считаете возможнымъ быть педагогомъ именно въ данное время...

Онъ объяснялъ ему съ дѣловымъ видомъ, точно большой маленькому. Строгая складочка опять появилась между его бровей.

— ...И я тогда не хотѣлъ оскорбить васъ... какъ человѣка... Что такое педагогъ? Педагогъ это, такъ сказать, апостолъ правды. Я такъ понимаю его... Не правда ли?

Учитель нервно улыбнулся.

Костенскій продолжалъ его мѣрить безпокойнымъ, горящимъ взглядомъ. Казалось, онъ понималъ всю серьезность и безвыходность положенія.

— Я васъ спрошу...

Онъ точно призывалъ отвѣтить честно и искренно на вопросъ.

— ...можетъ ли быть педагогъ въ безправной странѣ? Это абсурдъ!

Онъ смотрѣлъ почти просительно, и видно было, что онъ вообще привыкъ думать и самъ долго думалъ надъ этимъ вопросомъ. Думалъ и мучился, оттого что хотѣлъ быть честнымъ, справедливымъ и мыслящимъ.

Сказавъ это, онъ вдругъ всталъ и широкими шагами заходилъ по комнатѣ.

— Но вѣдь образованіе не можетъ же остановиться въ

странѣ?—спросилъ учитель, и ему показалось, что его голосъ звучитъ фальшиво.

— Пусть остановится! Никому не нужно это ложное образованіе... это полуизвращеннное образованіе... образованіе рабовъ, изъ которыхъ приготовляютъ, медленно вытравливая душу, безжизненныхъ бюрократовъ... Я все равно уйду изъ гимназіи... И всѣ ушли бы давно. Вы думаете, кого-нибудь устращаетъ ваша алгебра или тамъ теорія словесности? Мы читаемъ Канта и Маркса въ подлинникѣ... Знаете, что удерживаетъ еще большинство въ гимназіи? Страхъ полиціи... боязнь не получить свидѣтельства о благонадежности, необходимаго для экзамена экстерномъ. Если бы не это, завтра были бы пустые почти всѣ старшіе классы гимназій...

Онъ перевелъ духъ.

— Гимназіи .. собственно, ихъ зданія, стѣны... нужны еще намъ, пожалуй, какъ конспиративное средство... Вы думаете, есть въ настоящее время такая гимназія, гдѣ учатся?

Онъ расхохотался.

Учитель тоже всталъ. Его охватило волненіе. И вдругъ онъ показался себѣ со всѣмъ своимъ мелкимъ самолюбіемъ жалкимъ и гаденькимъ.

„Ты считалъ себя педагогомъ,—говорилъ онъ самъ себѣ съ ироніей,—найди же въ себѣ нравственную силу переубѣдить этого юнца"...

И вдругъ ему пришла на память самоувѣренная фигурка окружного инспектора, который недавно производилъ у нихъ въ гимназіи ревизію. Онъ рубилъ ребромъ ладони по столу и удивительно любилъ всѣхъ поучатъ. У него были руки съ безукоризненными манжетами и тонкіе, блѣдные пальцы, похожіе на щупальцы, которые онъ время отъ времени составлялъ вмѣстѣ у самаго своего носа. Онъ говорилъ нестерпимо громко, точно вѣщалъ: „Дѣти должны быть въ сторонѣ отъ политики: Это—признакъ некультурности... Политика—область взрослыхъ... Позоръ для общества—гдѣ дѣти занимаются политикой"...

„Да, да, позоръ!—думалъ учитель:—Единственно вѣрное, что сказалъ инспекторъ... Позоръ для насъ, молчащихъ, боязливыхъ, за которыхъ говорятъ дѣти... Что же дѣлать? Пойти и записаться въ революціонеры?"..

Онъ вдругъ опомнился и съ мучительнымъ выраженіемъ поднялъ глаза на Костенскаго.

Тотъ стоялъ въ странной позѣ, приложивъ лобъ къ книжному шкафу.

— Костенскій!—окликнулъ его тревожно учитель.

Костенскій всхлипывалъ.

— Костенскій, успокойтесь!—сказалъ учитель, подходя и потрагивая его за плечо:—Я васъ понимаю...

Но тотъ продолжалъ неутѣшно рыдать.

— Я боленъ,—наконецъ, съ усиліемъ выдавилъ онъ изъ себя,—но не думайте, что я сошелъ съ ума... У меня голова крѣпкая... я боленъ отъ всеобщей духоты... Атмосфера спертая...

Онъ внезапно пересталъ плакать, обернулъ лицо и, глядя на учителя мрачнымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ, продолжалъ:

— Иногда такія мысли приходятъ въ голову... нѣтъ, не думайте... не стрѣляться...

Онъ вдумчиво помолчалъ.

— Нѣтъ, самому итти бороться,—добавилъ онъ глухо.

Учитель поглядѣлъ на его худое, въ морщинахъ, точно состарившееся отъ преждевременныхъ думъ лицо, и ему подумалось совершенно ясно и опредѣленно, что онъ виноватъ передъ этимъ мальчикомъ.

„Ты считалъ себя педагогомъ?—сурово судилъ онъ себя:— Если ты педагогъ, ты долженъ любить дѣтей и щадить дѣтей... А щадишь ли, бережешь ли ты его молодыя, не окрѣпшія силы?... Завтра же, быть можетъ, онъ пойдетъ и...“

Холодный, безпомощный страхъ сжалъ его сердце.

— Костенскій!—сказалъ онъ, протягивая ему руку.

Тотъ жадно схватилъ ее и крѣпко пожалъ.

— Костенскій, дайте мнѣ слово, что вы ничего... такого не предпримете... Дайте же мнѣ слово! Вѣдь вы мальчикъ... вы должны беречь свои силы для будущаго, когда вы крѣпко станете на ноги... Вы сами же сознаете, что вы теперь больны...

Костенскій постепенно высвободилъ свою руку изъ руки учителя. Не то ироническая, не то брезгливая усмѣшка искривила его губы.

— Я думалъ услышать отъ васъ другое,—сказалъ онъ мрачно:—Родина гибнетъ... Каждая сила должна быть на счету... Прощайте...

Онъ угловато и вмѣстѣ сухо поклонился и, не протянувъ руки, пошелъ въ переднюю.

— Костенскій!—крикнулъ ему въ догонку учитель:—Остановитесь...

Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ ему что-то сказать, чтобы спасти самого себя въ собственныхъ глазахъ.

Но не могъ же онъ крикнуть ему:

— Костенскій, подождите! Давайте, въ такомъ случаѣ, я за васъ... если ужъ это такъ необходимо...

И вдругъ, впервые за все время, широкая и огромная

мысль, ужасная въ своей простотѣ и отчетливости, точно придавили его къ землѣ:

— Дѣтей забыли... всѣ забыли... и гнетущіе наверху, и рабски молчащіе внизу... Думали, что въ странѣ живутъ только взрослые, грубые и обтерпѣвшіеся, всему поклонившіеся, безвольные и продажные... И забыли, что есть наши судьи и мечтатели, которые еще не утратили чуткости къ мысли и правдѣ... Они есть... вотъ они!

Костенскій уже надѣвалъ калоши.

Учитель вышелъ къ нему въ переднюю.

— Костенскій! У васъ есть родители... мать и отецъ... Помните это всегда...—сказалъ онъ, испытывая отчаяніе передъ мыслью, что вотъ юноша уйдетъ навсегда и больше къ нему не придетъ и, быть можетъ, уже больше никому не раскроетъ своей души... А пойдетъ и... совершитъ... Вѣдь теперь всюду эти подростки... отъ 17-ти лѣтъ...

Юноша, почти мальчикъ, глядѣлъ на него въ упоръ, и лицо у него было сейчасъ такое холодное, каменное, до ужаса непроницаемое; только два маленькихъ пятнышка на острыхъ, чуть выдавшихся отъ худобы скулахъ.

„О чемъ онъ думаетъ и что еще надумаетъ? Что-нибудь опять совершенно неожиданное и умное, непремѣнно умное, но безысходное, что разобьетъ сердце“.

— У всѣхъ есть отцы и матери!—сказалъ Костенскій строго:—До свиданія.

Онъ нахлобучилъ шапку и высокій, странно-большой, совсѣмъ непохожій на мальчика, пошелъ къ двери, но вдругъ остановился и полуобернувшись произнесъ:

— Я не осуждаю васъ... Вы отяжелѣли... А мы... Въ нашихъ рукахъ—будущее страны.

Голосъ у него былъ неровный, мѣняющійся, съ перерывами: „переходилъ“. Кромѣ этого, онъ всѣмъ былъ похожъ на взрослаго.

Дверь закрылась. Учитель остался одинъ, и въ умѣ его сверлила острая, безпощадная мысль:

— Ты хотѣлъ быть педагогомъ... только педагогомъ, но ты забылъ, что въ понятіе „педагогъ“ неизмѣнно входитъ и слово „гражданинъ“. Да, ты—бюрократъ, ты—только бюрократъ.

Сергѣй Грядуновъ.

Разсказъ А. Буговскаго.

I.

Сидя вечеромъ у молоденькой курсистки Боровской, студентъ Грядуновъ думалъ о томъ, какъ все это странно: какъ будто ничего и не произошло, какъ будто не онъ часа два тому назадъ такъ горячо и упорно настаивалъ въ комитетѣ на смертномъ приговорѣ, и какъ будто не онъ—теперь спокойный и грустный—вызвался его выполнить.

Низенькая, маленькая комната съ балкой во весь потолокъ, розовый свѣтъ отъ бумажнаго абажура, горы книгъ и бумагъ, наконецъ, сама Анна Ивановна, или, какъ шутя называли ее знакомые,—Монна Ванна, ничего не знавшая о происшедшемъ, со своимъ милымъ дѣвичьимъ лицомъ, голубыми всегда чуть-чуть удивленными и строго-вдумчивыми глазами, и эта тонкая темнорусая коса,—все было такъ старо, знакомо и совсѣмъ обычно.

— Ну-съ, сеньоръ, о чемъ это вы?

— Да такъ...—отвѣтилъ Грядуновъ, и потомъ тихо и задумчиво продолжалъ:—Вотъ думаю, что многое въ жизни странно... какъ-то не видишь во многомъ связности. Впрочемъ, это только на первый взглядъ... Ну, да вѣдь сіе—одна метафизика, а теперь не до нея, не время...—и ужъ совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ:—Будемъ-ка вотъ лучше чай пить.

— Да, это ужасно, что творится теперь, ужасно!—подхватила Анюта, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ у дѣтей, когда они готовы расплакаться.—Что-жъ это только будетъ? Ужасно!

— Мы вотъ, Монна Ванна, и вчера, и недѣлю, и мѣсяцъ назадъ все говорили: „Ужасно, ужасно“! а вѣдь на самомъ дѣлѣ день ото дня творятся вещи болѣе, чѣмъ ужасныя, прямо не подыщешь и выраженія. Да... Подумайте только,—

онъ зашагалъ по комнатѣ и заговорилъ, жестикуляруя и отбрасывая со лба непослушные волосы,—каждый, каждый день творятся самые невѣроятные ужасы и мерзости: садятъ невинныхъ людей въ тюрьмы, засѣкаютъ до смерти, ставятъ въ снѣгъ на колѣни, насилуютъ, разстрѣливаютъ... Господи, да что жъ это такое? гдѣ мы живемъ?!. Вотъ, полюбуйтесь,— онъ выхватилъ изъ кармана газету и, ткнувъ въ одно мѣсто пальцемъ, прибавилъ:—А, что? любопытно? Вотъ, до чего дожили: уже особые отдѣлы—для казней. Вчера, вотъ, я читалъ одну книжицу, такъ тамъ говорится, что въ наше время процентъ смертныхъ казней гораздо больше, чѣмъ даже во времена Ивана Грознаго. Что плохо? а?.. А вотъ вамъ еще: почитайте-ка, что въ нашей губерніи дѣлается.— Онъ указалъ Анютѣ на статью, въ которой описывались подвиги одного „усмирителя", звѣрски истязавшаго крестьянъ.

Грядуновъ сѣлъ и, прихлебывая чай, нарочно внимательно слѣдилъ за измѣненіями на лицѣ Анюты, у которой то и дѣло хмурились брови, вздрагивали тонкія плечи и глаза расширялись, точно самъ ужасъ застывалъ въ нихъ.

— Боже мой, Боже мой, вѣдь это... это ужасно! Что же это...

— Вотъ видите, можно ли оставлять такихъ людей безнаказанными?

— Да, конечно,—отвѣтила Анюта,—конечно... Но какъ это тяжело... Вѣдь все-таки... убійство должно быть противно человѣку.

— Положимъ, что такъ... Но вы поймите: необходимо устранить изъ общества жестокаго, озвѣрѣвшаго человѣка, который издѣвается надъ людьми, разстрѣливаетъ ихъ. Запереть, изгнать его мы, къ сожалѣнію, не можемъ, а потому остается одинъ только способъ.

— Жестокій, — тихо добавила Анюта, печально качая головой.

— Что жъ? ничего не подѣлаешь... Вотъ вы, Монна Ванна, знаете, что душа у меня мягкая и чуткая, но все же я говорю: нельзя теперь молчать, нельзя, преступно! Нужно отвѣчать на эти бьющіе въ глаза, разящіе сердце факты, а на факты можно и должно отвѣчать только фактами, а не „охами" да „ахами".

Наступило молчаніе. Анюта задумалась и потомъ вдругъ начала:

— Что еще меня страшитъ, такъ это то, до чего мы дошли. Помните, на-дняхъ это неудачное покушеніе? Такъ вотъ, когда я прочла объ этомъ, мнѣ стало жаль... Господи,— она прижала газету къ груди,—вы вдумайтесь только, Се-

режа: мнѣ стало жаль, что неудачно. И всѣ вотъ такъ говорили, всѣ. Ахъ, до какой кровожадности мы дошли, это прямо...

— Нѣтъ, мы не сами дошли,—угрюмо перебилъ ее Грядуновъ,—а насъ довели и пусть тѣ, которые довели нась, пусть они почувствуютъ это на себѣ самихъ.

Наступило короткое молчаніе. Грядуновъ, тяжело дыша, отошелъ къ окну и стоялъ тамъ, нервно барабаня по стеклу пальцами и вглядываясь въ темноту улицы. Анюта задумалась и потомъ вдругъ взволнованно-быстро начала:

— Что дѣлается, что только дѣлается. Я не могу вамъ, Сережа, достаточно ясно выразить тотъ ужасъ, который охватываетъ меня, когда я вдумаюсь въ происходящее вокругъ... Наливайте сами, тамъ еще есть,—прервала она и продолжала.—Знаете, Сережа, на-дняхъ какъ-то ночью я совсѣмъ ясно, ну, понимаете—совсѣмъ ясно, вдумалась и ощутила тотъ кошмарный ужасъ, когда некуда дѣться... Когда я подумаю о томъ... о тѣхъ ужасахъ и гнусностяхъ, которымъ подвергаются женщины, меня охватываетъ такая злоба, такая жажда мести...

— Вотъ-вотъ,—радостно подхватилъ Грядуновъ,—какъ это хорошо вы сказали, Анюта, какъ хорошо! Знаете, многіе говорятъ, что эти убійства не рѣшаютъ вопроса, что вмѣсто одного негодяя является другой, третій и т. д... Ахъ, Господи,—досадуя на кого-то, говорилъ Грядуновъ,—но нельзя же оставлять безнаказаннымъ глумленіе надъ человѣкомъ. Подумайте только—вѣдь это жъ такое издѣвательство... Это прямо... Э, да что тамъ...

Должно быть, этотъ разговоръ былъ Грядунову тяжелъ и утомилъ его, потому что послѣднія слова произнесъ онъ уже какъ-то устало и вздохнулъ глубоко.

— Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ,—сказалъ онъ.—Вотъ скоро весна... Хорошо! Вы, Монна Ванна, когда домой на Пасху? Какъ-то тамъ у насъ? должно быть, ужъ настоящая весна...

— А вы развѣ не ѣдете, Сережа?

— Нѣтъ... Я ѣду завтра... только не домой.

— А куда же?

— Да такъ... кой-куда по дѣламъ,—спокойно отвѣтилъ онъ, но въ груди что-то захолонуло.

Анюта знала, что Грядуновъ въ комитетѣ, и что у него часто бываютъ дѣловыя поѣздки, но сама она не была въ партіи и потому не разспрашивала.

— Вы не обижайтесь, голубчикъ, у меня спѣшная работа, въ земствѣ дали, надо къ завтрашнему дню приготовить.

— Эге, такъ вы завтра богатой будете?

— Мг...—улыбнулась Анюта,—а вотъ сегодня авансомъ угощу васъ конфектами. За это извольте занимать меня разговорами, а я буду работать.

— Нѣтъ, Монна Ванна, ужъ лучше я займусь по части конфектъ: на это я способнѣй.

— Ишь вы какой...—улыбнулась Анюта, раскладывая бумаги.

Грядуновъ сидѣлъ противъ Анюты въ старенькомъ мягкомъ креслѣ съ поломанной ручкой, глядѣлъ на нее и думалъ о ней, о любви къ ней, о которой никогда не рѣшался сказать, но о которой (онъ былъ въ этомъ увѣренъ) знала она; и еще о томъ думалъ онъ, что, должно быть, въ послѣдній разъ видитъ онъ ее сегодня; и отъ этого сердце сжалось, и такъ больно стало... И еще больнѣе было отъ мысли, что, вотъ, не можетъ онъ ей сказать о томъ, за чѣмъ уѣдетъ онъ завтра, и что теперь, можетъ быть, никогда... нѣтъ, навѣрное, никогда не сумѣетъ сказать ей о своей любви и не услышитъ ничего отъ нея. Такъ много словъ, такъ много нѣжныхъ словъ толпилось въ его головѣ, и былъ ихъ смыслъ одинъ—любовь... о любви говорили они всѣ, о невысказанной, мучительной и такой милой.

„Надо вглядѣться,—думалъ онъ,—надо запомнить все, все... вѣдь въ послѣдній разъ"!.. И такъ мучительно больно стало, и хотѣлось сейчасъ же, не думая, припасть къ Анютѣ и говорить ей тихо и нѣжно о своей любви и жаловаться на то, что люди такъ исковеркали, такъ жестоко изломали самое драгоцѣнное счастье человѣка—жизнь.

— Такъ-то вы, сеньоръ, занимаете даму,—сказала, улыбнувшись, Анюта,—чего это вы все молчите?—и, отмахнувъ упавшую на плечо косу, взглянула на Грядунова своимъ добрымъ, вдумчивымъ взглядомъ. И такъ дорога, такъ мила показалась она ему въ эти минуты со своимъ умнымъ, строгимъ и немного усталымъ лицомъ, что захотѣлось ему приласкать ее и сказать ей что-либо теплое, нѣжное.

— Та-а-а-акъ-съ,—протянулъ онъ и задушевно-ласково прибавилъ:

— А вы, должно быть, устали, голубушка, а? отдохнули бы... Ну-съ, а я, одначе, пойду.

— Чего? сидите, я еще поработаю.

— Нѣтъ, пора ужъ. Ну-съ, аддь-юсъ,—улыбнулся Грядуновъ, прощаясь,—всѣхъ благъ.

— Вы надолго, Сережа?

— Да, должно быть... — и тихо прибавилъ: — должно быть...

Онъ, забывшись, держалъ ея маленькую блѣдную руку,

а она глядѣла на него не то печально, не то устало и, какъ будто, чего-то ждала.

— Ну-съ, такъ, значитъ, вы ужъ скоро домой...—сказалъ Грядуновъ, чтобы не было неловко,—та-а-акъ... Ну, кланяйтесь тамъ моимъ старикамъ.—Онъ пошелъ было къ двери, но потомъ остановился и какъ-то странно, какъ бы щурясь отъ воображаемаго солнца, сказалъ:—Да-а, теперь тамъ, должно быть, ужъ настоящая весна...

— Пріѣзжайте, Сережа. Пріѣдете?

— Постараюсь,—сказалъ онъ и печально улыбнулся.

...На улицѣ было темно и туманно, но тепло по-весеннему, хотя мартъ только начался.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Грядуновъ остановился: ему послышалось, будто Анюта окликнула его. Застучало часто, часто сердце, и колѣни подкосились. Но было тихо; должно быть, это только почудилось. Онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на освѣщенное розовое окно и, грустнѣй, побрелъ, дальше.

Было грязно и сыро, и оттого, что совсѣмъ тихо и тепло было, и какъ-то загадочно свѣтили въ туманѣ заплаканными теклами фонари,—вспомнилось Грядунову давно читанные дѣ-то стихи:

Нынче ночью кто-то одинокій
И родной, казалось, звалъ меня.
Чей-то взоръ изъ сумрака глубокій
Мнѣ мерцалъ, волнуя и маня.

Слѣдующіе строки забылись и вспомнились только двѣ изъ средины

...И глядѣли призрачно и странно
Воспаленнымъ взоромъ фонари...

„Да, — подумалъ онъ,—правда — „воспаленнымъ".—И, вспомнивъ объ Анютѣ, тихо и грустно повторилъ:

...одинокій
И родной, казалось, звалъ меня.

„Какъ хорошо. Гдѣ это я читалъ?"...

Хлюпалъ подъ ногами мокрый, хлибкій снѣгъ, падали изъ желобовъ и стучали по панели талыя капли и плыли изъ тумана навстрѣчу воспаленные, мутные зрачки.

Не хотѣлось думать ни о чемъ другомъ—только объ Анютѣ и объ этой первой весенней ночи. Грядуновъ вдругъ остановился и произнесъ тихо и нѣжно:

— А-ню-та!..

И такимъ любящимъ и нѣжнымъ, просящимъ и востор-

женнымъ былъ этотъ звукъ, что онъ самъ не узналъ своего голоса. Счастливый, онъ улыбнулся радостно-тихо, какъ будто зналъ что-то такое, чего не знали другіе и, идя дальше, опять мечтательно подумалъ:

И родной, казалось, звалъ меня.

II.

Въ вагонѣ было душно, и нестерпимо, до тошноты пахло овчиной, кожей и потомъ. Грядуновъ вышелъ на площадку. Былъ часъ ночи. Въ городъ, гдѣ Грядунову нужно было остановиться, поѣздъ приходилъ въ пять часовъ на разсвѣтѣ. Тамъ ожидали его товарищи, которые должны были уже узнать, въ какой деревнѣ „усмиритель", и сейчасъ же дать туда подложную отъ генералъ-губернатора телеграмму, чтобы задержать его тамъ.

Спать не хотѣлось, и Грядуновъ стоялъ на площадкѣ, открытой со всѣхъ сторонъ. Вѣтеръ былъ сырой, пронизывающій, а снѣгъ—мокрый и скользкій.

Въ головѣ Грядунова стояла все неотвязная мысль о предстоявщемъ, о томъ, что, вотъ, ѣдетъ онъ теперь убить того, котораго совершенно не знаетъ и его самого, и что съ каждымъ стукомъ, съ каждымъ громыханіемъ колесъ оба они несутся къ безднѣ.

„Вѣдь въ сущности это такъ и есть—бездна...—думалъ Грядуновъ.—Нѣтъ, погоди,—говорилъ онъ себѣ,—надо о чемъ-то другомъ думать, о другомъ... да... такъ о чемъ же?.. Ага, вотъ!.." И то, о чемъ думалъ онъ потомъ, было высшей, самой высшей, дорогой для него правдой.

„Вѣдь я не могу... Вѣдь мнѣ противно убійство... отнять жизнь... жизнь!.. Боже мой! Самое дорогое, самое радостное. И вотъ я, любящій жизнь и понимающій, да, хорошо понимающій всю безконечность... нѣтъ, нѣтъ не несчастія, а больше — этого непостижимаго ужаса: отнятія жизни!.. и вотъ я убью... убью потому, что онъ не человѣкъ. И вотъ поэтому, именно поэтому я, такъ любящій жизнь, убью его... да! И это будетъ... и онъ и я, оба мы, теперь живые, не станемъ и не будетъ насъ ужъ никогда... никогда."

И тутъ, подъ ритмичное громыханіе колесь и лязгъ крючьевъ, Грядуновъ съ любопытствомъ и безстрашіемъ человѣка, стоящаго надъ бездной, заглянулъ туда внизъ и задумался. И оттого, что такъ ясно, такъ чудовищно-ясно и остро ощутилъ онъ жестокость всего уклада окружавшей жизни, — содрогнулся онъ и захолонуло что-то въ груди, какъ бываетъ во снѣ, когда летишь внизъ съ высоты.

Онъ понялъ, что то, что онъ убьетъ человѣка, совсѣмъ незнакомаго, бездушнаго и страшно жестокаго, что тотъ взмахнетъ при его выстрѣлѣ руками и въ глазахъ его встанетъ самъ ужасъ; то, что тотъ не знаетъ своей роковой минуты, не знаетъ, гдѣ и кѣмъ это можетъ быть сдѣлано, и еще то, что и самъ онъ, Грядуновъ, не будетъ потомъ жить,—все это зналъ онъ, называется простымъ давно знакомымъ и совсѣмъ не звучнымъ словомъ—„жизнью".

Для Грядунова было несомнѣнно и ясно, что онъ долженъ убить и убьетъ, потому что весь онъ загорался ненавистью, когда вспоминалъ объ издѣвательствахъ одного человѣка надъ многими, надъ ихъ личностью, волей, надъ ихъ жизнями...

На какой-то станціи поѣздъ стоялъ 20 минутъ. Грядуновъ зашелъ въ вокзалъ, у дверей котораго стоялъ заспанный солидный швейцаръ съ бѣлыми галунами и бакенбардами. Отъ нечего дѣлать, чтобы не было скучно, Грядуновъ попросилъ кофе. Противъ него сидѣлъ какой-то очень тучный пожилой мужчина въ лисьей шубѣ и шапкѣ,—должно быть, помѣщикъ. И, глядя на его заспанное, одутлое съ мѣшечками подъ глазами лицо, Грядуновъ подумалъ: „Какъ удивился бы послѣ-завтра этотъ добродѣтельный толстякъ, узнавъ, что это я, Грядуновъ, сидящій теперь напротивъ,—убилъ того... Но онъ не знаетъ этого и не можетъ узнать, потому что не дано человѣку видѣть душу другого... да... не дано..."

Вокзалъ былъ почти пустъ, и тихо въ немъ было. И одинъ только офиціантъ не спалъ и все гремѣлъ безъ толку посудой, — мелкимъ и острымъ стеклянымъ грохоткомъ.

Стало скучно... Грядуновъ прошелся по залѣ разъ, другой, и потомъ зашелъ, самъ не понимая зачѣмъ, въ отдѣльную комнату, пустую, одинокую и неуютную, гдѣ стоялъ большой, кожаный, по краямъ потрескавшійся диванъ и мраморный умывальникъ съ кускомъ сиреневаго мыла. Лампа коптила, и потрескивалъ фитиль. Грядуновъ присѣлъ зачѣмъ-то на диванъ, потомъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потрогалъ умывальникъ и странно, про себя улыбаясь, подумалъ: „Какъ все это, вотъ что я вижу теперь,—какъ все это далеко, страшно далеко отъ того, что будетъ завтра... и нѣтъ между этимъ и тѣмъ единости и связности, какъ между „сегодня" и „завтра". Или есть?"

Стоя потомъ на площадкѣ быстро бѣгущаго вагона, Грядуновъ думалъ о томъ, какъ хороша у него на родинѣ южная весна, какъ задумчиво и хлопотливо перешептываются въ саду липы, и какъ красивы отраженія мѣловыхъ

косогоровъ въ большой рѣкѣ. И когда то утопавшая, то всплывавшая,—заколыхалась вдругъ опять своими огромными черными крыльями мысль о предстоявшемъ,—было какъ-то непонятно, даже смѣшно, и не вѣрилось, что такъ будетъ.

„А теперь, ранней весной, въ слегка морозныя утра, лужицы замерзаютъ, стеклянѣютъ,—думалъ онъ,—и когда наступишь на нихъ, онѣ съ веселымъ звономъ трескаются и становятся бѣлыми, бѣлыми... Почему это пришло мнѣ въ голову теперь? Странно...“

Грядуновъ вытянулъ во мракъ голову и замеръ такъ, прислушиваясь къ голосу ночи, а она, такая неколебимая и холодная, неизмѣнно-жестко твердила все одно, все одно:

— ...у-у-жж...жассс... у-у-жж...жассс...

III.

Въ этотъ день „усмиритель“—старшій совѣтникъ N-скаго губернскаго правленія и начальникъ отряда — Тимашевъ, всталъ поздно съ не совсѣмъ здоровой отъ шумной и весело проведенной ночи головой, но съ спокойной и пріятной мыслью—какъ хорошо все идетъ!

Позади,—но это гдѣ-то тамъ, въ далекомъ прошломъ,—въ неуклюжемъ огромномъ зданіи губернской управы, съ узкими, темными и вѣчно-наслѣженными корридорами,—было когда-то жалкое его прозябаніе за канцелярскимъ съ чернильными пятнами столомъ, приниженное положеніе и зависть, огромная зависть ничтожества, и вѣчная рабская угодливость, трусость и лесть.

На минуту пепельно-морщинистое лицо совѣтника какъ-то странно-пріятно улыбнулось отъ далекаго воспоминанія. Въ головѣ его живо и быстро промелькнуло, какъ когда-то однажды вице-губернаторъ удостоилъ его, тогда еще ничтожнаго канцелярскаго писца, своего высокаго вниманія, попросивъ отнести женѣ билетъ въ театръ. Какъ обрадовался онъ тогда! Съ какой торопливостью бросился исполнить „милостивое“ порученіе! И какъ давно это было, какъ давно... Особенно далекимъ и смѣшнымъ было это воспоминаніе теперь... теперь, когда онъ достигъ уже завѣтныхъ ступеней!..

Было въ этомъ далекомъ прошломъ много-много мелкихъ униженій и уколовъ молодому, горячему самолюбію... Но вспоминать объ этомъ теперь, останавливаться на этомъ не хотѣлось, да и стоило ли, когда въ концѣ концовъ все вышло такъ хорошо... Его отличили, и онъ оправдаетъ надежды высшаго начальства и выполнитъ свой долгъ, не останавливаясь ни передъ какими строгостями: да и какъ же

иначе? Вѣдь и стыдно, да и не выгодно, не выполнить возложенныхъ задачъ.

И облеченный большой, страшно большой властью, онъ упивался теперь, захлебывался ею, рисовался ею передъ подвластными, ему одному подвластными людьми; рисовался и передъ казаками, рабски послушными и награждалъ ихъ народными, кровными деньгами, забавлялъ народными муками и тѣшилъ ихъ народными женами и дочерьми. И не знала удержу его власть...

Тамъ, въ городѣ, ограниченная твердыми управскими стѣнами, эта власть знала свои предѣлы, и не простиралась за сѣрыя, облупленныя колонны подъѣзда. Здѣсь же, на волѣ, въ просторныхъ снѣжныхъ поляхъ съ разбросанными кой-гдѣ деревеньками, — здѣсь терялась у совѣтника мѣра власти и желаній, и онѣ казались ему такими же безпредѣльными, какъ и эти далекіе и смутно-неясные горизонты, что за окномъ.

Сидя за утреннимъ чаемъ, Тимашевъ сладко и довольно улыбнулся отъ пріятнаго воспоминанія. Его обычно-тусклые, оловянные глаза зажглись огонькомъ, и сизо-сѣдыя впалыя щеки расширились отъ улыбки и покрылись рядомъ морщинъ. Онъ съ удовольствіемъ потеръ руки и подумалъ вслухъ: „А хороша, шельма!..“ Ему вспомнилась вчерашняя пьяная ночь и красивая, молодая баба, которую привели къ нему казаки. Тогда же тамъ, за дверью, послышались крики и ругательства, которые, впрочемъ, сейчасъ же, вслѣдъ за казачьими выстрѣлами, смолкли. Уже не первой была эта баба, но такой красивой у него еще не было. И даже когда кричала и билась она, онъ не позволилъ „пристрѣлить“ ее, какъ совѣтовалъ казачій офицеръ.

Утро было теперь такое славное, — сильно-морозное и очень снѣжное. Вкусенъ былъ чай, и радостно было воспоминанье. Пріятно также было думать о своей безграничной власти, о краткости приказаній и о томъ, что казаки такъ быстро понимаютъ ихъ и исполняютъ совсѣмъ играючи и такъ ловко. И еще пріятно было, что во власти его есть нѣчто,—такое большое-большое,—почти божеское: жизнь и смерть!

Было пріятно-радостно глядѣть сквозь запотѣлое отъ самовара окно на бѣлые хрупкіе сугробы съ синеватыми отливами въ тѣни, на прямо и одиноко-печально подымавшійся вверхъ дымокъ старшинскаго дома, на красиво опушенныя снѣгомъ деревья... И при видѣ косого солнечно-яркаго столба дрожащихъ и переливающихся морозныхъ искръ, — въ старѣвшее уже, хилое тѣло вливалось что-то бодрое, веселое и строгое, какъ и этотъ морозъ.

Хотѣлось двигаться, волноваться, кричать, приказывать,— и такъ досадно было, что приходится сидѣть „безъ дѣла", сложа руки и ждать отъ генералъ-губернатора какихъ-то новыхъ инструкцій.

Вошелъ казачій офицеръ съ изсиня-краснымъ изрытымъ оспой носомъ и тоненькими на немъ синими жилками, съ обрюзглымъ и наглымъ лицомъ, мутными, невыспанными глазами и длинными книзу опущенными усами. Поздоровавшись, они заговорили о томъ, что хорошо бы теперь на охоту, хорошо бы вообще поразмяться послѣ весело проведенной ночи, и какъ некстати это странное ожиданіе.

— Что жъ, дѣлать нечего, — сказалъ, досадливо морщась, совѣтникъ. — Пейте чай. Хотите рому? Эй, Зубковъ, достань тамъ изъ ящика бутылку. Да не тамъ... куда ты, дуракъ, лѣзешь—въ канцелярскомъ столѣ въ углу, ну!..

— А я уже признаться того...—говорилъ офицеръ, щелкая себя по шеѣ и закидывая голову. — Х-хо-хо... Сотникъ Долба, какъ говорится, опохмѣлился. Успѣлъ.

— Гдѣ же это?

— Та у батьки. Добрая у него настойка... — И онъ засмѣялся какимъ-то своимъ особымъ мыслямъ, а глаза вспыхнули яркимъ, страстнымъ огнемъ, — хо-хо-хо-хо... да и матушка... попадья тоже того... сдобная, чортъ меня возьми.

— Эге,—сладко-завистливо сказалъ совѣтникъ,—вы, я вижу, времени не теряете.

— Еще бы! Иванъ Долба не зѣваетъ... Ага! Такъ-то, ваше превосходительство,—развязно, подмигивая совѣтнику, отвѣчалъ офицеръ, и потомъ немного погодя тяжело и медленно прибавилъ: — Вотъ оно какъ: кто любитъ попа, а кто—попову дочку... Кажется, это я не то... ну, да чортъ съ нимъ... Скучно, чортъ побери совсѣмъ... Мужики попрятались. Кладбище, а не деревня... Поработали мои молодцы... Да, отлично. Попомнятъ насъ... Будутъ знать... Пускай вотъ теперь *почешутся*... небось, забудутъ про землю и про волю, — насмѣшливо-злобно говорилъ совѣтникъ, — а то... научились, и туда же... Ишь — „граж-да-не!"... „Потому — какъ слобода, знычить",—передразнивалъ совѣтникъ.—Нѣтъ, подумайте: дать этому народу волю, этимъ дикарямъ... Да вѣдь они истребятъ, уничтожатъ вся и всѣхъ! Нѣтъ, нѣтъ!.. нужна власть и власть, иначе...—и онъ не договорилъ, погрузившись въ облако дыма.

— И чортъ ихъ знаетъ,—вторилъ сотникъ,—чего они?.. Съ жиру бѣсятся, — панами захотѣли сдѣлаться... уравненія въ правахъ, свободы разныя... Ска-а-жите, пожалуйста,— тоже люди!.. Такъ нѣтъ же!—громко воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что жалобно задребезжала и

застонала посуда,—есть еще на Руси заступники... Не дадимъ жидамъ Россію, постоимъ!.. Вѣрно?..

И совсѣмъ особымъ, вкрадчивымъ голосомъ прибавилъ:

— А вы ужъ, ваше превосходительство, когда будете у генералъ-губернатора, не забудьте о моихъ молодцахъ... да и обо мнѣ кстати... хо-хо-хо... а, что? Сотникъ Долба и себя не забываетъ, — и, хлопая себя по лбу, прибавилъ: — Чортъ возьми, шарики у меня еще работаютъ!

— Непремѣнно, непремѣнно! Доложу, а какъ же...—говорилъ совѣтникъ, дымя сигарой.—А ну—выпьемъ, что ль?

— Отъ це дило!—подхватилъ офицеръ,—якъ говорятъ у насъ у Хохландіи... Знаете Хохландію?—И вдругъ, какъ бы что-то вспомнивъ, прибавилъ: — Эхъ, хорошо тамъ... Лѣтомъ—деревья... зелень... пыль, чортъ меня побери... бѣлыя мазанки... акаціи... А хохлушки... этакія коханки съ черными очинятами... Э-эхъ!..—щелкнулъ онъ пальцами, и голосъ его дрогнулъ. И вдругъ, схватившись со стула, прищелкивая каблуками и призванивая шпорами, запѣлъ:

Кину кожухъ на полыцю,
Сама пиду на улыцю.
Кину кожухъ...

но охмѣлѣвшій и усталый отъ вчерашней пьяной ночи, онъ сейчасъ же опустился на стулъ и, уткнувшись подбородкомъ, глядѣлъ куда-то вдаль. Лицо его совершенно преобразилось: оно казалось тихо-грустнымъ, а глаза смотрѣли куда-то печально и задумчиво... Куда?.. Туда, гдѣ такъ широка степь?.. гдѣ мазанки?.. и эти манящія... „чорніи очинята?..“

— Ну-у, это вы ужъ того... совсѣмъ изъ другой оперы, какъ говорится,—опомнившись, сказалъ удивленный совѣтникъ. — А что касается этихъ самыхъ „очинятъ“, то ихъ и здѣсь къ вашимъ услугамъ, сколько...

— Вѣррна! — хриплымъ голосомъ радостно воскликнулъ офицеръ. — Вѣррна, ваше превосходительство! А какую я вчера дѣв-чон-ку пой-ма-алъ...

Онъ началъ описывать свои похожденія. Совѣтникъ поддакивалъ ему. Потомъ оба вдругъ разомъ, словно сговорившись, замолчали, и стало тихо. И слышно было, какъ попыхивалъ и тонко-тонко посвистывалъ потухавшій самоваръ.

— А знаете что?—вдругъ ударяя себя по лбу, сказалъ сотникъ.—Сыграемъ въ карты.

— Вдвоемъ-то?

— Чего—вдвоемъ... Эге! Сотникъ Долба не дуракъ... А мы батьку за бока; на то онъ и попъ, чтобъ въ преферансъ

играть... Ужъ безъ этого не водится... Эге! шарики-то у меня еще, слава Богу, работаютъ.

Онъ выбѣжалъ на крыльцо въ одной тужуркѣ безъ шапки, съ краснымъ, потнымъ лицомъ, и крикнулъ:

— Эй ты, кто тамъ—Ковальчукъ, или ты, Балаба, бѣжи до батьки. Скажи—генералъ проситъ. Да бѣгомъ, чортъ тебя подери!

Черезъ полчаса они уже играли съ батюшкой въ преферансъ и подшучивали и издѣвались надъ нимъ, робкимъ, и, какъ и всѣ въ деревнѣ, напуганнымъ этими необычными для него жестокими и властными людьми...

— Бубны!—кричалъ сотникъ.

— Мои,—виновато и тихо говорилъ батюшка.

— Брось, батя, не торгуйся: противъ начальства не иди.. „Нѣсть бо не отъ"... или, какъ ты тамъ, прежде сказалъ? Х-хо-хо... То-то! — И, видя недоумѣлое и растерянное лицо батюшки, говорилъ:—Та я шучу, шучу... ну, твои и бери себѣ на доброе здоровьице...

Стоялъ облакомъ дымъ, кричалъ и громко хохоталъ офицеръ, и слышалось:

— Пики-невелики!—Бабенція, то, бишь, бубенція...

— Мои...

— Червоточина!

За окномъ молчала деревня.

IV.

Совѣтникъ Тимашевъ проснулся послѣ обѣда холодными зимними сумерками весь въ поту отъ тяжелаго, страшнаго сна. Билось у него страшно сердце, и грудь дышала часто-часто. Какой-то нехорошій, кошмарный сонъ видѣлся ему,— страшно запутанный, такъ что ничего въ отдѣльности нельзя было разобрать; но въ общемъ было въ немъ много страшнаго, нелѣпаго и непріятнаго, отъ чего оставался какой-то удручающій, нудный осадокъ.

„Гдѣ это я?—подумалъ совѣтникъ.—Ахъ, да... это волостное правленіе... въ деревнѣ".

Онъ протеръ глаза и повернулъ къ окну голову. Должно быть, на улицѣ стало совсѣмъ тепло, потому что окно оттаяло, и сквозь него совѣтникъ Тимашевъ увидѣлъ что-то фантастически-голубое, а по немъ совсѣмъ темныя и строго очерченныя тѣни, падавшія, должно быть, отъ незатѣйливаго крылечка. Онѣ лежали совсѣмъ черныя и до того неподвижныя, что казались крѣпко-накрѣпко прибитыми, поваленными.

— У-и-и-и...—тонко и жалобно завывалъ на дворѣ отор-

вавшійся желѣзный листъ, и потомъ сразу съ грохотомъ ударялся о крышу. Снова подымалъ его вѣтеръ, и онъ снова взвывалъ...

Все это завываніе, притаившіяся въ углахъ подъ столомъ и стульями потемки и неподвижно-черныя за окномъ тѣни,—все было для совѣтника необычно и какъ-то страшно, и отъ этого дѣлалось на душѣ тяжелѣе и холоднѣе, и сердце замирало, прислушиваясь къ зимне-сумеречной, подстерегающей тишинѣ.

Теперь не было уже у Тимашева того бодраго и безотчетно-радостнаго настроенія: казалось, оно исчезло вмѣстѣ съ солнечно-яркимъ свѣтомъ и пронизывавшимъ морозомъ. И была только усталость, неувѣренность и какая-то неопредѣленная, щемящая и нудная тоска.

— Вотъ еще какіе-то шумы слышатся... Что это? Гдѣ—на дворѣ или здѣсь? Старое сердце колотится часто, часто... Ахъ, да, это вѣдь сопитъ пьяный сотникъ! — обрадовался совѣтникъ.—Ну, да! и Зубковъ... конечно... Фу ты! Ишь какъ разнервничался. Съ чего бы это?.. Да... сонъ... Что это снилось? Ничего не разберешь... Фу-у, какъ скверно! Тоска...— Онъ зѣвнулъ, потянулся и задумался.—Надоѣло... Скорѣй бы дальше... А то совсѣмъ бы домой, въ городъ. Хорошо тамъ: кабинетъ, тепло, каминъ... Эхъ, служба, надо...

Какой-то яркій и острый лучъ воспоминанья пронзилъ вдругъ его мысли, и онъ совсѣмъ отчетливо и ясно вспомнилъ мелькнувшіе обрывки сна, и подумалъ: „Убьютъ они меня... Да-а... Та-а-акъ... Только вѣдь... — И сейчасъ же, какъ бы въ отвѣтъ на какой-то свой вопросъ, подумалъ:— Да, да, лучше теперь запороть, разстрѣлять 10, 20, чѣмъ потомъ сотни... такъ лучше!“

Онъ серьезно и глубоко вѣрилъ и думалъ, что онъ правъ, и что несправедливо называютъ его извергомъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что правительство возьметъ верхъ, побѣдитъ народъ, потому что... да потому, что это вопросъ его существованія!

„Вѣдь, въ сущности, и мнѣ всѣ эти исторіи,—думалъ онъ,—не въ радость... Вотъ я лежу теперь въ деревнѣ, чортъ знаетъ гдѣ... на твердомъ диванѣ... холодно, скучно, неудобно, одиноко... даже жутко... Зато повышеніе, награды! — вильнула змѣйкой радостная мысль. — Да и какъ же, — надо же не уронить себя... вѣдь изъ всѣхъ отличили... стыдно было бы... Убьютъ? Ну что же, — ничего не попишешь,—и Тимашевъ попробовалъ даже улыбнуться. Но вмѣсто улыбки въ глазахъ былъ холодный, жуткій страхъ.—Ну что жъ,—повторилъ онъ,—я—ихъ, они—меня...

кто сильнѣе, тотъ и... Эхъ-хо-хо...—тихо и сладко зѣвнулъ онъ и подумалъ:—Жизнь хотятъ передѣлать... посмотримъ: плетью обуха... Ну и пусть гибнутъ... и мужики... сами же виноваты..."

Онъ лежалъ и думалъ о своей новой миссіи; которая была и выгодна и, вмѣстѣ, опасна.

„Смерть... умру... Страшно это... Сердце какъ бьется!.. Надо бы крикнуть Зубкова—зажегъ бы огонь: жутко"... Онъ хотѣлъ было выйти позвать сотскаго, но лѣнь было подняться. А мысли все тянулись.

„Въ прошломъ году все спокойно было, дома былъ, а теперь... не разберешь—каша какая-то... Въ деревню попалъ... Чортъ возьми—непонятно... Ишь, какъ визжитъ... фу, какъ... непріятно... Позвать бы Зубкова"...

Онъ хотѣлъ было уже кликнуть сотскаго, какъ вдругъ послышались глухіе голоса и тупой топотъ въ сѣняхъ: должно быть, отбивали снѣгъ съ сапогъ. Совѣтникъ приподнялся и застылъ въ такомъ положеніи. Въ первую минуту отъ неожиданнаго глухого шума у него захватило дыханіе и непріятный холодъ охватилъ его, но потомъ, сообразивъ, что это, вѣроятно, караульные казаки, совѣтникъ успокоился и даже обрадовался, что онъ не одинъ и сейчасъ услышитъ людской голосъ.

Дверь съ трудомъ отперлась, и послышался сиплый, простуженный голосъ казака:

— Погоди, стой тутъ!—говорилъ онъ кому-то,—надо соцкаго кликнуть, пущай доложитъ.—Затѣмъ, сильно хлопнувъ дверью, такъ что задрожали стекла, онъ началъ шарить и тихо звать:

— Эй, соцкій, гдѣ ты?.. подь-ка сюды.

„Что это тамъ?" думалъ совѣтникъ, но все еще лѣнился встать.

— Ды экой ты, братецъ, безпонятный,—слышался снова голосъ казака,—говорятъ же тебѣ—отъ генерала-губернатора... инструкцея... Ды слышь ты,—сердито дергалъ онъ разбуженнаго Зубкова за рукавъ:—очнись, отъ генер...

Обрадованный совѣтникъ уже вскочилъ и быстро, запахивая на ходу полы, прошелъ черезъ канцелярію въ прихожую.

— Здравія желаю, ваше-ство!—гаркнулъ казакъ.

— Здорово, братецъ! Что? отъ генералъ-губернатора? гдѣ?

— Такъ точно, ваше-ство! прикажите позвать?

— Зови, зови!

— Эй, иди сюды,—крикнулъ казакъ, отворивъ дверь, отъ чего комната наполнилась холодомъ и сѣдыми клубами пара,—ды смотри ноги-то пооббей, а то снѣгу натащищь.

Вошелъ весь сѣдой отъ снѣга стражникъ, въ башлыкѣ и валенкахъ, и поздоровался.

— Отъ генералъ-губернатора?—радостно спросилъ совѣтникъ.—Ну, давай, давай скорѣй.

— Сейчасъ!—отвѣтилъ стражникъ.

Онъ чуть замѣтно шевельнулъ рукой, въ которой блеснуло что-то маленькое и черное. И вдругъ страшно громко и сухо прогремѣли выстрѣлы одинъ за другимъ.

Все это было такъ неожиданно и такъ всѣхъ ошарашило, что въ первый моментъ никто не двинулся съ мѣста. И только, когда совѣтникъ, схватившись за животъ, завизжалъ и присѣлъ на корточки, только тогда всѣ—казаки, сотскій и разбуженный, испуганный выстрѣлами офицеръ закричали и набросились на Грядунова, который все продолжалъ стрѣлять, пока казакъ не ошеломилъ его прикладомъ.

V.

За время сидѣнія въ тюрьмѣ, въ тѣ тоскливые, непомѣрно-долгіе дни Грядуновъ уже свыкся съ мыслью о предстоявшей смерти, и когда въ этотъ очень свѣтлый и, по-настоящему, весенній день, стоялъ онъ въ залѣ суда, щурясь отъ яркаго свѣта, и до слуха его донеслось:... „а потому, на основаніи... мѣщанинъ... Сергѣй... къ смертной казни черезъ повѣшеніе"...—это не произвело на него особаго впечатлѣнія, и казалось ему, будто онъ уже слыхалъ это давно. Только на одну секунду при словѣ: „къ смертной", почувствовалъ онъ гдѣ-то внизу тонкое и острое колотье и показалось ему, будто тамъ оборвалось что-то. Но было это одинъ только мигъ, и уже въ слѣдующій думалъ Грядуновъ о томъ, какъ ярко, до боли ярко искрится и брызжетъ золотыми пылинками пуговица на мундирѣ предсѣдателя-генерала.

И когда вели его потомъ подъ сильнымъ конвоемъ съ голыми, ослѣпительно-блещущими на солнцѣ, шашками, онъ все никакъ не могъ вдуматься и ясно ощутить тотъ глубокій, ужаса полный смыслъ приговора, и думалось, что все только что происшедшее въ судебной залѣ,—неправда, тяжелый, нехорошій сонъ, и что правда прекрасная, свѣтлая правда,—здѣсь, гдѣ такъ глубоко синее небо, и гдѣ весна такъ бурлитъ и манитъ весенними призывами своими! Думалось о веснѣ, о радостной, теплой веснѣ на родинѣ, объ Анютѣ... и трудно было себѣ представить, что уже въ послѣдній разъ идетъ онъ по улицѣ,—до того это не вязалось съ жизнью, шумно и весело рождавшейся вокругъ!

И только теперь вечеромъ, когда сверху, изъ маленькаго рѣшетчатаго окна скользила, все укорачиваясь, свѣтлая полоска уже заходящаго солнца, только теперь почувствовалъ Грядуновъ, что нѣчто страшно-дорогое и важное потеряно, и потеряно навсегда. И такъ больно-больно заныло въ груди; и оттого, что такъ безысходно-больно стало, что-то теплое и солоноватое подступило къ горлу, и Грядуновъ какъ-то сдавлено и странно-тоскливо, простоналъ:

— А-а-а...

И махнулъ безнадежно рукой.

Онъ не зналъ, когда его повѣсятъ—черезъ день ли, черезъ два, три... зналъ лишь, что можетъ это случиться и завтра, и потому надо спѣшить, спѣшить... Надо обо всемъ, обо всемъ передумать,—и какъ много думъ пришло теперь сразу въ голову, какъ много! Разомъ взбудораженныя, онѣ закопошились, затолкались другъ о дружку и похожи были на потревоженный рой.

„Надо написать, — думалъ Грядуновъ, — товарищамъ... еще кому? домой? да, домой. А еще... кому еще? Ахъ да—Анютѣ, конечно, Анютѣ! Какъ же это я... конечно, Анютѣ"... — И такъ радостно стало у него на душѣ, такъ тепло...

„Только съ кѣмъ передать ей письмо?—думалъ онъ.—Ну да это какъ-нибудь устроится".

„Писать, писать, писать!.." — радовался онъ, и долго шагалъ по камерѣ, и все думалъ, думалъ, какъ напишетъ ей обо всемъ, обо всемъ, и о томъ, чего ни разу не высказалъ ей въ глаза; и отъ этого сердце его переполнилось бурно-счастливой радостью. Но когда принялся за письмо, досадно было, что тѣ красивыя, ласковыя слова и глубокія, важныя мысли не выходятъ на бумагѣ такими, какими рождались онѣ въ головѣ.

...„Знаете, Анюта,—писалъ онъ,—бываютъ иногда минуты, когда оглянешься назадъ, на прожитые годы, и такъ тяжко становится тогда...

„Вотъ и я сегодня оглянулся назадъ, на прошлое, а тамъ такія дивныя воспоминанья, такія радостно-печальныя... Впрочемъ, можетъ быть, это только кажутся они мнѣ теперь такими, потому что они—отрывокъ прошлаго, былого... Повѣяло на меня поэзіей прошлаго, и грустно стало мнѣ.

„Помните наши частые разговоры о счастьи, о томъ, гдѣ оно, вѣчно-манящее, неуловимое? въ чемъ?.. Теперь я знаю уже, въ чемъ оно. Я счастливъ, и за это плачу теперь, правда, дорого, очень дорого.

„Хочется мнѣ еще сказать вамъ, Анюта, вотъ что.

„Я всегда прислушивался къ вамъ и дорожилъ вашимъ

мнѣніемъ, потому что вы не похожи на другихъ—вы такая тонкая и чуткая. И вотъ, вы помните тотъ послѣдній вечеръ?.. Я нарочно тогда много говорилъ о томъ, что теперь уже сдѣлано. Конечно, для меня лично вопросъ о необходимости предстоявшаго убійства всегда былъ ясенъ, и безповоротно рѣшенъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы и вы согласились со мной и поняли бы, что этихъ убійствъ мы и сами не хотимъ, и виноваты не мы—насъ вызываютъ на это, и иныхъ выходовъ нѣтъ... Поймите, дорогая, вѣдь это такъ ясно!..

„Жизнь идетъ впередъ, голубушка, она становится все болѣе и болѣе красивой, и она будетъ, и должна быть прекрасной! Когда—это ужъ другой вопросъ. Но мы знаемъ, что прежней рабской жизни конецъ. Нужны новыя основы, новые принципы, новыя формы, они—въ соціальномъ равенствѣ, въ полной свободѣ и духа, и тѣла. Къ этому мы и стремимся. И отдадимъ, какъ и отдавали другіе прежде, наши жизни, если онѣ потребуются, но не остановимся, и будемъ идти до конца.

„Досадно, вотъ, только и обидно мнѣ—какъ глупо, жестоко и нелѣпо устроена наша теперешняя жизнь, эта тяжелая, нескладная жизнь! И еще обиднѣе было мнѣ сегодня, когда вели меня по шумной весенней улицѣ и когда думалъ я, какой богатой и красивой могла бы она быть!

„Я не буду притворяться, Анюта,—жить хочется, страстно хочется жить, и еще хочется работать, радоваться, бороться... такъ хочется жить, что смерть кажется мнѣ неправдой, невозможной...

„Странно, Анюта: я приговоренъ къ смерти, я пробовалъ уже нѣсколько разъ представить себѣ ужасъ смерти, но представленіе блѣдно, пожалуй, даже и совсѣмъ его нѣтъ. Я не могу сѐбѣ представить, какъ это здоровый, совершенно здоровый человѣкъ, жаждущій жизни и радостей, вдругъ по чужой волѣ становится мертвымъ... мертвымъ!.. нѣтъ, я этого не понимаю!.. Въ сущности, это понятіе—„элементарное“, какъ, помните, говаривали вы, и должно быть, поэтому оно и непостижимо, необъятно, да...

„Какъ хотѣлось бы повидать теперь васъ, поговорить съ вами, потолковать. Помните, какъ мы, бывало, спорили съ вами, какъ „обдирали“ при этомъ другъ друга? Ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело, Анюта, когда такъ молодъ и хочется еще жить, волноваться, бороться!.. Хорошо было когда-то... Да-а!

„Помните, однажды весной,—это было года три назадъ... Мы долго спорили о чемъ-то... кажется, о литературѣ, и „обдирали“ при этомъ другъ друга. А потомъ вы и вашъ

братъ пошли меня провожать. Была совсѣмъ весенняя ночь (должно быть, и теперь же); луна была такая ясная и печально-одинокая. Земля была мягкая, влажная, и тѣни на ней-рѣзкія, отчетливыя. Должно быть, мы всѣ утомились споромъ, потому что молчали и лишь изрѣдка перекидывались незначительными словами и тихо, тихо, точно боялись спугнуть что-то притаившееся... Я шелъ рядомъ съ вами, глядѣлъ на васъ, на непокрытую вашу головку, странно-свѣтлые отъ луны волосы, и думалъ: „Боже мой, какъ она мнѣ мила, какъ дорога"! И такъ тихо-радостно было у меня на душѣ, и хотѣлось лишь одного: сказать вамъ что-либо хорошее, теплое... Давно это было, давно...

„Чувства были тонки и нѣжны...

„А это помните, какъ мы съ вами гуляли какъ-то вечеромъ по полю, читали „Грѣшницу" Толстого? Тогда еще на межѣ попался намъ лошадиный черепъ... и съ деревни издалека доносился чей-то дѣтскій плачъ... Почему всѣ эти подробности вспомнились мнѣ теперь? Не знаю. Знаю только, что уже тогда были вы мнѣ дороги, и я, бывало, утромъ вставалъ съ радостной мыслью о васъ, о томъ, какъ я увижу васъ, ваши вдумчивые глаза, блѣдное, строго-милое лицо, и буду слушать васъ, такую умную и чуткую.

„А помните наше любимое мѣсто изъ стихотворенія Толстого... забылъ заглавіе...

Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи,
Въ нихъ разсказъ, удивительно-лживый,
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть,
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья.

„Грустно, Анюта, грустно... Лучше бъ не вспоминать!

„Да... Чувства были тонки и нѣжны...

. . . .

„Прощайте, Анюта! Мнѣ больно, что все такъ жестоко сложилось, но мнѣ и легко при мысли, что такъ и должно быть, и въ этомъ я твердо увѣренъ. Философія—одно, а жизнь, эта наша жестокая и несуразная жизнь,—другое, и сильнѣе она.

„Когда человѣчество дойдетъ до высшей правды, когда не надо будетъ ни убивать, ни казнить, когда не будетъ этихъ неумолимыхъ законовъ теперешней жизни,—какое это будетъ счастливое время!

„На прощанье хочется мнѣ сказать вамъ Анюта вотъ

что: я счастливъ, но былъ бы еще болѣе счастливъ, если бы зналъ, что и вы пойдете по тому же пути, съ котораго—противъ воли—я долженъ сойти. Вдумайтесь хорошенько, голубушка, въ мои слова и вѣрьте, что жизнь, прекрасная, свѣтлая жизнь за нами, мы побѣдимъ!

„Крѣпко-крѣпко жму вашу добрую, милую руку. Прощайте, Анюта! Вѣрьте и идите!

С. Г.

„P. S. Когда на меня вскинутъ петлю, въ эту послѣднюю мою минуту я буду помнить о васъ, родная моя!"

VI.

Лежитъ онъ въ родномъ саду на травѣ, надъ головой качаются говорливыя липы, скрадывая и развертывая клочекъ свѣтло-голубого, далекаго неба, и живетъ садъ своимъ веселымъ дневнымъ шумомъ. Это—любимое мѣсто Грядунова. Если подняться и спуститься отсюда внизъ по аллеѣ, то можно видѣть рѣку, плотину и мѣловые косогоры, совсѣмъ отчетливо отражающіеся въ тихой водѣ. Грядуновъ встаетъ и идетъ внизъ къ рѣкѣ, но аллея все углубляется и растетъ, растетъ... и ужъ вовсе это не аллея, а безконечно-длинный каменный сѣрый ящикъ, постепенно суживающійся со всѣхъ сторонъ. Тамъ, вдали, знаетъ Грядуновъ, стоитъ и ждетъ его съ протянутыми руками Анюта, чудная и милая Анюта. Откуда-то свистятъ пули. Страшно темно. Часто попадаются солдаты, такіе же сѣрые, какъ и стѣнки ящика. Трещатъ сухіе отрывистые выстрѣлы. Грядуновъ хочетъ скорѣе подойти къ Анютѣ, но тьмѣ и ящику нѣтъ конца. И все солдаты, солдаты... и огоньки безпрерывно мелькаютъ. Онъ хочетъ бѣжать, но ноги подкашиваются и передвигаются страшно-медленно, точно вязнутъ. Онъ падаетъ отъ безсилія и холоднаго страха, и кто-то тормошитъ и тащитъ его.

— Экъ его, какъ спитъ-то!—сквозь сонъ слышитъ Грядуновъ, расталкиваемый тюремщиками.—Будто праздникъ какой... Ну, вставать, вставать!

Грядуновъ думалъ, что все это еще сонъ, и когда очнулся, увидѣлъ и понялъ, что это ужасъ, самъ ужасъ пришелъ за нимъ,—похолодѣлъ онъ, засверлили вдругъ гдѣ-то въ затылкѣ острыя, раскаленныя крупинки и посыпались по спинѣ и рукамъ.

Хотя Грядунову сказали, что его требуютъ въ контору на какой-то новый допросъ, но онъ сразу понялъ, что ведутъ его не туда, а къ узкому загороженному темному про-

стѣнку между сараемъ и конторой, къ тому самому, который видѣлъ онъ во время прогулокъ.

Было еще очень рано, еще не всходило солнце. И холодно было. Стоялъ предъутренній легкій весенній морозецъ. И лужицы на дворѣ были бѣлыя, стекляныя. И глядя и ступая по нимъ, сразу вспомнилъ Грядуновъ вагонъ, ночь... и свои мысли о веснѣ на родинѣ... И какъ-то странно, мечтательно улыбнулся.

* * *

Я дорогой невинной и смѣлою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и дѣлаю,—
Вотъ свобода моя.

Научитесь хотѣнью упорному,
Наберитесь ликующихъ силъ,
Чтобъ зовущій къ пристанищу черному
Васъ косой не скосилъ;

И повѣрьте великимъ вѣщаніямъ,
Что свобода не вѣдаетъ зла,
Что она только яснымъ желаніямъ
Силу жизни дала.

Ѳедоръ Сологубъ.

Хула солнцу.

Внемли рабу, жестокое, святое,
Далекое словамъ добра и зла:
Жизнь безъ тебя—не жизнь, а смерть и мгла,
Но, свѣтлый царь, но, солнце золотое,
Внемли рабу: тебѣ—его хула.

За то, что ты свѣтло глядишь на трупы,
Что трупами питаешь ты цвѣты,
Что пламя льешь на голые уступы,
А къ намъ, живымъ, въ плѣну у нищеты,
Твои лучи, какъ скряги, злы и скупы,—

За то, что ты—могущество и власть,
За то, что ты, безстрастное отъ вѣка,
Горишь свѣтло убійцамъ человѣка,—
Я, блѣдный рабъ, пигмей, полукалѣка,
Я, человѣкъ,—готовъ тебя проклясть.

Внемли рабу, могучее, святое:
Своей хулы обратно не верну.
Я провожу печальную весну
И въ полдень свой, о, солнце золотое,
О, свѣтлый царь, тебя я прокляну.

А. Рославлевъ.

На табачной фабрикѣ.

Повѣсть А. Грушецкаго.

Переводъ съ польскаго А. Брумбергъ.

I.

Какъ всегда по вечерамъ, такъ и въ субботу служанки собрались въ корридорѣ большого трехъэтажнаго дома, дворъ котораго былъ со всѣхъ сторонъ застроенъ флигелями, чтобы поговорить о самыхъ важныхъ дѣлахъ своихъ хозяевъ и сосѣдей.

Сегодня разговоръ былъ особенно оживленный, такъ какъ сапожникъ Янъ Петрушка, живущій въ нижнемъ этажѣ поперечнаго флигеля, поссорившись съ женой, къ немалому удивленію, всѣхъ жильцовъ ударилъ ее потягомъ.

— Вы слышали?—крикнула кухарка изъ второго этажа, обращаясь къ входящей въ ворота работницѣ съ галстучной фабрики,—вы слышали, какіе у насъ ужасы творятся?

— Что случилось? — Она поправляла свой платокъ, который соскользнулъ съ плечъ.

— Ужасы, говорю вамъ... весь дворъ былъ полонъ шума и криковъ, даже у меня въ кухнѣ слышны были удары...

— Что же случилось? Напали на кого-нибудь? убили?

— Вотъ я вамъ сейчасъ все разскажу,—вмѣшалась Маріанна, прислуга изъ праваго флигеля, — только я одна собственными глазами видѣла, какъ все это происходило.

Кухарка возмутилась, что ее перебили, и, вспыливъ, крикнула:

— Могла бы держать языкъ за зубами и оставить сплетни, когда видишь, что другой началъ разсказывать дѣйствительную исторію.

— Смотрите только,—обидѣлась Маріанна,—отъ меня же узнала обо всемъ, а теперь задается своей дѣйствительной исторіей.

— Будетъ вамъ ссориться,—вмѣшалась третья,—ужъ и безъ того достаточно скандалу изъ-за этого мерзкаго сапожника.

— И я говорю то же, — сказала кухарка, — но я какъ разъ начала...

— Значитъ, рѣчь идетъ о сапожникѣ? — прервала галстучница,—тогда я ужъ знаю, вѣрно, ругался...

— Если бъ только это! — воскликнула Маріанна,—онъ избилъ жену... прямо ужасъ!

— Я сама видѣла синяки,—залилась кухарка.

— Ну, ну, удивительно... вѣдь сегодня только суббота,—говорила работница.

— То то что суббота, да еще и вечера нѣтъ, что же будетъ позже? — жаловалась кухарка.—И такой мерзавецъ бьетъ свою жену, мать своихъ дѣтей!..

— Четверо ихъ у него, милая моя,—заявила Маріанна.

— Ужъ я бъ ему задала, еслибъ онъ былъ моимъ мужемъ!—сжимала кулаки кухарка.

Остальныя женщины многозначительно и насмѣшливо переглянулись—кухарка была уже въ лѣтахъ и некрасива.

Начались подробные разсказы обо всемъ, происшедшемъ между супругами, и всѣ такъ увлеклись разговоромъ, что не обратили вниманія на лакея изъ сосѣдняго дома Франциשка, который съ гордой усмѣшкой на бритомъ лицѣ вошелъ въ небольшой темный дворъ, изрытый рынштоками и покрытый кучками чахоточныхъ кустовъ, никогда не видавшихъ солнечныхъ лучей.

На этомъ дворѣ, въ который свѣтъ падалъ только изъ незавѣшанныхъ оконъ, собиралось болѣе молодое романтично-настроенное общество, душой котораго была горничная домохозяина съ перваго этажа Марцыся, довольно красивая и очень кокетливая шатенка.

Въ тотъ моментъ, когда во дворъ входилъ лакей Францишекъ, Марцыся обсуждала только-что происшедшее со своей пріятельницей Стасей, работавшей въ бѣлошвейной мастерской.

— О чемъ это барышни разговариваютъ?—съ легкимъ поклономъ спросилъ лакей, приближаясь къ бесѣдующимъ около клумбы.—Держу пари, о кавалерахъ.

— Есть, о комъ говорить! — громко разсмѣялась Марцыся, а она знала, что смѣется красиво. — Я какъ разъ только-что доказывала Стасѣ, что всѣ мужчины—негодяи, злюки, недостойны завязать намъ ботинки.

— Пусть только панна Марцыся позволитъ, и я завяжу не только ботинки, но и подвязки,—разсмѣялся онъ.

— Обойдемся и безъ вашей помощи,—надулась она,— развязывайте этимъ шлюхамъ съ третьяго этажа.

— Извѣстное дѣло, что барышни сердятся, когда мы, мужчины, отгадываемъ ихъ мысли.

— Пойдемъ ужъ, Стася, — взяла она подъ руку свою товарку,—панъ Францишекъ, вѣрно, въ Звѣринцѣ научился такимъ красивымъ комплиментамъ,—язвительно, прибавила она, уходя въ глубь двора.

— Панна Марцыся не понимаетъ шутокъ,—сказалъ онъ съ достоинствомъ, не оставляя дѣвушекъ,—мы это называемъ флиртомъ.

— Вотъ еще новость,—пожала она плечами,—провинились, панъ Францишекъ, такъ ужъ лучше сознайтесь,—говоря это, она стала въ наиболѣе освѣщенной части двора и ласково посмотрѣла на кавалера.

— Могу извиниться, сдѣлайте одолженіе, но это не комплиментъ изъ Звѣринца, а флиртъ.

— Что это за дикое слово? — разсмѣялась Стася.—Въ жизни своей не слыхала.

— Неудивительно,—презрительно улыбнулся онъ,—это самая новая вещь.

— Откуда же панъ Францишекъ знаетъ про такую диковинную новость? — начала насмѣхаться Марцыся, заинтересованная новымъ словомъ.

Лакей вложилъ обѣ руки въ карманы брюкъ, гордо надулъ бритую губу и, цѣдя слова сквозь зубы, отвѣтилъ:

— Третьяго дня у насъ былъ графъ Бруно и сказалъ, что въ салонахъ теперь самая модная вещь—флиртъ.

— Говорите же по-человѣчески, панъ Францишекъ, что жъ это за звѣрь?

— Какъ бы это вамъ объяснить, панны?

— Да просто!—разсмѣялась горничная.

— Это такъ,—началъ онъ съ важностью, — онъ ей говоритъ то, а она ему это... а все это вмѣстѣ какъ бы къ этому, такъ мнѣ объяснялъ мой панъ...

— Да къ чему?—спросила она, стрѣляя глазами.

— Онъ будто ухаживаетъ, а она будто слушаетъ...

— И смѣется надъ тѣмъ и этимъ,—весело разсмѣялась Марцыся.

— Въ томъ-то и дѣло, чтобы не обижаться и не говорить о Звѣринцѣ, какъ панна Марцыся.

— Боже милосердный,—разсмѣялась послѣдняя,—вѣдь люди всегда такъ говорили и не было этого чудовищнаго названія... Говорили одни такъ, другіе этакъ, какъ кому хотѣлось.

— Можетъ, и было нѣчто подобное, но это не то, что теперь въ модѣ.

— Эхъ, что мнѣ тамъ мода! — презрительно отозвалась Стася,—самая лучшая мода—говорить правду безъ всякихъ обмановъ.

— Да, да!—разсмѣялась Марцыся,— до вѣнца всякій и мягокъ и податливъ, а послѣ вѣнца дерется, какъ этотъ вотъ сапожникъ,—и она указала на освѣщенныя окна партера.

— Не смѣшивайте, панна Марцыся, благовоспитанныхъ людей съ этой голытьбой.

— О, позвольте! — воскликнула Стася, покраснѣвъ,— ремесленникъ—такой же человѣкъ, какъ и всякій другой...

— Я не удивляюсь, что вы хвалите ремесленниковъ,— улыбнулся онъ насмѣшливо,—всякаго къ своему тянетъ.

Это былъ намекъ не только на то, что покойный отецъ Стаси былъ рыбакомъ, но и на ея симпатію къ подмастерью столяра, работавшему въ томъ же самомъ флигелѣ.

Свѣтъ какъ разъ падалъ на лицо дѣвушекъ, и видно было, какъ Стася покраснѣла, и въ стальныхъ глазахъ ея блеснулъ огонекъ возмущенія. Помолчавъ немного, она язвительно прибавила:

— Ремесленникъ самъ себѣ хозяинъ, а слуга все-таки слуга.

Слова эти непріятно поразили какъ лакея, такъ и горничную. Францишекъ даже вздрогнулъ и сказалъ строгимъ тономъ:

— Панна Стася понимаетъ въ этомъ столько же, сколько курица въ перцѣ. Еще молоко на губахъ не обсохло, а вы ужъ хотите людей разуму учить.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ молодой шатенъ въ рабочей блузѣ и весело сказалъ:

— Завтра гулянье съ танцами, пойдете, барышни? Весело будетъ, а о погодѣ безпокоиться нечего.

— Гдѣ гулянье? сколько за входъ? — живо спросила горничная.

— Въ Краковскомъ паркѣ, по двадцати геллеровъ съ человѣка.

— Завтра мой выходной день... Я пошла бы въ паркъ,— и она выразительно посмотрѣла на молчавшаго лакея.

— Г-мъ, не знаю,—медленно сказалъ Францишекъ,— надо будетъ узнать, какое тамъ общество.

— Ну, не магнаты, не графы,—насмѣхался молодой ремесленникъ,—но люди веселья и утѣхъ... А вы пойдете?— обратился онъ къ Стасѣ.

— Не знаю... можетъ быть,—и въ голосѣ ея слышалось сильное желаніе пойти.

— Пойдемте,—уговаривалъ молодой человѣкъ,—я покупаю билетъ...

— Я не хочу вашего билета,—отвернулась она, покраснѣвъ,—если пойду, то за собственныя деньги.

— Что за церемоніи, панна Стася!—разсмѣялся онъ.—Вѣдь у васъ лишнихъ нѣтъ, а мы съ вами ужъ пять лѣтъ знакомы...

— О, не пять,—возразила она живо,—всего годъ, какъ говоримъ другъ съ другомъ.

— Да о чемъ же мнѣ было разговаривать съ такой крошкой?—разсмѣялся онъ.—Ну, пойдемте, панна.

— Я спрошу маму,—отвѣтила она уклончиво.

— Ахъ, какъ несетъ клеемъ.

Лакей сморщилъ носъ, презрительно глядя на подмастерье. Тотъ понялъ намекъ, покраснѣлъ, блеснулъ глазами и съ раздраженіемъ сказалъ:

— Лучше свой клей, чѣмъ чужіе духи.

— Это въ мой огородъ?—возмутился лакей.

— Я не зналъ, что вы употребляете чужіе духи,—разсмѣялся онъ.

— Не чужіе, а собственные.

— А вы пойдете на гулянье, панъ Францишекъ?—спросила горничная, желая замять ссору.

— Съ вами, панна Марцыся, хоть на край свѣта,—отвѣтилъ онъ вѣжливо,—такъ какъ я люблю только благовоспитанное общество.

— Ну и прекрасно, такъ пойдемъ, Стася, да?

— Не знаю еще, — и, наклонившись къ уху товарки, она шепнула:—Мнѣ не на что пойти.

— Я тебя ссужу,—а вслухъ она прибавила:—Стася тоже пойдетъ.

— Стася! Стася!—раздался голосъ изъ окна партера.

— Сейчасъ, мама,—отвѣтила она,—спокойной ночи, Марцыся, спокойной ночи, господа.—Она поклонилась.

— До свиданья, — весело отвѣтилъ подмастерье, — въ три часа въ паркѣ.

— Хорошо, хорошо,—бросила она на ходу. По нѣсколькимъ ступенькамъ поднялась на деревянное крылечко, съ котораго полустеклянная дверь вела непосредственно въ комнату, освѣщенную маленькой стѣнной лампочкой. Мать, занятая при маленькой плитѣ въ углу комнаты, обернула къ ней свое поблекшее, измученное лицо:

— Чѣмъ заниматься разговорами, ты бы лучше помогла дома... Полъ еще не мытъ, дѣти голодны...

— Мнѣ немного свѣжимъ воздухомъ подышать хотѣлось,—отвѣтила Стася, снимая съ себя свѣтлую блузку.

— Не говорила бы ты глупостей! Что тамъ за свѣжій воздухъ—отъ ринштоковъ прямо въ носу деретъ,—сказала мать, раздосадованная.

— А я, мама, предпочитаю дворъ нашей комнатѣ,— отозвался шестилѣтній Ясь, сидѣвшій въ углу обтрепаннаго дивана.

— Ты глупенькій, тебя никто не спрашиваетъ.

Между тѣмъ Стася переодѣлась въ поношенную юбку и кофточку и, подходя къ матери, спросила:

— Что мнѣ дѣлать?

Въ полосѣ свѣта, падавшей отъ лампы, вырисовывалось молодое блѣдное лицо, красиво очерченныя губы, бѣлый, гладкій лобъ и темныя брови, изъ-подъ которыхъ блестѣли красивые, выразительные глаза цвѣта стали. Пышные, темнорусые волосы были сколоты на затылкѣ.

— Какъ только вскипитъ вода, ты мнѣ поможешь вымыть полъ — вѣдь завтра воскресенье. Я пока-что приготовлю ложки и тарелки... А что это Юльки не видать... что же это можетъ быть?—безпокоилась она о младшей дочери.

— Она, вѣрно, гдѣ-нибудь заболталась,—отвѣтила Стася равнодушно, вынимая тарелки изъ шкафчика.

Въ это время въ комнату вбѣжала, вся запыхавшись, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, шатенка, худая, чрезмѣрно высокая для своего возраста. Поцѣловавъ руку матери, она сказала:

— Меня заставили убрать мастерскую, — она старательно складывала платокъ, — еле справилась: сору цѣлый возъ.

— Нѣтъ ужъ тамъ постарше тебя, что тебѣ этакую работу дѣлать?—ворчала мать.

— Моя была очередь... Что же дѣлать, я должна быть послушна,—вздохнула она.

— Еслибъ тебѣ хоть платили по-человѣчески,—говорила мать съ горечью, — а то четыре кроны за цѣлый мѣсяцъ работы.

— Хорошо было бы, еслибъ она хоть эти четыре кроны домой приносила, а то она Богъ вѣсть сколько штрафу за порченый матеріалъ переплатитъ, а это потому, что не о работѣ, а о разныхъ глупостяхъ думаетъ, — сказала Стася.

— А ты вначалѣ не портила?—крикнула Юлька раздраженнымъ голосомъ. — А сколько ты переплатила за иголки, за нитки, за матеріалъ?..

— Все-таки меньше, чѣмъ ты!

— Тише, не ссорьтесь,—вмѣшалась мать, ставя на столъ дымящійся горшокъ.

— Стася, подай лампу на столъ.

Она разлила всѣмъ супъ, а для себя оставила въ горшкѣ. Стася заглянула въ горшокъ.

— Мама для себя почти ничего не оставила, какъ же это такъ!

— Я сегодня не голодна, я только страшно устала... у меня что-то такъ руки ломитъ, что я еле стирку закончила.

— Пусть только я стану подмастерьемъ, отдохнетъ тогда мама, — весело отвѣтилъ Ясь, съ аппетитомъ съѣдая свой супъ.

— Стася, а ты почему не кушаешь? Не нравится тебѣ?

— Сало ей зубки колетъ,—разсмѣялась Юлька,—маслица захотѣлось ей!

— Я бы не ѣла, еслибъ онъ даже съ молокомъ былъ... а ты, Юлька, ко мнѣ не приставай, ты знаешь, что я этого не люблю.

— Очень мнѣ это важно,—проворчала она.

— А Яцуся ты не видѣла, Стася?

— Я шла по площадкѣ, а не по Славковской, такъ я его и не встрѣтила.

— Онъ, вѣрно, завтра за бѣльемъ придетъ, — сказала мать, убирая со стола. — Посмотри, Стася, цѣло ли бѣлье, не надо ли пуговицъ пришить, а полъ я ужъ сама вымою.

— Такъ я помогу мамѣ,—воскликнула Юлька.

— Э, слаба ты еще для этакой работы, вотъ вымой посуду да горшка не разбей.

— Я и это сдѣлаю и мамѣ помогу,—сказала она, вставая со стула.

— А я что буду дѣлать?—спросилъ Ясь.

— Я тебѣ сейчасъ постелю, иди спать, не мѣшай.

— Э, успѣю еще, я еще пробѣгусь, — отвѣтилъ онъ, зѣвая.

— Не смѣй,—сказала мать строго,—ужъ и такъ цѣлый день шляешься.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ, — отвѣтилъ онъ спокойно, — лягу ужъ, постелите только.

Стася, придвинувъ къ себѣ лампу, стала поправлять бѣлье Яцуся, десятилѣтняго брата, который былъ въ обученіи у слесаря; Юлька мыла посуду, а мать застилала диванъ для младшаго своего сына Яся.

Небольшая комната безъ окна — стеклянная дверь замѣняла окно — вся была заставлена скромной мебелью. Двѣ кровати, диванъ, сосновый шкафчикъ, столъ, нѣсколько стульевъ, два сундука и плита въ углу заполняли всю комнату, такъ что незанятымъ оставалось лишь небольшое пространство посрединѣ.

Нѣкоторое время всѣ молчали, потомъ Стася сказала:

— Знаете, мама, завтра гулянье въ Краковскомъ паркѣ.

— Какое гулянье?—спросила Юлька оживленно.

— Для рабочихъ! Входъ двадцать геллеровъ, будетъ музыка, представленія, танцы...

— До гуляній ли намъ?—сказала мать.—Былъ бы лишь хлѣбъ, а то я никакъ концовъ съ концами свести не могу.

Она вздохнула.

— Мама всегда жалуется,—сказала Стася, не отрываясь отъ работы, — а вѣдь Юлька и я зарабатываемъ десять кронъ, Яцуся нѣтъ дома, а мама имѣетъ по меньшей мѣрѣ кронъ 25 въ мѣсяцъ.

— Не гнѣвай Господа Бога, Стася, развѣ этого можетъ хватить? За одну комнату десять кронъ въ мѣсяцъ, а столъ, отопленіе, одежда...

— Это все-таки почти крона въ день, — сказала она, насупившись,—а я и Юлька только завтракаемъ и ужинаемъ дома, обѣдъ вѣдь получаемъ въ мастерской, только одинъ Ясь обѣдаетъ дома.

— Говоришь, только зря языкомъ болтаешь, а соображать—не соображаешь. Ты не считаешь ни платья, ни бѣлья, ни обуви, я еще за прошлый мѣсяцъ должна лавочницѣ, а слаба я стала, что еле двигаюсь.

— Я это знаю, мама, но можно жить скромнѣе. Къ чему горячіе ужины? Хлѣбъ, кусокъ сыра или что-нибудь подобное—вотъ и достаточно.

— Откуда же у васъ возьмутся силы работать? Пока возможно, я васъ кормлю, но это ужъ не надолго, — она вздохнула,—мнѣ уже въ двухъ домахъ отказали, такъ какъ у меня силъ недостаточно.

— Это только временно, мама, — утѣшала ее Стася,—я скоро буду получать восемь, а, можетъ быть, и десять кронъ, и тогда будетъ легче.

— И у меня будетъ пять кронъ въ мѣсяцъ, тогда мама отдохнетъ,—прибавила Юлька.

— Разговоры только... вы вѣдь подрастаете, надо вамъ и одѣться по-человѣчески.

— Я не думаю о нарядахъ!—воскликнула младшая.

— Мнѣ еще на годъ хватитъ темносиней юбки, я завтра одѣну ее на гулянье.

Мать, держа въ рукахъ тарелку, которую она собиралась вытереть, удивленно посмотрѣла на нее и воскликнула:

— Ты на гулянье, а на чьи деньги?

— Мнѣ Марцыся ссудитъ.

— Или Стефанъ,—зло улыбнулась Юлька, называя имя столяра-подмастерья.

— Вы слышите, мама, что говоритъ эта дѣвчонка! — воскликнула Стася, покраснѣвъ.

— Тише, Юлька, а ты, Стася, не занимай, не лѣзь въ долги...

— Отдамъ... А почему мнѣ не пойти, всю недѣлю работаю въ этой мерзкой мастерской, душно, темновато, только и слышишь крики да попреки... должна же я хоть разъ въ недѣлю отдохнуть, вздохнуть свободно.

— Я то знаю, что тебѣ тяжело, — вздохнула мать,—но вмѣсто того, чтобъ пойти на гулянье, которое дорого стоитъ, не лучше ли пойти гулять на Вислѣ?

— Эхъ, вѣчно эти скучныя прогулки... Я хочу хоть разъ послушать музыку, потанцовать.

— А ты знаешь, Стася, что на всю недѣлю въ домѣ остались три кроны?

— Чѣмъ же я помогу, если останусь дома,—пожала она плечами,—отъ этого ни гроша не прибудетъ, а я со скуки умирать буду.

— Я завтра хотѣла пойти съ вами къ опекуну... мы ужъ двѣ недѣли тамъ не были...

— Мы пойдемъ вечеромъ. Ужъ пустите меня, мама, на это гулянье, когда же я повеселюсь въ жизни?

— Гм... а входъ сколько стоитъ?

— Двадцать геллеровъ.

— Ну, я еще подумаю... Я скажу тебѣ завтра послѣ обѣдни.

II.

Хотя день былъ воскресный, мать встала чуть свѣтъ; она начала убирать комнату и приготовлять для дѣтей праздничное платье.

Стася заворочалась на своей узкой кровати и повернулась къ стѣнѣ, такъ какъ свѣтъ, падавшій черезъ стеклянную дверь, рѣзалъ ей глаза.

— Ужъ давно день, — ворчала мать, — а ты отлеживаешься, точно барыня.

— Я еще только потянусь,—отвѣтила она соннымъ голосомъ,—сегодня вѣдь праздникъ.

— Ну, поспи ужъ, пока я огонь разведу, — проворчала мать.

Въ полутемной комнатѣ—стеклянная дверь мало пропускала свѣта,—куда никогда не заглядывало солнце, блеснуло красное пламя спички. Старуха положила угли въ плиту, поставила горшокъ для кофе и, усѣвшись въ дверяхъ, съ большой заботливостью стала оглядывать штанишки Яся,

которые отказывались служить уже и рвались на колѣняхъ.

— Боже мой, — думала она огорченная, — два мѣсяца тому назадъ я заплатила старьевщицѣ восемнадцать геллеровъ, и этотъ мальчонка уже разодралъ ихъ... Развѣ онъ остороженъ, развѣ онъ бережетъ, развѣ думаетъ? Летитъ по улицѣ, какъ угорѣлый, трется, гдѣ попало, работаетъ колѣнями... онъ не ломаетъ себѣ голову, гдѣ достать новые...

Она затѣмъ осмотрѣла юбочку Юльки: и та уже поношена, сзади лоснится, а пятна такъ и пестрятъ, хорошо еще, что ихъ прикрываютъ складки.

Тихо вздохнувъ, она положила юбочку на стулъ у кровати, въ которой она спала вмѣстѣ съ Юлькой. Въ это время раздалось шипѣнье воды; она быстро подошла къ плитѣ, подняла крышку, всыпала кофе и цикорій, и, увидѣвъ, что Юлька лежитъ съ открытыми глазами, сказала:

— Встань-ка, живо, побѣжишь за молокомъ!

— А Стаська-то не можетъ,—проворчала Юлька.

— Не спорь, вставай... а кто тебѣ вчера юбку поправилъ?.. ну, живѣй!

— Всегда только я да я, — ворчала она, вставая,—а та отлеживается, точно графиня.

— Молчи, Юлька!—крикнула мать.—Возьми горшочекъ и бѣги за молокомъ... на тебѣ четыре геллера на четверку... смотри, чтобы мѣра была хорошая, а то деревенскія бабы не доливаютъ.

— Хорошо ужъ, хорошо.—Она взяла горшочекъ и, подошедши къ кровати Стаси, крикнула ей:

— Вставай, лѣнтяйка!—И быстро убѣжала.

— Ахъ ты, несносная дѣвчонка!—сказала раздосадованная Стася,—разбудила меня, а у меня былъ такой чудный сонъ!

— Что тебѣ снилось?

— Была я, мама, хозяйкой, да что я говорю, хозяйкой,—разсмѣялась она, — барыней была я и имѣла двѣ хорошо обставленныя комнаты, какъ жена нашего столяра.

— И это возможно, Стася, будь только порядочной и скромной дѣвушкой, тогда найдется порядочный ремесленникъ.

— А знаете, мама, — говорила она, одѣваясь, — этотъ лакей... Францишекъ... насмѣхался вчера надъ ремесленниками...

— Э, такой барскій прихвостень! Кто станетъ обращать на него вниманіе?

— Я его таки кольнула,—улыбнулась она,—я ему сказала, что ремесленникъ самъ себѣ хозяинъ, а онъ только слуга.

— Это не хорошо, Стася, къ чему тебѣ болтать языкомъ и наживать себѣ враговъ?

— А почему онъ говорилъ глупости?

— Развѣ онъ одинъ?..— пожала мать плечами.— Вымой ноги, если собираешься танцовать.

— Эхъ, развѣ кто ноги увидитъ, мама?

— Но онѣ пропотѣютъ, и ты попортишь чулки. Вымой ужъ, вымой.

Пока Юлька дожидалась бабы съ молокомъ, Стася успѣла одѣться. Позавтракавъ, она вышла на крылечко передъ дверьми, какъ будто оглядывая дворъ и противолежащія окна, но время отъ времени она поглядывала въ сторону квартиры столяра, надѣясь, что выйдетъ поздороваться съ ней молодой подмастерье, Стефанъ Былина. Однако, изъ столярной никто не выходилъ, и оттуда доносились только веселыя пѣсенки и посвистыванье подмастерьевъ и учениковъ. Въ это время жена столяра въ бѣлой кофточкѣ открыла окно, на которомъ стояли горшки герани и фуксій, и выглянула во дворъ. Увидѣвъ ее, Стася вспомнила свой сонъ и съ не малой завистью посмотрѣла на три окна ея квартиры.

— Вотъ счастливая, Боже мой,—вздохнула дѣвушка, — имѣетъ квартиру, точно дворецъ, замужемъ за мастеромъ, всѣ ее почитаютъ, цѣлуютъ ей руки, не ходитъ шить въ мастерскую, сама нанимаетъ портниху, а какія платья, жакеты, шуба, шляпы, не хуже самой домовладѣлицы. Еслибъ этотъ Стефанъ женился на мнѣ и открылъ собственную мастерскую, вотъ бы они зажили... она бы себѣ сшила песочнаго цвѣта костюмъ на темносиней подкладкѣ, какой она вчера видѣла на одной дамѣ, носила бы лакированные сапожки, имѣла бы всегда при себѣ часики на золотой цѣпочкѣ, мать жила бы съ нею вмѣстѣ и отдохнула бы, Юлька могла бы тоже жить у нея, она бы ей кровать дала, но работать Юлька должна была бы сама на себя — вѣдь невозможно, чтобъ Стефанъ кормилъ и одѣвалъ всѣхъ... Ахъ, если бъ у него только была мастерская! Но этого долго ждать придется, онъ только въ этомъ году окончилъ ученіе, не отбылъ еще воинскую повинность и имѣетъ старуху-мать. Старуха ее любитъ, но для сына, вѣрно, хочетъ богатую жену. Если, однако, Стефанъ упрется, она, навѣрное, согласится на ихъ бракъ.

Погруженную въ мечтанія Стасю разбудилъ голосъ Марцыси съ крыльца перваго этажа.

— Погода хорошая, Стася! — засмѣялась она, указывая на кусочекъ неба надъ четырехугольнымъ дворомъ. — Вотъ ужъ повеселимся мы!

— А ты навѣрное пойдешь?—спросила Стася.

— У меня вѣдь сегодня выходной день!

— А ты не забудь, ужъ знаешь, про что!..

— Э, не бойся, я возьму съ собой цѣлую крону. А въ какой ты блузкѣ будешь?

— Въ той, бѣлой, съ полосками. А ты?

— Въ розовой... а вотъ и кавалеръ твой, — она разсмѣялась, исчезая въ дверяхъ.

Стася невольно покраснѣла. Хотя она знала, о комъ говоритъ Марцыся, и даже слышала приближающіеся шаги, но притворилась очень занятой разглядываніемъ противолежащаго окна.

— Здравствуйте, панна,—сказалъ весело подмастерье.

— А, это вы... Здравствуйте.

Онъ остановился передъ дѣвушкой. Его свѣжее, здоровое лицо дышало энергіей отдохнувшаго юноши. Свои маленькіе темные усики онъ закрутилъ вверхъ и, обнажая при улыбкѣ бѣлые зубы, сказалъ:

— Приглашаю васъ на первый танецъ.

— Я еще не знаю, пойду ли я.

— Я въ такомъ случаѣ самъ попрошу вашу маму, чтобъ она васъ довѣрила моей опекѣ,—разсмѣялся онъ.

— Нѣтъ, я вамъ сама скажу, но только послѣ костела.

— Хорошо... а теперь до свиданья, такъ какъ я тороплюсь къ матери.

— До свиданья,—и она провожала его глазами, въ которыхъ свѣтилось удовольствіе.

Ей давно ужъ нравилось его веселое, открытое лицо, а приличный костюмъ свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ умѣетъ беречь грошъ. Довольно частые разговоры сблизили ихъ, но установившіяся между ними отношенія представляли собою скорѣе взаимную привязанность, чѣмъ любовь. Во всякомъ случаѣ они интересовались другъ другомъ, и, возвращаясь вечеромъ изъ мастерской, Стася съ пріятнымъ чувствомъ ждала момента встрѣчи съ Стефаномъ.

— Стася!—крикнула мать, открывая дверь.—Одѣвайся и пойдемъ!

— Еще рано, мама, — сказала она, входя въ уже убранную комнату.

— Я еще зайду къ господамъ, у которыхъ я вчера стирала, можетъ быть, заплатятъ, такъ я тебѣ ужъ дамъ на гулянье. Ну, и на обѣдъ надо кое-что купить, вѣдь Яцусь придетъ.

Послѣ обѣда Стася съ большимъ нетерпѣніемъ ждала, когда, наконецъ, Марцыся окончитъ свою работу и соберется въ паркъ.

Не будучи въ состоянiи высидѣть въ комнатѣ, она вышла на крылечко и стала смотрѣть въ открытое окно кухни перваго этажа. Видна была, однако, только суетящаяся кухарка и лишь время отъ времени мелькала фигура Марцыси.

Часы на базарной площади пробили три, и это усилило безпокойство ожидающей. Съ красными пятнами на лицѣ она обратилась къ матери.

— Не пойти ли ужъ мнѣ самой на кухню, можетъ, она забыла про гулянье?

— Гдѣ тамъ,—разсмѣялась мать,—гдѣ тамъ дѣвушкѣ о танцахъ забыть?

— А почему она не выходитъ?

— Научись ты терпѣнiю,—насмѣхалась Юлька, завидуя сестрѣ. — Тамъ ужъ, вѣрно, танцуютъ, а ты здѣсь безъ толку ждешь.

Раздраженная Стася сердито поглядѣла на нее и со злостью закричала:

— Не тебѣ говорю, не вмѣшивайся въ разговоръ старшихъ!

— Смотрите только,—разсмѣялась Юлька сухо, — тоже старшая... Одѣла длинную юбку и надувается, точно павлинъ.

— Да замолчишь ли ты, гадина? Почему мама ей ничего не скажетъ?

— Тише, Юлька!.. Ага, Марцыся черезъ окно смотритъ!

Стася выбѣжала на крылечко, крича:

— Марцыся, уже четвертый часъ!

— Сейчасъ, только одѣнусь.

И опять началось выжиданiе, теперь ужъ болѣе спокойное, такъ какъ она была увѣрена, что Марцыся пойдетъ на гулянье. Пользуясь временемъ, мать сказала:

— Стася, можетъ, ты жакетку возьмешь, осеннiе вечера холодны.

— Жакетка вся рыжая и старенькая... Я и не думаю брать ее.

— И не забудь, не пей воды послѣ танцевъ.

— Что мама думаетъ, я дитя малое?

— Ужъ взрослая барышня,—захихикала Юлька,—ищетъ себѣ мужа.

— Молчи!—крикнула Стася сердито.

— Ты не имѣешь права приказывать мнѣ, это не твой домъ.

— Ну, и мученiе же съ вами,— вздохнула мать,— молчите ужъ обѣ!

Помолчавъ немного, она прибавила:

— Стася, купи себѣ цвѣтокъ, приколи къ лифу... булавка у тебя есть?

— Есть... идетъ, наконецъ!—крикнула она весело и, поцѣловавъ руку матери, выбѣжала изъ комнаты.

На крылечко вышли мать съ Юлькой, любопытствуя посмотрѣть, какъ принарядилась Марцыся, которая въ этотъ моментъ сходила съ лѣстницы. На ней была свѣтло-сѣрая юбка и черная открытая жакетка, изъ-подъ которой виднѣлась розовая блузка въ бѣлыхъ полоскахъ. Въ рукахъ у нея былъ зонтикъ, а на головѣ—соломенная шляпа, украшенная лентами и цвѣтами.

Нарядъ Стаси былъ болѣе скромный. Мать, хорошо знавшая темную юбку дочери, видѣла, гдѣ она протерта, гдѣ заштопана, гдѣ пятно. Только блузка въ синихъ полоскахъ была свѣжа; темная шляпка очень шла къ блѣдному лицу Стаси.

— Панна Марцыся, — просила мать, — слѣдите за ней, она такой еще ребенокъ.

— Не безпокойтесь, пани Петрова, ужъ мы будемъ осторожны, — разсмѣялась она, и онѣ обѣ быстро вышли со двора въ корридоръ дома.

— Правда, Юлька, Стася красивѣй?

— Еще бы не красивѣй! — улыбнулась она не безъ оттѣнка гордости.—Стася на барышню похожа, а она—на служанку.

Дѣйствительно, Стася, болѣе стройная, съ красивой фигурой, съ граціозными движеніями, производила выгодное впечатлѣніе рядомъ съ немного тяжеловѣсной Марцысей.

Когда онѣ подошли къ Краковскому парку, до нихъ донеслись звуки музыки.

— Ужъ танцы начались,—прошептала раскраснѣвшаяся отъ волненія Стася.

— Э, натанцуемся еще... а когда ты мнѣ за билетъ вернешь?

— Я ужъ не возьму у тебя, мнѣ мама дала.

— Тѣмъ лучше... идемъ.

У входа, за будкой кассира, гостей пропускали распорядители гулянья, украшенные бѣлыми, голубыми и красными бантиками.

Всѣ были молоды и веселы, всѣ улыбались, а по нарядамъ, по рукамъ, по движеніямъ, можно было не только узнать въ нихъ ремесленниковъ, но даже опредѣлить ремесло каждаго. Здѣсь были худые, блѣдные портные съ прищуренными глазами; сутуловатые, но веселые, живые сапожники; столяры, ковыляющіе на правую ногу; здоровенные слесари съ жесткими, тяжелыми руками; куклообразные парикмахеры; серьезные и интеллигентные наборщики и много, много другихъ. Среди нихъ находились также

Францишекъ и столяръ Былина, которые разглядывали приходящую на гулянье публику.

Увидѣвъ входящихъ дѣвушекъ, они почти одновременно подошли къ нимъ, и Францишекъ съ тщательно-выбритымъ лицомъ, съ видомъ героя провинціальныхъ театровъ, произнесъ:

— Жду васъ, какъ извозчикъ ѣздока... а васъ нѣтъ какъ нѣтъ.

— Наконецъ-то, вы пришли, панна Стася, а то я ужъ совсѣмъ сомнѣваться сталъ... я думалъ, что вы напортите, и вся работа къ чорту пойдетъ.

— Мы же пришли, однако, — разсмѣялась Марцыся.— Ну, что? Много народу?

— Тьма, — отвѣтилъ съ презрѣніемъ лакей. — Можно, однако, встрѣтить кое-кого и изъ благовоспитанныхъ.

— А вы, панъ Францишекъ, очень разборчивы,—съ милой улыбкой сказала Марцыся, гордясь тѣмъ, что она его избранница.

Музыка, затихшая было, когда онѣ входили, опять загремѣла.

— У меня прямо ноги скачутъ,—шепнула Стася товаркѣ.

— У меня тоже,—шопотомъ же отвѣтила та,—но надо быть серьезной.

Вслѣдъ за тѣмъ она обратилась къ Францишку:

— Это танецъ играютъ?

Столяръ, предупредивъ его, отвѣтилъ смѣясь:

— Это музыка для пьющихъ! А для танцующихъ дальше—тамъ земля ровная, точно паркетный полъ.

— Куда же мы пойдемъ?—спросила Стася.

— Танцовать, разумѣется,—отвѣтила Марцыся,—ведите насъ, панъ Францишекъ.

Они прошли мимо ресторанныхъ столиковъ, разставленныхъ по правую руку, и военнаго оркестра, игравшаго въ павильонѣ, и очутились у маленькаго пруда съ грязноватой, мутной водой, по которому плыло нѣсколько лодокъ.

— Покатаемся, панна Марцыся,—предложилъ лакей.

— А я боюсь, вдругъ утону!

— Тогда я васъ спасу,—разсмѣялся Стефанъ.

— Вы возьмете Стасю, а меня кто?—и она кокетливо поглядѣла на лакея.

— Не бойтесь, панна, тутъ вода только до колѣнъ, утонуть нельзя,—увѣрялъ лакей.—Ну, идемте, я „фундую“ лодку.

Съ видомъ богатаго барина онъ уплатилъ по два геллера съ брата, и всѣ четверо сѣли въ лодку. Гребли мужчины. Лодка, управляемая непривычной рукой, качалась

изъ стороны въ сторону, что вызывало испуганныя взвизгиванья Марцыси. Стася же, которую отецъ когда-то бралъ съ собою на Вислу, презрительно улыбалась:

— Это стоячая вода, ничего намъ не станется.

Они нѣсколько разъ пересѣкли маленькій прудъ, часто сталкиваясь съ другими лодками, а музыка въ это время такъ заманчиво наигрывала вальсъ, что дѣвушки начали покачиваться въ тактъ. Прогулка, благодаря этому, становилась лишь пріятнѣе. Они бы продолжали кататься, если бъ не владѣлецъ лодки, который сердито крикнулъ имъ:

— Довольно, господа, за четыре цента все море переплыть хотите,—ну-ка, приставайте къ берегу, а то другіе ждутъ! Или заплатите!

— Вотъ хамъ!—проворчалъ лакей, погружая весло въ болото, чтобы пристать къ берегу, такъ какъ ему не хотѣлось вторично платить.

— Спасибо, панъ Францишекъ, за пріятное катанье,—присѣла Марцыся, а вслѣдъ за нею Стася.

— Не стоитъ,—молвилъ онъ съ гордой улыбкой на бритыхъ губахъ.—Это для меня небольшой расходъ.

Это кольнуло Стефана, такъ какъ онъ рѣшилъ, что это намекъ на него, который ничего не „фундовалъ". Но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не разслышалъ, и сталъ приглашать дѣвицъ:

— Идемте танцовать, сейчасъ начнутъ!

Они пошли дальше въ глубину парка и увидѣли небольшую площадку, огороженную веревками, протянутыми между столбами. Только одна сторона была открыта для входа. Пятеро музыкантовъ настраивали инструменты, а впереди ихъ стояли два клоуна, одинъ съ краснымъ, другой съ бѣлымъ лицомъ.

Какъ только замолкла военная музыка передъ ресторанoмъ, клоуны, руководившіе танцами, подали знакъ, и загремѣла такая веселая полька, что парни и дѣвушки и вся толпа, окружавшая площадку для танцевъ, стали подпрыгивать и подпѣвать. Клоуны въ это время открыли танцы, махали руками и ногами и издавали непонятные крики, что возбуждало въ публикѣ смѣхъ и веселье.

Обѣжавъ нѣсколько разъ площадку, клоуны отскочили другъ отъ друга и, кланяясь, стали зазывать публику:

— Вотъ великолѣпная зала подъ открытымъ небомъ, со скользкимъ паркетомъ, кто поскользнется, тотъ упадетъ! Прошу, попробуйте, прекрасныя панны! Впередъ, къ танцамъ! Ну же, хлопцы!

Это обращеніе клоуновъ вызвало много смѣху, пары

быстро сговорились, и одними изъ первыхъ были Стефанъ со Стасей и Францишекъ съ Марцысей.

Публика танцовала съ увлеченіемъ, кто-то кого-то толкнулъ, какая-то пара упала, кто-то ругался, дѣвушки жаловались, но веселье было въ полномъ разгарѣ. Лишь тогда, когда на площадкѣ набралось столько паръ, что трудно было повернуться, клоуны, слѣдившіе за порядкомъ, рѣзко свистнули, и музыка къ огорченію танцоровъ и танцорокъ замолкла.

— За кругъ!.. За кругъ!—упрашивали клоуны танцующихъ, но ихъ не очень-то слушались, а болѣе запальчивые танцоры стали передъ музыкантами, крича:

— Играйте!.. Еще!.. Польку!.. Вальсъ!.. Кадрилы!..

Вдругъ кто-то изъ публики крикнулъ:

— Нашу!

И, точно кто-то бросилъ искру,—тотчасъ же поднялся неописуемый крикъ:

— Нашу! Нашу!!

Музыканты не брались за инструменты, а раздраженная толпа принимала все болѣе угрожающій видъ, пока, наконецъ, одинъ изъ клоуновъ, замѣтившій это, не вскочилъ на эстраду къ музыкантамъ и, махая шутовской шапкой, крикнулъ:

— Господа и сударыни, успокойтесь!

— Тише, тише!—раздалось въ толпѣ.

— Извиняюсь передъ публикой за музыкантовъ, но они оглохли, бѣдняги... Гей!.. Слушайте меня!.. Судари и сударыни, заплатившіе шесть геллеровъ, хотятъ танцовать... заиграйте же что-нибудь веселенькое.

— А что?—притворился удивленнымъ музыкантъ.

— Послушай, я запою:

Краковякъ я тебѣ, въ Краковѣ родился,
Еще въ школу я ходилъ, ужъ дѣвицъ я соблазнялъ.

При первомъ же тактѣ музыки развеселившаяся публика начала притаптывать и напѣвать, губы улыбались, глаза блестѣли, и танцоры съ такой охотой пустились въ плясъ, что взлетали въ воздухъ не только юбки и песокъ съ площадки, но и сами танцорки.

Даже чопорный Францишекъ разошелся и, забывая о своей серьезности, требованіяхъ хорошаго тона, приподнималъ Марцысю, притаптывалъ ногами и издавалъ веселые крики удовольствія.

Лишь тогда, когда громкая военная музыка заглушила мелодію, танцы прекратились.

Кавалеры уводили разгоряченныхъ барышень въ глубину парка.

— Какъ ты себя чувствуешь, Стася?—спросила запыхавшаяся Марцыся.

— Я страшно устала, но веселилась я—такъ ужъ веселилась.

— А, можетъ, панны позволятъ пива?—спросилъ Стефанъ, бросая вызывающій взглядъ на лакея.

— Э, рано еще пить!—отвѣтила Марцыся, вытирая вспотѣвшее лицо.—Развѣ только ты хочешь, Стася?

— Я? Какое тамъ, я и вовсе не пью.

— Ну, такъ идемте къ кинематографу,—посовѣтовалъ Францишекъ,—къ чему тратить время на какія-то прогулки?

Всѣ признали справедливость этого замѣчанія и повернули къ кинематографу. Но въ павильонѣ съ кинематографомъ былъ такой наплывъ любопытныхъ, что они отказались отъ своего намѣренія, тѣмъ болѣе, что Стефанъ предложилъ посмотрѣть звѣринецъ.

Когда они подошли къ входу, у котораго рядомъ съ кассой находился лотокъ, Стефанъ, опередивъ компанію, сказалъ:

— Теперь я „фундую“.

И, подойдя къ кассѣ, спросилъ:

— Сколько за четверыхъ?

— Восемь центовъ или 16 геллеровъ.

— Я буду платить!—сказалъ онъ, вынимая деньги, и обратился къ компаніи:

— Пожалуйста, войдите!

— Къ чему вы такъ много тратите?—упрекнула его Стася.

— Платятъ другіе по два геллера за лодку, могу я платить по четыре за звѣринецъ.

Сначала они увидѣли американскихъ и зеленыхъ попугаевъ, вызвавшихъ удивленіе дѣвушекъ, и имъ захотѣлось остановиться.

— Не стоитъ смотрѣть,—сказалъ презрительно Францишекъ.

Марцыся, услышавъ это замѣчаніе, нѣжно взглянула на него и сказала:

— Я лучшихъ видала.

Они подошли къ клѣткѣ, въ которой сидѣли большія обезьяны. Одна, больная, съ грустными глазами, смотрѣла на публику равнодушно, другая скакала и выдѣлывала всякія штуки.

— Ахъ, какая она потѣшная!—воскликнула Стася.

— Какъ всякая обезьяна,—отвѣтилъ Стефанъ.

— А говорятъ, будто человѣкъ отъ обезьяны происходитъ,—началъ Францишекъ напыщенно,—но это вранье,—панна Марцыся, напримѣръ, совершенно не похожа.

— Не богохульствуйте, панъ Францишекъ, Господь Богъ сотворилъ человѣка въ раю, и всѣ мы происходимъ отъ Адама и Евы, а не отъ обезьянъ.

— И я то же говорю,—подхватилъ лакей,—но есть такіе дураки, которые...

— Эхъ, не морочьте вы голову, идемте!

Они подошли къ клѣткѣ хищныхъ звѣрей, передъ которой столпилась кучка женщинъ, дѣтей и мужчинъ. Звѣри, которыхъ плохо кормили, вертѣлись въ тѣсныхъ клѣткахъ, дожидаясь корма, который забавы ради бросала имъ публика. Тутъ былъ исхудалый медвѣдь съ выбитымъ глазомъ, весь въ рубцахъ, съ облѣзшей мѣстами шерстью. Съ жадностью пожиралъ онъ бросаемые ему куски хлѣба. Но были шутники, которые клали булку такъ, что онъ не могъ достать ее лапой, или бросали въ клѣтку камешки, обернутые бумагой. И толпа пришла въ неимовѣрный восторгъ, когда обманутый, вышедшій изъ терпѣнія медвѣдь грозно зарычалъ и своимъ единственнымъ глазомъ какъ бы съ упрекомъ посмотрѣлъ на публику. Тутъ же рядомъ былъ кабанъ, изголодавшійся, грязный, который съ остервенѣніемъ бросался на каждую крошку корма.

— Какіе они голодные!—сказала Стася.

— Мы ихъ сейчасъ накормимъ!—весело сказалъ подмастерье и быстро побѣжалъ къ лотку, нарочно поставленному у входа, чтобы жалостливые посѣтители кормили звѣрей. Онъ принесъ двѣ булки и отдалъ ихъ дѣвушкамъ. Окружающая публика нѣсколько разступилась, чтобы потѣшиться безплатнымъ зрѣлищемъ. А Марцыся съ чувствомъ своего превосходства расталкивала зрителей, чтобы подойти ближе къ клѣткѣ.

— Чего вы такъ толкаетесь, панна,—запротестовала немолодая женщина,—тутъ каждый имѣетъ право стоять.

— Стоять-то стоять, а я накормлю,—отвѣтила она, съ гордостью показывая булку.

Женщина тутъ же уступила, и дѣвушки, разрывая булки на части, стали бросать ихъ звѣрямъ.

— Оставьте для льва,—сказалъ изъ толпы какой-то человѣкъ, который все время весело болталъ и острилъ.

Въ послѣдней клѣткѣ лежалъ несчастный левъ съ торчащими костьми, съ гноющимися отъ ударовъ ранами. Онъ положилъ голову на полъ клѣтки и стеклянными глазами

обводилъ публику. Марцыся бросила ему кусокъ булки. Онъ поднялъ глаза, но не двинулся съ мѣста. Это подзадорило публику, и послышались голоса:

— Поднимайся, бестія!.. Жри, когда даютъ!.. Гордый, шельма!..

Какой-то смѣлый юноша всунулъ въ клѣтку палку, желая задѣть льва. Другіе начали бросать камешки. У кого то нашлась даже такая длинная палка, что ею можно было достать лежащаго звѣря, который злыми глазами глядѣлъ на толпу.

— А, проснулся! Панъ Игнацъ, толкни-ка его, пусть встанетъ!

Францишекъ, желавшій хвастнуть передъ Марцысей, взялъ у нея зонтикъ и, вытянувъ руку, дотронулся до льва. Въ эту минуту звѣрь подскочилъ и, хотя руки не схватилъ, но лапами своими разломалъ и изорвалъ зонтикъ.

Одни смѣялись, другіе негодовали, но болѣе всѣхъ огорчилась, конечно, горничная. Женщины въ общемъ были возмущены такой дерзостью льва.

Публика начала упорно дразнить льва, бросать въ него камешки и песокъ. Злоба на него росла, и даже самыя добродушныя дѣвушки приходили въ ярость.

Каждый изъ этихъ людей въ отдѣльности не сталъ бы издѣваться надъ плѣннымъ, безсильнымъ звѣремъ, но въ толпѣ личность стремится къ психическому сочувствію другимъ. А такъ какъ звѣрскіе инстинкты, кроющіеся въ каждомъ человѣкѣ, разбудить очень легко, то толпа большей частью бываетъ очень жестока.

Разъяренный левъ старался лапами разломать рѣшетку, вызывая этимъ восторженный смѣхъ публики. А Францишекъ съ остервенѣніемъ билъ его по лапамъ, мстя за причиненный убытокъ. Наконецъ, левъ зарычалъ. Смѣхъ и крики вдругъ замолкли. Въ этомъ ревѣ безсильнаго гнѣва было столько бѣшенства, что публика отскочила отъ клѣтки.

Прибѣжалъ встревоженный владѣлецъ звѣринца, чтобы защитить льва отъ дальнѣйшихъ издѣвательствъ. Публика кучками стала выходить изъ звѣринца, такъ какъ со стороны площадки для танцевъ донеслись звуки упоительнаго вальса.

Марцыся шла злая, нахмуренная, говоря своей товаркѣ:

— Четыре кроны зонтикъ стоилъ, хорошее мнѣ развлеченіе... Очень мнѣ нуженъ этотъ звѣринецъ,—и она сердито взглянула на Стефана Былину.

— Я не дотрогивался до вашего зонтика.

— Не безпокойтесь, панна,—сказалъ Францишекъ, на-

дувая бритую губу,—хватитъ у меня денегъ, чтобы купить не худшій.

— И захотѣлось же пану Францишку,—сказала она съ мягкимъ упрекомъ,—шутить съ такимъ дикимъ звѣремъ... Дѣло не въ томъ, чтобы купить, но гдѣ я такой зонтикъ найду?

— Пойдемъ вмѣстѣ, такъ, можетъ, найдемъ и кое-что получше,—улыбнулся онъ.

— Нѣтъ, не хочу,—крикнула она гнѣвно,—это находятъ не на улицѣ, а по-божески, дома, въ костелѣ...

— Да я же шутилъ, какъ-нибудь да уладимъ все... Вы танцуете вальсъ?

— Изъ деревни я, что ли?—разсмѣялась она высокомѣрно.

— Я этого не говорю, но бываютъ и такія, что не умѣютъ.

— Въ хорошемъ вы бываете обществѣ, панъ Францишекъ,—громко разсмѣялась она,—слышишь, Стася, тѣ вальса не танцуютъ.

— Вотъ смѣшно,—улыбнулась она.

— Онѣ, вѣрно, босыя танцуютъ,—ѣдко прибавилъ подмастерье.

— Это общество для васъ, а не для меня,—сухо отвѣтилъ лакей.

Стефанъ положилъ палецъ на губу и свистнулъ, а потомъ спросилъ:

— Не васъ ли зовутъ, панъ Францишекъ?

Это былъ ядовитый намекъ на службу лакея. Послѣдній понялъ это и съ притворнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ ему колкостью же. Стефанъ покраснѣлъ и чуть было не вспылилъ, но Стася замѣтила:

— Если вы хотите ссориться, то мы васъ знать не хотимъ!

— Пусть не начинаетъ,—ворчалъ подмастерье.

— Пусть не кусается,—отвѣтилъ лакей.

— Можетъ, панъ Францишекъ попробуетъ, умѣю ли я вальсъ танцовать?

— Пожалуйста!

Они пустились въ плясъ. Несмотря на зазыванія клоуновъ, танцующихъ было мало, публикѣ надоѣлъ вальсъ, и поднялись крики:

— Кадриль! кадриль!

Пары заняли мѣста, а клоуны дирижировали танцами.

Оказалось, однако, что несмотря на самыя лучшія намѣренія танцоровъ и танцорокъ, поминутно выходили недо-

разумѣнія. Пары путались, теряли другъ друга, не кончали фигуръ, и недовольство росло.

Ужъ послѣ второй фигуры публика почти единогласно потребовала:

— Галопъ! галопъ!

Такъ и окончилась кадриль.

Издали долетали звуки военной музыки, и измученные танцоры разошлись. Дѣвушки направились къ пруду. Остановившись на минутку, они услышали звукъ выстрѣловъ.

— Что это?— спросила Марцыся.

— Тамъ, вѣрно, тиръ,—сказалъ лакей.

— Пойдемте!—крикнула Стася.

— Вы умѣете стрѣлять, панъ Францишекъ?—Марцыся взглянула на него.

— Въ свое время я всегда въ цѣль попадалъ.

— Ну, а теперь?..

— Попробую, эта стрѣльба—дѣло барское, иной и ружья взять въ руки не можетъ.

Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на Стефана.

— Посмотримъ, кто лучше!—разсмѣялся столяръ.

— Я бы пари держалъ на четыре бутылки!

— Идетъ!—сказалъ Стефанъ.

— Сначала нужно условиться, сколько выстрѣловъ,— поучалъ его лакей.

— Три.

— Г-мъ, хорошо.

— Напередъ благодарю васъ за выпитое пиво.

— Неизвѣстно еще, кто его поставитъ.

Они подошли къ тиру. Тамъ было всего два стрѣлка, такъ какъ удовольствіе было довольно дорогое—по шести геллеровъ выстрѣлъ. Эта цѣна, однако, не устрашила противниковъ, и Францишекъ потребовалъ ружье. Ему подали его. Онъ сталъ на мѣсто и долго прицѣливался къ висѣвшей на шнуркѣ бутылкѣ. Наконецъ, онъ выстрѣлилъ и промахнулся. Три раза стрѣлялъ онъ, но ни разу не попалъ. Злой и пристыженный, онъ заплатилъ и гордо заявилъ:

— Старье какое-то у васъ! Палки, а не ружья!—И, обращаясь къ Марцысѣ, сказалъ:

— Дуло кривое, такъ не попадешь.

— Теперь попробую я!—крикнулъ Стефанъ.

— Я, совершенно спокоенъ, — иронически улыбнулся лакей.

Марцыся раздѣляла мнѣніе Францишка, но Стася почувствовала извѣстное безпокойство, что и Стефанъ не попадетъ въ цѣль. Не потому, что ей хотѣлось пива, а потому, что ее раздражало высокомѣріе Францишка.

Долго прицѣливался Стефанъ и, наконецъ, выстрѣлилъ. Бутылка заколыхалась, но осталась висѣть. Онъ опять прицѣлился, и опять мимо. Красный отъ волненія, онъ въ третій разъ взялъ въ руки ружье и въ третій разъ услышалъ за собою:

— Я зналъ, что онъ не попадетъ, потому что даже я не попалъ, а я стрѣлять умѣю.

Онъ долго прицѣливался, бралъ ружье и клалъ его назадъ. Наконецъ, онъ выстрѣлилъ, и бутылка со звономъ упала на землю.

— А что?—крикнулъ онъ торжествующе, съ гордостью глядя на Францишка.—Кто ставитъ пиво?

— Случайность,—съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ лакей, хотя онъ почувствовалъ глубокое огорченіе, котораго не въ состояніи былъ смягчить даже сочувственный взглядъ горничной.—Я ставлю пиво,—не разорюсь на этомъ.

— Дорого обойдется вамъ сегодняшняя прогулка,— кольнулъ его Стефанъ,—входъ, зонтикъ, пиво.

— Свои долги я самъ плачу,—отвѣтилъ онъ гордо.

— А я не плачу, такъ какъ у меня ихъ нѣтъ,— разсмѣялся Стефанъ.

Въ это время оркестръ заигралъ мазурку. Этотъ знакомый, родной мотивъ привлекъ пары со всѣхъ аллей; всѣ торопились принять участіе въ танцахъ. Вся площадка переполнилась, и клоунамъ, дирижировавшимъ танцами, еле удалось разбить танцующихъ на группы.

Веселье было въ полномъ разгарѣ. Танцоры и танцорки могли проявить свои симпатіи, приглашая другъ друга на фигуры, и давали выходъ своей страстности въ замысловатыхъ выкрутасахъ. Время отъ времени не только среди танцоровъ, но и среди зрителей раздавались возгласы:

— Гей га! Ну же га! Гей!

Эти возгласы вызывали у танцоровъ еще большее воодушевленіе, и они думали не столько о тактѣ мазурки и о фигурахъ, сколько о притаптываніи и подскакиваніи.

Мазурка, наконецъ, кончилась. Вспотѣвшіе и усталые танцоры стали расходиться, и Стефанъ, обтирая лобъ, сказалъ:

— Я страшно пить хочу... барышни, вѣрно, тоже.

— Э, не очень-то,—сказала горничная.

Францишекъ понялъ намекъ и, кланяясь, сказалъ:

— Приглашаю на пиво.

Они пошли въ ресторанъ. Хотя ужъ было очень темно, огни изъ экономіи еще не зажигались. Найти свободныя мѣста было не легко. Пока всѣ садились за столъ, Фран-

цишекъ заказалъ четыре бутылки пива. Всѣ начали дѣлиться другъ съ другомъ свѣжими впечатлѣніями. Тотъ упалъ, та опрокинулась, той оборвали шлейфъ, другой—воланъ... и много было шутокъ и остротъ и еще больше громкаго смѣха, такъ что женщина, сидѣвшая рядомъ съ мужемъ и тремя дѣтьми, крикнула возмущенно:

— На Вислу съ такимъ воспитаніемъ!

И бросивъ презрительный взглядъ на компанію, гнѣвно отвернулась.

Вспыльчивый Стефанъ, усматривая въ этихъ словахъ оскорбленіе своихъ товарокъ, точно пѣтухъ, вскочилъ со стула и крикнулъ:

— Кого это вы имѣли въ виду?

Женщина покраснѣла, отвернулась и ѣдко отвѣтила:

— Ударь по столу—и ножницы откликнутся.

— Мнѣ ножницы не сродни, я ими заплатъ не прикраиваю,—зло кольнулъ Стефанъ, намекая, что ея мужъ—заплаточникъ.—а ножницы свои оставьте для другихъ, пани.

— Чего ты молчишь, истуканъ!—крикнула она мужу.—Вѣдь жену твою оскорбляютъ, олухъ ты этакой!

— Гей ты тамъ, хочешь по мордѣ?—спокойно спросилъ мужъ сердитой женщины.

— Мы съ тобой свиней не пасли, свое „ты“ оставь, пожалуйста, для своихъ знакомыхъ!—крикнулъ Стефанъ.

Францишекъ, какъ благовоспитанный человѣкъ, не желая довести до драки, всталъ и сказалъ:

— Успокойтесь, господа... пусть каждый останется при своемъ.. мы при нашемъ столикѣ, а вы при вашемъ... и тише... Къ чему намъ шумѣть?..

— Сразу виденъ умный человѣкъ,—похвалилъ портной.

— И мнѣ не до ссоры,—прибавила жена,—сидѣли бы вы только поскромнѣе.

— Вѣдь даже въ мастерской, даже въ тюрьмѣ разрѣшено смѣяться и шутить,—сказалъ подмастерье.

— Я не знаю, каково въ тюрьмѣ, я тамъ не была,—отвѣтила она со злобой.

— И я тамъ не былъ, а такими намеками говорите съ босяками изъ Звѣринца.

— Слышишь, слышишь, что онъ говоритъ?

Послушный мужъ всталъ и тономъ добродушнаго упрека сказалъ:

— Къ чему эти ссоры? Мы вѣдь сосѣди, живемъ мирно.

— И я того же хочу,—прибавилъ Францишекъ.

— Такъ выпьемте по кружкѣ,—посовѣтовалъ портной.

— Пей самъ... надоѣло мнѣ это гулянье и это издѣвательство... Идемте, дѣти!

— Ну, ну, успокойся,—и, обращаясь къ Стефану, сказалъ:—Вы, молодой человѣкъ, должны попросить извиненія у дамы.

— Извинитесь, извинитесь,—шептали дѣвушки.

Стефанъ немного колебался, наконецъ, подошелъ къ дамѣ и, кланяясь ей. снявъ шляпу, сказалъ:

— Вырвется иной разъ слово, но не по злобѣ, или непріязни, а такъ себѣ. Прошу прощенія, пани,—и онъ поцѣловалъ ея руку.

Этотъ поцѣлуй подкупилъ женщину, она улыбнулась очень мило.

— Сейчасъ видно хорошее воспитаніе, вы умѣете цѣнить женщинъ, такъ я вамъ ужъ прощаю.

Помирившіеся сосѣди сдвинули столики и выпили вмѣстѣ по двѣ кружки пива, терпѣливо слушая разговоры женщинъ о дороговизнѣ и тяжелыхъ временахъ.

— Танцевъ больше не будетъ?—спросила Стася, которой становилось скучно.

— Надо посмотрѣть,—отвѣтилъ Стефанъ.

Всѣ попрощались очень любезно и отправились къ танцевальной площадкѣ.

Всѣ аллеи были освѣщены довольно скупо китайскими фонарями, но эти разноцвѣтные фонари на фонѣ осеннихъ листьевъ, сморщившихся отъ заморозковъ, производили пріятное впечатлѣніе и очень нравились дѣвушкамъ.

На площадкѣ никого ужъ не было, и одинъ изъ распорядителей заявилъ, что позже, можетъ быть, будутъ танцы въ ресторанной залѣ.

Тогда они отправились по освѣщеннымъ аллеямъ въ глубь парка.

Марцыся, поправляя подколотые на затылкѣ волосы, немного отстала вмѣстѣ съ Францишкомъ, а Стася съ Стефаномъ пошли дальше.

Проведенный вмѣстѣ день, танцы, освѣщенный паркъ, играющая въ ресторанѣ музыка настраивали обоихъ мечтательно. Послѣ недолгаго молчанія Стефанъ спросилъ:

— Вы довольны днемъ?

— Очень даже!

— Если бы вы хотѣли, вы бы каждый день могли имѣть такое удовольствіе.

— Вы шутите, панъ Стефанъ.

— Какое тамъ, я правду говорю... не то, что танцы да гулянья, а такъ... просто счастье...

Сердце Стаси забилось отъ безпокойства и какъ бы радости, но она овладѣла собой и весело сказала:

— Я и такъ счастлива, я зарабатываю, имѣю, гдѣ спать, что ѣсть...

— Э, что мнѣ тамъ вилять, скажу прямо... Вотъ, если бы мы съ вами поженились... вы мнѣ ужасно нравитесь, панна, такъ какъ вы трудолюбивая, честная, я бы и о васъ и о матери вашей позаботился... Что вы на это скажете?

Стася, вся горя, остановилась, сердце ея билось, въ глазахъ мутилось, кровь, точно молотомъ, стучала. Помолчавъ, она сказала:

— Развѣ я знаю?.. Я маму спрошу.

— Да развѣ я съ вашей мамой жить буду?—онъ весело разсмѣялся.—Мама своимъ чередомъ, а вы что думаете?

— Хорошо бы это было,—сказала она, совершенно успокоившись,—но чѣмъ мы жить будемъ? Дороговизна страшная.

— Я и не думаю сейчасъ вѣнчаться... но черезъ годъ, черезъ два добьюсь чего-нибудь, тогда и поженимся... но я хочу имѣть ваше слово, чтобъ знать, стоитъ ли копить и работать.

— А ваша мать разрѣшитъ?

— Это ужъ мое дѣло... а почему бы ей не разрѣшить?—онъ пожалъ плечами.

— Вѣдь я не богатая,—прошептала она.

— Ерунда! Этакъ бы бѣдные никогда не женились,—разсмѣялся онъ.

— Это вѣрно,—сказала она, такъ какъ онъ умѣлъ ее убѣждать.

— Значитъ, что будетъ съ нами?—добивался онъ, беря ее за руки.

— Если вы мнѣ будете вѣрны, я ничего не имѣю противъ этого,—прошептала она.

— Вотъ такъ, моя Стаська,—онъ обнялъ ее за талію и прижалъ къ себѣ,—я тебѣ говорю, мы будемъ счастливы.

Неподалеку была свободная скамейка; они усѣлись и начали разсказывать другъ другу о жизни въ бѣлошвейной мастерской, о заботахъ своей жизни и о свѣтломъ будущемъ.

— Только ты, Стаська, не подпускай всякаго къ себѣ и не имѣй дѣла со всякимъ, такъ какъ ты вѣдь будешь женой мастера.

— Я это знаю. А развѣ теперь я имѣю съ кѣмъ-нибудь дѣло?

— Правда, и потому-то я тебя и выбралъ, что ты порядочная, хорошая дѣвушка, я за твоей жизнью слѣдилъ.

Окрики Марцыси и Францишка прервали ихъ мечтанія. Первая откликнулась Стася.

Марцыся, все радостная и раскраснѣвшаяся, подбѣжала къ нимъ съ вопросомъ:

— Куда же вы пропали?

— Это мы васъ ищемъ,—разсмѣялся Стефанъ.

— Знаешь,—шепнула Марцыся Стасѣ,—онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

— Это хорошо – отвѣтила та.

— Ужъ скоро семь,—сказалъ лакей, вынимая часы,—намъ пора.

— Пойдемъ вмѣстѣ,—вздохнула Стася, мечтательно глядя на паркъ, фонари и скамейки.

Стефанъ, помолчавъ минутку, сказалъ:

— Я бы могъ остаться, но что мнѣ за удовольствіе безъ панны Стаси?..

III.

Мать Стаси, выслушавъ сообщеніе дочери о предложеніи Стефана, очень обрадовалась, но тутъ же сказала:

— Скажи Стефану, что ты не какая-нибудь, а дочь рыбака, да еще Жагельскаго... Пусть же онъ тебя почитаетъ, пусть поклонится и попроситъ руки твоей, да не одинъ, а съ матерью своей. Тогда я буду знать, что онъ честно думаетъ о женитьбѣ.

— Я его хорошо знаю, мама,—улыбнулась Стася,—и знаю, что онъ не изъ такихъ, чтобы надуть.

— Ты знаешь свое, а я—свое... Жены добиваются не украдкой, какъ воръ, а открыто... Вѣдь ему нечего стыдиться, разъ онъ тебя выбралъ.

— Понятно, нѣтъ... Ужъ я ему скажу.

— Еще одно тебѣ скажу: я не допущу никакихъ амуровъ, пока не будетъ все по-человѣчески, какъ Богъ велѣлъ.

— Хорошо, мама.

И дѣйствительно, при первомъ же свиданіи она передала Стефану о требованіи матери. Онъ нахмурился и съ упрекомъ сказалъ:

— Нужно было тебѣ болтать! Успѣли бы еще съ формальностями...

— Ты бы успѣлъ, потому что ты мужчина, а я не желаю никакихъ сплетенъ и подозрѣній... Вотъ настанетъ зима, гдѣ мы видаться будемъ? какъ ты будешь заходить къ намъ? что будутъ говорить сосѣди и другіе?..

— Ну, можетъ, ты и права... Пойду ужъ въ свободное время къ матери и выложу ей все дѣло.

Они поговорили о томъ, о другомъ и мирно разошлись.

Стефанъ на другой же день побѣжалъ къ своей матери, но вернулся нахмуренный. Мать его была владѣлицей катка, и заведеніе ея было на Долгой улицѣ. Дѣла ея шли хоро-

шо. Къ ней приносили много бѣлья, такъ какъ катокъ былъ хорошій, чистый и новой конструкціи.

Она считала себя зажиточной и независимой женщиной и таковой же слыла среди своихъ знакомыхъ. Одного сына она отдала въ ученіе къ часовщику, а старшій Стефанъ—былъ ужъ подмастерье. Она гордилась своими сыновьями и мечтала о богатой женитьбѣ. Поэтому она не могла согласиться, чтобы ея старшій сынъ, такой еще малокососъ, связался съ бѣдной портнихой, дочерью прачки.

Она выругала сына и заявила ему, что она не согласится на такой мезальянсъ, пока она будетъ жить.

Стефанъ разсказалъ дѣвушкѣ о несогласіи своей матери, но утѣшалъ ее, что все уладится, и что они во что бы то ни стало поженятся. Стася, однако, очень огорчилась и разсказала объ этомъ матери.

— Нѣтъ, такъ нѣтъ! – крикнула возмущенная мать.— Кто жъ такіе, эти Былины?.. Вѣрно, мужики или рабочіе! А ты вѣдь Жагельская, дочь рыбака... теперь я не соглашусь на этотъ бракъ, не станешь ты просить у нихъ милости...

Несмотря, однако, на эти угрозы, дочери удалось убѣдить мать, что посѣщенія Стефана ни къ чему ихъ не обязываютъ и даже будутъ выгодны для ея репутаціи.

И Стефанъ приходилъ по вечерамъ, особенно, когда на дворѣ бывалъ дождь. И вотъ однажды онъ, радостный, сообщилъ, что мать согласилась на его женитьбу, но только черезъ годъ.

Въ квартирѣ Жагельскихъ воцарилась великая радость, и мать начала ужъ думать о томъ, какъ бы сберечь коекакія деньги, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь приданое.

Настали осенніе дни, насквозь пронизывающіе холодомъ и сыростью. Стася и Юлька послѣ легкаго завтрака убѣгали на работу и возвращались къ вечеру продрогшія, голодныя, радуясь, что онѣ найдутъ вытопленную комнату и горячій ужинъ.

Однажды удивленные сосѣди замѣтили, что Жагельская дома. А когда вечеромъ вернулись дочери, мать имъ печально сообщила, что она была въ нѣсколькихъ домахъ, гдѣ она постоянно стирала, и ей отказали.

— Но почему же, мама?

— Выдумки барскія, Стасенька... жалуются, что плохо стирать стала, что пятна остаются.

— Ничего, мама, найдутся занятія въ другихъ домахъ,— утѣшала Юлька.

Но и въ слѣдующій день онѣ застали дома раздосадованную и опечаленную мать.

— Что случилось, мама?

— У меня такъ болятъ руки и ноги, что выдержать не могу!.. но, можетъ, Богъ дастъ, это пройдетъ.

Но это не прошло, однако, и припадки ревматическихъ болей стали повторяться все чаще. Въ домѣ и такъ не было избытка, но всегда было, что поѣсть. Теперь же все стало трещать по швамъ. Сначала лавочница давала въ долгъ, но когда набралось до трехъ кронъ, она отказала въ дальнѣйшемъ кредитѣ. Все, что было лишняго изъ посуды и одежды, пошло къ старьевщикамъ-евреямъ—лишь бы доставить дѣтямъ кусокъ хлѣба. Она упросила хозяина повременить мѣсяцъ съ квартирной платой. И заглянула къ Жагельскимъ такая нужда, что часто и куска хлѣба не доставало, а маленькая плита въ углу стояла холодная и пустая. Сначала помогалъ Стефанъ, но такъ какъ и онъ зарабатывалъ теперь мало, то его помощь скоро замѣнилась однимъ лишь сочувствіемъ. Онъ продолжалъ увѣрять дѣвушку, что любитъ ее, что онъ на ней женится, но въ холодной и пустой комнатѣ засиживался обыкновенно недолго.

Мать, неспособная ни къ какой работѣ, охая и вздыхая, шаталась по холодной комнатѣ или посѣщала старыхъ знакомыхъ, выпрашивая легкую работу, которую она могла бы выполнить, несмотря на слабость и ревматизмъ.

Однажды вечеромъ Стася застала мать болѣе веселой и оживленной.

— Знаешь, Стася, съ насъ уже за мѣсяцъ слѣдуетъ за квартиру. Если мы не заплатимъ, насъ выбросятъ на улицу.

— Охъ, знаю, мама, знаю,—отвѣтила Стася со вздохомъ, съѣдая кусокъ сухого хлѣба и кутаясь въ старую, вытертую жакетку.—За квартиру мы должны заплатить, я принесу пять кронъ и шестнадцать геллеровъ и...

— А гдѣ-же еще сорокъ геллеровъ?—спросила Юлька.— Ты же получаешь шесть кронъ!

— Меня хозяйка оштрафовала.

— Такъ же, какъ меня,—вздохнула Юлька,—разъ я задремала, разъ опоздала,—вотъ и двадцать геллеровъ.

— Такъ больше жить нельзя, мама,—сказала Стася,—въ комнатѣ холодно, ѣсть нечего; вамъ, мама, нужно тепло и лекарства, а у меня ботинки протекаютъ...

— А мои, думаешь, лучше?—прервала Юлька.—У меня скоро пальцы вылѣзутъ.

— Я ужъ два дня лежу, потому что мнѣ не въ чемъ выйти,—заявилъ Ясь, лежавшій на диванѣ, кутаясь отъ холода.

— Отъ тебя, моя Стася, зависитъ,—начала мать, растирая ноющія колѣни,—чтобъ намъ всѣмъ стало лучше... Мнѣ

сегодня Антонева говорила, что на табачной фабрикѣ нужны работницы.

Она замолкла и испытующе посмотрѣла на дочь. Послѣдняя, помолчавъ минутку, съ горечью воскликнула:

— Мама, неужели мнѣ стать папиросницей?!

— Ахъ, дитя мое, честная дѣвушка всегда остается честной, и никакой трудъ не позоритъ... Подумай только, ты будешь зарабатывать двѣнадцать кронъ въ недѣлю и даже больше. Я бы сама пошла, но меня не примутъ, я слишкомъ стара.

— Я бы сейчасъ пошла!—горячо крикнула Юлька.— Зарабатывать такія деньги... ѣла бы я себѣ колбасу, пирожныя, наряжалась бы. Мнѣ тоже объ этомъ говорили, но я слишкомъ молода.

Стася оглядѣла холодную комнату, замѣтила, что мать подбираетъ для себя крошки хлѣба, вспомнила, что за квартиру не уплачено, вспомнила вытертое платье и продранныя ботинки и тихо прошептала:

— А сколько можно заработать?

— Я жъ тебѣ сказала, что работница получаетъ двѣнадцать кронъ и больше...

— Но я вѣдь все-таки буду папиросницей,—вздохнула она,—и что скажетъ на это Стефанъ?

— Стефанъ?!—сказала мать съ горечью.—Что онъ тебѣ хлѣбъ дастъ или поможетъ? Впрочемъ, онъ пойметъ, что если человѣкъ съ голоду помираетъ, то онъ берется за всякую работу.

— Подумай только, Стаська, сколько ты будешь зарабатывать?!—прибавила Юлька.—И въ комнатѣ будетъ тепло, и будетъ тебѣ, во что одѣться, и мамѣ лекарства купить.

— Знаю ужъ, знаю, ты меня не учи... А, можетъ, мама раньше со Стефаномъ поговоритъ?

— Если хочешь, говори... но я тебѣ должна сказать, что у меня ужъ больше силъ нѣтъ... меня-то въ больницу заберутъ, но что съ вами будетъ?

Въ ея выцвѣтшихъ глазахъ заблестѣли слезы.

— Ну, я ужъ пойду мама... вѣдь онъ не дуракъ, не станетъ онъ на меня изъ-за этого сердиться, вѣдь я иначе не могу...

— А, впрочемъ, дитя мое, на что людямъ знать, куда ты на работу ходишь? Мы сохранимъ тайну,—ни я, ни Юлька ни слова не скажемъ.

— И я тоже не буду говорить, Стаська!—крикнулъ Ясь съ дивана.—А когда ты дашь поправить мои башмаки?

— Дай раньше заработать,—улыбнулась она братишкѣ,— знаете мама, лучше-таки скрыть, куда я хожу на работу...

никому ни слова, а то сейчасъ же начнутся намеки, насмѣшки, сплетни.

— Ужъ я постараюсь,—увѣряла мать,—лишь бы только Стефанъ не проболтался.

— Какое тамъ! Вѣдь онъ самъ въ этомъ заинтересованъ... А когда пойти?

— Антонева говорила мнѣ, что послѣзавтра пріемъ, и надо имѣть метрическое свидѣтельство и аттестаты. Твой школьный аттестатъ у меня въ сундукѣ, а въ мастерской тебѣ, вѣрно, тоже выдадутъ.

— Хорошо, я скажу, что поступаю на должность, къ чему мнѣ болтать?

— Понятно, какое кому дѣло до этого?

Въ это время постучали въ дверь. Вошелъ Стефанъ.

— Добрый вечеръ!

Поцѣловавъ руку Жагельской и поклонившись, онъ спросилъ:

— Что же у васъ слышно?

— Садись!—сказала мать.—У насъ все старая бѣда: я больна, работать не могу.

— Знаю, а докторъ что?

— Была я въ больницѣ, велѣлъ онъ въ кровати лежать и порошки прописалъ... Но на что лекарство купить?

— Плохо, а у меня тоже лишняго нѣтъ... работы мало, радъ бы дать, да нѣту...

— Кто отъ тебя требуетъ?—сказала она.—Слава Богу, что для себя имѣешь.

— А тебѣ, Стаська, не повышаютъ платы въ мастеской?.. Ты весь день работаешь, какъ волъ, должны были бы войти въ положеніе,—сказалъ онъ немного спустя.

— Какое тамъ, они и не думаютъ,—улыбнулась она принужденно.—Вчера отказали двумъ, потому что работы мало... того и гляди—всѣхъ разгонятъ.

— Не дай-то Богъ, что будетъ съ вами?—воскликнулъ Стефанъ съ горечью.—Идетъ зима, нужно топливо, освѣщеніе, лекарство...

— Это мы и безъ тебя знаемъ,—проворчала мать.

— А у меня сапоговъ нѣтъ,—прибавилъ Ясь печально.

— Почему не могу я вамъ помочь?..—воскликнулъ Стефанъ съ искреннимъ горемъ.

— Знаешь, Стефанъ,—отвѣтила Стася, чужими руками хорошо жаръ загребать, а хлѣба ими не добудешь.

— Вѣрно ты говоришь, человѣкъ самъ долженъ зарабатывать свой хлѣбъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—продолжала Стася,—у насъ

бѣда: моего и Юлькина заработка не хватаетъ на квартирную плату... Я ужъ искала другую работу...

— И нашла?—съ живостью спросилъ онъ.

— Вотъ мама мнѣ совѣтуетъ поступить на табачную фабрику.

Она замолкла, выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ ея слова на Стефана, но онъ молчалъ и ждалъ дальнѣйшихъ объясненій. Ерзая на стулѣ, она прибавила:

— Заработокъ тамъ хорошій—двѣнадцать кронъ и больше въ недѣлю... Можетъ, и въ правду пойти?

— Заработокъ хорошій, правда, только эти папиросницы...—онъ презрительно улыбнулся,—не на очень хорошемъ счету.

— Кто станетъ обращать вниманіе на это? Есть между ними скверныя, есть и хорошія, какъ всегда бываетъ. Есть между ними порядочныя... замужнія женщины, матери дѣтей.

— Это какъ будто и такъ,—сказалъ онъ медленно,—но кто вступаетъ въ ихъ среду, къ тому всегда что-нибудь да прилипаетъ.

— Я и не думаю оставаться тамъ долго, какъ только мамѣ полегчаетъ, я опять пойду въ свою мастерскую. Но что дѣлать теперь, скажи самъ?

— Это вѣрно, голодъ—не тетка, онъ кричитъ: давай ѣсть,—онъ улыбнулся,—иди ужъ на фабрику, что ли, только не надолго.

— Я и сама такъ думаю,—прибавила Стася,—и, пожалуйста, не разсказывай никому объ этомъ, не хочу я людскихъ пересудовъ и сплетенъ.

— Я-то не скажу, мнѣ выгоднѣе молчать, но останется ли это тайной?

— Никто изъ насъ не скажетъ, такъ тайна и сохранится.

Онъ посидѣлъ еще немного, а когда Стася вышла на крылечко его проводить, онъ ей сказалъ:

— Если ты уже рѣшила, то иди на фабрику.

— Ты вѣдь лучше всѣхъ знаешь, что нужда меня гонитъ.

— Знаю, но смотри, Стаська, чтобы ты не поскользнулась.

— За меня ты не бойся, вѣдь я только тебя одного люблю.

— Будь мнѣ только вѣрна, и мы будемъ счастливы— ты увидишь.

Въ назначенный день Стася, одѣвшись по-праздничному, отправилась на табачную фабрику.

Былъ пасмурный, темный ноябрьскій день. Время отъ времени моросилъ мелкій, холодный дождь. Уже самое зданіе, окруженное высокой стѣной, съ рѣшетчатыми окнами, съ будкой городового, произвело на нее непріятное впечатлѣніе тюрьмы, и она прошептала:

— Охъ, мама, тяжело мнѣ будетъ...

— Эхъ, тамъ масса народа работаетъ, будешь работать и ты.

Мать позвонила у будки. Спустя немного времени заскрипѣлъ ключъ въ замкѣ, и на порогѣ появился высокій швейцаръ съ пышными бакенбардами, одѣтый въ длинную голубую ливрею съ блестящими желтыми пуговицами. Онъ гордо и презрительно посмотрѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ женщинъ и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

Его важное, высокомѣрное выраженіе лица обезкуражило женщинъ, и мать, низко кланяясь, сказала:

— Мы на фабрику... на работу...

— Ты слишкомъ стара для папиросницы. И толкается ихъ здѣсь столько зря, просто покоя нѣтъ.

— Это не я... а моя дочь,—она указала на Стасю.

— Эта?—онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.—Можетъ, и подойдетъ, сколько ей лѣтъ?

— Семнадцать, у меня ея метрическое свидѣтельство.

— Хорошо, посмотримъ, здоровая ли она... пойдемъ, я тебѣ покажу дорогу.

Онъ отступилъ отъ порога. Стася, немного напуганная, посмотрѣла на мать.

— Можетъ, вы и мнѣ позволите зайти?

— Нельзя!—крикнулъ онъ грозно.—А ты, молодая, идешь или нѣтъ? Нѣтъ у меня времени возиться тутъ съ вами!

Мать слегка толкнула Стасю и шепнула ей:

— Я тебя здѣсь подожду.

— Ты озябнешь, старая,—разсмѣялся онъ зло,—потому что это продолжится нѣсколько часовъ.

— Идите домой, мама,—сказала Стася, входя во дворъ фабрики.

Швейцаръ захлопнулъ калитку, заперъ ее на ключъ и обратился къ Стасѣ:

— Иди за мною! Ты тамъ найдешь компанію такихъ же, какъ ты.

Онъ ввелъ ее въ полутемный корридорчикъ, гдѣ находилось уже семь женщинъ.

— Жди тутъ и не шумѣть—тутъ не корчма, а управленіе!

Онъ ушелъ. Стоявшія въ корридорѣ женщины съ любопытствомъ взглянули на вновь прибывшую и, увидѣвъ на ней жакетку и шляпку, отодвинулись отъ нея. Онѣ знали, что на фабрикѣ нужны четыре работницы, а ихъ было уже восемь. Поэтому онѣ почувствовали злобу къ новой конкуррентке, посмотрѣли на нее злобными глазами, а одна изъ нихъ съ измятымъ лицомъ, зло улыбаясь и обнажая при этомъ бѣлые острые зубы, сказала:

— Мало заработковъ на улицѣ, еще у порядочныхъ женщинъ хлѣбъ отбивать станетъ...

— Не дождаться ей!—крикнула одна.

— Иди къ кавалерамъ, а не на фабрику!

Стася, слушая эти слова, блѣднѣла и краснѣла, но зажала губы и молчала. Открылись боковыя двери, и какой-то служащій крикнулъ:

— Идите сюда, становитесь въ рядъ!

Онѣ зашли въ комнату съ однимъ рѣшетчатымъ окномъ и съ голыми бѣлыми стѣнами. Тамъ стояли залитый чернилами столъ и два стула.

Конторщикъ, человѣкъ немолодой, нѣсколько сгорбленный, съ измятымъ лицомъ, одѣтый въ потертую, темную тужурку, погрузился въ свои бумаги на столѣ и, не поднимая головы, приказалъ:

— Приготовьте свои документы!

Потомъ онъ всталъ со стула, подошелъ къ женщинамъ, не говоря ни слова, взялъ у нихъ документы и, опять усѣвшись за столъ, сталъ медленно разглядывать ихъ.

— Стоять тихо! не двигаться и не разговаривать!

Крикнувъ это, онъ исчезъ въ боковыхъ дверяхъ.

Черезъ короткое время онъ съ низкимъ поклономъ открылъ дверь, и въ комнату вошли инспекторъ фабрики вмѣстѣ съ директоромъ Мелинкой, который, не обращая вниманія на поклоны женщинъ, окинулъ ихъ испытующимъ взглядомъ.

Это былъ человѣкъ средняго роста, одѣтый съ извѣстной претензіей на изящество, со спокойнымъ лицомъ, украшеннымъ бакенами и закрученными кверху усами.

Онъ медленно прошелъ мимо женщинъ, пронизывая каждую, оцѣнивая глазомъ, какая изъ явившихся будетъ хорошей работницей.

Онъ подошелъ къ столу и, обращаясь къ покорно выжидавшему конторщику, спросилъ съ сильнымъ чешскимъ акцентомъ:

— Гдѣ документы?

Онъ предложилъ свой вопросъ,—хотя и видѣлъ, что они

лежать на столѣ—такъ какъ формальность требовала, чтобы подчиненный вручилъ начальнику документы работницъ.

— Вотъ они!—торопливо отвѣтилъ конторщикъ.

Онъ взялъ ихъ въ руку и спросилъ первую съ краю женщину съ изможденнымъ лицомъ:

Получивъ отвѣтъ, онъ отложилъ ея метрическое свидѣтельство на столъ и сказалъ:

— Иди налѣво, къ стѣнѣ!

Второй по очереди была Стася. Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, замѣтилъ ея поношенное, вытертое платье, но былъ пораженъ выраженіемъ лица, съ прекрасными, глубокими глазами, въ которыхъ отражались безпокойство и нужда.

Услышавъ ея фамилію, онъ взглянулъ въ ея свидѣтельство объ окончаніи народной школы, еще разъ смѣрилъ глазами ея стройную фигуру и спросилъ:

— Твои родители?

— Отецъ—рыбакъ—умеръ пять лѣтъ тому назадъ,— отвѣтила она, смутившись,—а мать жива.

Онъ кивнулъ головой и, отложивъ отдѣльно бумаги Стаси, спросилъ фамилію ея сосѣдки, которая въ корридорѣ такъ язвительно ругала ее.

Директоръ, осмотрѣвъ ея метрическое свидѣтельство, служебный аттестатъ и ея измятое лицо, сказалъ:

— Иди налѣво, къ стѣнѣ!

— И ты также,—шепнула женщина Стасѣ.

Послѣдняя, ошеломленная новыми впечатлѣніями, машинально послушалась ея и сдѣлала шагъ влѣво. Но, замѣтивъ ея движеніе, директоръ строго крикнулъ:

— Ты стой!

Она стала, какъ вкопанная, вся блѣдная и еле дыша. Директоръ поочередно осмотрѣлъ остальныхъ кандидатокъ и, дошедши до послѣдней, крикнулъ:

— Позовите курьера!

Конторщикъ поспѣшилъ къ дверямъ и позвалъ курьера, который въ выжидательной позѣ остановился на порогѣ. Директоръ, разглаживая выхоленной рукой свои бакенбарды, произнесъ:

— Этихъ,—онъ указалъ на четырехъ, стоявшихъ у стѣны,—къ швейцару и на улицу, а этихъ къ господину доктору.

И, не взглянувъ на работницъ, онъ исчезъ въ дверяхъ, которыя ему услужливо открылъ конторщикъ. Женщины, стоявшія у стѣны, обмѣнялись взглядами съ оставшимися на мѣстахъ. У первыхъ глаза свѣтились злобой и завистью

у вторыхъ—торжествомъ и радостью. Только одна Стася стояла съ опущенными глазами.

— Эй, вы тамъ слѣва, двигайтесь!—крикнулъ курьеръ.— За мной!

Онъ взялъ у конторщика ихъ документы. Послѣдній знялся бумагами на столѣ, а оставшіяся въ комнатѣ женщины стали оглядывать другъ друга. Двое изъ нихъ были жены рабочихъ, третья—дѣвушка, всѣ въ платкахъ, съ измученными, исхудалыми лицами.

Прошло довольно много времени, пока въ комнату не вошелъ курьеръ и строгимъ голосомъ сказалъ:

— Идемте къ доктору!

Онѣ пересѣкли часть двора, вымощеннаго камнями, и, попали въ корридоръ трехъэтажнаго дома. Курьеръ жестомъ велѣлъ имъ остановиться. Самъ же постучался въ дверь и, доложивъ доктору, сказалъ женщинамъ:

— Идите къ господину доктору, а потомъ вернитесь въ контору, гдѣ вы были.

Оставшись однѣ, женщины не рѣшались войти. Наконецъ, самая смѣлая изъ нихъ, жена печника, нажала ручку двери, и всѣ четверо вошли въ кабинетъ врача.

Это была маленькая комната, въ которой находились chaise longue, плетеный стулъ для изслѣдованія женщинъ, стекляный шкафъ, который предназначался для храненія фабричной аптечки, но въ которомъ красовались всего три баночки, и письменный столъ, за которымъ сидѣлъ докторъ Фасолькевичъ, погруженный въ чтеніе газеты.

Услышавъ шаги входящихъ, онъ, не поднимая глазъ съ газеты, грозно крикнулъ:

— Чего лѣзете, какъ свиньи? Вонъ! ждите за дверью, пока васъ не позовутъ!

Женщины торопливо оставили комнату и, кутаясь въ платки, ждали въ холодномъ корридорѣ, въ которомъ сильно сквозило.

Докторъ вынулъ изъ кармана жилетки зубочистку и, ковыряя въ зубахъ, читалъ газету. Окончивъ чтеніе, онъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола зеркальце и сталъ разглядывать свой языкъ. Онъ былъ бѣловатъ. Докторъ сталъ тщательно вспоминать, что онъ вчера ѣлъ: обѣдъ былъ легкій—бульонъ, телятина, овощи, черный кофе и двѣ рюмки вина. Нѣтъ, обѣдъ не могъ ему повредить... Потомъ онъ выпилъ чашку бѣлаго кофе безъ пирожнаго и, наконнцъ, ужинъ.

— Знаю ужъ, — проворчалъ онъ самъ себѣ, — это бифштексъ былъ слишкомъ зажаренный, слишкомъ твердый, онъ мнѣ повредилъ.

Онъ рѣшилъ впредь лучше смотрѣть за зажариваніемъ и качествомъ мяса, опять посмотрѣлъ въ зеркальце и поправилъ маленькіе крашеные усики, медленно провелъ гребешкомъ по крашенымъ волосамъ и, внимательно разглядывая цвѣтъ ихъ, замѣтилъ зеленоватый оттѣнокъ и выругался:

— Мошенникъ этотъ парикмахеръ, обманулъ меня.

Онъ всталъ, вытянулъ руки, осмотрѣлъ свои бѣлые пухлые пальцы, потянулъ жилетку на немного торчавшемъ животѣ и посмотрѣлъ на золотые часы, стрѣлка которыхъ показывала половину одиннадцатаго:

— Подлая служба! Еще цѣлыхъ полчаса!

Онъ всталъ и, лѣниво потягиваясь, пошелъ своими короткими ножками къ двери, отворилъ ее, посмотрѣлъ на работницъ и съ гримасой неудовольствія крикнулъ, указывая на Стасю:

— Оставь въ сѣняхъ свое мокрое тряпье и свою сорную корзину съ головы и потомъ войди ко мнѣ.

Онъ закрылъ дверь. Спустя минуту она вошла въ комнату доктора безъ шляпы и жакетки. Смущенная, раскраснѣвшаяся, она остановилась въ дверяхъ, съ безпокойствомъ глядя на доктора, который, повернувшись къ ней спиной, глядѣлъ въ окно.

— Раздѣвайся!—крикнулъ онъ ей, не оборачиваясь.

Она колебалась, не зная, что дѣлать. А докторъ, слыша, что она не раздѣвается, обернулся и грозно крикнулъ:

— Ты не слышала, обезьяна ты этакая? Сними съ себя это тряпье и покажи груди!

Румянецъ облилъ все лицо дѣвушки, возмущенной обращеніемъ и требованіемъ доктора. Но она вспомнила о голодѣ, о матери, и покорно сняла блузку. Докторъ бросилъ на нее взглядъ и крикнулъ:

— Рубашку до пояса!

Она исполнила приказаніе. Докторъ медленно подошелъ, внимательно осмотрѣлъ маленькія груди, худощавый бюстъ, прикоснулся къ нимъ потными руками, а, когда дѣвушка отшатнулась, насмѣшливо улыбнулся:

— Не разыгрывай невинной овечки, я знаю, чего ты стоишь... Дыши глубоко, кашляй! Чѣмъ ты занималась?

— Шитьемъ!

— А любовниковъ много имѣла?

— Ни одного!—отвѣтила она, смутившись.

— Врешь! Но я этого не хочу изслѣдовать, ты, вѣрно, грязная... Ну, одѣнься въ свое тряпье и смотри, чтобъ у тебя ребенка не было,—этого нельзя, слышишь?

— Слышу, — прошептала она, быстро надѣвая на себя блузку.

— Если съ тобой что-нибудь случится, приди ко мнѣ, я тебѣ посовѣтую... Ну, убирайся!.. Подожди, твоя фамилія?

Онъ подошелъ къ письменному столу, записалъ и крикнулъ:

— За дверь! Теперь другая!

Это поверхностное и грубое осматриваніе работницъ называлось у доктора Фасолькевича изслѣдованіемъ ихъ здоровья и работоспособности, и за это онъ получалъ 200 кронъ въ мѣсяцъ.

Въ кабинетъ вошла вторая по очереди работница, а остальныя разспрашивали Стасю:

— Скажите, пожалуйста, какъ онъ изслѣдуетъ?

— Ужасно, — прошептала она дрожащимъ голосомъ, не будучи въ состояніи побороть испытываемое отвращеніе и негодованіе.

— Но все-таки, о чемъ онъ спрашиваетъ?

— Про кашель и... развѣ я знаю?

Въ эту минуту изъ кабинета вышла жена печника и, надѣвая на себя платокъ, проговорила:

— Живодеръ, а не докторъ, бѣшеная собака!

Докторскій осмотръ продолжался очень недолго, и женщины скоро вернулись въ корридоръ передъ конторой: ихъ такъ принизилъ и обезкуражилъ пріемъ доктора, что онѣ не рѣшались войти внутрь. Оскорбленная Стася чувствовала себя такой униженной и прибитой, что она еле удерживалась отъ слезъ. Она не понимала, что съ момента ея пріема директоромъ она перестала быть личностью, которая страдаетъ, чувствуетъ и испытываетъ стыдъ, и стала для администраціи фабрики лишь номеромъ, который долженъ выполнить порученную работу за установленную свыше плату.

Наконецъ, открылась дверь, и тотъ самый конторщикъ, который принялъ ихъ, сухо сказалъ:

— Завтра ровно въ семь часовъ у воротъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Колыбельная.

Спи, сыночекъ, спи, родной!
Сиротинки мы съ тобой.
Слушай, пѣсенку спою.
Баю, баюшки, баю.

Спи, родимый мой, не плачь.
Ходитъ по двору палачъ.
Во дворѣ бурьянъ растетъ,
А палачъ веревку вьетъ.

Пьянъ отъ солнышка бурьянъ,
А палачъ отъ крови пьянъ.
На рубашкѣ алъ кумачъ,
Кумача краснѣй палачъ.

Птичка пѣсенки поетъ.
А палачъ петлю плететъ.
Въ небѣ ясномъ синева,
А петля, какъ смерть, мертва.

Скоро солнышко зайдетъ,
Отдыхать палачъ пойдетъ.
Утромъ рано крикнетъ грачъ,
Встанетъ до свѣту палачъ.

Онъ съ петлей пойдетъ въ тюрьму,
Денегъ тамъ дадутъ ему.
Не вернется къ намъ отецъ...
Вотъ и пѣсенкѣ конецъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

Изъ Роберта Бёрнса.

Бо́ченокъ пива Биль сварилъ,
И я да Алленъ поскорѣй
Бѣжимъ къ нему, и въ эту ночь
Не сыщешь парней веселѣй.

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Три развеселыхъ молодца,
Смѣясь, за кружкой кружку пьемъ.
Богъ дастъ здоро́вья—мы еще
Не разъ такъ время проведемъ.
Рогатый мѣсяцъ ужъ плыветъ
Высоко въ синемъ небѣ. Ишь,
Мигаетъ намъ: пора домой.
Ну, нѣтъ, голубчикъ мой, шалишь!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Кислятина, кому на умъ
Взбредетъ идти домой, глупецъ!
У насъ, другъ мой, кто послѣ всѣхъ
Летитъ подъ столъ,—тотъ молодецъ!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ:
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Л. Андрусонъ.

ДВА МІРА.

Романъ **Корнеліи Гюигенсъ**.

*Переводъ съ нѣмецкаго **В. Величкиной.***

(Продолженіе).

Іоганнъ и Алида обвѣнчались и уѣхали въ Италію, и у Меріановъ все снова вошло въ свою обычную колею. Весеннія каникулы подходили къ концу, и Бертольдъ съ Робертомъ должны были въ самомъ скоромъ времени уѣхать обратно въ Дельфтъ. Хотя Меріану и нравился товарищъ его сына, но онъ все-таки радовался его скорому отъѣзду. Внимательно наблюдая Бэби со дня спектакля, онъ замѣтилъ такія явленія, которыя только укрѣпили его первое впечатлѣніе. Съ того вечера дѣвочка стала очень тиха, нервна и задумчива. Ея обычный, здоровый аппетитъ пропалъ, она часто обижалась на всякіе пустяки и ни слова не говорила съ Робертомъ. Для такого ненормальнаго состоянія у Меріана было только *одно* объясненіе. По старой привычкѣ онъ, однако, ничего не говорилъ о своихъ наблюденіяхъ женѣ, да и самъ придавалъ слишкомъ мало значенія всему дѣлу, чтобы останавливать на немъ дольше свое вниманіе. Когда Кантъ уѣдетъ, то вся эта глупость, разумѣется, тотчасъ же будетъ забыта, — въ этомъ онъ ни минуты не сомнѣвался. Однако, въ немъ еще было живо впечатлѣніе того вечера, когда онъ въ первый разъ почувствовалъ, что когда-нибудь должно наступить время, когда и это дитя, — послѣднее, — разстанется съ нимъ и другой будетъ заботиться объ его любимицѣ.

Кто же будетъ этотъ другой? Кому долженъ будетъ онъ рано или поздно передать будущее своей дочери? Что будетъ, если она сдѣлаетъ роковой выборъ, что вполнѣ возможно при ея слишкомъ рано просыпающейся натурѣ? Хотя онъ и считалъ все случившееся простымъ ребячествомъ, но все-таки невольно спрашивалъ себя, можетъ ли онъ когда-

либо довѣрить свою дочь такому человѣку, какъ Робертъ. Онъ слишкомъ мало зналъ нынѣшнихъ молодыхъ людей. Характеръ его старшаго сына, его грубый эгоизмъ и прикрытое изящными манерами чисто-матеріалистическое отношеніе къ жизни настраивали старика нѣсколько недовѣрчиво къ молодому поколѣнію. Царящій въ новой литературѣ духъ тоже казался ему мало утѣшительнымъ; Бертольдъ не былъ для него типомъ, и стоялъ, по его мнѣнію, совершенно отдѣльно. Робертъ же, напротивъ, казался ему до нѣкоторой степени среднимъ типомъ современныхъ молодыхъ людей. Меріанъ приглашалъ иногда по вечерамъ, послѣ семейнаго чаепитія, Роберта къ себѣ въ кабинетъ выкурить сигару, и тогда они всѣ трое спорили довольно долго, причемъ Меріанъ выдвигалъ всевозможные нравственные, политическіе и общественные вопросы. Бертольдъ обыкновенно молча слушалъ ихъ съ книгой въ рукахъ. Вѣрный своему намѣренію не высказывать своихъ новыхъ взглядовъ и мнѣній, пока онъ самъ не выяснитъ ихъ вполнѣ себѣ самому и не опредѣлитъ своего жизненнаго пути, онъ зато съ такимъ интенсивнымъ вниманіемъ прислушивался къ разговорамъ, что иногда даже кровь бросалась ему въ голову, а затѣмъ, когда онъ слышалъ мнѣнія, радикально расходящіяся съ его мыслями послѣдняго времени, блѣднѣлъ, какъ полотно. Ему доставляло прямо физическую боль, когда его собственный отецъ, человѣкъ, подъ руководствомъ котораго проснулась его умственная и духовная жизнь, осуждалъ теперь то, что онъ съ тихимъ благоговѣніемъ строилъ теперь въ своей душѣ. Благодаря тому, что это возникло въ самой глубинѣ его души, онъ могъ теперь спокойно противостоять этому осужденію, этому поруганію; но медленное духовное отчужденіе отъ идола всей его юности было для него истиннымъ мученіемъ. Однако, ему было невозможно думать иначе; онъ не могъ уже обойтись безъ того духовнаго кислорода, который наполнилъ всю его душу новой жизнью.

Дѣло было вечеромъ, наканунѣ ихъ отъѣзда въ Дельфтъ. Послѣ того какъ Робертъ довольно долго занимался музыкой съ дѣвушками и даже убѣдилъ Бэби сыграть съ нимъ въ четыре руки одну пьесу Діабелли, дамы отправились спать, а мужчины пошли посидѣть еще немного вмѣстѣ.

У Меріана получилось такое впечатлѣніе отъ Роберта, что онъ почти во всемъ согласенъ съ нимъ, и спорить имъ было почти не о чемъ. На его долю, вообще, рѣдко выпадала пикантная прелесть спора. Большинство его знакомыхъ, и особенно его сверстники старались избѣгать всякаго болѣе серьезнаго обмѣна мнѣній съ нимъ. Его само-

властная натура и его рѣзкій тонъ ничуть не измѣнились съ годами и придавали, обыкновенно, самый непріятный оборотъ спору. Но флегматическая натура Роберта, съ подлежащимъ уваженіемъ относившагося къ отцу своего друга, не вызывала еще до сихъ поръ у него этого тона. И вообще, Робертъ слишкомъ спокойно спорилъ, чтобы возможно было горячо напасть на него. Его тактика состояла скорѣе въ томъ, чтобы какимъ-нибудь, повидимому, невиннымъ замѣчаніемъ выбить противника изъ его позиціи и затѣмъ напасть на него со всей силой своего политическаго ума.

— Мы, въ сущности, живемъ теперь въ очень тяжелое время,—сказалъ Меріанъ въ этотъ вечеръ на какое-то замѣчаніе своего гостя.—Сила религіи сломлена,—по крайней мѣрѣ третья часть человѣчества лишена этого надежнаго руководителя. Хотя многіе и признаютъ еще ея внѣшнія формы, но самая сущность ея уже рухнула; наука же еще совершенно не въ силахъ замѣнить религію и воспрепятствовать современной деморализаціи и вырожденію. Старые боги свергнуты, и мы тщетно ищемъ новыхъ,—можетъ быть, это эгоистическое чувство, но я, въ сущности, очень радъ, что въ этотъ періодъ упадка, составляющій такой рѣзкій контрастъ съ могучей жизнью моей молодости, я уже старъ и мнѣ не предстоитъ начинать жизни.

— Не кажется вамъ, г. Меріанъ,—возразилъ Робертъ,—что нѣчто подобное чувствуетъ всякое нарождающееся и всякое отживающее поколѣніе? Спросите, напримѣръ, нашихъ молодыхъ энтузіастовъ и реформаторовъ. Что они думаютъ о современномъ періодѣ мірового развитія, и они вамъ, навѣрное, отвѣтятъ, что никогда еще въ мірѣ не жилъ болѣе великій и могучій духъ, какъ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія.

— О какихъ энтузіастахъ и реформаторахъ говорите вы?—спросилъ Меріанъ, слегка сдвинувъ брови.

— О всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ больше свѣта и новыхъ элементовъ красоты въ искусствѣ, въ дѣйствительной жизни и во всемъ.

— Ахъ, вы разумѣете нашихъ молодыхъ художниковъ,—сказалъ, улыбаясь, Меріанъ.

— Я разумѣю ихъ и всѣхъ другихъ передовыхъ дѣятелей въ области искусства, науки, государственной жизни, а также и въ области метафизики. Теперь многіе изъ насъ, молодыхъ, принадлежатъ къ мистикамъ и мечтателямъ. Хотя они и абсолютно не являются вѣрующими или религіозными въ старомъ, христіанскомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе они все-таки признаютъ особенную, отдѣленную отъ

физической жизни и вліяющую на нее жизнь души. Однимъ словомъ, они—дуалисты и даже ссылаются въ этомъ отношеніи на естественныя науки послѣдняго времени.

— Это удовольствіе я отъ всего сердца предоставляю имъ,—сказалъ съ усмѣшкой Меріанъ.—Естественныя науки я оставляю въ покоѣ, потому что я не могу слѣдовать за ихъ постоянными перемѣнами позиціи въ настоящее время. Я вполнѣ понимаю, что художники съ ихъ сильной индивидуальностью могутъ отрицать монистическое міросозерцаніе, которое не въ состояніи удовлетворить ихъ. Я ровно ничего не имѣю противъ того, что они даютъ свободный полетъ своей фантазіи. Но есть еще другой сортъ реформаторовъ, теоріи которыхъ далеко не такъ безвредны и которые осмѣливаются касаться самыхъ священныхъ основъ общества.

— Вы говорите о политическихъ энтузіастахъ, о соціалистахъ...

— Если вы ихъ называете энтузіастами, то я скорѣе назову ихъ... преступниками!—прервалъ Меріанъ.

Робертъ улыбнулся и искоса взглянулъ на Бертольда, перелистывавшаго альбомъ съ иллюстраціями.

Эта улыбка сильно задѣла хозяина.

— Если я ихъ называю преступниками, то это еще слишкомъ мягко,—началъ онъ снова.—По моему, это трусы и подлецы, потому что они осмѣливаются подрывать основы порядка и власти, отравлять честнаго и порядочнаго рабочаго своей возбуждающей ложью и пользоваться имъ, какъ орудіемъ для удовлетворенія своего честолюбія.

— Я могу вполнѣ понять ваши взгляды въ этомъ отношеніи,—сказалъ совершенно спокойно Робертъ.—Сторонники господствующей системы и, вообще, всѣ тѣ, кто хорошо себя чувствуетъ при существующихъ условіяхъ, во всѣ времена называли носителей новыхъ идей подрывателями основъ и бунтовщиками. Недавно мой отецъ далъ мнѣ великолѣпное описаніе настроенія умовъ въ сорокъ восьмомъ году и того, какъ во времена его юности въ консервативныхъ и аристократическихъ кругахъ относились къ либеральному движенію. Они не хотѣли признавать, чтобы либералъ могъ быть „порядочнымъ человѣкомъ". Но вамъ вѣдь это извѣстно все гораздо лучше, чѣмъ мнѣ, такъ какъ вы, какъ и мой отецъ, немало гордились тѣмъ, что за ваши идеалы свободы васъ считали „непорядочными" въ реакціонныхъ кругахъ.

Меріанъ съ возрастающимъ изумленіемъ слушалъ Роберта, и въ голосѣ его послышалось высокомѣріе, когда онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Я полагаю, г. Кантъ, что, несмотря на ваши своеобразныя параллели между либералами 1848-го года и современными соціалистами и анархистами или, какъ тамъ называется вся эта шушера, вы все-таки не подводите ихъ подъ одинъ уровень.

Робертъ отвѣтилъ не сразу. Старикъ оказался такимъ ужасно ограниченнымъ въ этомъ отношеніи. Что будетъ, если онъ, Робертъ, наконецъ основательно выскажется?—Подъ одинъ уровень я ихъ, разумѣется, не стану подводить,—отвѣтилъ онъ улыбаясь.—Для этого я считаю либераловъ слишкомъ практичными во всѣхъ своихъ стремленіяхъ. Они стояли и продолжаютъ стоять, по возможности, на почвѣ человѣческаго эгоизма, на почвѣ безусловно надежной. Они прежде всего боролись за завоеваніе своихъ собственныхъ привилегій, представляя себѣ родъ человѣческій чудовищемъ корыстолюбія и жадности, они брали основой своего міросозерцанія его самыя низменныя побужденія и такимъ образомъ строили отнюдь не на пескѣ. Совершенно противоположно дѣйствуютъ соціалисты или, по крайней мѣрѣ, ихъ вожди. Хотя они, по крайней мѣрѣ у насъ въ странѣ, почти всѣ принадлежатъ къ привилегированнымъ классамъ, но тѣмъ не менѣе они съ изумительной ревностью работаютъ прежде всего для другихъ и во вредъ себѣ самимъ. Затѣмъ они всѣми силами стараются выяснить тѣмъ общественнымъ классамъ, которымъ верхнія десять тысячъ обязаны своимъ положеніемъ, причины ихъ рабства и такимъ образомъ сами кидаются въ окно. Они мнѣ невольно напоминаютъ акробатовъ при ихъ упражненіяхъ на трапеціи. Если смотрѣть снизу, то эти упражненія являются образчиками необыкновеннаго мужества, но все время опасаешься, что эти бѣдняги разобьются на-смерть.

— И вамъ нравятся подобныя упражненія? Я чувствую отвращеніе къ акробатамъ и никогда не унижусь до того, чтобы пойти въ циркъ.

— А я очень люблю наблюдать этихъ бѣдныхъ идеалистовъ, витающихъ въ облакахъ,—возразилъ Робертъ со своей обычной, пріятной улыбкой.—Но il s'agit de s'entendre... Я, разумѣется, говорю не о динамитчикахъ и бомбистахъ этихъ несчастныхъ душевно-больныхъ, мѣсто которымъ въ лечебницѣ, но о тѣхъ упорно работающихъ піонерахъ, которые въ большихъ культурныхъ странахъ уже пережили свой періодъ мученичества; въ маленькихъ же странахъ къ нимъ все еще примѣняются репрессивныя мѣры и съ ними обращаются буквально, какъ съ паріями.

— Я очень сожалѣю, что не могу раздѣлять вашего ин-

тереса въ этомъ отношенiи,—ѣдко замѣтилъ Мерiанъ.—Мои симпатiи направлены совершенно въ другую сторону.

— Вы, можетъ быть, найдете это очень страннымъ съ моей стороны, но я съ гораздо большимъ интересомъ наблюдаю людей оригинальныхъ, чѣмъ обыкновенную дюжинную породу, которую наизусть знаешь. Когда съ самаго ранняго дѣтства всегда видишь только людей, которые ходятъ на двухъ ногахъ, то можетъ быть, благодаря только оригинальности, интересно иногда поближе приглядѣться къ тѣмъ экземплярамъ, которые стоятъ на головѣ.

— Во мнѣ клоуны вызываютъ только отвращенiе. Кромѣ того, я еще очень сомнѣваюсь, не дѣйствуетъ ли заразительно продолжительное наблюденiе подобныхъ элементовъ, а это было бы очень печально, разумѣется.

— Я не считаю этого вѣроятнымъ, потому что для этого требуется особенное предрасположенiе. Что касается до меня, то мои наблюденiя ни на iоту не выведутъ меня изъ моего естественнаго равновѣсiя.

— Мой девизъ: кто не за меня, тотъ противъ меня,—сказалъ Мерiанъ авторитетнымъ тономъ.—Я придерживаюсь того мнѣнiя, что всякiй интеллигентный и порядочный человѣкъ долженъ составить себѣ опредѣленныя убѣжденiя по важнѣйшимъ вопросамъ времени и, соотвѣтственно этому, мыслить и дѣйствовать. Если, по моему убѣжденiю, въ обществѣ существуютъ превратныя теченiя, то я обязанъ выступать противъ нихъ и ни въ коемъ случаѣ не имѣю права уклоняться отъ этой обязанности.

Робертъ только что хотѣлъ отвѣтить, какъ вдругъ раздался голосъ до сихъ поръ молчавшаго Бертольда.

— Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣнiе, папа. Нейтральная точка зрѣнiя Роберта всегда была для меня загадкой. Мы не должны уклоняться отъ того, что происходитъ кругомъ насъ. Когда человѣкъ достаточно видѣлъ, читалъ и думалъ, чтобы опредѣлить свое отношенiе, то...

— Мой опытъ, напротивъ, говоритъ мнѣ, что я никогда не буду принадлежать къ какому-нибудь опредѣленному направленiю, — прервалъ Робертъ.—Это убѣжденiе, на мой взглядъ, имѣетъ такое же право на существованiе, какъ и всякое другое. Съ моей общественной совѣстью эта точка зрѣнiя очень хорошо уживается.

Лицо Мерiана просвѣтлѣло при первыхъ словахъ сына. Разговоръ съ Робертомъ подѣйствовалъ на него чрезвычайно угнетающе. Такой назойливый, незрѣлый цинизмъ, какъ онъ назвалъ его въ душѣ, былъ ему чрезвычайно непрiятенъ. Онъ даже серьезно опасался его влiянiя на Бертольда.

— Меня очень радуетъ, Бортольдъ, встрѣтить въ тебѣ

союзника,—сказалъ онъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ, доставившимъ Роберту утонченное, эпикурейское наслажденіе.—Ты еще молодъ, чтобы быть въ состояніи уже составить себѣ опредѣленныя убѣжденія, и ты можешь еще повременить съ этимъ. Но я надѣюсь, что впослѣдствіи ты не осанешься празднымъ и равнодушнымъ, когда въ обществѣ появятся опасные элементы.

— Подъ этими опасными элементами ты подразумѣваешь соціалистическое движеніе?—спросилъ Бертольдъ.

Отецъ почти съ испугомъ взглянулъ на него.

— Разумѣется!

— Но ты, вѣдь, во всякомъ случаѣ, уважаешь твердыя убѣжденія соціалистическихъ вождей?

— Ни въ коемъ случаѣ! Убѣжденій преступниковъ я не уважаю.

— Ну, теперь мы завертѣлись,—подумалъ про себя Робертъ?—Если бы только у Бертольда хватило благоразумія молчать.

— Что же касается до меня, то я уважаю,—возразилъ Бертольдъ на этотъ разъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ его отецъ. Только теперь Робертъ замѣтилъ поразительноесходство обоихъ голосовъ.—Я уважаю убѣжденія соціалистовъ точно такъ же, какъ и всѣхъ другихъ политическихъ партій. Кто сомнѣвается въ честности намѣреній другихъ, тотъ и имъ даетъ также право сомнѣваться въ нашей собственной честности. Я еще мало понимаю въ политикѣ, но настолько-то мнѣ уже стало ясно, что всегда прежде всего начинаютъ заподозрѣвать честность своихъ противниковъ, и такую тактику я считаю абсолютно вредной.

— Въ этомъ ты совершенно правъ, мой милый мальчикъ! Но, вѣдь, ты не назовешь же политической партіей враговъ нашей спокойной, благоустроенной, общественной жизни. Съ такимъ же правомъ слѣдовало бы назвать людьми честнаго образа мыслей и разбойниковъ съ большой дороги, требующихъ у прохожихъ жизнь или кошелекъ.

— Я совершенно не могу согласиться съ твоимъ мнѣніемъ, папа! Соціалистическій принципъ, съ которымъ я нѣсколько ближе познакомился за послѣднее время, отнюдь не является принципомъ разбойниковъ съ большой дороги, но представляетъ собой, напротивъ, выраженіе самаго высшаго представленія о любви къ ближнему. Тотъ способъ, какъ пропагандируется этотъ принципъ, я нахожу чисто человѣчески несовершеннымъ, но самый принципъ отъ этого нисколько не страдаетъ.

— Но ты скоро поймешь, что эти явленія неизбѣжно компрометтируютъ и самое движеніе!

— Развѣ ты считаешь это необходимымъ слѣдствіемъ? Развѣ мы признаемъ Христа и его ученіе отвѣтственнымъ за всѣ тѣ ужасы, которые на протяженіи всей исторіи совершались во имя его?

Робертъ, сидѣвшій рядомъ съ Меріаномъ, замѣтилъ, какъ онъ поблѣднѣлъ, и вмѣшался въ разговоръ.

— Я радъ, Бертольдъ, что ты ссылаешься на христіанское ученіе, такъ какъ именно оно-то и представляетъ собой самое рѣзкое осужденіе бѣдныхъ, современныхъ идеалистовъ съ точки зрѣнія практической выполнимости. Двадцать столѣтій христіанскаго теоретизированія нисколько не измѣнили первобытной звѣрской натуры человѣка и двадцать столѣтій соціалистическаго теоретизированія окажутся точно также безсильны. Здѣсь рѣзче всего выражается неизбѣжная судьба всякаго идеалистическаго движенія. Ничего не выйдетъ, кромѣ безплодныхъ споровъ о соціальной справедливости и ея придатка,—женскаго равноправія, это въ такой модѣ теперь,—пока мы снова не попадемъ въ періодъ реакціи, какъ это и смѣняется въ теченіе всей міровой исторіи.

Во время этой рѣчи Робертъ выразительно глядѣлъ на своего друга, какъ бы желая сказать ему: „Замолчи же, наконецъ, и пощади его!" и Бертольдъ, въ самомъ дѣлѣ, замолчалъ. Въ строгихъ чертахъ лица, всегда до сихъ поръ улыбавшихся ему, онъ видѣлъ такое глубокое выраженіе горя, что у него сразу пропало все мужество говорить еще что-нибудь по этому поводу. Онъ чувствовалъ себя точно парализованнымъ возвратнымъ ударомъ своихъ собственныхъ мыслей и былъ совершенно не въ состояніи слѣдить за тѣмъ, какъ добросовѣстно старался Робертъ успокоить елеемъ своего философскаго спокойствія высоко поднявшіяся волны моря.

Роберту теперь было очень непріятно, что онъ безъ всякой необходимости разсердилъ своего почтеннаго хозяина. Вѣдь, это все равно не могло ни къ чему привести. Продуктъ прошлаго періода жизни, застывшій во взглядахъ своей юности, онъ былъ совершенно не въ состояніи непредубѣжденно судить о новомъ времени. И молодой человѣкъ всѣми силами старался снова успокоить вызванную имъ бурю, искусно направляя разговоръ въ другую сторону. И въ данную мунуту ему удалось устранить опасность. Тѣмъ не менѣе, Бертольдъ еще очень долго чувствовалъ послѣдствія этого внезапнаго столкновенія. Робертъ могъ это ясно видѣть. Хотя онъ и никогда больше не возвращался къ разговору этого вечера, но ему казалось, что онъ

все-таки достигъ нѣкоторыхъ результатовъ уже тѣмъ, что Бертольдъ могъ дать себѣ ясный отчетъ, что предстояло ему со стороны отца, если онъ будетъ продолжать преклоняться передъ алтаремъ своихъ внутреннихъ душевныхъ потребностей,—передъ алтаремъ, который могъ воздвигнуться только на развалинахъ всего, что до сихъ поръ было для него самымъ священнымъ и дорогимъ.

* * *

Бертольдъ, въ самомъ дѣлѣ, видѣлъ лучше, чѣмъ раньше, угрожающія тѣни, омрачавшія его путь, тотъ путь, который онъ, не различая его еще ясно и, можетъ быть, даже именно поэтому, рисовалъ божественно-прекраснымъ въ своихъ мечтахъ. Но Робертъ сильно ошибался, полагая, что болѣе правильное представленіе о представляющихся трудностяхъ могло ослабить его иллюзіи и затуманить новый свѣтъ, загорающійся на горизонтѣ его жизни,—тотъ свѣтъ, къ которому онъ рвался душой, подобно сынамъ Израиля во время ихъ странствованія по пустынѣ. Опасности могли только возбудить его надежды и подогрѣть его новую вѣру, которая таинственно, подобно чистому, мистическому цвѣтку, расцвѣла, наконецъ, въ глубинѣ его души и, какъ всѣ горячо вѣрующіе люди, онъ воображалъ, что въ немъ постепенно выростаетъ непреодолимая, горами двигающая сила убѣжденія, передъ которой должно все преклониться, — та сила, которая, подобно могучему дыханію бури, смететъ все гнилое и отжившее.

И когда онъ заговоритъ, наконецъ, языкомъ вдохновенія, то его отецъ, его лучшій другъ, первый склонится передъ этой красотой и истиной. Онъ былъ благодаренъ Роберту за то, что онъ далъ ему знакъ замолчать. Онъ ясно чувствовалъ, что не имѣлъ еще никакого права говорить о тѣхъ вещахъ, которыя онъ могъ считать своимъ духовнымъ достояніемъ только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы и изученія.

Въ такомъ настроеніи вернулся онъ въ Дельфтъ и снова встрѣтился тамъ съ семействомъ Деннерсовъ, съ которымъ онъ очень сблизился зимой, а также и съ Марталисомъ, общества котораго, какъ говорили студенты, онъ, въ самомъ дѣлѣ, искалъ и который всегда былъ готовъ указать ему правильный путь въ лабиринтѣ знанія, гдѣ онъ легко могъ заблудиться безъ надежнаго руководителя. Въ этомъ отношеніи Марталисъ добросовѣстно выполнялъ свою задачу. Онъ руководилъ его соціологическими и естественно-

историческими занятіями, научилъ его понимать Спенсера и Гексли и всегда готовъ былъ подѣлиться съ нимъ своими знаніями. Но больше онъ ничего не дѣлалъ, и отношенія ихъ сохраняли пока только этотъ характеръ. О болѣе тѣсномъ сближеніи со стороны Марталиса не было и рѣчи; въ этомъ отношеніи привыкшій къ болѣе легкому успѣху у своихъ прежнихъ друзей Бертольдъ ничего не могъ добиться.

Поэтому неясное нѣсколько ожиданіе, что при первомъ выраженіи симпатіи съ его стороны Марталисъ съ такой же готовностью пойдетъ къ нему навстрѣчу, не оправдывалось; даже встрѣчаясь часто у Деннерсовъ, онъ не проявлялъ ни малѣйшаго желанія сколько-нибудь болѣе близкихъ отношеній.

Это впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе у Бертольда, что Марталисъ чувствовалъ себя совершенно, какъ дома у Деннерса, бывшаго другомъ его отца. Онъ обращался съ Анной Деннерсъ, какъ съ сестрой, а хозяйка дома относилась къ нему съ истинно материнской заботливостью; къ лицамъ же, съ которыми Марталисъ встрѣчался у нихъ, онъ проявлялъ только безупречную вѣжливость, которая скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала.

Бертольдъ, наконецъ, узналъ тайну, которая скрывалась въ молодыхъ, строгихъ чертахъ лица и въ холодныхъ, сѣрыхъ глазахъ товарища. Когда онъ бывалъ у него одинъ, то среди разговора чисто-научнаго характера по поводу тѣхъ произведеній, которыя рекомендовалъ ему для чтенія, иногда какое-нибудь рѣзкое, ироническое замѣчаніе проявляло его внутреннюю сущность,—всю ту горечь, которой наполняла его полная безчувственность тѣхъ тысячъ, которыя плавали въ безнравственной роскоши и оставались совершенно равнодушными къ одичанію массъ, живущихъ въ нищетѣ, — противъ тѣхъ тысячъ, которыя рѣшаются произносить слово „красота“ въ то время, какъ ужасное общественное гніеніе, страшный процессъ разложенія все идетъ впередъ, доходя почти до самаго порога ихъ дворцовъ.

Но потомъ такъ же внезапно и неожиданно, какъ такое замѣчаніе вырывалось у него, онъ снова возвращался къ своей обычной манерѣ и какъ будто сожалѣлъ, что на минуту измѣнилъ себѣ.

— Почему Марталисъ всегда такой сдержанный и замкнутый даже въ кругу друзей и одиномышленниковъ?— спросилъ однажды Бертольдъ, оставшись послѣ семейнаго обѣда у Деннерсовъ одинъ съ хозяйкой дома и дочерью.

Онъ теперь часто бывалъ у нихъ въ домѣ и былъ искренно благодаренъ за всегда ласковый пріемъ. Тамъ онъ вращался

въ кругу новыхъ идей и вліяній, о дѣйствіи которыхъ онъ еще не могъ дать себѣ вполнѣ сознательнаго отчета, но которые, однако, постепенно измѣняли его прежніе взгляды на всевозможныя вещи и явленія, даже въ отношеніи повседневной жизни, а также совершенно измѣнили и его собственную до сихъ поръ односторонне сосредоточенную въ самомъ себѣ личность. Дѣлалось это, однако, такъ постепенно и съ такими незамѣтными переходами, что никто— и меньше всего онъ самъ—не замѣчали этой перемѣны и его приспособленія къ новому кругу знакомыхъ.

— Почему нашъ другъ Марталисъ большей частью такъ замыкается въ себя?—почти грустно повторила госпожа Деннерсъ въ отвѣтъ на вопросъ Меріана.—Если бы вы знали, что онъ пережилъ въ своей жизни, то вы, навѣрное, не удивлялись бы этому. Въ послѣдніе годы онъ сдѣлался очень подозрителенъ и натура его сильно ожесточилась. Онъ живетъ исключительно ради своего принципа и своимъ дѣломъ. Личныхъ симпатій для него не существуетъ. Люди причинили ему страшно много горя.

— Я вполнѣ понимаю его сдержанность по отношенію къ тѣмъ, кто смотритъ на него съ ненавистью или отвращеніемъ, но къ своимъ единомышленникамъ...

— Неужели вы думаете,—прервала его госпожа Деннерсъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ онъ принимаетъ участіе въ рабочемъ движеніи, самые тяжелые удары были нанесены ему врагами? Нѣтъ, самыя горькія испытанія заставили его пережить какъ разъ тѣ, кому онъ отдалъ всѣ свои силы.

— Вы хотите сказать, что народъ оказался неблагодарнымъ по отношенію къ нему?—спросилъ Бертольдъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Она подняла на юношу свои темные, выразительные глаза. Несмотря на свои 55 лѣтъ, госпожа Деннерсъ была еще стройная, импозантная женщина съ тонкими, благородными чертами лица, въ которыхъ и при полномъ спокойствіи было что-то строгое, хотя строгость эта и смягчалась нѣсколько сѣдыми волосами, мягкими, волнистыми линіями, поднимающимися надъ высокимъ лбомъ.

Съ первой же минуты Бертольдъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ ней, хотя именно ея-то личность и вся ея жизнь перевертывала всѣ составившіяся у него убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, то, что онъ считалъ ими, относительно женщинъ.

— А кто предалъ палачамъ Христа?—спросила она, кинувъ почти сострадательный взглядъ на своего юнаго собесѣдника.—Кто, какъ не тотъ же народъ, который онъ

осыпалъ благодѣяніями и любовью! „Распни! Распни его!“ и теперь еще громче всего кричатъ какъ разъ тѣ, спасеніе которыхъ реформаторъ поставилъ своей цѣлью.

— Но вѣдь за двадцать столѣтій человѣчество далеко ушло впередъ, мама!—сказала Анна, оторвавшись на минуту отъ своей работы.

— Я боюсь, что въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь, этого не произошло, дитя мое. Въ настоящее время въ обществѣ есть слои, стоящіе гораздо ниже, чѣмъ въ прежнія времена, если, конечно, принять во вниманіе высокое развитіе другихъ классовъ его, и эти жалкіе, одичавшіе люди являются слѣпыми орудіями въ рукахъ тѣхъ, кто умѣетъ пріобрѣсть на нихъ вліяніе.

— Но Бальтіанъ Рустинъ... первый, ставшій вождемъ движенія... его народъ долженъ бы боготворить прямо уже изъ одного чувства благодарности за то, что онъ для него сдѣлалъ.

— Вы говорите о народѣ, Меріанъ... но подъ этимъ вы, вѣроятно, разумѣете, маленькую кучку сторонниковъ, небольшое число единомышленниковъ, которые настолько развиты, чтобы питать сознательное чувство благодарности. Эти немногіе, дѣйствительно, остаются ему вѣрны, потому что они никогда не могутъ забыть, что онъ сдѣлался мученикомъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ ради нихъ, а затѣмъ жилъ въ ихъ средѣ отщепенцемъ общества.

— Какъ прекрасно было съ его стороны стать въ оппозиціи ко всему обществу и все принести въ жертву своему убѣжденію!—сказала Анна съ блестящими отъ волненія глазами.—Что бы о немъ теперь ни говорили, я всегда буду смотрѣть на него, какъ на одного изъ великихъ людей нашей родины.

Бертольдъ съ испугомъ взглянулъ на говорившую. Въ немъ все еще были живы принципы его отца, все еще тлѣлся остатокъ презрѣнія къ такъ ненавидимымъ въ его кругу вождямъ народа. И чувство это не исчезло даже благодаря отношеніямъ къ Марталису, бывшему такимъ горячимъ противникомъ разрушительной тактики старой соціалистической партіи. И вотъ, вдругъ молодая дѣвушка съ такой спокойной увѣренностью говоритъ о подобныхъ вещахъ! У него невольно явилось чувство раздраженія и удивленія къ Аннѣ.

По отношенію къ женщинамъ онъ забывалъ свое собственное свободное воспитаніе и вполнѣ попадалъ во власть традицій своего прежняго круга.

Госпожа Деннерсъ съ снисходительной улыбкой смотрѣла на дочь.

— Да, она всегда восторгалась имъ, почти съ самаго своего школьнаго возраста; не правда ли, дитя мое?

Да я и сама не безъ вины въ этомъ отношеніи,—прибавила она съ лукавой усмѣшкой въ глазахъ, такъ какъ отъ нея не укрылось неодобрительное отношеніе Бертольда.— И теперь еще первый огненный порывъ его идеализма перевѣшиваетъ для меня всѣ его позднѣйшія слабости.

— Слабости...—повторилъ Бертольдъ, начиная волноваться,—вы называете это только слабостями? Но развѣ не стремился онъ всѣми своими силами ставить всюду препятствія, бороться съ истинными друзьями народа и безсовѣстно разрушать все то, что онъ самъ раньше создавалъ... и все это только затѣмъ, чтобы самодержавно руководить движеніемъ.

— Вы этому вѣрите, Меріанъ? Я—нѣтъ. Для меня ясно, что Бальтіанъ Рустинъ дѣйствуетъ на основаніи своихъ твердыхъ убѣжденій. Каждое большое движеніе имѣетъ обыкновенно два направленія, два теченія,—одно болѣе умѣренное и другое—непримиримое. Каждый чувствуетъ влеченіе къ тому или другому направленію, смотря по темпераменту. Но истина обыкновенно—ни налѣво, ни направо, а посрединѣ. Постоянныя же тренія борющихся партій сильно поднимаютъ человѣческую энергію и будятъ тѣ факторы, которые необходимы, чтобы вызвать индивидуумовъ къ большему напряженію своихъ силъ. Такимъ образомъ успѣхъ одной партіи очень часто обусловливается тактикой ея противниковъ.

— Однако, Марталисъ недавно увѣрялъ меня, что интернаціональная соціалъ-демократія, стремящаяся усилить свое представительство въ парламентахъ, не имѣетъ болѣе яраго и болѣе опаснаго врага, чѣмъ Рустинъ, хотя недавно онъ и самъ былъ членомъ палаты.

— Не забывайте, что нашъ другъ Мартались слишкомъ партійный человѣкъ, чтобы быть въ состояніи вполнѣ объективно отнестись къ поведенію своего противника,—сказала госпожа Деннерсъ.—Въ качествѣ вождя опредѣленнаго направленія онъ даже долженъ быть нѣсколько одностороненъ, такъ какъ въ этомъ отчасти и заключается его сила. Благодаря тому, что онъ съ достойнымъ всякаго удивленія мужествомъ боролся за направленіе движенія на практическій путь парламентаризма, для него рѣшительно невозможно перенестись въ сферу идей такого апостола чувствъ, какъ Рустинъ, который, кромѣ того, находится еще подъ вліяніемъ своего собственнаго тревожнаго прошлаго и, благодаря уваженію своихъ товарищей и поклоненію массъ, превратился изъ идеалиста въ фанатика. Боль-

шой съѣздъ партіи, имѣвшій своимъ слѣдствіемъ окончательный расколъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ, останется незабвеннымъ моментомъ въ движеніи. Послѣ долгихъ споровъ и разногласій между Марталисомъ и Рустиномъ по поводу необходимости единаго дѣйствія сдерживаемая до сихъ поръ рознь, открытая борьба между этими двумя такими рѣзко различными взглядами была, наконецъ, рѣшена и между обоими вождями стояла бѣдная, колеблющаяся и невѣжественная масса, за благо и счастье которой шла эта борьба; она попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону... пока, наконецъ, вѣсы сразу не перевѣсили, и одинъ могучій порывъ увлекъ ихъ всѣхъ на сторону того, кому они такъ долго вѣрили, на сторону того человѣка, передъ которымъ послѣ его блестящихъ, огненныхъ рѣчей преклонялись, какъ передъ своимъ спасителемъ и мессіей, ихъ жены и дѣти и готовы были цѣловать его руки и край его одежды. Тогда наступила тяжелая минута для Марталиса. Провожаемый насмѣшками и криками „измѣнникъ!" даже со стороны тѣхъ, кто нѣсколько минутъ тому назадъ съ восторгомъ привѣтствовалъ его, онъ долженъ былъ склониться передъ бурей и покинуть залъ. Въ его ушахъ, навѣрное, звучало тогда: „Распни его!", такъ какъ онъ уже въ то время много сдѣлалъ и многимъ пожертвовалъ для тѣхъ, кто въ безсмысленной ярости почти готовъ былъ наложить на него руки.

— Но вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите въ честность намѣреній и поведенія Рустина?

Въ эту минуту Бертольдъ не сознавалъ, что онъ обращался со своимъ вопросамъ къ женщинѣ и притомъ въ такомъ тонѣ, какъ будто ея приговоръ имѣлъ для него рѣшающее значеніе.

— Разумѣется!—отвѣтила та.—Я съ полной увѣренностью могу сказать, что честность его для меня внѣ всякаго сомнѣнія.

— А я не понимаю,—добавила Анна,—какъ можетъ кто-нибудь сомнѣваться еще въ этомъ. Въ такомъ случаѣ, можно также задать себѣ вопросъ, были ли честны первые христіане, которыхъ мучили за ихъ вѣру?

Слова ея звучали скорѣе дѣтски-наивно, чѣмъ рѣзко, и, какъ всегда, когда она волновалась, щеки ея сначала слегка покраснѣли, а затѣмъ снова быстро поблѣднѣли.

— Я отнюдь не высказываю сомнѣній въ честности его соціалистическихъ убѣжденій,—тотчасъ же возразилъ Бертольдъ,—я имѣю въ виду исключительно его настоящую тактику, которая препятствуетъ могучему соціальному движенію.

— Но и этого я не понимаю!—снова возразила Анна.— Нельзя сомнѣваться въ томъ, чья жизнь была вся однимъ сплошнымъ подвигомъ. Какъ только онъ, будучи проповѣдникомъ, пересталъ вѣрить, онъ, не колеблясь ни минуты, отказался отъ всѣхъ привилегій, которыми онъ пользовался на этомъ мѣстѣ. Когда онъ понялъ наше грубое и варварское общество, онъ вышелъ изъ него и сталъ вести жизнь простого рабочаго. И человѣкъ съ такимъ прошлымъ можетъ вдругъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ!

— Теперь ты неправильно смотришь на дѣло, Анна!— замѣтила ей мать.—На свѣтѣ не только все бѣло или черно, но между этими двумя крайностями лежитъ множество оттѣнковъ, и въ этихъ-то оттѣнкахъ большей частью и кроется истина, особенно, когда дѣло идетъ о такой сложной натурѣ, какъ Бальтіанъ Рустинъ. Я постольку вѣрю въ силу его убѣжденія, поскольку онъ сознательно не будетъ неискреннимъ съ самимъ собой или съ другими и намѣренно не поведетъ народъ на ложный путь. Но онъ вполнѣ во власти обстоятельствъ, тогда какъ, еслибы онъ былъ, дѣйствительно, великъ, то онъ самъ бы владѣлъ ими. Нужно гораздо меньше силы воли на то, чтобы въ пылу вдохновенія пожертвовать собой за свой идеалъ, чѣмъ на то, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ среди партійныхъ раздоровъ и разногласій и личныхъ недоразумѣній. Вполнѣ понятно, что Рустинъ, испытавъ на самомъ себѣ парламентскую дѣятельность и почувствовавъ свое полное безсиліе, въ качествѣ единственнаго соціалистическаго депутата, теперь презираетъ эти политическія пререканія и опасается деморализующаго вліянія этой сферы на менѣе добросовѣстныхъ и менѣе развитыхъ депутатовъ, чѣмъ онъ самъ. Но, съ другой стороны, онъ долженъ былъ бы видѣть, что исключительно революціонная агитація не имѣетъ достаточно силы и необходима также и парламентская дѣятельность. Къ несчастью, тутъ играетъ еще значительную роль личная вражда и оскорбленное самолюбіе и, благодаря этому, борьба, которую онъ ведетъ, пріобрѣтаетъ такой, выражаясь мягко, недостойный характеръ. Въ борьбѣ за свои убѣжденія онъ долженъ былъ бы поступать больше, какъ философъ, больше понимать своихъ учениковъ, умѣть уважать чужія мнѣнія и прежде всего употреблять совершенно иное оружіе, чѣмъ то, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался, и которое настолько неблагородно, что заставляетъ забывать все его прошлое и роняетъ даже самый его идеалъ. Въ этомъ онъ виноватъ, Анна, отрицать этого нельзя. Когда то онъ былъ великъ, но, къ сожалѣнію, онъ не сумѣлъ имъ остаться.

Анна не сказала больше ни слова, а Бертольдъ слушалъ съ такимъ интенсивнымъ вниманіемъ, что тоже долгое время сидѣлъ молча, погрузившись въ свои мысли.

— Я хотѣлъ бы, чтобы Марталисъ слышалъ ваши слова,—сказалъ онъ, наконецъ.—Онъ такъ страшно раздраженъ противъ него.

— Марталисъ хорошо знаетъ мое мнѣніе о Рустинѣ,—возразила госпожа Деннерсъ, улыбаясь.—Но онъ не въ состояніи смотрѣть на своего яраго, личнаго врага, который затрудняетъ каждый его шагъ и пытается отнять у него довѣріе рабочихъ, глазами старухи, которая много уже испытала, когда онъ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ. Кромѣ того, Марталисъ, въ своемъ юношескомъ усердіи, тоже совершилъ грубыя ошибки и часто терялъ оружіе въ борьбѣ съ старой партіей, потому что много разъ онъ совершенно забывалъ должное къ ней уваженіе. Въ тѣхъ непримиримыхъ отношеніяхъ, которыя теперь создались между нимъ, они оба равно виноваты. Но если бы Рустинъ былъ, дѣйствительно, великъ, то дѣло было бы для него выше всего, а все остальное должно было бы имѣть только второстепенное значеніе. Деннерсъ звалъ его прежде своимъ другомъ. Во время своего преслѣдованія онъ могъ считать нашъ домъ своимъ и, будучи молодой женщиной, я смотрѣла на него, умѣвшаго переносить ненависть и презрѣніе всего общества, съ такимъ уваженіемъ, которое само по себѣ уже есть наслажденіе и которое все еще продолжаетъ оставаться въ силѣ.

— Это, я думаю, оттого, что... я очень высоко цѣню, когда не только говорятъ о своихъ убѣжденіяхъ, но и поступаютъ соотвѣтственно имъ и стараются согласовать все свое существованіе съ своимъ образомъ мыслей.

Анна говорила теперь съ нѣкоторой нервностью и низко наклонилась надъ своей работой. Не дождавшись отвѣта, она, какъ будто собравъ все свое мужество, чтобы высказать давно уже назрѣвшую мысль, вдругъ торопливо прибавила:

— Какой, собственно, смыслъ называть себя соціалистомъ, если продолжаешь жить попрежнему и пользуешься всевозможными несправедливыми привилегіями, какъ будто вполнѣ согласенъ съ современными варварскими условіями жизни?

— О, этотъ абсолютизмъ юности!—воскликнула госпожа Деннерсъ, бросивъ нѣжный взглядъ на дочь.—Я, навѣрное, чувствую не меньшее уваженіе, чѣмъ ты, Анна, къ тѣмъ людямъ, которые чувствуютъ въ себѣ потребность добровольно отказаться отъ всѣхъ классовыхъ и имущественныхъ

привилегій. Но не всѣ вѣдь думаютъ и чувствуютъ одинаково, и кромѣ того могутъ быть обстоятельства, когда людямъ представляется иной способъ лучше служить человѣчеству. Такому талантливому агитатору, какъ Рустинъ, путь вполнѣ ясенъ. Агитаторъ ставитъ своей первой задачей освободить страждущее человѣчество отъ чувства тупой, животной покорности, потому что угнетенный классъ можетъ только собственными силами сбросить съ себя цѣпи рабства и благодаря только собственной силѣ духа, развитію и знаніямъ сдѣлаться равнымъ своимъ властямъ. Но могутъ еще и другіе пути служить своимъ убѣжденіямъ. Возьмемъ какое-нибудь другое лицо, которое намъ хорошо извѣстно... возьмемъ, напримѣръ, папу, который знакомитъ молодое поколѣніе съ устройствомъ совершеннаго общества. Если бы онъ сталъ выступать такъ же, какъ это въ свое время дѣлалъ Рустинъ,—что кромѣ всего прочаго, совершенно не соотвѣтствуетъ его характеру и его способностямъ,—то онъ долженъ былъ бы разстаться съ своей университетской кафедрой и такимъ образомъ лишить самого себя возможности научить подростающее поколѣніе понимать и оцѣнивать современную эпоху.

Анна наклонилась еще ниже надъ своей работой, которую она почти не видѣла изъ-за тумана выступавшихъ слезъ. Она почувствовала, что мать совершенно правильно поняла ее и очень хотѣла бы вернуть свои слова обратно. Какъ только сорвались они у нея?

— Молодымъ, горячимъ натурамъ трудно мириться съ терпѣливостью людей науки, не правда ли, дитя мое?—продолжала мать, замѣтившая и эту склоненную головку, и предательскую краску въ лицѣ, и желавшая, по возможности, сгладить дѣло.—Терпѣніе—тоже сила, говорилъ мнѣ твой отецъ, у котораго я вообще научилась всему, что я теперь знаю. Онъ былъ моимъ единственнымъ учителемъ. Но все-таки его терпѣніе обучать нерѣдко причиняло мнѣ не мало огорченій. Больше всего,—прибавила она съ улыбкой,—мнѣ приходилось, впрочемъ, удивляться его терпѣнію, съ какимъ училъ онъ свою слишкомъ склонную къ мечтательности и преувеличенію жену понимать медленный ходъ развитія культуры.

Бертольдъ ни на секунду не отводилъ глазъ отъ своей почтенной собесѣдницы; и когда она съ такимъ глубокимъ уваженіемъ говорила о своемъ супругѣ, въ глазахъ его блеснулъ огонекъ симпатіи.

— Я себѣ уже не разъ ставилъ вопросъ,—сказалъ онъ,— не былъ ли я подготовленъ моимъ посѣщеніемъ лекцій по политической экономіи къ тому, что я услышалъ здѣсь въ

первый вечеръ. Хотя рефератъ Марталиса открылъ мнѣ совершенно новый міръ идей, но у меня все-таки было чувство, не приносилось ли все это передъ моимъ умственнымъ взоромъ уже раньше, хотя и въ совершенно неопредѣленной формѣ.

Госпожа Деннерсъ только-что хотѣла отвѣтить, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ хозяинъ дома. Тотчасъ же послѣ обѣда ему нужно было пойти на собраніе и теперь, возвращаясь къ своимъ занятіямъ, онъ зашелъ выпить чашку чая. Съ удовольствіемъ опустился онъ въ кресло около камина, гдѣ былъ разведенъ небольшой огонь.

— Вотъ вы тутъ сидите уютно за чаемъ, а у меня сейчасъ было прескучное собраніе,—заговорилъ онъ.—Даръ слова, конечно,—прекрасная вещь, но тѣмъ не менѣе, иногда отъ всей души желаешь, чтобы нанизыванье предложеній было болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ для многихъ. Но, впрочемъ... можетъ быть, я потому такой плохой слушатель, что самъ не ораторъ... Это вѣдь обычное дѣло.

Онъ улыбнулся и поискалъ глазами газету, которую обыкновенно просматривалъ въ этотъ часъ дня. На его здоровомъ, спокойномъ, добродушномъ лицѣ не отражалось ни малѣйшаго слѣда борьбы или страсти. У него былъ твердый взглядъ человѣка, пережившаго уже періодъ вопросовъ и исканья. Онъ удивительно походилъ на дочь формой головы и чертами лица, но глаза Анны съ ихъ мечтательнымъ выраженіемъ, серьезные, большіе голубые глаза дѣлали это сходство почти незамѣтнымъ съ перваго взгляда. Въ ея кругломъ, полненькомъ личикѣ съ ямочками на щекахъ было еще очень много дѣтскаго, но ея глаза,— глаза святой Цециліи, какъ все еще называлъ ихъ про себя Бертольдъ,—дѣлали ее старше, а опущенные внизъ углы рта указывали на сильную волю. На мать свою, овальный, строгій профиль которой напоминалъ античную камею, она походила очень мало. Наливая мужу чашку чая, госпожа Деннерсъ съ улыбкой взглянула на своего гостя, какъ бы спрашивая его, не повторитъ ли онъ теперь своего вопроса.

— Мы здѣсь тоже не меньше спорили, Деннерсъ, чѣмъ вы въ своемъ собраніи,—пошутила она,—и представь себѣ, что въ ту минуту, какъ ты входилъ, мы спорили не больше, не меньше, какъ о тебѣ! Меріанъ думаетъ, что твои лекціи по политической экономіи имѣли существенное вліяніе на его настоящій образъ мыслей... Согласенъ ты съ этимъ?

Деннерсъ, повидимому, былъ очень озадаченъ этимъ внезапнымъ вопросомъ. Онъ сначала пожалъ плечами, за-

тѣмъ помѣшалъ ложечкой въ чашкѣ, снова положилъ ее и, наконецъ, отвѣтилъ, улыбаясь:

— Это, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованное заключеніе, которое можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія для меня, если мои враги захотятъ воспользоваться имъ противъ меня.—Потомъ онъ прибавилъ серьезнымъ тономъ:—Нѣтъ, Меріанъ, я въ самомъ дѣлѣ не думаю, что бы мои лекціи имѣли на васъ вліяніе въ этомъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, я совсѣмъ и не желаю этого, такъ какъ въ задачу науки отнюдь не должна входить пропаганда какого-нибудь опредѣленнаго принципа или какой-нибудь опредѣленной идеи. Поэтому я всегда ограничивался тѣмъ, чтобы по возможности расширять умственный кругозоръ моихъ слушателей и устранять отъ нихъ мертвящее вліяніе традиціонныхъ, унаслѣдованныхъ и заученныхъ взглядовъ и понятій. Я самъ питаю отвращеніе ко всякой догматикѣ, какъ къ либеральной и консервативной, такъ и къ соціалистической и ко всякой другой. Я стремлюсь пока только къ тому, чтобы сдѣлать молодой, гибкій, развивающійся интеллектъ воспріимчивымъ къ правильному историческому взгляду, что всѣ общественныя учрежденія, всѣ обычаи, привычки, законы, всѣ формы собственности, торговли и производства нарождаются, живутъ и исчезаютъ, замѣняясь новыми обычаями, формами и учрежденіями. Процессъ этотъ, однако, совершается всегда такимъ образомъ, что наступающее логически развивается изъ предшествующаго и выростаетъ изъ существующаго уже потому, что организмъ, который мы называемъ человѣческимъ обществомъ, не является сознательнымъ и произвольнымъ продуктомъ человѣческаго духа, но самъ человѣкъ есть продуктъ общественныхъ и экономическихъ вліяній. Поэтому-то старолиберальный догматъ, что человѣкъ отъ природы слишкомъ плохъ, чтобы быть въ состояніи создать новую форму общества, и является такимъ мелочно-ограниченнымъ. Наоборотъ, туманныя общественныя формы и современный экономическій гнетъ и дѣлаютъ человѣка, особенно человѣка средняго, такимъ туманнымъ и себялюбивымъ, какъ онъ есть теперь.

Бертольдъ слушалъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Еще никогда профессоръ Деннерсъ не высказывался такъ опредѣленно въ его присутствіи. Всѣмъ было хорошо извѣстно, что онъ не любилъ обсуждать серьезные вопросы въ тѣсномъ кругу. Когда студенты бывали у него въ гостяхъ, онъ систематически старался избѣгать подобныхъ разговоровъ. Нѣкоторые невѣрно истолковывали это страхомъ, что его обвинятъ въ правительственныхъ кругахъ въ

томъ, что онъ ведетъ пропаганду и такимъ путемъ для него будетъ рискъ потерять мѣсто. Въ дѣйствительности же, онъ былъ слишкомъ философомъ, что бы быть поборникомъ какого-нибудь одного направленія или стремиться имѣть вліяніе на молодежь.

— Университетскія занятія,—снова заговорилъ онъ,—представляютъ, хотя это и звучитъ, можетъ быть, нѣсколько парадоксально, нѣкоторую опасность для развитія самой науки и эту опасность я пытаюсь, сколько возможно, нейтрализовать. Оффиціальныя государственныя науки, естественно, носятъ консервативный характеръ, потому что они воплощаютъ направленіе уже существующее и потому еще, что оффиціальное университетское образованіе служитъ только имущему классу, который наблюдаетъ за нимъ, поставляетъ ему жрецовъ и допускаетъ, разумѣется, только такихъ, за которыхъ онъ увѣренъ, что они не будутъ вести никакой опасной пропаганды, никакой критики ихъ исключительныхъ привилегій.

И здѣсь, къ сожалѣнію, примѣнима глубоко безнравственная поговорка: „чей хлѣбъ ѣмъ, того и пѣсню пою"!

— Слѣдовательно, и наука не стоитъ въ наше время на такой высотѣ, что бы не быть на службѣ господствующихъ классовъ?—спросила Анна.

— Жрецы ея не склоняются сознательно, подобно простымъ рабамъ, передъ своими работодателями, милое дитя. Но какъ разъ безсознательное-то и играетъ въ этихъ вещахъ огромную роль. Есть множество истинно-добрыхъ и честныхъ людей, которые видятъ, слышатъ и воспринимаютъ только то, что не противорѣчитъ ихъ личнымъ интересамъ. И мы, профессора,—добавилъ онъ, улыбаясь,—тоже дѣти нашего времени, дѣти духа нашего столѣтія и рабы такъ мало еще цивилизованныхъ общественныхъ условій. Итакъ, мы служимъ наукѣ каждый на свой ладъ, въ зависимости отъ нашихъ личныхъ свойствъ. Въ нашемъ дѣлѣ вполнѣ возможно преподавать то, что уже установлено, и вращаться въ этой ограниченной области, избѣгая всякаго умствованія. Люди, консервативные отъ природы, будутъ уже сами по себѣ сторониться новыхъ, смѣлыхъ идей. Напротивъ, болѣе свободомыслящіе будутъ направлять свое преподаваніе на перспективы будущаго и стараться очищать путь къ нему отъ всякихъ интеллектуальныхъ препятствій.

Въ духовной области я чувствую себя приблизительно такъ же, какъ сторожъ на желѣзной дорогѣ...: постъ, разумѣется, очень скромный, но тѣмъ не менѣе, необходимый. Положеніе машиниста, твердой рукой направляющаго въ

пространство своего пламеннаго, стального коня, гораздо выше и прекраснѣе, но если путь не будетъ хорошо очищенъ, то произойдутъ столкновенія. Предупреждать ихъ я поставилъ своей задачей. Многимъ можетъ показаться эта цѣль мелочной и жалкой, но мое честолюбіе не идетъ дальше.

Въ тонѣ, которымъ онъ произнесъ эти послѣднія слова, слышенъ былъ оттѣнокъ горечи, какъ будто въ немъ отражалось недавно пережитое непріятное впечатлѣніе. Его жена ласково взглянула на него, а Бертольдъ спросилъ:

— Вы позволите мнѣ передавать другимъ то, что вы сейчасъ говорили?

— Навѣрное, для того, чтобы защитить меня отъ обвиненій въ нравственной трусости? — спросилъ Деннерсъ, хорошо знавшій мнѣніе многихъ, что онъ боится „обжечься холодной водой".

Бертольдъ покраснѣлъ и не могъ найти скоро подходящій отвѣтъ.

— Кто же можетъ обвинять тебя въ трусости? — съ негодованіемъ сказала его жена.

— О, я хорошо знаю, какъ думаютъ обо мнѣ люди. Но мои враги могутъ говорить обо мнѣ, что хотятъ, это, все равно, нисколько не повліяетъ на мою инертную натуру. Нѣтъ, Меріанъ, если вы не имѣете какой-нибудь особенной потребности ломать за меня копья, то мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если вы предоставите меня моей судьбѣ. И въ стратегическомъ отношеніи гораздо лучше молчать о своей тактикѣ, чѣмъ высказываться откровенно. Мое любимое занятіе—выметать старый хламъ изъ мозговъ — легко можетъ встрѣтить сопротивленіе, если всѣ будутъ видѣть метлу, которой я работаю. Съ интеллигентными студентами мнѣ нечего бояться откровенности, но, къ сожалѣнію, многимъ противъ ихъ воли приходится очищать мозги.

Съ этими словами Деннерсъ допилъ свою послѣднюю чашку, всталъ и протянулъ Бертольду руку.

— Въ очищеніи вашихъ мозговъ я абсолютно невиновенъ, кромѣ того, процессъ этотъ требуетъ многихъ лѣтъ, при вашемъ темпераментѣ вы нуждаетесь не въ нянькѣ, а скорѣе въ хорошемъ тормазѣ. Если бы вы родились въ средніе вѣка, то вы надѣли бы на себя монашескую рясу. Въ XVI и XVII вѣкахъ вы присоединились бы къ гуманистамъ, а въ наше прекрасное время вы, навѣрное, преклонитесь передъ возвигаемыми теперь всюду алтарями... и вы сдѣлаете хорошо.

Деннерсъ вышелъ изъ комнаты, а Анна, молча сидѣвшая за своей работой, вдругъ встала и пошла за нимъ въ кабинетъ, гдѣ маленькая лампа подъ зеленымъ абажуромъ ярко освѣщала книги и бумаги на столѣ, тогда какъ въ остальной части комнаты было темно. Деннерсъ только-что сѣлъ за свой письменный столъ, какъ вошла Анна и, нерѣшительно сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вдругъ опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Папа... Мнѣ нужно тебѣ кое въ чемъ признаться...— сказала она со слезами въ голосѣ.

Въ первую минуту онъ испугался, но затѣмъ въ его головѣ мелькнула одна мысль. Онъ слишкомъ хорошо зналъ ея натуру и тотчасъ же сообразилъ, что ея порывъ долженъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ тому, что онъ говорилъ.

— Признаться?..—переспросилъ онъ, улыбаясь и проводя рукой по ея коротко остриженнымъ волосамъ.—Если тебѣ, можетъ быть, это тяжело, дитя мое, то я готовъ тебѣ помочь,—она съ изумленіемъ взглянула на него.

— Нѣкая мечтательница нерѣдко судила о своемъ отцѣ такъ же, какъ и посторонніе люди; и вотъ теперь ей, можетъ быть, начинаетъ выясняться, что онъ все-таки не такъ дуренъ... какъ...

— Нѣтъ, папа, такъ ты не долженъ говорить!—прервала она его и съ такой пылкостью стала цѣловать его руки, что онъ былъ почти озадаченъ.

— Не слѣдуетъ быть такой экспансивной, Анночка!— сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.—Я хотѣлъ только немножко подразнить тебя, такъ какъ я хорошо замѣтилъ, что ты не очень-то довольна моими поступками, и я, по-твоему мнѣнію, долженъ былъ бы совершить дѣла, вызывающія общее удивленіе, а не продолжать спокойно ту работу, которая свойственна моей натурѣ и моимъ способностямъ.

Анна прислонилась головой къ плечу отца и не шевелилась. А отецъ, которому была чужда всякая сентиментальность и всякая экспансивное проявленіе натуры, въ сотый, можетъ быть, разъ спрашивалъ себя, какъ ему успокоить ея черезъ-чуръ пылкій темпераментъ, который такъ живо напоминалъ ему ея мать, когда та была еще молоденькой дѣвушкой.

— Если ты сегодня вечеромъ убѣдилась, что до сихъ поръ неправильно судила обо мнѣ,—спокойно продолжалъ онъ,—то ты не должна думать, что твои сомнѣнія теперь больше уже не вернутся. Жизнь вѣдь сильнѣе всякихъ наставленій. Хотя ты и моя дочь, но у насъ съ тобой совершенно разные характеры, и это зависитъ не только отъ

твоей женской натуры, такъ какъ и среди мужчинъ есть немало экспансивныхъ людей и апостоловъ чувства, которыхъ всякій внѣшній поводъ тотчасъ же заставляетъ дѣйствовать. Я же обладаю способностью приспособляться къ той сферѣ, куда меня поставила судьба. Я уже много лѣтъ былъ доцентомъ, когда благодаря глубокому изученію прошлаго и настоящаго, во мнѣ мало-по-малу сложилось убѣжденіе, что высшая общественная форма, даже въ совершенномъ человѣчествѣ, не только возможна, но что всякое экономическое и научное и даже всякое бытовое явленіе нашего времени съ абсолютной вѣрностью говоритъ объ ней. И такимъ образомъ сталъ я преподавать ту науку, которая открыла глаза мнѣ самому и спокойное и основательное изученіе которой можетъ устранить столько устарѣлыхъ догматовъ.

— Я теперь все понимаю, папа... Я думаю, что твое сравненіе сразу выяснило мнѣ твою цѣль. Я всегда считала прекраснымъ, когда проповѣдникъ, который не могъ больше вѣрить, отказывался служить въ церкви.

— И ты думала также, что я добровольно служилъ правящей власти, потому что ты не понимаешь еще, что самая возвышенная и самая плодотворная критика есть та, источникомъ которой служитъ глубокое изслѣдованіе тайнъ прошлаго. Только такимъ путемъ познаемъ мы, что все постоянно измѣняется и обновляется, но всегда на фундаментѣ стараго, такъ какъ въ воздухѣ строить нельзя. Поэтому и такъ называемые соціалистическіе опыты такъ безнадежны и такъ абсолютно ненаучны и должны необходимо потерпѣть крушеніе, потому что они представляютъ собой настоящіе воздушные замки. Если новымъ общественнымъ формамъ не служатъ твердой основой старыя и первыя не вырастаютъ экономически необходимо и неизбѣжно изъ послѣднихъ, то онѣ должны рухнуть, какъ карточный домикъ. И одновременно съ этими новыми формами жизни долженъ вырастать также и человѣкъ и приспособляться къ нимъ,—иначе онъ будетъ аномаліей среди нихъ. Представь себѣ только аѳинянина временъ Перикла, перенесеннаго въ современныя условія жизни... Какъ странно чувствовалъ бы онъ себя! Точно также странно и неловко долженъ чувствовать себя современный человѣкъ среди тѣхъ условій, съ которыми онъ не росъ и продуктомъ которыхъ онъ не является.

Анна съ напряженнымъ вниманіемъ слушала каждое слово отца. Послѣ столькихъ мучительныхъ сомнѣній ее охватило счастливое чувство, что она снова можетъ высоко цѣнить и уважать своего любимаго отца за его преданность

тому, что она сама все болѣе и болѣе считала своимъ собственнымъ призваніемъ.

— Такъ ты ни разу еще не говорилъ, папа... Ты вѣдь почти никогда также не говоришь о своей работѣ и о себѣ самомъ.

Деннерсъ громко разсмѣялся.

— Но, Анна, не могу же я ежедневно говорить дома, какъ на каѳедрѣ и ежедневно исповѣдовать свой символъ вѣры по поводу моихъ стремленій и по поводу моей учительской профессіи. И сегодня вечеромъ я заговорилъ объ этомъ отчасти благодаря направленной противъ меня гнусной статьи, принадлежащей, вѣроятно, перу Бальтіана Рустина. Онъ выставляетъ тамъ меня апостоломъ Петромъ, въ минуту опасности отказавшимся отъ своего Спасителя,— ренегатомъ, для котораго личный интересъ дороже всего остального. Меня разсердили приведенныя въ ней несправедливыя обвиненія, а, можетъ быть, еще больше тотъ фактъ, что эта преслѣдующая агитаціонныя цѣли статья могла вывести изъ равновѣсія меня, философа. Но въ концѣ концовъ все это оказалось очень полезнымъ для моей экзальтированной дѣвочки, которой много еще надо работать и учиться, чтобы понимать себя самое и другихъ.

— Но какъ могъ Рустинъ, такъ давно знающій тебя, написать противъ тебя подобную статью?—съ негодованьемъ сказала Анна.—Вѣдь онъ, навѣрное, давно уже могъ уяснить себѣ твою точку зрѣнія!

— Это случается съ нимъ уже не въ первый разъ. Онъ—слишкомъ пылкій фанатикъ, чтобы умѣть уважать чужое мнѣніе. И если бы даже онъ умѣлъ, то ради своей цѣли, онъ пренебрегъ бы всѣми второстепенными вещами. Его прежній, возвышенный идеализмъ — тоже благодаря обстоятельствамъ — выродился въ зелотизмъ, который не считается ни съ своими друзьями, ни съ единомышленниками. Если я случайно сдѣлался для него наковальней, чтобы онъ могъ сильнѣе поразить общество своими ударами, онъ, разумѣется, не будетъ щадить меня.

— И все-таки когда-то онъ былъ такъ хорошъ,—печально произнесла Анна.—Неужели на землѣ не можетъ существовать постоянной красоты въ человѣкѣ?

— Конечно, можетъ, Анна, поскольку человѣкъ подчиняется особеннымъ склонностямъ своей натуры въ связи съ посторонними вліяніями. Величіе индивидуума всегда относительно, но результатомъ борьбы и взаимодѣйствія тысячи различныхъ элементовъ можетъ явиться прекрасное и великое. Вмѣсто того, чтобы разсуждать о величіи или мелочности какого-нибудь человѣка, мы лучше будемъ дѣлать

то, что намъ приходится. Агитаторы, пытающіеся вооружить овецъ противъ волковъ,—вродѣ, напр., Бальтіана Рустина; холодные, умные пропагандисты, какъ нашъ Марталисъ; терпѣливые и немного вялые философы, какъ твой покорнѣйшій слуга; мечтательницы, среди которыхъ мнѣ приходится жить, и которыя не только мечтаютъ, но могутъ вести и серьезную практическую работу,—всѣ они и еще много другихъ силъ необходимы, чтобы уравнять пути все еще таинственному шествію культуры. Но тѣмъ не менѣе,— прибавилъ онъ, улыбнувшись,—всѣ эти такъ различно одаренные люди рѣдко живутъ въ мирѣ другъ съ другомъ; молодые энтузіасты всегда протестуютъ противъ равнодушія и терпѣливости старшихъ, и наоборотъ. Лилія, высоко и стройно поднимающаяся на своемъ стеблѣ надъ всей грязью земли, никогда не сумѣетъ понять натуры лѣсной фіалки, едва выглядывающей изъ-подъ земли. Точно также и мужественный, закаленный, горный колокольчикъ, вдыхая холодный, свѣжій воздухъ, будетъ презирать тѣ странныя породы цвѣтовъ, которыя произрастаютъ въ теплой, удушливой атмосферѣ оранжерей. А между тѣмъ, одинъ цвѣтокъ не имѣетъ никакого права упрекать другой, неправда ли?

Анна ничего не отвѣтила, но въ ея серьезныхъ, влажныхъ глазахъ свѣтилось обѣщаніе никогда не забывать этихъ рѣчей отца, которыя превращали ее изъ ребенка въ человѣка. Когда она встала, чтобы идти, отецъ на минуту удержалъ ея руку.

— Что ты скажешь, Анна, если я пущу тебя на свои лекціи? Ты достаточно хорошо подготовлена, и знакомство съ экономическими основами нашего общества, въ связи съ историческими и соціологическими дополненіями, которыя я дѣлаю, могло бы быть очень полезно для тебя.

— Какъ это было бы чудесно, папа! Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ возможно?

— Разумѣется, ты можешь присутствовать, какъ вольнослушательница. Для натуръ, въ которыхъ сильно преобладаетъ жизнь чувства, я считаю въ высшей степени полезной укрѣпляющее и закаляющее вліяніе научнаго мышленія. Женщинѣ съ ея склонностью къ дедукціи и къ слишкомъ поспѣшнымъ умозаключеніямъ, требуется еще больше, чѣмъ мужчинѣ, строго-научное воспитаніе. Но хватитъ ли у тебя на это времени при твоихъ остальныхъ работахъ?

— О времени я уже позабочусь!—отвѣтила Анна, вся сіяя отъ радости.

— Твои практическія занятія не должны страдать отъ этого. Какъ обстоитъ, кстати, дѣло съ твоимъ изслѣдованіемъ заработной платы у бѣлошвеекъ?

— Къ сожалѣнію, плохо. Я очень медленно двигаюсь впередъ. Какъ тебѣ извѣстно, я начала теперь анкету въ Гаагѣ. Однако, очень трудно пріобрѣсти довѣріе бѣдныхъ женщинъ. Онѣ ничего не понимаютъ. Оказывается, что очень трудно разъяснить имъ, какъ ужасно ихъ собственное положеніе! Живя впроголодь, въ тѣсной каморкѣ, безъ свѣта и воздуха и вырабатывая только 40 центовъ въ день, онѣ рѣшительно не хотятъ понять, что это можно измѣнить. Нѣкоторыя очень озлобляются, другія, напротивъ, склонны прямо смѣяться надо мной, когда я пытаюсь объяснить имъ, что возможно улучшеніе ихъ положенія и что онѣ могутъ завоевать себѣ лучшую заработную плату, если объединятся въ профессіональные союзы. Они никакъ не могутъ понять всей важности объединенія и солидарности съ своими товарками по профессіи. Но всѣ онѣ охвачены какимъ-то дикимъ страхомъ, что кто-то донесетъ на нихъ, что работодатель что-то узнаетъ и прогонитъ ихъ съ работы.

Отецъ утвердительно кивнулъ головой.—Конечно,—проговорилъ онъ,—система выпотѣнія хорошо организована. Паразиты общества, эксплоатирующіе этихъ беззащитныхъ созданій, держатъ ихъ вполнѣ въ своей власти. Но ты все-таки продолжай терпѣливо работать и не теряй мужества! Такимъ же тяжелымъ и медленнымъ путемъ началось и въ другихъ странахъ профессіональное движеніе и борьба за повышеніе заработной платы среди женщинъ. Пролетарская женщина, по своему развитію, все еще на нѣсколько ступеней ниже своего мужа. Поэтому и гораздо труднѣе довести ее до сознательнаго образа дѣйствій.

— Когда должна я начать посѣщать твои лекціи?— спросила Анна.

— Лучше всего съ началомъ новаго курса, въ октябрѣ. А до тѣхъ поръ я дамъ тебѣ нѣсколько подготовительныхъ уроковъ.

Дѣвушка съ чувствомъ искренней благодарности обняла и поцѣловала отца. Получить высшее образованіе всегда было ея любимой мечтой.

* * *

Со времени свадьбы Іоганна Робертъ Кантъ не бывалъ больше въ домѣ Меріена. Не признаваясь даже себѣ самому, онъ рѣшилъ лучше избѣгать теперь встрѣчъ не невѣстой своего друга. Странно волнующій характеръ ея красоты, долгій взоръ ея томныхъ глазъ, ея обращеніе съ нимъ,— все это вмѣстѣ заставляло его думать о ней больше, чѣмъ

это сообразовалось съ его понятіемъ о чести. Кромѣ того, это его очень раздражало. Хотя по отношенію къ женщинамъ онъ и любилъ разыгрывать изъ себя разочарованнаго и, дѣйствительно, настолько умѣлъ разбираться въ самомъ себѣ и въ другихъ, чтобы его неожиданно могла охватить какая-нибудь страсть, но все-таки для него не было никакого сомнѣнія, что ему очень трудно забыть тихую прелесть всего существа Карлы, ея чудные глаза, полные какой-то тайны, и всю ея фигуру, одѣтую въ античный костюмъ, какъ она была въ послѣдній вечеръ. Онъ отнюдь не считалъ этого обстоятельства непосредственной причиной его постоянныхъ отказовъ Бертольду поѣхать съ нимъ въ Амстердамъ; оно казалось ему слишкомъ ничтожнымъ для этого. Для Бертольда у него всегда находился удобный предлогъ. Но въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что старый Меріанъ, въ сущности, невозможный доктринеръ, жена его—просто добродушная хозяйка, Бэби—хорошенькая, но совершенно еще не интересная дѣвочка, безъ всякой пикантности, а Карла—невѣста другого и, слѣдовательно, потерянная для него дѣвушка. Зачѣмъ же, собственно, будетъ онъ ѣздить туда? Вѣдь уже было рѣшено, что на большихъ каникулахъ, приблизительно въ августѣ мѣсяцѣ, онъ проведетъ нѣсколько недѣль у нихъ на дачѣ, но до тѣхъ поръ еще далеко и, можетъ быть, тогда у него будетъ на это больше охоты, чѣмъ теперь, когда онъ готовился къ выпускному экзамену. Онъ былъ на пять лѣтъ старше Бертольда и, хотя студенческая жизнь ему очень нравилась, но нужно же было когда-нибудь кончать съ ней.

Что въ это время происходило съ Бэби и какъ былъ доволенъ отецъ, что онъ пока скрылся съ ихъ горизонта, Робертъ ничего не подозрѣвалъ. Вопреки рѣшительному ожиданію Меріана, что нелѣпая фантазія, какъ онъ называлъ, скоро безслѣдно пройдетъ у дѣвочки, его любимица попрежнему оставалась грустна и разсѣяна. Ея цвѣтущее здоровье исчезло и появились всякаго рода недомоганія: мигрени, безсонница, нервные припадки, пока, наконецъ, не пришлось посовѣтоваться съ врачомъ. Врачъ предписалъ побольше гулять, побольше двигаться на воздухѣ, плаванье, гимнастику, игру въ теннисъ и т. п. Эти предписанія строго исполнялись, и во всякую погоду обѣ дѣвушки рано утромъ должны были выходить на воздухъ, обѣ безъ всякой охоты. Карла не знала большей муки, какъ рано вставать и идти на прогулку, а Бэби, зѣвая и всегда жалуясь на усталость, грустно шла рядомъ съ ней. Такъ прошла весна и подошелъ іюнь, когда Меріаны обыкновенно уѣзжали на дачу, чего всѣ ежегодно ожидали съ нетерпѣніемъ.

Робертъ хорошо сдалъ свой экзаменъ на гражданскаго инженера, а Бертольдъ—переходный на технолога. Отнюдь не предполагая, что его новый образъ мыслей и его занятія по соціологіи могли бы ему мѣшать въ его профессіи, юноша никогда еще такъ не работалъ, какъ въ послѣднее время. Онъ открылъ въ себѣ такую жизнерадостность и такую способность напряженно работать умственно, какихъ онъ никогда еще не зналъ до сихъ поръ. До глубокой ночи онъ могъ спокойно работать, нисколько не чувствуя себя утомленнымъ. Насмѣшки его прежнихъ друзей, съ которыми онъ встрѣчался теперь только на лекціяхъ, надъ его „зубрежкой“ и надъ его „соціалистическими фантазіями“, ничуть его не затрагивали. Ему все болѣе выяснялось могучее, непреодолимое стремленіе, толкавшее его впередъ, и это дѣлало его нечувствительнымъ къ мелкимъ уколамъ. Онъ хорошо зналъ, что ему предстоятъ тяжелыя испытанія, что его ждетъ трудная борьба, которая потребуетъ отъ него напряженія всѣхъ его силъ и въ которой его можетъ поддержать только воспоминаніе о пережитой когда-то высокой минутѣ. Но чѣмъ яснѣе предчувствовалъ онъ эту тяжелую борьбу, тѣмъ больше поднималось его мужество. Какъ только онъ сдалъ всѣ свои экзамены, онъ задумалъ привести въ исполненіе рѣшеніе, созрѣвшее у него въ теченіе зимы. Франкъ Марталисъ, которому онъ сообщилъ свое рѣшеніе, испытающе взглянулъ на него своимъ холоднымъ, стальнымъ взглядомъ.

— Ты хочешь практически посвятить себя нашему движенію?..—проговорилъ онъ, наконецъ.—Согласенъ ли я на это? Разумѣется, если ты этого непремѣнно хочешь. Но на что это нужно?

— На что это нужно!—повторилъ Бертольдъ, удивленно поднимая на него глаза, такъ какъ онъ меньше всего ожидалъ этого вопроса.—Развѣ ты считаешь, что для движенія ничего не значитъ пріобрѣсти, если не силу, то хотя бы, по крайней мѣрѣ, симпатію?

— Будетъ ли она пріобрѣтена, если ты познакомишься со многими отталкивающими, но неотдѣлимыми отъ всякаго революціоннаго движенія явленіями во всей ихъ наготѣ, это еще вопросъ открытый,—спокойно возразилъ онъ.—До сихъ поръ ты въ своихъ четырехъ стѣнахъ познакомился только съ его научными и этическими элементами, и твоя склонная къ идеализму натура увлеклась въ общеніи съ высокими, благородными умами. Но теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы взглянуть въ глаза рѣзкой дѣйствительности, видѣть, какъ нашъ идеалъ топчется въ грязи его же соб-

ственными жрецами, какъ это было во всѣ времена со всѣми гуманистическими теченіями и со всѣми религіями.

— Я готовъ ко всему, и меня уже достаточно предупреждали объ этомъ, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ замѣтилъ Бертольдъ, такъ какъ онъ не могъ спокойно помириться съ этимъ отношеніемъ къ его серьезно и основательно обдуманному рѣшенію.—Почему ты хочешь подорвать у меня мужество?

На этотъ разъ Марталисъ улыбнулся, и въ глазахъ у него блеснуло теплое выраженіе, которое вообще рѣдко можно было видѣть у него.

— Въ сущности, мы оба очень похожи другъ на друга,— сказалъ онъ, задумчиво глядя на юношу.—Хочешь, я разскажу тебѣ твои мысли?.. Ты думаешь: этотъ человѣкъ, повидимому, съ ума сошелъ. Я, Меріанъ, по своей доброй волѣ спускаюсь съ своей патриціанской высоты, чтобы принять участіе въ народномъ движеніи, а руководитель этого движенія медлитъ привѣтствовать меня, какъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе! Развѣ онъ упустилъ изъ вида все значеніе моего общественнаго положенія для его партіи?.. Приблизительно таковъ ходъ твоихъ мыслей, не правда ли? Какъ разъ и я думалъ точно также, когда лѣтъ восемь тому назадъ выступилъ на практическую арену борьбы.

Бертольдъ ничего не отвѣтилъ.

— Какъ я былъ тогда еще юнъ и наивенъ! Я въ то время полагалъ такъ же, какъ ты теперь, что ядро нашего движенія—этика, тогда какъ оно, главнымъ образомъ, представляетъ собой классовую борьбу въ связи съ экономическимъ переворотомъ. Принадлежность нѣкоторыхъ изъ насъ къ классу привилегированныхъ только затрудняетъ нашу задачу, потому что очень нелегко пріобрѣсти довѣріе угнетенныхъ. Сила должна возникнуть изъ ихъ собственной среды, мы же можемъ только помогать и развивать. Измѣненіемъ законовъ, введеніемъ реформъ и даже наслѣдственной революціей рабы могутъ перемѣнить себѣ господина, но они никогда не могутъ такимъ путемъ сдѣлаться свободными. Это показала намъ французская революція, которая только передвинула злоупотребленіе властью и, на мѣсто господства дворянства и духовенства, провозгласила господство третьяго сословія. Только собственными усиліями, только силой сознанія угнетенные могутъ разбить свои цѣпи. Пока три четверти общества подчинены наслѣдственнымъ господамъ и представляютъ собой неорганизованную, инертную и невѣжественную массу, до тѣхъ поръ культура останется на той же ступени. Понятно ли тебѣ теперь, что сознательность одного пролетарія гораздо дороже этическаго

стремленія цѣлой кучи людей нашего класса? Эти послѣдніе могутъ только немного помочь своимъ болѣе глубокимъ историческимъ пониманіемъ вещей и облегчить борьбу тѣхъ, кто, сдѣлавшись сознательнымъ, будемъ строить будущее.

— Но ты самъ?—спросилъ Бертольдъ.—Почему ты можешь быть полезнымъ для движенія, а я—нѣтъ? Положеніе наше, какъ мнѣ кажется, вѣдь одинаковое.

— Я отнюдь не утверждаю, Меріанъ, что, когда ты рѣшишься взглянуть въ глаза всѣмъ дурнымъ сторонамъ политической дѣятельности и отвратительнымъ партійнымъ раздорамъ, то ты не можешь быть полезнымъ для движенія. Но... откровенно говоря, мнѣ кажется, что ты вырѣзанъ не изъ того матеріала, который требуется для вождя партіи.

Онъ остановился, какъ будто колеблясь высказаться окончательно, такъ что Бертольдъ заговорилъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ.

— Однимъ словомъ, ты считаешь меня одной изъ тѣхъ натуръ, которыя любятъ говорить о своихъ чувствахъ и о своей любви къ ближнему, но разъ дѣло коснется того, чтобы перевязать рану, заявляютъ, что они не могутъ видѣть крови. Это было бы похоже на то, какъ если бы врачъ, увидѣвъ злокачественную язву, убѣжалъ бы отъ нея, потому что онъ не можетъ переносить вида ея.

— Твое сравненіе совершенно правильно,—спокойно возразилъ Марталисъ.—Единственная разница между нами состоитъ только въ томъ, что ты, повидимому, плохо отнесешься къ бѣглецу, а я—нѣтъ. По моему мнѣнію, это—только дѣло способностей и темперамента. Такое лицо можетъ такъ же хорошо служить обществу, какъ и всякій другой, только не въ качествѣ хирурга.

— А я придерживаюсь того мнѣнія, что разъ человѣкъ свободно выбралъ себѣ жизненный путь, то онъ долженъ идти по немъ, если не хочетъ быть трусомъ и дезертиромъ.

Марталисъ испытующе взглянулъ на юношу, невольно спрашивая себя, не можетъ ли человѣкъ, говорящій такъ, быть очень пригоднымъ элементомъ въ движеніи.

— Въ твоей твердой волѣ я отнюдь не сомнѣваюсь и не хочу сомнѣваться,—сказалъ онъ, наконецъ.—Въ своей собственной волѣ я тоже никогда не сомнѣвался, и все-таки... въ послѣдніе годы у меня бывали минуты, когда я приходилъ просто въ отчаяніе, въ настоящее дикое отчаяніе передъ жизнью.

Въ глазахъ Бертольда мелькнулъ живой интересъ, но онъ не предложилъ никакого вопроса. Никогда не измѣ-

няющая себѣ холодность Марталиса заставляла его держаться на-сторожѣ. Его собственная гордость удерживала его отъ всякаго шага на встрѣчу.

— Это такъ глупо и скучно говорить о себѣ самомъ,— снова заговорилъ Марталисъ, проводя рукой по волосамъ,— но все-таки ты долженъ кое что узнать изъ моего личнаго прошлаго, чтобы составить себѣ представленіе о томъ, что, въ сущности, предстоитъ партійному вождю изъ нашего класса, которому справедливо не довѣряютъ рабочіе. Я совершенно не буду касаться враждебнаго отношенія нашего собственнаго круга, насмѣшекъ и ненависти со стороны тѣхъ, съ которыми привыкъ жить въ одной и той же умственной и нравственной сферѣ, иногда внезапное, иногда же постепенное отчужденіе друзей и родныхъ и даже своихъ собственныхъ родителей,—все это вѣдь знаешь заранѣе и закаляешь себя противъ этого со всей энергіей, какую намъ только даетъ стремленіе къ высшему жизненному идеалу.

Онъ помедлилъ съ минуту. Съ внѣшней стороны въ немъ не было замѣчено ни малѣйшаго слѣда внутренняго волненія. Страданія, о которыхъ онъ упоминалъ, повидимому, сдѣлались для него панцыремъ противъ всякаго обыкновеннаго, человѣческаго волненія. Онъ говорилъ, какъ всегда, спокойнымъ, дѣловымъ тономъ и, повидимому, только обдумывалъ, какъ привести въ порядокъ свои воспоминанія.

— Меня вѣдь не такъ-то легко выбить изъ позиціи,— продолжалъ онъ дальше, немного помолчавъ.—Такъ, напримѣръ, буря, которую поднялъ противъ меня Рустинъ въ своей газетѣ и своимъ личнымъ выступленіемъ могла, можетъ быть, на минуту смутить меня, но отнюдь не сломить. Но приблизительно около того же времени случилось нѣчто другое, что меня страшно потрясло, потому что я, какъ новичекъ, былъ еще совершенно неопытенъ въ тяжелой школѣ жизни.

Какъ тебѣ извѣстно, я только на тридцать второмъ году жизни поступилъ сюда въ политехникумъ. Когда я окончилъ высшую школу въ Миддельбургѣ, гдѣ у моего отца банкирская контора, онъ сначала взялъ меня къ себѣ, а потомъ послалъ на двадцатомъ году въ Амстердамъ, чтобы набраться больше опытности въ этой отрасли у одного изъ его друзей. Я ненавидѣлъ это занятіе, но перспектива вращаться въ широкихъ кругахъ столицы и свободно высказывать то, что во мнѣ тогда бродило, преодолѣла эту ненависть. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, я случайно вошелъ въ сношенія съ группой молодыхъ людей, съ блестящими способностями и неутомимой жаждой знанія,

искавшихъ новыхъ элементовъ красоты во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ искусства, науки и общества и съ безпримѣрной смѣлостью прокладывавшихъ себѣ новые пути и разсыпавшихъ въ странѣ богатый запасъ духовныхъ цвѣтовъ. Это былъ крѣпко сплоченный кругъ друзей, которые въ своемъ юношескомъ высокомѣріи были настоящими террористами, каждый въ своей области. И я тоже былъ принятъ въ эту замкнутую для всякаго другого группу и впервые въ своей жизни могъ свободно высказывать каждую свою мысль и каждый дикій полетъ моей фантазіи. Какъ прекрасны, какъ широки были наши мечты, наши иллюзіи! Это были самые счастливые дни моей жизни, когда я, при подъемѣ моей духовной и умственной жизни, не чувствовалъ себя скованнымъ той ненавистной профессіей, въ которой воспиталъ меня отецъ. Но такъ какъ онъ давалъ мнѣ полную свободу въ политическихъ убѣжденіяхъ, то въ дѣловомъ отношеніи я хотѣлъ исполнять его желанія.

Къ числу моихъ обязанностей относилось ежедневное посѣщеніе биржи, не ради спекуляцій, которыя мнѣ были противны, а затѣмъ только, чтобы выполнять заказы нашихъ кліентовъ. Однажды, когда буржуазная пресса дала лживый отчетъ объ одномъ собраніи, гдѣ я будто бы призывалъ народъ къ насилію, меня выголкали изъ биржи.

— Знаешь ли ты, что это значитъ?

Да, Бертольдъ зналъ это. Онъ вдругъ вспомнилъ, что разъ, много лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ школы, онъ слышалъ, какъ Іоганнъ, потирая руки отъ радости, говорилъ, что изъ биржи вытолкали на улицу „негодяя-соціалиста“, и толпа его такъ при этомъ поколотила, что его чуть живымъ снесли въ полицейскій участокъ. Онъ, Бертольдъ, обратился къ отцу, что это значитъ—„вытолкать изъ биржи“. И отецъ, который тоже былъ, повидимому, очень доволенъ, объяснилъ ему, что этимъ было наложено клеймо безчестія на „бунтовщика“.

Итакъ, это былъ Марталисъ... тотъ, кто сидѣлъ теперь противъ него и кого онъ считалъ честью назвать своимъ другомъ?!

— Знаешь ты, что это значитъ? — еще разъ спросилъ Марталисъ.

— Да, это я знаю.

— Это застало меня совершенно врасплохъ, потому что я не думалъ, чтобы сказалъ наканунѣ что-нибудь такое, за что не могъ вполнѣ отвѣчать даже передъ буржуазными ушами. Меня или не поняли, или намѣренно устроили скандалъ. Но какъ бы тамъ ни было, едва я показался на биржѣ, какъ меня обычнымъ въ такихъ случаяхъ способомъ соеди-

ненными силами выставили за дверь. Послѣ всего, что я уже испыталъ, демонстрація нашихъ биржевыхъ спекулянтовъ не могла вывести меня изъ равновѣсія. Но къ тому, что произошло на площади, куда сбѣжалась толпа народа и, очевидно, ожидала скандала... къ этому я совершенно не былъ подготовленъ. Меня это потрясло до такой степени, какъ я не предполагалъ, что меня что-нибудь могло такъ потрясти, отнюдь не изъ страха, потому что смертельный ударъ былъ бы для меня благодѣяніемъ въ эту минуту, но потому что въ тоже самое время, какъ эти несчастные издѣвались надо мной и бросали въ меня камнями, я любилъ ихъ и потерялъ вѣру, что эти слои будутъ когда-либо затронуты нашей работой и эти жалкія слѣпыя созданія когда-либо могутъ сдѣлаться людьми, чтобы умѣть отличать друзей отъ враговъ.

Когда полиція остановила, наконецъ, волненіе и я могъ вернуться къ себѣ домой, я почувствовалъ себя разбитымъ и уничтоженнымъ и совершенно не былъ въ состояніи какъ продолжать вести дальше начатую мною борьбу, такъ и жить обыкновенной, животной жизнью, которая окружала меня съ дѣтства. Въ этотъ ужасный часъ ко мнѣ совершенно неожиданно пріѣхала моя мать, съ которой у меня такъ много общаго въ натурѣ. Точно какимъ-то чудомъ встрѣтилъ я ее у моей сестры въ Амстердамѣ. Она осталась со мной весь день и всю ночь, пока, наконецъ, буря не унеслась и я успокоился.

И это только одно изъ тѣхъ многихъ испытаній, которымъ подвергаетъ себя человѣкъ, если онъ, дѣйствительно, любитъ своего ближняго, какъ самого себя, и вѣритъ въ высшую культуру и въ болѣе благородныя человѣческія отношенія, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ настоящее время.

— Я вполнѣ понимаю твое отношеніе,—сказалъ Бертольдъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Нелѣпо было съ моей стороны полагаться на мою силу духа, которая совсѣмъ еще не было испробована. Но именно поэтому-то мнѣ и хочется испытать ее.

— Я ждалъ, что ты такъ скажешь,—возразилъ Марталисъ,—но я считалъ своей обязанностью нѣсколько отрезвить тебя, такъ какъ до сихъ поръ тебѣ приходилось сталкиваться только съ лучшими элементами нашего движенія. Можетъ быть, ты согласишься сопровождать меня на будущей недѣлѣ въ моей амтаціонной поѣздкѣ на сѣверъ?

— Разумѣется, очень охотно.

— Я ѣду какъ разъ туда, гдѣ особенно много сторонниковъ Рустина, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости парламентской работы и предостеречь отъ такъ называемой

революціонной тактики, которая считаетъ участіе въ политикѣ совершенно безполезнымъ и только разрушаетъ вмѣсто того, чтобы строить и добиваться самыхъ необходимыхъ реформъ, которыя подготовятъ разумное человѣческое существованіе. Это трудная, неблагодарная работа... ты, впрочемъ, это самъ увидишь. Если изъ многихъ сотенъ слушателей мнѣ удастся убѣдить хотя бы одного, я сочту себя счастливымъ.

— Развѣ же они такъ недоступны доводамъ разума?— нетерпѣливо спросилъ Бертольдъ.—Ребенокъ, мнѣ кажется, долженъ понять, что лучше воспользоваться тѣмъ оружіемъ, которое имѣется въ нашемъ распоряженіи, чѣмъ отказаться отъ него. И развѣ страхъ власть имущихъ расширить избирательное право и дать это оружіе въ руки рабочихъ не служитъ лучшимъ доказательствомъ этому?

Марталисъ не сразу отвѣтилъ. Хотя ему и вполнѣ были понятны слова Маріана, но они доказывали такое полное незнаніе практическихъ разногласій и различныхъ ступеней человѣческой натуры, что онъ отказался отъ попытки разъяснить ему дѣйствительное положеніе вещей.

— Если бы они были способны мыслить въ томъ или другомъ направленіи и давали бы себѣ отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, то имъ не нужно было бы и руководителя,—печально сказалъ онъ.—Поэтому задача соціалиста и должно, прежде всего, состоять въ томъ, чтобы сдѣлать изъ рабовъ людей самостоятельныхъ и довести ихъ до сознательности, чтобы типъ „народнаго вождя" навсегда могъ исчезнуть съ лица земли. Въ концѣ концовъ, Меріанъ, я думаю, что ты поступишь совершенно правильно, если на практикѣ изучишь наше движеніе, съ которымъ ты до сихъ поръ былъ знакомъ только теоретически. Итакъ, будь готовъ къ будущему понедѣльнику, а послѣ нашего путешествія мы еще разъ поговоримъ съ тобой.

* * *

На третій день своего путешествія Марталисъ выступалъ ораторомъ въ маленькой фризской коммунѣ, охватывавшей нѣсколько деревень. Продолговатый, узкій и душный залъ, куда Бертольдъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ, больше походилъ на сарай или конюшню, чѣмъ на залъ для собраній. Сквозь удушливый табачный дымъ едва виднѣлась на другомъ концѣ зала небольшая эстрада, гдѣ стоялъ зеленый столъ предсѣдателя и маленькія керосиновыя лампочки на стѣнахъ тускло освѣщали красноватымъ свѣтомъ грубо сколоченныя деревянныя скамейки. Въ этомъ душномъ залѣ, гдѣ

едва можно было дышать, тѣснилась плотная масса людей. Пришедшіе вначалѣ сидѣли на скамейкахъ, но большая часть присутствовавшихъ стояла вдоль стѣнъ, у входа и на ступенькахъ эстрады. Смутный гулъ громкимъ голосомъ наполнялъ залъ, и среди этого гула слышались голоса разносчиковъ, мальчиковъ лѣтъ 12—16, громко выкрикавшихъ: „Равноправіе!“ три цента! „Заря“ пять центовъ! „Послѣднія судороги капитализма“ два цента! И эти крики звонкихъ, дѣтскихъ голосовъ регулярно повторялись, когда входилъ каждый новый посѣтитель, къ которому они подбѣгали съ этими революціонными листками. Когда маленькій мальчикъ подбѣжалъ къ Бертольду и звонкимъ голоскомъ предложилъ ему „Послѣднія судороги капитализма“, Бертольдъ взялъ экземпляръ и вынулъ кошелекъ. Въ умныхъ, оживленныхъ глазкахъ блѣднаго, худенькаго личика было что-то очень привлекательное, и онъ сунулъ въ грязную ручку цѣлыхъ полгульдена. Мальчикъ недовѣрчивымъ взглядомъ окинулъ монету и „богато-одѣтаго господина“.

— Столько я не могу размѣнять...—сердито сказалъ онъ.—Я еще очень мало продалъ сегодня.

— Это и не нужно. Оставь себѣ все, молодой человѣкъ.

Глаза мальчика просіяли.—Тогда вамъ слѣдуетъ двадцать пять штукъ!—И добросовѣстно отсчитавъ, онъ сунулъ Бертольду въ руки цѣлый пакетъ листковъ.

Немного смущенный своей покупкой, Бертольдъ хотѣлъ сказать мальчику:—Оставь у себя и листки, и деньги...—Но потомъ онъ передумалъ. Вѣдь мальчикъ не просилъ милостыни, и онъ не долженъ былъ его такъ унижать. Между тѣмъ, мальчикъ, повидимому, замѣтилъ его нерѣшительность.

— Вы можете ихъ раздать дома!—быстро сказалъ онъ ему.—Тамъ прекрасная передовая статья, вы сами увидите.

И съ этими словами онъ исчезъ среди толпы, и голосъ его уже снова раздавался въ хорѣ другихъ голосовъ, тогда какъ Бертольдъ съ своими двадцатью пятью экземплярами „Послѣднихъ судорогъ капитализма“ въ рукѣ напрасно искалъ глазами себѣ мѣста. Съ трудомъ пробрался онъ впередъ и сталъ у стѣны, вблизи эстрады.

Онъ присутствовалъ теперь уже на третьемъ народномъ собраніи, и былъ поэтому знакомъ съ нѣкоторыми подробностями такихъ собраній. Но здѣсь онъ въ первый разъ попадалъ въ такую бѣдную обстановку. Сегодня вечеромъ въ этомъ убогомъ помѣщеніи не видно было ни одного праздничнаго платья, какъ въ другихъ болѣе состоятельныхъ мѣстностяхъ. Сюда приходили рабочіе прямо отъ станка или отъ чана съ известкой и отъ пылающаго горна, въ де-

ревянныхъ башмакахъ и въ засаленныхъ рабочихъ курткахъ, усталые и отирая пестрыми носовыми платками крупныя капли пота со лба.

Молодыхъ людей, крѣпкихъ и мускулистыхъ фигуръ съ открытой шеей Бертольдъ насчиталъ очень немного; у огромнаго большинства, въ ихъ худыхъ, чахоточныхъ лицахъ и усталыхъ глазахъ видны были слѣды сильнаго истощенія, тяжелой борьбы за существованіе и преждевременной старости.

Наблюдая теперь всѣ эти грязныя, грубо разговаривающія и тупыя существа въ образѣ людей, съ которыми онъ никогда не входилъ въ общеніе, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, и отмѣчая на многихъ лицахъ животное выраженіе и наглый блескъ глазъ подъ темными козырьками фуражекъ, Бертольдъ не чувствовалъ теперь никакого отвращенія, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ видѣлъ амстердамскую чернь во всей ея неприглядной наготѣ. На этотъ разъ онъ чувствовалъ только огорченіе и стыдъ,—стыдъ за то, что онъ самъ, хорошо одѣтый и хорошо упитанный, въ полномъ развитіи своего ума и тѣла, находился теперь среди людей, съ самой ранней юности задавленныхъ тѣлесно и духовно,—стыдъ, потому что въ эту минуту онъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сознавалъ, что всѣ окружающіе его общественные рабы изъ поколѣнія въ поколѣніе, постоянно гонимые голодомъ, пахали и копали, пилили и кололи, строили и ковали для того, чтобы доставить ему и ему подобнымъ,—привилегированнымъ случайностью рожденія,—то, чѣмъ онъ считалъ себя вправѣ такъ гордиться.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что Марталисъ далъ ему знакъ съ эстрады. Онъ подошелъ къ нему; Марталисъ нагнулся черезъ предсѣдательскій столикъ и шепнулъ ему:

— Тебѣ тамъ такъ жарко и тѣсно... ты, можетъ быть, поднимешься сюда? Ты вполнѣ можешь остаться съ нами.

Бертольдъ отрицательно покачалъ головой и вернулся на свое мѣсто. Онъ, молодой, сильный, здоровый, будетъ удобно сидѣть, тогда какъ бѣдные, измученные люди, отработавшіе шестнадцать часовъ, должны простоять весь вечеръ! Еще этого недоставало! Онъ не хотѣлъ убѣгать отъ спертаго воздуха, давившаго ему грудь, и отъ непосредственнаго соприкосновенія со всей этой нищетой и грубостью. Онъ, жаловавшійся раньше на то, что высшій, тоньше организованный классъ людей долженъ былъ дышать на улицахъ однимъ воздухомъ „съ чернью“, намѣренно хотѣлъ теперь остаться въ ея средѣ, рука объ руку съ ней и смотрѣлъ на это маленькое, физическое самоотреченіе, какъ на нѣкоторый символъ счастливой побѣды надъ сво-

имъ моральнымъ отвращеніемъ, которое могло еще, можетъ быть, вернуться къ нему,—побѣды, которую Марталисъ считалъ не по силамъ ему.

Прошло довольно много времени, пока не началось собраніе. Очевидно, ждали предсѣдателя. Бертольду много было, чего посмотрѣть и понаблюдать, чтобы это ожиданіе успѣло надоѣсть ему. Кромѣ того, Марталисъ уже указалъ ему, что здѣсь, гдѣ огромное большинство было на сторонѣ Рустина, его ждала особенно трудная задача. Поэтому Бертольдъ внимательно прислушивался къ разговорамъ, которые велись кругомъ него и которые поразили его своимъ знаніемъ дѣла въ политической и общественной области, несмотря на всю грубость и неотесанность окружавшей его публики. Нѣкоторое движеніе среди начинавшей терять терпѣніе толпы возвѣстило, наконецъ, прибытіе предсѣдателя. У входа въ залъ показалась коренастая фигура рабочаго; онъ быстрыми шагами прошелъ между раздвинувшимися рядами къ предсѣдательскому столику и подалъ руку Марталису. Повидимому, это былъ каменщикъ, только что оставившій свой чанъ съ известкой. На немъ была изношенная, покрытая бѣлыми пятнами куртка, одѣтая поверхъ рабочей блузы, а отъ первоначальнаго цвѣта его фуражки не осталось и слѣда. Бросивъ ее въ уголъ, онъ сѣлъ къ зеленому столу, и Бертольдъ увидѣлъ передъ собой мужчину, лѣтъ тридцати пяти, съ широкимъ, умнымъ лицомъ, покраснѣвшимъ теперь отъ жара и отъ усталости. Интеллигентнымъ взглядомъ спокойно окинулъ онъ публику и нѣсколькими энергичными ударами молотка заставилъ ее смолкнуть. Затѣмъ въ залѣ раздался его громкій и звучный голосъ:

„Уважаемое собраніе!

Какъ вамъ извѣстно, бюро нашего ферейна пригласило Марталиса изъ Дельфина выступить среди насъ ораторомъ. Онъ сдѣлаетъ докладъ о необходимости политической борьбы. Марталисъ слишкомъ хорошо намъ всѣмъ извѣстенъ, чтобы мы опредѣленно не знали, чего намъ ждать отъ него. Я хочу этимъ сказать только то, что онъ—не во всѣхъ, правда, отношеніяхъ—стоитъ на нашей сторонѣ, но своими словами и поступками достаточно доказалъ свое горячее участіе въ жизни партіи.

На этомъ основаніи я приглашаю всѣхъ присутствующихъ, и особенно тѣхъ, кто является принципіальными противниками докладчика, не прерывать его реферата, но сдѣлать свои возраженія во время дебатовъ, когда каждый желающій можетъ получить слово и высказать свое мнѣніе. Во время же его рѣчи не должно быть никакихъ перерывовъ. Я надѣюсь, рабочіе Шотервема, что вы всѣ безъ исключе-

нія достаточно развиты, чтобы уважать право каждаго имѣть свое собственное мнѣніе, и этимъ, по возможности, облегчите мнѣ мою задачу предсѣдателя! Затѣмъ я открываю собраніе и даю слово Марталису".

Марталисъ выступилъ впередъ съ нѣсколькими записками въ рукахъ и началъ въ общихъ и широкихъ чертахъ рисовать соціалистическое движеніе и указалъ на то, что хотя это міровое движеніе уже нѣсколько столѣтій тому назадъ предчувствовалось великими и благородными умами и геніальными мыслителями, но въ своей современной формѣ оно вылилось не изъ абстрактныхъ этическихъ понятій, а изъ самой сущности экономическихъ явленій. Онъ описалъ, какъ прежняя система абсолютной свободы, вслѣдствіе постоянной концентраціи капитала, приняла такую форму, что изъ этого возникла самая ужасная тиранія и самое деспотическое господство немногихъ. Земля, а также и всѣ средства производства, попали, въ концѣ концовъ, въ руки нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ, и, такимъ образомъ, крестьянинъ отдѣлился отъ земли, а рабочій—отъ своихъ средствъ производства. Такимъ путемъ образовалась постоянно все увеличивающаяся армія наемныхъ рабовъ, которыхъ раздавливаютъ колеса капиталистической системы; а это ведетъ ко все большей роскоши и избытку для немногихъ и ко все болѣе невыносимымъ страданіямъ и ко все болѣе жестокой нищетѣ для огромнаго большинства. Затѣмъ онъ разсмотрѣлъ безсовѣстные, ростовщическіе барыши крупныхъ промышленниковъ, биржевыхъ и всякихъ другихъ спекулянтовъ, князей капитала, тогда какъ заработная плата остается попрежнему низкой и даже еще болѣе понижается, благодаря упадку мелкихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые въ борьбѣ съ своими могущественными конкуррентами вынуждены возможно дешевле покупать всегда имѣющуюся въ избыткѣ рабочую силу.

Онъ обрисовалъ капиталистическую систему, какъ огромное, ужасное чудовище, которое питается лучшими силами націи: подобно минотавру, пожиравшему, по древнимъ преданіямъ, самыхъ благородныхъ аѳинскихъ юношей. Онъ разсказалъ, какимъ образомъ мелкіе производители, работающіе собственнымъ капиталомъ и сами ведущіе свое предпріятіе, постепенно погибаютъ, потому что они не могутъ бороться съ денежными тузами, господствующими надъ всѣмъ рынкомъ. Такимъ образомъ, свободная, либеральная система, дѣтище одного изъ самыхъ важныхъ періодовъ развитія нашей культуры и составляющая необходимое звено ея, является въ послѣднемъ счетѣ чистѣйшимъ деспотизмомъ. Поэтому и принципъ свободной конкурренціи со сво-

имъ закономъ спроса и предложенія существуетъ только по имени. По мѣрѣ того, какъ крупные капиталисты расширяютъ свое могущество и своими синдикатами, картелями и трестами все болѣе и болѣе эксплоатируютъ покупателей и потребителей, они дѣлаютъ систему такъ называемой свободной конкурренціи пустой мечтой, потому что, благодаря этимъ договорамъ, распространяющимся иногда на нѣсколько странъ, какой-нибудь своей статьей обязывающихъ производителей не продавать своихъ товаровъ ниже опредѣленно-установленнаго тарифа,—они могутъ произвольно поднимать цѣны. Въ Соединенныхъ Штатахъ эта охранительная система приняла такіе размѣры, что уже всѣ самыя необходимыя средства къ жизни, какъ хлѣбъ, мясо, сахаръ, топливо и т. п. находятся въ распоряженіи трестовъ. А большой керосиновой трестъ, охватившій чуть ли не весь земной шаръ и такъ поднимающій все время цѣны, что владѣльцамъ его текутъ милліарды, могъ бы служить указаніемъ того, какъ пойдетъ и дальше дѣло со всѣми предметами ежедневнаго потребленія.

Онъ съ минуту остановился и на общественномъ явленіи возрастающей роскоши однихъ и возрастающей бѣдности другихъ. Чѣмъ больше исчезаетъ мелкое производство,—совмѣстная работа въ одной мастерской мастера со своими подмастерьями,—и чѣмъ больше расширяется крупное производство съ развивающейся на немъ системой выпотѣнія и понижаетъ заработную плату, тѣмъ большую роскошь могутъ себѣ позволить предприниматели со сравнительно небольшимъ количествомъ денегъ, потому что человѣческая рабочая сила, этотъ единственный источникъ всякой мѣновой стоимости, благодаря вытѣсняющимъ ее машинамъ, имѣется въ такомъ избыткѣ, что очень часто продается прямо за гроши.

Безработица относится къ самымъ отвратительнымъ наростамъ капитализма, потому что машины, съ своей неограниченной производительной силой, вмѣсто того, чтобы быть направленными ко благу всего человѣчества, облегчать трудъ рабочаго народа и дѣлать его существованіе прекраснѣе, благороднѣе и человѣчнѣе, осуждаютъ его только на безработицу, на недостатки и на голодную смерть, потому что машины служатъ только отдѣльнымъ лицамъ и принадлежатъ немногимъ привилегированнымъ, которые обогащаютъ только самихъ себя, тогда какъ назначеніе этихъ желѣзныхъ рабовъ состоитъ въ томъ, чтобы служить всѣмъ, облегчать трудъ человѣческихъ рабовъ прежнихъ временъ, сокращать рабочій день и доставлять обществу избытокъ продуктовъ.

Но этого мы не видимъ. Именно вслѣдствіе неограниченной производительности, три четверти человѣчества терпитъ нужду и исключается изъ пользованія произведенными предметами, потому что цѣль фабрикантовъ состоитъ не въ томъ, чтобы производить, а въ томъ, чтобы создавать рыночныя цѣнности и получать барыши. Слѣдовательно, то, что должно быть цѣлью, сдѣлалось такимъ образомъ средствомъ, и наоборотъ. На этомъ же основаніи могло также случиться и то, что суконныя фабрики должны были сократить свое производство, вслѣдствіе недостатка сбыта продуктовъ, тогда какъ у населенія не хватаетъ необходимой одежды, чтобы защитить себя отъ холода; ни одинъ фабрикантъ не стремится къ тому, чтобы создавать своими машинами полезные для общества товары, но заботится только о томъ, чтобы доставить ихъ столько на рынокъ, сколько принесетъ наибольшую личную прибыль. Слѣдовательно, его личный интересъ требуетъ умѣреннаго производства по высокимъ цѣнамъ, причемъ тѣмъ, кто обладаетъ наименьшей покупательной способностью, приходится, конечно, отказаться отъ товаровъ. Въ этомъ же и лежитъ причина происхожденія картелей, то есть такихъ регулирующихъ производство союзовъ, которые въ свою очередь, просто уничтожаютъ понятіе: свободный трудъ и свободная конкурренція.

Благодаря всѣмъ этимъ чисто-экономическимъ вліяніямъ и явленіямъ, конкурренція начала уже падать, и капиталистическое производство медленно выростаетъ въ коллективистическую систему, въ которой какъ разъ наоборотъ,— трудъ будетъ господствовать надъ капиталомъ, общій интересъ будетъ совпадать съ интересомъ каждаго отдѣльнаго лица, и машины, наконецъ, тоже станутъ служить человѣческимъ потребностямъ. Большія, центральныя управленія съ безчисленнымъ количествомъ отдѣловъ будутъ тогда регулировать производство по потребностямъ всѣхъ, и каждый будетъ работать для всѣхъ и въ то же время для самого себя. Болѣе логическаго примѣненія поставленнаго либеральнымъ ученіемъ во главу угла человѣческаго эгоизма нельзя, кажется, и придумать.

Къ обычно-приводимымъ противъ коллективистическаго способа производства возраженіямъ относится какъ разъ указаніе на то, что въ случаѣ, если общество возьметъ въ свои руки производство, то нужно опасаться самой безудержанной государственной тираніи и угнетенія со стороны цѣлой арміи должностныхъ лицъ. Это, въ свою очередь, указываетъ на то, какъ трудно обыкновенному, среднему человѣку отдѣлаться отъ мысли о существующемъ современномъ государствѣ, о всемогущемъ исполнителѣ воли

нѣсколькихъ крупныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ и представить себѣ такое распредѣленіе занятій въ обществѣ, при которомъ каждому такъ называемому „угнетаемому“ не возбранялась бы, въ свою очередь, сдѣлаться „угнетателемъ“, и наоборотъ. Единственную власть, которая тогда будетъ существовать, можно будетъ приблизительно сравнить съ властью предсѣдателя, которому добровольно подчиняется всякое собраніе или всякая политическая организація, потому что такимъ образомъ лучше всего охраняются общіе интересы.

Подобнаго рода, говорящія о духовной бѣдности, возраженія являются соломинками, за которую хватаются теперь привилегированные, потому что само собой разумѣется,— тутъ, наконецъ, онъ приблизился къ самой сущности вопроса,—тѣ, кто пользовались привилегіями современнаго способа производства, всегда старались со всей силой своей алчности защищать его и поэтому всѣ тѣ, кто имѣетъ посредственное или непосредственное вліяніе на ходъ вещей, никогда добровольно не откажутся отъ своихъ привилегій.

Перечисляя существующія привилегіи, онъ вспомнилъ о желѣзнодорожныхъ контрактахъ, вызвавшихъ цѣлую бурю негодованія во всей странѣ, затѣмъ о субсидіяхъ пароходчикамъ, о преміяхъ на сахаръ и тому подобныхъ правительственныхъ предложеніяхъ, которыя давали привилегіи отдѣльнымъ лицамъ за счетъ всей націи, и рѣзко подчеркивали какъ алчность привилегированныхъ, такъ и деморализацію въ современномъ государствѣ. Поэтому, толчокъ къ освобожденію долженъ исходить отъ самаго класса угнетенныхъ, какъ это уже и было въ теченіе всей исторіи. Классовая борьба представляетъ собой явленіе всѣхъ вѣковъ, хотя и въ постоянно измѣняющихся формахъ. Во всѣ времена привилегированные все болѣе злоупотребляли своей властью, пока, наконецъ, мѣра терпѣнія не переполнялась, и жертвы, какъ одинъ человѣкъ, не поднимались противъ своихъ угнетателей. Во всѣхъ этихъ историческихъ явленіяхъ споръ шелъ не о лицахъ, а о сословіяхъ, но, къ сожалѣнію, это очень часто не принималось во вниманіе. Кто умѣетъ наблюдать, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, и давать себѣ во всемъ отчетъ, тотъ придетъ къ убѣжденію, что господствующіе, какъ индивидуумы,—за очень немногими исключеніями,—точно такъ же были безсильны противъ массоваго вліянія эволюціи исторіи, какъ и сами угнетенные.

Но какія же средства слѣдуетъ примѣнить, чтобы ускорить экономическую и соціальную эволюцію, которая такъ ясно указываетъ на уничтоженіе частной собственности и на

приближеніе коллективнаго производства? Какимъ образомъ можно устранить реакціонныя вліянія, служащія евангеліемъ алчности, препятствующія здоровому, нормальному развитію общественнаго организма и вызывающія опасность кроваваго переворота? Кто не ослѣпъ, тотъ не можетъ сомнѣваться въ будущемъ. Дѣло только въ томъ, чтобы содѣйствовать болѣе медленному или быстрому ходу событій и именно затѣмъ, чтобы подробнѣе высказаться по этому поводу, онъ и явился сегодня вечеромъ въ это собраніе.

Затѣмъ Марталисъ помолчалъ минуту и серьезнымъ взоромъ окинулъ сотни окружающихъ его слушателей, которые въ высшей степени внимательно слѣдили за всѣми его доводами, хотя и не разъ уже слышали ихъ отъ другихъ. До сихъ поръ, въ теченіе всего реферата, царило величайшее спокойствіе, но теперь какое-то недовольство овладѣло большею частью присутствующихъ. Всюду слышалось перешептыванье, такъ какъ, повидимому, подошла самая важная часть его реферата.

Во взорахъ многихъ свѣтилось что то враждебное, кое-кто дѣлалъ другъ другу знаки, и предсѣдателю пришлось ударами молотка и своимъ звучнымъ голосомъ возстановить спокойствіе.

— Намъ всѣмъ извѣстно, — продолжалъ Марталисъ, — такъ какъ исторія давно уже это намъ доказала, — что ни одинъ привилегированный классъ, ни одна категорія лицъ еще никогда сама не освобождала своихъ жертвъ. И причиной этого является не чья-нибудь личная злая воля, но скорѣе законъ природы. Поэтому толчокъ долженъ исходить отъ самихъ угнетенныхъ. „Народъ рабовъ заслуживаетъ правительство тирановъ!“ Это выраженіе Франклина вѣрно какъ для того времени, такъ и теперь, и на всѣ времена. Мы теперь находимся въ самомъ центрѣ классовой борьбы и всѣ глубоко убѣждены въ томъ, что, наряду съ экономическимъ подъемомъ рабочихъ, ихъ духовное и нравственное развитіе тоже должно служить орудіемъ. Только умственная сила и даетъ нѣсколькимъ сотнямъ господство надъ тысячами и десятками тысячъ, потому что, по своей численности, вы должны устанавливать законы. На этомъ основаніи и всѣ высшія учебныя заведенія закрыты для васъ, хотя вы сами строите ихъ и оплачиваете ихъ содержаніе. Но, несмотря на это, на всемъ земномъ шарѣ піонеры культуры работаютъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать также и для васъ доступными сокровища науки и всѣ вѣками собранныя богатства духа и интеллекта, чтобы, наконецъ, и на васъ оправдалась древняя истина: „Знаніе есть сила!“

Деньги—это служеніе мамону и его вліяніе на законо-

дательство — *представляетъ собой насиліе*... а насиліе есть проявленіе слабости и можетъ быть всегда побѣждено. Напротивъ же, знаніе есть воплощеніе силы, а сила никѣмъ не можетъ быть побѣждена, потому что она постоянна и вѣчна.

Освободительные лозунги: „Знаніе есть сила" и „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" звучатъ намъ со всѣхъ сторонъ, но этого еще недостаточно. Въ вашемъ распоряженіи имѣется еще и другое оружіе и нужно только использовать его наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ. Какимъ же образомъ должно это произойти? Должны ли мы исключительно отдаться такъ называемой революціонной и разрушительной тактикѣ, или мы должны попытаться постепенно завоевать ту область, въ которой господствующій классъ имѣетъ полную возможность поддерживать современныя, позорныя для человѣка, условія существованія?

Никто не станетъ оспаривать пользы и необходимости экономической борьбы, основанія профессіональныхъ союзовъ, какъ въ Англіи, организаціи съ большими средствами забастовокъ, а также и самыхъ различныхъ формъ кооперативныхъ товариществъ, — они признаются рѣшительно всѣми. Но кромѣ этихъ экономическихъ средствъ, въ нашемъ распоряженіи еще имѣются и политическія средства борьбы, и если бы мы оставили ихъ неиспользованными, то мы дали бы пищу реакціи и были бы повинны въ самыхъ роковыхъ упущеніяхъ".

Нѣсколько свистковъ и шиканье, тотчасъ же остановленные предсѣдателемъ, прервали рѣчь Марталиса. Но такъ какъ тотъ былъ готовъ къ подобнаго рода демонстраціи, то онъ спокойно продолжалъ дальше и широкими штрихами очертилъ всѣ выгоды участія въ выборахъ, а также и присутствія соціалистовъ въ парламентѣ, гдѣ каждое сказанное въ интересахъ партіи слово будетъ услышано всѣмъ народомъ; гдѣ они могли бы содѣйствовать проведенію необходимыхъ реформъ и бороться противъ законопроектовъ, благодаря которымъ государственная казна обогащала только отдѣльныхъ лицъ за счетъ націи. Въ доказательство своихъ словъ онъ опирался на очень большой статистическій матеріалъ и на цѣлый рядъ фактовъ и въ концѣ концовъ указывалъ на то, что постоянное взаимодѣйствіе обоихъ методовъ борьбы сильно увеличитъ эволюціонныя силы и, кромѣ того, парламентская дѣятельность доставитъ рабочимъ делегатамъ случай развиваться много разностороннѣе и гораздо лучше изучить множество вопросовъ соціальной практики, чѣмъ это имъ возможно сдѣлать теперь.

Снова съ различныхъ сторонъ послышались возгласы,

но благодаря энергичному веденію собранія предсѣдателемъ, который хотя и принадлежалъ самъ къ революціонному нанаправленію, но все-таки уважалъ мнѣніе оратора, Марталисъ могъ, хотя и съ большимъ трудомъ, довести до конца свой рефератъ. Огромное большинство становилось все недовольнѣе, и послѣднія слова оратора совершенно потерялись среди возрастающаго шума и свистковъ.

Бертольдъ облегченно вздохнулъ, когда неровная борьба одного противъ всѣхъ, наконецъ, окончилась. Краска негодованія бросилась ему въ лицо. Какимъ безсмысленнымъ и нелѣпымъ казалось ему это гнѣвное возбужденіе и враждебное отношеніе по отношенію къ тому человѣку, который, по существу, стоялъ все-таки рядомъ съ ними и уже въ теченіе многихъ лѣтъ словами и поступками доказывалъ свое глубокое участіе къ ихъ тяжелому положенію и свою преданность ихъ интересамъ. Его большіе, мечтательные и затуманившіеся теперь отъ этихъ мыслей глаза видѣли предъ собой много лицъ, въ которыхъ ярко выражался животный инстинктъ, составлявшій ихъ единственный жизненный импульсъ. Дѣйствительность, о которой никакое описаніе не можетъ дать даже приблизительно-правильнаго понятія, сильно ударила его по нервамъ, и, незамѣтно для него самого, въ его душу предательски закралось чувство отвращенія и вытѣснило всѣ высокія и чистыя мысли, которыя охватили его сначала. Этотъ стройный, аристократическій силуэтъ тамъ на эстрадѣ, эти черты, свидѣтельствующія о такой духовной и нравственной утонченности, среди окружавшаго ихъ одичанія и грубости были для него прообразомъ самаго высшаго, человѣческаго сравнительно съ первобытными инстинктами нашихъ предковъ. Онъ вдругъ конкретно понялъ весь титаническій трудъ реформатора,— трудъ, который требовалъ цѣлые вѣка самоотверженности и твердой вѣры и который можетъ принести пользу только грядущимъ поколѣніямъ.

Разсѣянно блуждавшіе, подъ вліяніемъ этихъ мыслей и ощущеній, глаза его случайно встрѣтились съ глазами Марталиса, пристально смотрѣвшаго на него, и тутъ онъ вдругъ вспомнилъ объ ихъ разговорѣ... о сомнѣніи, которое высказывалъ Марталисъ насчетъ его стойкости и силы воли и онъ снова почувствовалъ стыдъ, на этотъ разъ за свое малодушіе, и онъ постарался самъ себя утѣшить, нарисовавъ себѣ, какъ могли бы измѣниться присутствующіе здѣсь люди, на протяженіи только одного поколѣнія, при хорошемъ физическомъ уходѣ, при духовной культурѣ и нравственномъ развитіи. Если бы только возможно было попытаться сдѣлать это!

Но что же тамъ теперь дѣлается? что случилось?

Среди присутствующихъ было замѣтное движеніе. Сначала сзади, у входа послышался подавленный ропотъ, который заставилъ многихъ встать и, вытянувъ шеи, оглянуться назадъ, затѣмъ поднялось безконечное ликованіе сотенъ глотокъ и привѣтственное маханіе руками и фуражками.

— Что же тамъ такое случилось?—спросилъ Бертольдъ стараго, слабаго, одѣтаго въ черное кузнеца, который всталъ рядомъ съ нимъ на скамейку.

— Бальтіанъ Рустинъ сейчасъ вошелъ. Тамъ, тамъ вонъ стоитъ онъ, у двери. Онъ нарочно пріѣхалъ сюда изъ Амстердама, чтобы принять участіе въ дебатахъ.—Затѣмъ этотъ довольно старый уже на видъ человѣкъ, съ воспаленными глазами и такой согнутый, что онъ не могъ уже прямо стоять, подошелъ къ группѣ людей, съ которыми и вступилъ въ оживленный разговоръ. И Бертольдъ, который былъ достаточно высокъ, чтобы смотрѣть поверхъ всѣхъ, увидѣлъ прижатую большой толпой къ стѣнѣ сѣдую голову съ изящнымъ профилемъ и тонкими чертами лица; это была настоящая голова апостола или пророка, съ серьезнымъ и печальнымъ выраженіемъ лица, но все-таки съ легкой улыбкой на губахъ по поводу неожиданно-устроенной ему оваціи, которой, казалось, не предвидѣлось и конца.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ предсѣдатель попытался сильными ударами молотка успокоить толпу, но тщетно—возбужденіе не утихало.

Тогда Рустинъ самъ жестомъ пригласилъ присутствующихъ къ повиновенію предсѣдателю, и это произвело желаемое впечатлѣніе. Высоко поднявшіяся волны возбужденія стихли, большинство снова заняло свои мѣста и съ насмѣшливымъ злорадствомъ смотрѣло на Марталиса, который съ наружнымъ спокойствіемъ слѣдилъ за происходившимъ и время отъ времени обмѣнивался съ предсѣдателемъ нѣсколькими словами.

Предсѣдатель стоялъ весь красный и стучалъ своимъ молоткомъ, такъ какъ все еще не было настолько спокойно, чтобы можно было говорить.

— Было бы гораздо лучше, если бы вы поберегли свои легкія для дебатовъ, которые давно должны были бы уже начаться!—крикнулъ онъ, наконецъ, громовымъ голосомъ.— Что всѣ мы очень рады видѣть среди насъ нашего друга Рустина,—разумѣется вѣдь само собой. Точно также нѣтъ никакой необходимости особенно подчеркивать, что мы ему очень благодарны за то, что онъ сегодня пріѣхалъ къ

намъ. И если вы будете орать хоть до разсвѣта, большей благодарности вы ему этимъ все-таки не выскажете,—ну, и кончено! Потомъ, я хотѣлъ еще замѣтить, что свистки, шиканье и оранье—вовсе не аргументы, и для дебатовъ, которые должны быть поучительны для всѣхъ насъ, это вовсе не годится. Поэтому я приглашаю всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ выставить какіе-нибудь аргументы противъ оратора, записаться у меня, чтобы мы могли начать дебаты.

Наступило мертвое молчаніе. Предсѣдатель оглядѣлъ публику и повторилъ свой вопросъ:—Кто же желаетъ принять участіе въ дебатахъ?

— Предсѣдатель, я прошу слово!—раздался тогда мелодичный голосъ изъ глубины залы.

Снова разразился всеобщій взрывъ радости, а затѣмъ снова все смолкло.

— Кто желаетъ еще слово?

Поднялся одинъ рабочій.

— Предсѣдатель, я имѣлъ намѣреніе принять участіе въ дебатахъ, но такъ какъ слово беретъ Рустинъ, то я отказываюсь.

— И я! и я тоже!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Тогда я даю слово Бальтіану Рустину.

Рустинъ быстрыми шагами прошелъ впередъ и съ юношеской легкостью вбѣжалъ по ступенькамъ эстрады.

— Товарищи!

Я счелъ своею обязанностью явиться сегодня на ваше собраніе, гдѣ должна была обсуждаться необходимость политической борьбы, и выступить на защиту моихъ взглядовъ. Правда, я не слыхалъ рѣчи оратора, но такъ какъ я хорошо знакомъ съ ея направленіемъ, то я хочу еще разъ предупредить васъ отъ тѣхъ опасностей, которыя вамъ предстоятъ въ давно уже загрязненномъ руслѣ политическихъ движеній.

Прежде всего я хочу вамъ указать на самую серьезную опасность,—на то, что вы своимъ участіемъ будете укрѣплять и поддерживать обветшавшіе порядки, которые должны быть сметены. Государство является отраженіемъ существующаго общества. Общество образуетъ государство, а не государство общество, какъ это все еще продолжаютъ думать. Всякое измѣненіе экономическихъ условій отражается на этомъ представляющемъ внѣшнюю сторону жизни организмѣ. Законы не идутъ впереди общественныхъ условій, но только санкціонируютъ ихъ и укрѣпляютъ правительственную власть и господствующую общественную систему.

И вотъ, честные и неиспорченные рабочіе должны безоружными и беззащитными попасть въ колесо государствен-

ной машины, которая раздавитъ ихъ на смерть, прежде чѣмъ у нихъ будетъ время какъ слѣдуетъ осмотрѣться!

Или даже—и это будетъ еще гораздо хуже—рабочіе примутъ участіе въ парламентской работѣ и въ борьбѣ съ мертвящимъ вліяніемъ интригъ, компромиссовъ и подкуповъ, которые окончательно губятъ самую даже сильную индивидуальность, они будутъ пытаться влить новую свѣжую жизненную струю въ испорченную политическую атмосферу вмѣсто того, чтобы предоставить существующимъ въ ней зародышамъ разложенія спокойно развиваться дальше и тѣмъ ускорить ея гибель. Каждая новая сила, внесенная въ парламентаризмъ, является новымъ средствомъ для его поддержанія, каждое обновленіе крови въ этихъ зараженныхъ больныхъ жилахъ только замедляетъ его смерть и служитъ къ тому, чтобы продолжить полу-угасшую жизнь. Поэтому, кто призываетъ васъ къ тому, тотъ не другъ рабочимъ, но врагъ ихъ.

Громъ апплодисментовъ прервалъ его рѣчь.

— И не только опасно,—продолжалъ онъ дальше,—но— я знаю это по собственному опыту—безнравственно и гибельно для души и характера принадлежать къ такому собранію людей, которые считаютъ три четверти націи, мандатъ которой они имѣютъ, не людьми, не мыслящими, чувствующими и обладающими правомъ на красоту и радость жизни существами, но просто орудіями производства, живыми машинами, — наряду съ машинами изъ желѣза и стали,—созданными только затѣмъ, чтобы строить дворцы для маленькой кучки привилегированныхъ, ткать ихъ одежду, съ постоянной опасностью жизни добывать каменный уголь изъ нѣдръ земли, чтобы согрѣвать ихъ, или служить двигательной силой для машинъ, производящихъ для нихъ, или для поѣздовъ, которые катятся для нихъ и переносятъ ихъ въ самыя прекрасныя мѣстности земного шара, чтобы искать тамъ еще болѣе тонкихъ наслажденій, чѣмъ тѣ, которыя можетъ имъ доставить ихъ собственная страна.

И въ то же время рабочіе, производящіе всю эту роскошь, должны сами мучиться день и ночь и довольствоваться жалкими, душными лачугами. Мало того, что у нихъ едва хватаетъ платья, чтобы одѣться, пищи, чтобы подкрѣпить свое усталое тѣло, и топлива, чтобы обогрѣться,— имъ приходится еще видѣть, какъ томятся на фабрикахъ и въ мастерскихъ ихъ жены и дѣти для того только, чтобы заработать себѣ жалкій кусокъ хлѣба. А тѣ, кого эти рабочіе кормятъ, одѣваютъ, согрѣваютъ и надѣляютъ всей производимой ими роскошью, считаютъ еще рабочихъ вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми „плебсомъ“, чернью“,

„простонародьемъ", всякое соприкосновенiе съ которымъ должно считаться оскорбленiемъ ихъ величiя.

Снова раздался взрывъ апплодисментовъ.

— Безнравственно,—продолжалъ Рустинъ своимъ звучнымъ голосомъ,—принять мандатъ для такого учрежденiя, которое, самымъ безсовѣстнымъ образомъ присвоивъ себѣ большую часть нацiональныхъ имуществъ, безъ всякихъ упрековъ совѣсти принимаетъ въ государствнную казну 24 миллiона гульденовъ, собранныхъ отъ злоупотребленiя спиртными напитками, — миллiоны, которые наше хищническое государство употребляетъ на то, чтобы вести такъ называемую колонiальную политику на востокѣ; безнравственно принимать мандатъ для того учрежденiя, которое санкцiонируетъ закономъ проституцiю, тысячами губитъ вашихъ дочерей и этимъ тщательно охраняетъ чистоту женщинъ, родившихся въ другихъ кастахъ.

Я самъ когда-то былъ настолько наивенъ, что вѣрилъ тому, что въ парламентѣ я могу бороться за свои идеалы, что я буду въ состоянiи плыть противъ теченiя несправедливости, которое отражаетъ общественная система, что въ этой средѣ голосъ честнаго, человѣческаго чувства найдетъ себѣ откликъ хотя бы въ отдѣльныхъ сердцахъ, что я соберу съ терновника смоквы и превращу самое ядро, душу капиталистической, эксплоататорской системы въ благую силу,—однимъ словомъ, что я сдѣлаю возможнымъ невозможное.

Теперь я исцѣлился отъ этого безумiя и хочу убѣдить также и васъ, рабочiе, въ опасности моей прежней ошибки. Отдѣльные борцы за красоту, добро и истину, которые хотѣли бы хотя сколько-нибудь остаться вѣрными себѣ въ такомъ учрежденiи, какъ парламентъ, будутъ просто-напросто совершенно одиноки, и это не будетъ несправедливо, потому что они и не принадлежатъ къ той сферѣ, которая представляетъ собой только капиталистическiя стремленiя. Государство, въ своей современной формѣ, обречено на гибель.

Деморализирующее влiянiе парламентаризма можетъ только отравить рабочихъ депутатовъ, заглушить въ нихъ духъ протеста и заставить въ нихъ смолкнуть внутреннiй голосъ, взывающiй къ вамъ: „Не разсчитывайте на вашихъ депутатовъ! Не разсчитывайте на этихъ фабрикантовъ законовъ! Освобожденiе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ!" Въ самомъ дѣлѣ, серьезныхъ реформъ они такъ же мало могутъ провести, какъ это не въ состоянiи были выполнить и соцiалистическiе депутаты въ Германiи, сколько ихъ тамъ ни было въ рейхстагѣ.

Съ конца начинать нельзя. Съ тѣнью, съ простымъ отраженіемъ существующихъ экономическихъ и соціальныхъ несправедливыхъ отношеній нельзя бороться съ успѣхомъ.

И поэтому, рабочіе, вы не должны довѣрять тѣмъ, кто заманиваетъ васъ на политическую борьбу, чтобы удовлетворить своему собственному честолюбію, чтобы самимъ войти туда, гдѣ имъ хочется быть затѣмъ, чтобы съ хорошимъ доходомъ сидѣть въ законодательной палатѣ страны и, при случаѣ, блеснуть рѣчью для ослѣпленія простодушныхъ, полагающихся на нихъ, избирателей!

Пусть ни одинъ изъ нашихъ единомышленниковъ никогда не будетъ дышать этимъ испорченнымъ воздухомъ, но каждый пусть полагается только на свои собственныя силы! Развивайтесь, объединяйтесь, основывайте могущественные профессіональные союзы, старайтесь спутать планы капиталистовъ своими забастовками и подготовляйте день всеобщей забастовки! Никогда не забывайте, что вы являетесь единственными производителями цѣнностей, что если вы, приводящіе въ движеніе всѣ колеса цѣлой системы, сложите руки, то капиталисты не будутъ больше пользоваться доходами, торговля и промышленность остановятся, роскошь смѣнится голодомъ, и господа задрожатъ отъ страха въ своихъ дворцахъ! На самомъ дѣлѣ господами являетесь вы, хотя вы и позволили унизить себя до положенія рабовъ. Но еще больше, чѣмъ это возможно голоду, хотятъ изъ васъ тѣ, кто старается васъ убѣдить работать вмѣстѣ съ вашими злѣйшими врагами въ законодательной фабрикѣ страны.

Что сказали бы вы, если бы кто-нибудь захотѣлъ запереть въ одномъ сараѣ волковъ и овецъ?

А между тѣмъ, такое требованіе предъявляется овцамъ.

Но не забывайте никогда, что только волки могутъ такъ обманывать васъ и убѣждать васъ, что только у волковъ ваше благо и ваше спасеніе!

За этими послѣдними словами раздался такой громъ аплодисментовъ, какъ будто стѣны готовы были рухнуть. Они разразились, подобно долго сдерживаемому взрыву страсти и, казалось, что имъ не будетъ конца. Рустинъ сошелъ съ эстрады, сталъ среди толпы и устремилъ взоръ своихъ сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ горѣлъ огонекъ страсти, на своего врага, на человѣка, который произвелъ расколъ въ партіи. Марталисъ прилежно писалъ во время рѣчи Рустина и приготовился теперь возражать.

Когда шумъ, наконецъ, успокоился, предсѣдатель поставилъ обычный вопросъ, не желаетъ ли еще кто-нибудь слова, и такъ какъ всѣ молчали, то онъ далъ знакъ Марталису.

Марталисъ всталъ и вышелъ впередъ; но едва только онъ открылъ ротъ, какъ оглушительный шумъ заставилъ его смолкнуть.

Честное лицо предсѣдателя сдѣлалось темно-краснымъ отъ гнѣва. Напрасно онъ пытался снова возстановить порядокъ своимъ молоткомъ. Хотя въ залѣ и было нѣсколько человѣкъ, очевидно сторонниковъ Марталиса, которые пытались выразительными жестами заставить смолкнуть шумѣвшую публику, но ихъ было слишкомъ незначительное меньшинство, и возбужденіе достигло своего высшаго пункта. Никто не хотѣлъ больше слушать и, какъ только Марталисъ открывалъ ротъ, чтобы говорить, какъ шумъ снова усиливался.

Но вдругъ случилось нѣчто, что сразу заставило смолкнуть всю толпу.

Неизвѣстный юноша съ темными волосами и большими, печальными глазами однимъ прыжкомъ очутился на эстрадѣ рядомъ съ Марталисомъ и задыхающимся и дрожащимъ отъ волненія голосомъ крикнулъ на всю залу:

— Трусы! Да, вы—трусы!—повторилъ онъ еще разъ, тогда какъ всѣ въ безмолвномъ изумленіи смотрѣли на него.—Въ первый разъ въ моей жизни я нахожусь въ собраніи соціалистовъ,—людей, которые, по крайней мѣрѣ, сами называютъ себя этимъ почетнымъ именемъ, и я не могу уйти отсюда, не высказавъ вамъ того, что вы всѣ, собравшіеся здѣсь, не имѣете никакого права бросать камнемъ въ современное общество или клеймить его!

Въ толпѣ все еще стояла мертвая тишина. Никто не шевелился.

— Потому что общество, которое вы презираете, основано на столь глубоко безнравственномъ „правѣ сильнаго", а здѣсь это право примѣняется точно такимъ же позорнымъ образомъ, какъ и всюду. Здѣсь вы даже идете всѣ вмѣстѣ на одного. Я не могу принять участія въ обсужденіи того, о чемъ говорилось сегодня вечеромъ,—громкимъ голосомъ продолжалъ онъ дальше.—Всякая политика еще совершенно чужда мнѣ. Также мало могу я назвать себя соціалистомъ, потому что я во всю мою жизнь не сдѣлалъ ничего такого, что дало бы мнѣ на это право. Я всѣмъ своимъ сердцемъ люблю и уважаю евангеліе гуманности, которое въ нашемъ столѣтіи извѣстно подъ именемъ соціализма. Но сегодня вечеромъ я научился различать само это евангеліе отъ тѣхъ, кто его проповѣдуетъ. И даже еще больше—я научился сегодня вечеромъ сомнѣваться въ будущемъ осуществленіи этого евангелія, потому что никакой

благородной цѣли нельзя достигнуть низменными, неблагородными средствами. Высшему человѣческому идеалу нельзя служить разжиганіемъ самыхъ низменныхъ страстей. Истинными соціалистами нельзя сдѣлать тѣхъ, у кого систематически хоронятъ вѣру въ человѣческую честность и искренность. Я явился сюда ищущимъ, и я надѣялся получить здѣсь впечатлѣніе красоты и душевнаго благородства, которыхъ нѣтъ въ нашемъ темномъ, варварскомъ обществѣ. Я надѣялся дышать здѣсь болѣе чистой и болѣе духовной атмосферой, чѣмъ тамъ, гдѣ говоритъ только философія сильнаго. Но я глубоко ошибся, и моя потребность въ духовной красотѣ осталась неудовлетворенной.

Всю мелочность, безсмысленность, всякую клевету и заподазриваніе думающаго иначе,—однимъ словомъ, все, что я привыкъ презирать и ненавидѣть въ нашемъ обществѣ,—все это я снова нахожу здѣсь. Вы сами, называющіе себя соціалистами, безчестите свой идеалъ!

Съ этими словами говорившій хотѣлъ снова спуститься въ толпу, какъ вдругъ его кто-то взялъ подъ руку и оттащилъ назадъ.

— Останься здѣсь, Меріанъ, потому что тамъ ты не будешь въ безопасности!—шепнулъ ему Марталисъ среди всеобщаго шума.—Они могутъ теперь побить тебя, такъ какъ ты оскорбилъ ихъ идола.

Бертольдъ, слишкомъ возбужденный, чтобы давать себѣ въ чемъ-нибудь отчетъ, не слышалъ, что ему было сказано, но просто механически повиновался физическому принужденію. И въ тоже время взоръ его встрѣтился со взоромъ Рустина, который все еще стоялъ тамъ и какъ будто съ нѣкотораго рода сострадательной ироніей смотрѣлъ на него.

Но его сверкающіе негодованіемъ глаза не опустились передъ его взоромъ. „То, что я только что сказалъ,—можно было прочесть въ нихъ,—говорилось не для этихъ неразвитыхъ рабочихъ, которыхъ я считаю почти неправоспособными, но для человѣка, который своими словами и своей личностью могъ бы сильно вліять на лучшія стороны людей,—для человѣка, который, вмѣсто того, чтобы создавать себѣ сторонниковъ по своему идеалу, злоупотребляетъ своей властью, чтобы вызывать въ нихъ самые дурные инстинкты".

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

———>✠<———

Атлантическій океанъ.

Ты здѣсь была, и твой корабль качался
Средь тѣхъ же волнъ, гдѣ нынѣ я плыву.
На волны ты смотрѣла, и остался
Въ нихъ образъ твой, подобный божеству.

Въ полночный часъ въ тоскующей пустынѣ
Я видѣлъ два знакомыхъ мнѣ огня—
Горѣлъ въ нихъ свѣтъ, который я донынѣ
Храню въ душѣ, какъ онъ хранилъ меня.

Въ извивахъ струй, въ ихъ блескѣ и движеньѣ
Я узнаю черты твои легко.
Моя печаль хранитъ ихъ отраженье:
Какъ океанъ, свѣтло и глубоко.

И въ пѣньѣ волнъ я слышу милый голосъ,
Я вновь тебя по имени зову,
И все, что въ снахъ съ сомнѣніемъ боролось,
Очищеннымъ я вижу наяву.

А. Ѳедоровъ.

Счастливая Австралія.

I.

Общій взглядъ на политическій и соціальный строй Австраліи и Новой Зеландіи.

Австралія, которую мы привыкли видѣть столь небольшой на нашихъ картахъ, на самомъ дѣлѣ немного (на $^1/_5$) меньше всей Европы. Этотъ значительный материкъ имѣетъ между тѣмъ населеніе, не вполнѣ достигающее пяти милліоновъ, да и то, если мы включимъ въ этотъ счетъ и населеніе Н. Зеландіи, которая отстоитъ отъ материка Австраліи почти на 2000 верстъ и въ политическомъ отношеніи—по крайней мѣрѣ формально—обособлена отъ англійскихъ колоній, находящихся на материкѣ.

Извѣстно, что эти колоніи [1]) недавно (1900) организовали по взаимному соглашенію федеральный союзъ, принявъ за образецъ С. Ам. Соединенные Штаты, но придавъ въ то же время своему политическому строю много очень важныхъ и оригинальныхъ особенностей, которыхъ мы не находимъ въ конституціи Американской Республики [2]).

Федеральное государство, образовавшееся въ Австраліи, приняло названіе „The Australian Commonwealth", т. е. Соедин. Штаты Австраліи; отдѣльныя же колоніи, вошедшія въ федерацію, приняли—по примѣру С.-Амер. республики—названіе „states", т. е., согласно точному значенію этого слова, „государствъ" или, какъ принято у нихъ говорить относительно С.-Американской федераціи, „штатовъ". Принявъ такое громкое названіе взамѣнъ прежняго своего названія „колоній", эти послѣднія хотѣли какъ можно рѣзче подчеркнуть, что, несмотря на образованіе федераціи, каждый изъ входящихъ въ ея составъ членовъ сохранилъ за собой весьма значительную самостоятельность, граничащую съ само-

---

[1]) Новый Южный Валлисъ, Викторія, Куинслэндъ, Южн. Австралія, Зап. Австралія, Тасманія.

[2]) См. обширную статью „Соединенные Штаты Австраліи", которой начинаются наши „Соціологическіе этюды". Спб. 1903 г.

стоятельностью отдѣльныхъ, независимыхъ государствъ, съ каковыми можно съ большимъ основаніемъ сравнивать англійскія автономныя колоніи.

Впослѣдствіи намъ придется еще остановиться на выясненіи этой стороны политическаго строя Австраліи, теперь же отмѣтимъ лишь, что Нов. Зеландія не пожелала войти въ Австралійскую Федерацію и продолжаетъ попрежнему свою совершенно самостоятельную жизнь, такъ какъ связь ея съ метрополіей имѣетъ въ значительной мѣрѣ формальный характеръ.

Однако, хотя Н. Зеландія оффиціально, юридически не входитъ въ составъ Австралійской Федераціи, тѣмъ не менѣе, по существу, между штатами этой федераціи и Н. Зеландіей существуетъ значительная матеріальная и духовная связь: какъ на материкѣ Австраліи, такъ и въ Н. Зеландіи, мы находимъ приблизительно одинаковыя политическія и соціальныя учрежденія, причемъ какъ материковые штаты, такъ и Н. Зеландія слѣдятъ съ неослабнымъ вниманіемъ за тѣми любопытными и важными опытами въ области политики и государственнаго хозяйства, которые составляютъ отличительную особенность общественной жизни нашихъ антиподовъ за послѣднюю четверть вѣка [1]).

Поэтому мы въ послѣдующемъ своемъ изложеніи, говоря объ Австраліи вообще, будемъ разумѣть, вообще говоря, и Н. Зеландію, т. е. будемъ поступать такъ, какъ поступаютъ обыкновенно англичане, хотя у нихъ имѣется даже особый географическій терминъ—Австралазія, который они употребляютъ, когда хотятъ указать въ точности, что то или иное утвержденіе относится не только къ материку Австраліи, но и всѣмъ близкимъ и далекимъ островамъ,—включая и Н. Зеландію,—окружающимъ Австралію.

Въ чемъ же заключается эта общность между всѣми штатами Австраліи и Н. Зеландіей? Что составляетъ характерную особенность политическаго и соціальнаго міра нашихъ антиподовъ?

Таковой особенностью несомнѣнно слѣдуетъ считать передовой, въ высшей степени прогрессивный характеръ политическихъ и соціальныхъ учрежденій Австраліи. Въ Австраліи осуществлены многія политическія и соціальныя реформы, которыя въ большинствѣ европейскихъ государствъ, не исключая самой Англіи, составляютъ пока предметъ пожеланій болѣе или менѣе значительныхъ слоевъ населенія. Въ Австраліи, вообще говоря, политическія права предоставлены всему взрослому населенію, т. е. мужчинамъ и женщинамъ, причемъ, вообще говоря, избирательный законъ не вводитъ въ этотъ принципъ сколько-нибудь серьезныхъ ограни-

---

[1]) Что касается матеріальной связи между штатами Австралійской Федераціи и Н. Зеландіей, то связь эта выражается въ извѣстномъ,—правда, не очень значительномъ,—товарообмѣнѣ между ними.

ченій: не требуетъ, напр., продолжительнаго пребыванія избирателей въ избирательномъ участкѣ и т. п.

Во всѣхъ штатахъ Австраліи мы находимъ, далѣе, парламентарный режимъ, причемъ губернаторъ [1]) играетъ тамъ роль строго-конституціоннаго монарха, предоставляющаго фактически всю власть министерству, отвѣтственному передъ народными представителями и въ довѣріи этихъ послѣднихъ почерпающаго весь свой авторитетъ. Однимъ словомъ,—въ политическомъ отношеніи всѣ штаты Австраліи, какъ и самая федерація, представляетъ наиболѣе прогрессивныя, наиболѣе передовыя демократіи современнаго міра, хотя формально онѣ и находятся въ связи съ Великобританскимъ Королевствомъ.

Если мы обратимся теперь къ соціальному укладу Австраліи, то мы увидимъ тамъ въ качествѣ обыкновеннаго явленія восьмичасовой рабочій день, государственное пенсіонированіе всѣхъ стариковъ и старухъ, обязательную передачу разногласій рабочихъ и предпринимателей въ особыя примирительныя комиссіи, гдѣ обѣимъ сторонамъ обезпечено одинаковое представительство. Во всѣхъ штатахъ Австраліи мы найдемъ очень обширное и сложное фабричное законодательство, ограждающее всѣ законные интересы рабочихъ вообще, а женщинъ и дѣтей въ особенности.

Не продолжая далѣе этого перечня, мы полагаемъ, что и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы признать правильнымъ названіе Австраліи своего рода „соціальной лабораторіей“ [2]), гдѣ производятся любопытные опыты переустройства соціальныхъ и политическихъ отношеній въ согласіи съ наиболѣе прогрессивными вѣяніями нашего времени. Вотъ почему болѣе или менѣе детальное изученіе условій и результатовъ этихъ опытовъ имѣетъ, какъ намъ кажется, серьезное принципіальное значеніе для всего культурнаго человѣчества. Практическое значеніе этихъ опытовъ, конечно, далеко не такъ значительно, такъ какъ обстановка, среди которыхъ они, т. е. опыты, происходятъ, въ Австраліи имѣетъ мало общаго съ условіями жизни въ Европѣ и даже въ Америкѣ.

Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ характерѣ настоящаго нашего труда. Ближайшимъ поводомъ для его составленія было желаніе познакомить русское общество съ недавно вышедшимъ въ свѣтъ сочиненіемъ американскаго ученаго Кларка, который въ 1903 и 1904 гг. объѣхалъ Австралію и Н. Зе-

---

[1]) Въ отдѣльныхъ штатахъ особу англійскаго короля представляетъ губернаторъ, во всей Австралійской Федераціи—генералъ-губернаторъ. Роль и значеніе губернаторовъ автономныхъ колоній Англіи выяснена нами въ книгѣ „Передовая демократія современнаго міра. Англійская колонія „Новая Зеландія“.

[2]) Такое сравненіе можно найти въ цитируемыхъ ниже сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ, бывшихъ въ недавнее время въ Австраліи.

ландію по порученію американскаго правительства или, точнѣе, американскаго федеральнаго министерства торговли и труда. Часть указываемой нами книги появилась уже ранѣе въ одномъ изъ оффиціальныхъ изданій названнаго министерства [1]), и мы уже тогда обратили вниманіе на работу Кларка, замѣчательную по тщательности изложенія фактовъ и осторожности въ формулировкѣ выводовъ. Тѣми же качествами отличается и вышедшая теперь книга Кларка. Впрочемъ, полуоффиціальная роль г. Кларка наложила извѣстный отпечатокъ на его сочиненіе, такъ какъ желаніе быть безпристрастнымъ и освѣтить всѣ стороны вопроса служитъ причиной столь многихъ оговорокъ, что это иногда затрудняетъ установленіе конечныхъ выводовъ автора. Зато, конечно, когда эти выводы очень опредѣленны и ясны, они тѣмъ болѣе цѣнны...

Опираясь довольно часто въ послѣдующемъ своемъ изложеніи на сочиненіе Кларка, мы обыкновенно дополняемъ факты и выводы Кларка тѣми данными, которыя были опубликованы въ последніе годы въ другихъ сочиненіяхъ, описывающихъ учрежденія и жизнь Австраліи. Къ числу этихъ сочиненій относится работа французскаго ученаго Вигуру [2]), ѣздившаго въ Австралію по порученію парижскаго Musée Social, отличная работа А. Метэна [3]), посѣтившаго Австралію по порученію парижскаго университета, подобная же работа другого французскаго публициста Зифрида, весьма основательно изучившаго на мѣстѣ жизнь и учрежденія Н. Зеландіи [4]).

Мы не находимъ нужнымъ продолжать этого списка [5]), ни тѣмъ болѣе приводить длиннаго ряда сочиненій объ Австраліи, написанныхъ ея гражданами или жителями метрополіи, посѣщавшими Австралію и Н. Зеландію въ послѣднія 10—15 лѣтъ,—сочиненій, которыя намъ болѣе или менѣе хорошо извѣстны и которымъ мы пользовались при составленіи настоящей работы. Многія изъ этихъ сочиненій будутъ указаны въ послѣдующемъ изложеніи.

Наконецъ, въ числѣ матеріаловъ, которыми мы пользовались для нашего труда, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя оффиціальныя

---

1) V. Clark. The Labour Movement in Australasia. A study in social democraty. 1907. Washington.

Bulletin of the Department of Labour. 1903. November. 1903.

2) L. Vigouroux. L'Evolution social en Australasie. Paris. 1902.

3) A Métin. Le Sosialisme sans doctrines. La Question agraire et la question ouvrière en Australie et Nouvelle Zélande. Paris. 1901.

4) A. Siegfried. La Démocratie en Nouvelle Zelande. Paris. 1904.

5) См., напр., Pierre Leroy Beaulieu. Les Nouvelles Sociétées Anglo-Saxonnes. Paris. 1901 (Nouv. Edition). Gaston de Ségur. Une saisonen Nouvelle Selande. Paris. 1901. Henri Demoret Lloyd A. Condry without Strikes. New-Iork. 1901.

изданія правительствъ отдѣльныхъ штатовъ Австраліи и колоній Новой Зеландіи, причемъ часть этихъ матеріаловъ была намъ прислана австралійскими властями [1]).

II.

Естественныя условія жизни въ Австраліи.

Австралія, какъ мы уже говорили, по своей поверхности немного меньше Европы, она въ 25 разъ больше Великобританіи и въ 15 разъ больше Франціи. Шесть штатовъ, входящихъ въ Австралійскую Федерацію, весьма сильно различаются по своимъ размѣрамъ: наименьшія—Тасманія и Викторія—имѣютъ: первая 90,000, вторая 30,000 кв. миль, наибольшія—Западная и Южная Австралія,—почти по милліону квадр. миль. Весьма большой, хотя все-таки не столь значительный контрастъ, наблюдается и въ распредѣленіи населенія между отдѣльными штатами [2]).

Рельефъ Австраліи можно сравнить съ перевернутой глубокой тарелкой. По краямъ материка почва, вообще говоря, плодородна, она имѣетъ хорошое естественное орошеніе и покрыта вѣчно зеленымъ эвкалиптомъ. Это наиболѣе характерное дерево Австраліи, не растущее нигдѣ въ остальномъ мірѣ въ дикомъ видѣ. Около трехъ четвертей деревьевъ и кустарниковъ Австраліи принадлежитъ къ разнымъ видамъ эвкалипта, причемъ до настоящаго времени описано уже болѣе 150 видовъ этого растенія, имѣющаго самое разнообразное примѣненіе [3]).

По краямъ австралійскаго материка, благодаря хорошему естественному орошенію, сельское хозяйство или, точнѣе, земледѣліе развивается очень хорошо, здѣсь вполнѣ возможно мелкое крестьянское или хуторское земледѣльческое хозяйство.

Низменная береговая полоса ограничена со стороны материка гребнемъ сравнительно невысокихъ горныхъ цѣпей, гдѣ берутъ свое начало рѣки, которыя пересѣкаютъ низменную береговую линію континента. За горными цѣпами тянутся безконечныя равнины, которыя во время бездождныхъ годовъ имѣютъ характеръ голыхъ пустынь, но зато при сколько-нибудь значительномъ выпаденіи дождей обращаются въ плодороднѣйшіе луга.

Въ общемъ по мѣрѣ удаленія во внутрь материка растительность становится все скуднѣе и скуднѣе; огромныя пространства

---

[1]) Эти матеріалы будутъ указаны ниже.

[2]) По даннымъ 31 дек. 1903 года въ наиболѣе населенныхъ штатахъ—Нов. Южн. Валлисѣ и Викторіи—было болѣе милліона жителей, въ наименѣе населенномъ штатѣ—Тасманіи—около 180,000.

[3]) См. объ этомъ послѣднее приложеніе въ недавно вышедшей книгѣ Н. Крюкова: „Австралія. Сельское хозяйство въ Австраліи“. 1906. Изданіе департамента земледѣлія. Книга представляетъ собой отчетъ о командировкѣ въ Австралію.

покрыты мелкимъ, не боящимся засухъ, кустарникомъ или даже вовсе лишены какой-либо растительности за исключенiемъ немногихъ оазисовъ, гдѣ имѣется по близости какая-нибудь вода. Правда, иногда бываетъ, что земля, непригодная для земледѣлія или для пастбищъ, содержитъ большія минеральныя богатства. Богатѣйшіе золотые пріиски на континентѣ Австраліи находятся почти на разстояніи 600 верстъ отъ такихъ мѣстъ, гдѣ имѣется какое-либо естественное постоянное орошеніе.

Если мы примемъ во вниманіе этотъ контрастъ между береговой Австраліей и внутренней частью материка—контрастъ, заключающійся въ томъ, что въ первой, т. е. въ приморской Австраліи, имѣется хорошое естественное орошеніе и хотя небольшія, но судоходныя рѣки, а во второй—огромныя безплодныя равнины, лишенныя естественныхъ водныхъ путей, ведущихъ къ морю; если мы примемъ во вниманіе этотъ контрастъ, мы не удивимся тому, что огромное большинство населенія Австраліи сосредоточено на береговой полосѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ четырехъ съ лишнимъ милліоновъ населенія материка Австраліи около четырехъ пятыхъ живутъ не далѣе, какъ въ полутораста верстахъ отъ берега моря [1]).

На распредѣленіе населенія по материку Австраліи вліяютъ, впрочемъ, и другіе климатическіе факторы, кромѣ большаго или меньшаго количества осадковъ. Жаркій и сырой климатъ тропическихъ береговъ Сѣверной Австраліи затрудняетъ пользованіе въ этихъ мѣстахъ трудомъ европейцевъ, по крайней мѣрѣ для производства грубой, физической работы. Занятіе должно быть исключительно выгодно, или оно должно имѣть временный характеръ, чтобы даже въ этихъ странахъ привлекать рабочихъ кавказской расы. Какъ мы увидимъ ниже, указываемыя нами обстоятельства создали особыя затрудненія при колонизаціи штата Куинслэнда, занимающаго сѣверо-восточную часть Австраліи, затрудненія, не разрѣшенныя, въ сущности, до настоящаго времени.

Вообще говоря, климатъ Австраліи можно скорѣе всего сравнить съ климатомъ южной Европы. Въ штатѣ Викторія растутъ апельсиновыя деревья, въ городѣ Аделаидѣ (столица Юж. Австраліи) миндальныя деревья покрыты зеленью въ срединѣ зимы. Снѣгъ представляетъ весьма рѣдкое явленіе въ Австраліи. Тамъ нѣтъ даже горъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, хотя гора Костюшко (штатъ Викторія) достигаетъ высоты болѣе 7000 футъ.

Наиболѣе пріятный для европейца климатъ имѣютъ Тасманія и Новая Зеландія, такъ какъ ихъ островной характеръ не допускаетъ значительнаго контраста между средней температурой разныхъ временъ года. Островной характеръ этихъ колоній ограждаетъ ихъ, далѣе, отъ тѣхъ засухъ, которыми періодически

[1]) E. Buley. Australian life in town and country. London. 1906, p. 5.

страдаетъ южный континентъ. Такимъ образомъ въ отношеніи климата и во многихъ другихъ отношеніяхъ, на которыхъ мы не можемъ здѣсь останавливаться, Тасманія и Н. Зеландія [1]) представляютъ наиболѣе привлекательныя части Австраліи [2]).

Несмотря на то, что прошло уже болѣе ста лѣтъ со времени начала систематической колонизаціи Австраліи, этотъ отдаленный континентъ, въ сущности, пока еще мало изслѣдованъ. Имѣя въ виду то, что было сказано нами выше относительно характера почвы Австраліи, можно думать, что скотоводство, а не земледѣліе будетъ еще долгое время преобладающей формой сельскаго хозяйства въ Австраліи, хотя никто, конечно, не можетъ предсказать, какъ впослѣдствіи измѣнятся обстоятельства вслѣдствіе ирригаціонныхъ работъ и успѣховъ экспериментальнаго земледѣлія. Равнымъ образозомъ никто не можетъ знать, какъ велики окажутся минеральныя богатства Австраліи, когда повсемѣстно будутъ сдѣланы необходимыя развѣдки. Во всякомъ случаѣ прошлый опытъ и уже сдѣланныя пока изысканія говорятъ въ пользу того предположенія, что Австралія весьма богата минералами и что минеральныхъ богатствъ находится весьма много въ неизвѣданныхъ еще частяхъ этого материка. Пока наиболѣе богатыми являются въ Австраліи золотые и серебряные рудники; однако, тамъ весьма много рудниковъ желѣзныхъ и мѣдныхъ и немало угольныхъ копей.

Какъ видно изъ послѣднихъ статистическихъ данныхъ, на материкѣ Австраліи, который почти равняется Европѣ, живетъ населеніе, не достигающее 4 милліоновъ, между тѣмъ по меньшей мѣрѣ треть этого материка по своимъ естественнымъ условіямъ можетъ съ теченіемъ времени доставить средства къ жизни столь же густому населенію, какое мы находимъ въ странахъ старой Европы. На остальныхъ двухъ третяхъ материка во всякомъ случаѣ имѣется рядъ отдѣльныхъ районовъ, относительно которыхъ можно уже теперь сказать, что они впослѣдствіи станутъ центрами весьма выгодныхъ видовъ промышленности. Для сужденія о будущемъ Австраліи слѣдуетъ, далѣе, имѣть въ виду, что по своему положенію жители этого материка являются естественными хозяевами южной половины Тихаго океана и части океана Индѣйскаго. Не малое значеніе для будущаго Австраліи имѣетъ и то обстоятельство, что она находится по сосѣдству съ густо населенной частью Азіи.

Въ Австраліи имѣется большинство сырыхъ продуктовъ, не-

---

[1]) Подробныя данныя о климатѣ Нов. Зеландіи и другихъ сторонахъ жизни въ этой колоніи можно найти въ нашей книгѣ: «Передовая демократія современнаго міра». 4 изд. 1906.

[2]) Характеристика естественныхъ условій жизни въ Австраліи заимствована нами—частью дословно—изъ цитированнаго сочиненія Кларка

обходимыхъ для нуждъ новѣйшей цивилизаціи. Новая Зеландія и Тасманія, имѣя всѣ данныя для будущаго широкаго развитія земледѣлія, могутъ обратиться, въ случаѣ нужды, въ житницу для материка Австраліи. Съ другой стороны, богатство материка каменноугольными и другими рудниками гарантируетъ островнымъ частямъ Австраліи возможность полученія (съ материка) дешевыхъ и доброкачественныхъ продуктовъ мануфактурной и добывающей промышленности.

Однимъ словомъ, Австралія можетъ съ теченіемъ времени сдѣлаться столь же мало зависимымъ отъ другихъ странъ промышленнымъ міромъ, какимъ являются, въ сущности, современные С.-Амер. Соединенные Штаты [1]).

III.

Главные моменты колонизаціи Австраліи. Составъ и территоріальное распредѣленіе колонистовъ.

Конецъ XVIII вѣка ознаменовался, какъ извѣстно, между прочими другими фактами огромной важности утратой Англіей большей части ея владѣній въ С. Америкѣ. Въ 1783 г. состоялся Версальскій миръ, въ силу котораго Англія признала независимость ея бывшихъ колоній, принявшихъ съ тѣхъ поръ названіе Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.

Желая возмѣстить эту великую утрату, англійское правительство обратило свои взоры на еще болѣе далекій материкъ, лежащій въ южной части Тихаго океана. Этотъ материкъ, носившій тогда названіе „Новой Голландіи“, былъ въ то время весьма мало извѣстенъ европейцамъ; только незадолго передъ тѣмъ нѣкоторая часть его береговъ, а именно берега теперешняго Н. Южн. Валлиса и часть береговъ Н. Зеландіи были впервые сколько-нибудь основательно описаны знаменитымъ мореплавателемъ капитаномъ Кукомъ.

Въ 1787 г., т. е. всего четыре года спустя послѣ подписанія Версальскаго мирнаго договора, англійское правительство отправило къ юго-восточнымъ берегамъ Австраліи нѣсколько судовъ подъ командой капитана Арг. Филипа для основанія поселеній, годныхъ для высылки преступниковъ, причемъ для первыхъ же опытовъ колонизаціи далекаго материка капитану Филипу была дана партія въ 800 преступниковъ, въ числѣ которыхъ было 200 женщинъ.

Капитанъ Филипъ выбралъ для перваго поселенія мѣсто, находящееся недалеко отъ теперешняго Сиднея, столицы старѣйшей

---

[1]) См. послѣднія главы нашей книги: «Исторія великой американской демократіи». 1906.

австралійской колоніи (нынѣ штата), города, восхищающаго своимъ благоустройствомъ всѣхъ европейцевъ, которымъ случалось бывать въ послѣднее время въ Австраліи.

За этой первой партіей невольныхъ переселенцевъ въ отдаленный (плаваніе въ Австралію требовало въ то время около полугода) невѣдомый материкъ послѣдовали другія партіи, а затѣмъ, черезъ какія-нибудь 5—6 лѣтъ стали,—правда, сначала въ весьма небольшомъ числѣ,—переселяться въ Австралію и свободные колонисты. Впрочемъ, далеко не всѣ преступники, которые были высылаемы для заселенія Австраліи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, дѣйствительно заслуживали такого названія (преступниковъ). Между ними было не мало т. наз. политическихъ преступниковъ, лицъ, замѣшанныхъ въ рабочихъ „безпорядкахъ“ и т. п.: вспомнимъ, что указываемое нами время совпадаетъ въ значительной мѣрѣ съ эпохой послѣдней продолжительной реакціи въ Англіи, причемъ эта реакція становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большую остроту принимали событія Великой французской революціи.

Девятнадцатый вѣкъ (1801) открылся для Австраліи при общемъ числѣ населенія въ 6,500; черезъ десять лѣтъ населеніе Австраліи почти удвоилось (11,500), въ слѣдующее десятилѣтіе (т. е. къ 1821 г.) оно увеличилось въ три раза (около 36,500). Къ половинѣ XIX вѣка (1851) оно уже достигало 430,000, причемъ главная его масса была сосредоточена въ Н. Юж. Валлисѣ и на островѣ Тасманія. Впрочемъ, въ 40-ыхъ годахъ началась уже и систематическая колонизація Н. Зеландіи, европейское населеніе которой къ 1851 достигало почти 27,000 и вошло въ только-что указанный общій итогъ населенія Австраліи или, выражаясь точнѣе, Австралазіи.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ данныхъ,—да едва ли таковыя существуютъ вообще,—чтобы сказать что-нибудь опредѣленное по поводу того, какая часть тогдашнихъ жителей Австраліи состояла изъ сосланныхъ преступниковъ и ихъ потомства. Во всякомъ случаѣ „невольные“ колонисты составляли сколько-нибудь значительный элементъ населенія только въ Н. Юж. Валлисѣ и въ Тасманіи. Въ Викторіи ихъ было очень мало, въ Юж. Австраліи и Н. Зеландіи ихъ даже не было вовсе, такъ какъ эти колоніи никогда не служили мѣстомъ ссылки.

Трудно сказать, какъ развивалась бы далѣе колонизація Австраліи и какой бы характеръ имѣлъ дальнѣйшій составъ колонистовъ, такъ какъ именно въ серединѣ XIX вѣка совершилось событіе, измѣнившее разомъ перспективы этого отдаленнаго материка. Мы разумѣемъ, конечно, открытіе золота въ колоніи Викторіи въ 1851 г., т. е. какъ разъ въ томъ году, когда занимаемая ею юго-восточная часть Австралія была выдѣлена изъ

Нов. Юж. Валлиса и приняла названіе Викторіи въ честь тогдашней королевы Англіи.

Вѣсть объ открытіи золота привлекла въ Викторію массу пришельцевъ, во-первыхъ, со всѣхъ концовъ самой Австраліи, во-вторыхъ, изъ другихъ странъ и областей англо-саксонскаго міра и въ-третьихъ, изъ всѣхъ другихъ странъ вообще. За десять лѣтъ до открытія золота на территоріи Викторіи жило всего 20,000 поселенцевъ, въ Н. Юж. Валлисѣ 150,000; черезъ десять лѣтъ послѣ открытія золота (1861) число жителей Викторіи доходило до 542,000, тогда какъ въ Н. Юж. Валлисѣ ихъ было 358,000. Съ тѣхъ поръ и до самаго послѣдняго времени Викторія, будучи наименьшей изъ континентальныхъ колоній Австраліи, имѣла, однако, наиболѣе значительное населеніе. Только въ последнее десятилѣтіе первое мѣсто въ отношеніи населенности занялъ вновь Н. Юж. Валлисъ, старѣйшая изъ колоній (нынѣ штатовъ).

Открытіе золота сыграло вообще большую роль въ колонизаціи Австралазіи: въ концѣ 50-ыхъ годовъ золотыя розсыпи были открыты въ Н. Зеландіи, благодаря чему въ значительной мѣрѣ населеніе этой отдаленнѣйшей колоніи возросло за шестнадцать лѣтъ между 1858 и 1874 г. съ 60,000 до 300,000 чел., т. е. въ шесть разъ.

Впослѣдствіи золото было найдено въ Куинслэндѣ и, наконецъ, въ Зап. Австраліи, что каждый разъ сопровождалось вторженіемъ въ эти колоніи цѣлаго потока иммигрантовъ.

По послѣднимъ опубликованнымъ даннымъ, относящимся къ 31 дек. 1903 г., въ Австраліи и Н. Зеландіи насчитывается 4,759,495 жителей, изъ которыхъ на долю Н. Зеландіи приходится болѣе одной шестой (832,505).

Изъ штатовъ, которые вошли въ федерацію, наибольшее населеніе имѣетъ Н. Юж. Валлисъ (1,427,000), за нимъ слѣдуетъ Викторія (1,209,000); наименьшее населеніе имѣетъ островной штатъ Тасманія—всего 179,000 чел. [1]).

Какъ мало еще заселена Австралія, видно изъ того, что тамъ на одну квадратную милю приходится 1,6 жителя, тогда какъ въ Европѣ приходится 100, въ Азіи почти 50, въ Африкѣ 15 и въ Америкѣ 9.

Если мы вспомнимъ большую продолжительность путешествія въ Австралію въ наше время (2 мѣсяца) и чрезвычайную его продолжительность (6 мѣсяцевъ) въ періодъ парусныхъ судовъ; если мы вспомнимъ ту притягательную силу, которую имѣла и имѣетъ до сихъ поръ въ глазахъ европейцевъ великая амери-

---

1) Coghlan. A Statistical Account of Australia and New Zealand (послѣдній вышедшій до сихъ поръ выпускъ этого полуоффиціальнаго изданія).

канская демократія, то мы не удивимся, что для привлеченія колонистовъ на отдаленные берега Австраліи приходилось прибѣгать къ частичной или даже полной оплатѣ расходовъ по переѣзду. Такого образа дѣйствій держались въ разное время, въ сущности, всѣ,—конечно, отказываясь отъ него только тогда, когда успѣвшій образоваться въ той или иной колоніи болѣе или менѣе значительный рабочій классъ твердо заявлялъ о своемъ нежеланіи имѣть искусственно-привлекаемыхъ конкуррентовъ, понижавшихъ уровень заработной платы. По приблизительнымъ подсчетамъ всѣхъ такихъ „субсидированныхъ" переселенцевъ въ Австраліи было до сихъ поръ до трехъ четвертей милліона, изъ которыхъ на долю Н. Зеландіи приходится болѣе 100,000 [1]. Такимъ образомъ населеніе Австраліи образовалось изъ трехъ элементовъ: 1) ссыльно-каторжныхъ и ихъ потомковъ, 2) добровольныхъ переселенцевъ, значительная часть которыхъ переселилась въ Австралію, соблазняясь возможностью сравнительно дешеваго или даже безплатнаго переѣзда и перспективой хорошихъ и вѣрныхъ заработковъ, и, наконецъ, 3) лицъ, которыхъ увлекала на отдаленный материкъ вѣсть о богатыхъ золотыхъ розсыпяхъ. Результатомъ такого происхожденія иммиграціонныхъ волнъ оказалось то, что громадное большинство жителей Австраліи состояло и состоитъ изъ англичанъ, такъ какъ первые два элемента могли само собой составиться только изъ жителей Великобританіи, что же касается послѣдней категоріи—искателей золота,—то и здѣсь отдаленность Австраліи и незнакомство съ имѣющимися съ ней сообщеніями послужили причиной того, что и громадное большинство искателей золота оказались также выходцами изъ Великобританіи или другихъ ея колоній.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ, то увидимъ, что 95 % теперешнихъ жителей Австраліи родились въ Австраліи или въ другой части Британской имперіи. Такимъ образомъ, какъ справедливо говоритъ извѣстный австралійскій статистикъ Когланъ [2], „населеніе въ Австраліи болѣе однородно (homogeneous), чѣмъ въ большинствѣ странъ Европы". Мало того, во всѣхъ штатахъ Австраліи отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ и даже болѣе значительной части населенія—уроженцы или того самаго штата или какой-либо иной части Австраліи. Въ этомъ отношеніи Австралія весьма сильно отличается отъ С. Штатовъ, гдѣ чужестранцы по рожденію (foreign born) составляютъ почти 14 % населенія, причемъ въ нѣкоторыхъ группахъ штатовъ (North Atlantic States) этотъ процентъ поднимается почти до 23 %. Въ городахъ: Нью-Іоркѣ, Чикаго, Бостонѣ, Санъ-Франциско и нѣко-

[1]) Coghlan, цит. изд., стр. 153.
[2]) T. Coghlan. A Statistical Account of Australia and New Zealand. 1904.

торыхъ другихъ треть всѣхъ эмигрирующихъ гражданъ по происхожденію иностранцы [1]).

Между тѣмъ, „однородность населенія", какъ справедливо говоритъ американецъ Кларкъ, „имѣетъ весьма благопріятные и желательные результаты. Энергія народа не тратится въ значительной мѣрѣ на ассимиляцію иностранцевъ. Въ странѣ устанавливаются одинаковые взгляды на то, чего требуетъ добропорядочная жизнь и поведеніе. Населеніе легко проникается общими чувствами по поводу тѣхъ или иныхъ событій. Вотъ почему въ Австраліи болѣе значительно, чѣмъ въ Америкѣ, сознаніе національнаго родства, общій семейный духъ, поэтому-то общественныя симпатіи болѣе дѣятельны и проявленія соціалистическихъ тенденцій болѣе рѣзки" [2]).

Въ этомъ же послѣднемъ направленіи—т. е. въ смыслѣ облегченія проявленій соціалистическихъ тенденцій—вліяетъ, по мнѣнію Кларка, и существованіе среди колонистовъ довольно значительнаго числа лицъ, пріѣхавшихъ въ Австралію при значительномъ матеріальномъ содѣйствіи общественныхъ властей Австраліи. „Такой переселенецъ,—говоритъ Кларкъ,—склоненъ былъ думать, что страна, которая настолько нуждается въ людяхъ, что готова содержать ихъ полгода и вести ихъ черезъ огромные океаны, должна имѣть для нихъ сразу же предложенія хорошаго заработка. Если бы такое ожиданіе не оправдалось, если бы переселенецъ по пріѣздѣ въ Австралію оказался бы безъ работы и въ нуждѣ, онъ счелъ бы себя вправѣ выражать неудовольствія и жалобы. Жалобы его были бы обращены не къ кому другому, а именно къ правительству новой страны. Онъ ожидалъ — и имѣлъ, въ сущности, право на такія ожиданія,—что правительство приметъ надлежащія мѣры для устраненія затрудненій и его невзгодъ [3]).

Отмѣчая все это, Кларкъ пытается объяснить такимъ образомъ причины торжества въ государственной жизни Австраліи нѣкоторыхъ принциповъ, относимыхъ обыкновенно къ системѣ т. наз. государственнаго соціализма.

Къ числу дальнѣйшихъ особенностей иммиграціи въ Австралію слѣдуетъ отнести то обстоятельство, что большинство иммигрантовъ были ранѣе не деревенскими, а городскими жителями, а это, надо думать, не осталось безъ вліянія на поразительное сосредоточеніе населенія штатовъ Австраліи въ городахъ и притомъ преимущественно даже въ столицахъ штатовъ.

„Одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ, которыя поставила передъ человѣчествомъ новѣйшая цивилизація,—это тенденція,

---

[1]) См. превосходную американскую „The New International Encyclopaedia", vol. IX, статья: Emmigration.

[2]) V. Clark. Labour Movement in Australia, 1907, p. 33—34.

[3]) V. Clark. Цит. сочин., 36.

которую обнаруживаетъ населеніе главныхъ странъ современнаго міра, тенденція къ сосредоточенію въ большихъ городахъ. Это замѣтно не только въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ, гдѣ развитіе промышленности совершенно измѣнило характеръ занятій народа и потому, по необходимости, привело къ скопленію рабочаго класса въ промышленные городскіе центры, это наблюдается и въ С. Штатахъ,—странѣ, гдѣ имѣются болѣе благопріятныя, чѣмъ гдѣ-либо, условія для земледѣльческаго труда.

„Увеличеніе населенности главныхъ городовъ Австраліи также весьма значительно и превосходитъ даже все, что видѣлъ въ этомъ отношеніи Старый Свѣтъ. Даже въ Америкѣ увеличеніе городского населенія сопровождалось соотвѣтственнымъ [1]) увеличеніемъ населенія сельскаго, и только въ Австраліи,—вѣроятно, въ первый разъ въ исторіи человѣчества—большіе города увеличивались съ такой феноменальной быстротой, что *треть* населенія всѣхъ штатовъ оказалась живущей въ столицахъ этихъ штатовъ“ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ данныхъ одной таблицы, которую находимъ въ трудѣ Коглана [3]), уже въ 1851 году жители Сиднея [4]) составляли около четвертой части населенія всего Нов. Юж. Валлиса, въ 1871 г. въ Сиднеѣ жило 27%, въ 1881—30%, въ 1891—34%, въ 1901—36%, т. е. *болѣе трети* населенія всего штата. Если мы возьмемъ данныя за 1903 г., то увидимъ, что въ Пертѣ (столицѣ Зап. Австраліи) и въ Хобартѣ (столицѣ Тасманіи) живетъ пятая часть населенія штатовъ, для которыхъ эти города служатъ столицами. Въ Мельбурнѣ же, столицѣ штата Викторіи, живетъ 42% (561,080) населенія штата, а въ Аделаидѣ (168,000 жит.) чуть не половина (46%) населенія всего штата Южной Австраліи! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ничего подобнаго міръ никогда не видѣлъ.

Только Н. Зеландія представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя уклоненія, такъ какъ тамъ городское населенія, будучи въ общемъ весьма значительно (30%), распредѣляется главнымъ образомъ на четыре городскихъ центра, изъ которыхъ одинъ (Ауклэандъ) имѣетъ около 70,000 жителей и три (Крайсгергъ, Дюнединъ и Веллингтонъ) болѣе 50,000. Это въ колоніи, общее населеніе которой не достигаетъ милліона!

Если мы вспомнимъ, что мы здѣсь говорили лишь о самыхъ большихъ городахъ Австраліи и что помимо этихъ городовъ во всѣхъ штатахъ имѣется рядъ другихъ городовъ, менѣе значительныхъ, если мы это вспомнимъ, то мы должны будемъ при-

[1]) Это не совсѣмъ точно. Городское населеніе увеличивалось и въ Америкѣ быстрѣе, чѣмъ сельское.

[2]) Coghlan. Цит. сочин., стр. 154—155.

[3]) См. также сочиненіе Clark, стр. 33.

[4]) Столица Н. Юж. Валлиса.

знать, что австралійская цивилизація является цивилизаціей городской въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая-либо иная на земномъ шарѣ.

Указываемое нами обстоятельство имѣетъ огромную важность: имъ объясняются въ значительной мѣрѣ поразительные успѣхи, которыхъ достигли въ Австраліи рабочіе, успѣхи, которые еще долгое время должны будутъ представляться отдаленнымъ идеаломъ для рабочаго класса не только Стараго Свѣта, но отчасти даже и С.-Амер. Соединенныхъ Штатовъ.

IV.

Политическая эволюція австралійскихъ колоній Англіи.—Полное торжество демократическихъ принциповъ.—Образованіе С. Штатовъ Австраліи.

Капитанъ Филипъ, основавшій первое англійское поселеніе въ Австраліи изъ привезенной имъ большой партіи ссыльно-каторжныхъ, имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Такую же автократическую власть имѣли и ближайшіе слѣдующіе губернаторы Нов. Южнаго Валлиса, первой англійской колоніи въ Австраліи, что объясняется, конечно, указаннымъ составомъ колонистовъ.

Когда въ колоніи образовался нѣкоторый контингентъ лицъ, уже отбывшихъ срокъ принудительныхъ работъ, установленныхъ для всѣхъ ссыльныхъ, и тѣмъ болѣе, когда въ Австралію стали пріѣзжать свободные эмигранты, которые могли предъявлять претензіи на всѣ права и привилегіи англійскихъ гражданъ, дальнѣйшее существованіе единоличнаго и неограниченнаго управленія колоніей губернаторомъ представляло уже—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія англичанъ—нѣчто совершенно нетерпимое. Получая отъ Австраліи множество жалобъ и неудовольствій, правительство метрополіи рѣшило пойти имъ до извѣстной степени на встрѣчу, создавъ въ 1824 г. при губернаторѣ Н. Южнаго Валлиса т. наз. „законодательный совѣтъ", который состоялъ изъ шести членовъ, назначаемыхъ на эту должность министромъ колоніи.

Таковъ былъ первый шагъ къ ограниченію губернаторской власти [1]). Черезъ пять лѣтъ былъ сдѣланъ слѣдующій шагъ—установленіемъ при губернаторѣ „исполнительнаго совѣта", т. е. такого совѣта, члены котораго дѣлили съ губернаторомъ его власть по управленію колоніей. Вмѣстѣ съ этимъ было увеличено число членовъ законодательнаго совѣта. Первая же сессія обновленнаго законодательнаго совѣта ознаменовалась вотированіемъ законовъ, установившихъ въ колоніи судъ присяжныхъ и свободу печати.

[1]) Въ послѣдующемъ изложеніи мы широко пользуемся нашимъ сочиненіемъ: «Передовая демократія современнаго міра».

Прошло около 12 лѣтъ и Н. Юж. Валлисъ получилъ (1842) конституцію. Согласно этой конституціи, законодательный совѣтъ колоніи былъ совершенно реорганизованъ, сдѣлавшись, въ сущности, мѣстнымъ парламентомъ; меньшая часть его членовъ (12) были попрежнему назначаемы губернаторомъ, большая же часть (18) выбиралась уже самими колонистами, причемъ въ выборахъ участвовала вся болѣе обезпеченная часть населенія.

Колонисты, однако, не были удовлетворены такой конституціей и желали ея измѣненія въ смыслѣ увеличенія числа избирателей, расширенія правъ законодательнаго собранія и подчиненія послѣднему исполнительной власти, т. е. губернатора и его совѣта или министровъ. Всего этого колонистамъ пришлось ждать не долго. Въ 1850 г. англійскій парламентъ издалъ знаменитый Australian Government Act, согласно которому изъ части Н. Юж. Валлиса была образована отдѣльная колонія Викторія, причемъ этимъ двумъ колоніямъ, равно какъ и успѣвшимъ уже образоваться къ тому времени двумъ другимъ колоніямъ—Тасманіи и Н. Зеландіи—было предоставлено право составить самимъ свою конституцію и затѣмъ переслать ее черезъ губернатора на утвержденіе имперскаго правительства.

Такимъ образомъ съ этого достопамятнаго акта 1850 г. начинается въ политической жизни австралійскихъ колоній новая эра, эра самостоятельнаго политическаго развитія подъ номинальнымъ и благожелательнымъ контролемъ англійской короны.

Какъ сами колонисты, такъ и въ особенности избранныя ими законодательныя собранія употребили массу времени и труда для того, чтобы выработать желательную организацію своихъ (колоніальныхъ) властей и ихъ отношеній къ правительству метрополіи. Только въ 1854 г. всѣ названныя выше колоніи окончили свои работы по составленію конституціонныхъ проектовъ и отослали ихъ на утвержденіе въ Англію, гдѣ эти проекты получили окончательную санкцію въ 1855 г. Впослѣдствіи такимъ же порядкомъ получили конституцію Куинслэндъ, Зап. и Юж. Австралія.

Конституціи отдѣльныхъ колоній съ самаго начала были различны и остались различными до сихъ поръ, почему мы можемъ себѣ позволить здѣсь лишь самую краткую, общую ихъ характеристику.

Во всѣхъ колоніяхъ съ самаго же начала была принята двухпалатная система, причемъ въ Н. Юж. Валлисѣ, Куинслэндѣ и Новой Зеландіи члены верхней палаты назначаются губернаторомъ [1]), который, однако, такъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ совѣту своихъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ парламентомъ колоніи. Въ остальныхъ четырехъ колоніяхъ члены

---

[1]) Въ первыхъ двухъ колоніяхъ—пожизненно, въ Новой Зеландіи (съ 1891 г.)—на семь лѣтъ.

верхнихъ палатъ выбираются населеніемъ, причемъ кандидаты, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и избиратели должны удовлетворять извѣстному имущественному цензу; въ тѣхъ же трехъ колоніяхъ, гдѣ члены верхнихъ палатъ назначаются губернаторомъ, для членовъ верхнихъ палатъ никакого имущественнаго ценза не установлено. Благодаря этому послѣднему обстоятельству въ Новой Зеландіи въ числѣ „перовъ", т. е. членовъ верхней палаты, оказывается нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ рабочему классу. Ничего подобнаго, насколько намъ извѣстно, нельзя найти ни въ одной другой верхней палатѣ какого-либо изъ современныхъ государствъ.

Нижнія палаты вездѣ выборныя, причемъ первое время для участія въ выборахъ требовался извѣстный имущественный цензъ. Съ теченіемъ времени этотъ цензъ былъ вездѣ уничтоженъ, кромѣ колоніи Куинслэндъ и Зап. Австраліи, гдѣ, впрочемъ, этотъ цензъ имѣетъ скорѣе номинальный характеръ. Въ 1893 г. Н. Зеландія рѣшилась даже распространить политическія права на женщинъ, причемъ опытъ ея оказался настолько удачнымъ, или по крайней мѣрѣ настолько чуждымъ какихъ-либо неудобствъ, что примѣру Н. Зеландіи въ послѣднее время послѣдовали Н. Юж. Валлисъ, Южн. Австралія, Зап. Австралія и Тасманія.

Нижнія палаты во всѣхъ колоніяхъ болѣе многочисленны, чѣмъ нижнія; вездѣ также авторитетъ и вліяніе нижнихъ палатъ болѣе значителенъ, чѣмъ верхнихъ, особенно въ отношеніи всѣхъ вопросовъ, касающихся расходованія народныхъ денегъ. Вездѣ министры отвѣтственны главнымъ образомъ передъ нижней палатой, оставаясь во власти только до тѣхъ поръ, пока они располагаютъ довѣріемъ большинства членовъ колоніальнаго парламента [1]).

Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, было бы крайне любопытно и поучительно провести параллель между политическимъ строемъ Англіи и ея автономныхъ колоній. Однако, этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ и важенъ, и мы не можемъ на немъ здѣсь останавливаться [2]).

Однимъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ колоніальнаго управленія было опредѣленіе роли губернатора и его министровъ. Съ первыхъ же дней проведенія въ жизнь своихъ новыхъ конституцій граждане каждой колоніи стремились сдѣлать изъ своего губернатора, который всегда назначается правительствомъ метро-

---

[1]) Однимъ словомъ, въ автономныхъ колоніяхъ Англіи установился понемногу такой самый парламентарный режимъ, который существуетъ въ самой метрополіи, причемъ въ колоніяхъ принципы парламентаризма проведены еще болѣе послѣдовательно.

[2]) См. наши книги: «Передовая демократія современнаго міра» «Парламентаризмъ и представительная форма правленія» и «Законодательныя собранія главныхъ странъ современнаго міра».

поліи, нѣчто вродѣ конституціоннаго короля. Колонисты требовали, чтобы губернаторъ, оставляя фактически власть въ рукахъ пользующагося довѣріемъ обѣихъ палатъ министерства,—притомъ министерства, состоящаго изъ членовъ той или другой изъ палатъ, — самъ довольствовался бы ролью посредника между борющимися въ колоніальномъ парламентѣ партіями, стараясь оставаться выше всякихъ подозрѣній въ покровительствѣ одной партіи передъ другой.

Колонисты, въ общемъ, вполнѣ достигли своей цѣли, хотя, правда, не безъ борьбы, причемъ нельзя не упомянуть столь любопытнаго и важнаго обстоятельства: правительство метрополіи приняло рѣшительно сторону колонистовъ въ ихъ борьбѣ съ губернаторами, не желавшими разстаться со своей прежней властью...

Можно вообще сказать, что политическая исторія австралійскихъ колоній Англіи во второй половинѣ XIX вѣка представляетъ собой непрерывно развивающійся процессъ демократизаціи всѣхъ общественныхъ учрежденій. Право голоса, принадлежавшее прежде только лицамъ, удовлетворявшимъ извѣстному имущественному цензу, было въ одной колоніи за другой распространено на всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ, и затѣмъ въ большинствѣ колоній (нынѣ штатовъ) и на совершеннолѣтнихъ женщинъ.

Срокъ полномочій парламента былъ сокращенъ съ 5 до 3 лѣтъ; верхнія палаты стали въ большинствѣ колоній выборными; наконецъ, самая компетенція колоніальныхъ парламентовъ расширялась все время *de jure* и *de facto*, дойдя, наконецъ, до того, что парламенты колоній, державшихся политики протекціонизма, стали облагать почти запретительными пошлинами товары, привозимые изъ Англіи...

Благодаря такому характеру своего развитія, австралійскія колоніи по своимъ политическимъ учрежденіямъ заняли постепенно первенствующее значеніе среди демократіи современнаго міра. „Несмотря на то, что австралійскія колоніи,—говоритъ гражданинъ Французской Республики Пьеръ Леруа Болье,—связаны, хотя и слабо, съ англійской монархіей, нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такого торжества демократіи, нигдѣ соціальныя нововведенія не заходятъ такъ далеко“ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, можно считать не безъ основанія, что въ Австраліи къ концу XIX вѣка эра преобладающаго значенія политическихъ вопросовъ уже закончилась. „Нельзя же ожидать,— замѣчаетъ шутливо по этому поводу бывшій профессоръ мельбурнскаго университета Дженксъ, —чтобы какой-нибудь полити-

---

1) Pierre · Leroy Beaulieu. Les Nouvelles Societées Anglo-Saxonnes. Paris. 1901.

ческій дѣятель выступилъ съ предложеніемъ распространить избирательныя права на дѣтей"[1]).

Разрѣшивъ многіе политическіе вопросы, надъ которыми долго еще будетъ ломать голову—и отчасти даже и проливать кровь—старая Европа, колонисты Австраліи направили все свое вниманіе на вопросы экономическіе и соціальные. Однако, здѣсь они натолкнулись скоро на рядъ серьезныхъ препятствій, вызываемыхъ существованіемъ въ Австралазіи семи совершенно независимыхъ другъ отъ друга правительствъ, которыхъ объединяла только фактически номинальная связь съ общей для всѣхъ метрополіей. Вотъ происхожденіе великаго движенія, которое въ концѣ XIX вѣка охватило громадное большинство жителей Австраліи и наиболѣе видныхъ ея политическихъ дѣятелей, движеніе, имѣвшее цѣлью организаціи въ Австраліи какого-нибудь общаго, т. е. федеральнаго правительства, которое—въ извѣстныхъ, строго установленныхъ границахъ—могло бы руководить разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ, затрагивающихъ жизненные интересы всѣхъ жителей Австраліи вообще.

Мы не имѣемъ возможности описывать здѣсь труды всякаго рода конференцій изъ представителей правительствъ отдѣльныхъ колоній, занятія разнаго рода частныхъ и иныхъ съѣздовъ, обсуждавшихъ вопросъ о желательной формѣ австралійской федераціи. Мы не можемъ останавливаться также на работахъ спеціальныхъ „конвентовъ", состоявшихъ изъ выбранныхъ *ad hoc* делегатовъ населенія отдѣльныхъ колоній, конвентовъ, имѣвшихъ цѣлью выработку формальнаго законопроекта австралійской федераціи[2]).

Можетъ быть, самой интересной особенностью указываемаго нами движенія слѣдуетъ считать тотъ въ высшей степени замѣчательный фактъ, что правительство метрополіи не сдѣлало ни малѣйшей попытки какого-либо вмѣшательства въ эту агитацію, которая въ теченіе рядъ лѣтъ составляла предметъ горячихъ споровъ и нескончаемыхъ дебатовъ во всякаго рода собраніяхъ и во всякаго рода оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, начиная съ самихъ коллегіальныхъ парламентовъ.

Послѣдній конвентъ, разработавшій проектъ федеральной конституціи, состоялъ изъ самыхъ даровитыхъ и опытныхъ дѣятелей Австраліи. Когда этотъ проектъ былъ разработанъ во всѣхъ деталяхъ, онъ поступалъ на голосованіе гражданъ всѣхъ коллегій Австраліи. Только тогда, когда проектъ былъ одобренъ большинствомъ гражданъ во всѣхъ коллегіяхъ, онъ былъ пересланъ въ Лондонъ для окончательной санкціи правительства метрополіи. Вмѣстѣ съ этимъ правительство метрополіи въ первый разъ оффиціально извѣ-

---

1) Ed. Ienks. History of Australasian Colonees, 292.

2) См. объ этомъ нашу статью: „Соединенные Штаты Австраліи" въ сборникѣ „Соціологическіе этюды".

щалось о желаніи коллегіи Австраліи образовать федеральный союзъ, иначе сказать—правительство метрополіи увѣдомлялось объ этомъ дѣлѣ величайшей важности тогда, когда это дѣло,| въ сущности были уже кончено...

Законопроектъ былъ внесенъ въ англійскій парламентъ, можно сказать, буквально въ той самой редакціи, въ какой онъ былъ присланъ изъ Австраліи и былъ почти безъ преній утвержденъ обѣими палатами парламента и подписанъ королевой [1]).

Едва ли можно представить какой-либо разительной примѣръ той неограниченной свободы, которой фактически пользуются автономныя коллегіи Англіи. Едва ли можно найти что-либо подобное въ исторіи коллегіальной политики какого-либо изъ нынѣ существующихъ или когда-либо существовавшихъ государствъ!

Законопроектъ англійскаго парламента объ установленіи Федераціи былъ, какъ мы сказали, переданъ для подписи королевѣ Викторіи; она его подписала 9-го іюля 1900 г., фактическое же открытіе дѣйствій федеральнаго правительства было назначено на 1-ое января 1901 г.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ для характеристики этого государственнаго акта, создавшаго Австралійскую Федерацію.

Строй Австралійской Федераціи напоминаетъ болѣе всего С.-Амер. Соединенные Штаты, въ Австралійской Федераціи, какъ и въ американской, отдѣльнымъ членамъ союза оставлены широкія права, граничащія съ правами отдѣльныхъ государствъ. Вотъ почему англійская колонія, образовавъ Федерацію, нашла даже умѣстнымъ переименовать себя, по примѣру великой американской республики, въ „штаты“—states, что въ переводѣ—значитъ „государства“ [2]).

Подобно американской конституціи, австралійская коституція подробно перечисляетъ предметы вѣдомства федеральныхъ властей, причемъ все, что не вошло въ это перечисленіе, считается оставшимся всецѣло въ вѣдѣніи властей отдѣльныхъ штатовъ (бывшихъ колоній) или, вѣрнѣе, населенія этихъ штатовъ, такъ какъ въ Австраліи всякая власть прямо или косвенно происходитъ отъ народа.

Такъ какъ отдѣльные „штаты“ Австраліи сохраняли въ неприкосновенности всѣ свои верховныя права, кромѣ тѣхъ, которыя

---

[1]) Всѣ стадіи развитія движенія къ установленіи федеративной связи между коллегіями Австраліи и крайне любопытныя подробности, характеризующія отношенія правительства метрополіи къ выработанному въ Австраліи законопроекту, изложены нами въ цитированной выше статьѣ.

[2]) Говоря „Соединенные *Штаты*“, и не Соед. Государство, мы, въ сущности, вмѣсто русскаго слова употребляемъ нѣмѣцкое (Vereinigte *Staaten*), которое значитъ также „государство“.

были ими уступлены въ силу федеральной конституціи союзному правительству, то штаты попрежнему имѣютъ особыхъ губернаторовъ, сносящихся непосредственно съ правительствомъ метрополіи.

Во главѣ Австралійской Федераціи или, иначе, Соед. Штатовъ Австраліи стоитъ генералъ-губернаторъ, назначаемый, какъ и губернаторы, правительствомъ метрополіи и играющій роль строго-конституціоннаго короля, подобно тому, какъ ту же роль выполняютъ въ отдѣльныхъ штатахъ губернаторы. При генералъ-губернаторѣ состоитъ совѣтъ министровъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ данное время членовъ федеральнаго парламента.

Федеральный парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты представителей. Въ сенатѣ всѣ штаты независимо отъ ихъ размѣра и населенности имѣютъ одинаковое число (шесть) представителей; число же представителей отъ штата въ нижней палатѣ пропорціонально числу жителей штата. Иными словами— австралійскій федеральный парламентъ организованъ по примѣру американскаго конгресса, гдѣ приняты тѣ же принципы представительства въ обѣихъ палатахъ конгресса [1]). Если мы вспомнимъ, какъ велика разница между размѣромъ и количествомъ населенія въ отдѣльныхъ штатахъ Австраліи, мы будемъ въ состояніи оцѣнить ту уступчивость, которую проявили наиболѣе многолюдные штаты, согласившись имѣть въ сенатѣ такое же число представителей, какъ и штаты, едва населенные. Это служитъ также хорошимъ показателемъ взаимнаго довѣрія населенія отдѣльныхъ колоній—нынѣ штатовъ Австраліи.

Члены нижней палаты федеральнаго парламента избираются на три года, члены сената—на шесть лѣтъ одинаковымъ составомъ избираталей, а именно—избирателями нижнихъ палатъ въ отдѣльныхъ штатахъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ избирательныя права предоставлены женщинамъ, женщины участвуютъ въ выборѣ членовъ обѣихъ палатъ федеральнаго парламента. Такимъ образомъ Австралійская Федерація въ отношеніи демократичности политическаго строя пошла дальше нѣкоторыхъ входящихъ въ ея составъ штатовъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ штатовъ сенатъ не выборный, а состоитъ изъ членовъ, получающихъ это званіе путемъ назначенія губернаторомъ, слѣдующимъ, впрочемъ, (мы считаемъ излишнимъ это прибавить) въ этомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ указаніямъ своихъ министровъ. Австралійскій Федеральный сенатъ представляетъ, далѣе, болѣе демократическое законодательное собраніе, чѣмъ американскій сенатъ, такъ какъ въ Америкѣ сенаторы выбираются не народомъ, а законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ.

---

1) См. нашу книгу: „Главныя федераціи современнаго міра“. Спб. 1907.

Наконецъ, демократическія тенденціи нынѣшней Австралійской Федераціи выражаются и въ томъ также, что для лицъ, выступающихъ кандидатами въ члены федеральнаго сената или палаты представителей, не установлено никакихъ особыхъ требованій, кромѣ тѣхъ, которыя существуютъ въ томъ или иномъ штатѣ для права участія въ выборахъ. Такимъ образомъ въ послѣднюю избирательную кампанію выставили свою кандидатуру въ федеральный сенатъ три женщины, не имѣвшія, впрочемъ, успѣха на выборахъ [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что Н. Зеландія не вошла въ Австрійскую Федерацію [2]), причемъ, насколько намъ удалось выяснить, причиной такого поступка слѣдуетъ считать то обстоятельство, что Н. Зеландіи живется и безъ того такъ хорошо, что ей совершенно нѣтъ никакого основанія производить какіе-либо новые политическіе эксперименты, какъ бы ни казались соблазнительны открывающіяся при этомъ перспективы. Къ тому же, какъ мы позволимъ себѣ повторить вновь, Н. Зеландія, которую мы привыкли видѣть на нашихъ картахъ столь близкой къ материку Австраліи, на самомъ дѣлѣ отстоитъ отъ ней на 1200 миль (1800 верстъ), т. е. на такомъ же разстояніи, которое отдѣляетъ Англію отъ Южной Африки.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) См. Baley. Australian life in lown und country 1905.

2) Оффиціальное названіе Австралійской Федераціи—„The Australian Commonwealth". По причинамъ, указаннымъ частью въ настоящей главѣ, мы находимъ совершенно правильнымъ называть Австралійскую Федерацію Соединенными Штатами Австраліи, каковое названіе мы часто употребляемъ въ послѣдующемъ изложеніи. Болѣе подробно о томъ же см. цитированную выше нашу статью въ „Образованіи": „Соед. Штаты Австраліи".

Карлъ Марксъ и его время.

Очеркъ пятый.

От „Союза гонимыхъ“ къ „Союзу коммунистовъ“; отъ девиза—„всѣ люди братья“ къ девизу—„пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“.—Появленіе „Коммун. Манифеста“. — Соціально-политическая жизнь передовыхъ европейскихъ странъ сороковыхъ годовъ и ея отраженіе въ Манифестѣ.—Омертвѣвшія и живыя части Манифеста.—Къ вопросу объ его „заимствованіи“.—Первое впечатлѣніе, произведенное имъ.

До переселенія изъ Парижа въ Брюссель Марксъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякаго участія въ соціалистическомъ движеніи. Онъ весь ушелъ въ выработку своего соціалистическаго міровоззрѣнія и отстаивалъ его только перомъ въ рукахъ. Въ Брюсселѣ Марксъ, какъ мы видѣли, уже закончилъ черновой набросокъ своей соціалистической теоріи. И это, въ связи съ расширеніемъ и углубленіемъ нѣмецкаго соціалистическаго движенія, побудило его выступить не только въ качествѣ теоретика, но и практическаго дѣйствія соціализма. Живя въ Брюсселѣ, Марксъ поддерживалъ постоянныя сношенія и съ англійскими чартистами, и съ французскими соціалистами, и съ мѣстнымъ брюссельскимъ движеніемъ и, наконецъ, энергичнѣе всего съ нѣмецкимъ движеніемъ. Въ маленькой скромной квартиркѣ Маркса перебывали за два года почти всѣ крупные представители тогдашняго нѣмецкаго соціалистическаго движенія и многіе иностранцы. Не довольствуясь этимъ, Марксъ содѣйствовалъ въ Брюсселѣ основанію нѣмецкаго рабочаго союза, записался членомъ брюссельскаго „Демократическаго Общества“ и впослѣдствіи сталъ дѣятельнѣйшимъ членомъ „Союза Коммунистовъ“, отъ имени и по порученію котораго онъ выпустилъ свой знаменитый „Коммунистическій Манифестъ“.

По мѣрѣ того, какъ разросталось соціальное движеніе въ Германіи и обострялась борьба между правительствомъ и народомъ, все растущій потокъ политическихъ эмигрантовъ устремлялся въ Швейцарію, Францію, Бельгію и Англію. Общественный составъ этихъ эмигрантовъ былъ очень пестръ,—тутъ были

студенты, литераторы, общественные дѣятели, ремесленники и рабочіе. На первыхъ порахъ тонъ задавала интеллигенція, но постепенно ее начинали вытѣснять рабочіе и въ особенности ремесленники. Нѣмецкіе эмигранты устраивали за границей свои безчисленныя общества, преслѣдовавшія цѣли политическаго освобожденія Германіи самыми различными способами и путями. Здѣсь не мѣсто описывать всѣ эти организаціи нѣмецкихъ политическихъ эмигрантовъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ прямомъ духовномъ родствѣ съ „Союзомъ Коммунистовъ", отъ имени котораго появился „Коммунистическій Манифестъ" и устанавливаютъ, такимъ образомъ, духовную родословную послѣдняго.

Уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ (въ 1833 г.) нѣмецкіе эмигранты основали въ Парижѣ „Нѣмецкій союзъ гонимыхъ" („Deutscher Bund der Geachteten"). Общество это, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, было, конечно, тайнымъ. „Цѣлью союза гонимыхъ,—гласилъ статутъ этого общества,—является освобожденіе Германіи отъ ярма позорнаго рабства и установленіе такого строя, который бы, насколько это можно предвидѣть, устранилъ всякую возможность возвращенія къ рабству. Достиженіе этой главной цѣли возможно только при условіи прочнаго установленія соціальнаго и политическаго равенства, свободы, гражданской доблести и единства народовъ, сперва въ предѣлахъ странъ нѣмецкаго языка, а потомъ и среди остальныхъ народовъ Европы".

„Союзъ гонимыхъ" насчитывалъ нѣсколько сотъ членовъ, среди которыхъ преобладали ремесленники; онъ обзавелся своимъ собственнымъ органомъ „Гонимымъ" („Dei Geächtete"), выходившимъ подъ редакціей нѣмецкихъ эмигрантовъ — Венедея, Шустера и Маурера.

Уже съ самаго начала въ „Гонимомъ" обнаружилось два враждебныхъ теченія. Венедей былъ представителемъ политическаго радикализма, отличавшагося чрезвычайной революціонностью фразеологіи и столь же чрезвычайною спутанностью и расплывчатостью соціальнаго міровоззрѣнія. Венедей на первый планъ выдвигалъ политическій вопросъ, считая, что въ свободномъ государствѣ соціальный вопросъ самъ собою разрѣшится.

Совершенно иныхъ воззрѣній придерживался другой редакторъ „Гонимаго"—Теодоръ Шустеръ. Шустеръ среди нѣмецкихъ соціалистовъ былъ однимъ изъ первыхъ, ставшихъ на пролетарски-реалистическую точку зрѣнія. Въ противоположность Венедею, Шустеръ доказывалъ необходимость соціальнаго переворота и недостаточность политическаго равноправія для наступленія соціальнаго равенства. „Мы убѣждаемся,—говоритъ Шустеръ,—что мирное сожительство подъ тѣнью демократической конституціи двухъ классовъ, враждебныхъ другъ другу по своимъ интере-

самъ и по своимъ политическимъ цѣлямъ, совершенно невозможно, и неизбѣжнымъ исходомъ борьбы между ними будетъ или уничтоженіе самой конституціи по формѣ или по духу, или же полнѣйшее уничтоженіе привилегированаго класса путемъ соціальной революціи".

Въ анонимной статьѣ о свободѣ, принадлежащей, очевидно, перу Шустера, „Гонимый" писалъ: „Да! передъ друзьями и врагами мы открыто заявляемъ: мы не хотимъ довольствоваться ролью тѣхъ театральныхъ героевъ, которые на счетъ народа ковали свое счастіе, измѣняя въ новѣйшей исторіи конституціи: наша цѣль лежитъ дальше, и такъ какъ не въ нашемъ характерѣ обманывать кого-либо, въ плохомъ и хорошемъ, то мы открыто называемъ цѣль:—радикально-соціальная и политическая эмансипація трудящихся классовъ".

Въ одной изъ своихъ статей Шустеръ доказываетъ, что только съ помощью революціи можно добиться соціальной справедливости, но, однако, „революція сама по себѣ еще не представляетъ никакого прогресса. Она является прогрессомъ только въ томъ случаѣ, если она предпринята при *всестороннемъ знаніи* (курсивъ Шустера) конечной цѣли, или же если она будетъ все время вестись при наличности подобнаго знанія" [1]).

Въ другомъ сочиненіи Шустеръ подробно и обстоятельно доказываетъ неизбѣжность вытѣсненія мелкаго производства крупнымъ и связаннаго съ этимъ обѣднѣнія растущей массы населенія. „Можно предвидѣть, что рано или поздно громадное большинство рабочихъ или будетъ охвачено революціоннымъ возмущеніемъ, или опустится до печальнаго существованія фабричныхъ рабочихъ, если, впрочемъ, какія-либо радикальнѣйшія рефо[illegible]жатъ конца неравенству".

„Короли биржи и фабрики,—говоритъ далѣе Шустеръ,—властвуютъ надъ сотнями тысячъ служащихъ, которые влачатъ въ конторахъ жалкое существованіе—надъ милліонами голодныхъ, изнуренныхъ рабочихъ, которые погибаютъ въ ихъ грязныхъ мастерскихъ". „Съ каждымъ днемъ все больше выясняется противоположность *двухъ классовъ*: класса богатыхъ, которые потребляютъ, но ничего не производятъ, и класса бѣдныхъ, которые создаютъ все и лишены всего [2]). Шустеръ хорошо понялъ классовыя противорѣчія между „богатыми" и „бѣдными", но онъ,

---

[1]) „Der Geächtete, in Verbindung mehreren Volksfreunden, herausgegeben von Venedey. Paris. 1835. Стр. 208. Полнаго экземпляра „Гонимаго" намъ нигда не удалось найти. Мы могли воспользоваться лишь разрозненными номерами его, имѣющимися въ Парижской національной библіотекѣ.

[2]) Ср. Ш. Андлеръ. Коммунистическій Манифестъ. Историческое введеніе и комментарій къ нему. Спб. 1906. Изд. г. Львовича. Стр. 69.

какъ всѣ тогдашніе соціалисты, не понялъ значенія въ классовой борьбѣ *политическаго* элемента. Онъ горячо доказывалъ безразличность политическихъ формъ для классовой борьбы трудящихся и этимъ онъ уплачивалъ дань общепринятому тогда у соціалистовъ отрицательному отношенію къ политической борьбѣ. Это утопическое пониманіе взаимоотношеній между политической и классовой борьбой, это непониманіе той истины, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, мѣшали Шустеру понять и истинный характеръ соціальной природы государства и правительства. Шустеръ требовалъ, чтобы государство на свои средства устраивало производительныя рабочія товарищества и надѣялся, что подобныя соціальныя реформы способны предотвратить соціальную революцію и привести къ мирному разрѣшенію соціальнаго вопроса.

„Союзъ Гонимыхъ" не довольствовался эмигрантской дѣятельностью, онъ дѣлалъ энергичныя, но малоуспѣшныя попытки проникнуть въ самую Германію и черезъ посредство нѣмецкихъ ремесленниковъ, странствовавшихъ изъ города въ городъ, повести коммунистическую пропаганду въ самой Германіи. Но очень скоро наиболѣе сознательные члены „Союза Гонимыхъ" во главѣ съ Шустеромъ убѣдились въ томъ, что заговорщическая тайная организація не можетъ разсчитывать на массовый успѣхъ и въ 1836 году они покинули „Союзъ Гонимыхъ", основавъ новое коммунистическое общество уже на болѣе широкихъ демократическихъ началахъ. Новое общество получило названіе „Союза справедливыхъ". И этотъ союзъ, по условіямъ тогдашняго времени, могъ быть только тайнымъ, но по своей организаціи онъ носилъ значительно болѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ „Союзъ Гонимыхъ". Союзъ насчитывалъ уже до тысячи членовъ, онъ разбивался въ организаціи на небольшія группы, „коммуны", въ которыя входило десять человѣкъ; десять коммунъ образовывали вмѣстѣ одинъ „округъ". Округи избирали своихъ представителей, составлявшихъ „палату". Палата въ свою очередь выбирала „правленіе" или „исполнительный комитетъ".

Ставя своею цѣлью соціалистическій переворотъ, „Союзъ справедливыхъ" въ политической области добивался учрежденія республиканскаго строя. Какимъ путемъ долженъ быть произведенъ соціалистическій переворотъ,—на этотъ счетъ воззрѣнія членовъ „Союза справедливыхъ" отличались и большою расплывчивостью, и большими разнорѣчіями. Иные члены готовы были довольствоваться демократической республикой, будучи увѣрены, что она сама по себѣ создастъ соціальное равенство, другіе же относились скептически къ формамъ правленія и требовали учрежденія коммунистическаго строя. Свои общіе лозунги и принципы „Союзъ справедливыхъ" заимствовалъ у французскаго революціоннаго „Общества временъ года", во главѣ котораго

стояли Барбесъ и знаменитый Бланки. Исходя изъ того соображенія, что „такъ какъ соціальный организмъ зараженъ, то впредь до его исцѣленія и именно для этого исцѣленія народу въ теченіе нѣкотораго времени необходимо обладать революціонной властью“, „Общество временъ года“ ставило своею цѣлью завладѣніе этою властью при первомъ благопріятномъ случаѣ. Въ маѣ 1839 г. „Общество временъ года“ сочло, что такой благопріятный моментъ наступилъ. 12-го мая вспыхнуло въ Парижѣ подъ руководствомъ этого общества возстаніе. Весь кварталъ, примыкающій къ парижской думѣ, былъ покрытъ баррикадами. „Союзъ справедливыхъ“, тѣсно связанный съ французскимъ „Обществомъ временъ года“, былъ втянутъ въ это возстаніе. Возстаніе было быстро подавлено и руководители „Союза справедливыхъ“ должны были бѣжать изъ Парижа.

Вейтлинъ, бывшій ревностнымъ членомъ „Союза справедливыхъ“, послѣ подавленія возстанія бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ основалъ аналогичный новый союзъ. Другая же часть руководителей, во главѣ съ Шапперомъ, Моллемъ и Эккаріусомъ скрылась въ Лондонъ, гдѣ возстановила распавшійся союзъ.

Пораженіе парижскаго возстанія и та совершенно новая соціальная среда, въ которую попали въ Лондонѣ нѣмецкіе коммунисты, придали ихъ союзу новый характеръ. Прежде всего, попавъ въ Лондонъ, нѣмецкіе коммунисты столкнулись здѣсь съ могущественнымъ чартискимъ движеніемъ. Чартиское движеніе имѣло огромное значеніе для воспитанія соціалистической мысли, съ одной стороны, какъ массовое пролетарское движеніе, сбросившее съ себя ту скорлупу заговорщичества и конспираціи, съ которыми не могло разстаться французское движеніе, во-вторыхъ же, здѣсь классовая борьба тѣсно, неотрывно сплелась съ политической борьбой, носила сознательный политическій характеръ. Благодаря этому, англійскій чартизмъ могущественно содѣйствовалъ отрезвленію нѣмецкихъ коммунистовъ отъ увлеченія заговорщическими организаціями, безсиліе которыхъ они, впрочемъ, изучили на своей спинѣ во время упомянутаго возстанія 1839 г.

Дѣятели парижскаго „Союза справедливыхъ“ все болѣе и болѣе эволюціонировали въ сторону реалистическаго соціализма и рука объ руку съ этимъ уменьшалась идейная пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ Маркса. Въ 1843 г. былъ арестованъ въ Швейцаріи Вейтлингъ, руководитель швейцарскаго отдѣленія „Союза справедливыхъ“. Швейцарскій союзъ вслѣдствіе этого распался и вся дѣятельность сосредоточилась въ лондонской организаціи.

Марксъ и Энгельсъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдили за развитіемъ нѣмецкаго „Союза справедливыхъ“, но они относились къ нему отрицательно и сторонились его до тѣхъ поръ, пока въ его основѣ не лежало никакой ясной и выдер-

жанной соціалистической теоріи и пока въ своей организаціи онъ носилъ явственный отпечатокъ сектанства и заговорщичества. Съ 1843 года, когда „Союзъ справедливыхъ“ уже сдѣлалъ весьма важные шаги въ сторону пролетарскаго реализма, между лондонскими руководителями этого союза и Марксомъ устанавливаются письменныя сношенія. Союзъ впослѣдствіи приглашалъ Маркса и Энгельса вступить въ свой составъ, но основатели научнаго соціализма отказывались отъ этого, въ виду того, что „Союзъ“ еще не совсѣмъ освободился отъ элементовъ бабувизма и якобинскаго бланкизма. Марксъ, выработавшій тогда въ основныхъ чертахъ свое ученіе, рѣшилъ объявить безжалостную истребительную войну утопизму и якобинству. Онъ считалъ, что теперь настала пора вывести соціалистическое движеніе изъ мрака заговоровъ и конспирацій на широкую дорогу политически-организованной массовой классовой борьбы и въ виду этого Марксъ рѣшительно отказывался вступить въ тѣ организаціи, которыя продолжали идти старой тропинкой заговоровъ, уже отслужившей свою нѣкогда необходимую историческую роль. Впослѣдствіи въ „Новомъ Рейнскомъ Обозрѣніи“ Марксъ съ удивительною ясностью и сжатостью установилъ причину своего тогдашняго отрицательнаго отношенія къ революціонерамъ-заговорщикамъ. „Дѣло заговорщиковъ,—писалъ Марксъ,—заключалось въ томъ, чтобы предвосхитить революціонный процессъ развитія, чтобы искусственно привести его къ кризису, чтобы съимпровизировать революцію при отсутствіи ея предпосылокъ. Единственнымъ условіемъ революціи для нихъ была достаточная организація заговоровъ. Они были алхимиками революціи и раздѣляли ограниченность застывшихъ взглядовъ прежнихъ алхимиковъ. Они изощрялись въ изобрѣтеніяхъ, которыя должны были породить революціонныя чудеса... Занятые подобнымъ прожекторствомъ, они не ставили себѣ другой цѣли, кромѣ ближайшей—низверженіе существующаго правительства, и глубочайшимъ образомъ презирали теоретическое просвѣщеніе рабочихъ на счетъ ихъ классовыхъ интересовъ. Отсюда—ихъ не пролетарская, а плебейская злоба противъ habits noirs“.

Какъ мы уже замѣтили, „Союзъ справедливыхъ“, переселившись въ Лондонъ, все болѣе и болѣе сталъ склоняться къ реализму и благодаря этому обнаруживалъ все большую готовность воспринять ученіе Маркса. Къ 1847 году разногласія между Марксомъ и руководителями „Союза“ настолько уже стерлись, что весною 1847 г. Молль, игравшій видную роль въ „Союзѣ справедливыхъ“, отправился къ Марксу въ Брюссель и къ Энгельсу въ Парижъ для того, чтобы пригласить ихъ войти членами въ „Союзъ“. При этомъ Молль открыто заявилъ, что большинство членовъ „Союза“ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Маркса и на ближайшемъ конгрессѣ Марксу дана будетъ возможность подробно развить

свои воззрѣнія и реорганизовать „Союзъ“ сообразно со своей теоріей. Марксъ и Энгельсъ, уже давно находившіеся въ письменныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ“ и считавшіе, что въ немъ вполнѣ подготовлена почва для воспріятія ихъ идей, приняли на этотъ разъ предложеніе. Въ Брюсселѣ подъ руководствомъ Маркса было основано отдѣленіе союза. Первый конгрессъ „Союза справедливыхъ“ собрался въ Лондонѣ лѣтомъ 1847 года, на немъ присутствовалъ Энгельсъ, какъ делегатъ отъ парижскаго отдѣленія. Союзъ былъ основательно реорганизованъ и даже измѣнилъ свое названіе — изъ „Союза справедливыхъ“ онъ превратился въ „Союзъ коммунистовъ“. Цѣль этого реорганизованнаго „Союза“, какъ ее опредѣлялъ первый параграфъ устава, была: „низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, уничтоженіе стараго, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ буржуазнаго общества и основаніе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности“. Союзъ былъ реорганизованъ на демократической основѣ—всѣ партійные посты были выборными и подлежащими смѣнѣ.

На второй съѣздъ „Союза коммунистовъ“, происходившій въ ноябрѣ—декабрѣ 1847 г., пріѣхалъ изъ Брюсселя Карлъ Марксъ, который обстоятельно изложилъ свою соціалистическую теорію, склонивъ на свою сторону всѣхъ участниковъ съѣзда. Съѣздъ поручилъ Марксу выработать манифестъ и въ февралѣ 1848 года появился отъ имени „Союза коммунистовъ“ знаменитый „Коммунистическій Манифестъ“.

Марксъ написалъ „Коммунистическій Манифестъ“ въ концѣ 1847 года, т. е. послѣ того, какъ онъ внимательно и глубоко изучилъ философскія ученія Германіи, соціалистическое движеніе и соціалистическія ученія Франціи, экономическую литературу и экономическое развитіе Англіи. „Коммунистическій Манифестъ“ послужилъ геніальнымъ обобщеніемъ тѣхъ результатовъ и итоговъ, къ которымъ пришелъ Марксъ на основаніи изученія современной ему дѣйствительности и идеологіи передовыхъ европейскихъ странъ. Съ классическою ясностью и яркостью Марксъ раскрылъ основные элементы и силы историческаго развитія, обнаживъ движущій нервъ общественнаго развитія, указавъ при этомъ на величественныя перспективы, которыя раскрываетъ пролетаріатъ „грядущаго волнуемое море.“ Какъ мы увидимъ ниже, Марксъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ значительно опередилъ свое время и своимъ духовнымъ взоромъ проводилъ въ совершенно развитомъ и сложившемся видѣ тѣ общественныя формы, которыя въ сороковыхъ годахъ едва только были зачаты. Мы увидимъ, что благодаря этому общее значеніе „Коммунистическаго Манифеста“, въ полную противоположность безчисленному множеству соціалистическихъ произведеній того времени, не только не падало, но росло по мѣрѣ дальнѣйшаго

развитія общественныхъ отношеній; съ другой же стороны, Марксъ такъ ясно видѣлъ въ исторической дали, что онъ невольно переносилъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ многія черты грядущаго уже въ настоящее. Ниже мы остановимся и на удивительномъ дарѣ пророчества, сказавшемся въ Манифестѣ и на только что упомянутомъ „уповаемыхъ извѣщеніи, вещей обличеніи невидимыхъ“, а теперь мы должны въ общихъ чертахъ изучить тѣ обстоятельства времени и мѣста, подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ которыхъ создавался „Коммунистическій Манифестъ.“

Какою геніальною историческою дальнозоркостью ни обладалъ Марксъ, какъ далеко ни предвидѣлъ онъ измѣненія, которыя несетъ съ собою „рѣка временъ въ своемъ теченіи“, но, конечно, и онъ былъ подверженъ всѣмъ законамъ историческаго давленія и притяженія и онъ не могъ отрѣшиться отъ вліянія атмосферы и обстановки своего времени. Для пониманія „Коммунистическаго Манифеста“ необходимо, въ виду этого, прежде всего ознакомиться съ общими соціальными условіями передовыхъ европейскихъ государствъ второй половины сороковыхъ годовъ.

Начнемъ съ Англіи. Въ Англіи сороковыхъ годовъ крупное капиталистическое производство уже могущественно развивалось, но оно еще далеко не закончило своей исторической тяжбы съ поземельной аристократіей и вообще еще не успѣло выработать соотвѣтствующей своимъ экономическимъ нуждамъ политической атмосферы и обстановки. Англійскій капиталистъ тогда только такъ сказать выходилъ въ люди и старыя историческія власти еще относились свысока къ его молодымъ силамъ. Дорожа интересами поземельной ренты, англійское дворянство крѣпко держалось за пошлины на ввозимый въ Англію хлѣбъ, что, конечно, повышало на англійскомъ рынкѣ цѣны на хлѣбъ, а отсюда и поземельную ренту. Но эти пошлины на хлѣбъ, въ то же время поднимая цѣны, повышали минимумъ физическаго существованія, необходимый для рабочихъ, т. е. повышали заработную плату и этимъ уменьшили прибыль капиталистовъ. Понятно, что капиталисты вели ожесточенную кампанію за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ и старались втянуть рабочихъ въ борьбу съ ненавистнымъ земельнымъ дворянствомъ.

Борьба со старою властью во имя новыхъ производительныхъ силъ создавала точки политическаго соприкосновенія между англійскою буржуазіей и англійскимъ рабочимъ классомъ сороковыхъ годовъ. Но это, конечно, ни мало не мѣшало существовать ужасающей экономической эксплоатаціи рабочихъ капиталистами. Развитіе капитализма на первыхъ порахъ сопровождалось въ Англіи массовымъ разореніемъ населенія. Капитализмъ выбивалъ населеніе изъ старой, вѣками наѣзженной, экономической колеи, убивалъ старые мелкіе промыслы. Огромныя и голодныя массы народа искали себѣ занятія на фабрикахъ и заводахъ, но ём-

кость тогдашняго капиталистическаго развитія Англіи была невелика и все росла и росла армія „избыточныхъ“ людей, голодныхъ, оборванныхъ и не находившихъ себѣ никакой работы.

„Англія,—говоритъ объ этомъ времени Карлейль,—лежала въ болѣзненномъ недовольствѣ, безсильно корчась въ лихорадкѣ на своемъ одрѣ, мрачная, исполненная глубокаго отчаянія“. Производительныя силы Англіи быстро росли, но растущее разореніе ея населенія сужало ея внутренній рынокъ, а запретительныя таможенныя пошлины иностранныхъ государствъ закрывали для нея внѣшній рынокъ. Вслѣдствіе этого спросъ на англійскіе товары на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ возрасталъ крайне медленно и крупная промышленность задыхалась отъ буйнаго прилива производительныхъ силъ. При этихъ условіяхъ капиталистамъ волей-неволей приходилось прибѣгать къ пониженію цѣнъ на всѣ товары, чтобы хотя этимъ путемъ найти имъ сбытъ. Понижая цѣны на товары, капиталисты старались вознаградить себя пониженіемъ размѣра заработной платы, благо, свободныхъ рукъ было болѣе, чѣмъ достаточно и рабочіе были не организованы.

За исключеніемъ совершенно ничтожной по численности группы привилегированныхъ рабочихъ, матеріальное положеніе рабочаго класса Англіи въ сороковыхъ годахъ было ужасающе. „При нормальномъ положеніи торговли,—говоритъ Туккеръ,—около трети населенія погружено въ самую ужасную нищету и находится на краю голодной смерти“. По словамъ Симмондса и Миллера, въ сороковыхъ годахъ большая часть городского населенія въ Глазго не располагала никакими видимыми средствами существованія кромѣ воровства и проституціи. То же самое сообщаетъ о Манчестерѣ д-ръ Кей.

Исключая привилегированной категоріи рабочихъ, ужасающе низкая заработная плата остальныхъ рабочихъ продолжала падать. И въ тоже самое время продукты первой необходимости повышались въ цѣнѣ [1]).

Особенно ужасно было положеніе чернорабочихъ, рабочихъ въ мелкихъ производствахъ и ручныхъ ткачей. Они массами умирали съ голоду. Толпы голодныхъ, оборванныхъ и страшно обезсиленныхъ людей переполняли всѣ города. Государство увеличило налоги на содержаніе бѣдныхъ, но это была капля въ безбрежномъ морѣ народной нищеты, капля, къ тому же переполнившая чашу терпѣнія... богатыхъ классовъ. Чтобы успокоить волнующіяся массы голоднаго и озлобленнаго люда, правительство бросало ему нищенскія подачки, но оно въ тоже время стремилось обставить эти подачки столь унизительными и тяжкими условіями, чтобы отбить даже у голодныхъ желаніе пользоваться ими. Правитель-

[1]) См. подробнѣе М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. 2 изд. Спб. 1900. Стр. 247—249.

ство выступило съ новымъ проектомъ устройства рабочихъ домовъ, который долженъ былъ превратить эти дома въ каторгу для „осужденныхъ" на бѣдность рабочихъ.

На этой почвѣ возникло могущественное чартиское движеніе. Горючаго матеріалу накопилось достаточно, и это движеніе запылало яркимъ пламенемъ. Какъ мы уже замѣтили, англійскіе капиталисты сороковыхъ годовъ сами еще будировали противъ тогдашняго правительства и они поспѣшили использовать это движеніе въ свою пользу и часть буржуазіи замѣшалась въ движеніе чартистовъ. Движеніе это главнымъ образомъ состояло изъ пролетаріата, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, отсталость тогдашняго англійскаго пролетаріата, а съ другой—общность и распространенность недовольства и неудовлетворенности, охватившихъ тогда самые различные слои англійскаго общества, надо признать вполнѣ естественнымъ, что чартизмъ не носилъ ясно и твердо выдержаннаго классоваго характера. Въ своей идеологіи онъ представлялъ довольно пеструю смѣсь и изъ фронды капиталистовъ противъ правительства и поземельнаго дворянства, и изъ нечленораздѣльнаго недовольства разоряемой мелкой буржуазіи, и изъ классовой вражды и тяжбы пролетаріата. Эта расплывчатость иделогіи шла рука объ руку съ невыдержанной и колеблющейся тактикой и туманностью цѣли. Въ своей первой національной петиціи 1838 г. чартисты писали: „Мы изнемогаемъ подъ бременемъ налоговъ, которые все же признаются недостаточными нашими повелителями. Наши торговцы и промышленники находятся на краю разоренія. Наши рабочіе голодаютъ. Капиталъ не даетъ прибыли, трудъ не вознаграждается Домъ ремесленника опустѣлъ, а складъ ростовщика пополнился. Въ рабочемъ домѣ нѣтъ мѣста, а фабрика стоитъ безъ работы. Мы смотрѣли повсюду и внимательно искали причины нужды, столь тяжелой и столь продолжительной. Мы не можемъ найти этой причины ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи... Мы съ полнымъ почтеніемъ заявляемъ палатѣ общинъ, что нельзя допустить продолженія такого порядка дѣлъ. Мы говоримъ палатѣ, что капиталъ хозяина не долженъ быть лишенъ надлежащей прибыли, что трудъ рабочаго не долженъ быть лишенъ надлежащаго вознагражденія".

Какъ показываетъ эта петиція, на первыхъ порахъ агитація чартистовъ не носила сколько-нибудь ясно выраженнаго пролетарскаго классоваго характера; мы находимъ въ ней интересы пролетаріата и капиталистовъ еще въ слитой, не распаянной формѣ. И лишь по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и обостренія отношеній чартизмъ принялъ болѣе ясно и рѣзко выраженный классовый и соціалистическій характеръ.

Вторая петиція чартистовъ, составленная въ 1842 г., заговорила несравненно болѣе рѣзкимъ и яснымъ языкомъ проснувшагося

классоваго сознанія, чѣмъ первая: „Тысячи народа умираютъ отъ нужды... Податели петиціи обращаютъ вниманіе парламента на нищенскую заработную плату земледѣльческаго рабочаго и испытываютъ чувство негодованія и ужаса при видѣ ничтожнаго заработка тѣхъ, труды которыхъ изготовляетъ пищу для всего населенія. Податели петиціи глубоко сожалѣютъ о существованіи монополіи всякаго рода въ этой странѣ и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребляемые главнымъ образомъ рабочимъ классомъ, они думаютъ въ то же время, что уничтоженіе одной монополіи не подыметъ трудъ изъ его нищенскаго положенія, пока народъ не пріобрѣтетъ власть, при которой всѣ монополіи и формы притѣсненія должны исчезнуть; податели петиціи указываютъ на существущія монополіи избирательнаго права, бумажныя деньги, владѣнія машинами, землей, монополіи прессы, религіозныхъ привилегій, средства сообщеній и множества другихъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы ихъ можно было перечислить; всѣ эти монополіи создаются классовымъ законодательствомъ“ [1]).

Какъ бы тамъ ни было, чартизмъ былъ первымъ широкимъ пролетарскимъ движеніемъ, поставившимъ своею цѣлью овладѣніе политическою властью и онъ оказалъ этимъ сильное воздѣйствіе на соціалистическую мысль сороковыхъ годовъ и въ частности на Маркса.

Рожденный экономическимъ разореніемъ и промышленнымъ застоемъ, чартизмъ быстро пошелъ на убыль, какъ только въ Англіи начался сильный экономическій подъемъ. Въ 1842 году заключенъ былъ миръ между Англіей и Китаемъ, что открыло для англійской промышленности огромный китайскій рынокъ. Промышленность сразу ожила. Началась усиленная постройка фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ. Вывозъ англійскихъ фабрикатовъ сильно возросъ, армія безработныхъ сократилась и экономическое положеніе пролетаріата улучшилось. Чартизмъ на время сходитъ со сцены.

Но не долго длилось это благоденствіе. Съ 1846 года вновь появляются симптомы надвигающагося промышленнаго кризиса. Годъ былъ неурожайный, картофель почти совсѣмъ не взошелъ, въ Ирландіи нависъ форменный голодъ. Въ 1847 году положеніе еще болѣе ухудшилось, цѣна пшеницы поднялась на 40%, въ то же самое время насталъ и хлопковый голодъ—цѣна хлопка увеличилась съ 1846 г. по 1847 г. на 65%. Къ концу 1847 года разразился опустошительный кризисъ. Одно банкротство слѣдовало за другимъ, фабрики частью совсѣмъ закрывались, частью сильно сокращали производство. Вновь стали расти огромныя

---

[1]) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ Англіи. Спб. 1900. 254—255 стр.

толпы безработнаго и озлобленнаго люда, вновь вспыхнула полоса стачекъ и стычекъ. А кризисъ все углублялся. Въ Виганѣ изъ 20 фабрикъ всего одна работала полное время. Въ Глазго изъ 56 хлопчатобумажныхъ фабрикъ всего четыре работали полное время, а 16 совсѣмъ закрылись. Толпы безработныхъ ходили здѣсь по улицамъ съ кликами: „хлѣба или революцiи!"

Даже такой консервативный органъ, какъ „Times" описывалъ самыми мрачными красками положенiе рабочихъ. Священникъ изъ Ноттингама заявлялъ въ этой газетѣ: „Я думаю, что значительная часть населенiя города находится въ состоянiи почти голоданiя... Значительная часть мебели и вещей рабочихъ заложена или продана, и когда я справился, отчего многихъ дѣтей въ школѣ не хватаетъ, то оказалось, что у нихъ нѣтъ одежды, чтобы ходить въ школу". Другой священникъ писалъ: „Я думаю, что въ теченiе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ даже у половины рабочихъ не было больше заработка, чѣмъ сколько требуется для того, чтобы не голодать въ буквальномъ смыслѣ слова." „Нѣтъ словъ,—говоритъ третiй священникъ,—чтобы выразить лишенiя и нищету въ настоящiй моментъ. Множество буквально голадаетъ" [1]).

Чартизмъ вспыхнулъ съ новой, гораздо большей силой.

Таково было положенiе Англiи въ эпоху составленiя „Коммунистическаго Манифеста". Ниже мы увидимъ, въ чемъ и какъ отразилось это на „Манифестѣ", а теперь обрисуемъ въ общихъ чертахъ соцiальное положенiе Францiи и Германiи сороковыхъ годовъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соцiально-политическое положенiе Францiи во многомъ существенно отличалось отъ соотвѣтственнаго положенiя Англiи. И во Францiи разоренiе народной массы приняло въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ очень широкiе размѣры, но все же въ ней мелкая буржуазiя была относительно многочисленнѣе, зажиточнѣе и болѣе живуча, чѣмъ въ Англiи. Но основное различiе заключалось въ характерѣ политической жизни. Въ Англiи, какъ мы видѣли, буржуазiя находилась въ политической фрондѣ и старалась использовать и даже инсценировать рабочiе стачки и безпорядки; во Францiи же революцiя 1830 года возвела крупную, главнымъ образомъ финансовую, буржуазiю на тронъ и сдѣлала ее довольной, торжествующей и правящей. Такое положенiе буржуазiя заняла благодаря революцiи, купленной кровью рабочихъ. Буржуазiя, опьяненная побѣдой и вознесенная на головокружительную высоту, на первыхъ порахъ умилилась и обѣщала всяческихъ благъ „героямъ-рабочимъ". „Когда случается,—говорилъ одинъ изъ министровъ Луи Филиппа,—что возникаетъ династiя вслѣдствiе героизма рабочихъ, то эта династiя обязана сдѣлать что-нибудь для этихъ

[1]) Ibid., 264.

работниковъ-героевъ". Но фейерверкъ фразъ и словъ потухъ, и настала будничная дѣйствительность, оказавшаяся очень невеселой и голодной для „работниковъ-героевъ". Непосредственно послѣ іюльской революціи 1830 г. начался во Франціи промышленный застой. Безработица росла. Повсюду появлялись толпы безработныхъ и безпокойныхъ людей. Мѣры общественной благотворительности были жалкимъ палліативомъ. Недовольство росло и принимало особенно острыя формы въ рабочемъ классѣ, который такъ много ждалъ и такъ мало получилъ отъ происшедшаго переворота. Быстро накоплявшееся озлобленіе вспыхнуло 21-го ноября 1831 года новымъ возстаніемъ въ Ліонѣ. Послѣ упорной битвы войска вынуждены были отступить, и Ліонъ оказался во власти возставшихъ рабочихъ. Въ теченіе десяти дней Ліонъ былъ въ рукахъ рабочихъ, но 3-го декабря 1831 г. правительственныя войска вновь заняли его.

Ліонское возстаніе было самымъ крупнымъ, но въ болѣе мелкой формѣ „безпорядковъ" рабочія возстанія происходили въ очень многихъ мѣстахъ и подавленныя или сами потухшія въ одномъ мѣстѣ, они внезапно вспыхивали въ другомъ.

Понемногу французская промышленность оправлялась отъ кризиса и начала вновь широко развиваться. При этомъ мы замѣчаемъ здѣсь явленіе, уже отмѣченное нами относительно Англіи,— имѣя дѣло со сравнительно небольшимъ и медленно возраставшимъ рынкомъ, промышленность ради сбыта вынуждена была сильно понизить цѣны на товары. Она сосредоточилась на производствѣ дешевыхъ, низкопробныхъ товаровъ. Рынокъ заваливался всяческими дешевыми поддѣлками подъ другіе товары и мелкое мѣщанство охотно покупало всякую дрянь, поддѣланную подъ шелкъ, кружева, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни. И безъ того низкая заработная плата благодаря этому понижалась еще ниже. На тюлевыхъ фабрикахъ рабочіе получали отъ $1^1/_2$—3 франковъ въ день, тогда какъ прежде здѣсь работа вознаграждалась втрое лучше.

Въ Лиллѣ шестая часть всѣхъ рабочихъ была вынуждена прибѣгать къ общественной благотворительности. Смертность среди рабочихъ и въ особенности ихъ дѣтей была ужасающа. У капиталистовъ средняя продолжительность жизни равнялась 28 годамъ, тогда какъ у фабричныхъ рабочихъ—одному году и тремя мѣсяцамъ! Это показываетъ, какъ велика была смертность среди новорожденныхъ дѣтей рабочихъ.

Въ то время, какъ „герои-рабочіе" голодали отъ голода, буржуазія, возведенная ими въ лицѣ Луи-Филиппа на тронъ, предавалась финансовымъ вакханаліямъ. Вся буржуазія была охвачена лихорадочной погоней за наживой. Дутыя промышленныя предпріятія росли, какъ грибы послѣ дождя. Вся изобрѣтательность человѣческаго ума была сосредоточена на искусствѣ быстраго

обогащенія. Продавалось съ публичнаго торга среди крупной буржуазіи рѣшительно всѣ и все—красота, талантъ, убѣжденія; все это жадно пускалось въ оборотъ и разсматривалось, какъ доходная статья." Луи-Филиппъ не только не боролся съ этой вакханаліей вокругъ золотого тельца, но благословлялъ ее обѣими руками и не только благословлялъ ее, но неистовствовалъ усерднѣе всѣхъ, получивъ насмѣшливое прозвище „императора пяти процентовъ, короля трехъ процентовъ, покровителя банкировъ и начальника биржевыхъ агентовъ". Луи-Филиппъ не стѣснялся безъ конца клянчить у парламента прибавки себѣ содержанія, онъ клянчитъ до того назойливо и безстыдно, что даже тогдашняя палата въ концѣ концовъ отказываетъ ему. Онъ жадно занимается спекуляціями на биржѣ, продажею выгодныхъ мѣстъ и синекуръ.

Къ 1847 году этотъ биржевой канканъ достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Правительство открыто призываетъ буржуазію: „Обогащайтесь!" и само первое жадно обѣими руками загребаетъ золото, гдѣ оно плохо лежитъ. Открывается эра колоссальныхъ хищеній и казнокрадствъ. Точно чуя надвигающуюся революцію, буржуазія, обезумѣвъ отъ жадности, старалась набить трясущимися руками полные карманы и урвать деньги, пока еще возможно. Въ своихъ лекціяхъ въ „Collège de France" въ 1847 г. Мишле справедливо говорилъ, что Франція переживаетъ „нравственное Ватерлоо".

Въ 1847 году и во Франціи, подобно Англіи, наступилъ промышленный кризисъ, который сразу сильно увеличилъ и безъ того густые ряды безработнаго и озлобленнаго люда.

Германія сороковыхъ годовъ и по политическому, и по экономическому положенію была крайне отсталой страной по сравненію съ Англіей и Франціей. Капитализмъ въ ней только начиналъ развиваться и носилъ хищническій характеръ. Онъ воздвигалъ свое царство, безжалостно вытягивая всѣ жилы и соки у отупѣвшихъ отъ голодухи деревенскихъ ткачей и ихъ женъ и дочерей, у малютокъ, едва научившихся держаться на ногахъ.

Нищета среди нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ достигала ужасающихъ размѣровъ. Въ 1845 году пасторъ Генхе, полицейскій надзиратель Кобельтъ и судебный протоколистъ Обстъ, подали докладную записку о положеніи ткачей.

„Какъ бы иногда ни казалось,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—легко то физическое напряженіе, котораго требуетъ ткацкій станокъ, но все-таки, если даже сидѣть до глубокой ночи, то раньше, чѣмъ въ 6 дней, невозможно окончить ткань въ 140 локтей длиною, а за такую ткань фабрикантъ уплачиваетъ нищенское вознагражденіе въ 14 зильбергрошей (т. е. приблизительно 65 коп. *П. Б.*). Положеніе какого-нибудь арестанта или солдата въ исправительной ротѣ является несравненно болѣе привлекательнымъ по отсутствію заботъ, по царящему тамъ порядку и

человѣчности, чѣмъ жизнь ткача. Съ неотразимой силой проникаетъ нужда во всѣ избы, несмотря на то, что отцы семейства отдаютъ всѣ свои силы, силы всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы поддержать свое хозяйство, чтобы избѣжать голода и нищеты, чтобы устранить ужасъ постепеннаго обнищанія" [1]).

Въ Германіи образованъ былъ „Комитетъ помощи нуждающимся ткачамъ", по порученію котораго нѣкій Александръ Шееръ изучилъ лично положеніе силезскихъ ткачей. Въ своемъ отчетѣ онъ писалъ: „Объ ужасающей нищетѣ, царящей среди ткачей, выдѣлывающихъ наиболѣе грубые сорта пряжи, самая живая фантазія не можетъ составить себѣ никакого представленія... Для сотенъ, для тысячъ семействъ этихъ несчастныхъ ткачей ежедневный заработокъ колеблется между 9 пфеннигами (т. е. 4-мя коп.) и однимъ зильбергрошеномъ и 3 пф. (т. е. 11 коп.). И на эту сумму сплошь и рядомъ должна жить семья изъ шести членовъ".

Даже по отзывамъ мѣстной полиціи ужасающая нищета только потому не толкнула ткачей на путь преступленія, „что долгое господство нищеты настолько подорвало ихъ физическую и *моральную* энергію (körperlich und *moralisch* deprimirt hat), что у нихъ не хватаетъ мужества, необходимаго для того, чтобы рѣшиться на преступленіе" [2]).

Такимъ образомъ, даже полиція недоумѣвала, какимъ образомъ люди, находящіеся въ такомъ положеніи, могутъ не прибѣгать къ воровству и объясняла это только моральною подавленностью ихъ!

Въ довершеніе всего, въ 1846 г. разразился среди ткачей обостренный голодъ, а за нимъ слѣдомъ явился его обычный спутникъ—голодный тифъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вымерла двѣнадцатая часть всего населенія.

Нищета и безработица свирѣпствовали повсюду. Газеты и журналы того времени переполнены извѣстіями о голодѣ и нищетѣ.

Положеніе рабочихъ на фабрикахъ было нѣсколько лучше, но фабрикъ было тогда еще очень немного и попавшіе на нихъ считались счастливцами, ибо они имѣли возможность меньше голодать и мерзнуть, чѣмъ ткачи и безработные.

Въ 1847 году и въ Германіи, подобно тому, какъ въ Англіи и Франціи разразился промышленный кризисъ, обостривщій и безъ того острую народную нужду и создавшій новые ряды недовольныхъ и безработныхъ людей. На протяженіи всего 1847 г., подавляясь въ одномъ, вспыхивали въ другомъ мѣстѣ безпорядки и стачки. Народное разореніе, а съ нимъ вмѣстѣ общее недовольство и броженіе охватывало всю страну.

---

[1]) Ср. Wolff. Das Elend und der Anfruhr in Schlesien. „Deutsches Burgerbuch für 1845". Herausg. von H. Püttmann. Darmstadt. 1845. Стр. 185.

[2]) Ibid., стр. 45.,

Мы обрисовывали въ общихъ чертахъ соціально-экономическое положеніе передовыхъ европейскихъ государствъ эпохи появленія „Коммунистическаго Манифеста"; мы видѣли, что по степени своего развитія и въ особенности по характеру окружавшей его политической атмосферы англійскій капитализмъ сороковыхъ годовъ сильно отличался отъ французскаго и оба они еще сильнѣе отличались отъ нѣмецкаго. Германія переживала еще муки родовъ крупнаго капитализма, мучительный процессъ прорѣзыванія новыхъ формъ экономической жизни; при этомъ нѣмецкое правительство отнюдь не играло роли акушера нарождающагося капитализма. Оно тѣсно слило свои кровные интересы съ интересами феодальныхъ классовъ и медленной, скрипучей работой бюрократической машины на каждомъ шагу тормазило живое развитіе производительныхъ силъ.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, абсолютизмъ, въ противоположность Германіи, былъ уже свергнутъ, буржуазія уже сдѣлала крупныя политическія завоеванія, но, однако, и здѣсь она еще не заняла господствующаго политическаго положенія и здѣсь ея экономическая сила значительно превышала ея политическую власть и здѣсь еще ей приходилось бороться и съ земельнымъ дворянствомъ, и съ правительствомъ.

Наибольшаго политическаго господства къ сороковымъ годамъ достигла французская буржуазія; извѣстная часть ея, финансовая буржуазія, какъ мы видѣли, съ полнымъ основаніемъ могла сказать: „Государство—это я". Но и здѣсь буржуазія, за исключеніемъ финансистовъ и спекулянтовъ, фрондировала противъ правительства и не считала еще законченнымъ свой періодъ натиска на старый порядокъ.

Въ довершеніе всего, какъ мы видѣли, 1847 годъ, годъ составленія „Коммунистическаго Манифеста", принесъ всѣмъ странамъ опустошительный промышленный кризисъ.

Если мы теперь такъ сказать вынесемъ за скобки всѣ индивидуальныя и мѣстныя отличія въ соціально-политическомъ положеніи передовыхъ европейскихъ странъ, то въ качествѣ общихъ, типическихъ чертъ мы установимъ: растущее обнищеніе народной массы, быстро возроставшія производительныя силы, задыхавшіяся въ тѣсныхъ рамкахъ узкаго тогда и медленно расширявшагося рынка; революціонное „настроеніе", охватившее всѣ классы населенія, не исключая и извѣстныхъ слоевъ крупной буржуазіи. Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разлагалъ докапиталистическія формы производства, лишая собственности и заработка широкія слои населенія и самъ еще располагалъ и скверной организаціей, и тѣснымъ рынкомъ. Быстро нищавшее населеніе представляло, конечно, скверный внутренній рынокъ для расширившагося капиталистическаго производства.

Этотъ рынокъ постепенно создавался и расширялся, но въ

сороковыхъ годахъ процессъ разложенія старыхъ формъ хозяйства носилъ особенно скоротечный, болѣзненный характеръ, тогда какъ процессъ созданія новыхъ условій массоваго потребленія, массоваго капиталистическаго производства шелъ медленно и съ перерывами. Находясь въ такомъ положеніи, капитализмъ былъ лишенъ объективной возможности уменьшить бѣдствіе, хотя бы тѣхъ лицъ, которыя были непосредственно втянуты въ его водоворотъ, онъ долженъ былъ „экономить“ на всемъ, вынужденъ былъ низводить заработную плату до голоднаго минимума и наводнять рынки дешевыми и гнилыми товарами.

Если бы тѣ черты, которыя присущи были капитализму сороковыхъ годовъ, составляли бы дѣйствительно, какъ думали многіе тогдашніе писатели, неустранимую, внутреннюю его сущность, то Европа уже тогда находилась бы въ послѣднихъ градусахъ капитализма и крахъ послѣдняго былъ бы неминуемъ. Тогдашній капитализмъ съ чрезвычайною быстротою и широтою разрушалъ старыя формы хозяйства и выгонялъ на рынокъ труда пеструю массу людей, рѣдко находившую тамъ занятіе и кусокъ хлѣба. Все растущая масса этихъ людей оставалась не поглощенной ростомъ крупнаго производства и вливалась въ густые ряды безработныхъ и озлобленныхъ людей.

Если бы развитіе капитализма и дальше шло бы такимъ же темпомъ и влекло бы за собою такія же послѣдствія, то неминуемо настала бы страшная катастрофа. Но на самомъ-то дѣлѣ всѣ перечисленныя явленія, сопутствовавшія развитію капитализма въ сороковыхъ годахъ, знаменовали собою не наступавшую уже дряхлость капиталистическаго производства, а, наоборотъ, болѣзнь его роста, болѣзнь дѣтства.

Могли ли эти преходящія явленія капитализма сороковыхъ годовъ не наложить историческаго отпечатка на „Коммунистическомъ Манифестѣ“? Конечно, не могли. „Коммун. Ман.“ ясно говорилъ: „Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ или принципахъ, придуманныхъ или открытыхъ какимъ-нибудь изобрѣтателемъ міроваго обновленія.

Они являются только общимъ выраженіемъ реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы, совершающагося передъ нашими глазами историческаго движенія“ [1]).

Понятно, что „Коммунист. Ман.“ не могъ не отразить тѣхъ „реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы“ и капиталистическаго развитія, среди которыхъ онъ создавался. Мы видѣли, въ чемъ заключались основныя черты

---

[1]) Ср. „Коммунистическій Манифестъ“. Съ комментаріями и историческимъ введеніемъ Ш. Андлера. Спб. 1906. Стр. 37.

капитализма сороковыхъ годовъ, теперь остановимся на ихъ отраженіи въ „Коммун. Маниф.“.

Наблюдая быстрый ростъ капиталистическаго производства въ передовыхъ европейскихъ странахъ, его разрушительное вліяніе на мелкія формы предпринимательства, его побѣдное шествіе по трупамъ самостоятельнаго производителя, соціалисты сороковыхъ годовъ, и въ ихъ числѣ и Марксъ, склонны были сильно преувеличивать темпъ развитія капиталистическихъ отношеній и темпъ гибели всѣхъ мелкихъ формъ производства. Казалось, что крупному производству стоитъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ— и всѣ промежуточныя ступени соціальной лѣстницы, ведущей отъ пролетарія къ крупному капиталисту, рухнутъ и подъ своими обломками погребутъ всѣ мелкія формы самостоятельнаго хозяйства и тогда на полѣ соціальной битвы грудь съ грудью встрѣтятся капиталисты съ огромной арміей пролетаріевъ.

Въ борьбѣ съ мелкими формами производства, по воззрѣнію Маркса сороковыхъ годовъ, крупное хозяйство должно было уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ выйти полнымъ побѣдителемъ, но помимо борьбы съ пролетаріатомъ, буржуазія не могла чувствовать себя торжествующей побѣдительницей, ибо создаваемая ею народная нищета должна была въ концѣ концовъ придушить ее подъ своею тяжестью. Положеніе рабочаго класса, говоритъ „Комм. Маниф.“, не только не улучшается съ развитіемъ промышленности, а, напротивъ, оно все болѣе ухудшается и рабочій опускается ниже обычнаго уровня существованія своего собственнаго класса. Рабочій превращается въ нищаго, а нищета растетъ еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Изъ этого ясно, что буржуазія неспособна дольше играть роль господствующаго класса въ современномъ обществѣ и не можетъ навязывать ему въ качествѣ принципа, регулирующаго всѣ общественныя отношенія, условія существованія своего класса. Она неспособна господствовать, потому что она не въ состояніи обезпечить своему рабу возможность влачить хоть какую-нибудь жизнь даже въ то время, когда этотъ рабъ служитъ ей, потому что буржуазія вынуждена допустить пролетарія до такого положенія, при которомъ ей приходится поддерживать его существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ. Общество не можетъ дольше жить подъ ея владычествомъ, то есть существованіе буржуазіи уже несовмѣстимо съ условіями развитія общества“ [1]).

Какъ показываютъ эти слова, „Комм. Ман.“ ждалъ, что капиталистическій строй рухнетъ подъ страшно и быстро растущею тяжестью рождаемой имъ нищеты, причемъ капитализмъ *не въ состояніи* избавить отъ самой ужасной нищеты даже своихъ ра-

[1]) Ibid., стр. 35—36.

бочихъ, не говоря уже о голодающей арміи безработныхъ. Въ „Коммун. Маниф.“, вполнѣ отражая особенности тогдашняго капиталистическаго развитія, Марксъ ждалъ гибели капитализма отъ растущей бѣдности широкой народной массы, что, по его мнѣнію, закончится тѣмъ, что буржуазіи придется „поддерживать его (пролетаріата) существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ!“

Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разрушалъ мелкія формы производства и Марксъ склоненъ былъ думать, что мелкая буржуазія исчезнетъ въ самомъ близкомъ будущемъ и между пролетаріатомъ и буржуазіей разверзнется глубокая пропасть. Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ „Ком. Ман.“ совершенно сбросилъ съ политическихъ счетовъ мелкую буржуазію,—это одна изъ характернѣйшихъ чертъ „Ком. Ман.“.

Считая, что въ ближайшемъ будущемъ мелкая буржуазія должна погибнуть, находя необходимымъ опирать интересы пролетаріата на широкое развитіе капиталистическаго хозяйства, Марксъ въ эпоху „Коммун. Ман.“, очевидно, склоненъ былъ приписывать мелкой буржуазіи только реакціонную роль. Крупная буржуазія, еще боровшаяся съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, своимъ развитіемъ создавшая экономическія и политическія предпосылки для соціалистической революціи, играла въ сороковыхъ годахъ крупную революціонную роль и Марксъ находилъ для партіи пролетаріата необходимымъ поддерживать эту буржуазію постольку, поскольку она была революціонна. Иное дѣло—мелкая буржуазія. Марксъ въ „Ком. Ман.“, очевидно, не считаетъ ее способной играть революціонную роль даже въ абсолютической Германіи.

„Въ Германіи коммунистическая партія,—говоритъ онъ,—борется вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности *и мелкаго мѣщанства*“ [1]). (Курсивъ нашъ).

Въ сороковыхъ годахъ мелкая буржуазія повсюду играла еще крупную политическую роль и очень часто выступала съ очень радикальными требованіями. Въ Англіи мелкобуржуазный элементъ былъ въ очень сильной дозѣ примѣшанъ къ чартискому движенію, въ особенности въ первой стадіи его развитія; во Франціи мелкая буржуазія была чрезвычайно многочисленна и играла крупную политическую роль, часть ея шла въ первыхъ рядахъ революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, „Коммунист. Манифестъ“ лишь мелькомъ останавливался на мелкой буржуазіи не потому, что она не играла тогда радикальной политической роли—именно тогда она выступала на радикальныхъ роляхъ,—а

---

[1]) Ibid., стр. 58.

потому, что Марксъ считалъ ее въ ближайшемъ будущемъ обреченной на полную гибель, считалъ, что не сегодня—завтра она будетъ сброшена въ ряды пролетаріата. Во Франціи мелкая буржуазія была особенно многочисленна и живуча, но вотъ что писалъ о ней „Коммун. Ман.“: „Члены ея постоянно сбрасываются конкурренціей въ ряды пролетаріата и сами замѣчаютъ уже приближеніе, благодаря развитію крупной промышленности, такого момента, когда прекратится ихъ существованіе, какъ самостоятельной части современнаго общества, и когда они будутъ замѣнены въ торговлѣ, промышленности и земледѣліи надсмотрщиками и слугами“.

Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, исходъ революціоннаго движенія 1848 года заставилъ Маркса измѣнить свой взглядъ на соотношеніе общественныхъ силъ или, точнѣе говоря, на оцѣнку ихъ долговѣчности, но какъ бы тамъ ни было, „Коммун. Ман.“ приписывалъ революціонную роль пролетаріату и крупной буржуазіи. Крупная буржуазія сороковыхъ годовъ еще не закончила свою историческую тяжбу со старымъ феодальнымъ порядкомъ и еще не была глубоко проникнута боязнью пролетарскаго движенія. У передовой части крупной буржуазіи сороковыхъ годовъ еще не облетѣли всѣ цвѣты и не догорѣли всѣ огни увлеченія „общенародными“ идеалами. Марксъ, конечно, не ждалъ отъ этой буржуазіи, что она осчастливитъ пролетаріатъ, но онъ былъ увѣренъ, что она до конца доведетъ свою борьбу съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, что она снесетъ всѣ пережитки средневѣковья, что она разрушитъ всѣ обломки и пережитки стараго порядка. И въ этой ея революціонной роли Марксъ призывалъ пролетаріатъ поддержать буржуазію. „Коммун. Ман.“ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что революціонная буржуазія въ самомъ ближайшемъ будущемъ нанесетъ послѣдній смертельный ударъ патріархально-феодальному строю, что втянутый въ эту общую революціонную борьбу противъ стараго порядка пролетаріатъ быстро политически созрѣетъ, обособитъ и закалитъ свое классовое сознаніе и тогда революціонный союзъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, сдѣлавъ свое дѣло, убивъ и устранивъ общаго имъ врага, распадется самъ на два воюющихъ лагеря. Устраненіе феодально-сословныхъ и мелкобуржуазныхъ элементовъ чрезвычайно упроститъ классовую борьбу между пролетаріатомъ и буржуазіей, она разорветъ всѣ завѣсы и разсѣитъ всѣ туманы, скрывавшіе отъ пролетаріата его непримиримаго врага.

И „Коммун. Ман.“ былъ увѣренъ, что предстоящая Германіи „буржуазная революція можетъ быть только непосредственной прелюдіей пролетарской революціи“ [1]).

1) «Коммун. Ман.», стр. 59.

Но, однако, „Коммун. Ман.“ нигдѣ не придавалъ своимъ тактическимъ положеніямъ того или иного абсолютнаго, на всѣ времена и для всякой обстановки, предустановленнаго значенія. Онъ не говорилъ просто пролетаріату: „надо поддерживать буржуазію“, а точно опредѣлилъ тѣ условія времени и мѣста, когда и въ какомъ смыслѣ буржуазія должна быть поддержана пролетаріатомъ. Взаимоотношеніе между различными классами и отсюда вытекающую для пролетаріата тактику „Коммун. Ман.“ формулировалъ не дидактически, а діалектически, ставилъ ее въ зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ исторической обстановки. „Коммун. Ман.“ мастерски, классически-ясными чертами рисуетъ діалектическій процессъ временнаго сплетенія политическихъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи, ведущаго впослѣдствіи не къ ихъ примиренію, а, наоборотъ, къ болѣе ожесточенной взаимной борьбѣ.

На первыхъ порахъ, говоритъ „Коммун. Ман.“, „массовыя выступленія ихъ (рабочихъ) являются не результатомъ ихъ собственнаго единства, а слѣдствіемъ объединенныхъ дѣйствій буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна, и пока еще въ состояніи, приводить въ движеніе весь классъ пролетаріевъ. На этой ступени рабочіе борются, поэтому, не со своими врагами, а съ врагами своихъ враговъ,—съ пережитками абсолютной монархіи, съ земельными собственниками, съ непромышленной буржуазіей, съ мелкимъ мѣщанствомъ. Такимъ образомъ, всѣ нити историческаго движенія концентрируются въ рукахъ буржуазіи; каждая одержанная при такихъ условіяхъ побѣда оказывается побѣдой буржуазіи“ [1]).

„Существованіе буржуазіи,—говоритъ далѣе „Коммун. Ман.“, проходитъ въ непрерывной борьбѣ: сперва съ аристократіей, затѣмъ съ той частью самой буржуазіи, интересы которой находятся въ противорѣчіи съ развитіемъ промышленности,—всегда съ буржуазіей всѣхъ другихъ странъ. Во всѣ моменты этой борьбы буржуазія оказывается вынужденной аппелировать къ пролетаріату, обращаться къ нему за помощью и, такимъ образомъ, вовлекать его въ водоворотъ политическихъ движеній. Слѣдовательно, она сама передаетъ пролетаріату элементы собственнаго политическаго и соціальнаго воспитанія, т. е. даетъ ему оружіе противъ самой себя“.

Формулируя въ заключительныхъ словахъ „положеніе, занимаемое коммунистами по отношенію къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ“, „Коммун. Ман.“ [2]) говоритъ о необходимости для коммунистовъ поддерживать буржуазію, но не буржуазію внѣ времени и пространства, а буржуазію Германіи сороковыхъ годовъ лишь *по-*

---

[1]) Ibid., стр. 31.
[2]) Манифестъ. Стр. 33.

стольку, „*поскольку* сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и мелкаго мѣщанства". Такимъ образомъ, вопросъ о тактикѣ пролетаріата ставился „Коммун. Ман." въ конкретныя условія времени и мѣста и рѣшался въ зависимости отъ пестраго переплета послѣднихъ. И благодаря этому отсутствію догматизма въ постановкѣ вопросовъ, „Коммун. Ман." оказался способнымъ вмѣстить въ рамки своихъ общихъ положеній текучее и измѣнчивое содержаніе дальнѣйшаго соціальнаго развитія, несмотря на то, что очень многія частности этого „Манифеста" совершенно устарѣли.

Выпуская въ 1872 году, т. е. черезъ 24 года послѣ его появленія, новое изданіе „Манифеста", Марксъ съ полнымъ основаніемъ могъ писать въ предисловіи къ нему: „Несмотря на крупныя измѣненія, происшедшія въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, общіе принципы, изложенные въ этомъ Манифестѣ, остаются и до нынѣ, въ общемъ и цѣломъ, совершенно правильными. Кое гдѣ слѣдовало бы исправить нѣкоторыя частности. Но Манифестъ самъ поясняетъ, *что практическое примѣненіе изложенныхъ въ немъ принциповъ всегда и вездѣ зависитъ отъ имѣющейся на-лицо исторической обстановки*" (Курсивъ нашъ).

Марксъ далѣе указываетъ на то, что со времени выхода „Коммун. Ман." имѣющаяся на-лицо историческая обстановка значительно измѣнилась, а посему и вся тактика, указываемая Манифестомъ пролетаріату, должна быть значительно измѣнена.

Вскорѣ послѣ выхода Манифеста полъ-Европы было охвачено революціоннымъ пожаромъ и при яркомъ заревѣ этого пожара и при наступившей затѣмъ глухой тьмѣ реакціи взаимоотношенія общественныхъ силъ сложились иначе, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ.

Что касается взаимоотношенія основныхъ соціальныхъ классовъ, то буржуазія прежде всего ни малѣйше не обнаружила стремленія идти до конца въ своей борьбѣ съ остатками и пережитками сословно-феодальнаго строя. Революціонный пылъ остылъ у нея отъ того холода, который пробѣгалъ у нея по спинѣ каждый разъ, какъ она слышала за собою „желѣзную поступь" пролетаріата. Она предпочла вступить со старымъ порядкомъ въ сдѣлку, въ соглашеніе, и союзъ пролетаріата съ буржуазіей съ цѣлью добить и похоронить феодально-приказный строй не выдержалъ слишкомъ высокой температуры революціоннаго пламени и распался. Буржуазія „ему измѣнила и продала шпагу свою". „Коммун. Ман." склоненъ былъ очень сильно преувеличивать революціонность крупной буржуазіи по отношенію къ старому порядку. Мы уже видѣли, что эта преувеличенная оцѣнка вытекала изъ увѣренности Маркса, что крупное капиталистическое производство въ самомъ близкомъ будущемъ должно уничтожить всѣ промежуточныя между пролетаріатомъ и крупной буржуазіей

соціальныя звенья. На самомъ же дѣлѣ капиталистическая эволюція обнаруживала несравненно бо́льшую живучесть и даже плодовитость мелкихъ формъ производства, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ. Весь ходъ капиталистическаго развитія принялъ иное направленіе. Въ сороковыхъ годахъ, какъ мы видѣли, быстро растущее обнищаніе широкой народной массы чрезвычайно суживало внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности. Капитализмъ вынужденъ былъ производить по преимуществу предметы роскоши и прихоти. Но съ тѣхъ поръ создался огромный рынокъ массоваго запроса, ёмкость капиталистическаго рынка необычайно возросла, общій уровень народнаго благосостоянія повысился.

Съ другой же стороны, пролетаріатъ сороковыхъ годовъ оказался слишкомъ и малочисленнымъ, и несознательнымъ, чтобы сыграть рѣшающую роль. Когда потухла революція, Марксъ и Энгельсъ тотчасъ же увидѣли, что насколько они преуменьшали дѣйствительныя силы капитализма, мелкихъ формъ производства и стараго порядка, настолько же они преувеличили дѣйствительныя силы пролетаріата.

Въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ Энгельсъ писалъ объ этомъ:

„Исторія обнаружила нашу ошибку. Она выяснила, что уровень экономическаго развитія на континентѣ тогда еще далеко не созрѣлъ для уничтоженія капиталистическаго производства. Она доказала это тѣмъ, что экономическая революція съ 1848 года охватила весь континентъ и впервые водворила крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и въ новѣйшее время и въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлала первостепенную промышленную страну, и все это на капиталистической основѣ, что доказывало, что она еще не завершила своего развитія въ 1848 году“ [1]).

Время наложило свою печать на „Коммун. Ман.“, и мѣста, отмѣченныя этою печатью, представляютъ въ настоящее время омертвѣвшія части одного изъ величайшихъ историческихъ документовъ. Но устарѣли только эти части Манифеста, вся же его грандіозная соціологическая концепція, весь съ удивительнымъ, неподражаемымъ мастерствомъ нарисованный процессъ зарожденія и развитія классовъ, сначала какъ экономически обособленныхъ группъ, а потомъ какъ соціальныхъ классовъ, въ которыхъ уже зажглось политическое сознаніе, и понынѣ сохранили свою свѣжесть и силу. Точно нѣсколькими ударами рѣзца геніальнаго скульптора Марксъ показываетъ, какъ промышленное развитіе приводитъ въ движеніе тяжелую и безформенную глыбу

---

[1]) Marx. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Berlin. 1895. Предисловіе Энгельса.

населенія, какъ медленно восходящее классовое сознаніе вдыхаетъ политическую жизнь въ пришедшія въ броженіе различныя части населенія, какъ оно постепенно обособляетъ ихъ въ живые организмы. Процессъ борьбы классовъ, наполняющей всю человѣческую исторію, и процессъ образованія изъ безформенной массы населенія отграненныхъ экономическихъ классовъ и превращеніе этихъ послѣднихъ въ соціальные классы, а затѣмъ и въ политическую партію обрисовано въ Манифестѣ съ геніальною образностью, сжатостью и силой, составляя неумирающія части пролетарскаго евангелія [1]).

Какъ мы уже замѣтили, во многихъ отношеніяхъ „Коммун. Ман.", далеко глядя въ будущее, часто приписывалъ настоящему черты желаемаго грядущаго (напр., относительно могущества капитализма, съ одной стороны, и могущества пролетаріата—съ другой) и такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ опередилъ настоящее, но именно благодаря этому эти его части представляютъ въ настоящее время несравненно большее жизненное значеніе, чѣмъ въ эпоху его появленія.

А затѣмъ остается въ этомъ Манифестѣ какая-то неуловимая или, точнѣе, невыразимая магнетическая сила, заставляющая его вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ волновать, „какъ своенравный чародѣй", сердца все новыхъ и новыхъ милліоновъ людей. Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появился на свѣтъ этотъ Манифестъ, современныя ему соціалистическія произведенія покоятся мирнымъ сномъ на пыльныхъ полкахъ библіотекъ, рѣдко тревожимыя какимъ-нибудь ученымъ, а этотъ Манифестъ, не зная старости, обходя моря и земли, попрежнему волнуетъ массы и прочитывается съ жаднымъ интересомъ. Какое неотразимое впечатлѣніе производитъ онъ и теперь даже на ученыхъ изъ буржуазной среды, показываютъ слова В. Зомбарта: „Коммунистическій Манифестъ",—говоритъ В. Зомбартъ,—представляетъ собою самое удивительное произведеніе, которое только знаетъ міровая литература. Онъ полонъ ошибокъ, незрѣлыхъ идей, но несмотря на это является неподражаемымъ мастерскимъ произведеніемъ. Богатство идей, которое мы въ немъ находимъ, достигаетъ почти сказочныхъ размѣровъ... Нѣкоторыя изъ его идей обнаруживаютъ прямо пророческую мудрость. Говорятъ, что въ „Коммун. Ман." уже заключено все, что мы знаемъ о сущности современнаго общества. До извѣстной степени это вѣрно,—только въ немъ все намѣчено лишь афористически, бѣгло. Но даже и тотъ, который усердно въ теченіе десятилѣтій занимался изученіемъ соціаль-

---

[1]) Уже въ «Нищетѣ философіи», вышедшей за годъ до Ман., мы находимъ общія положенія замѣчательной теоріи классовъ К. Маркса, имѣющей центральное значеніе для всей его теоріи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на этомъ. Ср. первыя главы нашей книги: «Политическія партіи». Спб. 1907.

наго вопроса, будетъ постоянно находить въ „Коммун. Ман.“ новыя, неожиданныя истины. Я читалъ его сотни и сотни разъ и все-таки каждый разъ, какъ я беру его въ руки, онъ вновь меня захватываетъ“ [1]).

Если „Ком. Маниф.“ и понынѣ еще оказываетъ подобное вліяніе на буржуазнаго ученаго, то какъ же онъ долженъ дѣйствовать на пролетарскую массу!

Какъ бы ни устарѣли отдѣльныя части „Манифеста,“ явившіяся выраженіемъ фактическихъ условій соціально-экономической жизни сороковыхъ годовъ, въ своей общей принципіальной части „Маниф.“ не только не устарѣлъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ болѣе своевременнымъ, чѣмъ былъ въ эпоху своего появленія. Поэтому тѣ люди, которые спѣшатъ перевести „Ком. Маниф.“ изъ арсенала соціалистическаго движенія въ его архивъ, обнаруживаютъ легкомысленную торопливость. Можно съ увѣренностью сказать, что „Ком. Ман.“ не устарѣетъ (оставляя въ сторонѣ его фактическую сторону) и будетъ „глаголомъ жечь сердца людей“, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ капитализмъ и имъ рождаемый пролетаріатъ.

У „Ком. Маниф.“, кромѣ противниковъ, доказывающихъ его устарѣлость, имѣются еще и другіе противники, нападающіе на него такъ сказать съ историческаго тыла: они доказываютъ ни болѣе ни менѣе, что „Ком. Маниф.“ являются плагіатомъ. Въ подобныхъ нападеніямъ особенно усердствуютъ анархисты. Недавно они выпустили спеціально посвященную этому коллективную брошюрку, въ которой подъ предводительствомъ Черкезова напали на „Ком. Ман.“ съ историческаго тыла и осыпали его градомъ цитатъ изъ французскихъ соціалистовъ, у которыхъ якобы Марксъ „списалъ“ свой Манифестъ. Оказывается, что „Ком Ман“. представляетъ собою простой пересказъ „Демократ. Манифеста,“ составленнаго въ 1847 году извѣстнымъ французскимъ соціалистомъ Викторомъ Консидераномъ.

Въ предисловіи къ упомянутому анархистскому сборнику нѣкій Пьеръ Рамюсъ говоритъ объ этомъ, отнюдь не стѣсняясь въ выраженіяхъ.

„Безъ всякаго колебанія теперь можно утверждать, что главнѣйшее сочиненіе ихъ обоихъ (т. е. Маркса и Энгельса, рѣчь идетъ о „Ком. Ман.“ *П. Б.*) представляетъ собою плагіатъ, и притомъ самый недобросовѣстный плагіатъ, но они, вопреки обыкновенію другихъ плагіаторовъ списывать слово въ слово съ оригинала, скрали у другихъ лишь ихъ идеи, мысли и теоріи, а затѣмъ не только всячески изучали тѣхъ самыхъ писателей, идеи которыхъ позаимствовали, но и выставили ихъ невѣждами и

---

[1]) Ср. W. Sombart. Socialismus und Sociale Bewegung. Jena. 1905. 5 Aufl. Стр. 53.

глупцами... Какъ должно относиться къ тѣмъ, которые неоднократно съ развязностью балаганныхъ крикуновъ провозглашали себя основателями абсолютно новаго соціалистическаго міровоззрѣнія, а на самомъ дѣлѣ были злостными клеветниками, искажая всякое независимое революціонное движеніе, и, какъ теперь оказывается, ограбили духовное наслѣдство утопическихъ соціалистовъ!“

Взятыя сами по себѣ приведенныя и неприведенныя слова Рамюса показываютъ только, что иные нынѣшніе анархисты, безсильные перевернуть міръ, рѣшили заняться личнымъ самоусовершенствованіемъ и начали съ собственной головы. Анархію въ собственномъ мышленіи имъ удалось, дѣйствительно, быстрѣе и успѣшнѣе осуществить, чѣмъ анархію въ жизни. Въ головѣ Рамюса дѣйствительно проведенъ принципъ анархіи, или, по-русски выражаясь, безначалія, или, еще точнѣе по-русски выражаясь, принципъ безъ царя въ головѣ...

Въ виду этого можно было бы и не останавливать вниманія читателей на этомъ припадкѣ развитія чернильной желчи, если бы только слова Рамюса, Черкезова и др. такъ сказать распивочно и на выносъ не выражали собою цѣлаго теченія въ области непониманія Маркса и марксизма. Доводы анархистовъ оказались убѣдительными даже для такого выдающагося представителя италіанскаго соціализма, какъ Артуръ Лабріола (сильно, впрочемъ, зараженнаго анархизмомъ).

Лабріола вслѣдъ за Рамюсомъ и Черкезовымъ приходитъ къ заключенію, что „можно съ спокойною совѣстью утверждать, что Демократическій Манифестъ (Консидерана. *П. Б.*) содержитъ въ себѣ всѣ основныя идеи Манифеста Маркса и Энгельса, написаннаго позже; нельзя отрицать того факта, что Демократическій Манифестъ Консидерана является фактическимъ творцомъ „Коммун. Манифеста“.

Консидеранъ представлялъ собою одного изъ выдающихся представителей соціалистической литературы Франціи сороковыхъ годовъ; по своему соціальному міровоззрѣнію онъ не занималъ какого-либо одинокаго и обособленнаго положенія, онъ вышелъ изъ школы Фурье и стоялъ въ рядахъ цѣлаго теченія въ тогдашнемъ французскомъ соціализмѣ и поэтому параллель между Консидераномъ и Марксомъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и параллель между Марксомъ и современнымъ ему французскимъ соціализмомъ. Отсюда—научный интересъ этой параллели.

При проведеніи этой параллели необходимо имѣть въ виду двѣ вещи: *критику* капиталистическаго строя у Консидерана и другихъ французскихъ соціалистовъ и соціально-политическіе *выводы* и тактику, которые они выводили изъ этой критики. При критикѣ капиталистическаго строя многіе французскіе соціалисты и среди нихъ и Консидеранъ уже до Маркса высказывали порою

вполнѣ „марксистскіе“ взгляды. Они уже до Маркса указывали на то, что капиталистическое общество раздирается на части классовою борьбою, что въ немъ интересы имущихъ и неимущихъ противоположны, что мелкій производитель гибнетъ въ немъ, что тощіе капиталы пожираются толстыми, что капиталы концентрируются, а населеніе пролетаризируется. На все это французскіе соціалисты указывали уже до Маркса и поскольку дѣло идетъ о критикѣ и характеристикѣ капиталистическаго способа производства между этими соціалистами и Марксомъ, между „Демократическимъ Манифестомъ“ Консидерана (1847 г.) и „Коммунистическимъ Манифестомъ“ Маркса (1848 г.) обнаруживаются весьма многія точки соприкосновенія и даже совпаденія. Но какъ только отъ критики капиталистическаго строя мы перейдемъ къ дѣлаемымъ изъ нея соціально-политическимъ выводамъ, такъ тотчасъ же точки совпаденія превращаются въ точки самаго рѣзкаго расхожденія.

Указывая на классовую борьбу, на враждебность классовыхъ интересовъ, на гибель мелкихъ предпринимателей, на концентрацію капитала, Консидеранъ въ своемъ „Демократическомъ Манифестѣ“ выводилъ отсюда не призывъ, обращенный къ пролетаріямъ: „организуйтесь, соединяйтесь, готовьтесь“, какъ это дѣлалъ „Коммунист. Ман.“, а призывъ, обращенный къ буржуазіи: „одумайтесь, образумьтесь, сжальтесь“. Для произведеній, призывающихъ къ дѣятельности, къ борьбѣ и дающихъ для нихъ пароль, трудно придумать бо́льшую противоположность чѣмъ та, которую, обнаруживаютъ „Ком. Ман.“, съ одной стороны, и „Демокр. Ман.“—съ другой.

Между ними много сходства въ характеристикѣ и критикѣ капиталистическаго строя (хотя и здѣсь много и различій), но между ними—зіяющая противоположность между соціально-политическими выводами. Консидеранъ стремился образумить и запугать буржуазію, чтобы она сама поспѣшила устранить недостатки капиталистическаго строя, онъ возлагалъ всѣ свои надежды на просвѣтленіе ума, просіяніе сердецъ имущихъ классовъ и на вмѣшательство государства, тогда какъ „Коммун. Маниф.“ всю свою программу опиралъ на увѣренность, что капиталистическое развитіе и дѣятельность буржуазіи будутъ совершаться въ томъ же направленіи, какъ и прежде, и всѣ свои надежды онъ возлагалъ на пролетаріатъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія слова Консидерана, столь характерныя для него, не звучали бы ужасающей какофоніей, если бы встрѣтились въ „Коммун. Маниф.“: „Если мудрые правители, если просвѣщенная и либеральная буржуазія, если люди науки не опомнятся во́-время, тогда несомнѣнно, то движеніе, которое потрясаетъ европейскія общества, завершится соціальными революціями и мы пойдемъ навстрѣчу европейской жакеріи“? Или: „Къ намъ принадлежатъ просвѣщенные

и дальновидные консерваторы; къ намъ принадлежатъ просвѣщенные люди высшихъ и среднихъ классовъ, къ намъ принадлежатъ великодушные люди всѣхъ безъ различія классовъ!" [1]).

Пониманіе политической борьбы было совершенно чуждо Консидерану. „Избирательные и другіе вопросы отжили свой вѣкъ... Послѣдніе не заслуживаютъ даже никакого вниманія, такъ какъ весь центръ тяжести лежитъ въ соціальныхъ проблемахъ".

Французскій историкъ французскаго соціализма пишетъ о Консидеранѣ: „Несмотря на то, что Консидерану были ясны революціонныя тенденціи пролетаріата, онъ не думаетъ прибѣгать къ помощи послѣдняго. Онъ его боится; онъ къ нему относится какъ къ неосмысленной массѣ, руководимой одними лишь инстинктами, неспособной къ творческой работѣ, онъ обращается къ „настоящимъ консерваторамъ", заботящимся объ общемъ согласіи. Онъ ждетъ отъ нихъ чего-то вродѣ 4-го августа—частичнаго отказа отъ ихъ экономическихъ и политическихъ привилегій" [2]). Если мы къ этому еще прибавимъ, что Консидеранъ былъ убѣжденнымъ противникомъ коммунизма и проповѣдовалъ фаланстьеры, въ которыхъ бы были соединены капиталъ, трудъ и талантъ такъ, чтобы „заставить машины работать *на* капиталистовъ и *на* народъ, а не *на* капиталистовъ и *во вредъ* народу", то тогда во всей всемірной исторіи мы не найдемъ параллели курьезнымъ утвержденіямъ анархистовъ, будто „Коммун. Ман." представляетъ злостный плагіатъ у Консидерана.

Изрыгать на „Ком. Ман." хулу вродѣ приведенныхъ нами словъ анархиста Рамюса можно или отъ полнаго несваренія въ головѣ самыхъ элементарныхъ идей этого Манифеста, или же въ видѣ покушенія съ негодными средствами опозорить то, что не въ силахъ опровергнуть. Скорѣе же всего—и отъ перваго, и отъ второго.

Это не значитъ, конечно, что „Комм. Ман." не знаетъ духовной родни, не знаетъ идейной родословной. Нѣтъ ничего наивнѣе, какъ предполагать, что научный соціализмъ вышелъ изъ головы Маркса во всеоружіи подобно Минервы изъ головы Юпитера и что „Ком. Ман." явился неожиданнымъ громомъ съ яснаго неба.

Научный соціализмъ подготовлялся въ теченіе долгой эволюціи соціалистической мысли и раньше, чѣмъ въ сочиненіяхъ Маркса онъ загорѣлся яркимъ и сильнымъ свѣточемъ, онъ нерѣдко вспыхивалъ геніальными проблесками въ головахъ различ-

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ брошюрѣ Каутскаго „Коммунистическій Манифестъ—плагіатъ". Спб. 1906. Изд. „Впередъ."

[2]) Ср. Поль Луи. Французскіе мыслители и дѣятели XIX вѣка. Спб. 1905. 54 стр.

ныхъ соціалистовъ, въ особенности французскихъ. Въ этой главѣ мы уже видѣли, что „Союзъ Коммунистовъ", отъ имени котораго появился „Ком. Ман.", былъ порожденъ „Союзомъ Справедливыхъ", а послѣдній въ свою очередь—„Союзомъ Гонимыхъ". Между всѣми этими союзами существовала тѣсная и непосредственная идейная связь всѣ они были связаны узами непрерывной идейной преемственности. Но эти нѣмецкіе союзы въ свою очередь явились идейными наслѣдниками соотвѣтствующихъ французскихъ организацій, благодаря чему мы получаемъ длинное родословное древо „Ком. Манифеста" и его истинными родоначальниками являются, конечно, французы. Оригинальность и геніальность „Ком. Ман." заключается въ томъ, что въ немъ Марксъ обобщилъ и претворилъ въ единое недѣлимое міросозерцаніе тѣ разрозненныя идеи, которыя, подготовляемыя всѣмъ ходомъ соціальнаго развитія, уже въ смутной и путаной формѣ бродили въ головахъ многихъ мыслителей.

„Ком. Маниф." появился въ февралѣ 1848 года. Какъ мы уже замѣтили, онъ по многимъ своимъ основнымъ выводамъ обогналъ тогдашній уровень соціально-экономическаго развитія—эти выводы предполагали болѣе высокій уровень и капиталистическаго развитія, и политическаго сознанія пролетаріата, чѣмъ это имѣло мѣсто въ 1848 году. Къ тому же „Ком. Ман." предназначался для наиболѣе отсталой по соціально-экономическому развитію странѣ З. Европы — для Германіи. Неудивительно поэтому, что этотъ „Маниф." непосредственно послѣ своего появленія не сыгралъ сколько-нибудь замѣтной роли; его даже мало знали.

„Лишь нѣсколько голосовъ отвѣтило намъ,—пишетъ Энгельсъ въ 1890 г.,—когда мы 42 года тому назадъ бросили въ міръ этотъ призывъ наканунѣ первой парижской революціи".

Тоже самое говоритъ и Либкнехтъ: „Хотя „Ком. Ман." и появился уже въ началѣ февраля 1848 г., но тогда (въ апрѣлѣ 1848 г. *Н. Б.*) въ Германіи не было, пожалуй, и трехъ-четырехъ десятковъ человѣкъ, которые имѣли бы о немъ представленіе" [1]).

Насколько идеи, развитыя въ „Ком. Маниф.", были еще чужды многимъ даже передовымъ революціонерамъ Германіи сороковыхъ годовъ, показываетъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на „краснаго Беккера". Беккеръ игралъ довольно видную роль въ нѣмецкомъ революціонномъ движеніи и находился въ личныхъ сношеніяхъ къ Карломъ Марксомъ. Въ концѣ іюня 1848 г. Бек-

---

[1]) В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX в. Москва. 1906. Стр. 92.

керъ встрѣтился съ Марксомъ въ Кельнѣ. Здѣсь онъ впервые познакомился съ „Ком. Маниф.“. Манифестъ не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія. „Міровоззрѣніе, изъ котораго исходитъ Манифестъ,—говорилъ Беккеръ.—ошибочно, поскольку оно касается Германіи. Авторъ Манифеста исходитъ изъ англійскихъ условій и забываетъ при этомъ, что Германіи незнакомо все то величественное развитіе, которое совершила Англія съ эпохи Вильгельма Оранскаго и до нашихъ дней. Говоря другими словами, авторъ перескакиваетъ тотъ чрезвычайно важный фазисъ въ развитіи нѣмецкихъ отношеній, который намъ еще надлежитъ пережить и пройти, и который не можетъ быть устраненъ съ помощью теоріи. Пролетаріатъ, который имѣетъ въ виду авторъ Манифеста, такъ рѣдко встрѣчается въ Германіи, существуя въ незначительной массѣ лишь въ нѣкоторыхъ саксонскихъ, силезскихъ и франкскихъ областяхъ, что если бы даже этотъ пролетаріатъ и смотрѣлъ на свое классовое положеніе глазами Манифеста, то и тогда бы его коммунистическія требованія были бы совершенно тщетны... То, что въ большей части мѣстностей Германіи называется пролетаріатомъ, ждетъ своей помощи еще отъ такъ называемыхъ филантропическихъ мѣръ; и такъ какъ при этомъ Германія теперь прежде всего должна уничтожить свое настоящее положеніе, то этотъ филантропическій соціализмъ вполнѣ достаточенъ, въ качествѣ средства, успокаивающаго самыя насущныя требованія и задачи“ [1]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что при своемъ появленіи „Ком. Маниф.“ былъ очень мало и очень немногими понятъ и во всякомъ случаѣ его непосредственное вліяніе было на первыхъ порахъ ничтожно. Но это лишь доказываетъ, насколько геніальны и необычны для тогдашняго времени были основныя идеи, положенныя въ основу „Ком. Маниф.“. При своемъ появленіи замѣченный и оцѣненный лишь кучкою единомышленниковъ, „Ком. Ман.“ сумѣлъ впослѣдствіи совершить кругосвѣтное путешествіе и найти повсюду милліоны послѣдователей. Разница между „Ком. Ман.“ и другими замѣчательными соціалистическими произведеніями той эпохи заключалась въ томъ, что эти послѣднія произведенія при своемъ появленіи возбуждали всеобщее вниманіе и производили шумную сенсацію, тогда какъ Манифестъ Маркса мало кто замѣтилъ. Но сразу приковавшія къ себѣ произведенія соціалистическихъ современниковъ Маркса скоро забывались, тогда какъ вліяніе и значеніе „Ком. Ман.“ не падало, а, наоборотъ, непрерывно и быстро росло. „Ком. Ман.“ обязанъ этимъ тому, что онъ разсматривалъ общественныя отношенія въ

---

[1]) Ср. Hackenberg. Der rote Becker. Leipzig (годъ изд. не помѣченъ) Стр. 54—55.

4*

процессѣ ихъ развитія, „im Werden", „въ становленіи", выражаясь языкомъ Гоголя. Вслѣдствіе этого „Ком. Ман." нѣкоторыми своими выводами сильно опередилъ свое время, принявъ едва зародившіяся отношенія за уже сложившіяся, но благодаря этому же, когда развитіе общественныхъ отношеній подвинулось дальше, вліяніе „Ком. Ман." возросло, и по своей основной идеѣ, оставляя въ сторонѣ омертвѣвшія частности и подробности, Манифестъ останется безсмертнымъ, въ предѣлахъ жизни капиталистическаго строя, произведеніемъ.

П. Берлинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Откровеніе науки.

(Замѣтка по поводу „Откровенія въ грозѣ и бурѣ". Н. Морозова).

I.

Раскройте такъ называемый Новый Завѣтъ Священнаго Писанія и въ концѣ этого собранія произведеній религіознаго творчества первыхъ вѣковъ христіанства вы найдете вдохновенную, фантастическую вещь, озаглавленную: „*Апокалипсисъ*". Какъ читатель современной литературы, отдающей должное *символизму*, вы почувствуете себя способнымъ углубиться въ причудливый бредъ этого христіанскаго пророчества. Васъ, быть можетъ, заразитъ чувство художника: огненный гнѣвъ его противъ распутнаго „Вавилона". Васъ очаруетъ величіе Бога-мстителя, которому авторъ вручаетъ дѣло разрушенія мерзостей „*великой блудницы*" и задачу творенія новаго, сіяющаго красотой и чистотой, *тысячелѣтняго царства*. И когда поэтъ упадетъ, какъ мертвый, къ ногамъ Бога-мстителя, вы сами, быть можетъ, готовы будете склониться передъ образомъ карающей силы и скажете: „Если Бога нѣтъ, то надобно создать его и поручить ему великую миссію разрушить міръ нищеты и страданій и построить новый міръ".

Поэтъ первобытнаго христіанства сумѣетъ заставить васъ пережить съ нимъ подобныя чувства. Но какъ только въ васъ проснется потребность логическаго пониманія этой вдохновенной символистики, вы очутитесь передъ закрытой дверью храма мысли. Не имѣя ключа къ пониманію текста, вы, конечно, не станете ломать себѣ головы надъ разгадкой этого „экстазнаго бреда". Однако, надобно знать, что суевѣріе человѣческой мысли еще въ очень недавнемъ прошломъ считало это произведеніе пророческимъ и искало сближенія между пророческими видѣніями „Апокалипсиса" и событіями своего времени. Такъ напримѣръ въ 1812 г., въ имени *Наполеона* видѣли „звѣриное число" 666, получаемое при сложеніи цифръ, соотвѣтствующихъ по алфавиту имени этого великаго насильника. И въ то время, какъ однимъ въ Апокалипсисѣ рисовалась борьба христіанства съ язычествомъ, другіе въ

немъ видѣли картину современной борьбы церкви съ новымъ невѣріемъ человѣчества. Церковная иконопись окружила апостола Іоанна, въ качествѣ предполагаемаго автора Апокалипсиса, „четырьмя животными“ его видѣнія, а преданіе сдѣлало ихъ,—льва, тельца, орла,—животными, посвященными памяти этого святого.

Конечно, во всѣхъ этихъ наивныхъ толкованіяхъ, а часто и извращеніяхъ древняго памятника художественнаго творчества, несомнѣнно сквозила ненасытная пытливость человѣческаго ума. Человѣкъ-мыслитель не могъ оставаться равнодушнымъ къ таинственному документу. Но шли вѣка, были расшифрованы древнѣйшія рукописи, египетскіе іероглифы и санскритскія письмена, а тайна Апокалипсиса продолжала оставаться неразгаданной.

И вотъ теперь въ 1907 г. намъ дана ея разгадка. Недавно освобожденный революціей изъ Шлиссельбургской бастиліи русскій мыслитель *Николай Морозовъ* расшифровалъ „Апокалипсисъ“ и опубликовалъ это новое поразительное *откровеніе науки* въ своей книгѣ: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Исторія его научнаго открытія, по его описанію, чрезвычайно проста. Онъ сталъ читать библію послѣ первыхъ семи мѣсяцевъ заключенія въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Это была первая книга, выданная ему послѣ 7 мѣсяцевъ пытки, состоявшей въ лишеніи книгъ. Съ извѣстной долей снисходительнаго любопытства онъ началъ свое чтеніе душеспасительной книги съ Апокалипсиса, „и съ первой же главы, пораженный, долженъ былъ совершенно измѣнить свое заимствованное мнѣніе объ этой книгѣ“.

Дѣло въ томъ, что языкъ, на которомъ былъ написанъ „Апокалипсисъ“,—это языкъ художественныхъ образовъ. А образы эти взяты изъ впечатлѣній отъ созерцанія неба: причудливыхъ грозовыхъ тучъ и созвѣздій, въ которыхъ созерцатели издревле увидѣли характерные образы: льва, дѣвы, стрѣльца, медвѣдицы, жертвенника, агнца (овна), трона, тельца и т. п. Языкъ этихъ образовъ былъ хорошо знакомъ Н. Морозову, любителю астрономіи и эстетики небосвода. Поэтому онъ понялъ смыслъ „пророчества“, непостижимаго для другихъ. А при дальнѣйшемъ изученіи онъ замѣтилъ искаженныя переписчиками мѣста и возстановилъ ихъ очевидный смыслъ. Тогда передъ нимъ открылась картина надвигающейся и разразившейся надъ морскимъ берегомъ бури, картина четырехъ подземныхъ ударовъ землетрясенія и карта звѣзднаго неба съ точнымъ указаніемъ взаимнаго расположенія свѣтилъ и созвѣздій. Морозовъ опредѣлилъ въ полетѣ вѣковъ тотъ день и часы, когда звѣздное небо представляло собою съ острова Патмоса [1]) именно это „зловѣщее астрологиче-

[1]) Изъ текста Апокалипсиса видно, что видѣніе было записано на остр. Патмосѣ.

ское расположеніе планетъ, созвѣздій". Это оказались вечеръ и ночь 30-го сентября 395 года христіанской эры, день кольцеобразнаго солнечнаго затменія. При посредствѣ спеціалистовъ онъ перепровѣрилъ свои вычисленія и установилъ ихъ полную достовѣрность. Стало ясно, что авторомъ произведенія, написаннаго въ концѣ четвертаго вѣка не могъ быть Іоаннъ-*апостолъ*. Кто же былъ авторъ? Морозовъ открылъ это при изученіи „отцовъ церкви" этого періода. „*Житіе*" и „Бесѣды" одного изъ нихъ, а именно Іоанна *Златоуста*, оказались непонятны по своей необоснованной въ церковныхъ лѣтописяхъ необычайности. А въ то же время предположеніе, что Іоаннъ Златоустъ былъ авторомъ Апокалипсиса сразу проливало яркій свѣтъ на все непонятное въ его рѣчахъ и біографіи. Тождество неизвѣстнаго автора и Златоуста было такимъ образомъ установлено, послѣ чего выяснились и всѣ неясныя мѣста Апокалипсиса. Дѣло было сдѣлано, „пророчество" расшифровано. Тогда Морозовъ изложилъ древнее произведеніе на хорошемъ литературномъ языкѣ, что дало ему право отозваться о немъ, какъ о *популяризаціи* перевода, сдѣланнаго *не рабски-подстрочно*. Поэтому всѣхъ интересующихся мы отсылаемъ прямо къ первоисточнику въ твердой увѣренности, что онъ будетъ доступенъ даже и тѣмъ читателямъ, которые мало подготовлены къ подобному чтенію. Здѣсь же мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтимъ содержаніе „Откровенія", въ томъ видѣ, какъ его перевелъ Н. Морозовъ.

II.

Іоаннъ Златоустъ былъ на островѣ Патмосѣ съ научно-проповѣдничеcкой цѣлью. И вотъ въ воскресенье онъ, вдохновенно настроенный, услышалъ въ шумѣ морскихъ волнъ голосъ Божества, призывающій его къ творчеству, а затѣмъ увидѣлъ гнѣвный Божій ликъ въ блескѣ и славѣ солнца, проглянувшаго между грозовыхъ тучъ передъ бурей.

Передъ нимъ раскрылась картина звѣзднаго неба: созвѣздіе трона, четырехъ знаковъ зодіака, четырехъ временъ года, „четырехъ животныхъ" и двадцать четыре часа,—„старца"—звѣздныхъ сутокъ; блистала молнія и гремѣлъ громъ. Все это были аттрибуты Божьей славы.

Появился облачный барашекъ, прообразъ созвѣздія агнца, Христа, и міръ звѣздъ воздалъ ему славу.

Лазурь неба стала освобождаться отъ тучъ, и Іоаннъ представилъ себѣ картину звѣзднаго неба и записалъ ее какъ историко-соціальный гороскопъ [1]) своей эпохи. Расположеніе созвѣздій оказалось зловѣщимъ. Марсъ—богъ войны — грозилъ кровопро-

[1]) Астрологическое гаданье о судьбѣ человѣка.

литіями, Меркурій—богъ торговли—вѣщалъ о неурожаѣ и дороговизнѣ современной жизни, а зловѣщій Сатурнъ—богъ времени, Скорпіонъ—символъ смерти, и подземное царство (Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы)—получили власть умерщвлять людей мечомъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными.

У подножья жертвенника были распростерты жертвы борьбы за науку и истину, а вѣтеръ жалобно шумѣлъ о томъ, что число жертвъ должно будетъ дорасти до „надлежащаго числа".

Вдругъ дрогнула земля отъ удара землетрясенія, и началось затменіе солнца. „И цари земные, и вельможи, и полководцы, и богатые, и сильные, и свободные, и рабы укрылись въ пещерахъ и подъ скалами горъ". Пришелъ великій день Божьяго гнѣва.

Наступила глубокая тишина передъ бурей. И въ этотъ *часъ* затишья Іоаннъ понялъ, что звѣзды—это облеченныя въ свѣтлыя одежды души земныхъ страдальцевъ.

Началась буря, молнія, громъ и дрогнула земля отъ второго подземнаго удара. Зловѣщіе отблески грозы, горечь морской воды, нагнанной бурей въ рѣки, затменіе солнца, бѣгъ разъяренныхъ волнъ на берегъ—все это грозило людямъ местью Божества. Но люди „не раскаялись ни въ своихъ убійствахъ, ни въ своихъ шарлатанствахъ, ни въ безнравственности, ни въ обманахъ своихъ".

Семь раскатовъ грома открыли Златоусту новую тайну, но онъ получилъ повелѣніе скрыть ее отъ людей. Затѣмъ море выкинуло ему аттрибуты пророчества (древесную кору для записей и тростникъ для измѣренія), и онъ узналъ, что ему придется возстать въ своихъ пророчествахъ на племена, народы и нарѣчія и на множество царей.

Буря, прообразъ грядущей борьбы, продолжалась; и третій, страшный ударъ землетрясенія разрушилъ прибрежный утесъ. Грядетъ Божье царство, „возмущены народы и пришелъ часъ твоего гнѣва, и время... вознаградить твоихъ слугъ... и погубить губящихъ землю".

Бурное небо продолжало представлять собою картину борьбы тучъ и созвѣздій и открывало предзнаменованія грядущей побѣды Божьяго царства на землѣ. Изъ моря вышла чудовищная туча, звѣрь, съ контуромъ Византійской имперіи, съ десятью коронами на рогахъ. Ему была дана власть до воскресенья 13-го марта 399 года. Появился и другой двурогій звѣрь, символъ государственной церкви, состоящей изъ двухъ сектъ (аріанъ и николаитовъ). Числовое изображеніе имени перваго звѣря (т. е. сумма буквъ его) 666 [1]).

И вотъ, наконецъ, взошелъ Агнецъ (созвѣздіе Овенъ) при шумѣ

[1]) По опредѣленію Ренана, еврейское слово: „императоръ Неронъ"; по толкованію Ньютона, подтверждающему гипотезы Н. Морозова, слово „Латинянинъ", написанное греческими буквами.

волнъ, мерцаніи звѣздъ, музыкѣ арфъ. Пронесся вѣстникъ мира и вѣстникъ побѣды, восклицающій: „пала великая твердыня"— Церковь—„пала за то, что возмутительнымъ виномъ своей безнравственности она напоила (въ обрядѣ причащенія?) всѣ народы". А другіе вѣстники вѣщали объ исполненіи гнѣва Божьяго надъ звѣремъ и пришествіе Спасителя.

Звѣзды пѣли гимнъ Агнца, и семь тучекъ несущейся бури пролились дождемъ, вѣщая волю Бога-мстителя. И „изъ небеснаго шатра раздался отъ Трона громкій голосъ:—*свершилось*". Загрохоталъ громъ, земля задрожала отъ страшнаго толчка землетрясенія. И Великая твердыня разсѣлась на части.

Тогда Іоаннъ узналъ приговоръ надъ великой самопродажницей—Государственной Церковью. Это была женщина, сидящая на звѣрѣ, украшенная золотомъ и жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, одѣтая въ порфиру и багряницу. Она держала въ рукахъ Чашу, наполненную мерзостями и нечистотами ея безнравственности. На лбу ея была надпись: „Великая Твердыня и Врата Господни, мать блудниковъ и мерзостей земли". Семь головъ звѣря— это были семь (византійскихъ) царей.

Голосъ съ неба звалъ къ ея разрушенію и грозилъ ей гибелью, униженіемъ и бѣдностью, къ великому горю царей земныхъ и купцовъ, которые водились съ ней.

Небо и люди пѣли хвалу Богу, осудившему „самопродажницу". Одинъ вѣстникъ раскрылъ Іоанну славу Божьяго Слова и Суда. Другой вѣстникъ крикнулъ птицамъ, летающимъ посреди небесъ:— Летите и собирайтесь на великій Божій пиръ! Пожрите трупы царей, трупы полководцевъ, трупы сановниковъ, трупы коней и всадниковъ и трупы всѣхъ ихъ вольныхъ и рабовъ и большихъ и малыхъ. И все это свершилось.

Подъ утро Іоаннъ видѣлъ картину суда надъ людьми и борьбу племенъ и народовъ. Утромъ новаго дня онъ разсчиталъ величіе и богатство грядущаго Божьяго царства. И Божій Вѣстникъ подтвердилъ его разсчеты и велѣлъ Іоанну пророчествовать.

Іоаннъ выполнилъ Божье велѣнье, записавъ это откровенье и написавъ посланіе къ семи малоазіатскимъ собраніямъ своихъ единомышленниковъ [1]). Эти посланія его полны обличеній и наставленій, какія только вправѣ дѣлать руководитель общественной фракціи во имя ея идейныхъ принциповъ.

III.

Такое толкованіе Апокалипсиса кажется чрезвычайно правдоподобнымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что оно кое-кому очень не понравится, и читателю нашихъ періодическихъ изданій придется

[1]) Они вставлены церковниками посрединѣ Апокалипсиса.

встрѣтить не ласковые отзывы о книгѣ со стороны патентованнаго академизма разныхъ сортовъ. Однако, вполнѣ вѣрно заявилъ уже одинъ не слишкомъ восторженный рецензентъ, что бороться съ этимъ „толковникомъ" Апокалипсиса придется только равнымъ оружіемъ, т. е. давши откровенію столь же правдоподобное толкованіе.

Н. Морозовъ *перевелъ* Апокалипсисъ на языкъ современныхъ представленій о прошломъ. Цѣнность этого открытія особенно оттѣняется тѣмъ, что задача эта оказывалась непосильна мыслителямъ въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати вѣковъ. Дѣйствительно, ни у Ренана, ни у Ньютона, которые касались этой темы, мы не находимъ подобныхъ результатовъ изслѣдованія. Морозовъ, впрочемъ, предполагаетъ, что отъ Ньютона не могъ скрыться астрологическій смыслъ книги, но Ньютонъ боялся объяснить его своему читателю. Какъ бы то ни было, честь открытія выпала на долю Шлиссельбургскаго узника.

Случайность ли это? Въ данномъ фактѣ можно не льстить его величеству *случаю*.

Дѣйствительно. Для того, чтобы прочесть эту рукопись, надо было обладать близкимъ знакомствомъ съ астрологіей, этимъ древнимъ зачаткомъ искусства и науки. Поэтическіе образы, взятые изъ области метеорологическихъ явленій, могли быть возстановлены въ испорченномъ переписчиками текстѣ только такимъ впечатлительнымъ къ красотамъ лазури и бурь человѣкомъ, какимъ по личнымъ воспоминаніямъ рисуетъ себя Морозовъ. Мало того, нужна была темнота каземата Петропавловской крѣпости съ волнующимъ душу клочкомъ неба за рѣшеткой окна, нужно было одиночество шлиссельбургскаго заключенія, чтобы у человѣка съ этими данными еще обострить созерцательность, воспріимчивость къ эстетикѣ образовъ и къ чувству желчи и гнѣва другого борца и изгнанника—Іоанна Хризостома.

Кто видѣлъ въ ясную погоду роковой островокъ Шлиссельбургской крѣпости, тонущій въ лазури неба и озера, тотъ легко себѣ представитъ, какъ далеко могла и должна была заходить чуткость такого узника, какъ Н. Морозовъ, къ голосу волнъ, къ мерцанію звѣздъ, къ гармоніи красокъ неба, къ величію звѣздныхъ міровъ, къ злобѣ бурь, къ мстительнымъ угрозамъ носящихся на просторѣ грозъ. Да. Пытка, созданная палачами слова и свободы, сформировала мозгъ, способный продолжать дѣло изобличенія „непогрѣшимости" свѣтскихъ и церковныхъ владыкъ. А революція вырвала этого человѣка изъ рукъ обскурантовъ и пустила въ міровое обращеніе плодъ его научнаго скепсиса и эстетической восторженности.

За „переводомъ" Апокалипсиса въ книгѣ Н. Морозова слѣдуетъ біографія автора „Откровенія". Морозовъ чрезвычайно доказательно устанавливаетъ личность автора Апокалипсиса и затѣмъ

приступаетъ къ исторической характеристикѣ его міровоззрѣнія. Но эта работа выполнена имъ только съ художественной стороны. Психическій обликъ Іоанна Хризостома обрисованъ изслѣдователемъ въ чрезвычайно симпатичныхъ чертахъ на основаніи трудовъ историковъ христіанства, а равно и своихъ собственныхъ исправленій и дополненій. Но тщетно было бы искать у него объективной оцѣнки міровоззрѣнія этого мыслителя - неоплатоника. Болѣе того,—эстетической характеристикой психическаго склада Хризостома Морозовъ даже замѣнилъ объективную сторону міровоззрѣнія этого оратора и мыслителя византійскихъ народныхъ массъ четвертаго вѣка. Его Іоаннъ—человѣкъ съ чистымъ сердцемъ и отзывчивой душой, пламенный мечтатель, глубокій мистикъ. Онъ любимый писатель и ораторъ, герой тогдашней толпы, властвующій надъ нею, благодаря своему таланту и ея суевѣрію. Однимъ словомъ, мы видимъ со стороны Морозова слишкомъ много преклоненія передъ художественными достоинствами произведеній и личности Хризостома, тогда какъ по объективно - научному содержанію Апокалипсисъ былъ для Морозова только образцомъ наивно-религіознаго міровоззрѣнія.

Поэтому будущимъ изслѣдователямъ твореній Хризостома не придется воспользоваться второй половиной книги Морозова. Для цѣлей исторіи церкви, философіи и культуры они должны будутъ снова обратиться къ первоисточникамъ, которые теперь, благодаря Морозову, пополнились „переводомъ" Апокалипсиса.

Не претендуя здѣсь ни въ какой мѣрѣ на подобную работу, мы хотѣли бы въ самой книгѣ Морозова указать на нѣкоторыя объективныя черты міровоззрѣнія Хризостома, оставленныя авторомъ книги безъ послѣдовательныхъ выводовъ.

Іоаннъ Хризостомъ, въ противоположность „генисcаретскимъ рыбакамъ", апостоламъ, былъ человѣкомъ высокообразованнымъ и принадлежалъ къ раціоналистической религіозной сектѣ тогдашняго христіанства, такъ называемыхъ *оригенитовъ*. То была философская школа неоплатониковъ, которая основывала изученіе богословія на геометріи, астрономіи, географіи, философіи, логикѣ, и ставила своей цѣлью „изучать Бога въ его твореніяхъ". Поэтому въ Апокалипсисѣ и въ другихъ его проповѣдяхъ, послѣ соотвѣтственнаго реставрированія ихъ текста, можно будетъ получить цѣнные матеріалы для изученія этой философской школы. Послѣ дополненій, сдѣланныхъ Морозовымъ, біографія Хризостома послужитъ прекраснымъ подспорьемъ при изученіи этого міровоззрѣнія и его связи съ тогдашнимъ положеніемъ и настроеніемъ народныхъ массъ христіанскаго Востока.

Его Апокалипсисъ, который самимъ Морозовымъ названъ блестящимъ памфлетомъ на тогдашнія общественно-политическія отношенія, скрываетъ подъ своей образной формой анализъ и критику вполнѣ реальныхъ явленій современности четвертаго

вѣка. Здѣсь отмѣчены такія общественныя бѣдствія, какъ племенная вражда и войны, дороговизна предметовъ первой необходимости, голодъ и моръ. Упомянуты бывшіе и неизбѣжные въ будущемъ жертвы борьбы за „Божью науку". Указаны, наконецъ, и болѣе глубокія причины страданій человѣчества, и между ними деспотизмъ византійскихъ царей и развращенность церкви, ихъ прислужницы.

Центральной идеей, „пророчествомъ" его является религіозная идея „Божьяго гнѣва". Это вѣчный мотивъ протестующей психики Хризостома. Его „пророчество", вѣрнѣе сказать, прогнозъ состоитъ въ предсказаніи „Царства Божьяго" на землѣ, которое есть не что иное, какъ логическое отрицаніе всѣхъ язвъ окружающей дѣйствительности. Онъ предвидитъ грандіозную катастрофу, гибель звѣря деспотизма и крушеніе Церкви, Великой Твердыни, „самопродажницы", распутствующей съ царями. Іоаннъ указываетъ и на такіе признаки близости этой катастрофы: „Возмущены,—говоритъ онъ,—народы и пришелъ часъ Твоего (Божьяго) гнѣва и время... вознаградить Твоихъ слугъ... и погубить губящихъ землю". Картина катастрофы дополняется тѣмъ, что вѣстникъ Божій сзываетъ птицъ: „Летите и собирайтесь на великій Божій пиръ! Пожрите трупы царей, трупы полководцевъ, трупы сановниковъ, трупы коней и всадниковъ и трупы всѣхъ ихъ вольныхъ и рабовъ и большихъ и малыхъ". Наконецъ, Іоаннъ описываетъ въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ величіе, красоту и чистоту „Божьяго царства".

Морозовъ видитъ въ этомъ главнымъ образомъ страстную, вдохновенную ненависть члена религіозной секты противъ двухъ другихъ церковныхъ сектъ того времени (николаитовъ и аріанъ). Но не найдетъ ли будущій компетентный изслѣдователь въ „Откровеніи" Хризостома нѣчто большее, нежели религіозный, фракціонный фанатизмъ? Мы, съ своей стороны, видимъ для этого достаточно данныхъ.

Прежде всего, намъ кажется, что Хризостомъ—борецъ противъ церковности вообще. Весь Апокалипсисъ состоитъ изъ страстныхъ обличеній по адресу церкви, безъ указанія фракцій. Равнымъ образомъ и возстановленная Морозовымъ біографія этого вождя византійскихъ и мало-азіатскихъ массъ подтверждаетъ вражду его по отношенію къ церкви. Такъ, напримѣръ, онъ отказывался отъ высокой чести быть „вселенскимъ патріархомъ", когда его популярность „пророка" открыла ему путь къ этой славѣ. Съ непримиримостью современнаго намъ соціалиста онъ отказывался отъ „участія во власти". Когда же его все-таки насильно возвели на патріаршій престолъ, онъ задался цѣлью въ полномъ отчужденіи отъ императорскаго двора употребить орудіе церковной власти для полной организаціи церковнаго общества. Онъ приказалъ разбить, уничтожить и распродать всѣ богатыя

украшенія базиликъ, золотую утварь алтарей, распускалъ тунеядцевъ „дьяконовъ", объединилъ враждовавшія фракціи и т. п. Онъ не признавалъ надъ собой суда церковныхъ соборовъ. Низвергнутый послѣ того, какъ съ началомъ V вѣка не сбылось его пророчество о кончинѣ міра, и возвращенный снова въ столицу [1]), онъ патріаршествовалъ исключительно по волѣ городскихъ массъ и подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и, непримиримый, умеръ въ гоненіяхъ и ссылкѣ.

На-ряду съ ненавистью къ церкви и отрицаніемъ таинствъ и догматовъ оффиціальнаго христіанства онъ не обнаруживалъ и послушанія моральнымъ принципамъ христіанства въ томъ его видѣ, какъ оно толкуется по тексту Священнаго писанія. Онъ былъ „борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй", т. е., очевидно, онъ былъ очень далекъ отъ приписываемыхъ христіанству сопротивленія злу, подчиненія деспотизму и т. п. А такъ какъ византійская масса заступалась за него вплоть до сопротивленія властямъ съ оружіемъ въ рукахъ и вплоть до разгрома и поджоговъ зданій, то ясно, что онъ былъ не просто бунтарской индивидульностью, а выразителемъ настроеній и идеаловъ византійскихъ народныхъ массъ.

Эти черты пароднаго печальника и вождя слѣдуетъ разыскать будущему историку среди художественныхъ штриховъ индивидуальной характеристики, сдѣланной Морозовымъ въ его книгѣ.

IV.

Какую роль играла въ произведеніяхъ Хризостома мистическая религіозность? Несомнѣнно, что при всемъ своемъ отвращеніи къ формальной церковности, авторъ Апокалипсиса былъ въ субъективномъ представленіи своемъ глубоко-религіозенъ. Однако же, религіозность его была такова, что она нисколько не помѣшала его „Откровенію" играть чрезвычайно противорелигіозную роль.

Прежде чѣмъ обосновать это свое утвержденіе, укажемъ на значеніе, которое пріобрѣтаетъ расшифрованный Морозовымъ Апокалипсисъ для исторіи философіи. Дѣло въ томъ, что можно считать не менѣе искаженными въ перепискѣ и переводахъ и остальныя произведенія религіознаго творчества Новаго Завѣта. Четыре евангелія, напримѣръ, такъ же, какъ и Апокалипсисъ, носятъ на себѣ слѣды астрологическихъ представленій современности. Вифлеемская звѣзда, эмблематическія животныя, фигурирующія въ евангеліяхъ, преображеніе на горѣ, землетрясеніе на Голгофѣ,

[1]) Причиной немедленнаго возвращенія Іоанна съ дороги въ ссылку былъ суевѣрный страхъ населенія, вызванный землетрясеніемъ въ Константинополѣ.

вознесеніе за облака и т. п.,—все это наводитъ на мысль о налетѣ астрологической символистики и въ евангельскихъ сказаніяхъ. Но даже и помимо этого предположенія, весьма вѣроятно предумышленное со стороны церковниковъ и невѣжественное со стороны переписчиковъ искаженіе первоначальнаго текста евангелій. Толкованія Ренана, Штрауса и т. д. далеко не имѣютъ такой убѣдительности, какъ трудъ Морозова. Поэтому приходится признать его толкованіе единственно удовлетворительнымъ комментированіемъ одного изъ первоначальныхъ источниковъ христіанской религіозной литературы. И для изученія христіанства въ его историческихъ формахъ — въ противоположность позднѣйшему толкованію сущности христіанства—этотъ историческій памятникъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Но религіозная мысль Апокалипсиса сводится цѣликомъ къ идеѣ *Божьяго гнѣва* и *мести*. Прежде всего надо признать, что изъ всѣхъ религіозныхъ идей богословія это наименѣе *христіанская* идея. Но даже и въ качествѣ идеи теистической вообще и при всемъ своемъ несомнѣнно религіозномъ содержаніи для самого Іоанна Хризостома, она, въ общей системѣ его философскаго мышленія, является не болѣе, какъ формой міропониманія этого мыслителя. Вѣдь даже и четырнадцать вѣковъ спустя монистическая философія Спинозы и Гегеля облекалась въ форму философскаго монотеизма. Однако, эта „наивность“ обоихъ титановъ абстрактнаго мышленія не помѣшала имъ сдѣлаться предвѣстниками наиболѣе „разрушительной“ изъ современныхъ соціальныхъ доктринъ, доктрины „революціоннаго марксизма“. Подобно этому, и религіозная форма философскаго монизма у мыслителя IV вѣка нисколько не мѣшаетъ его творчеству обладать революціонной, разрушительной для деспотизма и религіи силой.

Для натуралиста Н. Морозова не существуетъ эта преемственность формъ въ развитіи философскаго мышленія человѣчества. И онъ чувствуетъ себя вправѣ третировать нѣсколько пренебрежительно „религіозность“ Хризостома. Но для историка философіи задача изслѣдованія должна представиться въ иномъ свѣтѣ. И онъ, мы думаемъ, признаетъ революціонную роль неоплатонизма Хризостома въ исторіи религій.

Допустимъ гипотетически такую послѣдовательность въ развитіи человѣческаго мышленія. Монотеизмъ іудеевъ содержалъ въ себѣ идеологію этого народа, сложившуюся въ борьбѣ съ гнетомъ римскаго владычества. Философскій монизмъ и панлогизмъ дѣлалъ Іегову верховнымъ распорядителемъ судьбы избраннаго народа. А частная миссія національнаго освобожденія евреевъ возлагалась тѣмъ же міровоззрѣніемъ на спеціальнаго генія—Мессію. Позднѣе, когда массы Византійской имперіи доросли до сознанія тягости и несправедливости національнаго деспотизма своихъ *собственныхъ* царей, они восприняли чистый „христіанскій“

теизмъ Хризостома. И эта новая форма революціоннаго монизма позволила имъ ополчиться не только противъ звѣря деспотизма, но и противъ „Великой Самопродажницы“ церкви, и ждать гибели ея, а равно и царей, полководцевъ, сановниковъ, всадниковъ и присныхъ ихъ. Но какъ и въ ученіи Моисея, вершителемъ исторіи долженъ былъ явиться не Богъ, первая причина ея, а спеціальный Спаситель страдальцевъ, Іисусъ Посвященный (Христосъ), въ образѣ астрологическаго Агнца. На него возлагалась задача уничтоженія новыхъ формъ деспотизма, а именно соціальнаго гнета со стороны господствующихъ сословій.

Таковъ нашъ примѣръ построенія исторической гипотезы на основѣ тѣхъ данныхъ, которыя содержитъ „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Но это *откровеніе науки* вообще чревато творческой мыслью.

П. Стрѣльскій.

Движеніе среди служащихъ и рабочихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1905 г.

(Продолженіе).

V.

По мѣрѣ развитія союзныхъ сношеній, стала назрѣвать необходимость внести большую планомѣрность въ работу мѣстныхъ отдѣленій и намѣтить ближайшій конкретный планъ дѣйствій. Апрѣльскій съѣздъ, передъ которымъ прежде всего стоялъ вопросъ объ организаціи самаго союза, могъ, разумѣется, лишь намѣтить принципы дѣятельности его. Относительно же конкретныхъ дѣйствій съѣздъ этотъ заявлялъ въ общихъ чертахъ, что „союзъ беретъ на себя и фактическое осуществленіе всѣми средствами, въ предѣлахъ желѣзнодорожныхъ корпорацій, свободы слова, собраній, а также организацію стачекъ, какъ частныхъ, такъ и всеобщихъ", говоря, что въ частности „однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія всѣхъ своихъ основныхъ требованій союзъ выставляетъ единовременную забастовку служащихъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, организація каковой и должна будетъ составить первую и ближайшую ея цѣль".

Между тѣмъ, естественно возникшая въ желѣзнодорожныхъ массахъ идея общей желѣзнодорожной забастовки дѣлала быстрые шаги. Параллельно развивалось и отрицательное отношеніе къ частичнымъ выступленіямъ, какъ распыляющимъ силы и отвлекающимъ отъ основной задачи. Тутъ всероссійскій союзъ, со своей принципіальной формулировкой объ организаціи частичныхъ забастовокъ наравнѣ съ общей, сталъ явно отставать отъ жизни, и, чтобы поспѣть за ней, долженъ былъ, несмотря на кратковременность своего существованія, переходить къ конкретнымъ директивамъ.

Все это побудило центральное бюро союза приступить къ созыву 2-го съѣзда. Извѣщеніе объ этомъ было разослано на мѣста въ концѣ іюня, причемъ порядокъ дѣлъ съѣзда намѣченъ былъ слѣдующій:

1) Степень неотложности общей желѣзнодорожной забастовки; срокъ ея объявленія; внутренняя организація и характеръ ея, именно: а) должна ли забастовка быть демонстративной или боевой, понимая подъ демонстративной такую забастовку, которая назначается на опредѣленный срокъ безъ обязательства продолжать ее до удовлетворенія заявленныхъ требованій, но условливаясь, что срокъ забастовки будетъ продленъ, если она будетъ проходить достаточно дружно; а подъ боевой разумѣя такую, которая назначается безъ срока, съ обязательствомъ не прекращать ее, пока главныя требованія не будутъ удовлетворены болѣе или менѣе полно; б) должна ли забастовка быть рѣшена, а слѣдовательно, и начата всѣми дорогами безъ исключенія, или только большею частью ихъ; в) должна ли забастовка быть объявлена однимъ всероссійскимъ желѣзнодорожнымъ союзомъ или необходимо согласованіе съ другими организаціями (союзами, партіями, т. д.), съ какими именно и какого характера, т. е. обязательное для всѣхъ сторонъ соглашеніе, или лишь взаимное оповѣщеніе со свободой дѣйствія каждой отдѣльной организаціи.

2) Обсужденіе нижеслѣдующей программы требованій, предлагаемыхъ центральнымъ бюро: а) немедленная и безусловная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскихъ гражданъ; б) немедленное освобожденіе отъ наказанія и возвращеніе правъ всѣмъ пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія и полное прекращеніе всѣхъ текущихъ дѣлъ подобнаго рода; в) немедленное объявленіе законодательнымъ порядкомъ безусловной свободы совѣсти, слова, печати, открытія типографій, неприкосновенности личности и жилищъ и свободы собраній, союзовъ, стачекъ для всѣхъ безъ исключенія русскихъ гражданъ; г) немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, причемъ право быть какъ избирателями, такъ и избираемыми должно принадлежать всему, безъ исключенія, населенію Россіи, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности; д) присвоеніе Учредительному Собранія всей полноты государственной власти для рѣшенія вопроса о войнѣ и мирѣ и установленія основного закона новаго государственнаго порядка Россіи; е) независимо отъ Учредительнаго Собранія немедленный созывъ съѣзда представителей всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ числѣ не менѣе 15-ти отъ дороги, избранныхъ всѣми безъ исключенія желѣзнодорожными служащими и рабочими всѣхъ категорій, при условіи прямой и тайной подачи голосовъ и при безусловно полной служебной неприкосновенности, для выработки положеній, которыя должны лечь въ основу законопроектовъ, касающихся служебно-правового положенія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

3) Обсужденіе о пополненіи программы профессіональными требованіями, выставленными виленскимъ съѣздомъ [1]).

4) Обсужденіе предлагаемаго виленскимъ съѣздомъ пополненія политической платформы союза [2]).

5) Обсужденіе проекта организаціи союза союзовъ.

6) Пересмотръ, дополненіе и измѣненіе принциповъ организаціи союза, выработанныхъ на съѣздѣ 20—21 апрѣля, сообразно требованіямъ жизни.

Съѣздъ состоялся въ Москвѣ 22-го, 23-го и 24-го іюля. На немъ были представлены союзныя организаціи слѣдующихъ дорогъ: Балтійской, Варшаво-Вѣнской, Либаво-Роменской, Московско-Брестской, Московско-Виндаво-Рыбинской московской сѣти, той же дороги петербургской сѣти, Московско-Казанской, Московско-Кіево-Воронежской, Московско-Курской и Нижегородской, Московско-Ярославской, Николаевской, Оренбургъ-Ташкентской, Полѣсскихъ, Привислинскихъ, Рязано-Уральской, Самаро-Златоустовской, Сѣдлецъ-Полѣсской, Юго-Восточныхъ, Юго-Западныхъ, и петербургскаго правленія Владикавказской дороги—всего 20 союзныхъ единицъ съ рѣшающимъ голосомъ [3]). Совѣщательный голосъ имѣли: с.-д. организаціи Риго-Орловской дороги, Сызрано-Вяземской дороги и тульскаго желѣзнодорожнаго узла; представители партій с.-р., с.-д. и Бунда [4]). Не имѣлось на съѣздѣ представительства: изъ союзныхъ дорогъ—Екатерининской и Лодзинской; а изъ дорогъ информаціонно связанныхъ съ союзомъ—Сибирской [5]).

Первый день съѣзда весь ушелъ на доклады делегатовъ о положеніи союзнаго дѣла на мѣстахъ [6]). На второй день делегаты дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ (опоздавшіе пріѣздомъ и не присутствовавшіе наканунѣ) внесли заявленіе о томъ, что участіе ихъ въ съѣздѣ зависитъ отъ отношенія послѣдняго къ поправкѣ по національному вопросу, принятой виленскимъ

---

1) См. въ главѣ III-ей резолюцію виленскаго съѣзда.

2) По національному вопросу. См. тамъ же.

3) Участвовали въ съѣздѣ также особые представители петербургскаго правленія Рязано-Уральской дороги, но они голосовали совмѣстно съ представителями самой дороги. Дороги Балтійская, Самаро-Златоустовская, Сѣдлецъ-Полоцкая и петербургское правленіе Владикавказской дороги представительствовали не непосредственно, а при посредствѣ представителей другихъ дорогъ.

4) С.-д. партія была представлена обѣими фракціями, но всѣ заявленія (какъ вообще это было въ сношеніяхъ съ союзомъ) дѣлались отъ имени обѣихъ фракцій вмѣстѣ.

5) Представитель Сибирской дороги прибылъ съ опозданіемъ и не попалъ на засѣданія съѣзда.

6) Привести подробности объ этихъ докладахъ я лишенъ возможности за неимѣніемъ матеріаловъ. Въ общемъ же была обрисована та картина союзнаго баланса, характеристика которой дана въ предыдущей главѣ.

съѣздомъ. Въ виду этого рѣшено было приступить въ первую очередь къ разсмотрѣнію общей программы союза (пункты 2-ой, 3-ой и 4-ой порядка дѣлъ, предложеннаго центральнымъ бюро).

Фактически это разсмотрѣніе сосредоточилось на формулировкѣ пункта объ Учредительномъ Собраніи въ связи съ поправкой по національному вопросу [1]).

Виленскій съѣздъ, какъ мы видѣли, сдѣлалъ постановленіе о дополненіи союзной платформы, принятой на первомъ съѣздѣ, пунктомъ о необходимости „полной законодательно-административной автономіи Царства Польскаго, съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ всѣми гражданами Царства Польскаго безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола, на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ". По поводу этой поправки говорившій отъ лица делегатовъ дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ представитель польской партіи соціалистовъ (П. П. С.) далъ разъясненіе, сущность котораго сводилась къ тому, что польскій желѣзнодорожный пролетаріатъ, хорошо сорганизованный и имѣющій возможность вести инціативную борьбу съ большой интенсивностью, считаетъ возможной органическую связь съ всероссійскимъ союзомъ лишь въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній дастъ обязательство не прекращать борьбы вплоть до того момента, когда не только будутъ достигнуты новыя общерусскія государственныя нормы, но и пока не будетъ завоевана фактическая возможность для Царства Польскаго созыва своего особаго полновластнаго учредительнаго собранія [2]). Такая постановка вопроса о національной поправкѣ явилась совершенной неожиданностью для огромнаго большинства мѣстныхъ делегатовъ и это обстоятельство повліяло на съѣздъ настолько дезорганизующе, что безъ всякаго преюдиціальнаго разсмотрѣнія вопроса было приступлено къ преніямъ по существу.

Опредѣлилось троякое отношеніе къ вопросу. Соціалъ-демократы, не признавая за представителемъ партіи П. П. С. права говорить отъ лица всего польскаго пролетаріата, доказывали неприемлемость п. п. с.-овскаго лозунга, „такъ какъ онъ грозитъ засореніемъ яснаго классоваго сознанія польскаго пролетаріата буржуазно-патріотическими элементами, такъ какъ онъ грозитъ ослабленіемъ боевыхъ позицій польскаго пролетаріата, который своей

1) Остальные пункты общей программы, хотя и просматривались (не вызывая при томъ возраженій), но не дискуссировались, и относительно ихъ не было сдѣлано никакого формальнаго постановленія съѣзда.

2) Это разъясненіе было иллюстрировано указаніемъ, что вхожденіе дорогъ Царства Польскаго во всероссійскій союзъ можетъ разсматриваться, какъ коммерческая сдѣлка: русскій пролетаріатъ не достаточно силенъ и организованъ, чтобы изолированно вести борьбу, и потому входитъ въ соглашеніе съ польскимъ, обязуясь отстаивать и спеціальныя требованія послѣдняго.

геройской борьбой, тысячами жертвъ запечатлѣлъ свою готовность бороться рука объ руку съ русскимъ пролетаріатомъ на оба фронта—и съ царскимъ деспотизмомъ, и съ капитализмомъ". Соціалисты-революціонеры стали на сторону п. п. с., основываясь на томъ, что „союзъ—организація не партійная, и, какъ таковая, не можетъ становиться на узко-партійную соціалъ-демократическую точку зрѣнія; какъ организація чисто-демократическая, союзъ долженъ принять широкую демократическую платформу, въ которой не должно быть упущено одно изъ главныхъ демократическихъ требованій—свободы національнаго самоопредѣленія" [1]). Третья группа участниковъ съѣзда стала на точку зрѣнія конституціи союза, установленной первымъ съѣздомъ, основнымъ принципомъ которой въ отношеніи политическихъ партій является слѣдующее положеніе: „Союзъ долженъ выставить на своемъ знамени такой девизъ, который... не долженъ противорѣчить политической программѣ ни одной революціонной партіи, дабы сторонники всѣхъ такихъ партій свободно могли войти въ союзъ". Исходя изъ такого положенія, группа эта доказывала, что конституція союза допускаетъ принятіе въ качествѣ общаго для всего союза лозунга лишь взаимопріемлемый минимумъ минимальныхъ программъ революціонныхъ партій и всякое уклоненіе въ максимальную сторону отъ такого минимума нарушаетъ основные принципы союзной организаціи, что въ данномъ случаѣ и имѣетъ мѣсто, такъ какъ требованіе представителями дорогъ Царства Польскаго національной поправки въ полномъ объемѣ п. п. с.-овскаго толкованія является противорѣчащимъ программѣ одной изъ революціонныхъ партій, члены которой входятъ въ составъ союза, именно партіи соціалъ-демократической.

Во время преній представитель одной изъ дорогъ заявилъ о полученномъ имъ отъ группы служащихъ-малороссовъ его дороги порученіи настаивать на распространеніи національной поправки и на Украину, если только эта поправка будетъ принята по отношенію къ Польшѣ. Въ виду этого рѣшено было вопросъ расширить и дебатировать поправку по отношенію вообще ко всѣмъ національностямъ Россіи [2]).

---

[1]) Въ виду того, что протоколовъ съѣзда у меня нѣтъ, эти двѣ мотивировки—с.-д. и с.-р.—цитированы по отчетамъ о съѣздѣ въ партійной прессѣ; именно первая—по отчету въ № 109 „Искры", а вторая по отчету въ № 73 „Революціонной Россіи" (Спеціально большевистскаго отчета не было, но онъ въ данномъ случаѣ и не требуется, такъ какъ обѣ фракціи были на съѣздѣ совершенно солидарны). Отчеты эти писались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ съѣзда и правильнѣе всего могутъ характеризовать опорныя точки зрѣнія представителей той и другой партіи.

[2]) Получилось оригинальное положеніе: п. п. с.-овское толкованіе по отношенію къ Польшѣ было распространено на всѣ національности Россіи.

Въ томъ страстномъ столкновеніи мнѣній, которое вызвано было открытіемъ преній по существу, совершенно затерта была преюдиціальная сторона дѣла, именно, вопросъ о томъ, являются ли дороги Царства Польскаго стороной или составной частью союза. А между тѣмъ этимъ предрѣшался и самый вопросъ о національной поправкѣ. Изъ резолюціи виленскаго съѣзда вытекало, что дороги Царства Польскаго вошли въ составъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза [1]), а если это такъ, то и конституція союза являлась для нихъ обязательной и, до измѣненія этой конституціи, на п. п. с.-овскомъ толкованіи національной поправки они не могли настаивать, въ виду противорѣчія его программѣ с.-д. партіи [2]). Изъ характера же заявленія представителей дорогъ Варшаво-Вѣнской и Привислинскихъ вытекало какъ будто бы, что представители эти разсматриваютъ дороги Царства Польскаго стороной, заявляющей ультимативныя условія своего вхожденія во всероссійскій союзъ; а въ такомъ случаѣ съѣздъ совсѣмъ не могъ браться за рѣшеніе вопроса и долженъ былъ направить его для предварительнаго обсужденія на мѣста.

Въ дѣйствительности же пренія по существу продолжались до своего логическаго конца, т. е. до голосованія національной поправки, которая и была принята большинствомъ голосовъ въ формулировкѣ представителей дорогъ Царства Польскаго, а именно: „Каждой національности (Польшѣ, Литвѣ, Кавказу, Украинѣ и др.) предоставляется неограниченное право, наравнѣ съ русской, полнаго національнаго и государственнаго самоопредѣленія".

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, къ какимъ послѣдствіямъ привела національная поправка, а теперь перейдемъ къ остальнымъ вопросамъ, разсмотрѣннымъ на съѣздѣ,—объ общей забастовкѣ, о союзѣ союзовъ и о пересмотрѣ принциповъ союзной организаціи (пункты 1-ый, 5-ый и 6-ой порядка дѣлъ, предло-

---

[1]) Такъ понимало и центральное бюро, считая дороги Царства Польскаго, въ своихъ сношеніяхъ съ ними, составной частью союза, и разсматривая принятую виленскимъ съѣздомъ національную поправку, какъ предложеніе, подлежащее разсмотрѣнію на очередномъ съѣздѣ союза, не вліяющее на организаціонное положеніе въ союзѣ дорогъ виленскаго съѣзда даже и въ случаѣ принятія этого предложенія въ измѣненной формѣ, такъ какъ автономность составныхъ частей союза допускала программное самоопредѣленіе этихъ частей, а, слѣдовательно, и развитіе отдѣльными союзными дорогами общихъ лозунговъ союза.

[2]) Съѣздъ долженъ былъ въ такомъ случаѣ либо заняться пересмотромъ конституціи союза, либо выработать національную поправку въ формулировкѣ, не противорѣчащей тѣмъ пунктамъ программы Р. С.-Д. Р. П., которые касаются національнаго вопроса (т. е. пунктамъ 3-му, 7-му и 8-му—объ областномъ самоуправленіи, равноправіи національностей и гарантіяхъ языка и пункту 9-му—„право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства").

женнаго центральнымъ бюро). Вопросы эти были разсмотрѣны въ третій день съѣзда, порядокъ дня котораго расположился въ слѣдующей очереди: общая забастовка; союзъ союзовъ; затѣмъ голосованіе національной поправки [1]), и, наконецъ, организаціонный вопросъ.

Вопросъ объ общей желѣзнодорожной забастовкѣ, въ принципіальной своей части, преній не вызвалъ. Центральное бюро сообщило, что незадолго до съѣзда имъ было созвано въ Москвѣ делегатское собраніе представителей всевозможныхъ категорій желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ московскаго узла (въ каличествѣ 167 человѣкъ), и это собраніе, достаточно выражавшее, благодаря своему подбору, мнѣніе желѣзнодорожниковъ московскаго узла, постановило, что ближайшей и непосредственной цѣлью должна быть организація всероссійской желѣзнодорожной забастовки политической и боевой [2]); отъ частичныхъ же выступленій безусловно необходимо воздерживаться. Со стороны представителей внѣмосковскихъ дорогъ послѣдовали аналогичныя заявленія, послѣ чего единогласно были приняты слѣдующія постановленія [3]):

1) Немедленно приступить къ агитаціи за всероссійскую политическую боевую желѣзнодорожную забастовку.

2) Объявленіе забастовки производится центральнымъ бюро союза въ моментъ, который бюро признаетъ подходящимъ по общимъ условіямъ политической ситуаціи въ странѣ, безъ обязательства предварительнаго согласованія съ мѣстными отдѣленіями союза.

3) При объявленіи забастовки бюро должно считаться со степенью возможности полученія поддержки отъ организацій революціонныхъ партій и информаціонно согласоваться съ ними.

Затѣмъ подробному обсужденію были подвергнуты детали организаціи забастовки. Предложеніе фиксировать, при объявленіи забастовки, не только день, но и часъ начала ея, было отвергнуто. Рѣшено было условиться о двоякой сигнализаціи забастовки—о забастовкѣ императивной и о забастовкѣ пассивной. Въ первомъ случаѣ центральное бюро сигнализуетъ начало забастовки въ опредѣленный день, и мѣстныя организаціи союза должны, по возможности, начать забастовку въ этотъ день; если же, по мѣстнымъ условіямъ, проведеніе забастовочной инціативы трудно осуществимо или опасно—въ томъ отношеніи, что налич-

[1]) Пренія по національному вопросу продолжались весь второй день, голосованіе же національной поправки задержалось комиссіоннымъ редактированіемъ ея формулировки; тѣмъ временемъ разсмотрѣны были вопросы объ общей забастовкѣ и союзѣ союзовъ.

[2]) Правильнѣе—безсрочной, выжидательной, какъ объ этомъ говорилось выше, во II главѣ.

[3]) Передаю по существу, такъ какъ точнаго текста у меня нѣтъ.

ныя активныя группы слишкомъ слабы и ихъ инициативная поспѣшность можетъ повести лишь къ преждевременному ихъ разгрому, то начало забастовки можетъ быть отложено на короткій срокъ, пока начатая инициативно на другихъ дорогахъ забастовка не дастъ моральнаго импульса для начатія стачки и здѣсь. Второй случай—пассивной забастовки—долженъ былъ сигнализоваться тогда, когда въ какомъ-либо мѣстѣ, стихійно или по спеціальнымъ мѣстнымъ причинамъ, вспыхнула бы достаточно интенсивная частичная желѣзнодорожная забастовка, въ моментъ, подходящій для объявленія общей. Центральное бюро получило право объявить переходъ отъ возникшей частичной забастовки къ общей. Для этихъ обоихъ случаевъ были установлены на съѣздѣ способы условнаго телеграфированія, причемъ телеграммы были условлены и съ тѣми желѣзнодорожными организаціями, съ которыми союзъ находился лишь въ информаціонныхъ отношеніяхъ [1]).

Далѣе, было постановлено, что каждое мѣстное отдѣленіе союза должно выработать забастовочно-мобилизаціонный планъ; выяснить заранѣе, въ какомъ порядкѣ и отъ какого пункта должна начать осуществляться забастовка, съ такимъ разсчетомъ, чтобы пассажирскіе поѣзда могли быть доведены до большихъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ, чтобы не ставить пассажировъ въ безвыходное положеніе, не прерывая вмѣстѣ съ тѣмъ забастовки.

Наконецъ, была подвергнута обсужденію чисто-техническая сторона: взаимная сигнализація во время забастовки, снабженіе провизіей изолированныхъ станцій, способы обезопасить себя отъ штрейкбрехерства какъ со стороны самихъ желѣзнодорожниковъ—„свобододѣйствующихъ“,—такъ и со стороны желѣзнодорожныхъ батальоновъ и т. д. Эта сторона дѣла обсуждалась лишь для взаимнаго освѣдомленія и директивъ не было принято, исключая лишь того, что средства противъ штрейкбрехерства должны быть мирными и въ технической своей части организоваться такими способами, какъ спусканіе воды изъ паровозныхъ котловъ и т. под. Всякая же порча желѣзнодорожнаго имущества—приведеніе въ негодность паровозовъ, разрушеніе желѣзнодорожнаго полотна и мостовъ, а равнымъ образомъ и терроръ не допускаются.

Вопросъ объ отношеніи къ союзу союзовъ не дискуссировался, а былъ рѣшенъ аккламаціей въ томъ смыслѣ, что всероссійскій желѣзнодорожный союзъ считаетъ возможнымъ войти въ составъ союза союзовъ, на основаніи проектированной организаціи этого учрежденія [2]), но безъ обязательства подчиняться директивамъ

[1]) Въ томъ числѣ и съ Сибирской дорогой, которая, какъ выше было отмѣчено, не представительствовала на съѣздѣ потому, что ея делегатъ опоздалъ пріѣздомъ.

[2]) См. проектъ организаціи союза союзовъ во II главѣ.

союза союзовъ. Такимъ образомъ съѣздъ подтвердилъ ту информаціонную позицію, которую центральное бюро союза заняло по отношенію къ союзу союзовъ съ самаго начала и предуказалъ ему держаться той же позиціи и впредь.

Обсужденіе организаціоннаго вопроса, за малымъ количествомъ времени, оставшимся у съѣзда ограничилось разсмотрѣніемъ проекта устава союза, составленнаго группой петербургскихъ союзниковъ [1]). Проектъ этотъ былъ отвергнутъ, но составленіе устава было признано необходимымъ въ виду того, что отсутствіе точнаго устава тормазящимъ образомъ отзывается на организаціонной работѣ. Составленіе рѣшено было поручить центральному бюро съ тѣмъ, чтобы оно выполнило эту работу, руководясь организаціонными принципами союза, принятыми первымъ съѣздомъ, и тѣми директивами, которыя даны были вторымъ съѣздомъ при обсужденіи петербургскаго проекта. Составленный центральнымъ бюро уставъ долженъ былъ дѣйствовать до 3-го съѣзда.

Послѣ этого съѣздъ закончился постановленіемъ относительно центральнаго бюро, составъ котораго и мѣстопребываніе (въ Москвѣ) оставлены были прежними до слѣдующаго съѣзда.

VI.

Обратимся теперь къ тому положенію, которое создалось для союза принятіемъ поправки по національному вопросу въ формулировкѣ представителей дорогъ Царства Польскаго.

Поправка была принята большинствомъ 12-ти дорогъ противъ 3-хъ, при одной оставшейся нейтральной (голоса делегатовъ раздѣлились), одной воздержавшейся и 3-хъ отказавшихся голосовать. Большинство составилось изъ 2-хъ дорогъ Царства Польскаго, авторовъ поправки, 4-хъ дорогъ, участницъ виленскаго съѣзда, считавшихъ себя связанными резолюціей послѣдняго по національному вопросу и обязанными голосовать вмѣстѣ съ дорогами Царства Польскаго и ту формулировку послѣднихъ, которая была предложена на 2-мъ съѣздѣ, и, наконецъ, изъ 6-ти дорогъ, примкнувшихъ къ мнѣнію представителей партіи соціалистовъ - революціонеровъ. Изъ остальныхъ дорогъ шесть примкнуло къ мнѣнію соціалъ-демократовъ, причемъ три голосовали противъ, а три, заявивъ протестъ противъ постановки вопроса на голосованіе, отказались голосовать; представители одной дороги раздѣлились, примкнувъ поровну къ мнѣнію соц.-рев. и соц.-дем., и, наконецъ, одна дорога, представленная заочно, воздержалась.

Съ внѣшней стороны получалась картина пораженія соціалъ-демократовъ. Вина за это падала на нихъ самихъ. Мы видѣли, что тотчасъ по появленіи всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза

[1]) Проектъ этотъ, какъ мнѣ уже пришлось ранѣе говорить, былъ напечатанъ въ № 121 журнала „Желѣзнодорожникъ“ за 1905 годъ.

соціалъ-демократы раздвоились: часть ихъ вошла въ союзъ, часть стала въ оппозицію. Такое раздвоеніе происходило на большей части союзныхъ дорогъ: лишь на двухъ-трехъ отношеніе соціалъ-демократовъ было однородное—либо полный бойкотъ, либо однообразное вхожденіе въ союзъ. Эта двойственная позиція не могла остаться безнаказанной, и на 2-мъ съѣздѣ входившіе въ союзъ соціалъ-демократы остались въ меньшинствѣ, хотя фактическое соотношеніе партійныхъ вліяній на дорогахъ, голосовавшихъ національную поправку, было таково, что при отсутствіи раздвоенія и при вхожденіи всѣхъ наличныхъ соціалъ-демократическихъ силъ этихъ дорогъ въ союзъ, соціалъ-демократическіе голоса оказались бы, по меньшей мѣрѣ, равно вліятельными голосами, ставшими на сторону п.-п.-с.-овскаго толкованія національной поправки [1]). Въ концѣ концовъ, результаты 2-го съѣзда наносили существенный ущербъ репутаціи с.-д. партіи въ желѣзнодорожныхъ массахъ, которыми понесенное соціалъ - демократами на съѣздѣ пораженіе переносилось зачастую и на тѣ желѣзнодорожныя с.-д. организаціи, которыя стояли внѣ союза.

Но эти же результаты наносили сильнѣйшій ударъ и самому всероссійскому союзу. Когда первый съѣздъ вырабатывалъ союзную конституцію, онъ, отражая наличныя, естественныя тенденціи желѣзнодорожныхъ массъ, стоялъ на точкѣ зрѣнія строгаго проведенія принципа партійной нейтральности, въ этомъ именно усматривая возможность сформированія боеспособной желѣзнодорожной организаціи. И первый съѣздъ настолько былъ проникнутъ такой тенденціей, что на немъ не дѣлалось даже попытокъ перегнуть общій тонъ въ сторону партійнаго оттѣнка, хотя соціалъ-демократическое направленіе имѣло на немъ большинство. Быть можетъ, и второй съѣздъ не вышелъ бы изъ такихъ рамокъ, но характеръ заявленія дорогъ Царства Польскаго загналъ его въ тупикъ. Изъ тѣхъ объясненій, которыя давались представителями этихъ дорогъ, становилось яснымъ, что центръ тяжести вопроса о національной поправкѣ лежитъ не въ томъ даже, останутся или не останутся дороги Царства Польскаго во всероссійскомъ союзѣ, а въ томъ, что никакое, ни органическое, ни информаціонное

---

[1]) Если бы, сверхъ того, въ союзъ вошли всѣ с.-д. организаціи другихъ дорогъ, то внутри союза, по соотношенію партійныхъ вліяній того періода, образовалась бы такая группа дорогъ съ подавляющимъ с.-д. вліяніемъ, какъ дороги Риго-Орловская, Московско - Брестская, Сызрано-Вяземская, Московско-Курско-Нижегородская; Юго - Западныя, Екатерининская, Владикавказская, Закавказскія и Сибирская (организаціи Владикавказской и Закавказскихъ дорогъ находились въ это время подъ доминирующимъ с.-д. вліяніемъ и при снятіи бойкота съ союза партійцами-оппозиціонистами связи съ этими дорогами могли установиться весьма легко). На большей части остальныхъ дорогъ с.-д. вліяніе внутри союза должно было усилиться до нейтрализаціи остальныхъ партійныхъ вліяній.

согласованіе дѣйствій съ ними невозможно безъ принятія союзомъ на себя обязательства активно поддерживать требованіе отдѣльнаго учредительнаго собранія. Если бы дороги Царства Польскаго выдѣлили бы себя, какъ сторону, узелъ не запутался бы, вопросъ сталъ бы на практическую почву, свелся бы къ уясненію, имѣетъ или не имѣетъ союзъ объективныя данныя на то, чтобы взять на себя такое обязательство; но такъ какъ этого не случилось, то съѣздъ и сталъ передъ дилеммой выбора между двумя партіями—п. п. с. и с.-д. И разъ дѣло повернулось такимъ образомъ, то, естественно, и рѣшеніе оказалось чисто-партійнымъ. А это обстоятельство кореннымъ образомъ мѣняло физіономію союза, лишало его нейтральности, накладывало извѣстный партійный оттѣнокъ. Другими словами, съѣздъ создавалъ для союза тѣ условія, въ которыхъ находились и с.-д. желѣзнодорожныя организаціи и которыя дѣлали утопичными попытки послѣднихъ добиться спеціально-желѣзнодорожной боеспособности.

Таково было наслѣдство, оставленное съѣздомъ центральному бюро. Самый съѣздъ, къ концу своихъ засѣданій, оказался окорнаннымъ. Представители трехъ дорогъ (отказавшіеся баллотировать національную поправку) заявили о своемъ выходѣ изъ союза, что, очевидно, вело къ потерѣ союзомъ и самихъ этихъ дорогъ. Такія же заявленія были сдѣланы рядомъ отдѣльныхъ делегатовъ другихъ дорогъ и частью членовъ центральнаго бюро [1]). По окончаніи съѣзда заявленія о выходѣ стали поступать уже отъ цѣлыхъ союзныхъ группъ на разныхъ дорогахъ. Съ другой стороны, отъ различныхъ организацій, оставшихся въ союзѣ, стали поступать протесты по поводу нарушенія съѣздомъ принципа нейтральности, что, по мнѣнію протестующихъ, какъ измѣненіе конституціи союза, не могло быть сдѣлано безъ предварительнаго обсужденія на мѣстахъ [2]).

Всѣ эти обстоятельства привели центральное бюро къ рѣшенію обратиться къ мѣстнымъ организаціямъ со слѣдующимъ заявленіемъ, которое привожу полностью:

„На второмъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, происходившемъ въ Москвѣ 22—24 іюля, по предложенію представителей желѣзныхъ дорогъ Царства Польскаго, въ политическую платформу союза было внесено дополненіе, вызвавшее разногласіе членовъ съѣзда и повлекшее за собою выходъ изъ состава союза какъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ членовъ его, такъ и пред-

---

[1]) Послѣдніе мотивировали свой выходъ тѣмъ, что съѣздъ, являясь по существу очереднымъ съѣздомъ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, обратился въ учредительный съѣздъ новаго союза, построеннаго уже не на принципѣ партійной нейтральности.

[2]) Между прочимъ, союзными организаціями московскаго узла было принято постановленіе о выходѣ изъ союза, если принципъ нейтральности не будетъ возстановленъ.

ставителей нѣсколькихъ дорогъ, не нашедшихъ для себя возможнымъ продолжать дальнѣйшую работу въ союзѣ послѣ измѣненій, внесенныхъ въ его политическую платформу на второмъ съѣздѣ. Въ виду того, что явившіеся на съѣздъ делегаты не имѣли по означенному вопросу отъ пославшихъ ихъ дорогъ опредѣленныхъ мандатовъ (за исключеніемъ представителей дорогъ Царства Польскаго), и потому, при голосованіи дополненія политической платформы союза, должны были руководствоваться лишь своими личными взглядами, которые могли и не совпадать со взглядами пославшихъ ихъ, многіе изъ членовъ съѣзда, какъ вышедшіе изъ союза, такъ и оставшіеся въ немъ, обратились тотчасъ же по закрытіи съѣзда въ бюро союза съ заявленіями о необходимости поставить вопросъ о дополненіи политической платформы союза, вызвавшій такое разногласіе на съѣздѣ, на обсужденіе всѣхъ членовъ союза, чтобы выяснить такимъ образомъ, совпадаетъ ли мнѣніе большинства членовъ союза съ мнѣніемъ большинства съѣзда и не носитъ ли послѣднее, вслѣдствіе отсутствія у большей части делегатовъ опредѣленныхъ по этому вопросу мандатовъ, характера случайности.

„Бюро союза, считая себя отвѣтственнымъ за то, что, созывая съѣздъ, не предупредило дороги о необходимости послать делегатовъ съ опредѣленными мандатами, находитъ себя обязаннымъ, на основаніи вышеизложеннаго, въ цѣляхъ объединенія всѣхъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, обратиться ко всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, входящимъ въ составъ союза, со слѣдующимъ заявленіемъ:

„На первомъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, состоявшемся въ Москвѣ 20—21 апрѣля с. г., при обсужденіи политической платформы союза, было рѣшено, что союзъ этотъ, какъ всякій профессіонально-политическій союзъ, долженъ имѣть такую политическую платформу, которая допускала бы возможность объединенія подъ однимъ демократическимъ знаменемъ лицъ, какъ не принадлежащихъ, такъ и принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. На основаніи этого рѣшенія, на первомъ съѣздѣ и была выработана извѣстная всѣмъ политическая платформа союза. На второмъ съѣздѣ, явившимися делегатами дорогъ Царства Польскаго (на первомъ съѣздѣ представители этихъ дорогъ не присутствовали) было сдѣлано заявленіе, что представленныя ими дороги могутъ присоединиться къ всероссійскому желѣзнодорожному союзу при томъ лишь условіи, если союзъ внесетъ въ свою политическую платформу дополненіе, согласное съ постановленіемъ виленскаго областного съѣзда (14—15 мая) представителей семи дорогъ, не принимавшихъ участія въ первомъ учредительномъ съѣздѣ всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза. Основнымъ пунктомъ такого дополненія было требованіе государственнаго самоопредѣленія каждой наці-

ональности (до выдѣленія въ самостоятельное государство). Въ виду того, что подобное предложеніе затрагиваетъ вопросъ національный, по которому въ нѣкоторыхъ политическихъ партіяхъ имѣются діаметрально противоположные взгляды, члены желѣзнодорожнаго союза, принадлежащіе въ то же время къ означеннымъ политическимъ партіямъ, указали на непріемлемость этого предложенія въ той формѣ, какъ оно проектировано представи телями дорогъ Царства Польскаго. Принятіе этого предложенія, какъ вносящаго опредѣленную партійную окраску въ платформу союза, заставило бы ихъ выйти изъ состава послѣдняго въ виду того, что оно противорѣчитъ одному изъ главныхъ принциповъ той политической партіи, къ которой они принадлежатъ. Въ виду такихъ заявленій, съѣздомъ были употреблены всѣ усилія для редактированія предложенія делегатовъ дорогъ Царства Польскаго въ такой формѣ, которая, допуская самое широкое самоопредѣленіе національностей, въ то же время была бы пріемлема всѣми партіями. Всѣ попытки провести такую общую формулу не удались. Въ результатѣ, на баллотировку была поставлена слѣдующая редакція дополненія къ политической платформѣ союза, выработанная представителями дорогъ Царства Польскаго: „Немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, причемъ право быть какъ избирателями, такъ и избираемыми, должно принадлежать всѣмъ безъ раличія пола, вѣроисповѣданія и національности. Каждой національности (Польшѣ, Литвѣ, Кавказу, Украинѣ и др.) предоставляется неограниченное право, наравнѣ съ русской, полнаго національнаго и государственнаго самоопредѣленія. Въ отношеніи дальнѣйшихъ политическихъ задачъ союзъ признаетъ необходимымъ установленіе такого государственнаго порядка, при которомъ представительство народа должно производиться на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права, при условіи прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности“. Баллотировка этой редакціи дополненія политической платформы союза дала слѣдующіе результаты: за — Рязано-Уральская дорога, правленіе Владикавказской, Балтійская, Николаевская, Витебская [1]), Ярославская, Казанская, Сѣдлецъ-Полоцкая, Полѣсскія, Либаво-Роменская, Привислинскія, Варшаво-Вѣнская. Противъ— Виндавская, Кіево-Воронежская, Юго-Восточныя. Отказались отъ голосованія: Московско-Брестская, Юго-Западныя и Оренбургъ-Ташкентская. Воздержались отъ голосованія: Московско-Курская и Нижегородская [2]).

[1]) Петербургская сѣть Москово-Виндаво-Рыбинской дороги.

[2]) Пропущена Самаро-Златоустовская дорога, воздержавшаяся отъ голосованія. Что касается Московско-Курской и Нижегородской дороги, то она осталась нейтральной (голоса ея делегатовъ раздѣлились).

„Такимъ образомъ, означенное дополненіе къ политической платформѣ союза было принято съѣздомъ большинствомъ 12 дорогъ, считая въ томъ числѣ и дороги Царства Польскаго, при трехъ дорогахъ, отказавшихся отъ голосованія и одной воздержавшейся [1]). Въ виду того, что означенная редакція вопроса о національности, по мнѣнію представителей нѣкоторыхъ дорогъ, нарушаетъ принципъ безпартійности желѣзнодорожнаго союза и заставляетъ, въ то же время, всѣхъ членовъ союза, не раздѣляющихъ взгляда на необходимость полнаго государственнаго самоопредѣленія національностей, активно бороться за проведеніе этого взгляда въ жизнь и, такимъ образомъ, отступать отъ принциповъ первоначальной программы союза, часть членовъ съѣзда, послѣ принятія указаннаго дополненія къ платформѣ союза, заявила о своемъ выходѣ изъ послѣдняго, сообщивъ при этомъ, что вмѣстѣ съ ними оставятъ союзъ и тѣ дороги, представителями которыхъ они являются. Бюро союза, на основаніи соображеній, которыя были указаны выше, находитъ необходимымъ предложить вопросъ о государственномъ самоопредѣленіи національностей на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ и общихъ собраній всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, входящихъ въ составъ союза, съ тѣмъ, чтобы выяснить, отвѣчаетъ ли принятое вторымъ съѣздомъ дополненіе къ политической платформѣ союза желаніямъ и взглядамъ членовъ союза каждой дороги, или же этими членами будетъ предпочтена такая редакція, которая, включая въ себя предложеніе представителей дорогъ Царства Польскаго, была бы изложена въ то же время въ формѣ, не носящей никакихъ слѣдовъ партійности и могущей удовлетворить одновременно какъ представителей дорогъ Царства Польскаго, такъ и представителей партій, не включающихъ въ свои программы принциповъ государственнаго самоопредѣленія. Подобной формулой, по мнѣнію центральнаго бюро союза, могла бы служить слѣдующая: „Немедленный созывъ народныхъ представителей на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Означенные представители пользуются всей полнотой государственной власти и учреждаютъ новый государственный правопорядокъ". Въ означенной формулѣ показана возможность созыва народныхъ представителей (учредительнаго собранія) каждой національности въ отдѣльности и, слѣдовательно, самаго широкаго самоопредѣленія послѣднихъ. Центральное бюро проситъ мѣстные желѣзнодорожные комитеты прислать мотивированныя постановленія дорогъ по означенному вопросу не позднѣе 1-го сентября с. г. Желательно точное указаніе числа членовъ, баллотировавшихъ за и противъ".

Это заявленіе центральнаго бюро тотчасъ же дало тѣ прак-

[1]) Пропущено: „одной нейтральной".

тическіе результаты, что всѣ вышедшія изъ союза организаціи и отдѣльныя лица, за немногими исключеніями [1]), взяли свои заявленія о выходѣ изъ союза обратно, впредь до выясненія результатовъ сдѣланнаго центральнымъ бюро заявленія.

Что касается отношенія союзныхъ организацій къ этому заявленію, то дороги московскаго союзнаго района и районовъ, лежащихъ къ югу отъ него, высказались за формулу центральнаго бюро объ учредительномъ собраніи [2]). Дороги района Царства Польскаго въ послѣднихъ числахъ сентября прислали въ центральное бюро постановленіе, сущность котораго сводилась къ тому, что, въ случаѣ невозможности для всероссійскаго союза включить въ свою программу требованіе объ отдѣльныхъ учредительныхъ собраніяхъ для національностей, союзъ дорогъ Царства Польскаго устанавливаетъ федеративныя отношенія съ всероссійскимъ союзомъ [3]). Дороги района Полѣсья, ожидавшія рѣшенія дорогъ Царства Польскаго, не успѣли, ко времени октябрьской забастовки, высказаться ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ Петербургѣ отношеніе къ заявленію центральнаго бюро раздѣлилось: с.-р.-ское крыло примкнуло къ формулѣ центральнаго бюро; освобожденствующее стало въ рѣзкую оппозицію къ самому факту предпринятой центральнымъ бюро анкеты и, оставаясь вѣрнымъ своимъ директивнымъ тенденціямъ, находило, что обращеніе къ составляющимъ союзъ массамъ, разумѣется, должно вести къ принятію формулы центральнаго бюро, но это будетъ вульгаризаціей вопроса. Къ окончательному рѣшенію союзныя организаціи петербургскаго района ко времени октябрьской забастовки не пришли.

Отношеніе къ заявленію центральнаго бюро по поводу національной поправки опредѣлило впослѣдствіи и взаимоотношенія союзныхъ дорогъ во время октябрьской забастовки. Дороги районовъ московскаго и лежащихъ къ югу отъ него, т. е., тѣ, которыя приняли формулу центральнаго бюро, оказались во время октябрьской забастовки именно тѣми дорогами, которыя приступили къ осуществленію общей забастовки по данному центральнымъ бюро сигналу. Дороги же Царства Польскаго фактически стали на

---

[1]) Въ частности, за исключеніемъ партійцевъ соціалъ-демократовъ въ Москвѣ.

[2]) Въ этомъ духѣ постановленія были сдѣланы всѣми дорогами сказанныхъ районовъ, исключая Рязано-Уральской, гдѣ, хотя постановленіе и не было сдѣлано ко времени октябрьской забастовки, но, по сообщенію центральнаго комитета дороги, отношеніе опредѣлилось въ пользу формулы центральнаго бюро.

[3]) Рѣшеніе это вносило существенное улучшеніе въ вопросъ о національной поправкѣ, такъ какъ раньше, какъ я говорилъ, непринятіе п.-п.-с.-овскаго толкованія ея приводило къ невозможности даже информаціоннымъ путемъ координировать дѣйствія всероссійскаго союза и союза дорогъ Царства Польскаго.

федеративную точку зрѣнія и приступили къ забастовкѣ не по сигналу центральнаго бюро, какъ это должно было вытекать изъ постановленія второго съѣзда, а лишь по учетѣ общей политической ситуаціи, созданной забастовкой, которая была приведена уже въ исполненіе союзными дорогами центральной Россіи. Въ Петербургѣ произошло раздвоеніе: с.-р.-ское крыло считало необходимымъ подчиниться сигналу центральнаго бюро; освобожденствующее отнеслось къ этому сигналу выжидательно. Дороги района Полѣсья сохранили ту же позицію по отношенію дорогъ Царства Польскаго, на которую они стали на второмъ съѣздѣ, какъ участницы виленскаго съѣзда, и въ своей забастовкѣ шли за дорогами Царства Польскаго.

Такимъ образомъ, жизнь разрубила тотъ гордіевъ узелъ, который былъ завязанъ рѣшеніемъ второго съѣзда по національному вопросу. Дороги, пошедшія за сигналомъ центральнаго бюро, пошли и за его формулой учредительнаго собранія и не вводили въ свои забастовочные лозунги требованія государственнаго самоопредѣленія національностей. Дороги Царства Польскаго, настаивавшія на этомъ лозунгѣ, заняли федеративную позицію. Петербургъ, оказавшійся между двухъ стульевъ, выставилъ не спеціально-союзную программу требованій, а требованія такъ называемаго „пенсіоннаго" желѣзнодорожнаго съѣзда [1]), въ которыхъ говорилось лишь объ общероссійскомъ Учредительномъ Собраніи, а національный вопросъ былъ формулированъ слѣдующимъ пунктомъ: „Устраненіе всѣхъ національныхъ ограниченій и признанія за каждой націей права на самоопредѣленіе", т. е. пунктомъ, который былъ бы принятъ вторымъ съѣздомъ безъ всякихъ преній, если бы только о немъ именно шла рѣчь [2]).

---

[1]) Засѣдавшаго въ это время въ Петербургѣ.

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить, что, по принятіи „пенсіоннымъ" съѣздомъ редакціи требованій, отъ лица делегатовъ дорогъ Царства Польскаго и отъ лица всѣхъ присутствующихъ на съѣздѣ поляковъ было прочитано заявленіе, формулирующее положеніе польскаго вопроса, разрѣшеніе котораго усматривалось въ томъ, что, „при введеніи правильнаго народнаго представительства въ Россіи на демократическихъ началахъ, Царство Польское, оставаясь на почвѣ государственнаго единства, получаетъ законодательно-административную автономію съ сеймомъ въ Варшавѣ, избраннымъ при посредствѣ тайнаго, общаго, равнаго голосованія, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и происхожденія". По поводу этого заявленія съѣздъ принялъ резолюцію, что онъ „раздѣляетъ взгляды, выраженные въ заслушанномъ заявленіи делегатовъ-поляковъ, такъ какъ они не противорѣчатъ интересамъ всего пролетаріата, и считаетъ его вполнѣ естественнымъ, въ виду справедливыхъ требованій на право культурнаго и національнаго самоопредѣленія всѣхъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, выражая сожалѣніе, что среди делегатовъ нѣтъ организованныхъ группъ представителей другихъ національностей, аналогичныя заявленія которыхъ были бы приняты такъ же сочувственно и поддержаны съ тою же энергіей.

VII.

Послѣ того, какъ, по опубликованіи центральнымъ бюро своего заявленія о національной поправкѣ, въ союзъ возвратились вышедшія изъ него организаціи и отдѣльныя лица, союзное statu quo, начавшее было разрушаться, возстановилось. Дальнѣйшаго же организаціоннаго расширенія, въ смыслѣ распространенія своей дѣятельности и связей на новыя дороги, союзъ, вплоть до октябрьской забастовки, не получилъ, уйдя цѣликомъ въ углубленіе того, что уже имѣлось, въ техническую подготовку общей забастовки и агитацію ея.

Атмосфера общаго напряженія была высока, и ежеминутно приходилось быть готовымъ начать забастовку. Между тѣмъ, союзъ вслѣдствіе всей исторіи съ національной поправкой, остался безъ основного лозунга, или, вѣрнѣе, очутился между старой (перваго съѣзда) и новой (второго съѣзда) формулировками пункта объ учредительномъ собраніи. А такъ какъ объявленіе забастовки могло произойти во всякій моментъ и до окончательнаго выясненія этого вопроса, то центральное бюро обратилось къ мѣстнымъ комитетамъ съ предложеніемъ, въ случаѣ объявленія въ ближайшемъ времени забастовки, лозунгъ учредительнаго собранія формулировать въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ данной организаціи по поводу принятой 2-мъ съѣздомъ національной поправки, а въ остальной общей части программы выставлять слѣдующія требованія:

1) Немедленная и безусловная отмѣна положенія объ усиленной охранѣ и всѣхъ прочихъ законовъ и административныхъ распоряженій, ограничивающихъ права русскихъ гражданъ, и передача полиціи въ руки органовъ самоуправленія.

2) Немедленное освобожденіе отъ наказанія и возвращеніе правъ всѣмъ пострадавшимъ за такъ называемыя политическія и религіозныя преступленія и полное прекращеніе всѣхъ текущихъ дѣлъ подобнаго рода.

3) Немедленное объявленіе законодательнымъ порядкомъ безусловной свободы совѣсти, слова, печати, открытія типографій, неприкосновенности личности и жилищъ, и свободы стачекъ, союзовъ, собраній и манифестацій для всѣхъ, безъ исключенія, русскихъ гражданъ.

4) Немедленное принятіе обратно на службу съ полнымъ возстановленіемъ служебныхъ правъ всѣхъ, пострадавшихъ за участіе въ забастовкахъ и отстаиваніе интересовъ товарищей.

5) Немедленный созывъ съѣзда представителей всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ числѣ не менѣе 15-ти человѣкъ отъ дороги, избранныхъ всѣми, безъ исключенія, желѣзнодорожными служащими и рабочими прямой и тайной подачей голосовъ, при условіи полной служебной неприкосновенности. Съѣздъ устанавливаетъ правила и уставы,

опредѣляющіе служебныя права служащихъ и рабочихъ, нормы рабочихъ часовъ, нормы различныхъ видовъ денежнаго вознагражденія (жалованья, премій и т. д.), нормы довольствія натурой (квартиры, обмундированіе и проч.), обезпеченіе па случай болѣзни, старости и т. д., и прочія условія, касающіяся матеріальнаго положенія и быта. Равнымъ образомъ, съѣздъ вырабатываетъ принципы, которые должны лечь въ основаніе самоуправляющихся организацій желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ центральнымъ бюро былъ выработанъ, согласно постановленію второго съѣзда, и опубликованъ слѣдующій устава союза:

I. *Цѣли союза*. Союзъ имѣетъ цѣлью кореннымъ образомъ улучшить матеріальное и служебно-правовое положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Для этого союзъ стремится къ установленію такого порядка, при которомъ выработка всѣхъ правительственныхъ законоположеній и распоряженій, касающихся желѣзнодорожнаго труда, находилась бы въ рукахъ самихъ служащихъ и рабочихъ. Такой порядокъ при нынѣшнемъ государственномъ строѣ Россіи невозможенъ, а потому союзъ выставляетъ требованія полной гражданской свободы и народнаго представительства, обезпечивающаго участіе всего народа въ управленіи страной.

II. *Составъ союза.* Членами союза могутъ быть всѣ лица, имѣющія отношеніе къ желѣзнодорожному дѣлу и удовлетворяющія общественно-моральнымъ требованіямъ, при условіи обязательнаго принятія всѣхъ положеній настоящаго устава. Въ члены союза могутъ быть принимаемы и другія лица, полезныя своею дѣятельностью. *Примѣчаніе.* Объединяя своихъ членовъ по принадлежности къ желѣзнодорожной профессіи, союзъ не принимаетъ цѣликомъ положеній одной какой-либо партіи и даетъ внутри себя свободу программнаго самоопредѣленія различныхъ группъ, при условіи принятія ими за минимумъ политической и профессіональной программы союза, принимаемой съѣздами союза. Въ своей общественно-политической дѣятельности союзъ считаетъ возможнымъ входить въ соглашенія для согласованія дѣйствій съ иными общественными организаціями (партіями, союзами и т. д.), при условіи, чтобы цѣли этихъ организацій не противорѣчили политической и профессіональной программѣ союза.

III. *Организація союза.* 1. Члены каждой дороги образуютъ рядъ групповыхъ организацій, сообразно мѣстнымъ условіямъ.

2. Представители групповыхъ организацій образуютъ комитетъ дороги. На большихъ станціяхъ, удаленныхъ отъ мѣстона-

---

[1]) Требованія эти представляли пополненную, согласно замѣчаніямъ 2-го съѣзда, програму, просмотрѣнную этимъ съѣздомъ, но формально не утвержденную имъ (какъ объ этомъ говорилось выше).

хожденія комитета дороги, могутъ быть образуемы отдѣленія комитета дороги, получающія названіе по станціи мѣстонахожденія. *Примѣчаніе.* Каждой группѣ комитетомъ дороги присваивается порядковый нумеръ, подъ которымъ группа и именуется [1]).

3. На большихъ станціяхъ, въ которыхъ сходятся двѣ или болѣе дорогъ, могутъ быть образуемы узловые комитеты изъ лицъ, уполномоченныхъ комитетами дорогъ, составляющихъ узелъ.

4. Собраніе уполномоченныхъ отъ комитетовъ дорогъ составляетъ съѣздъ союза.

5. Съѣздъ союза выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный органъ—центральное бюро союза.

IV. *Дѣятельность комитетовъ, съѣздовъ и центральнаго бюро.* 1. На комитетъ дороги возлагаются слѣдующія обязанности: а) объединять и согласовывать дѣятельность групповыхъ организацій и отдѣленій комитета и вести всѣ дѣла союза на данной дорогѣ; б) организовывать новыя группы; в) собирать матеріалы объ экономическомъ и правовомъ положеніи служащихъ и рабочихъ; г) доводить до всеобщаго свѣдѣнія, путемъ бюллетеней и корреспонденцій, наиболѣе характерные факты произвола желѣзнодорожной администраціи; д) организовывать библіотеки съ подборомъ книгъ, освѣщающихъ современное положеніе Россіи; е) распространять свѣдѣнія о союзѣ и его дѣятельности и содѣйствовать всему тому, что можетъ служить цѣлямъ самосознанія желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ; ж) устраивать собранія, митинги, массовки, лекціи и т. п.; з) изыскивать средства для развитія дѣятельности союза и поддерживать его членовъ, пострадавшихъ при столкновеніи съ администраціей по дѣламъ союза; и) объявлять время начала и окончанія забастовокъ и к) вести ежемѣсячную отчетность поступающихъ и расходуемыхъ суммъ.

2. На обязанности узлового комитета лежитъ объединеніе дѣятельности дорогъ, входящихъ въ узелъ. Узловые комитеты сосредоточиваютъ также въ своихъ рукахъ изданіе воззваній, бюллетеней и проч., а также подыскиваютъ мѣста уволеннымъ со службы по дѣламъ союза товарищамъ. Число членовъ въ этихъ комитетахъ опредѣляется по взаимному соглашенію входящихъ въ ихъ составъ дорогъ.

3. Созываемые центральнымъ бюро, по мѣрѣ надобности, съѣзды союза направляютъ всю дѣятельность союза, вносятъ измѣненія и дополненія въ его программу и рѣшаютъ вопросъ о необходимости и своевременности всеобщей забастовки. Каждая дорога на съѣздѣ, независимо отъ числа присутствующихъ уполномочен-

[1]) Это примѣчаніе было внесено по настоянію нѣкоторыхъ членовъ 2-го съѣзда, указывавшихъ на сравнительную легкость, въ случаѣ постанціоннаго именованія группъ, розыска союзныхъ организацій на небольшихъ станціяхъ, гдѣ каждый шагъ служащаго на виду.

ныхъ, располагаетъ только однимъ голосомъ. Рѣшенія всѣхъ вопросовъ постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ вопросовъ, касающихся измѣненія устава и программы союза и всеобщей забастовки, для рѣшенія которыхъ необходимо большинство не менѣе трехъ четвертей голосовъ всѣхъ участвующихъ въ союзѣ дорогъ.

4. Центральное бюро является исполнительнымъ органомъ союза, объединяющимъ дѣятельность комитетовъ дорогъ. На его обязанности лежитъ созывъ общихъ съѣздовъ, веденіе отчетности по дѣламъ всего союза, привлеченіе въ составъ союза не вошедшихъ еще въ его организацію дорогъ и выработка общаго плана дѣйствій передъ началомъ всеобщей забастовки. Бюро выбирается на съѣздѣ закрытой подачей голосовъ; ему предоставляется право пополнять, по мѣрѣ надобности, свой составъ путемъ приглашенія лицъ, полезныхъ для дѣятельности союза. Срокъ, на который избирается бюро, и число членовъ его устанавливаются каждый разъ съѣздомъ. Въ случаѣ невозможности созвать съѣздъ для рѣшенія поставленныхъ на очередь неотложныхъ вопросовъ, бюро имѣетъ право разрѣшить эти вопросы самостоятельно и выработанное на основаніи этого рѣшенія постановленіе разослать на заключеніе всѣмъ комитетамъ дорогъ. Если за разосланное постановленіе выскажется не менѣе трехъ четвертей комитетовъ дорогъ, оно становится постановленіемъ союза и, какъ таковое, подлежитъ обязательному исполненію.

V. *Денежныя средства союза.* Средства союза составляются: а) изъ обязательныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ въ размѣрѣ полпроцента мѣсячнаго жалованья (заработка) и б) изъ случайныхъ поступленій (пожертвованія, сборы съ концертовъ, лекцій и т. д.). Каждая групповая организація изъ всѣхъ поступающихъ въ нее въ теченіе мѣсяца суммъ отчисляетъ 50% въ комитетъ дороги. Комитетъ дороги изъ числа всѣхъ поступленій ежемѣсячно отчисляетъ 5 руб. въ центральное бюро союза на текущіе расходы (печатаніе и разсылка литературы, разъѣзды для установленія сношеній, организація забастовокъ и т. д.) и 50% въ забастовочный фондъ, который можно расходовать лишь на организацію забастовокъ и на помощь пострадавшимъ по забастовкамъ. Что касается отчисленій въ узловые комитеты, то размѣры опредѣляются по взаимному соглашенію входящихъ въ данный узелъ дорогъ. Всѣ организаціи союза, начиная отъ групповыхъ и кончая центральнымъ бюро, ведутъ строгую отчетность поступающимъ и расходуемымъ суммамъ, которую обязательно періодически публикуютъ. Въ концѣ года бюро союза, на основаніи свѣденій, получаемыхъ отъ комитетовъ дорогъ, составляетъ общій отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ во всѣхъ организаціяхъ союза.

Опубликованіемъ забастовочной программы и устава централь-

ное бюро ограничило свою органическую работу въ разсматриваемый періодъ, уйдя въ черновую работу по подготовкѣ общей забастовки и сосредоточивъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на московскомъ узлѣ. Здѣсь, какъ я уже говорилъ (въ I-ой главѣ), организація союзнаго узлового учрежденія представляла большія трудности въ силу организаціонныхъ принциповъ союза, ставившихъ практическія рѣшенія его въ зависимость отъ подорожныхъ комитетовъ и отнимавшихъ, поэтому, возможность быстрыхъ дѣйствій въ узлѣ. Принятый вторымъ съѣздомъ штабный принципъ проведенія забастовки, предоставлявшій право объявленія ея исключительно центральному бюро, мѣнялъ дѣло и далъ возможность центральному бюро организовать въ Москвѣ особый типъ узлового учрежденія, какъ бы московскій совѣтъ желѣзнодорожныхъ депутатовъ, составленный изъ числа лицъ, входившихъ въ составъ союза. Въ этотъ московскій узловой комитетъ (какъ называлось это учрежденіе) входили представители различныхъ союзныхъ организацій всевозможныхъ категорій труда всѣхъ дорогъ московскаго узла, безотносительно къ тому, принадлежали эти представители къ своимъ подорожнымъ комитетскимъ учрежденіямъ или нѣтъ. Критеріемъ для предоставленія отдѣльной союзной группѣ права имѣть своего представителя въ узловомъ комитетѣ служила степень ея реальнаго значенія для забастовки. При этомъ допускалась извѣстная текучесть состава узлового комитета: не всякая группа, по техническимъ условіямъ желѣзнодорожной службы, могла имѣть постояннаго представителя, и потому нѣкоторыми группами представители назначались особо на каждое собраніе комитета.

Узловой комитетъ далъ возможность центральному бюро стать въ курсъ текущаго настроенія всесторонних желѣзнодорожныхъ слоевъ московскаго узла и въ своемъ учетѣ текущей ситуаціи базироваться на немъ, какъ на выразителѣ этого настроенія, и на этой именно сторонѣ дѣла бюро и сосредоточило свое вниманіе послѣ того, какъ вторымъ съѣздомъ съ него была снята обязанность формальныхъ обоснованій своихъ забастовочныхъ рѣшеній. Правда, такой вопросъ, какъ объявленіе всероссійской желѣзнодорожной забастовки требовалъ учета общей политической ситуаціи страны; бюро же, какъ бы оно ни старалось объективизироваться въ этомъ отношеніи, фатальнымъ образомъ попадало, въ силу своего базированія на московскомъ узловомъ комитетѣ, въ такое положеніе, въ которомъ общая ситуація страны могла быть учтена имъ лишь черезъ призму мѣстнаго московскаго момента; но это искуплялось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ положеніе дѣлъ московскаго района являлось рѣшающимъ факторомъ [1]).

[1]) Въ концѣ концовъ, положеніе дѣлъ именно въ Москвѣ и вынудило въ октябрѣ центральное бюро объявить общую забастовку, причемъ въ

Быть на чеку общаго настроенія центральному бюро пришлось все время, со второго съѣзда и вплоть до октябрьской забастовки. Революціонная атмосфера все повышалась, и центральному бюро не разъ, за этотъ періодъ, приходилось готовиться къ мобилизаціи союзныхъ силъ, ожидая, что то или иное революціонное проявленіе создастъ условія, требующія перехода къ общей забастовкѣ. Нужно имѣть въ виду, что именно въ это время произошло опубликованіе булыгинской думы, съ особенной силой толкнувшее впередъ революціонное настроеніе. Лозунгъ—общая забастовка—становился все болѣе и болѣе популярнымъ, и бюро не безъ труда сдерживало попытки болѣе революціонно-настроенныхъ союзныхъ организацій самочинно дать выходъ своему настроенію и приступить къ забастовкѣ [1]).

Вотъ тѣ условія, въ которыхъ центральное бюро подходило постепенно къ рѣшенію октябрьской забастовки. Обстоятельства, вызвавшія это послѣднее и дальнѣйшія событія желѣзнодорожной жизни, будутъ очерчены въ слѣдующемъ очеркѣ. Для полноты же характеристики разсматриваемаго періода—періода подгототовки къ массовымъ политическимъ выступленіямъ—остается разсмотрѣть тотъ общій фонъ, создавшійся въ сферѣ желѣзнодорожнаго труда послѣ хилковскаго циркуляра 29-го марта, фонъ, на которомъ развивался процессъ этой подготовки. Этому разсмотрѣнію посвящена слѣдующая глава, а здѣсь я скажу еще нѣсколько словъ о теченіи отношеній центральнаго бюро къ „союзу союзовъ".

Отношенія эти, послѣ 2-го съѣзда желѣзнодорожнаго союза, продолжали поддерживаться, но вступили въ чисто-академическую стадію. Періодъ времени, поглотившій исключительное вниманіе желѣзнодорожнаго союза подготовкой ко второму съѣзду и тѣми экстренными вопросами, которые были вызваны послѣднимъ, совпалъ съ періодомъ общаго широкаго интереса къ булыгинской думѣ. По опубликованіи ея 6-го августа, вопросъ объ отношеніи

своемъ рѣшеніи бюро опиралось не только на узловой комитетъ, а на смѣшанный составъ представительства, какъ союзныхъ, такъ и не-союзныхъ желѣзнодорожныхъ организацій. Главная причина жизненности октябрьской забастовки и крылась въ томъ, что рѣшеніе ея не было результатомъ теоретическихъ соображеній, а было вытолкнуто процессомъ жизни.

[1]) Наиболѣе серьезнымъ эпизодомъ этого періода, грозившимъ преждевременнымъ прорывомъ забастовки, было рѣшеніе различныхъ организацій Саратовской губерніи начать 1-го сентября губернскую общую забастовку, въ которой приходилось бы участвовать и желѣзнодорожной союзной организаціи Рязано-Уральской дороги. Въ виду этого, бюро сдѣлало необходимыя подготовленія къ быстрой поддержкѣ, если потребуется, саратовской забастовки переходомъ къ общей и отправило въ Саратовъ своего уполномоченнаго для освѣдомленія Москвы о ходѣ дѣлъ. Саратовская забастовка не состоялась, такъ какъ организаціи, рѣшившія ее въ послѣднюю минуту отмѣнили свое рѣшеніе.

къ ней сталъ уже конкретнымъ, и московскія союзовскія собранія главный свой интересъ сосредоточили именно на немъ [1]). Вопросъ же объ общей забастовкѣ, доминировавшій на союзовскихъ собраніяхъ въ первую половину лѣта, отошелъ на второй планъ. Пути желѣзнодорожнаго и остальныхъ всероссійскихъ союзовъ, входившихъ въ общеніе, разошлись. Для этихъ послѣднихъ, по самому ихъ характеру, вопросъ объ отношеніи къ булыгинской думѣ являлся вопросомъ первостепенной важности [2]); для желѣзнодорожнаго же союза этотъ вопросъ имѣлъ лишь теоретическій интересъ, такъ какъ желѣзнодорожный пролетаріатъ, въ массѣ, все равно былъ лишенъ избирательныхъ правъ [3]). Напротивъ, вопросъ объ общей забастовкѣ для желѣзнодорожнаго союза вошелъ въ фазу конкретныхъ дѣйствій; остальные же всероссійскіе союзы, лишь къ сентябрю (если даже не въ сентябрѣ) сдѣлали первые шаги перейти отъ теоретической постановки къ конкретному выясненію вопроса, предпринявъ посоюзную анкету, съ цѣлью опредѣлить отношеніе своихъ членовъ къ общей забастовкѣ [4]).

И такъ какъ центральному бюро приходилось въ этотъ періодъ все время быть въ ежеминутной готовности объявить забастовку, что всецѣло поглощало его вниманіе, то и отношеніе его къ союзному общенію стало дѣлаться все болѣе и болѣе формальнымъ, а ко второй половинѣ сентября и совсѣмъ прекратилось фактически [5]).

---

1) Въ особенности для всероссійскаго крестьянскаго союза.

2) Составъ московскихъ союзовскихъ собраній рѣзче обозначился къ этому времени въ лѣвую сторону, и центръ тяжести дискуссій сосредоточивался не столько на вопросѣ—бойкотировать или нѣтъ булыгинскую думу, сколько на тѣхъ позиціяхъ, которыя были заняты фракціями большинства и меньшинства соціалъ-демократовъ.

3) Между прочимъ, по поводу булыгинской думы центральное бюро желѣзнодорожнаго союза выпустило прокламацію, разъяснявшую сущность этой думы, указывавшую на то, что, въ частности, желѣзнодорожный пролетаріатъ является обойденнымъ избирательными правами даже въ этой, законосовѣщательной, думѣ и приглашавшую желѣзнодорожниковъ бороться за четырехчленное Учредительное Собраніе при помощи общероссійской забастовки.

4) Анкета эта, въ концѣ концовъ, пережила отчасти даже октябрьскую забастовку: въ тѣ дни, когда въ центральной части Россіи забастовка уже развертывалась, въ Петербургѣ продолжалась еще раздача и собираніе анкетныхъ листковъ.

5) Послѣднимъ собраніемъ, въ которомъ участвовало центральное бюро желѣзнодорожнаго союза, было, если не ошибаюсь, соединенное собраніе московскихъ представителей всероссійскихъ союзовъ и петербургскаго организаціоннаго бюро союза союзовъ. На этомъ собраніи рѣшено было созвать на 21—23 октября четвертый (по существу, учредительный) съѣздъ „союза союзовъ“, со слѣдующимъ порядкомъ дѣлъ: 1) Тактика союзовъ по отношенію къ выборной агитаціи; 2) окончательное конституированіе союза союзовъ и связанные съ этимъ организаціонные вопросы; 3) предложеніе союза медицинскаго персонала относительно при-

VIII.

Оглянемся теперь на тѣ общія условія, въ которыхъ протекала желѣзнодорожная жизнь со времени хилковскаго циркуляра 29-го марта, положившаго грань между февральско-мартовскимъ періодомъ желѣзнодорожной весны и послѣдовавшей за нимъ эрой начальственнаго наступленія на занятыя желѣзнодорожниками во время февральскихъ забастовокъ позиціи.

Циркуляръ этотъ означалъ прежде всего начало гоненія не только на среду линейныхъ и управленскихъ служащихъ, которые являлись главными дѣйствующими элементами въ февральскій забастовочный періодъ, но и на среду рабочихъ мастерскихъ. Прежнюю свою тактику подкупанія мастерскихъ спеціально приспособленными для нихъ льготами и уступками, проводившуюся тогда, когда опасность крамолы усматривалась только въ мастерскихъ, а линейная и управленская среда считалась неспособной къ какому-либо активному реагированію, — эту тактику желѣзнодорожная бюрократія оставила. Объектомъ начавшагося наступленія сверху сдѣлались въ одинаковой степени всѣ отдѣлы желѣзнодорожнаго труда. Пока считалось возможнымъ планомѣрно проводить принципъ divide et impera и при помощи подкупанія однихъ обезсиливать другихъ, имѣли смыслъ и всѣ тѣ уступки и обѣщанія, которыя сдѣланы были въ видѣ телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ и прочихъ подобныхъ мѣрахъ; но, разъ движеніе распространилось уже на всю желѣзнодорожную массу, всѣ эти мѣры и обѣщанія становились ненужными, и подъ прессъ „сокращенія зазнавшихся“ подведены были уже всѣ, безъ прежняго различія на опасныхъ и неопасныхъ.

Этимъ нивеллированіемъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ категорій подъ прессомъ „сокращенія“ желѣзнодорожная бюрократія взяла на себя наиболѣе трудную часть происходившей въ это время

мѣненія смертной казни; 4) о политической забастовкѣ; 5) объ отношеніи къ конституціонно-демократической партіи; 6) о помощи голодающимъ. Въ извѣщеніи о съѣздѣ этотъ порядокъ былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: 1) чтеніе и утвержденіе протоколовъ предыдущаго съѣзда 1-го—3-го іюля; 2) сообщенія о принятыхъ союзами рѣшеніяхъ по поводу закона 6-го августа; 3) установленіе способовъ осуществленія рѣшеній, принятыхъ союзами, и отношеніе какъ къ предстоящимъ выборамъ въ государственную думу, такъ и къ самой думѣ по открытіи ея дѣйствій; 4) установленіе организаціи союза союзовъ; 5) предложеніе нѣкоторыхъ союзовъ по поводу примѣненія судами смертной казни; 6) вопросъ объ организаціи помощи голодающимъ; 7) вопросъ о политической забастовкѣ (характерно, что вопросъ о конституированіи союза союзовъ былъ поставленъ въ зависимость отъ исхода вопроса объ отношеніи къ булыгинской думѣ). Съѣздъ 21—23 октября не состоялся, вслѣдствіе октябрьской забастовки, и перенесенъ былъ впослѣдствіи на 10—12 декабря, когда его, въ свою очередь, захлестнули декабрьскія событія.

во всѣхъ уголкахъ желѣзнодорожнаго міра организаціонной работы: цементированія въ одно цѣлое разрозненныхъ въ теченіе долгихъ лѣтъ и часто враждебно, или, по меньшей мѣрѣ, недовѣрчиво, настроенныхъ другъ къ другу составныхъ частей желѣзнодорожныхъ массъ.

Февральско-мартовскій періодъ положилъ начало уничтоженію тѣхъ перегородокъ, которыя отдѣляли различныя группы линейныхъ служащихъ другъ отъ друга и отъ управленія. Но грань между управленской и линейной средой, съ одной стороны, и мастерскими—съ другой оставалась еще. Размахъ январьскаго движенія мастерскихъ различныхъ дорогъ разбился о телеграмму о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда линейное и управленское движеніе только начало развертываться, и оба эти движенія оказались, такимъ образомъ, изолированными другъ отъ друга. Болѣе того, взаимная отчужденность этихъ двухъ лагерей стала даже углубляться. Ослабленіе движенія мастерскихъ именно въ тотъ моментъ, когда линейные и управленскіе слои начинали только впервые массовую борьбу, инстинктивно стараясь опереться именно на мастерскія,—какъ бы подчеркнуло взаимную отчужденность, какъ бы оттолкнуло отъ мастерскихъ эти слои, которымъ казалось, что мастерскія покидаютъ ихъ, получивъ уступки для себя. Съ другой стороны, и мастерскія попали скоро въ такое положеніе, которое какъ бы отталкивало ихъ отъ линейной и управленской среды. Желѣзнодорожная администрація, убѣдившись, что заигрываніе съ мастерскими не останавливаетъ линейнаго и управленскаго движенія, занялась успокоеніемъ этого послѣдняго, оставивъ думать о приведеніи въ исполненіе обѣщаній телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Правда, часть этихъ обѣщаній была осуществлена, но лишь въ мастерскихъ болѣе революціонно настроенныхъ, и то въ урѣзанномъ видѣ; большей же части мастерскихъ телеграмма о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ не дала почти никакихъ практическихъ результатовъ, и мастерскія эти, видя вмѣстѣ съ тѣмъ заигрываніе начальства съ линейными и управленскими слоями, стали чувствовать себя какъ бы обойденными за счетъ послѣднихъ. Мѣстами это вызывало протестъ: въ концѣ февраля и въ мартѣ вновь стало эпизодически вспыхивать въ мастерскихъ частичное движеніе на почвѣ обѣщаній телеграммы о 9-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ иныхъ мѣстахъ выдвигалось лишь требованіе немедленнаго осуществленія этихъ обѣщаній; въ другихъ—предъявлялись и дополнительныя требованія (признанія объявленныхъ обѣщаній не временными, а постоянными мѣрами, независимость отъ администраціи дороги выборныхъ отъ рабочихъ, 8-мичасовой день и т. д.). Желѣзнодорожное начальство въ такихъ случаяхъ немедленно распространяло на мастерскія ту свою предупредительность, которая практиковалась имъ

въ это время по отношенію къ линейной и управленской средѣ, и вспышка мастерскихъ утихала.

Съ момента появленія хилковскаго циркуляра 29-го марта начальственная предупредительность испарилась. „Полнота власти" вступила въ силу, хотя приводилась въ дѣйствіе не вездѣ съ одинаковой интенсивностью. Тамъ, гдѣ февральско-мартовское движеніе достигло большого напряженія и гдѣ организаціонный процессъ въ средѣ служащихъ успѣлъ достаточно развиться, „полнота власти" вводилась въ силу постепенно, выборныя учрежденія, комиссіи и проч. уничтожались не сразу, оставлялись на нѣкоторое время, подвергаясь постепенному суженію своихъ функцій, вплоть до полнаго прекращенія [1]). Но такихъ пунктовъ было немного; въ громадномъ большинствѣ случаевъ предупредительность была оставлена немедленно послѣ опубликованія циркуляра 29-го марта; выборныя учрежденія немедленно были упразднены [2]), и приведеніе въ исполненіе всѣхъ реформъ, обѣщанія которыхъ были вырваны февральскими забастовками, было отложено въ долгій ящикъ. Желѣзнодорожникамъ было предложено прежде всего войти въ норму „порядка и законности", а затѣмъ уже ждать милостей начальства.

Временами можно было наблюдать особенную хлопотливость мѣстной желѣзнодорожной администраціи, которая неожиданно разражалась оповѣщаніями о томъ, что намѣченныя мѣры къ улучшенію труда и быта служащихъ разрабатываются и въ скоромъ времени будутъ приведены въ исполненіе. Въ начальственной средѣ начинало происходить какое-то движеніе, засѣдали комиссіи, составлявшія груды заключеній по различнымъ вопросамъ, давнымъ-давно затронутымъ февральско-мартовскими петиціями и забастовочными требованіями и уже разрѣшеннымъ какъ будто своевременными обѣщаніями администраціи. Дѣлалось извѣстно, что высшее начальство дороги идетъ съ этими „заключеніями" „въ Петербургъ" „ходатайствовать" о скорѣйшемъ осуществленіи „мѣропріятій по улучшенію труда и быта служащихъ". Начальство дѣйствительно ѣхало, затѣмъ возвращалось, и снова все затихало до слѣдующаго подобнаго же проявленія хлопотливости.

Это—параллельно съ процессомъ урѣзыванія служащихъ не только въ томъ, что они получили въ февральско-мартовскій періодъ, но даже и въ томъ, что имѣлось и раньше; параллельно съ этимъ процессомъ происходилъ процессъ канцелярскаго реформаторства министерства путей сообщенія.

Верхи желѣзнодорожной бюрократіи, издавая, подъ давленіемъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ администраторовъ, циркуляръ 29-го

---

[1]) Исключая институтъ выборныхъ отъ рабочихъ мастерскихъ, введенный телеграммой о 9-тичасовомъ днѣ.

[2]) Иногда при этомъ мѣстная желѣзнодорожная администрація медлила съ самимъ опубликованіемъ циркуляра 29-го марта.

марта, руководились принципомъ—одной рукой карать, а другой миловать. Удаленные въ своихъ канцеляріяхъ отъ жизни, они продолжали пребывать въ состояніи блаженнаго простодушія, считая желѣзнодорожное движеніе результатомъ дѣятельности единичныхъ зловредныхъ крамольниковъ, предполагая, что, въ сущности, ничто не измѣнилось въ прежнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ, когда милостивый господинъ, покаравъ ослушника, могъ послѣ этого и обласкать его. Февральскіе бунтовщики были достаточно наказаны; все, что они мнили добытымъ принудительно у желѣзнодорожной администраціи, было отобрано. Пора было и миловать; показать, что не отъ дерзости подчиненныхъ зависитъ ихъ благополучіе, а отъ милости начальства. И министерство стало надрываться отъ непосильныхъ трудовъ: былъ открытъ цѣлый рядъ совѣщаній „по вопросамъ, касающимся улучшенія положенія служащихъ и рабочихъ".

Содержаніе этихъ совѣщаній окружено было тайной [1]), и потому о нихъ приходится говорить лишь по случайнымъ, крайне скуднымъ, свѣдѣніямъ. Въ этомъ министерскомъ реформаторствѣ можно было уловить три основныхъ тенденціи. Въ первую голову шелъ вопросъ о проведеніи въ законодательномъ порядкѣ новаго „Общаго положенія о желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ". Проектъ такого новаго положенія былъ выработанъ въ министерствѣ скоро. Въ основу положенъ принципъ сугубаго признанія за желѣзными дорогами особаго государственнаго значенія и необходимости усиленнаго охраненія непрерывности, срочности и безопасности движенія, а, въ силу этого, и необходимости усиленной отвѣтственности за проступки, направленные къ нарушенію правильности движенія по дорогамъ. Для разбора различныхъ случаевъ проступковъ служащихъ были предусмотрѣны особыя дисциплинарныя комиссіи со слѣдственными и совѣщательными, при начальникѣ дороги, функціями, причемъ предполагалось предоставить мѣстной администраціи право приглашать въ эти комиссіи, въ случаѣ надобности, свѣдущихъ лицъ изъ числа служащихъ, не допуская, однако, выборовъ такихъ лицъ самими служащими [2]).

---

[1]) Какъ вообще окружалось тайной и все, касавшееся внутренняго міра желѣзнодорожной жизни. На этотъ счетъ изданъ былъ министерствомъ даже спеціальный циркуляръ, строжайше воспрещавшій служащимъ сообщать кому бы то ни было какія-либо свѣдѣнія о желѣзнодорожныхъ дѣлахъ.

[2]) Министерство вообще охотно выдвигало принципъ „свѣдущихъ людей" въ тѣхъ случаяхъ, когда у служащихъ наблюдалась потребность провести выборное начало. Желѣзнодорожная бюрократія не находила возможнымъ совершенно не считаться съ этой потребностью и дѣлала попытки частью отвести ее своими „свѣдущими людьми", частью, въ вопросахъ необязательнаго значенія, направить ее въ рамки совѣщательнаго представительства (какъ это было съ созывомъ „Особаго совѣща-

„Проведеніемъ въ законодательномъ порядкѣ“ своего проекта новаго „Общаго положенія“ министерство путей сообщенія занимается и до сихъ поръ; но такая долгота законодательнаго пути не помѣшала ему, разумѣется, тотчасъ же провести въ жизнь тѣ принципы этого проекта, которые касались усиленной отвѣтственности служащихъ. Посыпались подтвержденія о неукоснительномъ примѣненіи различныхъ, установленныхъ еще въ прежнѣе время антикрамольныхъ правилъ [1]); принятъ былъ рядъ дополнительныхъ мѣръ „временнаго“ характера [2]).

Итакъ, карающая рука дѣйствовала. Это была одна тенденція министерскаго реформаторства. Другая тенденція клонилась къ тому, чтобы закрѣпить и провести въ жизнь такія мѣры, которыя долженствовали либо санкціонировать самыя элементарныя уступки, сдѣланныя мѣстной желѣзнодорожной администраціей въ февральско-мартовскій періодъ и не могшія быть отобранными безъ риска вызвать слишкомъ большое негодованіе, либо устранить наиболѣе абсурдныя несообразности въ положеніи служащихъ. Такъ, признано было желательнымъ (!) для служащихъ по письменнымъ, чертежнымъ и телеграфнымъ занятіямъ, въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса, Кіевъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Рига, установить наименьшій окладъ 35 рублей въ мѣсяцъ, но лишь для штатныхъ и прослужившихъ не менѣе 2-хъ лѣтъ [3]). Наименьшій окладъ лицъ, занимающихся физическимъ трудомъ, въ мѣстахъ располо-

---

нія“ по пересмотру уставовъ пенсіонныхъ кассъ, о чемъ мнѣ придется подробно говорить въ слѣдующемъ очеркѣ), отражая этимъ, какъ въ каплѣ воды, правительственныя потуги той эпохи,—отвести русскую революцію въ русло измышлявшейся ими тогда законосовѣщательной государственной думы.

[1]) Для иллюстраціи укажу на сдѣланное 20-го мая подтвержденіе той статьи „Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“, которою на всѣхъ служащихъ возлагается обязанность: 1) оказывать чинамъ жандармскихъ полицейскихъ управленій содѣйствіе по исполненію лежащихъ на сихъ чинахъ обязанностей; 2) немедленно сообщать означеннымъ чинамъ о всѣхъ замѣченныхъ происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступленія или проступка; и 3) доставлять по требованію жандармской полиціи свѣдѣнія, необходимыя для исполненія возложенныхъ на нее обязанностей.

[2]) Любопытно было, въ числѣ этихъ мѣръ, соглашеніе министерства путей сообщенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по которому нѣкоторымъ губернаторамъ было предписано предоставлять помѣщенія для заключенія служащихъ подъ арестъ по распоряженію мѣстной желѣзнодорожной администраціи, которой на это предоставлено было право пресловутымъ „военнымъ положеніемъ“.

[3]) Этимъ наименьшимъ окладамъ, которые, какъ мнѣ пришлось уже говорить, были однимъ изъ немногихъ реальныхъ пріобрѣтеній февральскаго періода, впослѣдствіи, въ періодъ октябрьской забастовки, опять пришлось фигурировать въ качествѣ „желательныхъ“ къ введенію и опять, чуть ли не въ третій или четвертый разъ, подвергнуться санкціонированію, какъ въ сказкѣ про бѣлаго бычка.

женія мастерскихъ признано было необходимымъ довести до размѣра, соотвѣтствующаго поденному заработку чернорабочаго въ мѣстныхъ мастерскихъ и депо [1]). Право на квартиру натурой предположено было распространить на всѣхъ дорогахъ на такія категоріи служащихъ, какъ стрѣлочники, младшіе составители, сцѣпщики, телеграфисты. Вопросъ о положеніи нештатныхъ служащихъ намѣчено было урегулировать слѣдующимъ образомъ: выдѣлять служащихъ, нанимаемыхъ для сдѣльной работы на срокъ, предупреждая объ этомъ срокѣ при наймѣ; прочіе служащіе, принимаемые въ качествѣ сверхштатныхъ, по прослуженіи двухъ лѣтъ, пользуются всѣми правами штатныхъ, хотя бы и не были зачислены въ штатъ. Лицамъ, прослужившимъ на данной дорогѣ не менѣе [2]). 2-хъ лѣтъ, предположено было предоставить право на полученіе ежегоднаго 2-хнедѣльнаго отпуска съ сохраненіемъ содержанія.

Третья тенденція министерскаго реформаторства направлена была къ тому, чтобы обезпечить закрѣпощеніе на дорогахъ контингента „довольныхъ" элементовъ, и милующая рука направлена была въ сторону обжившихся уже на дорогахъ семейныхъ старослужащихъ, которымъ предположено было предоставлять возможность полученія въ долгосрочную аренду земли въ предѣлахъ желѣзнодорожнаго отчужденія для постройки домовъ, съ передачей этой земли въ собственность по истеченіи извѣстнаго срока; устраивать въ опредѣленныхъ пунктахъ интернаты для дѣтей служащихъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ линіи, и т. д.

Вторая и третья категорія мѣръ „разрабатывались" обычнымъ бюрократическимъ способомъ, и потому „разработка" ихъ шла вплоть до октябрьской забастовки безъ конкретныхъ результатовъ [3]). Обычно всякая мѣра намѣчалась въ министерствѣ принципіально, а затѣмъ отправлялась на мѣста администраціи отдѣльныхъ дорогъ для „детальной разработки". Вотъ эта отправка для „детальной разработки" и вызывала временами хлопотливость мѣстнаго желѣзнодорожнаго начальства, пользовавшагося такими случаями для того, чтобы нашумѣть служащимъ о великихъ преобразованіяхъ, подготовляемыхъ министерствомъ на пользу своихъ чадъ.

---

[1]) Характерно признаніе необходимости такого урегулированія заработка *лишь* въ пунктахъ нахожденія мастерскихъ; характерно проявлено и признаніе необычайной убогости заработка линейныхъ служащихъ физическаго труда, который надо еще доводить до заработка чернорабочаго мастерскихъ, несмотря на то, что трудъ линейнаго служащаго является трудомъ классифицированнымъ по сравненію съ трудомъ чернорабочаго мастерскихъ.

[2]) Характерна казуистика этого „не менѣе".

[3]) Даже такія, несложныя и не требующія никакихъ затратъ, вещи, какъ урегулированіе вопроса о безплатныхъ билетахъ, не были врѣшены окончательно.

А впредь до появленія этихъ преобразованій всемѣрное „сокращеніе" служащихъ велось на мѣстахъ неуклонно. Главное вниманіе было обращено на искорененіе прочно залегшей въ желѣзнодорожныхъ массахъ тенденціи ввести въ той или иной формѣ во всѣ стороны служебной жизни принципъ выборности и этимъ путемъ, если не формально регулировать, то оказывать моральное воздѣйствіе на служебныя отношенія. Во всемъ, въ чемъ только можно было, желѣзнодорожная администрація старалась подвергнуть это проявленіе пробудившагося массоваго самосознанія издѣвательству, какъ можно грубѣе оскорбить его. Въ февральско-мартовскій періодъ почти вездѣ установился, если не санкціонированный формально, то молчаливо признанный мѣстной желѣзнодорожной администраціей обиходъ—считаться съ мнѣніемъ служащихъ въ дѣлѣ перемѣщенія на низшія должности, увольненія отъ службы и т. д. А теперь сюда именно и направлены были удары администраціи. Проявленія административнаго произвола въ это время были не только произволомъ,—они намѣренно подбирались такъ, чтобы подчеркнуть возвратившуюся администраціи возможность поступать по своему исключительному усмотрѣнію. Стоило служащимъ проявить желаніе увидѣть какую-нибудь мелкую мѣру въ области служебнаго распорядка,—начальство дѣйствовало наперекоръ. Стоило служащимъ проявить неудовольствіе по поводу незаслуженной придирчивости по отношенію къ кому-либо изъ сослуживцевъ,—начальство обрушивало на него форменное безпричинное гоненіе. Стоило служащимъ сдѣлать напоминаніе начальству о какихъ-либо его обѣщаніяхъ,—на поднявшихъ голосъ обрушивался рядъ каръ, въ видѣ перемѣщеній на худшую должность и т. д. Тамъ, гдѣ оставался неотмѣненнымъ формально отъ февральско-мартовскаго періода порядокъ согласовыванія съ выборными комиссіями различныхъ служебныхъ вопросовъ, порядокъ этотъ особенно демонстративно нарушался администраціей. Параллельно съ этимъ производилось постепенное устраненіе со службы людей, на которыхъ падало довѣріе сослуживцевъ. Устраненіе этихъ лицъ вначалѣ производилось съ осторожностью, подстраивалась комедія требованія ихъ удаленія желѣзнодорожной жандармской полиціей или же они увольнялись подъ видомъ сокращенія штатовъ, а затѣмъ и эти декораціи были отброшены, и намѣченный либо „выживался" самыми безцеремонными пріемами, либо увольнялся безъ объясненія причинъ [1]).

Особенно болѣзненное дѣйствіе оказывалъ этотъ разгулъ начальственной мстительности на мастерскія. Здѣсь проявленія этой мстительности не разсѣивались и не раздроблялись по ме-

---

[1]) Во всемъ этомъ проведеніи „полноты власти" казенныя и частныя дороги шли рука объ руку, конкуррируя въ своемъ рвеніи.

лочамъ такъ, какъ въ линейной и управленской службѣ, а, напротивъ, концентрировались. Кромѣ того, право имѣть выборныхъ „для заявленія нуждъ“ давало въ руки рабочихъ мастерскихъ возможность облекать въ лойяльную форму свои домоганія. И вотъ, то самое начальство, которое до циркуляра 29-го марта не переставало разсыпаться въ самыхъ предупредительныхъ обѣщаніяхъ, послѣ этого циркуляра, рѣзко до циничности, перемѣнило тонъ [1]). Эта перемѣна оказывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на мастерскія крайне провоцирующее дѣйствіе и приводила къ частичнымъ забастовочнымъ вспышкамъ, имѣвшимъ обычно, въ этотъ періодъ, крайне печальные результаты для рабочихъ, вызывая крутую расправу и кончаясь зачастую ухудшеніемъ ранѣе существовавшихъ условій и потерей части своихъ товарищей уволенными, а иногда и забранными въ солдаты и отосланными въ дѣйствующую армію на Дальный Востокъ [2]).

Подъ вліяніемъ всего этого прежняя отчужденность мастерскихъ отъ линіи и управленія стала быстро сглаживаться; и тотъ, и другой лагерь увидѣли себя совершенно уравненными подъ прессомъ „сокращенія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стали все глубже проникаться сознаніемъ цѣлесообразности лишь согласованныхъ и центрированыхъ наступленій одновременно всѣхъ категорій желѣзнодорожнаго труда,—и притомъ не частичныхъ, а охватывающихъ цѣлыя дороги.

Къ срединѣ лѣта общій характеръ отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ забастовокъ, которыя не переставали вспыхивать въ раз-

---

[1]) Характернымъ примѣромъ могутъ служить мытарства рыбинскихъ мастерскихъ Московско-Виндаво-Рыбинской дороги, гдѣ, въ началѣ февраля (какъ объ этомъ я разсказывалъ въ первомъ очеркѣ), переусердіе жандармскаго офицера, предложившаго рабочимъ (въ видахъ предупрежденія могущаго возникнуть броженія) „изложить свои нужды“, привело къ забастовкѣ. Эта послѣдняя кончилась пріѣздомъ управляющаго дорогой, проявившаго необычайную охотность къ удовлетворенію требованій рабочихъ и вызвавшаго даже этимъ съ ихъ стороны овацію. Въ серединѣ мая, когда тотъ же управляющій дорогой былъ въ Рыбинскѣ, выборные отъ мастерскихъ явились къ нему съ запросомъ о срокѣ приведенія въ исполненіе сдѣланныхъ въ февралѣ обѣщаній. Вмѣсто отвѣта получился рѣзкій и грубый окликъ и заявленіе, что не ихъ дѣло указывать начальству: начальство само знаетъ, что и когда надо сдѣлать.

[2]) Иногда приходилось наблюдать почти сознательную провокацію со стороны начальства, какъ это было въ минскихъ мастерскихъ Московско-Брестской дороги въ первыхъ числахъ мая, гдѣ къ проѣзжавшему начальнику дороги явились выборные отъ мастерскихъ съ заявленіямъ по поводу не приведенныхъ въ исполненіе обѣщаній телеграммы о 9-ти часовомъ днѣ. Начальникъ дороги обѣщалъ переговорить съ выборными на обратномъ своемъ пути черезъ Минскъ, но вмѣсто этого проѣхалъ обратно, не останавливаясь. Это вызвало забастовку, а послѣдняя повела къ вызову войскъ, увольненіямъ, арестамъ и отдачѣ (кажется, 70-ти человѣкъ) въ солдаты.

ныхъ мѣстахъ все время, вплоть до октября, значительно измѣнился. Забастовки по отдѣльнымъ категоріямъ желѣзнодорожнаго труда, во имя только своихъ частичныхъ интересовъ, сдѣлались явленіями единственными. Въ большинствѣ же случаевъ тѣ частичныя забастовки, которыя относятся къ этому времени, являлись производными отъ мѣстныхъ общихъ забастовокъ политическаго характера. Таковы были іюльскія забастовки въ различныхъ мѣстахъ въ день полугодовщины 9-го января, забастовки на югѣ въ іюнѣ, вызванныя потемкинскими днями, общая забастовка въ Ригѣ во второй половинѣ іюня, общія забастовки въ Либавѣ въ началѣ іюня и во второй половинѣ августа, общая забастовка въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ августа, возникшая подъ вліяніемъ бѣлостокской бойни 30-го іюля, и т. д. На всѣ эти революціонныя проявленія мѣстный желѣзнодорожный пролетаріатъ откликался въ той или иной формѣ, иногда лишь забастовкой мастерскихъ, иногда и остановкой движенія поѣздовъ.

Наряду съ этимъ, въ промежутокъ времени отъ циркуляра 29-го марта и октябрьскими днями, произошло массовое выступленіе на трехъ большихъ дорогахъ—Закавказскихъ, Владикавказской и Сибирской, реагировавшихъ до того на февральское забастовочное движеніе лишь частично.

На Закавказскихъ дорогахъ начало массовой забастовки совпало съ концомъ февральско-мартовской желѣзнодорожной весны. Стачка началась въ послѣднихъ числахъ марта и въ первыхъ числахъ апрѣля охватила всю дорогу. Администраціей были пущены въ ходъ самыя крутыя мѣры; начались аресты, военныя репрессіи, штрейкбрехерство съ помощью желѣзнодорожныхъ батальоновъ и военныхъ машинистовъ, выписанныхъ со Средне-Азіатской дороги. Стачечники сопротивлялись крайне упорно и долго, прибѣгнувъ, въ свою очередь, къ отвѣтному террору. Стачка эта положила начало тому почти перманентному забастовочному состоянію, въ которое Закавказскія дороги впали на все лѣто, вплоть до октябрьскихъ дней. Апрѣльская стачка изъ массовой, распространявшейся на всю дорогу, обратилась постепенно въ рядъ смѣняющихъ другъ друга, безъ перерыва, участковыхъ забастовокъ дороги. Не было почти такого момента, когда не имѣлось бы на-лицо забастовки того или иного участка; какъ только возобновлялъ работу одинъ участокъ, начиналась стачка на другомъ. На такія, безпрерывно смѣняющіяся участковыя забастовки, въ источникѣ которыхъ лежали внутренне-желѣзнодорожныя причины, наслаивались временами забастовки по общимъ причинамъ: такъ, вся дорога реагировала остановкой движенія на потемкинскіе дни; въ іюнѣ и началѣ сентября тифлисскій желѣзнодорожный узелъ примыкалъ къ обще-городской тифлисской забастовкѣ—первый разъ, по поводу черносотенныхъ избіеній,

второй—по поводу избіенія 29-го августа полиціей и казаками митинга въ городской думѣ; останавливалось движеніе во время августовской бакинской рѣзни.

На Владикавказской дорогѣ большая лѣтняя забастовка началась 11-го іюля въ центральной части линій этой дороги—на станціяхъ Кавказской и Минеральныя Воды, быстро распространившись къ Новороссійску, Ростову и Баладжарамъ и остановивъ всю дорогу. Администрація дороги упорно сопротивлялась, и въ Ростовѣ и Новороссійскѣ дѣло дошло до кровавыхъ стычекъ съ войсками. Особеннымъ звѣрствомъ отличалась расправа въ Новороссійскѣ, гдѣ 19-го іюля, по оффиціальному сообщенію, было убито 13 человѣкъ и 22 ранено. Забастовка прекратилась лишь къ началу августа.

На Сибирской дорогѣ большая забастовка началась въ началѣ августа, подъ вліяніемъ крупной іюльской забастовки читинскихъ мастерскихъ Забайкальской дороги. Забастовка подавлялась круто, военными средствами, и прекратилась во вторую половину августа подъ вліяніемъ мира съ Японіей.

Эти массовыя подорожныя забастовки являлись такими же „линейными" забастовками, какъ и линейныя забастовки отдѣльныхъ дорогъ въ февральско-мартовскій періодъ, отличаясь признакомъ остановки движенія всей линіи дороги и массовымъ выступленіемъ всевозможныхъ служебныхъ слоевъ отъ частичныхъ стачекъ по отдѣльнымъ категоріямъ желѣзнодорожнаго труда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладали особенностями, которыя накладывали на нихъ особый оттѣнокъ по сравненію съ забастовками февральскаго періода. Во-первыхъ, онѣ не являлись уже, подобно послѣднимъ, проявленіемъ чисто-профессіональнымъ, а въ значительной степени носили политическій характеръ, проявляясь мѣстами сознательными революціонными актами; а, во-вторыхъ, онѣ не были уже стихійнымъ выступленіемъ линейныхъ и управленскихъ элементовъ изолированно отъ мастерскихъ, а организованнымъ и согласованнымъ выступленіемъ всѣхъ отдѣловъ желѣзнодорожнаго труда. Практическихъ профессіональныхъ результатовъ эти забастовки не дали, но оказали громадную услугу организаціонному дѣлу, вызвавъ естественный организаціонный процессъ въ своихъ болѣе отсталыхъ служебныхъ слояхъ и наверставъ этимъ тотъ недочетъ, какимъ являлось неучастіе этихъ дорогъ въ забастовкахъ февральскаго періода, которымъ на другихъ дорогахъ были заложены корни естественныхъ организацій въ широкихъ желѣзнодорожныхъ массахъ. Такое наверстываніе шло въ значительно повышенной, по сравненію съ февральско-мартовскимъ періодомъ, революціонной атмосферѣ, и этимъ компенсировалось запозданіе массоваго линейнаго выступленія.

Верхи желѣзнодорожной бюрократіи сильно всполошились этими забастовками, боясь, очевидно, повторенія февраля. И

такъ же, какъ и въ февралѣ, вновь бросились къ системѣ обѣщаній и предупредительности [1]).

Министерство отдало приказъ о немедленномъ приступѣ къ введенію на дорогахъ мѣръ по улучшенію быта низшихъ служащихъ и рабочихъ (все тѣхъ же, которыя были даны мѣстными начальствами въ февралѣ, отняты циркуляромъ 29-го марта, обѣщаны быть разсмотрѣнными за хорошее поведеніе тѣмъ же циркуляромъ и разсматривались въ лѣтнихъ министерскихъ совѣщаніяхъ).

Но приказъ этотъ остался въ воздухѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, когда понадобилось поспѣшить сооруженіемъ плотины для задержанія той волны линейныхъ забастовокъ, которая такъ неожиданно для желѣзнодорожной бюрократіи захватила цѣлый рядъ дорогъ, мѣстныя желѣзнодорожныя власти быстро и даже по своей собственной инціативѣ стеклись на помощь министерству и свалили на него всѣ свои грѣхи, совершенные во время забастовочнаго переполоха въ видѣ различныхъ уступокъ, получивъ на нихъ, въ циркулярѣ 29-го марта, разрѣшительную грамоту. Но, когда министерство проявило теперь желаніе нѣсколько умѣрить разнуздавшійся пылъ на мѣстахъ, это для него оказалось невозможнымъ, и попытка его провести въ жизнь „мѣры по улучшенію быта служащихъ“ осталась втуне [2]).

---

[1]) Любопытенъ былъ, въ этомъ отношеніи, такой эпизодъ: Хилковъ отдалъ приказъ управленію Владикавказской дороги (эта дорога частная) принять обратно на службу всѣхъ увольнныхъ за іюльскую забастовку (вопреки желанію правленія дороги).

[2]) Исключая такія „реформы“, какъ, напримѣръ, распоряженіе Юго-Западныхъ дорогъ о дарованіи ученикамъ телеграфа жалованья въ размѣрѣ 12-ти рублей въ мѣсяцъ. Зато въ мѣстахъ, слишкомъ „опасныхъ“, желѣзнодорожная администрація не останавливалась и передъ существенными для нея мѣропріятіями. Напримѣръ, на Сибирской дорогѣ большой августовской забастовкѣ предшествовалъ рядъ частичныхъ вспышекъ въ различныхъ частяхъ дороги, и это вызывало квалифицированное заигрываніе начальства. Въ Томскѣ, послѣ іюньской общегородской забастовки, въ которой принимали участіе и мѣстные желѣзнодорожники, былъ предпринятъ рядъ такихъ мѣръ, какъ отмѣна штрафовъ, распоряженіе о разсмотрѣніи вопросовъ объ увольненіи служащихъ въ особыхъ дисциплинарныхъ комиссіяхъ при участіи представителей служащихъ, и т. д. Квалифицированное заигрываніе доходило здѣсь до такихъ мелочей, что въ Иркутскѣ, когда не хватило разъ наличныхъ денегъ для уплаты жалованья, то уплата была произведена лишь въ болѣе „опасныхъ“ пунктахъ, а остальные оставлены были безъ денегъ. Также точно и на другихъ дорогахъ „смирные“ пункты обходились даже тѣми жалкими крохами, которыя, разъ введенныя въ болѣе „опасныхъ“ мѣстахъ, уже не отнимались. Напримѣръ, на Екатерининской дорогѣ, во время іюньской забастовки (вслѣдствіе потемкинскихъ дней) долгинцевскія мастерскія потребовали уравненія ихъ съ другими мастерскими дороги въ нормахъ заработной платы и рабочаго времени, въ чемъ ихъ до того времени обходили за смиреніе.

Процессъ карательно-мстительнаго наступленія желѣзнодорожнаго начальства продолжалъ развиваться на мѣстахъ съ прежней энергіей и создавалъ ту атмосферу, которая, въ конечномъ итогѣ, и дѣлала осуществимыми разсчеты организованныхъ желѣзнодорожныхъ силъ на общую забастовку. Мы видѣли выше, какъ всероссійскій желѣзнодорожный союзъ основывался въ конечномъ счетѣ на томъ настроеніи широкихъ желѣзнодорожныхъ массъ, которое вытекало изъ общей атмосферы желѣзнодорожной жизни разсматриваемаго періода и вызывало сочувствіе этихъ массъ самой идеѣ общей забастовки.

Такъ подходилъ къ концу процессъ подготовки къ массовымъ политическимъ выступленіямъ желѣзнодорожниковъ, вытекавшій, какъ естественное слѣдствіе, изъ февральско-мартовскаго періода.

В. Романовъ.

Ибсенъ и мѣщанство.

(Окончаніе).

„Строитель Сольнесъ“—драма очень сложная и мѣстами туманная въ силу своей чрезмѣрной субъективности. Но мы и не думаемъ давать ея полнаго анализа,—мы отмѣтимъ лишь то въ ней, что имѣетъ прямое отношеніе къ общей характеристикѣ драматургіи Ибсена, впрочемъ, это будетъ и самое важное для самой пьесы.

Въ настоящее время уже несомнѣнно, что внѣшнимъ толчкомъ къ созданію странной этой пьесы послужило личное переживаніе. Старый, сѣдой Ибсенъ познакомился на водахъ въ Австріи съ милой и талантливой, совсѣмъ юной дѣвушкой, съ которою сильно подружился. „Le coeur n'a point de rides!“ говоритъ Викторъ Гюго. Дружба умирающаго льва къ дѣвушкѣ окрасилась въ трогательно-нѣжныя краски. Конечно, счастье было невозможно. Ибсенъ скоро прекратилъ даже переписку со своимъ юнымъ другомъ. Но всѣ страшные вопросы старости заголосили еще громче, еще отчаяннѣе вокругъ могучей серебряной головы. Что сдѣлалъ ты со своей жизнью? Что ты такое теперь, у края могилы? Что оставляешь ты? И въ какомъ отношеніи находишься ты съ новымъ поколѣніемъ, съ тою „молодою жизнью“, которая „будетъ играть у гробового входа?“

И Ибсенъ написалъ свою горькую и страшную драму-признаніе.

Старѣющій строитель, достигшій вершинъ славы,—мраченъ. Во-первыхъ, его слава, то, что называютъ его счастьемъ, явилась скорѣе болѣзнью, съѣвшей его настоящее личное счастье, его жизнь, его семью, какъ опухоль съѣдаетъ органы тѣла. Во-вторыхъ, эта слава такъ не прочна. Съ безпокойствомъ приходится смотрѣть на новыхъ, молодыхъ вродѣ Рагнара, которые, пожалуй, несутъ съ собою новое слово и заставятъ міръ забыть славу строителя Сольнеса.

Старѣющій художникъ боится молодости, которая придетъ и постучитъ въ дверь. И молодость приходитъ неумолимо и сту-

читъ. Но она пришла совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ строитель, она пришла другомъ, о!—больше, чѣмъ другомъ: она несетъ съ собою жизнерадостность, воскресеніе, порывъ, гордость... быть можетъ, любовь! Съ Гильдой словно весна возвращается. Но молодость... требуетъ. Требуетъ такъ, какъ требовалъ когда-то Брандъ. Развѣ художникъ на зарѣ своего творчества не обѣщалъ новое царство? Развѣ онъ не говорилъ съ самимъ Богомъ, тамъ вверху? Съ упоеніемъ слѣдила за нимъ совсѣмъ, совсѣмъ тогда еще отреченная „новая жизнь". Но гдѣ же обѣщанное царство? Или Сольнесъ-Ибсенъ только Брендель, растерявшій идеалы? Если онъ хочетъ быть вождемъ—пусть онъ еще разъ подымется къ небу, пусть побѣдитъ свою бренделевскую робость, пусть возвѣститъ новую истину. Тогда возможенъ будетъ вѣчный союзъ строителей съ новой жизнью. Но что это будетъ за истина?

Сольнесъ началъ свою дѣятельность съ постройки храмовъ съ высокими колокольнями. Ибсенъ хотѣлъ создать новую религію, дать міру новое общество. Но это оказалось не по силамъ. Сольнесъ сталъ строить дома, семейные очаги для людей. Уютные, милые, свѣтлые домики, гдѣ отецъ съ матерью, окруженные ребятишками, могутъ жить въ мирѣ и довольствѣ... радуясь жизни радуясь тому, что живутъ на свѣтѣ... особенно же тому, что составляютъ одно неразрывное цѣлое—этакъ и въ великомъ, и въ маломъ. Но и тутъ его постигло разочарованіе. Онъ хотѣлъ бы украсить эти дома богинями, но... могъ это дѣлать лишь изрѣдка. Въ общемъ Гильда презрительно смотритъ на эти „очаги для папаши и мамаши съ дѣтками". Теперь Сольнесъ понялъ, что это все вздорныя затѣи, что лучше предоставить папашѣ и мамашѣ ихъ собственной судьбѣ. Ибсенъ разочаровался въ плодотворности своей критики семьи. Нѣтъ, пора вернуться къ себѣ: построить собственное громадное счастье, устроить свою жизнь. Вотъ новая истина, вотъ что долженъ теперь Ибсенъ-Сольнесъ сказать Богу. Онъ хочетъ личнаго счастья, котораго онъ не имѣлъ, гоняясь за художественными химерами. Жить съ юной и прекрасной Гильдой. И, конечно, не жизнью животной пары, нѣтъ, ихъ замокъ на горѣ будетъ имѣть высокую башню. Въ переводѣ на простой языкъ это означаетъ лишь, что, живя съ прелестной Гильдой, нашъ отшельникъ-индивидуалистъ предастся вмѣстѣ съ нею свободному фантазированію. Ни для кого, ни для чего, а такъ... Жить, цвѣсти, грезить... и любить. Но юная Гильда понимаетъ, что въ этомъ идеалѣ есть что-то старческое. Развѣ не грустенъ тотъ діалогъ, въ которомъ старикъ и дѣвушка рисуютъ свое будущее?

Гильда (оживленно). Мы будемъ строить вмѣстѣ. И построимъ чудо изъ чудесъ. Самое лучшее въ свѣтѣ. *Сольнесъ* (напряженно). Гильда..., скажите мнѣ, что это такое будетъ. *Гильда* (улыбаясь

смотритъ на него и покачиваетъ головой; складываетъ губы трубочкой и говоритъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ обыкновенно малымъ дѣтямъ). Строители такіе глупенькіе... глупенькіе. *Сольнесъ.* Конечно, они глупые, да. Но скажите мнѣ, что это за чудо изъ чудесъ? Что мы будемъ строить съ вами? *Гильда* (послѣ короткой паузы, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ глазахъ). Воздушные замки. *Сольн.* Воздушные замки? *Гильда* (киваетъ головой). Да, воздушные замки! Знаете ли вы, что такое воздушные замки? *Сольн.* Чудо изъ чудесъ, самое лучшее въ свѣтѣ, говорите вы. *Гильда* (порывисто встаетъ и дѣлаетъ какъ бы отстраняющій жестъ рукой). Да, конечно, такъ. Воздушные замки... *въ нихъ такъ удобно укрываться. И строить ихъ такъ легко* (насмѣшливо смотритъ на него). *Чего же лучше для строителей, у которыхъ кружится совѣсть. Сольн.* Отнынѣ мы будемъ строить вмѣстѣ, Гильда! *Гильда* (съ полунедовѣрчивой улыбкой). Этакій... настоящій воздушный замокъ?

Но и это счастье, и это отшельническое, оторванное отъ міра, узко-личное, только свое счастье, счастье банкрота-пророка— уже невозможно. Сольнесъ слишкомъ старъ. Онъ не можетъ совершить того послѣдняго подвига, котораго требуетъ молодежь. Онъ не въ состояніи дать новое ученіе. Ему не создать изъ сумбурнаго, благороднаго, но бродящаго, какъ молодое вино, и нѣсколько истеричнаго матеріала Гильды новаго ученія. Что это должно быть за ученіе? Проповѣдь чистаго эготизма? Проповѣдь сверхчеловѣка? Что-то бродитъ въ юныхъ головахъ мѣщанской интеллигенціи, но это „что-то" такъ неясно. Гильда идетъ навстрѣчу Ибсену, она протягиваетъ руку, согласна даже на то, что „слишкомъ легко". Но нѣтъ, нѣтъ! Изъ этого ничего не выйдетъ. Одна неясная, неоконченная попытка... и паденіе!

Но Ибсенъ какъ бы понялъ, что мѣщанская интеллигенція, „новая жизнь" съ ея ницшеанствомъ, мистикой, порывами, все же должна будетъ признать его въ его незаконченности своимъ великимъ учителемъ: „Мой, мой строитель!"—кричитъ въ экстазѣ Гильда послѣ паденія учителя. О, Гильда, ты не въ состояніи ничего *сама* создать, ты могла лишь творить черезъ твоего Сольнеса, но онъ утомленный, скептическій, сломленный душою погибъ въ своемъ бореніи за неосуществимый внутренне-противорѣчивый идеалъ. И тебѣ, экстравагантная дѣвица, ищущей захватывающаго, предстоятъ однѣ авантюры; ты сама не построишь ничего, н не найдешь строителя. А силы кипятъ въ тебѣ бурныя, разрозненныя и ищутъ выхода. И выходъ есть. Но на путь спасенія ты не пойдешь. Лишь кое-кто изъ интеллигентной молодежи найдетъ своего строителя въ великомъ международномъ пролетаріатѣ... Тѣ спасутся. Но истинно говорю вамъ: много званыхъ, но мало избранныхъ. Потому что Гильда хочетъ все вдругъ, и притомъ же сегодня одно, а завтра другое. Она—не заря новаго

дѣла. Она—послѣдній хотя и свѣтлый отпрыскъ дряхлаго мѣщанскаго дуба. Ты зелена, молодая вѣтвь, но дурные соки посылаютъ тебѣ трухлые корни. Словно въ лихорадкѣ скачетъ Гильда отъ одной идеи къ другой, хочетъ причудливаго, непрочнаго, капризнаго. Гильдѣ не понять твердую красоту гранитнаго фундамента, который воздвигаютъ пролетаріи.

Но Ибсенъ не критиковалъ Гильды. Онъ былъ очарованъ самой молодостью. Жадно вслушивался въ то, что хочетъ молодежь. Голоса молодые, возбужденные, много хорошихъ словъ и чувствъ. „Поймите,—я не могу быть ихъ пророкомъ. Старые идеалы рухнули. А новый? Мой новый идеалъ—жить! жить! Наверстать потерянное. Ибо за миссіей пророка я пропустилъ жизнь! Старость, смерть—вотъ онѣ! И что же построилъ я цѣною всѣхъ жертвъ, цѣною молодости, крови, сердца? Ничего! Пусть кричитъ Гильда: „Мой, мой строитель!“—я-то знаю, что я... Брендель!

Страшное признаніе, понятое немногими. Когда рушится вѣра въ идеалъ, который проповѣдывался, — широко открываются двѣ дороги чисто-личнаго исканія, неимѣющія уже характера общественнаго служенія: дорога нигилизма и дорога мистицизма. Онѣ и намѣчаются въ похоронномъ маршѣ Ибсена—въ его „эпилогѣ“. Но введеніемъ къ нему служатъ уже кое-какія сцены „Джона Габріэля Боркмана“.

Намъ совершенно не важна въ данномъ случаѣ спеціальная „одежда“, которою снабдилъ Ибсенъ своего Боркмана. Важно намъ отмѣтить прежде всего глубокое сходство его судьбы съ судьбою Сольнеса. Онъ тоже принесъ въ жертву своимъ широкимъ планамъ, имѣвшимъ и у него оттѣнокъ соціальнаго служенія и, во всякомъ случаѣ, большого дѣла,—свое личное счастье, Боркмана. Не въ животномъ же самодовольствѣ разгадка жизни. Ибсену все больше казалось ложнымъ и даже преступнымъ разрушеніе своего личнаго счастья ради идеала.. который все болѣе начиналъ ему казаться сомнительнымъ, далекимъ и холоднымъ. Себя онъ считалъ именно такимъ преступникомъ. Не лучше ли было *жить*, чѣмъ писать? *Наслаждаться*, чѣмъ проповѣдовать?

Но какъ жить, какъ наслаждаться? Можетъ быть... просто! какъ подсказываетъ здоровое тѣло? Можетъ быть, нигилизмъ, безъидейность, *прожиганіе* жизни лучшее, что можно избрать въ ней? Постановка этого вопроса, пожалуй, самое ужасное въ ужасной драмѣ жизни Генрика Ибсена; надо, чтобы этотъ моралистъ, проповѣдникъ par excellence, жестоко, мучительно разочаровался въ себѣ и людяхъ, чтобы, проживъ болѣе шестидесяти лѣтъ, поставить передъ собой такой вопросъ! Но это логично. Ибсенъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы удовлетвориться своимъ идеаломъ абсолютнаго, справедливаго и цѣлостнаго индивидуализма, послѣ того, какъ его безусловная неосуществимость стала рѣзать ему глаза. Вѣру въ этотъ идеалъ онъ могъ предоставить...

ибсенистамъ. Самъ Ибсенъ не былъ ибсенистомъ, пересталъ имъ быть. Возвеличить смерть? Ибсенъ старался сдѣлать это. Но это вышло у него скорѣе отчаянно, горько, чѣмъ торжественно. Старецъ любилъ жизнь. Возвеличить жизнь простую, человѣкоскотство? Ибсенъ и къ этому подходилъ. Нигилизмъ и мистицизмъ естественно, какъ дурная трава, растутъ на руинахъ покинутыхъ идеаловъ.

Нигилизмъ въ первый разъ описанъ почти съ симпатіей въ студентѣ Боркманѣ и вдовушкѣ Вильтонъ. Вдовушка Вильтонъ похищаетъ юношу, на котораго и обращаетъ свою живую любовь, и, въ концѣ концовъ, даже не имѣетъ утѣшенія удачи,—онъ банкротъ. Ему остается только умереть. И это самое лучшее для него. Смерть Боркмана обвѣяна, однако, не только мракомъ, въ послѣдней сценѣ звучатъ и ноты примиренія и мистицизма.

Фру Боркманъ. Холодъ убилъ его давнымъ давно.

Элла Рентгеймъ (кивая головой). А насъ съ тобой превратилъ въ тѣни.

Фру Боркманъ. Ты права.

Элла Рентгеймъ (съ болѣзненной улыбкой). Мертвецъ и двѣ тѣни—вотъ, что сдѣлалъ холодъ.

Фру Боркманъ. Холодъ сердца. И теперь мы, пожалуй, можемъ протянуть другъ другу руки, Элла.

Элла. Я думаю, теперь можемъ.

Фру Боркманъ (стоя за спиной скамейки). Мы сестры-близнецы... надъ трупомъ того, кого обѣ любили...

Элла (передъ скамейкой). Двѣ тѣни надъ мертвецомъ (протягиваютъ черезъ скамейку другъ другу руки).

Это какое-то искупленіе сердечнаго холода смертью. Но мистическое утѣшеніе блѣдно. Ибсенъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы особенно напирать на загробное, на таинственное. Если подобныя черты проскальзываютъ въ финалахъ послѣднихъ пьесъ, то это скорѣе признакъ безысходнаго отчаянія. Такимъ же признакомъ является и большое мѣсто, удѣляемое нигилизму. „А не правъ ли въ концѣ концовъ Гинтъ?"—какъ бы спрашиваетъ себя Ибсенъ. „Ну, ихъ, всѣ эти суровые подвиги Бранда, всѣ грандіозные планы Сольнеса и Боркмана, на котораго отецъ и мать хотѣли бы возложить „великую миссію". Миссія же, которую хочетъ возложить на него вдовушка Вильтонъ, самая легкая. Сцены, сюда относящіяся, въ высшей степени поучительны. Фру Боркманъ спрашиваетъ вдовушку:

„Почему вы просто-на-просто не оттолкнули его? Не отказали ему отъ дома? Вотъ что вамъ слѣдовало сдѣлать въ свое время.

Вильтонъ. Этого я попросту не могла сдѣлать, Фру Боркманъ.

Фру Боркманъ. Почему такъ?

Вильтонъ. Потому что и для меня дѣло шло о счастьи.

Фру Боркманъ (презрительно). Гмъ..! Счастье, счастье!

Вильтонъ. Я никогда не знала прежде, что такое счастье. И не могу же я оттолкнуть отъ себя счастье только потому, что оно явилось такъ поздно.

Фру Боркманъ. А долго ли, по-вашему, продолжится это счастье?

Эргардтъ (перебивая). Долго ли, нѣтъ ли—все равно!

Фру Боркманъ (гнѣвно). Ты просто ослѣпленъ, не видишь ты развѣ, куда все это заведетъ тебя?

Эргардтъ. Я не хочу заглядывать впередъ! Не хочу озираться, я только хочу въ свою очередь пожить настоящей жизнью!

Фру Боркманъ. И это ты называешь жизнью, Эргардтъ!

Эргардтъ. Да! Развѣ ты не видишь, какъ она хороша!

Это поистинѣ великолѣпно въ устахъ Ибсена. Это уже новый индивидуализмъ, совсѣмъ непохожій на индивидуализмъ Бранда. Тамъ долгъ царитъ, здѣсь презрительно отбрасывается, тамъ духъ господствуетъ, здѣсь тѣло. И развѣ этотъ индивидуализмъ, индивидуализмъ плоти, нигилистическій индивидуализмъ (гинтизмъ) такъ-таки лишенъ красоты въ изображеніи Ибсена? Послушайте дальше:

Вильтонъ. Я уѣзжаю на югъ за границу. Вмѣстѣ съ одной молодой дѣвушкой. И Эргардтъ съ нами.

Фру Боркманъ. Съ вами и съ молодой дѣвушкой?

Фру Вильтонъ. Да, это Фрида Фольдаль, которую я взяла къ себѣ. Я хочу, чтобы она тамъ серьезно занялась музыкой.

Фру Боркманъ. Такъ и она будетъ съ вами?

Фру Вильтонъ. Не могу же я бросить тамъ дѣвочку одну.

Фру Боркманъ (съ недоброй усмѣшкой). Фру Вильтонъ... по-вашему, вы умно поступаете, забирая съ собой молодую дѣвушку?

Фру Вильтонъ (также усмѣхаясь). Мужчины такъ непостоянны... Да и женщины тоже. Когда Эргардтъ покончитъ со мной, то недурно будетъ для насъ обоихъ, если у него, бѣднаго, останется кто-нибудь въ запасѣ.

Грѣшно? Да! но смѣло и поэтому красиво. Да, Ибсенъ, не задумываясь, рисуетъ нигилизмъ красивымъ. Прочтите только великолѣпное, смѣющееся серебромъ мѣсто, этотъ тріумфъ смѣлой, полуживотной юности; это разговоръ стариковъ-отцовъ.

Боркманъ. Что у тебя съ ногой? Ты хромаешь?

Фольдаль. Да, представь, меня переѣхали. Да, возокъ.

Боркманъ. Ого!

Фольдаль. Запряженный парой... Лошади неслись, какъ вѣтеръ съ холма. Я не успѣлъ посторониться и вотъ...

Элла. Они переѣхали васъ?

Фольдаль. Прямо наѣхали на меня, фру... или фрейленъ. Прямо на меня, и я кувырнулся въ снѣгъ, потерялъ очки, сломалъ зонтикъ и (потирая ногу), вотъ, повредилъ немножко ногу.

Боркманъ. Знаешь ты, кто сидѣлъ въ возкѣ, Вильгельмъ?

Фольдаль. Нѣтъ, почемъ мнѣ знать? Возочекъ крытый, да еще занавѣски спущены. И кучеръ даже не пріостановился, когда я кувырнулся въ снѣгъ.

Бор. Это твоя дочь и мой сынъ уѣхали въ томъ самомъ возкѣ, который переѣхалъ тебя по дорогѣ.

Ф. Подумать, что моя дочурка Фрида катила въ такомъ щегольскомъ экипажѣ.

Бор. Да, да, Вильгельмъ, твоя дочь покатитъ теперь, нечего сказать! И студентъ Боркманъ тоже. Ну, а ты замѣтилъ серебряные колокольчики?

Ф. Какъ же! Серебряные, ты говоришь? Изъ чистаго серебра?

Свободные отъ долга, юные циники помчали себѣ, позванивая себѣ серебряными колокольчиками и опрокидывая стариковъ. Можетъ быть, и Ибсену моментами хотѣлось бы умчаться такъ куда-нибудь .. гдѣ свобода, наслажденіе безъ раздумья... гдѣ молодость. Укатить съ колокольчиками отъ тяжелаго раздумья, крутыхъ обязанностей, душевной горечи, милліона терзаній, отчаяннаго разочарованія, отъ старости, отъ чернаго ворона, который каркаетъ: „Никогда больше", отъ музыки невозвратнаго времени.

Но, если бы передъ старымъ Ибсеномъ въ минуту подобнаго раздумья явился хитрый Мефистофель и сказалъ ему: „Генрикъ, я не спрашиваю лучшаго: и готовъ вернуть тебѣ молодость, чтобы ты погрязъ въ наслажденіяхъ студентовъ Фроша, Зибеля и Боркмана, ибо это будетъ большая моя побѣда!" — если бы Мефистофель сказалъ такъ, протягивая сѣверному богатырю волшебную чашу, великій Іеремія мѣщанства отвелъ бы дьявольскую руку: „Не надо,—сказалъ бы онъ,—это не для меня!"—„Но, начни новую жизнь, второй Фаустъ, второй Генрикъ! Если бы ты началъ новую жизнь, вѣдь ты сталъ бы наслаждаться?"—„Нѣтъ, я не изъ стада Цирцеи".—„Какъ же бы ты жилъ?"—„Какъ бы я жилъ? Я мечтаю о любви на снѣжныхъ вершинахъ, о грезахъ передъ восходящимъ солнцемъ... О чемъ-то! О неясномъ! Не знаю. Лучше всего... да будетъ миръ измученному моему сердцу. Pax mecum!"

Выходъ въ нигилизмъ для сильныхъ, свѣжихъ и... грубыхъ, грубоватыхъ, нетребовательныхъ открываетъ Ибсенъ и въ „Эпилогѣ". Майя, милая, веселая, самостоятельная маленькая женщина нашла выходъ, она дышетъ чистымъ воздухомъ индивидуалистическаго нигилизма и распѣваетъ:

Конецъ моей прежней неволѣ!
Я вольная птица теперь!
На волю, на волю, на волю!

Но что возможно Ульфгейму, невозможно для Рубека, quod licet bovi, non licet Jovi.

Рубекъ—художникъ. Въ этомъ—его проклятіе. Жизнь стояла передъ нимъ, звала его къ наслажденію, но онъ не взялъ ее, онъ использовалъ ее только какъ художникъ, а не какъ мужчина. Въ этомъ его преступленіе. Это уже знакомый намъ мотивъ, который разыгрывается въ „Эпилогѣ“ съ несравненной, уже потрясающей бетховенской силой.

Но, по крайней мѣрѣ, достигъ ли Рубекъ своего идеала, какъ художникъ? Ни мало. Его ждала судьба Сольнеса. Сначала онъ хотѣлъ воскресить жизнь, претворить, преобразовать ее, хотѣлъ, чтобы художество его показало міру, какимъ онъ долженъ и можетъ быть; чистый идеализмъ руководилъ имъ:

Р у б е к ъ. „Я былъ молодъ тогда. Совсѣмъ неопытенъ въ жизни. Самымъ прекраснымъ идеальнымъ воплощеніемъ возстанія изъ мертвыхъ представлялась мнѣ юная чистая дѣва... еще не тронутая земной жизнью... пробуждающаяся къ свѣту и славѣ... свободная отъ всего дурного, нечистаго. Въ послѣдующіе годы я набрался житейскаго опыта, Ирена. Идея „возстанія изъ мертвыхъ“ все разросталась и развивалась въ моемъ воображеніи. Маленькая круглая база, на которой одиноко возвышалась твоя стройная фигура... стала тѣсна для всего того, чѣмъ я задумалъ дополнить мое произведеніе... Я дополнилъ его тѣмъ, что видѣлъ вокругъ себя въ жизни. Мнѣ надо было дополнить. Я не могъ иначе, Ирена! Я расширилъ базу... сдѣлалъ ее большой, просторной и на нее бросилъ глыбу разсѣвшейся земли. Изъ ея расщелинъ выползаютъ люди... съ звѣриными лицами подъ наружной человѣческой оболочкой. Женщины и мужчины... такіе, какими я ихъ узналъ въ жизни.

И р е н а (затаивъ дыханіе). Но посреди этой толпы стоитъ молодая дѣвушка, полная чистой, свѣтлой радости. Такой я стою тамъ, Арнольдъ?

Р у б е к ъ (уклончиво). Не совсѣмъ посреди. Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отодвинуть статую нѣсколько назадъ. Ради цѣльности впечатлѣнія. Понимаешь? Иначе она слишкомъ бы выдавалась, подавляя все остальное.

И р е н а. Но лицо мое попрежнему сіяетъ радостью, свѣтомъ просвѣтленія?

Р у б е к ъ. Да, да, Ирена! То-есть до нѣкоторой степени. Не столь ярко. Этого требовалъ мой измѣнившійся замыселъ.

И р е н а (неслышно встаетъ). Эта группа изображаетъ жизнь такою, какою ты ее видишь теперь, Арнольдъ.

Р у б е к ъ. Да, вѣрно такъ.

Символъ ясенъ. Ибсенъ изъ идеалиста превратился въ реалиста. Въ свою *воскресшую* жизнь, *художественно-возсозданную* жизнь онъ впустилъ всю *пакость* жизни. Онъ пересталъ вѣрить въ возможность очищенія жизни. А мѣщане, которыхъ онъ биче-

валъ въ своихъ драмахъ великаго разочарованія, все же рукоплескали ему.

„То, что я дѣлаю не простые портреты,—говоритъ Рубекъ женѣ,—въ нихъ скрывается нѣчто, что вижу я одинъ. И меня это отъ души забавляетъ... Съ виду все дѣло какъ будто въ этомъ „поразительномъ сходствѣ",—какъ говорятъ,—которому люди дивятся, разинувъ ротъ... (понижая голосъ), а въ сущности то, что изъ глубины этихъ бюстовъ-портретовъ выглядываютъ,—почтенныя лошадиныя морды, упрямыя ослиныя башки, вислоухія низколобыя песьи хари, откормленныя свиныя рыла... тупыя, грубыя бычачьи рожи..

Майя (равнодушно)... Значитъ, всѣ милыя домашнія животныя.

Рубекъ. Только милыя домашнія животныя, Майя. Всѣ тѣ животныя, которыхъ люди изуродовали по своему образу и подобію, и которыя въ отместку изуродовали людей. (Осушаетъ бокалъ шампанскаго и смѣется). Вотъ какія коварныя произведенія искусства показываютъ мнѣ почтенные богатые люди! И, не задумываясь, оплачиваютъ ихъ... дорого, очень дорого... чуть не на вѣсъ золота, какъ говорится.

Въ числѣ „домашнихъ животныхъ", сами того не подозрѣвая, находятся и всѣ ибсенисты. О, сколько Яльмаровъ говоритъ теперь: „Учитель, учитель!"

Но какое жалкое утѣшеніе! Совершилось нѣчто ужасное: изъ пророка Ибсенъ-Рубекъ сталъ сатирикомъ! изъ идеалиста—скептикомъ, каррикатуристомъ, изъ Бранда превратился въ Бренделя [1]). даже почти въ доктора Реллинга! И для этого-то пошелъ онъ на всѣ муки жизни художника? для этого сталъ отшельникомъ, наблюдателемъ? для этого отвергъ трепетавшую жизнью и страстью Ирену? О, назадъ, назадъ! воскресить былое, исправить ошибку. Но какъ? Путь Ульфгейма и Майи—не для Рубека. Молодость уплыла. Мерцаетъ мистическій экстазъ предсмертнаго порыва.

Рубекъ. Пусть же мы, хоть мертвые, осушимъ чашу жизни до дна... прежде чѣмъ опять сойдемъ въ могилу.

Ирена (вскрикиваетъ). Арнольдъ!

Арнольдъ. Но не здѣсь, въ этомъ сумракѣ! Не здѣсь, гдѣ насъ охватываетъ эта безобразная сырая пелена...

Ирена (увлеченная страстью). Нѣтъ, нѣтъ! Туда, къ свѣту, къ сіянію славы! На вершину забвенья!

Рубекъ. Тамъ мы отпразднуемъ нашу свадьбу, Ирена, моя возлюбленная!

Ирена (горячо). Пусть солнце глядитъ на насъ, Арнольдъ!

Рубекъ. Пусть глядятъ на насъ всѣ силы свѣта и мрака

[1]) Brändel—маленькій Brand.

(схватывая ее за руки). Такъ хочешь слѣдовать за мной, моя невѣста, принесшая мнѣ отпущеніе?

Ирена (какъ бы просвѣтленная). Я готова слѣдовать за моимъ повелителемъ!

Рубекъ (увлекая ее). Сначала пробьемся сквозь туманъ, Ирена, а тамъ...

Ирена. Да, сквозь всѣ туманы. А тамъ—на самую вершину, озаренную восходящимъ солнцемъ!..

Мечты, мечты! Мистическія неясныя фразы. Одна смерть вѣрна. Pax vobiscum!

Не страшный ли это эпилогъ! Но ибсенисты не замѣчаютъ, что Ибсенъ пропѣлъ и себѣ, и имъ, и всему мѣщанству, всему идеализированному идеализму отходную. Онъ переросъ не только мѣщанство реальное, но и идеальное. И созрѣлъ для смерти. Проповѣдникомъ коллективизма великій потомокъ норвежскихъ рыбаковъ и пахарей не могъ стать. Мистицизмъ, эта замаскированная смерть, и нигилизмъ—вотъ пути, которые остаются для сознающаго себя индивидуализма. Первый есть въ лучшемъ случаѣ самообманъ, реллинговская „жизненная ложь", въ худшемъ—грубое шарлатанство. Второй есть оскотинѣніе, какія бы утонченныя съ виду формы ни принималъ онъ. Идеальный же индивидуализмъ, Брандизмъ—это только призракъ, ищущій своей могилы. Пересталъ ли онъ бродить по свѣту? Улегся ли онъ въ могилу съ Ибсеномъ, послѣднимъ своимъ великимъ паладиномъ? Нѣтъ, онъ еще долго будетъ бродить по свѣту, все блѣднѣя и блѣднѣя, линяя, искажаясь. Весьма возможно, что Ибсенъ былъ послѣдній великій мѣщанинъ.. Но сколько осталось еще маленькихъ!

Рѣдко, кто лучше Ибсена выразилъ драму великой духовной силы, не разгадавшей, однако, своего времени, но предвосхитившей его идеи. Герой драмы „Претенденты на корону"—Ярлъ Скулэ—человѣкъ огромныхъ способностей, сильной воли, умѣющій внушить окружающимъ беззавѣтную преданность, пламенно стремящійся къ вѣнцу, ни передъ чѣмъ не останавливающійся.

Но онъ — пасынокъ Божій. И не потому, чтобы счастье никогда не улыбалось ему: нѣтъ! онъ на голову разбиваетъ Гакона. Не въ томъ также дѣло, что у него нѣтъ увѣренности въ своемъ правѣ, въ формальномъ правѣ: ибо права и Скулэ, и Гакона одинаково сомнительны. Но Гаконъ *вѣритъ* въ свое право, вѣритъ... и побѣждаетъ. Почему же? Потому что у Гакона есть „королевская идея"—идея объединенія всей Норвегіи отъ ея феодальнаго и племенного распадка. Скулэ сначала не понимаетъ этой идеи, она кажется ему почти смѣшною, потому что „сага не говоритъ ни о чемъ подобномъ", потому что это что-то совершенно новое. Потомъ онъ пораженъ ею, она служитъ въ его глазахъ лучшимъ доказательствомъ истинности правъ и призванія Гакона; Гаконъ

человѣкъ будущаго, сынъ судьбы. Но для того, чтобы придти къ своему царству, онъ долженъ переступить черезъ трупъ Скулэ, и онъ сдѣлаетъ это, хотя въ душѣ жалѣетъ и уважаетъ бѣднаго пасынка Бога, пасынка исторіи.

Таковы же отношенія пролетаріата даже къ самымъ лучшимъ людямъ мѣщанства. Мѣщане-индивидуалисты—люди саги. Они смотрятъ въ прошлое, и будущее для нихъ только продолженіе прошлаго. Пролетаріатъ же несетъ съ собою „королевскую идею" объединенія міра, и онъ выполнитъ свою миссію и переступитъ черезъ могилу мѣщанства, черезъ могилу ибсенизма.

Но помимо того, что Ибсенъ былъ великій драматургъ, психологъ и бытописатель—сама моральная драма его имѣетъ огромное значеніе для нашей эпохи смѣны стараго человѣка новымъ, борьбы свѣта и тѣни. Трагедія великой души Ибсена отразила собою трагедію смерти индивидуализма. Могильный курганъ, высоко насыпанный надъ прахомъ сѣвернаго богатыря, почтенъ будетъ и пролетаріатомъ. Великая, истинная „новая жизнь", для которой непосредственно не строилъ и не могъ строить этотъ строитель, констатировавъ паденіе его, можетъ тоже воскликнуть „Мой строитель". Ибсенъ воистину послужилъ „женщинѣ и рабочему" и ихъ будущему, хотя совершенно иначе, чѣмъ предполагалъ.

Джузеппе Мадзини и конецъ индивидуализма.

Джузеппе Мадзини? При чемъ тутъ великій итальянскій революціонеръ-идеалистъ?

Читатели сейчасъ увидятъ, какое прямое отношеніе къ разрабатываемой мною темѣ имѣетъ одна еще недавно совсѣмъ неизвѣстная статья титана итальянской революціи.

Статья, о которой я говорю, озаглавлена „Байронъ и Гете". Она была напечатана въ годы зеленой юности Мадзини въ одномъ маленькомъ швейцарско-итальянскомъ журнальчикѣ, а потомъ основательно забыта. Одинъ другъ Мадзини разыскалъ ее и вновь отпечаталъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „La Nuova Antologhia".

Прежде всего статья поражаетъ искренностью тона, блескомъ изложенія, страстью. Теперь такъ что-то не пишутъ. Публицистика либо ругается, либо ходитъ въ перчаткахъ и бѣломъ галстухѣ. Но главное въ статьѣ юноши-Мадзини—глубина мысли.

Первое и основное положеніе автора то, что Гете и Байронъ были „послѣдней формулой, послѣднимъ усиліемъ, послѣднимъ великимъ продуктомъ общества, основаннаго на принципѣ индивидуальности". Съ того пункта, на которомъ они остановились, „открывались новые безконечные горизонты, которыхъ они уже

не могли осилить съ помощью своего принципа (индивидуализма). Это были „два гиганта ума“, но они не поняли все же задачи новѣйшаго времени; эта задача, по мнѣнію Мадзини, заключается въ томъ, чтобы соединить свободу и общественность, индивида и коллективность.

Сущность байроновскаго индивидуализма, по Мадзини, сводится къ „жаждѣ проявить власть своей личной воли надъ природой“. Онъ выдвигаетъ энергическій типъ. Герои Байрона—люди властные, сильные, но безусловно одинокіе: одинокіе короли. Можетъ ли быть такой „одинокій король“ счастливъ по крайней мѣрѣ сознаніемъ своей силы? Нѣтъ, герои Байрона—страдальцы. „Это кольцо, которое соединяетъ байронизмъ съ грядущимъ“, замѣчаетъ авторъ. „Герои Байрона несчастны, потому что полны предчувствіемъ иной жизни, которой нельзя достигнуть одной свободой. Пусть они не говорятъ объ этомъ, но они чувствуютъ это...

Секретъ ихъ грусти и, въ концѣ концовъ, слабости въ ихъ одиночествѣ. У нихъ нѣтъ плана, *нѣтъ вѣры въ реформу міра*. У нихъ нѣтъ любви къ человѣчеству, которое жило до нихъ и переживетъ ихъ. Они не думали о своемъ мѣстѣ между прошедшимъ и будущимъ, о преемственности труда, о всеобщемъ совершенствованіи, которое достигается всеобщими усиліями, объ истинѣ, въ которой человѣкъ переживаетъ себя“.

„*Одинокій индивидъ—это такое ничтожество предъ лицомъ вселенной*!“—восклицаетъ Мадзини. „Герои Байрона богаты свободой, но не знаютъ, куда направить ее“. Но Байронъ все же пророкъ, потому что пророческой является именно *грусть* его, именно неудовлетворенность его тѣмъ гордымъ индивидуализмомъ, который онъ выразилъ съ такой силой.

Я опускаю великолѣпную характеристику Гете, какъ представителя индивидуалистическаго индифферентизма, художественной безстрастности, т. к. она не имѣетъ такого прямого отношенія къ индивидуализму Ибсена, гораздо болѣе напоминающему Байрона.

Оба поэта, по мнѣнію Мадзини, „сами того не зная, выполнили великую историческую миссію... Они резюмировали, они уложили въ гробъ свою эпоху“. Послѣ нихъ поэзія не можетъ не вступить на новый путь: „Прощай поэзія, которая учитъ инертной созерцательности въ такое время, которое требуетъ великой дѣятельности, прощай и та, которая стремилась пропитать отчаяніемъ вѣкъ, на самомъ дѣлѣ рожденный для надеждъ и усилій“. Въ Байронѣ и Гете еще разъ нашли великое воплощеніе два принципа внутренняго и внѣшняго человѣка, борьба которыхъ въ видѣ борьбы папства и имперіи наполняетъ прошлое. Поэзія будущаго должна найти ихъ единство и гармонію. „Правда, мы еще неясно провидимъ новую „соціальную поэзію, но она придетъ“.

„Съ незапамятныхъ временъ геній былъ искупительной жер-

твой человѣчества", говоритъ Джузеппе Мадзини, такова же судьба Байрона и Гете: „какъ титаны своими гигантскими тѣлами, они заполнили пропасть, отдѣляющую насъ отъ грядущаго".

Читая эти фразы молодого ума, чувствуешь, какъ онъ близокъ нашему времени. Эта близость и радостна, и горька. Въ самомъ дѣлѣ, не приходится ли повторять то, что писалъ онъ? Не приходится ли говорить и намъ о „пророческой грусти" Ибсена, и благодарить новаго титана за то, что своею смертью онъ строитъ мостъ для духа коллективизма? Мало того, мы даже уже не рѣшаемся сказать о новомъ героѣ и новой жертвѣ индивидуализма, что онъ „уложилъ его въ гробъ". Дряхлый міръ еще такъ жестоко, такъ проклято проченъ, живетъ еще „безсмертный Кащей". Но мы знаемъ лучше Мадзини соціально-экономическую подкладку борьбы идей. Коллективизмъ Мадзини былъ скорѣе позднимъ отсвѣтомъ великой французской революціи, конвента, онъ мечталъ о ея продолженіи, о законченности демократіи, опирающейся *на народъ*. Народъ и государство противопоставлялъ онъ личности, хотя, конечно, не былъ слѣпымъ послѣдователемъ Руссо и думалъ о республикѣ, въ которой громадная солидарность не убьетъ индивидуальности, въ которой новая „личность"—*народъ* не убьетъ своей составной части—*человѣка*. Но Мадзини неясно представлялъ себѣ, въ чемъ должна будетъ заключаться опора, матеріальный базисъ новаго духа, великаго коллективизма, онъ былъ страннымъ образомъ враждебенъ соціализму. Уже это одно показываетъ, какъ смутенъ обликъ носителя новаго духа—народа. Самъ вождь его метался между разнорѣчивыми элементами и состряпалъ весьма эклектическое ученіе, которое уже сейчасъ никого не удовлетворитъ, которымъ уже начинаютъ пользоваться профессора и министры народнаго затемненія въ борьбѣ противъ соціализма. А вѣдь Мадзини былъ въ полномъ смыслѣ этого слова—геніальнымъ человѣкомъ. Нѣтъ, психологическій коллективизмъ, гармонически соединяющій общественность и личность, внутренняго человѣка и внѣшняго,—возможенъ только на базисѣ экономическаго коллективизма. Разношерстный „народъ" отнюдь не является его носителемъ. Переживая революціонный подъемъ, онъ чуетъ будущее, какъ чуялъ его Сенъ-Жюстъ, какъ чуялъ его Бабефъ, какъ чуяли его Мадзини и Пизаконэ. Но революціонное обостреніе проходитъ, и мѣщанство проявляетъ свой коренной индивидуализмъ. А капиталъ работаетъ себѣ на погибель. Онъ мастеритъ массу плохого товара, обезличиваетъ все, развращаетъ и опошляетъ жизнь. Но онъ строитъ машины и средства сообщенія. Онъ производитъ горы дряни, но... онъ уже производитъ и пролетаріатъ, который эксплоатируетъ и...организуетъ. Процессъ силъ только въ пути. Кто знаетъ, сколько времени возьметъ онъ? Мы видимъ теперь, какую коренную реформу всего обще-

ства долженъ предварительно произвести промышленный прогрессъ для того, чтобы новые идеалы стали осуществимыми. Мы стали гораздо терпѣливѣе. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы ждали сложа руки, пока солнце, дождь и вѣтеръ взрастятъ посѣвъ. Нѣтъ, и для сознательной работы во всѣхъ областяхъ безконечно много мѣста. Роды новаго общества, новаго человѣка мучительны и долги. Акушеры нужны, и работа ихъ сложна.

Но гдѣ же новая поэзія, пришествія которой ждалъ такъ увѣренно Мадзини? Мы имѣемъ все еще лишь слабые ростки ея. Изъ современныхъ крупныхъ писателей, пожалуй, только два подаютъ большія надежды на то, что заставятъ, наконецъ, пѣть нетронутую еще, золотую струну новѣйшаго идеально-пролетарскаго духа,—это Верхарнъ и Горькій. Но и они только идутъ къ этому. А другіе либо идутъ по той же дорогѣ, но медленнѣе и нерѣшительнѣе, либо блуждаютъ по другимъ путямъ, уводящимъ въ сторону отъ зари.

Пролетаріатъ еще не имѣетъ своего поэта. Міръ, даже въ буржуазнѣйшихъ частяхъ своихъ, задрожалъ отъ голоса великаго пролетарскаго ученаго. Онъ вздрогнетъ и тогда, когда раздастся слово великаго пролетарскаго художника.

Ей, гряди скоро!

А. Луначарскій.

Изъ лѣтописи деревенской психики.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ временъ Некрасова и Салтыкова авторы разныхъ статей отмѣчали жалобы и сѣтованія на наводненіе журналовъ „мужикомъ“ и деревней. Сейчасъ у насъ городъ все напряженнѣе оборачивается на село. Да и еще бы! Теперь прямо историческія судьбы России зависятъ отъ того, какія направленія, настроенія, вѣянія покорятъ себѣ умы и сердца деревни.

Самыя наиживѣйшія дѣла современности не обходятся безъ справокъ о прошломъ. А потому и есть смыслъ, кажется намъ, заглянуть и сегодня въ образное лѣтописаніе „народной“ души и пр. у даровитаго беллетриста, что-то нынѣ замолкшаго. А 25 лѣтъ тому назадъ начали прислушиваться къ голосу автора „Записокъ степняка“ А. И. Эртеля. Съ разныхъ точекъ зрѣнія въ произведеніяхъ этого повѣствователя отыскивали „толстоизмъ“. Но, во-первыхъ, въ беллетристикѣ нашей мало кого не затронуло дыханіе отечественнаго Руссо. Навѣрное, въ исторію русскаго изящнаго слова войдетъ опредѣленіе—„эпоха Толстого“. А во-вторыхъ, сообразимъ нижеслѣдующее. Авторъ „Войны и мира“—большой художникъ, моралистъ и религіозный мыслитель, понесшій даже кару. Но онъ всегда относился съ равнодушіемъ, а не то съ презрѣніемъ или прямымъ отрицаніемъ ко внѣшнимъ формамъ, пусть даже шаблонамъ, безъ которыхъ пока не жилъ на землѣ человѣкъ—существо общественное. Г. Эртель (его художественныя силы мы, конечно, и не думаемъ сопоставлять съ толстовскими) демократъ 70 гг., который усердно отдавался и бытовому творчеству, и возсоздаванію русскихъ идейныхъ „смѣнъ“ и теченій... Онъ, очевидно, искалъ, критиковалъ и предначертывалъ и наружныя нормы, среди и подъ которыми отливается человѣческая душа. Толстовскія заповѣди: „работайте на лонѣ природы и будьте святы и чисты сердцемъ“—его, очевидно, не насыщали.

Онъ не мало понаблюдалъ и зарисовалъ и верхи, и низы нашей деревни. И въ этомъ отношеніи на немъ отразились

художественныя и интеллектуальныя вліянія нашего огромнаго психолога—соціолога въ поэзіи—Тургенева. Несомнѣнно, не только съ сочувствіемъ и глубокимъ интересомъ, но и съ талантомъ передачи своихъ впечатлѣній заглядывалъ г. Эртель въ „народную“ *душу*. И его жанры и портреты свидѣтельствуютъ, что, какъ въ данную минуту, такъ и прежде, *ей* всегда было больно отъ несправедливости и тьмы, никогда она не восхищалась у насъ предустановленной экономической и политической гармоніей и, въ сущности, сознательность въ ней всегда теплилась.

И соціальная разслоенность у насъ сказывалась давнымъ-давно. Чуть только позволяли—нѣкоторая независимость, подчасъ случайная мало-мальская интеллигентность, какой-нибудь досугъ въ занятіяхъ—довольно энергично заговаривали и въ провинціальной глуши „классовые“ инстинкты, пожеланія, протесты. Позднѣйшимъ беллетристамъ, и выступая, повидимому, съ новыми бытовыми оглашеніями, съ изображеніями новыхъ „типовъ“—со своими групповыми интересами и воззрѣніями—частью пришлось отрыть Америку, попавшую, напр., и на карту г. Эртеля.

Первые очерки его появились въ концѣ 70-хъ и началѣ 80 г.г. Сборникъ автора „Записки степняка“ особливо богатъ эскизами, и колоритными и обстоятельными по реализму своему — по части воспроизведенія разновидныхъ „буржуевъ“. Вотъ Гундриковъ изъ „Криворожья“—землевладѣлецъ, пекущійся въ рѣчахъ своихъ и о церкви и о націонализмѣ,—характерная фигура: ея не забудешь, какъ что-то обветшалое, вдумываясь и въ текущія наши аграрныя задачи и бѣды.

„Видали вы мышенка въ когтяхъ у кошки? Гундриковъ справедливо полагаетъ, что при такихъ условіяхъ интенсивное хозяйство излишне. Онъ требуетъ затратъ и лучшихъ климатическихъ условій. Вмѣсто того, баснословно дешевымъ трудомъ онъ воздѣлываетъ трехполку“.

Въ очеркѣ „Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣлкинъ“ купецъ Чумаковъ усиленно насаждаетъ культуру въ деревнѣ. Онъ не хуже инженера Чиркуна въ піесѣ г. Горькаго толкуетъ объ оживленіи медвѣжьихъ угловъ: „нужно въ эту массу всяческаго невѣжества и стародавнѣйшей культуры вбить желѣзный клинъ, который массу эту могъ бы расколоть сверху до низу... Этотъ клинъ—фабричное производство“. И самыя отлѣнно-цивилизованныя слова пускаетъ въ ходъ этотъ мирный хищникъ. „Мы революціонеры, но тишайшіе. Вмѣсто крови у насъ золото, вмѣсто Марсельезы—грохотъ машины, вмѣсто мерзкой и отвратительной гильотины—у насъ конторка изъ ясеневаго дерева“. Музыка Липатки слышна и до сихъ поръ... „Наша революція будетъ подѣйствительнѣе многихъ. Тѣ несли разрушеніе—мы

успокоеніе несемъ. Тѣ проповѣдовали самоотверженіе—мы же одного только желаемъ — себялюбія, и на этомъ одномъ камнѣ „воздвигнемъ зданіе". Какъ опредѣляетъ ихъ авторъ, все болѣе и болѣе цивилизующіеся россійскіе рантьеры со слѣдами недавнихъ мозолей на рукахъ, рантьеры-выходцы и до нашихъ дней еще недурно фрондировали. Желтиковъ, навѣрно, записался бы нынѣ въ какую-нибудь прилично-либеральную партію. По поводу болгарской войны Желтиковъ ехидничаетъ въ такомъ родѣ:

„Доброта наша. Оченно мы даже добры.

Мы не токмо сосѣдямъ свободу доставали, мы въ старину бывалоче отнимать ее ходили. Что лупишь очи—не смыслишь? Венгерецъ захотѣлъ венгерцемъ быть, а мы ходили его бить за эфто. Мы били—австріякъ вѣшалъ". Желтиковъ, можетъ быть, и будилъ до извѣстной степени политическое сознаніе окружающихъ. Но и свою хозяйственную линію блюлъ неукоснительно. „Думалъ я сначала,—читаемъ мы у г. Эртеля,—что Желтиковъ, соотвѣтственно своему либерализму, удѣляетъ изъ нихъ—своихъ кругленькихъ денежныхъ скопленій—на нужды гражданъ. Ничуть не бывало. Когда ходила по городу подписка на стипендію одному юношѣ, безъ всякихъ средствъ добравшемуся до третьяго курса въ университетѣ и затѣмъ схватившему голодный тифъ, Протасъ Желтиковъ подписалъ менѣе всѣхъ. На библіотеку для города онъ тоже пожертвовалъ только четвертакъ. Были и еще случаи".

Въ галлереѣ г. Эртеля имѣется и такой своеобразный представитель отечественнаго капитализма—Захаръ изъ очерка „Послѣднія времена". „Это—жила у насъ. Онъ, кулачина, я тебѣ скажу, такой... У него село-то все, почитай, въ долгу. А выпросить у него чего—снѣга посередь зимы не выпросишь". Но авторъ даетъ понять, что Захаръ—недюжинная личность. И въ свое жестокое пріобрѣтательство онъ, можетъ быть, бросился, извращенный низостью и холопствомъ окружающихъ. По натурѣ онъ не рожденъ узкимъ эгоистомъ. И самъ недоброжелатель Захара добавляетъ объективно свою характеристику „кулака": „Крѣпкій человѣкъ Захаръ, справедливый человѣкъ. Онъ жаденъ, это точно. Но, вмѣсто того, все жъ таки человѣкъ онъ твердый. Насъ какъ баринъ выселялъ, онъ за міръ-то грудью. И пороли его въ тѣ поры. Боже ты мой, какъ пороли?!" Къ слову сказать, у г. Эртеля, пожалуй, и очень подчасъ прорывается пристрастіе къ тѣмъ, молъ, свѣжимъ, закаленнымъ человѣческимъ индивидамъ, которые произрастаютъ именно на сельскомъ просторѣ, на суровомъ поприщѣ землероба и т. д. Но его очерки цѣнны своею многосторонностью и конкретностью, своею внушаемостью довѣрія читателю. Однако, очевидно, и авторъ печется о точности своихъ снимковъ. Выписываетъ онъ, напр., болѣе или менѣе приглядные сельскіе пейзажи, трудовой укладъ не безъ своихъ дѣвственныхъ

красотъ. Но и не выключаетъ деталей, отнюдь не восхитительныхъ. Дѣвы сельскія у него фигурируютъ съ „частушкой“—довольно-таки отвратительной:

Охо-хошеньки, хохошки,
Надоѣли намъ картошки.
Намъ картошечки прiѣлись,
Ребятенки приглядѣлись.

Здѣсь и не веселье, а какое-то паясничество звуками и словами—не безъ злости.

Но, въ концѣ концовъ, истинный герой романа автора „Записокъ степняка“—огромное, неопредѣленное большинство, народная масса, съ которою улаживаютъ свои соотношенія и операціи всѣ эти цивилизующіеся и цивилизованные „буржуи“. Г. Эртель зачастую, подобно и Тургеневу и Чехову (послѣдній, впрочемъ, пришелъ позднѣе автора „Записокъ степняка“), прибѣгаетъ къ отступленіямъ, описывая мѣстность, время дня и года, выявляя, а то и изощряя свое „чувство природы“. Изливаясь какъ разъ тогда, когда видимо его волнуютъ чисто-соціальныя эмоціи, и ему хочется, что ли, уравновѣсить себя созерцаніемъ „натуры“, такой, какъ будто постоянно стройной, стойкой, неколебимой въ своихъ дѣйствіяхъ. Но, повторяемъ, г. Эртель лѣтописецъ „народной души“—добросовѣстный и внимательный. Оттого и сейчасъ интересны тѣ или другіе его „человѣческіе документы“ и фотографіи, если не цѣльно-художественные отпечатки. Вотъ передъ нами до нельзя жалкій и уничиженный мужичонка Поплешка. Историческими комбинаціями общественной энергіи и ея настроеніями онъ до того придавленъ, что ему прямо недосужно какъ-нибудь посвязнѣе обобщать свои мысли и ощущенія. Онъ высказывается сразу и очень субъективно и въ высшей степени объективно. Психологія Поплешки въ очеркѣ г. Эртеля весьма содержательна. Сознаніе его работаетъ крайне отзывчиво; онъ—словно во власти отдѣльныхъ моментовъ своихъ и думъ и переживаній. Но наступилъ чередъ—и мозаика обидъ и недоумѣній, разрозненныхъ наблюденій и выводовъ вдругъ сростется въ синтезъ, гдѣ—явная критика окружающей дѣйствительности. Въ сознаніи внезапно развивается особая *воспріимчивость* къ порицанію и отрицанію прежнихъ устоевъ, прежнихъ освѣщеній, пониманій, осязаній жизни, къ системѣ обличеній и взглядовъ — ну, вродѣ философіи „трудовиковъ“ Государственной Думы! Смирный, кроткій Поплешка объявитъ войну на всѣ фронты. Въ эскизѣ г. Эртеля—захудалый земледѣлъ на разспросы, послѣ нѣкотораго молчанія, однако, отвѣчаетъ съ математическою почти точностью и безстрастьемъ: „Мы довольны, попъ жестокій, а мы имъ довольны. Онъ вызволяетъ насъ. Работаешь ему — онъ радъ. Онъ работу помнитъ—придешь къ нему, сейчасъ онъ тебѣ водки. Добрѣйшій попъ. Кабакъ-то у него свой—попадьинъ племянникъ въ немъ“.

Въ запутаннѣйшихъ явленіяхъ долженъ разбираться интеллектъ Поплешки... Добрососѣдская смежность церкви и кабака, обезпеченіе, идущее со стороны эксплоататора—богатыя темы для размышленія и чувствованія. И душа Поплешки реагируетъ... Но пока онъ только констатируетъ: пригнетены—довольны; попъ жестокій—добрѣйшій.

Въ безпорядкѣ и гдѣ-то подъ пологами вызрѣваетъ психика Поплешки. Но и сейчасъ его внутреннему міру не чужды полетъ, мечта, свои прорицанія даже, особый прогнозъ. Въ диковатой формѣ, конечно. Поплешка сообщаетъ, что кто-то подслушалъ разговоръ двухъ птицъ. Радостнаго онѣ ничего не сказали. Но соціальный кризисъ и въ русской жизни предуказали. Не свѣтло настоящее для Поплешки. Но предстоятъ новыя испытанія, горе. „И такое горе впереди, что супротивъ татарщины али француза вдвое больше. Много бѣды впереди!“ О томъ, что самъ Поплешка въ грядущемъ подыметъ свою *личность*, птицы умолчали,—слишкомъ не располагала къ такимъ вѣстямъ обстановка тѣхъ дней. А онъ, этотъ незадачный труженикъ, и достаточно типиченъ, и собирателенъ, какъ представитель обширной Руси. Несмотря на то, что г. Эртель, какъ и г. Маминъ-Сибирякъ,—беллетристическій этнографъ, живописующій по преимуществу избранную *провинцію*, степную Тамбовщину. А, посмотрите! Кстати, какія разнородныя общественныя теченія сталкиваются теперь и въ этой области: тамъ, съ одной стороны, защищаютъ чуть не допетровскіе идеалы, съ другой,—и не создавъ себѣ опредѣленныхъ платформъ, видимо, жаждутъ перемѣнъ, новой соціальной атмосферы—духовнаго разнообразія.

Романъ г. Эртеля „Смѣна“—изъ разряда такъ называемыхъ соціальныхъ и идейныхъ. На сценѣ у автора — восьмидесятые годы. Эту полосу нашей общественной исторіи не однажды именовали „безвременьемъ“. Но, несомнѣнно, и тогда органическаго застоя у насъ не было: все еще не по возрасту ея культурности переживать Россіи пріостановки и отдыхи. Своимъ чередомъ шелъ и въ тѣ годы соціологическій процессъ: копошились силы, пусть и подъ спудомъ; пробивались и скоплялись ключи, хотя бы и подземные. Разнообразные круги и слои общества, деревенскіе обитатели всѣхъ ранговъ затронуты въ романѣ г. Эртеля. Представитель молодежи—студентъ—мечтаетъ быть „гражданиномъ и слугой народа“. Дворяне—въ своемъ родѣ сливки дворянства—Мансуровы—тоскуютъ... „Нирвана—побѣжденнымъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—проза—побѣдителямъ, и благо тому, кто не родился на свѣтъ“. Но главная суть романа опять въ лѣтописаніи „народной души“. Грамотность въ массахъ нѣсколько поднялась. И деревенскіе рыцари духа, пользуясь этимъ, стараются выискать самостоятельно всю истину и правду... старой мистики. Образы г. Эртеля схватываютъ какъ разъ тотъ моментъ, который пове-

детъ за собою неизбѣжную смѣну. „Народное“ сознаніе загорится новымъ свѣтомъ. Скажется въ массѣ тяготѣніе къ „свѣтской“ книгѣ, къ инымъ путямъ вѣры и знанія.

Мы не обрѣтаемъ въ романѣ г. Эртеля внушительныхъ художественныхъ откровеній, которыми питаются поколѣнія и поколѣнія. Даже и многозначительной системы убѣжденій нѣтъ въ творчествѣ автора. Его индивидуальность окрашена, пожалуй, въ цвѣтъ нѣкоторой особой метафизичности. Но его сочиненія отражаютъ жизнь. Гражданскій элементъ присущъ его воспріятіямъ. Оттого-то и сейчасъ мы реагируемъ на матеріалы-хроники г. Эртеля. Еще болѣе лѣтописнаго характера въ романѣ „Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги“. Тутъ цѣлая коллекція портретныхъ набросковъ, силуэтовъ, обликовъ, зачерчивающихъ „душу“ общества, народа нашего вообще и на разныхъ ступеняхъ его соціальной эволюціи. Нервная Элизъ Гарденина случайно прочла въ салонномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Преступленіе и наказаніе“. Она увлекается книгой до сновидѣній и ей „хочется всѣхъ спасти и за всѣхъ умереть“. Купецъ Рукодѣевъ безобразно кутитъ, но рѣчи у него зачастую въ такомъ родѣ: „Всѣ мы, такъ сказать, братья, и потому мужикъ входитъ въ тоже число. Было время, его и продавали, а теперь всѣ граждане“.

Сынъ гарденинскаго конюшаго, питомецъ, можно сказать, самаго гнѣзда холопства—Ефремъ Капитонычъ дѣлается медикомъ. Онъ въ перепискѣ съ товарищемъ, который, бывало, говорилъ: „Граждане сего скопища! Торжественно провозглашаю: всѣ ваши планы и дебаты суть ерунда безъ господина народа!“ Въ степи Ефремъ „услаждается Марксомъ“. Центральная фигура въ „Гардениныхъ“—сынъ „управителя“—Николай Рахманный. Въ немъ нѣтъ героизма, яркихъ признаковъ—типа, идеала. Но, очевидно, онъ—сѣмя для небывалыхъ еще всходовъ на туземной почвѣ. И на его жизненномъ поприщѣ въ романѣ прослѣживаются цѣлыя общественныя наши „смѣны“. Наблюдая мѣстные нравы, Николай отрокомъ „самъ отъ себя“ додумывается до азбучныхъ истинъ, умозаключая: „нехорошо до крови бить людей“. Далѣе онъ уже почитываетъ и завязываетъ знакомства. При немъ старая экономка Фелицата философствуетъ, что и „лучше, когда воли своей не имѣешь“. Николай горячо протестуетъ: „ну, ужъ нѣтъ—легче, кажется, удавиться“. А степною ночью, однажды, послѣ сношеній съ „развивателемъ“ Рукодѣевымъ, юноша нашъ рѣшаетъ: „Я для того только и обучусь всему, чтобы быть полезнымъ народу“. Все еще скромный конторщикъ у отца и покорный сынъ, Николай разъ вмѣшивается въ разговоръ „почтенныхъ“ сподвижниковъ управителя: „Я полагаю, „сиволапъ“ — такой-же гражданинъ и притомъ уплачиваетъ подати“. Выходецъ изъ дворни, но кандидатъ въ какія-то сферы надъ „народомъ“, молодой Рахманный предчувствуетъ соціальныя коллизіи.

Довольно неглубокіе „романы", вблизи и около, преуспѣвавшая „цивилизованность" не насыщаютъ вполнѣ юной, чистой души Николая. Въ его представленіяхъ уже „вставало что-то суровое, внушающее заботы и безпокойство, внушающее глубокую грусть". При немъ ушло крѣпостничество. Но и теперешняя „воля" не разсѣяла и духоты, и тяжести гарденинской атмосферы. Изобрѣтеніе карьеры Николая въ романѣ, впрочемъ, заканчиваетси на довольно свѣтломъ фонѣ. Рахманный съ годами сходится съ Иваномъ Ѳиногенычемъ. Это—торговецъ желѣзомъ, но большой книгочій, прогрессистъ и идейникъ. Къ себѣ привлекаетъ онъ и Николая. Въ заключеніе, нашъ Рахманный—земскій гласный, обнадеживающій своего соратника—либеральнаго Рафаила Гарденина: „Подождите-съ. Тѣмъ мѣстомъ созидается *сознательная* сила-съ, понятія крѣпнутъ, головы привыкаютъ размышлять". По нашему мнѣнію, и тутъ г. Эртель не дурно справляется съ ролью добросовѣстнаго и объективнаго лѣтописца, помогающаго раскрывать разныя скобки и текущихъ явленій русской жизни. Своими штрихами освѣщается у автора и массовая, „народная" психика. Задолго до нашихъ дней, когда готовятъ пункты и параграфы свободы совѣсти, Арсеній защищаетъ свою вольную богословію: „вселенскимъ соборамъ не вѣрю, соборныхъ постановленій *не примаю*... написано: любовь все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. А ты анаѳему сулишь". Теперь болѣе или менѣе громогласно и повсюдно повторяютъ слова эртелевскаго Арсенія—„сѣраго" „мужика-неуча". „Н-да, грамотные все знаютъ. Оттого, сказываютъ, мы на нихъ и работаемъ, что все знаютъ. Оттого имъ и вольготно". Михайловскій выдѣлялъ у насъ „вольницу" и „подвижниковъ". Къ послѣднимъ принадлежитъ въ романѣ „Гарденины" и столяръ Иванъ Ѳедорычъ. Здѣсь зодчество автора, можетъ быть, отзывается мелодраматизмомъ. Но не во лжи вы попрекнете г. Эртеля. Просто у него не хватило должныхъ средствъ выраженія: „образное мышленіе"—художество такъ требовательно! А запись бытовой психіи, напр., родственно-хозяйственныхъ раздоровъ въ семьѣ старосты Веденея въ романѣ и сейчасъ любопытный красочный соціологическій матеріалъ! „Правовѣрный" или не совсѣмъ „народникъ"—г. Эртель, не рѣшаемъ; не льстецъ только онъ. Сходка по случаю дѣлежа отца съ сыномъ снята эпически-мастерски—настоящее фотографическое пособіе для земельныхъ реформаторовъ. Элегическая настроенность, видимо, подчасъ захватываетъ автора. Нервозная Вѣра Переверзева, появляющаяся въ концѣ романа, какъ будто частью приводитъ въ колебаніе и самого повѣствователя. Но онъ не измѣняетъ долгу деревенскаго лѣтописца, и тѣмъ крѣпче связываетъ свою гарденинощину съ нашимъ настоящимъ.

Нынѣ она—„душа народная"—мятется завѣдомо для всѣхъ, не для однихъ симпатизирующихъ составителей „записокъ". И

настолько энергично, что кровь, пожаръ, разгромы знаменуютъ ея самочувствіе. Отъ разной недоброй наслѣдственности она еще цѣликомъ не освободилась. Вѣдьмы, чары колдуна цыгана Ефима изъ „Гардениныхъ“ подчасъ обременяютъ ея умственность. Но юнцы изъ рода Веденеевъ и Андроновъ уже усердные и даже разборчивые читатели и газетъ и книгъ, ничуть не старозавѣтныхъ. И Поплешки рѣшительно и опредѣленно осуждаютъ несообразныхъ служителей церкви, отвергаютъ административныя путы. И г. Эртель до извѣстной степени въ своихъ очеркахъ предсказалъ подобныя видоизмѣненія народной психики. На все увеличивающееся, молъ, засиліе буржуевъ и столь жесткаго, неэстетичнаго, торгашескаго, что ли, города г. Эртель сѣтуетъ зачастую: этого вѣдь не скроешь. Но и какого-нибудь земельнаго крестьянскаго рая на Руси, сельскаго идеала онъ также прямо нигдѣ намъ не начертываетъ. Но во всякомъ случаѣ, если можно такъ выразиться,—*земельныя иллюзіи* входятъ въ содержаніе „народной души“ въ очеркахъ г. Эртеля.

Земля—это и прочный достатокъ, и независимость, и красота, и что-то, если хотите, и національное, и религіозное. Такова массовая психологія, не однажды живописанная у насъ, подмѣчаемая и въ очеркахъ г. Эртеля. Не безъ трагизма для собственно-политическаго прогрессированія Россіи сказываются подобныя умонастроенія и склонности и сейчасъ, въ дни хаотичнаго переустройства отечества. Аграрныя дѣла—„навязчивая идея“ нашей гражданской минуты.

И внимательный читатель найдетъ себѣ пищу въ сочиненіяхъ г. Эртеля, даровитаго и освѣдомленнаго лѣтописца, и помимо розыска у него толстовства и народничества.

А. Налимовъ.

Мѣстное самоуправленіе.

I.

Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ московскаго журнала „Самоуправленіе" напечатанъ проектъ Городового Положенія, составленный парламентской фракціей конституціонно-демократической партіи первой Государственной Думы. Въ моментъ, когда пишутся эти строки, вторая Государственная Дума только собралась, и ея будущая дѣятельность, какъ и вообще вся ея судьба, покоится, какъ говорили древніе, на лонѣ боговъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, если только Небо пошлетъ ей долгіе дни, что въ числѣ задачъ, которыми она займется, одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ преобразованіе нашего мѣстнаго самоуправленія. Объ этомъ уже заранѣе предупреждали кадеты, да и само правительство, какъ слышно, готовитъ какой-то проектъ. Въ этомъ разсчетѣ мы и пишемъ настоящую статью. Мы не раздѣляемъ кадетскихъ иллюзій насчетъ того, что Думѣ удастся въ лицѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія создать для своего существованія центры опоры. Мы не раздѣляемъ ихъ не потому, что не придаемъ этимъ органамъ подобающаго значенія, а потому, что думаемъ, что, пока Дума не завоюетъ себѣ полновластныхъ правъ, сама реформа мѣстнаго самоуправленія не можетъ быть осуществлена въ такихъ размѣрахъ и на такихъ началахъ, чтобы удовлетворять указанному требованію. Исторія Франціи и Англіи показываетъ, что демократическая реформа мѣстнаго самоуправленія является не условіемъ, а *результатомъ* побѣдоносной революціи, а нашъ собственный опытъ какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ учитъ насъ, что наша самодержавная бюрократія никогда не дастъ своего согласія на такія мѣры и такія реформы, которыя въ будущемъ могутъ ей угрожать серьезной опасностью. Тѣмъ не менѣе наши товарищи въ Думѣ не въ силахъ будутъ отвести вопросъ о преобразованіи мѣстныхъ учрежденій, разъ онъ будетъ поставленъ на очередь, и задача ихъ сведется къ тому, чтобы постараться придать ему возможно болѣе демократическое разрѣшеніе. Въ нижеслѣдующемъ мы и намѣчаемъ общія основы такого разрѣшенія, насколько позволяютъ скромные размѣры

журнальной статьи. Мы специально займемся критическимъ разборомъ кадетскаго проекта Городового Положенія, такъ какъ этотъ проектъ пойдетъ, вѣроятно, въ первую голову и, кромѣ того, онъ поможетъ намъ конкретно разобраться въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ, которыя общи для всей области мѣстнаго самоуправленія.

Читатель замѣтитъ, что мы говоримъ о *критикѣ* кадетскаго проекта. Это значитъ, что мы его не одобряемъ. Дѣйствительно, достаточно пробѣжать глазами первую же коротенькую главу, трактующую объ „общихъ положеніяхъ", чтобы видѣть, что кадетскій проектъ всецѣло стоитъ еще на почвѣ тѣхъ ученій о сущности мѣстнаго самоуправленія, которыя на Западѣ теряютъ кредитъ въ кругахъ даже буржуазныхъ теоретиковъ государственнаго права и примѣненіе которыхъ на континентѣ привело къ иллюзорности мѣстнаго самоуправленія. Казалось бы, наши русскіе правовѣды, которые такъ внимательно слѣдятъ за научною мыслью Запада, должны были знать это. Казалось бы, что заново создавая для Россіи городскія общественныя учрежденія, они должны были отказаться слѣдовать континентальнымъ образцамъ и обратиться за примѣромъ къ классической странѣ мѣстнаго самоуправленія—Англіи. Странно, однако, сказать: практика Англіи, совершенство учрежденій которой они при случаѣ готовы восхвалять на всевозможные лады, точно для нихъ не существуетъ, а взамѣнъ они довольствуются континентальною рутиною, негодность и несостоятельность которой была доказана опытомъ какъ нашимъ собственнымъ, русскимъ, такъ и другихъ государствъ. Есть ли это неспособность къ смѣлому и свѣжему мышленію или завѣдомое предпочтеніе принциповъ, нарочито приспособленныхъ къ бюрократическому режиму?

Что говорятъ „общія положенія"? „Городскому обществу предоставляется право самоуправленія" (ст. 1) и „Городское общественное управленіе... представитель интересовъ городского населенія" (ст. 2). Казалось бы, совершенно просто.

Мы сызмала привыкли требовать для городского общества права самоуправленія и отказывались признавать за кѣмъ-либо, кромѣ какъ за городскимъ общественнымъ управленіемъ, право представлять интересы городского населенія. Въ томъ-то, однако, и бѣда, что не все, что мы привыкли думать и чего мы привыкли требовать „сызмала"—правильно, и взрослымъ людямъ часто приходится провѣрить свои традиціонные взгляды на основаніи опыта теоретическаго изученія. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, что значатъ слова: „Городское общественное управленіе ...представитель интересовъ городского населенія". Они знаютъ, что городское общественное управленіе не есть органъ государственной власти, не есть представитель интересовъ государства, а лишь представитель мѣстныхъ нуждъ и интересовъ города. Но, во-первыхъ, кто же является въ городѣ представителемъ государственныхъ интересовъ, носителемъ госу-

дарственной власти? На это проектъ не даетъ прямого отвѣта, но статьи 39 и 12 говорятъ о губернаторахъ, градоначальникахъ и т. п. и о подвѣдомственныхъ имъ „мѣстностяхъ“, а ст. 31 упоминаетъ о мѣстной администраціи. Очевидно, авторы проекта имѣли въ виду рядомъ съ городскимъ общественнымъ управленіемъ создать, или скорѣе, оставить должности бюрократическихъ представителей центральной власти, которые будутъ вѣдать государственныя „пользы и нужды“ и, стало быть, по нѣкоторымъ предметамъ управлять тѣмъ же городскимъ обществомъ. Но если такъ, то какъ можно заявлять, что „городскому обществу предоставляется право самоуправленія“? Очевидно, что это право ограничено правами центральной администраціи и распространяется лишь на предметы, вытекающіе изъ мѣстныхъ интересовъ и нуждъ. Такого ли городского самоуправленія мы добиваемся?

Но, во-вторыхъ, въ чемъ заключаются „интересы городского населенія?“ Опять-таки проектъ ихъ прямо не опредѣляетъ, но ст. 26 содержитъ длинный перечень предметовъ, находящихся въ вѣдомствѣ городской думы, т. е. главнаго органа городского общественнаго управленія. На первомъ планѣ стоятъ здѣсь дѣла, касающіяся наружнаго благоустройства города и всякаго рода городскія предпріятія, вродѣ завѣдыванія устройствомъ и содержаніемъ улицъ, площадей, мостовыхъ, общественныхъ садовъ, каналовъ, мостовъ и т. д. Безъ сомнѣнія, все это составляетъ интересы городского населенія. Но вотъ въ дальнѣйшемъ (пункты и, і, к) мы встрѣчаемъ такіе предметы, какъ народное образованіе, охраненіе народнаго здравія, призрѣніе бѣдныхъ, попеченіе о развитіи мѣстной торговли, фабричный надзоръ и пр. Развѣ это „интересы городского населенія“, мѣстныя нужды и польза? Развѣ народное образованіе не составляетъ государственнаго интереса, или призрѣніе бѣдныхъ, охраненіе народнаго здравія, развитіе „мѣстной“ промышленности? Включеніе такихъ предметовъ въ кругъ дѣлъ, завѣдуемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, является просто узурпаціей, и статья 25, гласящая, что „Городская дума ...по всѣмъ касающимся его (городского общества) дѣламъ ...дѣйствуетъ самостоятельно, и постановленія ея ...не подлежатъ утвержденію и приводятся въ исполненіе немедленно“, звучитъ довольно безсмысленно. Государственная власть не можетъ ввѣрять городскому общественному управленію завѣдываніе дѣлами, выходящими далеко за предѣлы „интересовъ городского населенія“, а если и ввѣряетъ—не въ качествѣ права, а въ качествѣ привилегіи — то не можетъ „предоставить ему правъ дѣйствовать „самостоятельно“.

Такимъ образомъ, кадетскій проектъ, несмотря на торжественную формулировку ст. 1. „общихъ положеній“, нисколько не создаетъ городского самоуправленія въ предѣлахъ, къ которымъ стремится демократія, а въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ ставитъ требованія, которыя являются съ точки зрѣнія формулируемыхъ имъ принциповъ абсолютно непріемлемыми.

Какъ же это произошло? Это произошло оттого, что авторы проекта, по робости ли, или по неразумѣнію, обратились за образцомъ не въ Англію, единственную страну, гдѣ мѣстное „самоуправленіе“ дѣйствительно существуетъ, какъ реальный фактъ, а взяли за образецъ континентальныя государства, гдѣ оно существуетъ лишь, какъ фантомъ. Континентальныя государства, всѣ, не исключая Франціи, организованы на началахъ централизованной политической власти, т. е. абсолютизма и бюрократіи, вслѣдствіе чего мѣстному обществу предоставляется въ лучшемъ случаѣ завѣдывать самостоятельно „мѣстными“ нуждами и пользами, а государственныя нужды и пользы вѣдаются бюркратическими представителями центральной власти непосредственно или черезъ мѣстныя общественныя управленія, которыя въ такихъ случаяхъ исполняютъ лишь повинность и дѣйствуютъ подъ контролемъ этихъ представителей. Совсѣмъ другое въ Англіи. Здѣсь само государство есть лишь организація мѣстностей (localities), въ каждой изъ коихъ общество является не только представителемъ мѣстныхъ интересовъ, но и носителемъ государственной власти и государственныхъ интересовъ. Вслѣдствіе этого выборные органы этого общества, т. е. мѣстныя общественныя управленія, завѣдуютъ всѣмъ кругомъ дѣлъ, относящихся къ данной мѣстности, и никакихъ другихъ представителей отъ центральной государственной власти нѣтъ и не можетъ быть. Оттого даже термина: „мѣстное самоуправленіе“ въ англійскомъ юридическомъ словарѣ нѣтъ, и пресловутое выраженіе „self-government“, пущенное въ ходъ Рудольфомъ Гнейстомъ будто бы на основаніи англійской терминологической практики, является собственнымъ изобрѣтеніемъ этого ученаго бюрократа. На дѣлѣ же Англія знакома лишь съ „мѣстнымъ управленіемъ“ local government,—не понимая, какъ иначе можетъ осуществляться управленіе страною, какъ не черезъ мѣстныя общественныя управленія, т. е. выборные органы мѣстныхъ обществъ. Уже сама разница въ этой терминологической практикѣ свидѣтельствуетъ о коренномъ различіи въ воззрѣніяхъ на сущность мѣстнаго самоуправленія между континентомъ и Англіей: на континентѣ мѣстное самоуправленіе выдѣляется изъ обще-государственнаго на основѣ мѣстныхъ нуждъ, огораживаемыхъ отъ вторженія центральной абсолютистски-бюрократической власти; въ Англіи такая центральная власть совсѣмъ не существуетъ благодаря тому, что общество на мѣстахъ само представляетъ государственные интересы. Мѣстное самоуправленіе на континентѣ является жалкимъ компромиссомъ между обществомъ и абсолютизмомъ, мѣстное самоуправленіе въ Англіи воплощаетъ побѣду общества надъ абсолютизмомъ. Оттого—возвращаясь къ сказанному въ началѣ статьи—даже съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя кадеты преслѣдуютъ реформою мѣстнаго самоуправленія, проектъ ихъ никуда не годится, такъ какъ осуществленіе его нисколько не ослабитъ абсолютизма и бюрократіи, а потому не создастъ центровъ опоры для борьбы съ ними.

Соціалъ-демократы въ Государственной Думѣ должны бороться противъ такого оскопленнаго и реакціоннаго пониманія основъ мѣстнаго самоуправленія и должны настаивать, чтобы Городскому общественному управленію было предоставлено управленіе городомъ въ полномъ его объемѣ и чтобы оно разсматривалось не только, какъ представитель интересовъ городского населенія, но и какъ представитель интересовъ государства въ предѣлахъ города.

Изъ этого уже само собою вытекаетъ то отношеніе, которое должно существовать между городскимъ общественнымъ управленіемъ и центральной властью. Въ качествѣ представителя государственныхъ интересовъ на мѣстѣ, городское общественное управленіе подчинено только закону, и центральная власть, въ лицѣ министра или короны, или кого бы тамъ ни было, не имѣетъ административнаго locus standi въ его дѣлахъ. То, что въ кадетскомъ проектѣ спеціально оговорено, такъ какъ нисколько не вытекаетъ изъ его опредѣленія сущности городского самоуправленія, у насъ явствуетъ само собою, такъ какъ городское общественное управленіе является у себя въ городѣ абсолютно тѣмъ же, чѣмъ центральное правительство является для всей страны: носителемъ государственной власти. Ни одинъ изъ нихъ не станетъ выше другого въ іерархическомъ порядкѣ администраціи, и оба они соподчинены закону. Законъ опредѣляетъ, что городское общественное управленіе должно дѣлать и можетъ дѣлать, но исполненіе этого „должно" и „можно" онъ всецѣло предоставляетъ ему. Какъ говоритъ совершенно основательно, но съ удивительнымъ non sequitur, кадетскій проектъ, „Городское общественное управленіе дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленной ему власти вполнѣ самостоятельно" (ст. 4). Правда, центральная власть въ лицѣ министровъ и ихъ уполномоченныхъ слѣдитъ за законностью его постановленій и мѣропріятій, т. е. за тѣмъ, чтобы оно исполняло возложенныя на него закономъ обязанности и при исполненіи другихъ, факультативныхъ обязанностей не выходило за предѣлы разрѣшеннаго закономъ. Но, во-первыхъ, министры въ данномъ случаѣ являются лишь довѣренными законодателя, т. е. парламента, передъ которымъ они отвѣтственны, а, во-вторыхъ, то же право наблюденія за законностью дѣйствій городскихъ общественныхъ управленій предоставляется любому гражданину. И то обстоятельство, что этотъ контроль лишенъ всякаго административно-служебнаго характера, выражается въ томъ, что министръ столь же мало, какъ и простой гражданинъ, можетъ заставить городское общественное управленіе поступать законно, простымъ приказомъ, а долженъ прибѣгнуть къ содѣйствію суда. По существу вся власть министра въ данномъ случаѣ основывается на томъ, что онъ — гражданинъ, которому спеціально поручено наблюдать за законностью дѣйствій мѣстныхъ общественныхъ управленій, такъ какъ другіе граждане не обладаютъ для этого ни нужными знаніями, ни нужнымъ временемъ и

охотою. Оттого и власть его не идетъ дальше того, что предоставляется остальнымъ гражданамъ.

Въ Англіи все это осуществлено. Въ Англіи нѣтъ министерскихъ приказовъ или распоряженій по городамъ, нѣтъ административнаго утвержденія или кассированія рѣшеній городскихъ общественныхъ управленій, нѣтъ правительственнаго смѣщенія состава городскихъ думъ или служащихъ по городскому общественному управленію, какъ мы часто встрѣчаемъ всюду на континентѣ вплоть до республиканской Франціи. Даже по такому предмету первостепенной государственной важности, какъ охраненіе общественнаго спокойствія и порядка, правительство не имѣетъ никакого locus standi въ распоряженіяхъ городского общ. управленія. Безъ приглашенія послѣдняго правительство не можетъ даже присылать войска,— тѣмъ менѣе заняться усмиреніемъ безпорядковъ. Для того, чтобы имѣть хоть нѣкоторую возможность контролировать дѣйствія мѣстной полиціи, правительству приходится вступать съ городскимъ общ. управленіемъ въ частную сдѣлку, на основаніи которой послѣднему выдается на содержаніе полиціи субсидія изъ бюджетныхъ суммъ въ обмѣнъ на право утверждать назначенія по полицейскому штату; но это нисколько не умаляетъ правъ городскихъ общ. управленій отвергать какъ субсидію, такъ и право утвержденія. Аналогичная форма факультативнаго контроля назначеній существуетъ и въ области заполненія штатовъ городскихъ врачей и санитарныхъ инспекторовъ: если городское общ. управленіе желаетъ, то оно можетъ предоставить министерству право утверждать или отвергать кандидатовъ на эти должности въ обмѣнъ за субсидію; но оно можетъ отказаться отъ субсидіи, и тогда назначенія его не подлежатъ никакому контролю. Есть еще одинъ предметъ, по которому министерство пользуется контролемъ надъ дѣйствіями городскихъ общ. управленій: это по предмету заключенія займовъ на капитальныя затраты. Городскимъ общ. управленіямъ приходится очень часто испрашивать, при проектированіи займа, разрѣшенія министра. Но здѣсь власть министерства является просто делегированною отъ парламента. По закону ни одинъ публичный заемъ не можетъ быть произведенъ какимъ бы то ни было общественнымъ учрежденіемъ, начиная министерствомъ и кончая какой-нибудь деревенской кладбищенской комиссіей, безъ особаго на то законодательнаго акта; такъ какъ, однако, самъ парламентъ не въ состояніи былъ бы заниматься разсмотрѣніемъ всѣхъ безчисленныхъ ходатайствъ на этотъ счетъ, то обязанность разсмотрѣнія ихъ по предметамъ стереотипнаго общественнаго обихода поручается различнымъ министерствамъ съ правомъ выдавать „предварительныя разрѣшенія“ на займы, которые затѣмъ утверждаются парламентомъ въ одномъ общемъ законодательномъ актѣ. Такимъ образомъ, власть правительства здѣсь „отраженная“, а не реальная.

Есть, впрочемъ, и въ Англіи двѣ области, въ которыхъ городскія общ.

управленія подлежатъ административному контролю, весьма похожему на континентальный, а именно, область общественнаго призрѣнія бѣдныхъ и область общественной санитаріи. Въ первой изъ нихъ министерскій контроль распространенъ на самыя мелочи, вродѣ увеличенія на одинъ золотникъ количества хлѣба, выдаваемаго въ работныхъ домахъ, или снабженія работнаго дома новой ванною. Во второй—контроль слабѣе, но и тутъ законъ допускаетъ даже устраненіе суммарнымъ судебнымъ порядкомъ санитарныхъ комиссій въ случаѣ нерадивости ихъ и производства необходимыхъ работъ комиссарами. Объясняется это странное исключеніе тѣмъ, что здѣсь законъ завѣдомо сталъ на, такъ сказать, незаконную почву въ войнѣ съ народомъ и въ защиту интересовъ правящей буржуазіи. Нынѣ дѣйствующее положеніе объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ создано въ 1834 г., какъ мѣра „принудительнаго отчужденія“ сельскаго и ремесленнаго пролетаріата отъ приходскихъ средствъ къ существованію съ цѣлью заставить его идти на фабрики; а такъ какъ народъ доброй волею не согласился бы на такую экономическую операцію, какъ введеніе положенія, такъ и дальнѣйшее его осуществленіе было обставлено бюрократическими и централистическими условіями, включавшими въ первое время даже изъятіе его изъ вѣдѣнія парламента и учрежденіе для верховнаго завѣдыванія имъ диктатуры изъ трехъ лицъ. Другими словами, законъ 1834 г. былъ революціоннымъ актомъ буржуазіи противъ пролетаріата, своего рода coup d'état, который могъ быть осуществленъ только силою, вопреки основнымъ началомъ конституціи. Административный контроль, присутствующій въ области общ. санитаріи, имѣетъ аналогичное происхожденіе, съ тою лишь разницею, что здѣсь пришлось воевать не съ пролетаріатомъ, а съ мелкой буржуазіей, ни за что не хотѣвшей носить расходы по устройству канализаціи, водопроводовъ и пр. Во всякомъ случаѣ здѣсь и тамъ административное подчиненіе органовъ мѣстнаго самоуправленія носитъ характеръ завѣдомаго нарушенія конституціи, такъ сказать, революціи en permanence, и Англія мирится съ нимъ только потому, что оно служитъ интересамъ правящаго класса.

Другое слѣдствіе, вытекающее изъ вышеуказанной сущности мѣстнаго и въ частности городского самоуправленія, нѣсколько иного характера. Ст. 26 разсматриваемаго проекта даетъ, какъ мы сказали, перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству городской думы. Съ точки зрѣнія авторовъ проекта такой перечень весьма умѣстенъ, такъ какъ нужно же опредѣлить, что входитъ въ кругъ „интересовъ городского населенія“. Этотъ перечень—не исчерпывающій; послѣдній пунктъ „с“ такъ и гласитъ: „и вообще всѣ мѣры, признаваемыя городскою думою необходимыми въ интересахъ жителей города“. Легко, однако, видѣть, что если разсматривать—какъ оно и надлежитъ—городское общ. управленіе, какъ представителя не только мѣстныхъ, но и государственныхъ интересовъ, то такой

перечень долженъ носить совершенно иной характеръ. Будучи носителемъ государственной власти въ предѣлахъ города, городское общественное управленіе, съ одной стороны, *обязано* заботиться о тѣхъ предметахъ, которые возлагаются на него закономъ, т. е. парламентомъ, такъ какъ иного способа приводить къ исполненію дѣла, относящіяся къ внутреннему управленію страны, какъ при помощи мѣстныхъ (въ частности городскихъ) общественныхъ управленій, нѣтъ; съ другой же стороны, оно *можетъ* воспользоваться тѣми правами, которыя ему предоставлены закономъ на принципѣ факультативности. Эти двѣ категоріи обязанностей правъ создаютъ и двѣ категоріи предметовъ, находящихся въ вѣдомствѣ городскихъ общ. управленій, обязательныхъ и факультативныхъ, которыя въ точности опредѣляются закономъ.

Если вы возьмете англійскіе учредительные акты по городскому самоуправленію,—напр., городовое положеніе 1835 г. или 1882 г.,—то вы тщетно будете искать въ нихъ точнаго обозначенія этихъ предметовъ. Этими актами созданъ лишь механизмъ учрежденій и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчены ихъ функціи; сами же предметы, которые ими вѣдаются, опредѣлены въ особыхъ законодательныхъ актахъ, которые проводились парламентомъ въ разное время и передавались городскимъ учрежденіямъ къ исполненію. Таковъ актъ объ общественномъ здравіи 1875 г., таковъ актъ о библіотекахъ 1845 г., таковъ актъ о техническомъ образованіи 1889 г., таковъ школьный актъ 1902 г. и т. д. Всѣ они регламентируютъ *предметъ* и передаютъ завѣдываніе имъ городскимъ и, вообще мѣстнымъ общественнымъ управленіямъ, чѣмъ ярко отмѣчается тотъ фактъ, что эти управленія служатъ постоянными носителями и исполнителями государственной воли. Совершенно такъ же должно было быть и у насъ. Проектъ Городового Положенія долженъ былъ бы ограничиться однимъ созданіемъ механизма, предоставляя законодателю отдѣльными актами, касающимися тѣхъ или другихъ предметовъ внутренняго управленія, создать кругъ дѣлъ, обязательно или факультативно завѣдуемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Къ счастью или несчастью, мы не начинаемъ съ tabula rasa. За нами имѣется историческая практика, намѣтившая уже цѣлый рядъ предметовъ, входящихъ въ кругъ внутренняго управленія страны, а потому подлежащихъ вѣдѣнію мѣстныхъ учрежденій. Законодатель можетъ обозначить ихъ суммарно въ одномъ общемъ актѣ, который, однако, долженъ составлять не часть Городового Положенія, а особый законъ, его сопровождающій. Въ самомъ же текстѣ Городового Положенія должно быть сдѣлано указаніе въ томъ смыслѣ, что „предметы вѣдомства городской думы опредѣляются особыми по каждому предмету законами, а впредь до изданія ихъ—сопроводительнымъ настоящему Городовому Положенію закономъ“.

Покончивъ съ общими основаніями, мы перейдемъ теперь къ частностямъ.

II.

Въ ст. 5 „общихъ положеній“ кадетскій проектъ говоритъ: „Городское общественное управленіе состоитъ изъ слѣдующихъ учрежденій: а) избирательныхъ собраній, б) городской думы и в) городской управы и подвѣдомственныхъ ей органовъ“. Эта статья касается организаціи городского общественнаго управленія,—предмета, уступающаго по важности лишь правамъ послѣдняго, а потому мы прежде всего остановимся на ней.

Характерная особенность этой статьи заключается въ томъ, что въ ней сохранено традиціонное дѣленіе выборнаго органа городского общественнаго управленія на распорядительную и исполнительную палаты, на городскую думу и городскую управу. Первая составляется изъ гласныхъ, выбираемыхъ избирателями, а вторая составляется изъ членовъ, выбираемыхъ думою какъ изъ своей среды, такъ и извнѣ. Это тотъ же порядокъ, который принятъ въ большинствѣ государствъ континента, но который совершенно неизвѣстенъ въ Англіи. Онъ фактически передаетъ всю власть палатѣ, составленной двухстепенными выборами,—отчасти даже изъ лицъ, совершенно не отвѣтственныхъ передъ избирателями,—оставляя за прямыми выборами отъ городского общества лишь право направлять и контролировать ея дѣйствія. Само это право имѣетъ лишь слабое реальное значеніе въ виду того, что гласные думы не соприкасаются съ практическимъ производствомъ дѣлъ и сессіи думы происходятъ черезъ продолжительные промежутки. Такой порядокъ спеціально разсчитанъ на то, чтобы по возможности больше ослабить контроль городского общества надъ дѣйствіями городского общественнаго управленія и придать органамъ послѣдняго бюрократическій характеръ. Сохраненіе такого порядка не дѣлаетъ чести авторамъ проекта, свидѣтельствуя объ ихъ реакціонныхъ помыслахъ, и соціалъ-демократамъ необходимо настаивать на замѣнѣ его системою, принятою въ Англіи. Въ Англіи вся власть и вся отвѣтственность передъ избирателями нераздѣльно сосредоточены на городской думѣ. Никакихъ управъ, магистратовъ, адъюнктовъ Англія не знаетъ, и всѣмъ распоряжается, все исполняетъ городская дума. Правда, для удобства и экономіи въ производствѣ дѣлъ законъ даетъ ей право назначать изъ своей среды по различнымъ предметамъ различныя комиссіи; три такія комиссіи онъ даже считаетъ обязательными: финансовую, полицейскую и школьную; но ни законъ, ни избиратель оффиціально и юридически не вѣдаются съ ними, и онѣ сами играютъ чисто-служебную роль. Всѣ ихъ постановленія и рѣшенія должны докладываться въ думѣ, и только распоряженія полицейской комиссіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и школьной, не нуждаются въ предварительномъ утвержденіи ею. Такимъ образомъ, не только de jure, но и de facto вся власть сосредоточена въ городской думѣ, вслѣдствіе чего и засѣданія ея происходятъ чрезвычайно часто и почти круглый годъ.

Противъ системы комиссій обыкновенно выдвигаются два возраженія: она мѣшаетъ единству дѣйствія и громоздка. Странно, однако, что Англія до сихъ поръ не замѣтила этого и что, напротивъ, если гдѣ механизмъ мѣстнаго общественнаго управленія работаетъ вразбродъ и неуклюже, такъ это на континентѣ. Работы комиссій объединяются, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ проходятъ черезъ городскую думу, прежде чѣмъ получаютъ законную силу; во-вторыхъ же, на каждую рекомендацію комиссіи финансовая комиссія обязана дать свое заключеніе. Этимъ въ полной мѣрѣ обезпечивается единство дѣйствія городскихъ комиссій подобно тому, какъ оно въ настоящее время обезпечивается общими засѣданіями управы. Что же до скорости дѣйствія, то оно достигается какъ частыми засѣданіями комиссій, такъ и предоставленіемъ извѣстной дискреціонной власти завѣдующимъ административными частями вмѣстѣ съ предсѣдателями соотвѣтствующихъ комиссій.

Не менѣе, чѣмъ сохраненіе такого анти-демократическаго учрежденія, какъ городская управа, насъ удивляетъ сохраненіе особаго положенія и особой власти городского головы. Правда, изъ городской думы онъ удаленъ и замѣненъ тамъ предсѣдателемъ, но онъ остается предсѣдателемъ городской управы, являясь „главнымъ уполномоченнымъ городского общества по управленію городскими дѣлами и хозяйствомъ“ (ст. 46). Ему принадлежитъ общій надзоръ за дѣятельностью какъ городской управы, такъ и всѣхъ подвѣдомственныхъ ей учрежденій (ст. 46), и въ случаяхъ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательствъ онъ можетъ принимать по своему усмотрѣнію мѣры, подлежащія коллегіальному рѣшенію управы (ст. 49). Къ довершенію, онъ хотя и выбирается городскою думою, но не непремѣнно изъ ея состава: онъ можетъ быть взятъ и со стороны.

Все это совершенно въ прусскомъ стилѣ, который въ свою очередь заимствованъ въ главныхъ чертахъ изъ Франціи. И въ Пруссіи бургомистръ и во Франціи мэръ выбираются городскими думами и получаютъ верховный контроль надъ дѣятельностью городскихъ учрежденій. Разница лишь въ томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ и во Франціи бургомистръ и мэръ облечены этимъ контролемъ потому, что правительственная власть не довѣряетъ демократіи и предпочитаетъ имѣть дѣло съ лицомъ, которое было бы передъ нею отвѣтственно за всѣ прегрѣшенія городского общественнаго управленія. Оттого бургомистръ и мэръ оффиціально подчинены правительственной власти и въ одномъ случаѣ могутъ быть назначены съ ея согласія, а въ другомъ—могутъ быть смѣщены ею административнымъ распоряженіемъ. Авторы же нашего проекта захотѣли быть оригинальными и, не признавая городского головы отвѣтственнымъ передъ правительственною властью, такъ какъ иначе право городского общества на самоуправленіе было бы подорвано въ корнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ присвоили ему власть, приличествующую лишь представителю цен-

тральной власти. Правда, и въ Соединенныхъ Штатахъ городской мэръ обладаетъ большой властью и вмѣстѣ съ тѣмъ не подчиненъ центральной власти. Но онъ выбирается непосредственно населеніемъ, т. е. является его отвѣтственнымъ и исполнительнымъ органомъ, межъ тѣмъ какъ у насъ онъ по проекту назначается въ порядкѣ косвенныхъ выборовъ и населеніемъ нисколько не контролируется. Другими словами, американскій мэръ воплощаетъ въ своей должности высшій принципъ демократизма, на основаніи котораго не только административно-законодательныя, но и исполнительныя инстанціи (президентъ республики, губернаторъ штата и мэръ города) подлежатъ, какъ въ прочихъ республикахъ, народному избранію, а проектируемый кадетами городской голова является чистымъ бюрократомъ-начальникомъ, неизвѣстно для чего облеченнымъ чрезвычайной властью.

Авторы проекта поступили бы лучше, если бы послѣдовали англійскому образцу. Должностныя лица по исполненію рѣшеній и распоряженій городской думы и ея комиссій занимаютъ чисто-служебное положеніе, а мэръ—лишь предсѣдатель городской думы, пользующійся извѣстнымъ соціальнымъ почетомъ и состоящій ex-officio членомъ всѣхъ комиссій, но не обладающій абсолютно никакою особенной властью. Всѣ сношенія съ городскою думою происходятъ черезъ городского секретаря, секретарь же подписываетъ и публикуетъ всѣ распоряженія думы, а мэру остается только подписывать журналы думскихъ засѣданій. Правда, и въ Англіи мэръ можетъ выбираться городскою думою не изъ своего состава, и всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочесть парламентскіе дебаты при обсужденіи Городового Положенія 1835 г., можетъ видѣть, что эта мѣра была внесена реакціонерами въ видахъ нѣкотораго „обузданія“ демократіи. Но, во-первыхъ, при томъ маломъ значеніи, какое имѣетъ въ Англіи мэръ, это зло не такъ уже большой руки, а во-вторыхъ, рѣдко какой уважающій себя муниципалитетъ пользуется этимъ не демократическимъ правомъ. Въ Россіи мы вправѣ требовать, чтобы городской голова непремѣнно выбирался городской думою изъ своей среды и чтобы власть его была исключительно предсѣдательская.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о должностныхъ лицахъ. Разсматриваемый проектъ называетъ членовъ городской управы, включая городского голову и его товарища, должностными лицами (ст. 43). По англійскимъ понятіямъ, это названіе довольно-таки несуразное. По англійскимъ понятіямъ, должностное лицо—это лицо, служащее по найму, а не лицо, избранное населеніемъ по городскому общественному управленію и облеченное его довѣріемъ. Эта разница въ номенклатурѣ обусловливается вовсе не тѣмъ, что въ Англіи лица, завѣдующія дѣломъ городского управленія по выборамъ, отправляютъ свои обязанности безвозмездно, а тѣмъ, что въ Англіи бюрократія вообще является лишь исполнительницею рѣшеній и распоряженій народныхъ представителей и всецѣло подчинена

имъ. Она стоитъ внѣ политики, внѣ партій, и за всѣ ея дѣйствія по администраціи отвѣтственны выборные народа. Мы рѣшительно стоимъ за введеніе этой глубоко-демократической системы, которой Англія столькимъ обязана: должностныя лица должны быть только по найму, а выборные народа не должны быть должностными лицами. Съ другой стороны, мы находимъ абсолютно реакціоннымъ положеніе, что гласные „исполняютъ свои обязанности безвозмездно, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые избраны въ составъ исполнительныхъ комиссій Думы“ (ст. 23). Конечно, такъ какъ по нашему проекту комиссіи Думы являются необходимою частью механизма городского управленія, и всѣ гласные по возможности будутъ распредѣлены по комиссіямъ, это положеніе падаетъ само собою, тѣмъ не менѣе и принципіально нельзя осудить его за реакціонность. Примѣръ Англіи показалъ, къ какимъ реакціоннымъ послѣдствіямъ ведетъ безвозмездность исполненія общественныхъ обязанностей по выбору: она исключаетъ изъ общественныхъ учрежденій рабочій классъ и передаетъ ихъ фактически въ руки имущихъ слоевъ населенія. Мы должны настаивать, чтобы всякій общественный постъ оплачивался, дабы его могли занимать и пролетаріи. При этомъ необходимо, чтобы не одно городское общество несло бремя по вознагражденію гласныхъ, а, по крайней мѣрѣ, половина его оплачивалась изъ государственнаго казначейства, такъ какъ городское общественное управленіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и государственное управленіе, возлагаемое нынѣ на губернаторовъ, градоначальниковъ и прочихъ представителей, единоличныхъ и коллегіальныхъ, центральной власти. Можно замѣтить, что размѣры вознагражденія гласнымъ слѣдуетъ устанавливать различно, смотря по размѣрамъ города, а потому и дороговизнѣ условій жизни.

Та же статья 23 содержитъ абзацъ, заслуживающій нашего особаго вниманія. Онъ гласитъ: „Кромѣ гласныхъ по избранію, въ число членовъ думы входятъ на правахъ гласныхъ: въ столичныхъ и губернскихъ городахъ—предсѣдатели губернской и уѣздной земскихъ управъ, а въ остальныхъ городахъ и въ поселеніяхъ, на которые будетъ распространено дѣйствіе сего Положенія, — предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ“. Здѣсь сразу вводятся два принципа, идущіе вразрѣзъ съ требованіями демократіи. Первый изъ нихъ—это введеніе въ составъ думы членовъ не по избранію, а ex-officio. Это — нарушеніе одного изъ главныхъ требованій демократіи, въ силу котораго лица, на которыхъ возлагается дѣло общественнаго управленія, должны быть прямо отвѣтственны передъ гражданами. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ зло смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что вводимые извнѣ члены—также выборныя лица, а не ставленники отъ центральной власти. Дѣло, однако, въ томъ, что выбраны они совсѣмъ для другого учрежденія, а въ самой городской думѣ они все-таки будутъ безотвѣтственными гласными. Легко можно представить себѣ

случаи, когда интересы города и земства придутъ въ столкновеніе, какъ, напр., при расширеніи городской территоріи на пригороды, или при проведеніи электрическихъ трамваевъ за предѣлы города въ сосѣднія поселенія, или при снабженіи окрестныхъ поселеній электричествомъ изъ городскихъ станцій. Въ такихъ случаяхъ предсѣдатели земскихъ управъ, будучи полноправными гласными думы, будутъ дѣйствовать противъ интересовъ городского населенія, не будучи отвѣтственными передъ ними. Такое положеніе въ демократической Англіи немыслимо, и оно не должно создаваться и въ Россіи. Не надо смѣшивать предусматриваемаго проекта пріобщенія къ составу думы членовъ ex-officio съ системою кооптированія, принятой отчасти и въ Англіи: во-первыхъ, эта система практикуется лишь для комиссій (и то лишь одной или двухъ), которыя отвѣтственны передъ органомъ общественнаго управленія, а, во-вторыхъ, при системѣ кооптаціи члены пріобщаются по выбору или, по крайней мѣрѣ, съ утвержденія отвѣтственныхъ членовъ общественнаго управленія, а не по праву занимаемой ими должности. Вслѣдствіе этого самый актъ кооптаціи является отвѣтственнымъ актомъ общественнаго учрежденія, за успѣхъ или неуспѣхъ котораго члены послѣдняго въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ передъ избирателями.

Другимъ нарушеніемъ демократическаго принципа самоуправленія является вообще переплетеніе двухъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, проявляющееся въ пріобщеніи членовъ одного къ составу другого (представительство городского общественнаго управленія въ земскихъ учрежденіяхъ предусмотрѣно пунктомъ „о" ст. 26 разсматриваемаго проекта). Истинно-демократическое самоуправленіе требуетъ прежде всего совершеннаго выдѣленія самоуправляющейся единицы изъ общаго агтломерата другихъ единицъ и отвергаетъ какъ подчиненіе одной единицы другой, такъ и вообще организаціонную связь между ними хотя бы на равныхъ правахъ. Мы не знаемъ, какъ проектируетъ конституціонно-демократическая партія организовать земское самоуправленіе, въ частности,—мелкую земскую единицу въ ея отношеніяхъ къ болѣе крупнымъ. Въ Англіи въ основу организаціи было бы принято не іерархическое подчиненіе одной единицы другой, а функціональное дѣленіе между единицами различныхъ категорій, т. е. мелкія единицы, будучи мелкими, только обладали бы болѣе узкимъ кругомъ функцій, но отнюдь не были бы подчинены болѣе крупнымъ. Другими словами, всѣ земскія единицы были бы вполнѣ автономны, только у однѣхъ функцій было бы больше, а у другихъ меньше. Фактически, въ Англіи mutatis mutandis такъ и обстоитъ, причемъ города выдѣлены въ совершенно отдѣльныя отъ земствъ самоуправляющіяся единицы съ полнымъ кругомъ функцій, присвоенныхъ мѣстному самоуправленію. Оттого между городскимъ и земскимъ общественными управленіями не только нѣтъ никакой связи, но самое отсутствіе ея составляетъ

признакъ городской автономіи. Зачѣмъ авторамъ проекта понадобилось создать для Россіи иное положеніе, сказать трудно. Вѣроятно, и здѣсь сказалась рутина мысли, принадлежащей къ абсолютистскому періоду, чрезвычайно любившему подобныя комбинаціи.

Та же рутина мысли отчасти сказалась и въ тѣхъ статьяхъ проекта, которыя имѣютъ касательство къ финансамъ. Прежде всего приходится обратить вниманіе на то обстоятельство, что нигдѣ ни единымъ словомъ не упомянуто, что государство носитъ часть расходовъ по городскому общественному управленію, т. е. что, кромѣ мѣстныхъ источниковъ дохода, городское общественное управленіе получаетъ еще на извѣстные предметы и государственную субсидію. Мы не знаемъ, недосмотръ ли это, или сознательное упущеніе; во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что по предметамъ, имѣющимъ государственный характеръ, т. е. по такимъ, которыми городскія общественныя управленія будутъ завѣдывать въ качествѣ органовъ государственной власти, какъ, напр., народное просвѣщеніе, призрѣніе бѣдныхъ, охраненіе общественной безопасности и пр., они должны получать субсидію отъ государства, а потому это и должно быть оговорено въ проектѣ. Конечно, размѣры, условія и порядокъ выдачи этихъ субсидій могутъ быть установлены лишь въ спеціальныхъ актахъ, касающихся тѣхъ или другихъ предметовъ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ принципіально важнымъ, чтобы, напр., въ статьѣ 26, п. „л“, перечисляющей источники городскихъ финансовъ, было указано и на единовременныя, и текущія субсидіи изъ государственныхъ средствъ казначейства.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на примѣчаніе 1 къ пункту „л“, ст. 26, которая гласитъ, что „установленіе новыхъ видовъ налоговъ, выдача концессій и заключенія займовъ... требуютъ утвержденія законодательной власти“. Здѣсь авторы проекта что-то спутали. Чѣмъ является законодательность по отношенію къ городскому обществу? Она является охранительницей интересовъ *всѣхъ* мѣстныхъ обществъ противъ даннаго, и охранительницею интересовъ всѣхъ поколѣній городского общества противъ даннаго поколѣнія городского общества. Городское общество, напр., выдаетъ комиссію трамвайной или водопроводной компаніи на извѣстное число лѣтъ. Этимъ актомъ оно отказывается отъ правъ эксплоатировать данныя предпріятія не только за себя, но и за рядъ другихъ поколѣній. Точно такъ же при заключеніи займа городское общество не только беретъ извѣстныя обязательства на себя, но и возлагаетъ ихъ на слѣдующія поколѣнія. Кто же можетъ оградить эти поколѣнія отъ невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ? Кто оградитъ ихъ, напр., отъ того, чтобы при заключеніи займа главное бремя платежей по немъ не было взвалено на нихъ? Очевидно, только законодательная власть, какъ власть далекая отъ мѣстныхъ интересовъ и временныхъ соображеній. Оттого такіе финансовые акты городскихъ общественныхъ управленій, какъ выдача кон-

цессіи или заключеніе займа, требуютъ не только санкціи городского общества, но и утвержденія законодательной власти. Совсѣмъ другое установленіе новыхъ видовъ налоговъ. Если городское общество желаетъ обложить себя извѣстнымъ налогомъ, кому до этого какое дѣло? Налогъ не ложится бременемъ на слѣдующія поколѣнія, а законность его можетъ всегда быть испытана судомъ. Единственное, чего требуетъ назначеніе новаго налога, это ясно выраженное согласіе городского общества, для чего необходимо произвести плебисцитъ. Мы предложили бы поэтому измѣнить разсматриваемое примѣчаніе въ соотвѣтствующемъ смыслѣ.

Дальнѣйшую свою критику кадетскаго проекта мы изложимъ въ видѣ замѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ.

Къ ст. 6. Проектъ предлагаетъ производить выборы въ городское общ. управленіе каждые три года. Мы не видимъ причины, почему бы ихъ не производить каждый годъ. Что это было бы болѣе демократично, признаютъ, конечно, и авторы проекта, но они, вѣроятно, выдвинутъ два возраженія. Во-первыхъ, они скажутъ: частые выборы утомятъ избирателей, а во-вторыхъ, частые выборы не дадутъ возможности гласнымъ подолгу оставаться въ Думѣ и помѣшаютъ имъ пріобрѣтать надлежащій опытъ. На это мы отвѣтимъ: частые выборы не только не утомляютъ избирателей, но, напротивъ, возбуждаютъ въ нихъ живой интересъ къ городскому дѣлу, такъ какъ только при частыхъ выборахъ они чувствуютъ, что имѣютъ реальный контроль надъ нимъ. Въ Англіи только одинъ муниципалитетъ лондонскаго Сити сохранилъ ежегодные выборы; однако, лондонскіе купцы нисколько не утомляются отъ этого, и когда при пересмотрѣ Городового Положенія въ 1835 г. зашла было рѣчь о замѣнѣ ежегодныхъ выборовъ выборами черезъ каждые три года, они горячо запротестовали и настояли на сохраненіи стараго порядка. Въ другихъ городахъ выборы черезъ каждые три годи были введены именно затѣмъ, чтобы не дать „низшимъ сословіямъ“ почувствовать слишкомъ сильнаго интереса къ дѣламъ муниципалитета. Что же до опасенія, что при ежегодныхъ выборахъ личный составъ думы будетъ постоянно мѣняться, то и оно ни на чемъ не основано. Опять-таки опытъ муниципалитета лондонскаго Сити показываетъ, въ какомъ подавляющемъ числѣ прежніе гласные выбираются вновь въ теченіе многихъ лѣтъ подрядъ. Если когда и происходитъ внезапное и огульное раскассированіе стараго состава думы, такъ это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда выборы происходятъ черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени: недовольство прежнимъ составомъ думы накопляется постоянно и, не имѣя возможности выразиться въ частичномъ измѣненіи его, разряжается въ одинъ прекрасный день въ видѣ всеразрушающей грозы.

Къ ст. 7. Проектъ предлагаетъ для производства выборовъ раздѣлять города съ большимъ числомъ избирателей на избирательные участки

съ тѣмъ, чтобы на каждый участокъ приходилось опредѣленное число гласныхъ. Это опять недемократично и, по крайней мѣрѣ, въ Англіи было нарочито введено въ 1835 г. съ тѣмъ, чтобы помѣшать демократіи осуществлять свои права. Дѣйствительно, представимъ себѣ два участка большого города съ 20 тыс. избирателей въ каждомъ. Въ одномъ изъ нихъ скажемъ, 12 тыс. либераловъ и 8000 тыс. соціалъ-демократовъ, а въ другомъ—4 тыс. либераловъ и 16 тыс. соціалъ-демократовъ. Въ первомъ окажутся избранными столько же либераловъ, сколько во второмъ соціалъ-демократовъ, хотя число первыхъ въ обоихъ участкахъ вмѣстѣ меньше числа послѣднихъ въ тѣхъ же участкахъ. За то, чтобы раздѣлять городъ на участки, обыкновенно приводятъ то соображеніе, что иначе населеніе не будетъ знать достаточно близко кандидатовъ въ гласные. Но это соображеніе пустое. Во-первыхъ, полезно вообще пріучать избирателей голосовать не столько за личности кандидатовъ, сколько за ихъ программы; во-вторыхъ, сами авторы проекта въ ст. 15 говорятъ, что „гласные избираются изъ числа всѣхъ избирателей по общему списку, независимо отъ принадлежности къ тому или другому избирательному участку", чѣмъ указываютъ, что близкое знакомство съ личностями кандидатовъ либо несущественно, либо возможно и при отсутствіи участковыхъ рамокъ; въ третьихъ же, именно превращеніе города въ одинъ большой избирательный округъ даетъ возможность попадать въ городскую Думу только такимъ лицамъ, популярность которыхъ наиболѣе широка. Въ Англіи вплоть до упраздненія школьныхъ комиссій (School Boards) въ 1902/03 г. выборы въ нихъ производились въ каждомъ городѣ безъ раздѣленія его на участки, и этотъ порядокъ функціонировалъ настолько демократически, что консервативное министерство Бальфура постаралось въ означенномъ году упразднить его.

Къ ст. 14. Мы потому сразу перешли къ этой статьѣ, что она тѣсно связана съ предыдущей. Она, между прочимъ, гласитъ: „Каждый избиратель пользуется однимъ голосомъ". Это дѣлаетъ выборы простыми, т. е. непропорціональными, и мы съ этимъ несогласны. Мы предлагаемъ, чтобы каждый избиратель располагалъ столькими голосами, сколько гласныхъ причитается на городъ, съ правомъ распредѣлять ихъ между кандидатами, какъ онъ желаетъ. Если въ городѣ, состоящемъ изъ 20 тыс. избирателей, имѣется 15 тысячъ либераловъ и 5 тысячъ соціалъ-демократовъ, то при системѣ простыхъ выборовъ всѣ гласные городской думы—положимъ, число ихъ 16—окажутся либералами. Если же дать каждому избирателю по 16 голосовъ, то соціалъ-демократы смогутъ сконцентрировать ихъ на четырехъ своихъ кандидатахъ, и они пройдутъ, получивъ по 20 тыс. голосовъ. Такая система голосованія была принята въ Англіи для выборовъ въ школьныя комиссіи и была упразднена съ общимъ упраздненіемъ этихъ демократическихъ учрежденій въ 1902—03 г.

Она давала возможность социалъ-демократіи—въ общемъ, какъ извѣстно, очень слабой по численности, проводить—свои кандидатуры въ эти учрежденія (въ особенности въ провинціи),—возможность, которая теперь больше не существуетъ.

Къ ст. 9, 20 и др. Мы присоединяемся къ предложенію проекта поручать разсмотрѣніе жалобъ на неправильности выборовъ, на незаконныя дѣйствія Городской Думы и пр. особому присутствію Окружнаго Суда. Иные предлагаютъ учредить на французскій манеръ особый административный судъ изъ чиновниковъ. Мы противъ послѣдняго. Намъ нужно разъ на всегда запомнить, что выборныя лица, чиновники и пр. суть тѣ же граждане, что и простые обыватели, и что поэтому они подчинены тѣмъ же законамъ, тѣмъ же судамъ. Континентальный принципъ облеченія выборныхъ чиновниковъ, лицъ и вообще служащихъ по государственному управленію чрезвычайными привилегіями тѣсно связанъ съ абсолютизмомъ и его традиціями, въ то время какъ „господство закона“, какъ выражается Дайси, лежитъ въ основѣ англійской демократіи. Мы должны отказаться отъ всего, что связано съ такъ называемымъ „административнымъ правомъ“, зная, что это право легко превращается въ безправіе гражданъ. Одно и то же право и одни и тѣ же правовыя учрежденія должны быть примѣнены одинаково для всѣхъ, и допуская изъятія въ одну сторону, мы логически должны допускать изъятія и въ другую, какъ, напр., лишенія государственныхъ служащихъ коалиціоннаго права и пр.

Къ ст. 11. Эта статья даетъ избирательное право лицамъ, которыя, не проживая въ городѣ, но владѣя въ немъ имуществомъ, платятъ какой-нибудь налогъ. Здѣсь съ наивностью, достойной умиленія, авторы просто обнаруживаютъ свой буржуазный взглядъ на избирательное право. Вынужденные демократіей признать, что и лицамъ, не владѣющимъ имуществомъ, принадлежитъ избирательное право, они тѣмъ не менѣе никакъ не могутъ понять, что это право есть право гражданина, а не собственника, что оно связано съ гражданской личностью человѣка, а не его имуществомъ. Это создаетъ, кромѣ того, привилегированный классъ гражданъ, которые, владѣя имуществомъ по разнымъ городамъ, повсюду являются избирателями, хотя бы они не жили ни въ одномъ изъ нихъ. Гражданинъ является здѣсь отвлеченной величиною, рѣшающую же роль играетъ имущество. Въ такомъ случаѣ, отчего бы впрямь не дать избирательнаго права, напр., акціонернымъ обществамъ, какъ это многими требуется? Противъ созданія имущественнаго избирательнаго права необходимо рѣшительно бороться, а вмѣсто этого надлежитъ требовать избирательнаго права для тѣхъ, которые, не проживая въ городѣ, пріѣзжаютъ ежедневно туда на работу.

Къ ст. 18. Эта статья предусматриваетъ дополнительные выборы въ тѣхъ случаяхъ, когда первые не имѣли абсолютнаго большинства. При

пропорціональныхъ выборахъ, на введеніи которыхъ мы настаивали выше, эта статья становится лишнею.

Къ ст. 19. Проектъ предлагаетъ производить городскіе выборы въ первое воскресеніе іюня мѣсяца. Сомнѣваемся, чтобы такое время года, когда города пустѣютъ, было бы выгодно даже для буржуазіи. Намъ кажется, что сентябрь мѣсяцъ былъ бы удобнѣе. Правда, для внесенія новаго бюджета останется тогда мало времени, но какъ мы выше говорили, мы не ожидали, чтобы составъ Думы такъ быстро и рѣзко мѣнялся при ежегодныхъ выборахъ, какъ это думаютъ. Въ Англіи финансовый годъ кончается 31-го марта, а выборы происходятъ въ ноябрѣ, что оставляетъ для бюджета тоже всего четыре мѣсяца.

Къ ст. 26, пунктъ „з". Заявивъ, что Городской Думѣ принадлежитъ завѣдываніе городской полиціей, проектъ прибавляетъ въ примѣчаніи: „порядокъ перехода въ завѣдываніе Городскихъ Управленій мѣстной полиціи устанавливается особымъ закономъ, до изданія котораго полицейская часть управляется на основаніи существующихъ законоположеній". На это мы можемъ замѣтить: благодаримъ покорно! Какъ разъ полицейскую власть мы хотѣли бы передать городскимъ управленіямъ въ первую же голову, а тутъ проектъ насъ осажаетъ, говоря: впредь до изданія особаго закона полиція остается въ рукахъ правительства. Напомнимъ авторамъ проектъ слова англійскаго министра лорда Джона Ресселя, создавшаго въ 1835 г. муниципальную организацію Англіи: „Я предлагаю,—заявилъ онъ при внесеніи въ палату общинъ билль о Городовомъ Положеніи,—я предлагаю всецѣло передать муниципальнымъ совѣтамъ дѣло и обязанности по надзору за общественнымъ порядкомъ въ городахъ... Я нахожу это абсолютно необходимымъ при устройствѣ городского управленія, — даже больше, я иначе не могу представить себѣ городского управленія, какъ при условіи, чтобы надзоръ за общественной тишиною и порядкомъ находился непосредственно въ рукахъ лицъ, признанныхъ достойными управлять городомъ". Рессель тоже не былъ большимъ демократомъ. Онъ былъ предводитель тѣхъ „низкихъ, звѣрскихъ и окропленныхъ кровью виговъ", которые ссылали и вѣшали чартистовъ и оуэнистовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ можетъ существовать городское общественное управленіе, не имѣющее непосредственнаго контроля надъ полицейской частью. А вотъ, наши кадеты, тѣ могутъ и ставятъ передачу полиціи городу на самый послѣдній планъ.

Къ ст. 29. Статья, между прочимъ, гласитъ: „Чрезвычайныя собранія (Городской Думы) созываются: а) по усмотрѣнію предсѣдателя Думы, б) по требованію городского головы, или большинства членовъ Городской Управы, в) по заявленію десятой части всего состава гласныхъ Думы и д) по предложеніямъ правительства и мѣстнаго губернатора или градоначальника". При тѣхъ частыхъ засѣданіяхъ Думы, которыя будутъ не-

избѣжны съ упраздненіемъ Управы, мы вообще думаемъ, что чрезвычайныя собранія Думы будутъ излишни. Во всякомъ случаѣ, однако, пунктъ „б“ исчезаетъ съ исчезновеніемъ Управы и городского головы, а пунктъ „д“ мы предлагаемъ вычеркнуть, такъ какъ правительство не будетъ имѣть locus standi въ мѣстномъ общественномъ управленіи, которое само явится представителемъ государственной власти, а губернаторы и градоначальники упразднятся съ упраздненіемъ дѣленія функцій мѣстнаго управленія на хозяйственныя и административныя и передачею послѣднихъ думамъ. Вмѣсто этого пункта мы предлагаемъ внести другой, который далъ бы право извѣстной части *избирателей* потребовать у предсѣдателя созыва чрезвычайнаго собранія Городской Думы.

Мы пришли къ концу нашихъ бѣглыхъ замѣтокъ. Мы затронули лишь самое важное, предоставляя другимъ дополнять нашу критику и произвести въ проектѣ соотвѣтствующія редакціонныя измѣненія. Формально мы касались лишь основъ городского управленія; но легко видѣть, что онѣ въ полной мѣрѣ примѣнимы и къ земскому управленію. Какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ и губерніяхъ выборные населенія должны быть единственными представителями государственныхъ интересовъ и единственными носителями государственной власти, а существованіе особой „мѣстной администраціи“ должно быть упразднено. Если мы вникнемъ въ смыслъ этого кардинальнаго требованія истиннаго мѣстнаго самоуправленія, то все остальное приложится само собою. На этой основѣ мы можемъ построить всю организацію мѣстнаго управленія въ его различныхъ видахъ, и только тогда мы получимъ истинный оплотъ противъ абсолютизма и бюрократіи и создадимъ истинную форму народовластія на мѣстахъ.

Ѳ. Ротштейнъ.

Новый финляндскій парламентъ [1].

3. Политическія партіи.

Чѣмъ объясняется блестящій успѣхъ, одержанный соціалъ-демократической партіей Финляндіи при выборахъ въ новый парламентъ? Неужели же въ самомъ дѣлѣ соціалистическіе идеалы успѣли пустить въ Финляндіи такіе глубокіе корни, что преобладающая часть населенія открыто стала на ихъ защиту?

Успѣхомъ своимъ соціалъ-демократія обязана не одному рабочему классу—это несомнѣнно; промышленный пролетаріатъ въ Финляндіи, какъ-никакъ, представляетъ собой до сихъ поръ еще весьма незначительную группу по сравненію съ другими соціальными слоями населенія (на 2 милліона 700 тыс. жителей страны приходится около 100 тысячъ промышл. раб.). Правда, изъ этихъ 100 тыс. около 70 тыс. прочно организованы въ рядахъ соціалъ-демократіи и вполнѣ подчинены партійной дисциплинѣ; но, если вспомнить, что за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ голосовало свыше 328 тыс. избирателей, то станетъ очевиднымъ, что успѣхъ соціалъ-демократіи созданъ былъ руками не однихъ промышленныхъ рабочихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что воодушевленіе, съ которымъ велась предвыборная агитація рабочей партіей, громадное количество выброшенной партіей на рынокъ агитаціонной литературы сыграли свою роль и повліяли на исходъ выборовъ, но не этимъ однимъ объясняются благопріятные для рабочей партіи результаты голосованія.

Успѣхъ соціалъ-демократіи въ современный историческій моментъ зависитъ отъ иныхъ причинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что составляло все послѣднее время главное содержаніе соціально-политической жизни Финляндіи? Съ одной стороны, вопросъ объ ея политической автономности, о взаимоотношеніи, существующемъ между ея выборнымъ національнымъ представительствомъ и верховной имперской властью; съ другой—бьющая въ глаза дифферен-

[1]) См. „Образованіе", № 5.

яціація различныхъ экономическихъ слоевъ населенія, обостреніе „рабочаго вопроса", разложеніе патріархальныхъ аграрныхъ отношеній и накопленіе въ безземельномъ крестьянствѣ глухого, зловѣщаго недовольства. Соціальныя отношенія выросли изъ прежнихъ застывшихъ формъ, отвѣчавшихъ иному экономическому укладу; дальнѣйшее развитіе производительныхъ силъ тормазилось и задерживалось тѣсными рамками, не соотвѣтствовавшими болѣе жизненнымъ потребностямъ страны. Необходимость цѣлаго ряда коренныхъ соціальныхъ преобразованій настоятельнѣйшимъ образомъ ощущалась всѣми слоями населенія, заинтересованными въ производительной жизни родины. Но именно въ тотъ моментъ, когда дальше откладывать проведеніе основныхъ реформъ становилось невозможнымъ, когда дальнѣйшій ходъ экономическаго развитія страны могъ обусловливаться своевременнымъ принятіемъ той или иной соціальной мѣры, тяжелая рука извнѣ желѣзными клещами давила волю и мысль финляндскаго народа и, въ теченіе шести томительныхъ годовъ, заставляла жизнь глухо биться объ искусственно-сооруженныя преграды...

Зато достаточно было ослабнуть гнету русскаго режима, чтобы всѣ насильственно заглушавшіеся запросы страны съ новой силой заявили о своемъ существованіи.

Аграрный вопросъ рядомъ волненій въ деревняхъ, стачками торпарей и сельскихъ рабочихъ остро напомнилъ о себѣ; возрастающая численность соціалъ-демократіи краснорѣчиво свидѣтельствовала о тяжкихъ конфликтахъ труда и капитала...

Но для того, чтобы приступить къ устроенію жизни на новыхъ началахъ, чтобы осуществить въ дѣйствительности рядъ намѣчавшихся преобразованій въ области соціально-экономической, оказывалось необходимымъ въ первую же голову установить такія политическія основы, которыя гарантировали бы страну отъ неожиданныхъ сюрпризовъ недавняго прошлаго. Новая конституція съ широкими демократическими полномочіями народныхъ представителей явилась неизбѣжной предпосылкой для осуществленія нетерпящихъ отлагательства реформъ. Жизнь выдвинула на первый планъ задачи чисто-политическія; на нихъ сосредоточивалось вниманіе всего финляндскаго народа, и лозунгъ „новая конституція" насыщалъ собою атмосферу съ октябрьскихъ дней 1905 г. до іюля 1906 г. Страна выжидала терпѣливо и довѣрчиво.

Но ожиданія ея не оправдались. Классовый инстинктъ удержалъ составителей новой конституціи на границѣ классоваго благоразумія; изъ-подъ пера шведоманскихъ и сузометаріанскихъ сенаторовъ конституція вышла слишкомъ скромной и урѣзанной въ интересахъ имперской верховной власти. При такой конституціи для господствующихъ классовъ не страшны были и самыя щедрыя обѣщанія коренныхъ реформъ: новый Сеймовый Уставъ обезпечивалъ буржуазіи надежнаго союзника въ лицѣ

верховной власти, на которую она съ успѣхамъ можетъ опереться каждый разъ, когда народные представители склонятся въ сторону „опасныхъ экспериментовъ“ или примутъ рѣшенія, идущія вразрѣзъ съ интересами верхнихъ слоевъ населенія.

Потерявшая было почву, буржуазія послѣ утвержденія монархомъ новаго Сеймоваго Устава окончательно успокоилась: господство ея было обезпечено еще на долгіе годы. Вполнѣ естественно, что главнѣйшія буржуазныя по духу партіи — „шведская народная“, суометаріанская (старофинская), „аграрный союзъ“ — сочли вопросъ о государственномъ устройствѣ родины исчерпаннымъ и поспѣшили снять съ очереди программныя требованія чисто-политическаго характера. На ихъ мѣсто выдвинуты были, съ одной стороны, требованія экономическія и народнохозяйственныя, съ другой — заброшенный было споръ о первенствѣ языковъ — шведскаго и финскаго. Замолкнувшая передъ лицомъ общаго врага національная распря разгорѣлась съ новой ожесточенной силой. Казалось, что вопросъ о языкахъ затушевывалъ и умалялъ въ глазахъ буржуазіи всѣ остальные народные и государственные интересы.

Въ теченіе всего предвыборнаго періода руководящія статьи въ органахъ буржуазныхъ партій, агитаціонныя рѣчи на собраніяхъ, программныя брошюры и листки посвящали свое главное вниманіе отстаиванію прерогативъ того или иного языка, той или другой „національной культуры“. Получалось впечатлѣніе, что Финляндія не страдаетъ никакими внутренними неустройствами, что ея народное хозяйство не нуждается ни въ какихъ коренныхъ преобразованіяхъ, что ея государственный строй достигъ полнаго совершенства, и если народъ ея не удовлетворенъ, если въ немъ растетъ недовольство, то причину этого зла слѣдуетъ искать прежде всего въ угнетеніи финновъ шведами — или наоборотъ. Такое отношеніе къ окружающей дѣйствительности внушало широкимъ народнымъ слоямъ чувство недовѣрія къ буржуазнымъ партіямъ; какъ бы мало сознательны ни были широкія народныя массы, въ фактѣ быстраго успокоенія буржуазіи и примиренія ея съ половинчатой побѣдой на поприщѣ реорганизаціи государственнаго строя имъ чуялась измѣна буржуазіи обще-народному дѣлу.

За весь предвыборный періодъ буржуазныя партіи Финляндіи (за исключеніемъ младофинновъ) принимали новый конституціонный законъ, какъ нѣчто незыблемое, вполнѣ отвѣчающее потребностямъ финляндскаго народа, какъ совершенное выраженіе его воли. Никакой критики „основного закона“, никакого желанія раздвинуть рамки компетенціи Сейма! Съ благодушной увѣренностью, что время жестокихъ схватокъ съ русскимъ правительствомъ безвозвратно миновало для Финляндіи, что миръ заключенъ на самыхъ благопріятныхъ для финляндцевъ условіяхъ, собирались буржуазныя партіи приступить къ мирно-законодательной дѣятельности.

Изо всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ періодъ избирательной кампаніи, пар-

тій, одна соціалъ-демократія находилась въ фактической оппозиціи къ навязанной народу несовершенной конституціи. Она одна, среди хора ликующихъ голосовъ, осмѣливалась громогласно заявлять о своемъ неудовольствіи слишкомъ недостаточной политической реформой и отказывалась покорно склонить голову передъ Сеймовымъ Уставомъ, признававшимъ верховенство русскихъ имперскихъ властей. Настойчиво твердила она своимъ соотечественникамъ о неразрывной связи, существующей между освободительнымъ движеніемъ въ Финляндіи и въ Россіи, объ эфемерности добытыхъ правъ и свободъ при торжествѣ „стараго режима" по ту сторону границы... Въ то время, какъ остальныя партіи довѣрчиво разбрелись по своимъ угламъ, соціалъ-демократія продолжала оставаться на боевомъ посту, зорко всматриваясь въ свинцовыя тучи, скоплявшіяся на русской границѣ...

Настроеніе соціалъ-демократіи отравляло атмосферу благодушнаго отдохновенія буржуазіи. „Политическая безтактность революціонной шайки" раздражала господствующіе классы и помимо воли заставляла ихъ раскрывать свои карты: „конституціонный" Сенатъ нагайками усмирялъ голодныхъ стачечниковъ—торпарей въ Лаукка, „Hifvustadsbladet"—этотъ типичный выразитель истинныхъ вожделѣній буржуазіи — договорился до необходимости строгихъ законовъ, ставящихъ границу „дѣйствіямъ" и „рѣчамъ", угрожающимъ общественной безопасности. Въ воздухѣ пахло закономъ противъ соціалистовъ.

Но такое поведеніе буржуазіи лишь срывало съ нея послѣдній благожелательный флеръ. Въ какія бы демократическія тоги ни драпировались шведоманы и суометаріанцы, классовая позиція обязывала ихъ съ великой осмотрительностью посягать на основныя политическія установленія страны и лишь съ осторожностью заносить руку надъ существующими экономическими отношеніями. Тщетно бросали буржуазныя партіи направо и налѣво свои широковѣщательныя обѣщанія, тщетно кивали онѣ въ сторону предстоящаго Сейма съ его реформаторской законодательной работой,—массы, изнывавшія подъ ярмомъ капитализма и земельной монополіи, искали опоры въ политической организаціи, враждебной интересамъ „господъ". Вся та часть населенія, которая ждала и требовала коренныхъ реформъ въ области экономическихъ отношеній, всѣ тѣ демократическіе элементы, которые оказались обманутыми новыми недемократичными установленіями 7/20 іюля, находили откликъ на свои запросы лишь въ стремленіяхъ рабочей партіи. Соціалъ-демократія безбоязненно выставляла на своемъ знамени не однѣ экономическія реформы, а рѣшительно посягала на священные для буржуазіи устои новой конституціи. Въ предвыборный періодъ, да и потомъ въ Сеймѣ, партія финляндскаго пролетаріата является единственной искренне-оппозиціонной партіей.

Оппозиціоннымъ элементамъ финляндскаго населенія и послѣдовательнымъ демократамъ не было иного выхода, какъ подать свой голосъ за

ту единственную партію, которая продолжала требовать: всѣ права—финляндскому народу, всю власть—его народнымъ представителямъ! И подобно тому, какъ въ Россіи соціалъ-демократія получила немало депутатскихъ мѣстъ не потому, что она является выразительницей интересовъ именно пролетаріата, а потому, что послѣдовательнѣе и тверже другихъ партій отстаиваетъ демократическіе принципы, финляндскіе соціалисты своей побѣдой въ значительной мѣрѣ обязаны отсутствію въ странѣ другой строго-демократической партіи, которая, подобно соціалъ-демократіи, готова была бы добиваться полной демократизаціи политическаго строя страны.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ подходятъ къ столь важному для всей послѣдующей жизни Финляндіи вопросу, какъ вопросъ о новыхъ конституціонныхъ установленіяхъ, главнѣйшія буржуазныя партіи Великаго Княжества?

О *„шведской народной“ партіи*, этой представительницѣ крупнокапиталистической и родовой аристократіи, говорить не приходится: творцами новаго „основного закона“ явились по преимуществу шведоманы. Естественно, что новая конституція составлена вполнѣ во вкусѣ партіи и отвѣчаетъ, какъ нельзя болѣе, ея классовымъ вожделѣніямъ. Тѣмъ не менѣе, желаніе уловить въ свои сѣти и болѣе демократическіе элементы шведскаго населенія и создать изъ нихъ базу для своего національнаго господства принудило шведомановъ на первой же страницѣ своей избирательной платформы въ довольно туманныхъ выраженіяхъ не только заявить себя партіей „конституціонной“, стоявшей прежде и обѣщающей и впредь стоять за „основныя права финляндскаго народа“, но и выставить своей ближайшей задачей дальнѣйшее „расширеніе законодательныхъ и бюджетныхъ полномочій народныхъ представителей“. Каковы границы этого „расширенія“—касается ли оно взаимоотношеній между исполнительной и законодательной властью, имѣетъ ли оно въ виду сокращеніе верховныхъ имперскихъ прерогативъ и, наконецъ, допускаетъ ли вообще какое-либо расширеніе компетенціи Сейма при установленномъ „основномъ законѣ“,—на это осторожная программа шведомановъ отвѣта не даетъ. Избирателю предоставлялось вкладывать въ общія, расплывчатыя обѣщанія шведской народной партіи тотъ смыслъ, какой подсказывалъ ему собственный интересъ.

Нѣсколько меньшую осмотрительность проявили *суометаріанцы* при выработкѣ своей избирательной платформы. Суометаріанцы называютъ себя партіей „демократической“ по преимуществу. Въ самомъ дѣлѣ, ядро этой партіи заполняютъ крестьяне-собственники, средніе „хозяйственные мужички“ и мелкая и средняя городская буржуазія, положившая свою несомнѣнную печать на весь обликъ суометаріанской политической организаціи. Но именно потому, что это партія мелко и средне-буржуазная, что классовые запросы ея носятъ по преимуществу узко-экономическій

характеръ и намѣчающіяся ею реформы умѣщаются въ рамкахъ современныхъ конституціонныхъ нормъ, партія эта съ поразительнымъ равнодушіемъ обходитъ всѣ подводные камни ясно-выраженныхъ политическихъ требованій. Въ первомъ своемъ пунктѣ избирательная платформа суометаріанцевъ, не подвергая новаго конституціоннаго закона общей критикѣ, намѣчаетъ лишь рядъ законодательныхъ мѣръ, касающихся обще-государственныхъ и народныхъ нуждъ, которыя могутъ быть проведены черезъ современный Сеймъ, не превышая „дарованныхъ“ ему полномочій.

„Аграрный союзъ“ обходитъ политическія требованія полнымъ молчаніемъ.

Партія *младо-финновъ*, интеллигентская по преимуществу, вѣрная традиціямъ политическаго либерализма, считаетъ долгомъ выяснить свое отношеніе къ новому Сеймому Уставу и формулировать рядъ политическихъ пожеланій. Заявляя себя сторонницей „строгаго конституціонализма, младофинская партія пробуетъ стать въ „опозицію“ и требуетъ въ своей избирательной платформѣ „возстановленія“ конституціонныхъ правъ и полномочій, грозя не успокоиться до тѣхъ поръ, пока „законность“ не восторжествуетъ въ странѣ и самая конституція не будетъ выработана во всѣхъ ея частностяхъ. Распространеніе правъ инниціативы въ вопросѣ пересмотра основного закона и на народныхъ представителей, установленіе отвѣтственности исполнительной власти (сенаторовъ и статсъ-секретаря), расширеніе бюджетнаго права, отдѣленіе судебной власти отъ административной—таковы основныя политическія требованія младо-финновъ. Но, несмотря на кажущійся радикализмъ этихъ требованій, послѣдовательная демократія не находила въ нихъ полнаго отвѣта на свои политическіе запросы. Мирно-реформаторская тактика, робкая защита выдвигаемыхъ избирательной платформой политическихъ принциповъ не внушали демократическимъ элементамъ особаго довѣрія. Къ тому же вся экономическая часть програмы младо-финновъ находилась въ бьющемъ въ глаза несоотвѣтствіи съ ихъ политическимъ радикализмомъ и невольно наводила на мысль, что политическій демократизмъ партіи не вытекаетъ изъ ея экономическихъ требованій, а является лишь парадной мантіей, скрашивающей ея соціальное убожество. Если младо-финны по своимъ требованіямъ и становились въ ряды оппозиціи, то по своему общему настроенію, по своимъ тактическимъ пріемамъ и по своему отношенію къ „низамъ“ они продолжали все же тѣсно примыкать къ остальнымъ буржуазнымъ партіямъ.

Совершенно иначе обстояло дѣло съ *соціалъ-демократіей*. Твердыми и увѣренными шагами шла она по своей прямой дорогѣ; политическія ея требованія непосредственно и логично вытекали изъ сущности ея экономическихъ предпосылокъ; въ ея программѣ не было ни противорѣчій, ни двусмысленныхъ недомолвокъ. Вступая въ избирательную борьбу, она

прежде всего заявила, что не намѣрена мириться съ конституціей, дающей народу лишь призрачныя права. Власть должна фактически перейти къ избранникамъ народа.

Право утверждать или отклонять законы не должно быть исключительной прерогативой верховной власти; въ случаяхъ же разногласія между этой послѣдней и народнымъ представительствомъ сложный вопросъ долженъ для вторичнаго разсмотрѣнія передаваться во вновь избираемый Сеймъ или рѣшаться путемъ народнаго референдума. Инициатива пересмотра „основныхъ законовъ“ должна, совмѣстно съ верховной властью, принадлежать народному представительству; распространеніе компетенціи народнаго представительства, на равныхъ съ другими областями законодательства, основаніяхъ, области такъ называемаго „экономическаго законодательства“, подлежащаго, и по новой конституціи, единоличному усмотрѣнію верховной власти. Ея прерогативы въ дѣлахъ внутренняго управленія края должны быть по возможности сужены и точно опредѣлены; всѣ же функціи исполнительной власти переданы въ руки административныхъ чиновъ, пользующихся довѣріемъ народныхъ представителей и независящихъ отъ имперскаго правительства.

Всякое исходящее отъ верховной власти рѣшеніе и постановленіе только тогда имѣетъ законную силу, когда оно скрѣплено подписью облеченнаго довѣріемъ народа и отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ административнаго лица. Исполнительная власть должна нести передъ лицомъ Сейма отвѣтственность не только за формальное нарушеніе закона, но и за дѣйствія, явно вредныя народному благу.

При этомъ высшіе административные чины должны отвѣчать какъ за свои единоличные поступки, такъ и за дѣйствія всего административнаго коллектива въ совокупности. Право интерпелляціи и контроля слѣдуетъ предоставить всѣмъ безъ изъятія депутатамъ Сейма. Разумѣется, въ избирательную платформу соціалъ-демократіи включено также требованіе расширенія бюджетныхъ правъ Сейма, подчиненія его контролю и санкціи различныхъ, не подвѣдомственныхъ ему сейчасъ, статей государственныхъ доходовъ и расходовъ (поступленій таможенныхъ сборовъ, доходы съ государственныхъ предпріятій и т. д.). Наряду съ этимъ предложено подчинить все финансовое хозяйство новымъ строгимъ правиламъ, возложивъ на народныхъ представителей опредѣленіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ размѣра государственнаго займа, утвержденіе предмета его примѣненія и ежегодное постатейное разсмотрѣніе государственной росписи. При этомъ чины администраціи должны нести отвѣтственность за точность выполненія утвержденнаго бюджета и цѣлесообразность расходованія казенныхъ суммъ.

Что касается системы представительства, то и въ этомъ случаѣ соціалъ-демократы остались вѣрны своимъ демократическимъ традиціямъ, вклю-

чивъ требованія пониженія предѣльнаго избирательнаго возраста до 21 года. Одновременно рабочая партія высказывалась и за измѣненіе § 66, устанавливающаго закрытое голосованіе въ Сеймѣ, требуя открытой баллотировки при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

Выдержанная политическая программа рабочей партіи съ ея систематично-намѣченными и точно-формулированными задачами не могла не выдѣлять ее въ глазахъ сознательныхъ демократовъ самымъ выгоднымъ образомъ отъ блѣдной и какъ бы останавливающейся на полпути платформы младо-финновъ, требующей, съ одной стороны, расширенія полномочій Сейма и установленія отвѣтственности администраціи, съ другой—какъ бы боящейся открыто признать тѣ послѣдствія, которыя эти требованія влекутъ за собою въ области взамоотношеній между народнымъ представительствомъ и верховной властью.

Во все время избирательной кампаніи рабочая партія шла въ своихъ политическихъ требованіяхъ впереди всѣхъ остальныхъ политическихъ организацій, и этого одного было уже достаточно, чтобы обезпечить ей успѣхъ на выборахъ. Но соціалъ-демократія является вѣдь не только проповѣдницей послѣдовательнаго демократизма въ политикѣ; какъ партія истинно-пролетарская, она въ выставляемыхъ ею принципахъ отражаетъ одновременно и многообразныя экономическія нужды пролетарскаго населенія. Не только городской, но и сельскій пролетарій видитъ въ ней естественную выразительницу своихъ потребностей, единственную нелицемѣрную защитницу своихъ интересовъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло большое вліяніе на исходъ выборовъ: сельскій пролетаріатъ—эти сотни тысячъ безземельныхъ избирателей—держалъ, можно сказать, въ своихъ рукахъ рѣшеніе вопроса побѣды или пораженія.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что аграрныя отношенія въ Финляндіи едва ли не сложнѣе, чѣмъ въ Россіи; аграрный вопросъ наболѣлъ здѣсь не меньше, чѣмъ у насъ. Громадное по своей численности (свыше 850 тыс.) и притомъ непрерывно возрастающее безземельное населеніе (въ 1815 г. безземельныхъ насчитывалось 14%, въ 1890 г. ихъ было уже 42%; мѣстами процентъ этотъ значительно выше), живущее случайными заработками, ютящееся по чужимъ избамъ, обрабатывающее на самыхъ кабальныхъ условіяхъ землю у господъ помѣщиковъ и крестьянъ-собственниковъ, это—крупнѣйшая язва соціально-экономической жизни Финляндіи. Что предпринять, какъ избавиться отъ этой чудовищной арміи недовольныхъ и голодныхъ, отъ этого непрерывнаго накопленія рабочихъ рукъ, непроизводительно пропадающихъ для общества,—этотъ вопросъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій неотступно стоялъ передъ финляндскимъ правительствомъ, обществомъ, передъ каждой политической организаціей. Въ свое время русское правительство легковѣсными обѣщаніями и отно-

сительно скромными денежными подачками пробовало было купить сердца сельскихъ пролетаріевъ Финляндіи, но, наткнувшись на ихъ созрѣвшее политическое самосознаніе и гражданскую выдержку, быстро отказалось отъ попытки однимъ взмахомъ облагодѣтельствовать весь милліонный земельный пролетаріатъ безъ ущерба для священнаго права частной собственности буржуазіи.

Въ періодъ предвыборной кампаніи мѣропріятія, связанныя съ *аграрнымъ вопросомъ*, занимали умы едва ли не въ большей степени, чѣмъ всѣ остальные экономическіе вопросы, поставленные жизнью на очередь. Каждая партія ясно сознавала, что отъ удачной постановки аграрныхъ требованій непосредственно зависитъ успѣхъ всей ея пропаганды. Поэтому и суометаріанцы, и „аграрный союзъ", и шведская-народная партія, и младо-финны удѣляютъ аграрному вопросу особенное вниманіе въ своихъ избирательныхъ платформахъ.

Особенно старательно подчеркивали *суометаріанцы* свою попечительную заботливость о безземельномъ крестьянствѣ; не даромъ заявляли они себя защитниками и выразителями требованій „крестьянства". А вѣдь было время—и оно не за горами,—когда суометаріанцы, тогда старофинны, засѣдавшіе въ сенатѣ и державшіе въ своихъ рукахъ бразды правленія государства, съ нескрываемой враждой относились къ „вреднымъ утопическимъ затѣямъ" соціалъ-демократіи, доказывавшей необходимость снабженія земельными надѣлами милліоннаго сельскаго пролетаріата Финляндіи. Сельскій пролетаріатъ тогда еще молчалъ и покорно сносилъ свое земельное иго. Но съ тѣхъ поръ народное неудовольствіе успѣло шумными волнами пронестись по всей странѣ и гулко отозваться въ самыхъ отдаленныхъ ея уголкахъ. То тутъ, то тамъ стали вспыхивать стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Торпари — эти покорные и терпѣливые рабы землевладѣльцевъ—стали громко заявлять о своихъ нуждахъ и дошли до такой смѣлости, что собрались на собственный съѣздъ торпарей! Сельско-хозяйственные рабочіе начали спѣшно организоваться въ союзы и сочувственно поглядывать въ сторону неугомонной и вѣчно готовой „раздувать" классовую рознь соціалъ-демократіи. Насталъ моментъ, когда отмахиваться отъ аграрнаго вопроса не было больше никакой возможности. Вчера еще безправный, забитый, запуганный сельскій пролетаріатъ,—всѣ эти жалкіе бобыли, постояльцы, нахлѣбники, что вѣчно нуждались въ грошевомъ заработкѣ и покорно гнули спины даже передъ крестьяниномъ-собственникомъ, — вдругъ пріобрѣлъ значеніе и политическую силу: сотни тысячъ его голосовъ являлись рѣшающими въ избирательной битвѣ. Мудрено ли, что буржуазная суометаріанская партія стала теперь галантно на защиту интересовъ крестьянства и начала щедрой рукой разсыпать аграрныя реформы въ своихъ программныхъ предначертаніяхъ.

Конечно, въ программѣ своей суометаріанцы, какъ и подобаетъ партіи

земельныхъ собственниковъ, исходятъ изъ принципа надѣленія сельскаго пролетаріата землей на правахъ *частной собственности*. Правда, коммунальныя и казенныя земли предлагается раздавать новоселамъ по желанію — либо въ долгосрочную аренду, либо съ правомъ выкупа въ собственность, но тѣмъ не менѣе основной принципъ буржуазнаго міровоззрѣнія — выкупъ въ полную собственность — находитъ въ представителяхъ партіи все же большую поддержку. Необходимый для снабженія сельскаго пролетаріата надѣлами земельный фондъ предположено образовывать изъ земель казенныхъ, коммунальныхъ, церковныхъ, а также крупныхъ частновладѣльческихъ, отчуждаемыхъ „по низкой оцѣнкѣ". Раздача земли новоселамъ должна производиться либо непосредственно казной или коммуной, либо черезъ посредство особыхъ земельныхъ товариществъ, имѣющихъ цѣлью совмѣстную покупку и обработку земли. Подобныя товарищества получаютъ отъ казны матеріальную поддержку на хозяйственное обзаведеніе и на удовлетвореніе различныхъ хозяйственныхъ потребностей, но зато государство сохраняетъ за собою право контроля надъ хозяйствомъ новоселовъ до полнаго погашенія товариществомъ его выкупныхъ платежей [1]).

Таковы основныя директивы, указанныя въ программѣ суометаріанцевъ для рѣшенія вопроса о безземельныхъ.

Не напоминаетъ ли позиція, занятая въ аграрномъ вопросѣ суометаріанцами, отношенія къ этому существенному пункту со стороны нашей кадетской партіи? Несмотря на то, что соціальные элементы, входящіе въ составъ суометаріанской партіи, въ значительно большей мѣрѣ приближаются къ мелкой буржуазіи, что они по духу своему несравненно демократичнѣе, чѣмъ наши буржуазные либералы, все дальше и дальше отходящіе отъ крестьянства и мелкобуржуазной демократіи, суометаріанцы въ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ не сумѣли отрѣшиться отъ узко-классовой точки зрѣнія и, при всей внѣшней благожелательности въ отношеніи сельскаго пролетаріата, попытались одновременно и низамъ подачку бросить, и свои интересы соблюсти.

Характерно отношеніе суометаріанцевъ къ основному требованію соціалъ-демократіи въ аграрномъ вопросѣ: рабочая партія высказывается за принудительную обработку всей невоздѣланной еще земли, сколько-нибудь

---

[1]) Суометаріанцы подробно излагаютъ тѣ условія, на которыхъ земля должна быть передаваема въ пользованіе и владѣніе товариществъ: лѣса не дѣлятся на участки, а по возможности должны быть эксплоатируемы сообща, причемъ товариществамъ вмѣняется въ обязанность веденіе раціональнаго лѣсного хозяйства; членомъ товарищества можетъ быть только тотъ, кто самъ обрабатываетъ свой надѣлъ; одно и то же лицо для права одновременнаго пользованія двумя надѣлами должно имѣть особое разрѣшеніе, выдаваемое въ исключительныхъ случаяхъ; только послѣ выплаты большей части стоимости участка данный надѣлъ можетъ перейти въ другія руки и т. п.

способной къ культурѣ. Суометаріанцы признаютъ это требованіе совершенно вздорнымъ. Между тѣмъ, чтобы представить себѣ, какое огромное значеніе имѣло бы осуществленіе этого принципа для всей сельско-хозяйственной жизни Финляндіи, достаточно вспомнить, что подъ лѣсомъ находится 57,4%, подъ пашнями 5%, подъ лугами 3% всѣхъ земель страны, неиспользованныхъ же земель насчитывается 34,6%. Правда, большая часть невоздѣланной почвы находится на далекомъ сѣверѣ и чисто-климатическія условія мѣшаютъ ея обработкѣ. Правда и то, что пространства, покрытыя лѣсомъ, не могутъ быть цѣликомъ обращены въ пашни, такъ какъ являются единственнымъ крупнымъ природнымъ богатствомъ страны. Тѣмъ не менѣе, при раціональномъ использованіи лѣсныхъ угодій, при расчисткѣ громадныхъ пространствъ мелкорослыхъ зарослей, при осушеніи болотъ и торфяниковъ, наконецъ, при спускѣ озеръ (послѣднее уже и практикуется въ довольно широкихъ размѣрахъ) образовался бы значительный земельный фондъ, имѣющій большую цѣнность въ смыслѣ увеличенія площади культурныхъ угодій. Конечно, аграрный вопросъ не будетъ и не можетъ быть рѣшенъ окончательно примѣненіемъ этой единственной мѣры, однако, такое мѣропріятіе являлось бы все же значительнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ снабженія землей милліоннаго сельскаго пролетаріата Финляндіи.

Переходя къ аграрнымъ предначертаніямъ „*шведской народной партіи*“, отмѣтимъ прежде всего, что она вообще ищетъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ широкой организаціи государственнаго кредита какъ въ цѣляхъ облегченія покупки земли безземельными, такъ и для поддержки мелкихъ хозяевъ. Само собою разумѣется, что и шведская партія стоитъ за выкупъ новоселами земельныхъ участковъ въ полную ихъ собственность. Какимъ способомъ можетъ быть образованъ земельный фондъ для удовлетворенія потребностей сельскаго пролетаріата, — этого программа шведомановъ не указываетъ; по всей вѣроятности, предполагается, что, какъ только казна откроетъ широкій кредитъ безземельному населенію, господа помѣщики охотно приступятъ къ распродажѣ наименѣе пригодныхъ участковъ своихъ помѣстій по „приличной оцѣнкѣ“. Такимъ образомъ въ выигрышѣ останутся обѣ стороны: помѣщики съ выгодой для себя сбудутъ малопригодныя земли, сельскій же пролетаріатъ получитъ свои желанные „клочочки“ земли. Правда, на казну ляжетъ тогда новая тягота— добываніе капиталовъ для грандіозныхъ кредитныхъ операцій, но это уже забота государства, а не партіи...

Буржуазныя партіи, цѣпляясь дружно за принципъ частной собственности, вообще обѣщаютъ разрѣшить аграрный вопросъ при помощи выкупныхъ операцій и соціалъ-демократіи приходится вновь настойчиво напоминать, что вся сложная кредитная система, помощью которой удалось бы обратить казенныя, коммунальныя и частновладѣльческія помѣстія въ

собственность сельскаго пролетаріата, въ концѣ концовъ послужили бы лишь новымъ способомъ обогащенія буржуазіи.

Совершенно иначе обстояло бы дѣло, если бы аграрный вопросъ въ Финляндіи удалось разрѣшить по схемѣ, предлагаемой соціалъ-демократами. Въ основу своихъ требованій соціалъ-демократія ставитъ, съ одной стороны, конфискацію церковныхъ и крупно-владѣльческихъ помѣстій съ передачею ихъ въ руки коммунальныхъ самоуправленій, съ другой — принятіе принципа *обязательной обработки* невоздѣланныхъ земельныхъ угодій [1]). Земельный фондъ, имѣющій образоваться изъ конфискованныхъ церковныхъ, частновладѣльческихъ помѣстій и земель, принадлежащихъ казнѣ и коммунамъ, подлежитъ раздачѣ безземельному населенію черезъ коммунальныя самоуправленія на особыхъ арендныхъ условіяхъ. Новоселы будутъ обладать правомъ пользованія, но не владѣнія землею. Недостающій затѣмъ земельный фондъ составятъ невоздѣланные казенные, коммунальные и частно-владѣльческіе участки земли, подлежащіе раздачѣ безземельнымъ на особо-облегченныхъ арендныхъ началахъ. Выступая противъ принципа земельной монополіи и высказываясь за постепенное сосредоточеніе земли въ рукахъ частью коммунальныхъ самоуправленій, частью государства, соціалъ-демократія ставитъ казнѣ категорическое требованіе, чтобы ея земельное имущество не могло переходить ни въ чью частную собственность. На коммуны возлагается обязанность съ помощью казенныхъ субсидій постоянно расширять свои земельныя владѣнія и, такимъ образомъ, постепенно сокращать монополію частной собственности на землю.

Въ тѣсной связи съ требованіемъ принудительной обработки земли при помощи раздачи невоздѣланныхъ участковъ новоселамъ на арендныхъ началахъ находится вопросъ о пересмотрѣ всего арендного уложенія въ Финляндіи. Существующее сейчасъ законодательство, регулирующее арендныя отношенія по преимуществу землевладѣльца и торпаря, носитъ совершенно архаическій характеръ и пестритъ пережитками далекаго феодальнаго прошлаго; цѣлый рядъ пунктовъ устанавливаетъ не только экономическую, но и личную зависимость арендатора-торпаря отъ хозяина-

---

[1]) Принудительная обработка некультивированной еще земли могла бы быть осуществлена, по предложенію соціалъ-демократовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: всѣ необработанныя земли, пригодныя для культуры и находящіяся во владѣніи частныхъ собственниковъ, казны или коммунъ, отдаются для обработки новоселамъ, если сами владѣльцы этихъ участковъ не берутся воздѣлать эти земли. Участокъ каждаго новосела не долженъ по своимъ размѣрамъ превышать 25 гектаровъ. Для осуществленія различнаго рода техническихъ работъ (осушки торфяниковъ и болотъ, выкорчевыванія пней изъ новинъ и т. д.), а также для производства необходимыхъ хозяйственныхъ затратъ государство обязано выдавать новоселамъ субсидіи. Арендныя отношенія новоселовъ и собственниковъ устанавливаются особымъ закономъ.

землевладѣльца и отдаетъ перваго въ полную власть хозяйскаго произвола [1]).

Еще весною 1905 года, на первомъ съѣздѣ торпарей, примкнувшихъ къ соціалъ-демократической партіи, выработанъ былъ проектъ основныхъ началъ новаго арендааго уложенія, и эти начала цѣликомъ вошли въ требованія, провозглашенныя соціалъ-демократіей по вопросу о реформѣ арендааго закона во время избирательной кампаніи. Характерно, однако, что и буржуазныя партіи заимствовали основныя арендныя требованія изъ программы торпарей. Буржуазія поспѣшила даже перенести центръ аграрнаго вопроса съ проблемъ о земельномъ фондѣ и реформѣ земельныхъ отношеній вообще на вопросъ о пересмотрѣ положенія торпарей. Дѣлая уступку торпарямъ, провозглашая относительно пріемлемыя основы новыхъ арендныхъ условій, буржуазныя партіи разсчитывали положить предѣлъ наиболѣе вопіющимъ злоупотребленіямъ въ области земельныхъ отношеній и, такимъ образомъ, обезоружить самый недовольный и въ тоже время самый сознательный сейчасъ слой сельскаго пролетаріата Финляндіи—торпарей. Съ тою цѣлью суометаріанцы—эти истинные выразители интересовъ всего сельскаго населенія Финляндіи—занялись детальной разработкой новаго арендааго уложенія. Количество пунктовъ и мелочное опредѣленіе различныхъ частностей въ условіяхъ арендныхъ отношеній должны были служить лучшимъ показателемъ той заботливости, съ какой суометеріанская программа отнеслась къ нуждамъ земельнаго пролетаріата. Но хотя, какъ мы уже указывали, въ основу требованій, включенныхъ въ суометаріанскую избирательную платформу, и легли пункты, выдвинутые самими торпарями, классовая позиція суометаріанцевъ заставила ихъ не разъ—и притомъ въ весьма существенныхъ вопросахъ—сойти съ намѣченной линіи и обнаруживать дѣйствительную заботливость не столько о нуждахъ арендаторовъ, сколько объ интересахъ хозяина.

Наиболѣе существеннымъ отличіемъ новыхъ арендныхъ началъ, выдвигаемыхъ обѣими партіями—партіей пролетаріата и партіей мелкой буржуазіи—является вопросъ о регулировкѣ рабочаго времени арендатора при уплатѣ аренды отработками на хозяина. По программѣ суометаріанцевъ,

[1]) Напр:, торпарь обязанъ обрабатывать землю по системѣ, указываемой хозяиномъ; торпарь не смѣетъ пускать къ себѣ жильцовъ безъ позволенія собственника; торпарь можетъ быть согнанъ съ земли до истеченія договореннаго срока за грубость, нерадивость и т. п. Соціалъ-демократы потребовали уничтоженія всѣхъ этихъ оскорбительныхъ для арендатора, какъ личности и гражданина, постановленій, ставящихъ сельскаго пролетарія почти въ крѣпостную зависимость отъ хозяина. Упорная агитація соціалъ-демократіи и проснувшееся самосознаніе самихъ торпарей, твердо настаивавшихъ на измѣненіи указанныхъ параграфовъ арендаго уложенія, заставили и суометаріанцевъ включить эти требованіи въ свою программу.

рабочій день арендатора не ограниченъ никакой нормой и опредѣляется исключительно „свободнымъ договоромъ“ обѣихъ сторонъ. Соціалъ-демократія же требуетъ установленія, какъ максимума, 10 час. рабочаго дня—въ лѣтнее и 7 час. рабочаго дня—въ зимнее время для всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работъ, при томъ еще условіи, что число отработныхъ дней лѣтняго періода ни въ какомъ случаѣ не должно превосходить числа такихъ же дней зимою [1]). Далѣе, соціалъ-демократы требуютъ полнаго запрещенія ночныхъ отработковъ и опредѣленія при помощи мѣстнаго выборнаго арендного представительства“ [2]) максимальнаго числа отработныхъ дней въ году. Суометаріанцы въ этомъ отношеніи считаютъ достаточнымъ, если въ законѣ будетъ сказано, что „число отработныхъ дней на землевладѣльца не должно быть черезчуръ ощутительнымъ для арендаторскаго хозяйства“, и обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о ночномъ трудѣ. Относительно арендной платы требованія обѣихъ партій совпадаютъ: плата должна производиться деньгами [3]). Однако, соціалъ-демократія, исходя изъ интересовъ торпаря, заботливо нормируетъ этотъ пунктъ допущеніями, выгодными для арендатора, а именно—предоставляетъ ему самому опредѣлять въ началѣ каждаго года способъ расплаты (деньгами, натурою или отработками), устанавливаетъ заранѣе высоту поденной платы при расплатѣ отработками [4]), опредѣляетъ точное число рабочихъ дней въ году и т. д. Суометаріанцы же лишь великодушно требуютъ, чтобы при расплатѣ натурою количество продуктовъ, отдаваемыхъ въ видѣ арендной платы, измѣнялось соотвѣтственно съ ежегоднымъ колебаніемъ ихъ цѣнъ. Наименьшій срокъ арендного договора принимается 50-ти лѣтнимъ; но въ то время, какъ соціалъ-демократы требуютъ, чтобы отъ возобновленія контракта могъ отказаться только арендаторъ, по программѣ суометаріанцевъ этимъ правомъ пользуются обѣ стороны. Соціалъ-демократы выставляютъ еще цѣлый рядъ основаній для новаго арендного уложенія (обязательство со стороны землевладѣльца снабдить арендатора достаточнымъ количествомъ топлива, строительнымъ матеріаломъ, пастбищами, запрещеніе переводить торпаря на другой участокъ до истеченія срока арендного договора, уничтоженіе монополіи землевладѣльца на право охоты, ловли рыбы и раковъ, собираніе грибовъ, ягодъ и т. д.); безъ осуществленія этихъ требованій арен-

[1]) Если жилище торпаря находится на разстояніи болѣе трехъ километровъ отъ мѣста работы, то на прохожденіе каждаго километра полагается 10 минутъ; время, потраченное въ пути, входитъ въ число рабочаго времени, установленнаго закономъ.

[2]) См. ниже.

[3]) До сихъ поръ отработки являлись наиболѣе распространеннымъ способомъ расплаты.

[4]) Замѣтимъ кстати, что соціалъ-демократы требуютъ, чтобы выплата платы при сельско-хозяйственныхъ работахъ была одинакова для мужчинъ и женщинъ.

даторъ фактически останется въ прежней подневольной зависимости отъ хозяина. Само собою разумѣется, что суометаріанцы открещиваются отъ подобныхъ требованій, непосредственно задѣвающихъ ихъ интерессы, какъ представителей частной собственности. Надзоръ за исполненіемъ предписаній новаго арендпаго закона, разборъ недоразумѣвій между сторонами, рѣшеніе вопросовъ, возбуждающихъ сомвѣніе и т. д. возлагается, по программѣ обѣихъ партій, на мѣстное арендное представительство, избираемое въ одинаковомъ числѣ обѣими заинтересованными сторонами—собственниками и арендаторами. По программѣ суометаріанцевъ, предсѣдатель избирается изъ среды самого арендпаго представительства; по требованію соціалъ-демократіи предсѣдатель долженъ быть лицомъ незаинтересованнымъ и долженъ выбираться обще-коммунальнымъ голосованіемъ. Кромѣ того, соціалъ-демократы требуютъ учрежденія особой выборной должности инспектора по ареднымъ дѣламъ, который, объѣзжая свои округи, подобно фабричному инспектору, наблюдалъ бы за соблюденіемъ предписаній арендпаго уложенія.

Если аграрная программа суометаріанцевъ не отвѣчаетъ назрѣвшимъ экономическимъ потребностямъ земельнаго пролетаріата, если въ ней ощущается невольный классовый „привкусъ“, то еще болѣе неудовлетворительными должны казаться аграрныя требованія избирательной платформы *младо-финновъ*.

Радикалы въ политикѣ, младо-финны въ области соціально-экономическихъ отношеній не могли не проявить своей буржуазной сущности. Аграрныя требованія избирательной платформы младо-финновъ отличаются скромностью и умѣренностью: признавая необходимымъ разрѣшеніе назрѣвшаго вопроса о безземельныхъ (объ участи которыхъ младо-финны, къ чести ихъ будь сказано, хлопотали еще тогда, когда остальныя партіи чурались этого больного вопроса), партія находитъ, однако, что для снабженія земельными надѣлами сельскаго пролетаріата достаточно было бы воспользоваться землями казенными, коммунальными и церковными, не трогая частно-владѣльческихъ помѣстій. Пустующія коммунальныя и казенныя земли программа младо-финновъ предлагаетъ раздать безземельнымъ; однако, объ основаніяхъ, на которыхъ эти земли переходятъ въ пользованіе сельскаго пролетаріата, она предпочитаетъ умолчать. Признавая необходимымъ улучшеніе положенія всей той части населенія, которая занята обработкой земли на кабальныхъ условіяхъ, программа требуетъ, подобно соціалъ-демократической и соуметаріанской, пересмотра существующаго торпарнаго положенія въ цѣляхъ облегченія условій аренды, введенія принципа обязательнаго вознагражденія торпаря за затраченный на чужой землѣ трудъ и капиталъ и огражденія нѣкоторыхъ другихъ менѣе существенныхъ интересовъ безземельныхъ. Однако, главный способъ разрѣшенія аграрнаго вопроса младо-финны усматриваютъ въ томъ, чтобы поднять

всю сельско-хозяйственную культуру Финляндіи и всякими мѣрами со стороны государства и общества содѣйствовать развитію земледѣлія. Съ этой цѣлью младо-финны предлагаютъ широко распространить сельско-хозяйственное образованіе, сдѣлать его доступнымъ торпорямъ и мелкимъ хозяевамъ, усилить поддержку сельско-хозяйственныхъ обществъ и ассоціацій и т. п.; тогда, по мнѣнію партіи, многія темныя стороны аграрныхъ отношеній исчезнутъ сами собою.

Большія надежды, въ смыслѣ поднятія матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, возлагаютъ также на расширеніе самодѣятельности коммунъ. Младо-финны вообще большіе сторонники мѣстнаго самоуправленія, въ своей избирательной платформѣ они опредѣленнѣе всѣхъ остальныхъ буржуазныхъ партій высказываются за возможно большее развитіе коммунальной самодѣятельности, за расширеніе компетенціи коммуны въ вопросахъ мѣстнаго хозяйства, за передачу въ ея руки различныхъ отраслей экономической жизни общины, въ томъ числѣ и упорядоченіе мѣстныхъ аграрныхъ отношеній. Въ этомъ пунктѣ требованія младо-финновъ несомнѣнно близко соприкасаются съ требованіями соціалъ-демократія. Такъ же, какъ и соціалъ-демократы, младо-финны желаютъ, чтобы коммуны заботились о доставленіи дешевыхъ жилищъ неосѣдлому сельскому населенію и всѣмъ тѣмъ промышленнымъ рабочимъ, которые заняты на разбросанныхъ по деревнямъ фабрикахъ и заводахъ; такъ же, какъ и соціалъ-демократы, младо-финны требуютъ, чтобы на коммуну возложено было содержаніе больницъ, пріютовъ, богодѣленъ и др. учрежденій общественнаго призрѣнія неимущихъ членовъ коммуны.

Крупный выигрышъ для сельскаго населенія младо-финны усматриваютъ въ *пониженіи* существующихъ земельныхъ налоговъ, полномъ уничтоженіи монтальныхъ сборовъ и замѣнѣ ихъ прогрессивнымъ поземельнымъ налогомъ. Многія земельныя повинности, ложащіяся сейчасъ на отдѣльныхъ хозяевъ, предлагается перенести на коммунальныя самоуправленія, что, впрочемъ, рекомендуется и программою суометаріанцевъ.

Если требованія младо-финновъ по аграрному вопросу отличаются умѣренностью и „благоразуміемъ", если ихъ обѣщанія безсильны были зажечь энтузіазмъ къ младофинской партіи въ сердцахъ сельскихъ пролетаріевъ, то еще менѣе заманчивой для послѣднихъ являлась платформа „*аграрнаго союза*". Суометаріанцы, заигрывавшіе съ сельскимъ пролетаріатомъ, забрасывавшіе даже удочку и въ рабочую среду, являлись слишкомъ „расплывчатыми", слишкомъ „обще-либеральными" для опредѣленнаго классово-настроеннаго элемента собственническаго крестьянства. „Аграрный союзъ", образовавшійся главнымъ образомъ изъ представителей мелкаго землевладѣнія, поставилъ себѣ цѣлью защиту исключительно интересовъ мелкихъ собственниковъ, этой „истинной соли земли", этого оплота сельскаго хозяйства... Развѣ не они, мелкіе землевладѣльцы,

являются наиболѣе многочисленнымъ слоемъ финляндскихъ земельныхъ собственниковъ? Развѣ не имъ, при развивающемся ассоціаціонномъ движеніи въ сельскомъ хозяйствѣ, принадлежитъ будущее?

Для „аграрнаго союза“ разрѣшеніе аграрнаго вопроса не представляетъ трудностей: всѣ существующія темныя стороны отпадутъ сами собою, если государство сумѣетъ выполнить свою главную задачу—поддержать мелкое землевладѣніе. Ссуды на сельско-хозяйственныя улучшенія, на организацію образцовыхъ полей, на интенсификацію полеводства, на улучшеніе породъ скота, вознагражденіе и преміи за расчистку зарослей, за осушку торфяниковъ и болотъ и т. п.—таковы ближайшія задачи государства. Рядомъ съ этимъ необходимо требовать пониженія процентовъ по ипотечнымъ долгамъ и широкаго развитія дѣятельности государства по земельно-ссуднымъ операціямъ. Поднятіе сельско-хозяйственнаго образованія также выдвигается „аграрнымъ союзомъ“ въ качествѣ коренной мѣры, могущей самымъ благопріятнымъ образомъ отразиться на разрѣшеніи аграрнаго вопроса; этому содѣйствуетъ увеличеніе числа сельско-хозяйственныхъ школъ, устройство спеціальныхъ подвижныхъ курсовъ по земледѣлію и скотоводству, увеличеніе числа казенныхъ агрономовъ, инструкторовъ и т. п. Возлагая большія надежды на развитіе сельско-хозяйственыхъ ассоціацій мелкихъ собственниковъ, программа „аграрнаго союза“ вмѣняетъ въ обязанность государству поддерживать всѣ начинанія такого рода.

Что касается вопроса объ улучшеніи участи безземельныхъ, то, хотя интересы сельскаго пролетаріата и не лежали близко къ сердцу составителей платформы „союза“, тѣмъ не менѣе обойти молчаніемъ этотъ существенный пунктъ аграрныхъ отношеній оказалось невозможнымъ. Однако, гг. составители аграрной платформы „союза“ сумѣли съ честью выйти изъ затруднительнаго для себя положенія. Казенныя земли образуютъ необходимый земельный фондъ; казна выдаетъ особыя ссуды для пріобрѣтенія участковъ земли черезъ посредство земледѣльческихъ ассоціацій; участки пріобрѣтаются новоселами въ частную собственность,—только лѣсъ не долженъ переходить во владѣніе отдѣльныхъ хозяевъ,—и обще-лѣсное хозяйство подвергается контролю коммунальнаго самоуправленія. Частно-владѣльческія земли остаются такимъ образомъ неприкосновенными, и принципъ частной собственности, близкій сердцу партіи, торжествуетъ.

Та же классовая точка зрѣнія сквозитъ въ программѣ „союза“ и по вопросу о реформѣ арендныхъ отношеній. Арендный договоръ (что требуютъ и всѣ другія партіи) долженъ быть заключаемъ не на 50, а на 25 лѣтъ, арендная плата по соглашенію — отработками или деньгами. За торпаремъ сохраняется право передачи торпа (арендный участокъ) другому лицу до истеченія договорнаго срока, но въ такомъ случаѣ торпарь обязанъ уплатить хозяину извѣстную сумму. Арендатору отводится лѣсной участокъ, чтобы обезпечить его топливомъ и строительнымъ матеріаломъ, но,

если торпарь продаетъ дрова или иначе получаетъ доходъ съ лѣсного участка, часть доходовъ поступаетъ хозяину. Выкупъ торпа въ полную собственность долженъ быть обезпеченъ казенными ссудами.

Таковы требованія „аграрнаго союза" въ дѣлѣ реформы арендныхъ отношеній. Уже изъ бѣглаго ихъ перечисленія ясно, чей интересъ—хозяина или торпаря—лежалъ ближе къ сердцу составителей платформы. Каждое требованіе программы „союза" въ этой области свидѣтельствуетъ о той заботливости, съ какой партія, намѣчая новыя основы арендныхъ отношеній, старалась установить въ то же время условія, могущія обезпечить классовыя преимущества. Эта черта, впрочемъ, присуща не одному только „аграрному союзу",—всѣ буржуазныя партіи, одной рукой разсыпая обѣщанія реформъ, другой цѣпко придерживаются прежнихъ установленій, естественно опасаясь, какъ бы намѣчающіяся нововведенія не подорвали въ корнѣ ихъ экономическихъ интересовъ и ихъ соціальнаго господства.

Лишь одна соціалъ-демократія, являясь партіей, непосредственно заинтересованной въ коренномъ рѣшеніи аграрнаго вопроса, можетъ въ программѣ своей до конца доводить свои требованія. Всегда готовое предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ милліоннаго сельскаго пролетаріата, находящихся въ непрерывныхъ поискахъ заработка, самымъ гнетущимъ образомъ отражается на экономическомъ благосостояніи промышленныхъ рабочихъ. Эта армія безработныхъ не даетъ повыситься заработной платѣ и понизиться рабочему дню даже въ тѣхъ случаяхъ, когда натискъ на капиталъ ведется со стороны прекрасно дисциплинированной и организованной массы; это она деморализуетъ арендатора и помѣщика, заставляя перваго соглашаться на кабальныя арендныя отношенія, это она способствуетъ вздутому разростанію капиталистическихъ предпріятій, основывающихъ свое благосостояніе на доведенной до истинно-голоднаго минимума оплатѣ рабочей силы... Бороться съ вліяніемъ этой слѣпой, пригнетенной и пассивной массы можно лишь однимъ средствомъ: рѣшительными мѣропріятіями измѣнить условія ея экономическаго существованія. И изъ всѣхъ избирательныхъ платформъ только платформа соціалъ-демократіи безстрашно дѣлала свои выводы, выставляя требованія, въ корнѣ сметающія остатки феодально-патріархальныхъ отношеній, сохранившихся понынѣ и усложненныхъ, ухудшенныхъ вліяніемъ капитализма. Можно ли удивляться послѣ этого, что безземельнаго избирателя потянуло къ этой наиболѣе близкой ему по духу и стремленіямъ партіи? Нельзя не отмѣтить, съ другой стороны, что энергичная организаціонная работа соціалъ-демократіи среди сельскаго пролетаріата значительно подняла за послѣдніе годы престижъ партіи и создала ей ту популярность, которая на выборахъ позволила соціалъ-демократическимъ кандидатамъ одержать верхъ надъ кандидатами партій „господъ" всевозможныхъ оттѣнковъ.

Посмотримъ теперь, что обѣщали избирателямъ платформы различныхъ партій по другому существенному для экономической жизни страны вопросу, по вопросу рабочему.

Само собою разумѣется, что *„шведская народная партія“*—эта истинная выразительница интересовъ крупнаго капитала—не потрудилась даже включить въ свою программу требованій, охраняющихъ интересы рабочаго населенія. Партія эта обладала наивной увѣренностью, что ея великодушное обѣщаніе—„стоять всегда и всюду на стражѣ родного шведскаго языка“—заставитъ рѣшительно всѣ элементы шведскаго населенія сплотиться вокругъ ея знамени. Но чтобы окончательно купить сердца пролетаріевъ и обезпечить за собою избирателей изъ „низшихъ слоевъ“ населенія, партія включила и другой, весьма заманчивый пунктъ, въ которомъ обѣщала „дѣятельно работать для поднятія экономическаго благосостоянія шведскаго населенія, для пробужденія его политическаго самосознанія и для уничтоженія той пропасти, которая раздѣляетъ образованные классы отъ шведскихъ народныхъ элементовъ“ (пунктъ 4)... Можно ли обѣщать больше? И не заманчивая ли перспектива для „низовъ“—работать для уничтоженія „пропасти“ между классами, вмѣсто того, чтобы, по примѣру соціалъ-демократіи, только раздувать классовую рознь? Но если рабочіе не найдутъ для себя иныхъ обѣщаній въ программѣ шведской партіи, зато и не встрѣтятъ они въ ней лицемѣрныхъ и двусмысленныхъ пожеланій, заволакивающихъ внѣ-классовымъ туманомъ истинныя тенденціи буржуазныхъ партій. Шведоманы имѣютъ, по крайней мѣрѣ, мужество не надѣвать на себя маску надъ-классовой партіи: ихъ дѣйствительная физіономія сквозитъ въ каждой строчкѣ программы, въ каждой фразѣ ихъ періодическихъ органовъ.

Суометаріанцы въ этомъ вопросѣ оказались гораздо „предусмотрительнѣе“. Рабочій вопросъ не могъ не быть чуждъ партіи, желающей защищать интересы всѣхъ слоевъ, всѣхъ классовъ финскаго населенія. Въ своей программѣ суометаріанцы торжественно признали, что положеніе рабочихъ въ Финляндіи въ высшей степени неудовлетворительное, что условія ихъ существованія крайне тяжелы и что общество и государство обязаны придти имъ на помощь. Съ этою цѣлью суометаріанская программа намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, долженствующихъ „облагодѣтельствовать“ пролетаріатъ и вразумить его, наконецъ, что истинные друзья его вовсе не соціалъ-демократы. Среди намѣчаемыхъ мѣропріятій суометаріанцы придаютъ важное значеніе участію представительства отъ рабочихъ въ администраціи предпріятій съ цѣлью регулированія внутреннихъ распорядковъ въ мастерскихъ, охраны гигіеническихъ условій работы и вообще для всесторонней защиты интересовъ даннаго предпріятія. Учрежденіе „бюро помѣщенія труда“, обществъ борьбы съ безработицей, получающихъ матеріальную поддержку отъ коммунъ или казны, и посредни-

ческихъ камеръ съ равнымъ числомъ представителей отъ хозяевъ и рабочихъ, образцовая постановка ремесленнаго образованія, какъ средства увеличить оплату ремесленнаго труда,—таковы требованія, долженствующія способствовать благоденствію рабочаго класса въ случаѣ торжества суометаріанцевъ. Не забываютъ суометаріанцы и жилищнаго вопроса, возлагая, вслѣдъ за соціалъ-демократами и младо-финнами, на коммунальное самоуправленіе не только въ городахъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ, заботу о снабженіи малоимущаго населенія добропорядочными квартирами.

Но рядомъ съ перечисленными требованіями, понятными и пріемлемыми для рабочаго класса, слѣдуютъ пункты, срывающіе маску съ „истинныхъ" друзей пролетаріата. Признавая современныя условія труда въ промышленныхъ заведеніяхъ невыносимыми, программа суометаріанцевъ заявляетъ о необходимости сокращенія рабочаго времени и установленіи максимальнаго рабочаго дня для обоихъ половъ. Однако, каковъ долженъ быть этотъ максимумъ,—объ этомъ благоразумно умалчивается; если бы суометаріанцы въ самомъ дѣлѣ являлись защитниками интересовъ пролетаріата, они не могли бы такъ дипломатично обойти вопросъ, имѣющій въ жизни человѣка, продающаго свою рабочую силу, кардинальное значеніе. Тщетно стали бы мы также искать въ программѣ суометаріанцевъ указаній на необходимость спеціальнаго огражденія дѣтскаго и женскаго труда. Ни словомъ не обмолвились они и о ночной работѣ; забыли даже о воскресномъ отдыхѣ,—они, эти яростные защитники церкви и всѣхъ церковныхъ предписаній. Нелишнимъ будетъ также отмѣтить здѣсь, что, когда суометаріанцы говорятъ о законодательной защитѣ интересовъ рабочихъ, они имѣютъ въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые заняты въ промышленныхъ предпріятіяхъ; сельскохозяйственные же рабочіе, по мнѣнію суометаріанцевъ, не могутъ быть отнесены къ категоріи лицъ, имѣющихъ право на охрану государства, такъ какъ о нихъ въ достаточной мѣрѣ заботятся благожелательные хозяева-помѣщики, зажиточные мужички, пасторы и др. земельные собственники, ревностные члены суометаріанской партіи.

Нѣсколько смѣлѣе требованіе суометаріанцевъ по вопросу о страхованіи рабочихъ. Въ программѣ партіи провозглашается не только принципъ обязательнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, но и требуется распространеніе его на всѣ виды труда, включая въ этомъ случаѣ лѣсное и сельское хозяйство. Наряду съ существующимъ уже въ Финляндіи страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ, должно быть введено страхованіе отъ болѣзней, охватывающее всѣ типы предпріятій какъ частныхъ. такъ и государственныхъ и коммунальныхъ. Кассы на случай болѣзни должны пополняться и поддерживаться казенными субсидіями. Суометаріанцы высказываются также за примѣненіе страхованія на случай старости и инвалидности, причемъ предлагаютъ, чтобы эта форма страхованія охватывала

не только наемныхъ рабочихъ, но распространялась и на „мелкихъ хозяевъ“. Основной капиталъ кассъ на случай старости и инвалидности долженъ образоваться изъ отчисленій со стороны предпринимателей и субсидій отъ казны. Такимъ образомъ, обязательное страхованіе, по программѣ суометаріанцевъ, не является государственнымъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и сводится либо къ проявленію частной инціативы предпринимателей, лишь „поощряемой“ государствомъ, либо къ самопомощи рабочихъ.

Несмотря на самыя благія намѣренія суометаріанцевъ—удовлетворить своей программой помѣщиковъ и торпарей, рабочихъ и предпринимателей,—основной духъ партійныхъ требованій не отвѣчалъ истиннымъ потребностямъ ни городского, ни сельскаго пролетаріата и заставлялъ и тотъ, и другой съ осторожностью относиться къ щедротамъ либеральной буржуазіи. Конечно, если одновременно не звучалъ бы голосъ соціалъ-демократіи, если бы она настойчиво не остерегала рабочій классъ отъ лицемѣрія буржуазіи, малосознательныя массы легче попадали бы въ сѣти, ловко раскидываемыя партіями „господъ“. Но соціалъ-демократія не покладала рукъ и, развертывая свою собственную програму, показывала, что лишь въ ней интересы рабочаго класса могли найти свое истинное выраженіе.

Суометаріанская платформа, если не качествомъ, то количествомъ своихъ требованій по рабочему вопросу могла все же уловить нѣкоторыхъ менѣе сознательныхъ пролетаріевъ. *Младофиннская партія* не потрудилась воспользоваться и этой приманкой—рабочая програма ея крайне скудна и слишкомъ неопредѣленна. Правда, партія признаетъ необходимымъ разработку спеціальнаго охранительнаго законодательства, берущаго подъ свою защиту женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Но каковы должны быть принципы, на которыхъ можетъ быть построено новое законодательство, програма не указываетъ. Точно также не опредѣлена продолжительность рабочаго дня, хотя принципъ установленія максимума рабочаго времени признается партіей; не указаны категоріи рабочихъ, подлежащихъ законодательной охранѣ и т. п. Пожеланія по рабочему вопросу выражены лишь въ самой общей и неопредѣленной формѣ. Между прочимъ, коммунамъ и государству предлагается заботиться о „лучшихъ условіяхъ труда“ при коммунальныхъ или казенныхъ работахъ и, на подобіе программѣ суометаріанцевъ, выражается надежда, что при участіи особаго представительства отъ рабочихъ въ администраціи предпріятій улучшатся какъ гигіеническія, такъ и экономическія условія труда въ частныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Младо-финны, такъ же, какъ и суометаріанцы, удѣляютъ сравнительно большее вниманіе вопросу о страхованія. Не объясняется ли это тѣмъ, что обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ введено въ Великомъ Княжествѣ уже 9 лѣтъ тому назадъ и результаты этой мѣры, внушавшей предпринимателямъ въ свое время столько

опасеній, оказались отнюдь не пагубными для промышленности; напротивъ, планомѣрная организація страхованія сняла съ отдѣльныхъ предпринимателей докучливыя заботы и избавила отъ лишнихъ конфликтовъ съ рабочими. Младо-финны требуютъ распространить страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ на всѣ виды производства и предлагаютъ организовать страхованіе на случай старости и инвалидности съ помощью кассъ, пополняемыхъ взносами государства и предпринимателей. Однако, болѣе подробныхъ указаній для разрѣшенія столь важнаго и сложнаго для всего государства вопроса въ программѣ не имѣется.

Дальше указанныхъ требованій младофинская партія въ рабочемъ вопросѣ не идетъ. Можно ли удивляться послѣ этого, что вся сознательная часть пролетаріата скептически отнеслась къ политическому радикализму младо-финновъ и предпочла поддерживать ту партію, которая, являясь истинно-демократической въ вопросахъ политики, не утрачивала своего радикализма, когда дѣло касалось соціально-экономическихъ отношеній.

Программа „аграрнаго союза", коснувшись рабочаго вопроса лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ нѣсколькихъ строкахъ исчерпала свои пожеланія объ улучшеніи быта „трудящихся", объ охранѣ ихъ труда государствомъ и т. п., считая рабочій вопросъ выходящимъ за предѣлы тѣхъ отношеній, какія взялъ на себя ограждать „союзъ".

Въ итогѣ оказалось, что выступить твердо и послѣдовательно на защиту интересовъ труда могла лишь сама *рабочая партія*. Разумѣется, въ избирательной платформѣ соціалъ-демократовъ рабочему вопросу отводится такъ же много вниманія, какъ и вопросу аграрному. Всѣ основныя требованія международнаго пролетаріата включены соціалъ-демократіей въ ея рабочую программу: 8-часовой рабочій день для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ и во всѣхъ отрасляхъ труда, запрещеніе ночного труда всюду, гдѣ это допускается техническими условіями производства, непрерывный еженедѣльный отдыхъ въ теченіе 40 часовъ, спеціальная охрана женскаго и дѣтскаго труда [1]), одинаковыя расцѣнки мужской и женской работы,

[1]) Соціалъ-демократы требуютъ, чтобы максимальный рабочій день для дѣтей, отъ 15 до 17 лѣтъ, нормированъ былъ бы 5 часами, для подростковъ 17—19 лѣтъ—8 час. въ сутки. Дѣти моложе 15 лѣтъ не должны быть допускаемы на промысловую работу. Ежедневный перерывъ въ работѣ долженъ наступать для дѣтей не позже, чѣмъ черезъ $2\frac{1}{2}$ час. послѣ начала рабочаго дня, для подростковъ—черезъ 4 часа и длиться, по меньшей мѣрѣ, 1 часъ. Ночной трудъ несовершеннолѣтнихъ (отъ 7 ч. веч. до 7 час. утра) слѣдуетъ совершенно воспретить. При подземныхъ работахъ, въ горномъ промыслѣ и во всѣхъ особо-вредныхъ производствахъ работа дѣтей и подростковъ не должна допускаться; несовершеннолѣтніе рабочіе не могутъ быть также употребляемы для чистки и смазки двигателей. Промышленному правленію не должно быть предоставлено право разрѣшать отступленія отъ перечисленныхъ постановленій. По отношенію къ охранѣ женскаго труда программа соціалъ-демокра-

реформа фабричной инспекціи и т. д. Эксплоатаціонная система „выжиманія пота“ при работѣ на дому не могла не заботить представителей рабочей партіи и естественно заставила ихъ включить въ число своихъ требованій и такія, которыя ослабляли бы безграничную эксплоатацію наиболѣе обездоленнаго слоя пролетаріата.

Разумѣется, намѣченныя соціалъ-демократіей требованія безсильны пресѣчь зло въ его корнѣ, но при проведеніи этихъ требованій въ жизнь могли бы исчезнуть по крайней мѣрѣ наиболѣе темныя стороны въ области отношеній между домашнимъ трудомъ и капиталомъ. Соціалъ-демократическая платформа требуетъ, чтобы коммунальное самоуправленіе распространяло свой контроль на домашній трудъ и обязывало предпринимателей хотя бы два раза въ годъ давать коммунѣ указанія относительно числа рабочихъ, исполняющихъ на нихъ заказы, мѣстожительства этихъ рабочихъ, ихъ возраста и т. п. На коммунальное самоуправленіе возлагается также наблюденіе за санитарными условіями тѣхъ помѣщеній, въ которыхъ производится домашняя работа.

На защиту интересовъ домашней прислуги выступила въ избирательный періодъ также только одна соціалъ-демократія. Прежде всего, она потребовала отмѣны существующаго до сихъ поръ устарѣлаго и оскорбительнаго для каждаго политически-полноправнаго гражданина спеціальнаго уложенія о прислугѣ („челяди“). Далѣе, соціалъ-демократы высказывались за распространеніе общей законодательной нормировки условій труда и на домашнихъ служащихъ и за регулированіе отношеній ихъ съ хозяевами соотвѣтственно со взглядами, высказанными самой домашней прислугой на съѣздѣ ея представителей въ Финляндіи.

Что касается вопроса объ обязательномъ страхованіи, то соціалъ-демократическая платформа не только выдвигаетъ принципъ обязательнаго страхованія, но и устанавливаетъ тѣ основы, на которыхъ ея требованія могутъ быть проведены въ жизнь. Такъ, прежде всего соціалъ-демократическая программа требуетъ, чтобы страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было распространено на всѣ виды труда, включая сельское хозяйство, строительное дѣло и т. п. отрасли производства. Далѣе, программа устанавливаетъ точный размѣръ страховыхъ премій (уплата полной заработной платы со дня наступленія неспособности къ труду до полнаго

товъ выставляетъ требованіе полнаго запрещенія работы женщинъ во всѣхъ отрасляхъ производства особенно-вредныхъ для женскаго организма; далѣе—5-недѣльный отдыхъ въ послѣдній періодъ беременности, 7-недѣльный — въ послѣродовой періодъ, причемъ безъ освидѣтельствованія врача женщина не должна быть допускаема къ работѣ. Отъ государства требуется учрежденіе спеціальныхъ кассъ для выдачи пособія беременнымъ въ размѣрѣ средней заработной платы въ данномъ производствѣ.

выздоровленія, $^3/_4$ заработка пожизненно при полной потери работоспособности, выдача осиротѣлой семьѣ единовременной помощи въ размѣрѣ полной заработной платы и пожизненной пенсіи въ размѣрѣ 75% этой платы и т. д.) и измѣненіе самаго метода страхованія въ смыслѣ обязательности для предпринимателя страховать своихъ рабочихъ не въ частныхъ страховыхъ обществахъ, а въ спеціально-организованныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о страхованіи на случай старости и инвалидности соціалъ-демократическая программа ставитъ на совершенно иныя основанія, чѣмъ программа партій буржуазныхъ. Она требуетъ, чтобы государство само взяло на себя заботу о такомъ страхованіи и чтобы обязательное страхованіе на эти случаи распространялось на всѣхъ рѣшительно лицъ, продающихъ свою рабочую силу, включая въ ихъ число тѣ слои населенія, которые, по своему экономическому и соціальному положенію, относятся къ классу рабочихъ.

Необходимый страховой фондъ предлагается образовать изъ поступленій съ подоходнаго налога на имущество, на наслѣдство и на доходы. Возрастомъ, дающимъ право на пенсію, признается 55 лѣтній, минимальный размѣръ пенсія въ годъ при наступленіи старости или полной неспособности къ труду считается въ 350 финл. мар. Одновременно со страхованіемъ на случай старости соціалъ-демократическая программа предлагаетъ выработать мѣры для обезпеченія участи вдовъ и сиротъ. Всѣ страховыя учрежденія должны быть организованы на основѣ возможно полнаго самоуправленія, такъ, чтобы страхуемые могли оказывать свое вліяніе на дѣятельность этихъ учрежденій.

Остается еще сопоставить точки зрѣнія различныхъ финляндскихъ политическихъ партій на нѣкоторые отдѣльные вопросы соціально-экономической жизни страны.

По вопросу о реформѣ существующей налоговой системы основныя положенія программъ финляндскихъ буржуазныхъ партій совпадаютъ съ требованіями соціалъ-демократіи; въ принципѣ всѣ партіи, за исключеніемъ „шведской народной“, признаютъ необходимость замѣны современной системы налогового обложенія прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ съ распространеніемъ повинностей, ложащихся въ настоящее время почти исключительно на землю, и на всѣ другія статьи доходовъ. При этомъ признается возможнымъ совершенно освободить отъ уплаты налоговъ малоимущіе слои населенія (соціалъ-демократы причисляютъ къ нимъ тѣхъ, которые имѣютъ годовой доходъ ниже 1200—1800 мар. въ городахъ и 600—900 мар. въ деревняхъ).

Предлагается также понизить таможенный тарифъ на предметы первой необходимости (соціалъ-демократы требуютъ полной отмѣны пошлины на

предметы потребленія народа). Поднимается вопросъ о реформированіи системы коммунальныхъ повинностей.

Наряду съ вопросомъ объ измѣненіи *налоговой системы* всѣми партіями выдвигается вопросъ о реорганизаціи коммунальнаго самоуправленія. Существующее въ настоящее время мѣстное самоуправленіе городовъ и селъ, основанное на устарѣлой цензовой системѣ, допускающей накопленіе за голосующимъ голосовъ въ зависимости отъ высоты его имущественнаго обложенія, противорѣчитъ демократическому духу новаго государственнаго представительства. Всѣ рѣшительно партіи, за исключеніемъ „шведской народной", стоятъ за распространеніе права голоса, при всякихъ выборахъ и голосованіяхъ, на всѣхъ безъ различія пола жителей коммуны, несущихъ коммунальныя повинности (у соціалъ-демократовъ этой послѣдней оговорки нѣтъ). Суометаріанцы при этомъ считаютъ, что полноправнымъ членомъ коммуны является каждое лицо, которому исполнилось 21 годъ, соціалъ-демократы же понижаютъ коммунальное совершеннолѣтіе до 20-ти лѣтняго возраста. Кромѣ того, соціалъ-демократы настаиваютъ на примѣненіи и въ коммунахъ пропорціональнаго представительства, что, однако, не поддерживается остальными партіями.

Рѣзкій контрастъ представляетъ отношеніе „шведской партіи" къ вопросу о реорганизаціи коммунальнаго самоуправленія. На съѣздѣ шведской партіи, состоявшемся незадолго до открытія Сейма, вопросъ этотъ дебатировался выдающимися представителями партіи. Нѣкоторые изъ членовъ партіи, высказываясь за необходимость реформы въ системѣ коммунальнаго голосованія, понимали, однако, подъ „реформой" установленіе максимума 10 голосовъ за избирателемъ или голосующимъ по общиннымъ дѣламъ: сохраненіе такого максимума мотивировалось тѣмъ, что для „почтенныхъ" членовъ коммуны было бы слишкомъ обидно, если бы и здѣсь ихъ „вѣскіе" голоса уравнялись бы съ „некультурными" голосами всякой голытьбы... Другіе, болѣе демократично-настроенные стояли за дарованіе „почтеннымъ" членамъ коммуны, т. е. коммунистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, хотя бы по 2 голоса; третьи находили реформу въ этой области вообще излишней, и лишь немногіе, болѣе предусмотрительные и дальновидные, высказывались за всеобщее и равное голосованіе. „Если мы не будемъ думать о массахъ, если мы будемъ забывать ихъ интересы, они уйдутъ отъ насъ",—кричалъ одинъ изъ тонкихъ шведоманскихъ политиковъ. Но классовая участь шведомановъ постоянно беретъ у нихъ верхъ надъ желаніемъ опереться на массы, и въ своей избирательной платформѣ шведоманы обошли вопросъ о коммунальномъ самоуправленіи полнымъ молчаніемъ.

Два характерныхъ для Финляндіи требованія проходятъ черезъ избирательную платформу всѣхъ партій: первое—*уравненіе правъ женщинъ* съ правами мужчинъ во всѣхъ областяхъ, второе—полное запрещеніе

продажи и выдѣлки спиртныхъ напитковъ; это послѣднее требованіе не поддерживается лишь шведской партіей. Чтобы понять, какое огромное значеніе для женской части населенія Финляндіи имѣетъ первое изъ названныхъ требованій, надо вспомнить, что здѣсь до сихъ поръ гражданскимъ уложеніемъ женщина подчинена опекѣ мужчины, что имущество супруговъ нераздѣльно и т. д. Разумѣется, въ числѣ первыхъ, внесенныхъ на Сеймъ, въ теченіе его весенней сессіи, моцій находятся законопроекты, устраняющіе эти устарѣлыя установленія и освобождающія политически-равноправную гражданку отъ экономической и юридической зависимости отъ мужчины. Включеніемъ требованія женскаго равноправія всѣ партіи разсчитывали привлечь на свою сторону политически еще малоопытный элементъ избирательницъ, впервые получившихъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ. Особенно сильно разсчитывали на нихъ суометаріанцы. Эта партія являлась единственной ярой охранительницей государственной церкви. Въ противоположность „безбожникамъ соціалъ демократамъ", провозглашавшимъ религію дѣломъ личной совѣсти, суометаріанцы даже въ своей избирательной платформѣ обѣщали „защищать религіозныя вѣрованія и существующую церковь". Но, несмотря на все благочестіе финляндскихъ женщинъ, программа рабочей партіи, какъ показали выборы, нашла въ сердцахъ женъ и дочерей пролетаріевъ гораздо больше отклика, чѣмъ религіозное ханжество суометаріанцевъ. Вопросы объ охранѣ труда, о 8 час. рабочемъ днѣ, о сносныхъ условіяхъ аренды гораздо больше говорили уму и сердцу пролетарокъ, чѣмъ забота о достаточномъ числѣ церквей и преуспѣваніи финляндскихъ пасторовъ. Мирно-реформаторскія, сдержанно-благоразумныя платформы буржуазныхъ партій, при существующемъ глухомъ броженіи въ Финляндіи, не въ силахъ были отвѣтить на запросы народныхъ массъ. Для всѣхъ эксплоатируемыхъ, для всѣхъ угнетенныхъ слоевъ финляндскаго населенія кандидаты рабочей партіи, демократичной въ политикѣ, радикальной въ вопросахъ соціально-экономическихъ и революціонной въ тактикѣ, являлись единственно желанными народными представителями.

Побѣда, одержанная соціалъ-демократами на послѣднихъ выборахъ,— это несомнѣнно побѣда революціонной Финляндіи надъ мирно-осѣвшими наивно-довѣрчивыми элементами населенія. Соціалъ-демократія постоянно подчеркивала населенію въ предвыборный періодъ, что чѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе будетъ соціалъ-демократическая парламентская фракція, тѣмъ вѣрнѣе найдетъ русское освободительное движеніе опору въ Финляндіи, тѣмъ тверже будетъ оплотъ противъ россійской реакціи въ стѣнахъ финляндскаго Сейма.

Новый парламентъ проработалъ до лѣтнихъ каникулъ всего мѣсяцъ, но выяснившееся уже настроеніе и группировка партій является весьма характерными: центръ заняли суометаріанцы, налѣво помѣстились соціалъ-

демократы, направо—младофинны и шведская партія. Аграрный союзъ неожиданно сталъ поддерживать соціалъ-демократовъ и вообще обнаруживать нѣкоторое полѣвѣніе. Шведоманы относятся съ нескрываемой враждою къ центру и, какъ бы на зло ему, высказываютъ временами сочувствіе къ реформистскимъ стремленіямъ лѣвыхъ. Несмотря, однако, на несогласія, разъединяющія буржуазныя партіи, чувствуется, что всѣ онѣ, въ томъ случаѣ, если соціалъ-демократы осмѣлятся поднять какой-нибудь вопросъ, посягающій на священныя для буржуазіи привилегіи, сумѣютъ забыть, раздирающія ихъ распри и дружно протянуть другъ другу руки.

Въ свое время, до начала весенней сессіи, вопросъ о томъ, какой партіи будетъ принадлежать кресло тальмана (предсѣдателя Сейма), въ высшей степени волновалъ буржуазію. Часть буржуазной прессы, учитывая многочисленность соціалъ-демократическихъ представителей, возмущалась, что соціалъ-демократія проведетъ своего предсѣдателя.

Другія газеты, наоборотъ, высказывались за то, чтобы тальманское кресло было предоставлено соціалъ-демократамъ. Это желаніе мотивировалось тѣмъ, что пора, наконецъ, столкнуть соціалъ-демократовъ съ „политической дѣйствительностью“ и заставить этихъ крикуновъ заняться реальной политикой; пусть убѣдятся они, что парламентъ—не митингъ, гдѣ можно отдѣлываться „дешевыми эффектами“ и громкими словами, что насталъ моментъ, когда и они должны будутъ либо заняться созидательной работой, либо признать свою неспособность къ реальной политикѣ. Однимъ словомъ, раздавались рѣчи, до поразительности напоминающія благоразумно-увѣщательныя статьи и въ печати нашей либеральной оппозиціи. Однако, буржуазная пресса напрасно волновалась: соціалъ-демократы отказались отъ чести занять тальманское кресло и удовольствовались избраніемъ изъ своей среды вице-тальмана.

Много толковъ возбудилъ также вопросъ о томъ, пойдутъ ли соціалъ-демократы въ Сенатъ, особенно послѣ того, какъ они рѣшили выразить прежнему шведоманскому Сенату свое недовѣріе, и его отставка казалась возможной. Но и на министерскіе посты соціалъ-демократы никакихъ поползновеній не высказываютъ, предоставляя „партіямъ языковъ“ ссориться изъ-за мѣстъ въ Сенатѣ.

Несмотря на короткій срокъ весенней сессіи Сейма, онъ успѣлъ проявить свою жизнедѣятельность внесеніемъ 24 моцій и 85 петицій по цѣлому ряду весьма существенныхъ вопросовъ. Финляндское правительство, съ своей стороны, передало на разсмотрѣніе Сейма 15 законодательныхъ предложеній, среди которыхъ лишь регулированіе труда въ пекарняхъ да до извѣстной степени пересмотръ современнаго церковнаго обложенія имѣютъ важное значеніе для соціально-политической жизни страны.

Почти всѣ законопроекты, внесенные на Сеймъ депутатами, касаются уже намѣчавшихся въ избирательныхъ платформахъ партій вопросовъ

(пересмотръ конституціи, измѣненіе арендиаго положенія, расширеніе компетенціи коммунальнаго самоуправленія, запрещеніе выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ и т. д.) и имѣютъ громадное значеніе для всей внутренней жизни Финляндіи. Отсрочка разсмотрѣнія ихъ до осени явилась для большей части населенія весьма досадной. Но этотъ шагъ при современныхъ событіяхъ въ Россіи, при сгущающейся атмосферѣ реакціи въ имперіи, продиктованъ былъ необходимостью—законодательствовать, заниматься „созидательной дѣятельностью" при торжествѣ темныхъ силъ по ту сторону границы является совершенно несбыточной и наивной мечтой. Какъ бы ни были благодушно и довѣрчиво настроены буржуазные элементы финляндскаго народа, какъ бы ни кичились они своей побѣдой, какъ бы ни вѣрили въ незыблемость брошенныхъ имъ обѣщаній и твердость начертанныхъ на бумагѣ конституціонныхъ основъ,—событія въ Россіи колеблютъ самыя безмятежныя души и вселяютъ въ нихъ невольную тревогу за судьбы родины...

Законодательная работа Сейма отсрочена до осени. Удастся ли провести всѣ намѣченныя реформы, которыхъ такъ нетерпѣливо ждетъ упорный въ своихъ требованіяхъ финляндскій народъ,—на это сможетъ дать отвѣтъ лишь та великая, всесокрушающая сила, что, несмотря на безчисленныя преграды, воздвигаемыя „старымъ режимомъ", безпорядочно рушитъ всѣ подгнившіе устои „прошлаго" и очищаетъ путь для творческой работы „будущаго".

А. Коллонтай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Послѣдняя Дума.

(Впечатлѣнія и размышленія).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что конецъ второй Государственной Думы и послѣдовавшіе за нимъ „законы“ о выборахъ являются историческимъ этапомъ,—конечнымъ пунктомъ для цѣлой полосы нашего освободительнаго движенія. Я разумѣю полосу такъ называемыхъ „дней свободы“, открывшуюся 17-го октября 1905 года и дотянувшуюся—въ сильно полинявшемъ и выцвѣтшемъ видѣ, но все же дотянувшуюся—до самыхъ послѣднихъ дней... Почти два года, стало быть, просуществовала эта полоса, отличительнымъ признакомъ которой, на мой взглядъ, надо признать господство иллюзій: въ одной средѣ господствовали иллюзіи революціонныя, вскорѣ, впрочемъ, послѣ тяжелыхъ декабрьскихъ испытаній, уже начавшія смѣняться реалистическимъ настроеніемъ; въ другой средѣ—отъ самаго дня „акта страха и лжи“ и вплоть до обнародованія новаго акта „довлѣющаго власти“—царили неизмѣнно, съ удивительнымъ упорствомъ,—иллюзіи „конституціонныя“. Эти послѣднія даже какъ будто росли и крѣпли по мѣрѣ приближенія къ моменту, который долженъ былъ принести съ собою полное ихъ крушеніе: никогда „созидательная дѣятельность Думы самой по себѣ“ не ограждалась нашими конституціонными иллюзіонистами такъ старательно и рѣшительно отъ всякаго „внѣдумскаго давленія“, какъ именно въ послѣдніе 102 дня существованія послѣдней Думы...

И ничуть не вызванный поведеніемъ самой Думы, очевидно, заранѣе предрѣшенный, роспускъ ея (косвенно и заднимъ числомъ объясняющій и ту подготовительную, казавшуюся тогда непонятной, буффонаду, какая была разыграна въ Думѣ въ маѣ, при благосклонномъ участіи гр. Бобринскаго)—этотъ роспускъ „работоспособной“ и сорганизовавшей, наконецъ, свой „центръ“ Думы—поистинѣ положилъ во гробъ иллюзіи нашихъ „парламентаріевъ безъ парламента“, а „довлѣющій власти актъ“ привалилъ къ этому гробу камень и приставилъ кустодію... изъ истинно-русскихъ людей...

„Московскія Вѣдомости“ ликуютъ:

Манифестъ кладетъ окончательный предѣлъ всѣмъ этимъ „конституціоннымъ“ иллюзіямъ. Правда оказалась на сторонѣ тѣхъ русскихъ людей, которые ни на минуту не поколебались послѣ „государственнаго переворота“ 1905 года и неизмѣнно утверждали, что манифестъ 17 октября никакому ограниченію Государеву Самодержавную Власть не подчинилъ, что Самодержавіе Государя осталось и останется, по собственнымъ Его Величества словамъ, «такимъ же, какимъ оно было встарь», и что Государь, отвѣтствуя лишь передъ Господомъ Богомъ, можетъ Своею Властью измѣнить всякій изданный Имъ законъ...

Ликованіе это довольно естественное, хотя, разумѣется, „правда“ далеко не „оказалась на сторонѣ тѣхъ русскихъ людей, которые“... Юридическая аргументація этой ликующей тирады, конечно, ничего общаго съ правдой не имѣетъ: не даромъ же для торжества „правды“ пришлось фактически отдать на смарку не только 87 статью законовъ 20-го февраля (эту „описку законодателя“—по „Новому Времени“), но и I-ю статью I-го тома Свода Законовъ... По существу, однако, эти „русскіе люди, которые...“—были и остались гораздо ближе къ фактической правдѣ къ вѣрной оцѣнкѣ реальныхъ отношеній, чѣмъ наши „парламентаріи“. То что предстояло еще завоевывать и добывать упорной борьбой, эти послѣдніе объявили уже существующимъ, старались увѣрить въ этомъ самихъ себя и другихъ, и съ этой „точки зрѣнія“ опредѣляли свои отношенія къ инако мыслящимъ, на этомъ словесномъ фундаментѣ строили свою тактику. Нечего и говорить, что такой же подмѣнъ „желаемымъ“ „сущаго“ царилъ и въ ихъ литературѣ.

Послѣднее обстоятельство оказалось, кажется, горше первыхъ: за исключеніемъ соціалистическихъ изданій, вся наша политическая пресса заразилась этимъ жаргономъ, а отчасти и мышленіемъ „дней свободы“, преисполнилась конституціонными „эйфемизмами“ и страдала какой-то, казалось, неизлечимой неискренностью, половинчатостью, боязнью прямоты и ясности. Теперь болѣзни этой пришелъ конецъ, теперь дописана длинная по существу лживая фраза. Точка поставлена. Русская исторія начинаетъ новый абзацъ, съ новой красной строки...

Есть нѣчто логически освѣжающееe въ этомъ послѣднемъ размахѣ самому себѣ довлѣющаго произвола... Въ самомъ дѣлѣ, если лживость эпохи дней свободы, эпохи „конституціоннаго самодержавія“ опредѣлялась именно несоотвѣтствіемъ пущенныхъ въ ходъ съ такъ называемаго верха и, благодаря иллюзіямъ и иллюзіонистамъ, широко распространившихся „внизу“ правовыхъ и политическихъ терминовъ съ ихъ реальнымъ историческимъ содержаніемъ, то теперь это соотвѣтствіе возстановлено. Порадуемся, что мы стоимъ, наконецъ, на твердой почвѣ, живемъ въ атмосферѣ полной, кристалльной, для всѣхъ наглядной ясности, и на этой почвѣ и въ этой атмосферѣ будетъ строиться далѣе. „Возстановленіе“ оплачивается

дорогой цѣной—несомнѣнно. Но, можетъ быть, нѣтъ цѣны, которой бы не стоила эта ясность и опредѣленность отношеній, эта твердость почвы...

Всякій, кому приходилось сколько-нибудь близко наблюдать за дѣятельностью депутатовъ въ Думѣ, всматриваться и вслушиваться въ ходъ думскихъ засѣданій, я увѣренъ, согласится со мной въ слѣдующемъ: основной, самой глубокой, самой мучительной язвой всего думскаго бытія была эта коренная фальшь, это нестерпимое несоотвѣтствіе торжественной юридической оболочки и нищенски-скуднаго политическаго существа дѣла.

Въ первой Думѣ, благодаря полному разгару „иллюзіонистскаго" настроенія, это меньше давало знать себя. Субъективно, по крайней мѣрѣ, ораторы, повидимому, ощущали подъ ногами кое-какую почву. И хотя идеологъ и „сверхлидеръ" кадетовъ, какъ его теперь называютъ, П. Милюковъ, уже тогда, въ полемикѣ съ лѣвыми выкидывалъ тотъ самый девизъ, который явился ихъ лейтъ-мотивомъ во вторую выборную кампанію и на протяженіи всей второй Думы, хотя онъ и писалъ, со свойственнымъ ему не то лацемѣрнымъ, не то наивнымъ доктринерствомъ „парламентарія безъ парламента" такія смѣлыя строки:

„...Простодушныя представленія о роли народнаго представительства все еще держатся и никакъ не могутъ уступить мѣсто болѣе правильнымъ идеямъ о Думѣ—органѣ законодательства, *облеченномъ огромной, но косвенной властью надъ администраціей и совершенно отрѣзанномъ отъ непосредственныхъ сношеній* (курсивъ мой. *М. Н.*) какъ съ монархомъ, такъ и съ народомъ" [1]).

Но тутъ же у него прорывались признанія въ такомъ родѣ: „Угрозы вмѣшательствомъ народа можно осуществить лишь тогда, когда это вмѣшательство предварительно подготовлено,—и на эту подготовку и должна быть направлена работа всѣхъ тѣхъ, кому собственная власть Думы кажется (!) недостаточной для выполненія ея огромныхъ задачъ".

Здѣсь, какъ видите, рекомендуется лишь своеобразное раздѣленіе труда: политическіе дѣятели, которымъ „кажется", что у насъ нѣтъ парламента (гг. кадеты еще величали ихъ тогда „друзьями" слѣва), должны подготовить и создать движеніе, на которое могла бы опереться „отрѣзанная" отъ народа Дума, а гг. кадеты и Дума эту работу бы учитывали... Здѣсь, очевидно, еще звучитъ ироническій мотивъ—впрочемъ, въ серьёзъ написанной—Тановской строфы:

Встань, приливъ, создай теченіе:
Мы, не медля ни мгновенія,
Двинемся впередъ!..

Да зачѣмъ цитаты, когда есть такое неопровержимое свидѣтельство, какъ выборгское воззваніе—эта „ошибка", въ которой такъ каялись

---

1) «Рѣчь», 21-го мая, 1906 года.

впослѣдствіи кадеты (и которая, скажемъ въ скобкахъ, была ошибкой лишь по *выполненію*, а не по замыслу: инціаторы воззванія, во-первыхъ, ограничились литературнымъ произведеніемъ, тамъ гдѣ обязательна была попытка дѣйственная,—распустили ту самую организацію, о „поддержкѣ“ коей какъ бы хлопотали, а затѣмъ взяли въ этомъ документѣ тонъ, не вытекавшій изъ ихъ тактической позиціи).

Но несмотря на подобное настроеніе первой Думы, настроеніе, несомнѣнно одушевлявшее и кадетское большинство ея, я вполнѣ присоединялся къ характеристикѣ, которую далъ этой первой Думѣ одинъ мой совсѣмъ не пессимистически въ то время настроенный пріятель, въ одно изъ совмѣстныхъ нашихъ посѣщеній первой Думы:

„*Бутафорія какая-то!..*“

Что жъ говорить про вторую, уже совсѣмъ „отрѣзанную“ отъ народа Думу, все же, однако, силявшуюся симмулировать, если не „огромную“, то хоть какую-нибудь „косвенную“ власть и, въ лицѣ своего центра, загипнотизированную идеей самобереженія!

Въ рѣчахъ перво-думскихъ ораторовъ слышалось то и дѣло воодушевленіе, подсказанное наивной вѣрой въ свою иллюзію, но несомнѣнно искреннее; иныя рѣчи ихъ дышали поэтому неподдѣльной силой. Вспомните выступленія Родичева, Урусова или наивно-величественное набоковское: „Исполнительная власть да подчинится власти законодательной!“.. Я уже не говорю про мрачныя проклятія, которымъ предавалъ правительство погромщиковъ священникъ Аѳанасьевъ, грозившій близкимъ „страшнымъ судомъ“ отъ рукъ народа, или сосредоточенно-гнѣвные краткіе выпады трудовика Аникина...

Въ послѣдней Думѣ кадеты, оскопленные, тщательно вывѣтрившіе изъ себя всякій духъ протеста, преисполненные „дѣлового“ настроенія и заботы о „сбереженіи“, либо молчали, либо выступали блѣдно и вяло противъ заявленій власти, и сколько-нибудь воодушевлялись только въ моменты борьбы съ лѣвыми, т. е. преимущественно—соціалъ-демократами.

За періодъ междудумья изрядно воды утекло. Партія к.-д., если не очень многому научилась, то забыла очень многое. Вся предвыборная кампанія почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ велась уже кадетами противъ лѣваго блока и содержаніемъ своимъ имѣла преимущественно борьбу съ лѣвыми, ихъ критику и дискредитированіе.

Въ эту именно кампанію бывшіе „друзья слѣва“ окончательно превратились во враговъ. Въ эту кампанію послана „историческая“ поздравительная телеграмма П. Милюкова Москвѣ, съ знаменитымъ мѣстомъ о „красной тряпкѣ“. Къ этому именно времени кадетская печать заняла уже окончательно „центральную“ позицію, объявивши „миѳомъ“ революціонной народъ и, очевидно, съ корнемъ вытравила всякое воспоминаніе о нѣкогда любезныхъ сердцу Тановскихъ виршахъ... И все настроеніе думскаго

„центра“ опредѣлялось именно этими мотивами. Могло ли такое настроеніе служить источникомъ для ораторскаго вдохновенія?

Многіе высказывали мысль, что кадеты отнынѣ заняли опредѣленную классовую позицію, что вся ихъ тактика типично-буржуазна и контръ-революціонна... Увы! даже это было бы плюсомъ для кадетскаго настроенія, если бы такъ было въ дѣйствительности... Но, на самомъ дѣлѣ, при несомнѣнномъ выборномъ *базисѣ* въ лицѣ среднихъ слоевъ буржуазіи (городская курія), кадетская партія до сихъ поръ еще въ классовомъ смыслѣ не отстоялась, по составу изображаетъ изъ себя пестрый конгломератъ... И если она дѣйствительно стала и все болѣе становится контръ-революціонной въ своей тактикѣ, то, на мой взглядъ, это гораздо сильнѣе обусловлено именно ея доктринерскимъ парламентскимъ утопизмомъ, ея „направленствомъ“, чѣмъ классовымъ составомъ. Для меня вся исторія кадетовъ есть только лишнее доказательство, что процессъ превращенія нашихъ литературно-публицистическихъ „направленій“ въ политическія партіи еще не завершился, что настоящая партійная дифференціація только началась.

Гг. кадеты боролись съ „красной тряпкой“, главнымъ образомъ, во имя „правильной идеи о законодательномъ органѣ, облеченномъ огромной косвенной властью“ и т. д... Сравните, напримѣръ, смѣхотворныя выходки г. Родичева второй Думы по адресу лѣвыхъ съ его же рѣчами въ первой Думѣ. „Классовый составъ“ этого человѣка не могъ же претерпѣть такую головокружительную эволюцію. Бія себя въ перси, аппелируя къ „*совѣсти*“ соціалъ-демократовъ, онъ приглашалъ ихъ, напримѣръ, голосовать за ассигновку на завершеніе продовольственной кампаніи... и въ сущности каждымъ словомъ своимъ побивалъ свои же собственныя слова, произнесенныя на ту же тему годъ тому назадъ!

Еще характернѣе выступленіе кадетовъ по вопросу объ осужденіи политическихъ убійствъ. Провокація гг. Пуришкевичей и Бобринскихъ долго терпѣла фіаско: путемъ простой оттяжки кадеты не давали имъ возможности покувыркаться на лакомую тему... Оттяжка была очевидная, для всѣхъ ясная. И г. Бобринскій былъ вполнѣ правъ, утверждая, что она отнюдь не дѣлаетъ чести Думѣ. Чѣмъ объяснялось откладываніе? Кадеты не знали, *какъ быть*... Человѣческая и политическая совѣсть боролась съ доктриной, съ направленствомъ. Направленство подсказывало: спасай Думу!.. Совѣсть ставила вопросъ: чистоплотно ли? не сожжешь ли корабли? Но вотъ наступилъ день, когда оттягивать стало уже неприлично. Предложеніе Пуришкевичей поставлено на очередь. Кадеты голосуютъ *противъ* резолюціи по этому вопросу. Трудовики и народные соціалисты баллотируютъ вмѣстѣ съ ними, и объясняютъ свои мотивы: Дума не призвана заниматься резолюціями, да и принявши резолюцію по такому вопросу, она только дискредитировала бы себя въ глазахъ народа. Кадеты то же мо-

тивирують свое поведеніе: какъ всегда въ „скользкихъ“ случаяхъ на кафедру посылается I. В. Гессенъ и объявляетъ, что кадеты голосовали противъ резолюціи отнюдь не по тѣмъ мотивамъ, которые были только что указаны, а по *чисто-дѣловымъ*. Предложеніе Пуришкевичей проваливается.

Проходитъ, однако, день. Г. Щегловитовъ даетъ объясненіе по запросу о пыткахъ и избіеніяхъ въ рижской тюрьмѣ. Правые возобновляютъ нападеніе и вновь предлагаютъ свое „осужденіе“. И... картина совершенно мѣняется. Теперь, оказывается, кадеты уже *за* резолюцію. Теперь „дѣловыя“ соображенія уже не препятствуютъ или даже диктуютъ присоединеніе къ правымъ. Голосъ совѣсти подавленъ, направленство торжествуетъ. Кадеты осуждаютъ политическія убійства въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Гдѣ же логика?—спрашиваю я одного изъ ихъ лидеровъ.—Я, лично, всегда стоялъ за осужденіе!—отвѣчаетъ онъ.—Меня интересуете не вы, а ваша партія,—продолжаю я.—Видите-ли, сегодня рѣчь шла не объ осужденіи вообще, а о конкретномъ фактѣ политическихъ убійствъ въ Прибалтійскомъ Краѣ...

Такова *логика* „парламентаріевъ безъ парламента“, отрѣзавшихъ себя отъ... „миѳовъ“.

Извольте при подобномъ „настроеніи“ обрѣсти въ себѣ больше гражданскаго пафоса, чѣмъ его обрѣтали кадетскіе ораторы! Что бы и о чемъ бы они ни говорили, внимательный слушатель улавливалъ только одну „идею“: „Отче, да минуетъ меня чаша—разгона! Въ прочемъ же да будетъ такъ, какъ ты хочешь, а не я“...

Я приведу еще одну особенно унизительную, особенно мучительную сцену одного думскаго засѣданія, на мой взглядъ особенно наглядно свидѣтельствовавшаго о томъ внутреннемъ безсиліи, о томъ моральномъ параличѣ, на который обрекла Думу ея „бутафорская“ природа, дикое несоотвѣтствіе между ея юридической оболочкой и политической сущностью.

Можно ли придумать другую тему, гдѣ бы сильнѣе должно было заговорить самое элементарное человѣческое чувство, какъ вопросъ объ избіеніи политическихъ каторжанъ въ Алгачинѣ? Вѣдь тутъ, казалось бы, сами собою, у любого зауряднаго оратора, должны бы вырываться изъ груди широкимъ потокомъ слова проклятія и обличенія и, какъ камнями, побивать представителей „подлежащаго вѣдомства“...

Тамъ, въ далекой сибирской норѣ, связанныхъ своихъ плѣнниковъ, заточенныхъ, безоружныхъ враговъ своихъ, представители власти избиваютъ прикладами, волокутъ за ноги такъ, что голова считаетъ ступеньки, отбиваютъ имъ легкія...

А г. Щегловитовъ разъясняетъ: *по закону* могло бы быть еще лучше, могли бы пороть розгами или разстрѣлять... Необходимо вѣдь „подтянуть“ каторгу, гдѣ политическіе даже арестантской одежды не носятъ...

Когда говоритъ г. Столыпинъ, вы чувствуете всегда нѣкоторый надрывъ, вы всегда можете подмѣтить волненіе, которое искусственно подавляется повышеннымъ „твердымъ“ тономъ и „образными“ выкриками („не запугаете!“, знаменитая „оглобля“ и пр.).

У этого, у Щегловитаго,—полное спокойствіе. Человѣкъ, кажется, появился въ Думу съ сытнаго завтрака, и говоритъ объ Алгачинѣ такъ, точно, какъ, вѣроятно, только-что, за завтракомъ бесѣдовалъ о яствахъ, о погодѣ... Долгое общеніе съ русской Ѳемидой вырабатываетъ, должно быть, подобные типы...

Вы съ нетерпѣніемъ ждете... Сейчасъ ему воздастся должное. Сейчасъ, выведенные изъ послѣднихъ предѣловъ терпѣнія, народные представители укажутъ ему его мѣсто на „лѣстницѣ“ человѣчества, проймутъ эту сытую невозмутимость, сейчасъ народъ заступится гнѣвнымъ своимъ словомъ за своихъ мучениковъ...

На кафедрѣ „лѣвый“, какъ говорили, кадетъ г. Тесленко. Начинаетъ онъ съ довольно рѣшительныхъ нападокъ на „устарѣлость“ нашихъ законовъ о заключенныхъ. Но въ серединѣ рѣчи какъ бы спохватывается: вѣдь разъ „законно“, то представителю „центра“ особенно протестовать не приходится. И рѣчь кончается указаніемъ, что главная бѣда въ „широкихъ рамкахъ усмотрѣнія“, предоставленнаго тюремному начальству, и пожеланіемъ, чтобы обветшалые законы были замѣнены новыми, съ болѣе „узкими“ рамками...

Не правда ли, достойный отвѣтъ на то надругательство надъ человѣкомъ, да и надъ Думой, которое только-что было произведено съ думской кафедры г. министромъ русской юстиціи?

И, по истинѣ, въ душѣ слушателя поднимается противъ этихъ „парламентаріевъ“ чуть ли не бо́льшая злоба, чѣмъ противъ самихъ Щегловитовыхъ!..

А дальше еще того лучше. Говоритъ „христіанскій кадетъ“ г. Булгаковъ. Вѣдь съ религіозной-то точки зрѣнія легко бы, кажется, подобрать надлежащія слова по такому вопросу... Помните прекрасную рѣчь свящ. Колокольникова о военно-полевыхъ судахъ, съ точки зрѣнія священника, исповѣдующаго осужденнаго? Но г. Булгаковъ, во-первыхъ, „профессоръ“, во-вторыхъ „философическій“ христіанинъ, а въ-третьихъ—и это главное—„примыкаетъ“ къ направленству кадетскому, т. е. къ парламентскому иллюзіонизму. И о чемъ же онъ находитъ нужнымъ и возможнымъ заговорить въ эту минуту? О, конечно! о „политическомъ значеніи запросовъ вообще“... Запросы, видите ли, это „рука примиренія“, которое общество и народъ протягиваютъ власти, и г. Булгакову „грустно“, что правительство не хочетъ пожать протянутой ему руки...

Читатель, не давайте слишкомъ крѣпкимъ словамъ срываться съ вашихъ устъ... Вы вѣдь не забыли: г. Булгаковъ не такъ давно еще былъ

соціалъ демократомъ, засимъ идеалистомъ-мистикомъ, всѣ задачи жизни рѣшавшимъ съ точки зрѣнія очень возвышенныхъ мистико-моральныхъ абсолютовъ. Не могъ же до такой степени и такъ быстро измѣниться его человѣческій „составъ". Не вѣрьте ему, что онъ ничего, кромѣ „грусти", не почувствовалъ во время рѣчи г. Щегловитова. Это онъ свое „направленство" выдерживалъ, и глушилъ голосъ человѣческой совѣсти и человѣческаго достоинства... во имя „идеи парламента". Будьте увѣрены— ему и самому было стыдно...

Но стыдно было и слушать все это или читать въ стенограммѣ... Тяжелый стыдъ—вотъ, что ложилось на душу и давило сознаніе въ подобныя „парламентскія" минуты второй Думы...

И когда говорятъ о странномъ равнодушіи „безмолствующаго народа" при вѣсти о роспускѣ Думы и объявленіи „довлѣющаго власти акта", я начинаю сравнивать: что унизительнѣе?—подобное ли существованіе народнаго представительства, „самого себя берегущаго", или этотъ новый открытый „размахъ произвола"?.. И я не знаю, чему отдать предпочтеніе...

Упомяну къ слову, по поводу только-что описанной парламентской сцены, о финалѣ ея. Послѣ кадетовъ на кафедру взошелъ только-что прибывшій изъ Сибири „священникъ,—эсъ-эръ" Брилліантовъ. Газеты какъ-то мало удѣлили мѣста этому выступленію. А для меня оно почти искупило всю унизительность предыдущихъ моментовъ...

Столько тутъ было неподдѣльной чистоты и искренности, столько скромной отваги и нравственной силы. Съ благообразнымъ аскетическимъ лицомъ, молодой священникъ выходитъ передъ лицо всего народа и простодушно обнажаетъ свое сердце: онъ даетъ моральную оцѣнку тѣмъ, кого „по закону" можно не только бить прикладомъ, но и сѣчь розгами и разстрѣливать. Онъ, конечно, разъ навсегда сжигаетъ свои корабли, какъ священникъ: возврата ему уже нѣтъ... И если бы тутъ была хотя доля тщеславія, хотя бы намекъ на стремленіе къ эффекту... Ораторъ онъ, повидимому, не опытный и волнуется. Не громкимъ, мягкимъ теноромъ скажетъ нѣсколько словъ и въ очевидномъ волненіи помолчитъ, обдумывая слѣдующія... Онъ много ихъ видѣлъ въ далекой Сибири, тѣхъ, кого можно бить и стрѣлять... Онъ пришелъ къ заключенію, что это самые преданные и самоотверженные слуги народа... Онъ знаетъ, что настанетъ часъ, когда народъ получитъ власть въ свои руки, и тогда онъ не воспользуется ею, чтобы мстить своимъ врагамъ, истязать ихъ, какъ это дѣлаетъ настоящее правительство въ Алгачинѣ и др. мѣстахъ. Русскій народъ великодушенъ... И о. Брилліантовъ заканчиваетъ наивнымъ, поистинѣ характернымъ для эсъ-эра-священника „синтезомъ" христіанства съ „соціализаціей" земли: „Народъ русскій скажетъ имъ: уходите! А если хотите трудиться, то вотъ вамъ по 30 десятинъ земли на каждаго"...

Читатель, конечно, помнитъ, что о. Брилліантовъ въ числѣ пяти священниковъ второй Думы, принадлежавшихъ къ лѣвымъ партіямъ, преданъ по постановленію синода епархіальному суду, и притомъ единственный изъ нихъ не явившійся къ митрополиту для личнаго объясненія, а также не подавшій и никакого объясненія письменнаго...

Послѣ рѣчи Брилліантова голосуется и *принимается* кадетская формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, по обыкновенію „спасающая Думу" и даже не признающая объясненія г. Щегловитова неудовлетворительными...

Но о. Брилліантовъ—это уже представитель другой категоріи думскихъ депутатовъ, которой я еще не касался и къ которой перейду сейчасъ, ибо и она по своему настроенію не менѣе характерна для переживаемаго момента, чѣмъ подавляющіе въ себѣ „стыдъ" парламентаріи безъ парламента...

Это категорія „новорожденныхъ политиковъ", созданныхъ годомъ революціи въ провинціальной глуши и привезшихъ въ Думу свое свѣжее, не перебродившее, смутное, но непримиримое настроеніе. Въ такъ называемыхъ „низахъ", особенно въ крестьянской средѣ, это очень распространенный теперь типъ. Въ то время, какъ теоретики и сознательные участники движенія переходили отъ огромныхъ плановъ и розовыхъ надеждъ къ отрезвленію, къ которому несомнѣнно примѣшивалась изрядная доля усталости, эти неофиты, очевидно, продѣлывали только первоначальные силлогизмы, и съ ними, и только съ ними, да со свѣжестью своихъ надеждъ, явились сюда, въ среду „центральныхъ" кадетовъ, клоунствующихъ друзей министерства съ ихъ провокаціями, и лишенныхъ всякой надежды на непосредственную „продуктивность" думской работы лѣвыхъ... Ни въ комъ, конечно, Дума не порождала такихъ горькихъ разочарованій, какъ въ этой категоріи депутатовъ. По прошествіи первыхъ недѣль, они бродили озлобленные по кулуарамъ, лишь изрѣдка отводя здѣсь душу въ горячихъ схваткахъ съ правыми: здѣсь можно было договориться до самаго завѣтнаго, выложить все накипѣвшее и наболѣвшее, а тамъ, въ засѣданіи... считали голоса и проводили „кадетскія" формулы. Къ этой категоріи относились многіе изъ „трудовиковъ", большинство крестьянъ соціалистовъ-революціонеровъ, и кое-кто изъ рабочихъ соціалъ-демократовъ, бывшихъ „ораторовъ" въ какомъ-нибудь Вольскѣ и т. п. Выступали они, преимущественнно, по вопросу о „землѣ" во время аграрныхъ преній. О „правыхъ", роль которыхъ была исключительно провокаторская и скандалы которыхъ вызывали, по-моему, чрезмѣрное вниманіе печати, я распространяться не буду. Къ тому же мы еще имѣемъ à fond познакомиться съ ними въ третьей Думѣ. Октябристы или „умѣренные" почти ничѣмъ себя не проявляли, кромѣ Капустинскаго елейно-обывательскаго словоговоренья...

Перехожу къ лѣвой, начиная съ народныхъ соціалистовъ.

Н.-с., какъ чисто-литературная, по своему происхожденію, группа,

очень въ Думѣ немногочисленная, представляли симптоматическій интересъ—именно въ смыслѣ очень быстрой реакціи на безнадежное внутреннепротиворѣчивое положеніе нашего „парламента".

Они шли въ Думу, чтобы „законодательствовать", какъ они говорили, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы использовать Думу, какъ политическую трибуну. Но законодательствованіе оказалось съ первыхъ же шаговъ чисто-платоническимъ занятіемъ, ибо кромѣ думскаго „центра", даже на пропущенное имъ накладывалъ свою руку государственный совѣтъ, какъ было съ закономъ о военно-полевыхъ судахъ; для использованія трибуны, въ группѣ оказалось не достаточно ораторовъ: лучшія силы партіи были, какъ извѣстно, „подведены" подъ 129 ст. Въ результатѣ—именно въ этой фракціи скорѣе всего появилось чуть не отрицательное отношеніе къ Думѣ, чуть не бойкотистское, нервное настроеніе, которое составляло и содержаніе немногочисленныхъ номеровъ издававшагося фракціей органа... Одинъ изъ ораторовъ именно этой фракціи, г. Алашеевъ, съ думской кафедры назвалъ Думу „парламентомъ въ участкѣ", чѣмъ, разумѣется, привелъ въ негодованіе гг. кадетовъ вообще и І. Гессена въ особенности. Въ „борьбѣ" думскихъ партій н.-с. играли очень небольшую роль и потому, оставаясь какъ бы зрителями, со стороны особенно ясно чувствовали всю *конъюнктуру*...

Въ своихъ выступленіяхъ въ Думѣ эта группа всегда держалась въ „лѣвомъ блокѣ", такъ-сказать, и дала въ комиссіяхъ нѣсколькихъ цѣнныхъ работниковъ. Въ томъ же „лѣвомъ блокѣ" за вторую половину дѣятельности Думы держались и „трудовики", въ общемъ представлявшіе довольно смутную по политическому настроенію группу, въ первое время не разъ поддававшуюся кадетскому гипнозу „береженія".

С.-р., вслѣдствіе ряда разгромовъ, были очень блѣдно представлены и даже доброжелатели, въ отзывахъ о нихъ, то и дѣло цитировали слова г. Столыпина, что фракція, повидимому, лишь „созвучна" съ партіей, а не тождественна съ нею...

Все дѣло лѣвыхъ въ Думѣ дѣлали, безспорно, соціалъ-демократы. Естественно, что на нихъ и направилась травля какъ со стороны правительства, такъ и кадетскихъ газетъ и всей уличной кадетствующей прессы, вродѣ „Биржев. Вѣдомостей"... Благодаря наличности такихъ ораторовъ, какъ Алексинскій, Церетелли и двое—трое другихъ, *трибуна* второй Думы была хорошо использована соціалъ-демократіей. Вторая, *организаціонная*, сторона задачи, разумѣется, должна была натолкнуться и натолкнулась на „участокъ", и такъ успѣшно, какъ первая выполнена быть не могла.

Благородно-простой и спокойно-сильный ораторскій талантъ Церетелли снискалъ ему симпатіи даже въ станѣ „враговъ"—кадетовъ, судя по отзывамъ о его рѣчахъ въ ихъ газетахъ...

Маленькій ироническій Алексинскій оставилъ во мнѣ неизгладимое

впечатлѣніе своей большой рѣчью по вопросу о бюджетѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ думскихъ дней, который могъ доставить истинное удовлетвореніе. Одинъ давнишній теоретическій „ненавистникъ“ соціалъ-демократіи, много вынесшій въ старые годы народоволецъ, а нынѣ эсъ-эръ, подошелъ ко мнѣ послѣ рѣчи Алексинскаго и „признался“: въ жизни его было-таки „два дня, когда ему хотѣлось быть эсдекомъ“, какъ онъ выразился: это былъ день отвѣта Церетелли на Столыпинскую декларацію и вотъ сегодняшній „бюджетный“ день...

Трудно себѣ представить болѣе красивую антитезу, чѣмъ этотъ вылощенный, велерѣчивый министръ, развязнымъ и поучающимъ тономъ „посвящавшій“ Думу въ „небронированныя“ статьи нашего бюджета, а противъ него—этотъ маленькій, худенькій человѣчекъ, въ своемъ табачнаго цвѣта пиджачкѣ, съ безкровнымъ, нервнымъ лицомъ, сутулый и тощій, исполненный такого уничтожающаго сарказма!..

Г-нъ Коковцовъ (страдающій „недержаніемъ слова“, какъ говорили про него) 5 разъ поднимался на кафедру, чтобы представить картину финансовъ нашихъ въ возможно блестящемъ видѣ и „запугать“ Думу техническими трудностями бюджетнаго вопроса.

Его рѣчь, въ сущности, являлась настоящимъ издѣвательствомъ надъ бюджетнымъ безправіемъ Думы: онъ доказывалъ, что его министерство всегда руководствовалось закономъ; Дума обязана дѣлать то же; она можетъ вникать лишь въ тѣ второстепенныя статьи бюджета, которыя правительство соблаговолило не „забронировать“ отъ народа, и этихъ статей съ избыткомъ хватитъ для думскихъ „новичковъ“ въ финансовыхъ вопросахъ, чтобы „поучиться“, чтобы, „опустившись на самое дно бюджетнаго вопроса“, убѣдиться, что ничего иного нельзя тутъ и подѣлать, кромѣ того самаго, что дѣлалъ онъ, г. Коковцовъ, и его министерство; время не терпитъ, и Дума должна безотлагательно утвердить бюджетъ уже по одному тому, что въ противномъ случаѣ правительство *по закону* преспокойно можетъ обойтись и безъ этого утвержденія...

Длинная, вялая, мелочная рѣчь г. Кутлера явилась только усугубленіемъ этой отвратительной сцены глумленія: вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть вопросъ по существу, дать принципіальную оцѣнку правительственной финансовой политики, онъ копался въ мелочахъ да еще напуталъ (по вопросу о прибавкѣ жалованья чинамъ управленія по дѣламъ печати).

Въ еще большія мелочи, и еще гораздо путаннѣе и неудачнѣе ударился г. Струве. Въ длинныхъ, неудобо-слушаемыхъ (а въ стенограммѣ—неудобочитаемыхъ) періодахъ онъ проводилъ ту идею, что кадеты *сдадутъ бюджетъ въ комиссію, чтобы его утвердить*...

Такимъ образомъ кадеты напередъ обѣщали противнику *сдать* эту основную позицію парламентской борьбы.

Выходило не только унизительно (какъ всякое афишированіе своего

безсилія), но и неумно и, можетъ быть, потому особенно унизительно, что неумно.

Говорившій отъ имени с.-д. фракціи, Алексинскій одинъ взялъ на себя благодарную задачу разсмотрѣть финансовую политику по существу. Въ большой $1^1/_2$ часовой рѣчи, шагъ за шагомъ онъ вскрывалъ классовой и даже групповой характеръ хищнической политики самодержавія. Рѣчь была прекрасно подготовлена, изобиловала яркими иллюстраціями, характеризовавшими отношеніе бюрократіи къ народному хозяйству цитатами изъ рѣчей и писаній *самихъ бюрократовъ*... Вся Дума съ напряженнымъ интересомъ слушала. Я замѣтилъ, что за всѣ $1^1/_2$ часа не вышелъ изъ залы засѣданія почти никто—лучшее доказательство, что ораторъ сумѣлъ приковать къ себѣ вниманіе.

Когда Алексинскій цитировалъ классическую фразу „извѣстнаго Игнатьева“ о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать ассигновку на мусульманскія народныя школы, ибо мусульмане не пьютъ водки, и стало быть, не несутъ на себѣ одинаковой съ русскими налоговой тяжести,—депутаты-мусульмане даже привстали на мѣстахъ, всѣмъ корпусомъ потянувшись къ оратору... Я наблюдалъ за г. Коковцовымъ: ѣдкимъ ядомъ смазанныя и тонко отточенныя стрѣлы оратора, повидимому, уязвляли даже этого на славу „забронированнаго“ бюрократа—онъ довольно нервно ёрзалъ на своемъ стулѣ...

Но, пожалуй, ярче и эффектнѣе всего былъ самый приступъ къ рѣчи, сдѣланный Алексинскимъ. Тутъ антитеза, о которой я говорилъ, выступала особенно рельефно. Вы, конечно, не забыли этого прекраснаго ироническаго приступа:

„Граждане-депутаты! Я долженъ признаться, что въ началѣ рѣчи г. министра финансовъ мною овладѣла робость... Ну, что могу я, представитель петербургскихъ рабочихъ, возразить ему, спеціалисту по столь сложнымъ вопросамъ, какъ вопросы русскаго бюджета?.. Но по мѣрѣ того, какъ я слушалъ г. министра, я все больше убѣждался, что именно долгое пребываніе „на самомъ днѣ“ россійскаго бюджета совершенно, повидимому, лишаетъ человѣка умѣнія здраво судить объ этихъ вещахъ“...

Тонкій, надтреснутый тенорокъ звенѣлъ и разносился ироническими вибраціями по всему залу; сухопарая фигурка оратора какъ бы безпомощно разводила руками, а нервная физіономія сохраняла полный серьезъ... И сдержанный, восторженный смѣхъ покатился по залу и положительно чувствовалось, какъ очищается атмосфера, столь отяжелѣвшая послѣ пяти рѣчей г. Коковцова и Кутлеровскихъ и Струвевскихъ къ нимъ дополненій...

Въ заключеніе этой бѣглой характеристики *„по впечатлѣнію“*, совершенно не претендующей, конечно, на полноту, я упомяну еще о группѣ польскаго коло (почти цѣликомъ „національно-демократическаго“). Эта

группа стояла совсѣмъ особнякомъ среди нашихъ еще не сформировавшихся полу-партій, полу-направленій. По классовому составу своихъ избирателей она является почти alter ego нашихъ кадетовъ. Но разница въ томъ, что здѣсь и сама партія обладаетъ тѣмъ же средне-буржуазнымъ „составомъ“, и при гораздо далѣе, чѣмъ у насъ, зашедшей дифференціаціи польскаго общества, эта партія всегда хорошо чувствуетъ, на кого опирается, всегда отчетливо знаетъ, чего хочетъ. Она съ несравненнымъ умѣніемъ лавировала въ Думѣ отъ кадетовъ къ лѣвымъ и обратно, вела свою линію съ той отчетливостью, съ какой рѣжетъ на льду свои фигуры опытный конькобѣжецъ... Чтобы расположить кадетовъ въ пользу своего проекта автономіи, они долго голосовали съ ними; какъ только кадеты обнаружили въ этомъ вопросѣ обычную склонность къ „сдачѣ позицій“, коло въ баллотировкѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, по поводу запроса о Ригѣ, показываетъ свои когти и голосуетъ съ лѣвыми (*спасая*, къ слову будь сказано, *честь* Думы.).

Только благодаря коло составилось большинство, парализовавшее провокацію г. Бобринскаго и кадетскую „логику“, и Дума не только отвергла формулу съ осужденіемъ „конкретнаго факта“ политическихъ убійствъ въ Прибалтійскомъ краѣ, но впервые признала г. Щегловитаго „*неудовлетворительнымъ*“... Это былъ и вообще первый случай, когда Дума вышла изъ-подъ власти „центра“... Въ Думѣ вполнѣ корректные и очень талантливые реальные политики, сдержанные конституціоналисты, эти самые „народовые демократы“ въ Западномъ Краѣ ведутъ, совершенно не стѣсняясь въ средствахъ, борьбу съ соціалистами... Вотъ это—буржуазные контръ-соціалисты не нашимъ кадетамъ чета!.. А послушали бы вы рѣчи г. Жуковскаго, напримѣръ, по бюджетному вопросу, или г. Дмовскаго по вопросу о „террорѣ—подаркѣ нашей азіатской государственной системы“, и вы признали бы, что эти члены коло были украшеніями нашего „парламента въ участкѣ“: такіе культурные, хорошо освѣдомленные, краснорѣчивые, и главное—„отчетливые“ и умѣлые—не въ примѣръ прочимъ!..

Какъ извѣстно, ихъ роль „вершителей думскихъ дѣлъ“ вызвала патріотическій гнѣвъ нашихъ черносотенцевъ: отсюда—то дикое ограниченіе въ избирательномъ правѣ для окраинъ, какое мы видимъ въ новомъ законѣ. Судя по тексту документа, именно польское коло—risum teneatis amici!—проявило ту неподготовленность къ парламентскому строю, каковой отнюдь не страдаютъ гр. Бобринскіе и Пуришкевичи!.. Извѣстно, что въ качествѣ реальныхъ политиковъ представители коло, уступая что-нибудь, требовали и себѣ уступокъ (въ противоположность к.-д., которые уступали „въ кредитъ“, разсчитывая на благодарность начальства). Такъ, они требовали уступокъ отъ правительства въ вопросѣ объ автономіи, и только, въ обмѣнъ на уступки въ этомъ вопросѣ, соглашались съ своей

стороны вмѣстѣ съ кадетами утвердить правительственный бюджетъ. Inde—ira. Въ результатѣ, однако,—нелѣпаямѣра, свидѣтельствующая только о незнаніи ариѳметики, какъ это уже было высказано, ибо при соотвѣтствующемъ раздѣленіи думскихъ партій, Коло изъ 3-хъ человѣкъ можетъ продолжать ту же роль „вершителя"...

Покончивъ съ этими личными—и вполнѣ готовъ признать—„импрессіонистическими" воспоминаніями о второй Думѣ, обращаюсь къ кое-какимъ общимъ выводамъ и соображеніямъ.

Первый выводъ — относительно самаго состава второй Думы.

Несмотря на сильное „обезцвѣчиваніе" всѣхъ оппозиціонныхъ партій начиная съ кадетской, благодаря 129-ой и инымъ статьямъ, особенно сказавшимся, какъ я упоминалъ, на соціалистахъ-революціонерахъ, несмотря на всѣ чудовищныя и повсемѣстныя предвыборныя противозаконія администраціи и знаменитыя сенатскія „разъясненія", вопреки, наконецъ, нелѣпому избирательному закону 11-го декабря (смыслъ котораго такъ и остался неразгаданнымъ до самой его смерти),—вторая Дума все же достаточно вѣрно представляла настроеніе страны.

Многіе сѣтовали на ея „блѣдность" и „безцвѣтность", противопоставляя ей въ этомъ смыслѣ первую Думу. Я склоненъ думать, что главный корень бѣды былъ не въ личномъ составѣ, а въ объективныхъ условіяхъ: „блѣдность" была главнымъ образомъ обусловлена моментомъ и политической конъюнктурой. Я готовъ назвать эту вторую „блѣдную" покойницу прекраснымъ зеркаломъ, достаточно полно отражавшимъ этотъ моментъ и эту конъюнктуру.

Всѣ тутъ нашли свое отчетливое „отраженіе": отъ откровенно-черносотенныхъ провокаторовъ и усталыхъ „исправившихся" кадетовъ, которые въ первой Думѣ неудачно симулировали демократовъ, а во второй—столь же неудачно старались стать „октябристами"—до представителей глубокой толщи, еще только пріобщившейся къ народному движенію, еще въ будущемъ имѣющей сказать свое настоящее слово... И это „отраженіе" вполнѣ правдиво и цѣльно, на мой взглядъ, характеризовало ту *первоначальную стадію нашего освободительнаго движенія*, которую мы до сихъ поръ переживаемъ. Извѣстная усталость интеллигенціи, особенно либерально-буржуазныхъ ея круговъ, съ характерной для нихъ *непрочностью* настроеній, и въ то же время наивная и озлобленная бодрость только-что проснувшихся массъ, еще не дѣйственно даже настроенныхъ,—вотъ итогъ, который я бы сдѣлалъ современному моменту. Я ничуть не забываю при этомъ о той огромной затратѣ энергіи, въ которую обошлась первичная стадія нашей революціи, ни о тѣхъ неисчислимыхъ жертвахъ, которыя вырвала у насъ контръ-революція, столь же исключительная по своему кровавому размаху, сколь исключительны и средства физической самозащиты у такого небы-

валаго по территоріи полицейски-военнаго государства, какъ наше, передъ лицомъ столь *запоздавшей* революціи...

Обѣ Думы наши и представляли собой нѣчто *зачаточное*, попавшее въ тиски нелѣпой *конституціонно-самодержавной* формы, создавшееся именно въ недодѣланный, недоговоренный первый періодъ движенія. Та двойственность quasi-конституціонной формы и самодержавно-полицейскаго содержанія, которая такъ характерна для этого періода, являлась всеопредѣляющимъ моментомъ и для всего думскаго дѣла, являлась и истиннымъ его проклятіемъ. Съ такимъ проклятіемъ въ душѣ, жить нельзя. И зачаточная, двойственная „Дума въ участкѣ" должна была умереть. Двойственность должна была быть приведена къ единству, въ ту или другую сторону—въ сторону истинной конституціи, истинной законодательной власти въ рукахъ народа, или въ сторону—„Московскихъ Вѣдомостей". Реальное соотношеніе силъ указало возможность послѣдняго пути. Его, разумѣется, и избрала власть, ничуть не менѣе склонная „беречь себя", нежели „центръ" покойной Думы...

Въ самомъ дѣлѣ, быть жизнеспособнымъ—значитъ быть *дѣеспособнымъ*. Я не о пресловутой работоспособности говорю: послѣдняя, какъ это указывалась не разъ прессой, у Думы была; да и распущена Дума какъ разъ въ такой моментъ, когда плоды этой работоспособности (результаты дѣятельности комиссій) должны были воочію проявиться.

Но что могла такая Дума сдѣлать въ реальномъ смыслѣ слова?

Какова могла быть и была непосредственная продуктивность ея „законодательной" дѣятельности?

Право, я кажется, не ошибусь, если скажу, что единственнымъ реальнымъ послѣдствіемъ законодательной дѣятельности второй Думы (да и обѣихъ, впрочемъ) является слѣдующій небольшой, но отрадный фактикъ, который я и воспроизвожу въ подробностяхъ по газетамъ:

1 іюня въ спб. военно-окружномъ судѣ должно было разсматриваться дѣло кр. Егорова по обвиненію за пропаганду въ войскахъ.

По закону 18 августа 1906 г. объ усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, проведенному въ междудумскій періодъ на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ, обвиняемому грозила ссылка въ каторжныя работы отъ 4 до 15 л. Такъ какъ Г. Дума отвергла этотъ законъ, то пр. пов. Кашинскій сдѣлалъ заявленіе о неподсудности дѣла военно-окружному суду. Помощ. воен. прокурора полк. Шавровъ присоединился къ мнѣнію защитника и судъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Биршерта, постановилъ передать дѣло въ судебную палату. Теперь подсудимому грозитъ заключеніе въ крѣпости на 2 г., а при высшей мѣрѣ наказанія—на поселеніе въ Сибирь.

Такимъ образомъ Дума дала одному человѣку вмѣсто максимума въ 15 лѣтъ каторги максимумъ въ видѣ поселенія въ Сибири...

Вотъ и все по части непосредственныхъ реальныхъ результатовъ [1]).

А все прочее свелось къ нулю. „Проходили" только тѣ законы, которые были болѣе чѣмъ желательны власти: утвержденіе „контингента" войскъ, ассигновка 15 $^1/_2$ милліоновъ на продовольственную операцію. „Прошло" бы, конечно, и одобренье бюджета, если бы центръ въ данномъ вопросѣ одержалъ побѣду. Все непріятное начальству или застревало въ госуд. совѣтѣ, какъ законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ съ добавкой о пересмотрѣ дѣлъ тѣхъ лицъ, которыхъ эти суды не казнили и которыя отбываютъ наказанія по ихъ приговорамъ,—или сводилось къ нулю фактически: послѣднее особенно блистательно было продѣлано съ отвергнутымъ Думой закономъ о „восхваленіи преступленій", взамѣнъ каковаго закона съ 3-го іюня повсемѣстно дѣйствуютъ „обязательныя постановленія" о „сообщеніи слуховъ" и о „порицаніи правительства", на основаніи „положенія о чрезвычайной охранѣ" окончательно задушившія печать, особенно провинціальную... И замѣтьте: наша „конституція" вѣдь ничуть не могла бы воспрепятствовать тому, чтобы эти самыя „постановленія" были введены разными сатрапами и во время „думской сессіи": если этого не дѣлали, то лишь изъ какихъ-то „психологическихъ" побужденій— препятствій *законныхъ* не было...

Таково то полное фіаско, которое потерпѣли кадетскія идеи о законодательствующей, идущей на уступки, но и созидающей кое-что, работоспособной Думѣ.

Кадетскія газеты и кадеты въ самой Думѣ нападали на лѣвыхъ за то, что они якобы „тормазятъ" ихъ законодательно-творческое дѣло. Но вѣдь ясно: бѣда была не въ этихъ „тормазахъ". Фактъ на-лицо: центръ имѣлъ большинство голосовъ, за исключеніемъ одной только единственной формулы перехода (по поводу рижскихъ истязаній), о которой я упоминалъ. *Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ* проходили именно *кадетскія* рѣшенія. Кадеты были „реально-политичны", т. е оппортюнистичны и уступчивы, до... постыдности. И тѣмъ не менѣе никакихъ положительныхъ результатовъ, да еще роспускъ, да еще новый законъ о выборахъ... Мыслимо ли и придумать болѣе наглядное опроверженіе, болѣе сокрушающую критику *фактами* всѣхъ кадетскихъ тактическихъ принциповъ?!

Кадеты, какъ извѣстно, давно уже объявили всѣхъ лѣвыхъ „политически-невоспитанными", „политически-желторотыми", фанатиками и доктринерами. Кичиться собственной политической воспитанностью, своимъ мудрымъ „реализмомъ", своимъ пониманіемъ политической конъюнктуры вошло у нихъ въ обычай.

---

[1]) Согласно недавнему постановленію военно-суднаго управленія, всѣ дѣла, уже поступившія въ военные суды до момента отмѣны Думой закона 18-го августа, останутся за военнымъ вѣдомствомъ. Дѣло Егорова явилось, такимъ образомъ, исключеніемъ.

Но если, именно въ смыслѣ трезвости и реализма, сопоставить два взгляда на Думу, лѣвый и кадетскій, теперь, когда провѣрка уже налицо,—то придется признать всѣ плюсы на сторонѣ лѣвыхъ.

Они шли въ Думу прежде всего, какъ на трибуну, и использовали ее въ этомъ смыслѣ. Они съ думской трибуны познакомили все огромное населеніе страны со своими партійными программами, во многихъ и многихъ головахъ сумѣли, благодаря этому, ребромъ поставить цѣлую вереницу политическихъ вопросовъ, ни на секунду при этомъ не обманывая и не обнадеживая населеніе, не обѣщая ему никакихъ непосредственныхъ благъ отъ Думы. Вся дѣятельность ихъ вытекала изъ ихъ идей и служила этимъ идеямъ. Кадеты въ своей предвыборной литературѣ попрежнему поддерживали конституціонныя иллюзіи и „вѣру въ Думу". Въ провинціальной печати (у меня лежитъ, напримѣръ, на столѣ „Новоторжскій Голосъ" предвыборнаго періода) они кормили обѣщаніями добыть отвѣтственное министерство, разрѣшить аграрный вопросъ и т. д. На выборахъ они прежде всего боролись съ „революціонаризмомъ" и „утопизмомъ" лѣвыхъ, тѣмъ же занимались и въ „принципіальныхъ" рѣчахъ въ Думѣ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда такія рѣчи произносили... Много ли, стало быть, въ смыслѣ „политическаго воспитанія" дали они народу за эту кампанію и сессію? Хорошаго, во всякомъ случаѣ,—очень мало. А по части „обѣщаній", имѣя на своей сторонѣ большинство Думы, тѣмъ не менѣе не выполнили ужъ ровно ничего.

Они до такой степени увлеклись борьбой съ лѣвыми и ежеминутнымъ запугиваніемъ себя и другихъ мыслью о разгонѣ, что во всей ихъ думской политикѣ положительно трудно указать хотя какой-нибудь идейный стержень, хотя какой-нибудь планъ, кромѣ „самосохраненія" или „думосохраненія". Но и эта единственная идея потерпѣла жесточайшее фіаско.

Въ предвыборный періодъ, какъ извѣстно, они выдвинули на первое мѣсто въ ряду законодательныхъ задачъ Думы — *реформу мѣстнаго самоуправленія*. Это несомнѣнно была вполнѣ правильная, неоспоримо вѣрная мысль, ставшая теперь уже достояніемъ всѣхъ мыслящихъ оппозиціонныхъ элементовъ, давно высказанная соціалъ-демократами и даже—въ „дни свободы" въ Прибалтійскомъ краѣ—фактически проводившаяся въ жизнь—въ видѣ попытки завладѣть всѣми органами мѣстнаго самоуправленія явочнымъ порядкомъ... Казалось бы, при кадетской вѣрѣ въ „законодательную власть" Думы, этотъ совсѣмъ не острый, не грозящій „конфликтомъ" вопросъ естественно выдвигался на первую очередь... Хотя попытаться что-нибудь сдѣлать въ этомъ направленіи, была прямая обязанность именно „центра". Но за три мѣсяца думской жизни этотъ вопросъ такъ и не былъ поставленъ...

Я не знаю, какъ можно чувствовать хотя малѣйшее удовлетвореніе

при ретроспективномъ взглядѣ на подобную линію поведенія... Вѣчно „довольный“ лидеръ кадетовъ П. Н. Милюковъ, по свидѣтельству газетныхъ репортеровъ, имѣлъ „обычно-бодрый“ видъ даже въ день роспуска. Я въ трехъ газетахъ (изъ которыхъ въ одной дважды въ томъ же номерѣ) прочелъ упоминаніе объ этомъ его бодромъ видѣ... Я ужъ начинаю заподозрѣвать, не тактическій ли это пріемъ? Такъ иные полководцы или игроки, сдавая позицію за позиціей, съ „бодрымъ лицомъ“ проповѣдуютъ „терпѣніе“—font bonne mine ua mauveux jeu... Или видѣть здѣсь то доктринерское самодовольство, то „универсальное благодушіе“, которое Ницше наблюдалъ у нѣмецкихъ профессоровъ?.. Мнѣ вспоминаетс я сцена въ ложѣ журналистовъ... Дума голосовала вопросъ о назначеніи дня для обсужденія провокаціоннаго предложенія правыхъ объ „осужденіи“. За назначеніе поднялись только два крайнихъ крыла Думы: правые, а съ другой стороны—с.-д. и с.-р. Эта картина не лишена была даже красоты: заклятые враги съ вызовомъ смотрѣли другъ на друга... Въ нашу ложу вошелъ г. Милюковъ и, плавнымъ жестомъ простертой руки указывая поперемѣнно на сидящихъ, а затѣмъ на оба стоящихъ крыла Думы, сказалъ своему сосѣду: „Видите? вотъ это (сидящіе) будетъ жить, а это и это обречено на гибель!“ Въ разговоръ, однако, вмѣшался третій журналистъ и внесъ „поправку:“ „Вотъ эти, что сидятъ, будутъ жить, пока разрѣшаютъ вотъ тѣ (и онъ указалъ на министерскую ложу), а что касается этихъ (лѣвыхъ), они жили до Думы, живутъ сейчасъ, и будутъ жить и тогда, когда васъ разгонятъ...“ П. Н. Милюковъ только снисходительно улыбнулся выходкѣ „утописта“. Онъ такъ увѣренъ былъ, что поставилъ безошибочный прогнозъ нашему будущему...

Вся тактика к.-д. свидѣтельствовала только о томъ чрезмѣрномъ впечатлѣніи, какое произвела на нихъ неудача выборгскаго воззванія. Они рѣшили „исправиться“ и, насилуя (я вѣрю, что такъ) собственную совѣсть, пошли въ діаметрально-противоположномъ направленіи. И этотъ путь привелъ ихъ къ еще болѣе плачевному пораженію. Быть можетъ, они теперь „исправятся“ вторично, и ужъ не столь рьяно будутъ открещиваться отъ „миѳовъ“? Должны же они понять, что, если миѳъ—революціонный народъ, то еще большій миѳъ—даже такая умѣренная конституціонная партія, какъ гг. кадеты: *реальны*, въ такомъ случаѣ, одни октябристы или торговопромышленники, какъ центръ, съ оппозиціей изъ гг. Бобринскихъ и Пуришкевичей. Именно вѣдь такое „представительство“ и подготовляетъ себѣ власть въ лицѣ третьей Думы... Кое-какіе признаки указаннаго „исправленія“ одно время проявились въ кадетской прессѣ. Передовицы „Рѣчи“ заговорили о томъ, „что к.-д. партія никогда не считала думскаго пути единственнымъ...“ Это мало вяжется со всѣмъ, что говорилось и писалось за весь послѣдній годъ и даже два года, но не будемъ строги: будемъ лучше привѣтствовать эти признаки возвращенія

къ реализму отъ двухгодичнаго парламентскаго гипноза. Ненавистные „желторотые“, живые „тормазы“ кадетской работы, дастъ Богъ, снова будутъ реабилитированы въ званіе „друзей слѣва“, и это послужитъ общему благу... Но это—между прочимъ да и не такая вещь „направленство“, чтобы быстро отъ него излечиваться, особенно „профессорскимъ“ партіямъ, да и не столь уже все это и существенно... Существенно—иное.

Мнѣ кажется, для всякаго непредубѣжденнаго глаза ясно, что въ нашемъ освободительномъ движеніи настаетъ новая фаза, что событіе 3-го іюня является, какъ я уже сказалъ, поворотнымъ пунктомъ въ этомъ движеніи.

Отсюда—необходимость пересмотра многихъ и многихъ вопросовъ, провѣрка многихъ и многихъ утвержденій.

Многія программныя построенія, которыя легли въ основу дѣятельности нашихъ партій, создались подъ впечатлѣніемъ, подъ психологическимъ давленіемъ огромныхъ событій конца 1905 года, среди сложной, запутанной, лживой конъюнктуры „дней свободы“, „актовъ страха“ и торжественныхъ обѣщаній, открывшихъ эпоху „конституціонно-самодержавнаго“ строя. Вся двойственность, вся запутанность и неясность отношеній, какія господствовали тогда, не могла не отразиться на программо-строительствѣ, на постановкѣ и разрѣшеніи возникшихъ передъ нами соціально-политическихъ проблемъ.

Теперь, когда, благодаря акту 3-го іюня, всякая двойственность и неясность исчезаютъ, когда все и всѣмъ ясно, какъ на ладони, и когда опытъ двухъ лѣтъ обогатилъ насъ массою данныхъ, мнѣ кажется, пересмотръ прежнихъ утвержденій и необходимъ и можетъ оказаться чрезвычайно плодотворнымъ.

Я нисколько не игнорирую того, что этотъ пересмотръ уже начался давно и производился исподволь все время. Я не забываю, напримѣръ, Плехановскихъ статей, такъ много внесшихъ своимъ послѣдовательно-реалистическимъ разумомъ въ политическое мышленіе соціалъ-демократіи. Мнѣ думается только, что именно теперь настала пора продолжать эту работу мысли и довести ее до логическаго конца, соотвѣтственно той логикѣ фактовъ, которая столь краснорѣчиво развертывается передъ нами...

„Берегущее себя“ правительство и всѣ примыкающія къ нему реакціонныя группы — надо отдать имъ справедливость — съ образцовой логичностью выпрямляются и оправляются послѣ удара, нанесеннаго имъ „революціонной осенью“ 1905 года. Когда освободительное движеніе, война и финансы вынудили, наконецъ, у правительства уступку въ видѣ „дарованія народнаго представительства“—сначала чисто-совѣщательнаго (булыгинскаго), затѣмъ облеченнаго (на бумагѣ) законодательной властью, настал періодъ *„страха“*, который очень скоро, однако, смѣнился періодомъ все крѣпнувшихъ надеждъ на спасеніе при помощи

„*твердой*" власти. Мѣры твердой власти дѣлились на два типа: во-первыхъ, „броннировка" правительства отъ народнаго представительства въ видѣ законовъ 20-го февраля, возведенныхъ въ законы основные, и наряду съ этимъ исключительные законы и временныя правила до военно-полевой юстиціи включительно. Этими мѣрами охранялась твердая власть. Вторая категорія мѣръ являлась систематическимъ подборомъ народнаго представительства, пригоднаго для твердой власти. Здѣсь желанная цѣль достигнута была не скоро.

При созданіи булыгинской, а затѣмъ и „виттевской" первой Думы надежды возлагались на мужика. Надежды не оправдались; тогда попытались опереться на духовенство. Вотъ интересныя „справки" на эту тему, напечатанныя въ „Руси":

По этому поводу приводимъ со словъ, повидимому, хорошо освѣдомленнаго г. Рославлева (изъ „С.-Петер Вѣд."), двѣ, если не ошибаемся' впервые появляющіяся „справки". Первая—та, что Булыгинъ, вопреки доводамъ и свѣдѣніямъ, получавшимся съ мѣстъ, настоялъ не только на исключительныхъ правахъ крестьянъ по выборамъ, но и на полномъ невмѣшательствѣ въ выборы мѣстной власти. Въ этомъ смыслѣ почти наканунѣ составленія кабинета гр. Витте имъ данъ былъ циркуляръ губернаторамъ отнюдь „не вліять" и предоставить мужичкамъ вытаскивать изъ хляби государственный возъ. Они и вытащили его...

Когда были назначены выборы во вторую Думу, то случился, такъ сказать, второй „камуфлетъ". Побѣдоносцевъ служилъ порукою, что въ священствѣ „все обстоитъ благополучно", и потому одновременно съ тѣмъ, какъ возникало гоненіе на свящ. Петрова, былъ отданъ по епархіямъ секретный приказъ, требующій обязательнаго участія всѣхъ „батюшекъ" въ выборѣ выборщиковъ. Отсюда—этотъ необычайный наплывъ ихъ на выборныхъ собраніяхъ, зародившій опасенія, что Дума будетъ поповской. Дума не вышла поповской. зато попы въ ней сидятъ думскіе, т. е. соотвѣтствующіе ея колориту. Сорокъ тысячъ русскихъ священниковъ прислали въ Думу пять облаченныхъ въ рясы соціалистовъ".

„Казалось бы,—замѣчаетъ по этому поводу „Русь",—отсюда прямой выводъ, что если „крамола" завелась и среди мужиковъ, и подъ духовной рясой, то „крамола" именуется *голосомъ жизни*"...

Но власть сдѣлала иной выводъ. Распустивши вторую „крамольную" Думу, она исправила „неудовлетворительный" законъ о выборахъ и собираетъ третью Думу въ разсчетѣ опереться на „культурныхъ" гг. Пуришкевичей, Бобринскихъ и Дубровиныхъ. Численно преобладая во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ (кромѣ только „второразрядной" городской куріи нѣскольких крупныхъ центровъ), эти господа, разумѣется, не пропустятъ въ Думу ни одного „крамольнаго" попа, ни мечтающаго о „землѣ и волѣ" крестьянина. Такой крестьянинъ можетъ пройти въ Думу лишь въ томъ случаѣ, если всѣ выборщики отъ крестьянъ по всей губерніи окажутся лѣвыми, что, разумѣется, трудно предположить.

Власть оперлась на единственную свою надежную „духовную" опору—на аграріевъ. Она поняла, что ни въ какой иной средѣ, кромѣ среды аграріевъ, да развѣ еще крупныхъ промышленниковъ (I-й разрядъ городскихъ избирателей) она моральной поддержки искать не можетъ. Актъ 3-го іюня явился вполнѣ логичнымъ выводомъ изъ опыта послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Первый выводъ, который несомнѣнно, на мой взглядъ, вытекаетъ для насъ изъ опыта этихъ двухъ лѣтъ, это то, что именно аграрный вопросъ является точкой *наибольшаго сопротивленія* въ существующемъ строѣ. Оно и естественно, при томъ условіи, что правительство представляетъ изъ себя группу, въ большинствѣ принадлежащую именно къ классу аграріевъ и во всякомъ случаѣ близкую къ нему по всѣмъ интересамъ. Первая Дума была разогнана за попытку „поставить" только аграрный вопросъ. Послѣ роспуска второй правительство уже окончательно обнажаетъ свой классовый составъ и свои симпатіи новымъ выборнымъ законамъ.

Отсюда—на мой взглядъ, вытекаетъ необходимость для партіи, только оппозиціонной, для партіи исключительно легальныхъ путей и парламентской работы, какова партія кадетская, поступиться своей аграрной программой или принципіально и въ корнѣ переродиться—измѣнить свою тактику. Я знаю, что „страшна" кадетская программа главнымъ образомъ своими словами, своей терминологіей (*принудительное* отчужденіе!); знаю, что фактически эта партія не выдвинула бы и во второй Думѣ „острыхъ угловъ" своей программы. Не даромъ она такъ старательно уклонялась отъ резолюціи въ отвѣтъ на „государственный соціализмъ", провозглашенный г. Столыпинымъ, хотя резолюція вѣдь могла повторить только кадетскія директивы въ этой области. Наконецъ, то „ограниченіе", которое введено было кадетами въ аграрной комиссіи второй Думы—изъятіе изъ контингента отчуждаемыхъ земель *культурныхъ хозяйствъ*, какъ они выражаются, есть вещь крайне растяжимая. Газеты сообщали, что комиссія склонна признавать *культурными* всѣ частно-владѣльческія земли, дающія вдвое большій урожай, чѣмъ крестьянскія. Это уже такое „изъятіе", которое почти ничего не оставляетъ отъ „страшнаго" содержанія кадетскихъ словъ... Но фактъ тотъ, что введенный подъ впечатлѣніемъ крестьянскаго движенія, этотъ словесный пунктъ кадетской программы уже успѣлъ отторгнуть отъ нихъ (и пока отъ оппозиціи вообще) все не только крупное, но и среднее землевладѣніе. Вѣдь ясно: проведеніе въ жизнь даже кадетской аграрной программы во всей ея полнотѣ предполагаетъ огромное и побѣдоносное движеніе „внѣ парламентское", т. е. нѣчто такое, отъ чего совершенно открещивается эта партія. Постановка аграрнаго вопроса у кадетовъ, на мой взглядъ, является однимъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ порожденныхъ „днями свободы" *иллюзій*, однимъ изъ самыхъ дикихъ пережитковъ этихъ дней.

Путь оппозиціонныхъ партій—это направленіе наименьшаго, а не наибольшаго сопротивленія. Такіе пунктты, какъ „принудительное отчужденіе“, безъ количественныхъ притомъ оговорокъ, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто обратное поговоркѣ—дѣлаетъ изъ нихъ „овецъ въ волчьихъ шкурахъ“. Маскарадный костюмъ болѣе, чѣмъ невыгодный...

Партіи, не задающіяся „органической“ положительной работой въ ближайшемъ будущемъ, разумѣется, останутся въ этомъ вопросѣ на позиціи, диктуемой ихъ принципами. Но „отступленіе“ въ этомъ пунктѣ кадетской оппозиціи, думается, не будетъ встрѣчено ими, какъ новое „предательство“, не вызоветъ новыхъ нападокъ на эту партію. Я напомню Плехановскую формулу о *поддержкѣ кадетской оппозиціи*. Мнѣ кажется, соціалъ-демократія заинтересована въ томъ, чтобы поддерживать партію не „маскарадную“, а откровенно-оппозиціонную, со стройной, во всѣхъ пунктахъ согласованной, тактикой и програмой.

Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что при дальнѣйшей эволюціи и ростѣ освободительнаго движенія, кадетская партія изъ конгломерата превратится въ настоящую классовую партію средней буржуазіи (крупная останется у октябристовъ), выдѣливъ изъ себя лѣвые элементы въ новую буржуазно-демократическую или радикальную партію,—которая заполнитъ промежутокъ между кадетами и соціалистами. Зачатки такой партіи уже народились въ лицѣ „трудовиковъ“ и „народныхъ соціалистовъ“, которымъ только ихъ литературное направленство, ихъ пережиточно-народническая окраска препятствуетъ стать чисто-радикальной группой. Но въ близкомъ будущемъ, повидимому, еще нѣтъ условій для такой дифференціаціи. И не нужные въ крупныхъ центрахъ, гдѣ гораздо естественнѣе было бы населенію распредѣляться между октябристами, радикалами и соціалистами, кадеты будутъ еще нѣкоторое время втягивать въ свой конгломератъ и *объединять* оппозицію въ глухихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ дифференціація идетъ особенно вялымъ темпомъ... Войдутъ ли они въ „техническія соглашенія“ съ октябристами при выборахъ въ третью Думу или нѣтъ, они несомнѣнно пройдутъ и въ эту Думу и, вѣроятно, будутъ представлять собою умѣренно-оппозиціонное меньшинство. Въ силу именно этого обстоятельства и возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ нимъ со стороны соціалистовъ какъ въ Думѣ (надо предполагать, что въ очень незначительномъ числѣ, но и соціалисты тамъ будутъ отъ „второразрядной“ городской куріи), такъ и внѣ ея.

Отношеніе это, мнѣ думается, хорошо формулируется тѣмъ принципомъ „раздѣленія труда“, который проводилъ г. Милюковъ въ цитированной мною выше статьѣ.

Я, разумѣется, далекъ отъ мысли проповѣдовать какія нибудь *соглашенія*, хотя бы только предвыборныя или техническія... Послѣднія, на

мой взглядъ, дѣло именно *техники*, вопросъ данныхъ, мѣстныхъ, конкретныхъ условій,—вопросъ *ариѳметики*, не болѣе того...

Никакихъ общихъ соображеній здѣсь выставлять, мнѣ кажется, нельзя. Предположительно можно, однако, высказать, что необходимость техническихъ соглашеній на выборахъ будетъ на-лицо лишь въ городахъ того не дифференцированнаго типа, о которыхъ я упоминалъ.

Столицы и крупные промышленные центры вообще уже въ прошлую кампанію доказали, что *лѣвый блокъ* имѣетъ за собой достаточно данныхъ для самостоятельныхъ выступленій. При нынѣшнемъ раздѣленіи именно въ крупныхъ центрахъ избирателей на двѣ куріи, шансы лѣвыхъ, разумѣется, возрастаютъ, (если, впрочемъ, не будутъ приняты надлежащія мѣры „урегулированія“ шансовъ). Но не объ этомъ рѣчь.

Говоря въ „*изъявительномъ наклоненіи*“, я скажу, что для всякаго соціалъ-демократа должно быть очевидно одно: на той стадіи политической эволюціи, на которой мы находимся, дѣятельность соціалистическихъ партій, въ конечномъ счетѣ, все же лишь *пробиваетъ дорогу* для партій буржуазныхъ, подготовляетъ ихъ временное торжество.

Отсюда вытекаетъ „*повелительное наклоненіе*“ такого рода: что бы изъ себя ни представляла эта „мимитическая“ („сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ“) кадетская партія, *пока* она является единственной оппозиціонной партіей, приходится съ ея дѣятельностью *координировать* дѣятельность соціалистическую. Это диктуется принципомъ экономіи силъ.

Пусть ихъ декламируютъ, когда найдутъ „полезнымъ“, о „красныхъ тряпкахъ“ и проч. Разоблачая всѣ прелести ихъ идеологіи и логики, мы тѣмъ не менѣе должны ихъ использовать наилучшимъ образомъ для нашихъ цѣлей...

Огромная внѣдумская работа—позиція *привычная* для „лѣвыхъ“, которая лишь отчасти была осложнена двумя „Думами“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что центръ тяжести долженъ былъ все время оставаться здѣсь. При „третьей Думѣ“, съ ея составомъ почти „по назначенію“ (ибо новый выборный законъ почти равняется именно „назначенію“), это привычное мѣстонахожденіе центра тяжести партійной работы, разумѣется, не претерпитъ перемѣны. А разъ такъ, то партіи, которыя (чтобы онѣ ни говорили) „о Думѣ и только о Думѣ и движутся и суть“, партіи такъ сказать „фютюръ-парламентскія“, поистинѣ только и могутъ проводить рекомендованное Милюковымъ раздѣленіе труда, т. е., предоставляя „друзьямъ слѣва“ производить „привычную“ для нихъ работу, учитывать результаты ея. Въ общемъ, говоря безъ всякой ироніи, эта фраза Милюкова вѣдь совершенно вѣрно опредѣляетъ въ существенныхъ чертахъ взаимоотношеніе тѣхъ и другихъ партій. Можетъ быть, это не лишено цинизма, когда исходитъ изъ устъ представителя партіи „учитывающей“, но когда подобная постановка вопроса дѣлается Плехановымъ, напримѣръ, то это лишь точ-

ное и реалистическое опредѣленіе линіи поведенія для соціалъ-демократіи и метода использованія ею силъ либеральной оппозиціи.

Затѣмъ, если справедливо, что мы переживаемъ лишь начальную стадію освободительнаго процесса, и если несомнѣнно, что Россія находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ для быстраго его развитія, то задача движенія—утилизировать каждую представляющуюся на его пути возможность, закрѣплять за собою, и укрѣплять, и расширять каждую само-малѣйшую изъ завоеванныхъ позицій.

Нельзя быть расточительнымъ при такой скудости средствъ, при такой исключительной массѣ преградъ и препонъ, при такомъ косномъ упорствѣ и физическомъ могуществѣ врага.

Изъ этой общаго характера предпосылки уже сразу вытекаетъ рѣшеніе объ утилизаціи и третьей Думы. Небольшая горсть соціалистовъ, туда попавшая, сумѣетъ, въ случаѣ удачнаго личнаго состава, сдѣлать въ ней, въ этой Думѣ „по назначенію", почти столько же для демократіи и для пролетаріата, сколько могла она сдѣлать и въ прежнихъ Думахъ. А матеріалъ для дѣятельности будетъ поставляться „назначенными" друзьями власти въ такомъ изобиліи и такого качества, что не оставитъ желать лучшаго! Это, безусловно, гарантировано намъ заботами правительства. Систематическая правдивая и смѣлая критика, даваемая соціалистами, окончательно обнажитъ въ глазахъ народа дѣло власти и ея друзей въ третьей Думѣ.

Другое, вытекающее изъ той же общей оцѣнки конъюнктуры соображеніе сводится къ необходимости использовать всѣ средства для созданія организацій и союзовъ, которыми такъ бѣдна наша жизнь. Два практическихъ лозунга, мнѣ кажется, напрашиваются сами собою при мысли о пережитыхъ двухъ годахъ, при мысли о той зіяющей пустотѣ, которая у насъ замѣняетъ собою ту сплошную сѣть общественныхъ ячеекъ, какими покрыта Европа современная,— сѣть, сплетенія которой были уже достаточно часты и въ тѣ годы, когда Германія, напримѣръ, завоевывала себѣ конституціонный строй. Борьба за демократизацію и децентрализацію земства и упорное отстаиваніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и размноженіе ихъ—вотъ несомнѣнные директивы для дѣятельности среди широкихъ массъ крестьянства, съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой... Мы стоимъ не у „разбитаго корыта", какъ думаютъ иные, а лишь у распущенной жалкой пародіи парламента, возрожденіе которой въ прежнемъ видѣ даже врядъ ли и желательно. Воздухъ очищенъ и ясенъ. Почва подъ ногами тверда. Нѣтъ болѣе иллюзій, есть только трезвое знаніе, да рѣшимость не отступать и не уступать того, что принадлежитъ намъ по праву... Новая Дума—это торжественно провозглашенное единеніе между властью и аграріями, это самоотождествленіе власти съ самымъ хищническимъ и самымъ реакціоннымъ классомъ нашего общества... Можно ли найти другой, болѣе

вѣскій аргументъ для окончательнаго проясненія сознательности массъ, можно ли придумать болѣе назидательное, болѣе радикальное воспитательное средство? Правительство окажетъ народу безподобную услугу этой третьей „дворянской“ Думой. И народъ сумѣетъ выразить свою благодарность... Будутъ ли имѣть поводъ къ благодарности власти ея друзья, нынѣ предающіеся ликованію по поводу оказаннаго имъ довѣрія,—это вопросъ, на который отвѣтить утвердительно я не рѣшусь.

Итакъ, смѣло впередъ—въ новую ясную фазу нашей исторіи. Лживая „самодержавно-конституціонная“ полоса „дней свободы“, жалкихъ „парламентовъ въ участкахъ“ изжита и ликвидирована. Эти безсильныя и надрывающіяся въ своемъ безсильѣ Думы, эти посылаемые населеніемъ на „пропятіе“, на ежедневныя оскорбленія со стороны власти честные депутаты — все это отошло въ исторію. „La Douma est morte, Vive la Douma!“—этотъ возгласъ англійскаго министра нашли благовременнымъ повторить нѣкоторые бульварно-либеральныя газеты и по поводу роспуска второй Думы... Вышло не очень удачно. Со смертью второй Думы умерло и вообще это специфическое порожденіе нашей исторіи. Вотъ почему я и озаглавилъ эту бѣглую замѣтку, посвященную покойницѣ,—„*Послѣдняя Дума*“... То учрежденіе, которое начнетъ свою дѣятельность въ ноябрѣ, врядъ ли на языкѣ народа будетъ удостоено имени Думы, врядъ ли войдетъ съ этимъ именемъ и въ исторію. Надо полагать, съ другой стороны, что именно оно явится послѣднимъ учрежденіемъ, и на оффиціальномъ языкѣ носящимъ наименованіе „Государственной Думы“...

М. Невѣдомскій.

Изъ жизни и литературы.

Великолѣпный работникъ и художникъ-творецъ.

(По поводу XVI сборника „Знанія“).

(Окончаніе).

Перейдемъ къ самому произведенію художника, прежде всего къ фактической сторонѣ его, къ той художественной гипотезѣ, которую построилъ авторъ, по пути указывая на тѣ измѣненія, которыя внесъ художникъ въ повѣствованія евангелистовъ и историка.

Никто изъ учениковъ не замѣтилъ, когда впервые оказался около Христа Іуда Искаріотъ, но уже давно онъ шелъ *по ихнему пути*. Оказывалъ имъ маленькія услуги, кланялся, улыбался, заискивалъ, зачѣмъ-то притворялся хилымъ и болѣзненнымъ, даже кашлялъ притворно и голосъ имѣлъ перемѣнчивый. Этотъ рыжій и безобразный іудей былъ человѣкомъ дурной славы и не было никого, кто могъ бы сказать о немъ доброе слово—и добрые, и злые порицали его.

Не было сомнѣнія для нѣкоторыхъ учениковъ, что въ желаніи его приблизиться къ Іисусу скрывалось какое-то тайное намѣреніе, былъ злой и коварный разсчетъ.

Но не слушалъ ихъ совѣтовъ Іисусъ. *Съ тѣмъ духомъ свѣтлаго противорѣчія, который неудержимо влекъ Его къ отверженнымъ и нелюбимымъ, Онъ рѣшительно принялъ Іуду* и *включилъ его въ кругъ избранныхъ*. Даже люди, совсѣмъ лишенные проницательности, ясно понимали, глядя на Іуду, что такой человѣкъ не можетъ принести добра, а Іисусъ приблизилъ его и даже рядомъ съ собой посадилъ.

Но въ скоромъ времени отношеніе Іисуса къ Іудѣ какъ-то странно измѣнилось.

Началось это такимъ образомъ. Іуда всегда разсказывалъ дурное о жителяхъ тѣхъ селеній, къ которымъ приближался Іисусъ съ учениками и всегда предвѣщалъ бѣду. Но почти всегда случалось такъ, что люди, о которыхъ говорилъ онъ дурно, съ радостью встрѣчали путниковъ, окружали ихъ вниманіемъ и любовью и становились вѣрующими, а денежный ящикъ, завѣдываніе которымъ поручили Іудѣ, становился такъ полонъ, что трудно было его нести. И тогда надъ его ошибкой смѣялись.

Но въ одномъ селеніи встрѣтили ихъ радушно, тоже „повѣрили быстро и денегъ дали“, а потомъ послѣ повѣрили также „быстро“ старухѣ, которой упрямо доказывали, что Іисусъ укралъ у нея козлика, что больше некому было украсть, какъ Іисусу, и даже хотѣли пуститься въ погоню.

Когда Іуда вмѣстѣ съ Ѳомой узналъ объ этомъ фактѣ и съ торжествомъ возвѣстилъ Іисусу и ученикамъ, онъ, вопреки своему ожиданію, вызвалъ недовольное чувство: „на него не глядѣли, а если кто и взглядывалъ, то очень недружелюбно, даже съ презрѣніемъ какъ будто“.

Съ этого времени Іисусъ глядѣлъ на Іуду, точно не видя, хотя по-прежнему и даже упорнѣе, чѣмъ прежде, искалъ его глазами всякій разъ, когда начиналъ говорить ученикамъ или народу.

И чтобы онъ ни говорилъ, хотя сегодня одно, а завтра совсѣмъ другое, хотя бы то самое, что думаетъ Іуда, казалось, однако, что онъ всегда *говоритъ противъ Іуды.* И для всѣхъ онъ былъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣтомъ, благоуханной розой ливанскою, а для Іуды оставлялъ только острые шипы.

Цѣлый рядъ новыхъ фактовъ только усиливалъ охлажденіе Іисуса и отчужденность Іуды.

Въ одномъ іудейскомъ селеніи возмущенные жители хотѣли побить камнями Іисуса и его учениковъ за проповѣдь, обличавшую лицемѣровъ, и только послѣ того, какъ охваченный безумнымъ страхомъ за Христа, Іуда, яростно и слѣпо бросился на толпу, назвавъ Іисуса обманщикомъ, воромъ, любящимъ деньги, только тогда опустились поднятыя руки.

Снова Іуда торжествовалъ и ждалъ поздравленій за то, что онъ одинъ проявилъ смѣлость и спасъ Іисуса отъ людей, которые хотѣли убить его, когда онъ обличалъ ложь, и пощадили его, когда повѣрили, что онъ обманщикъ. Но разгнѣванный Іисусъ шелъ большими шагами и молчалъ, и всѣ, кому попадался на глаза Іуда, отгоняли его отъ себя короткими и гнѣвными восклицаніями.

„Вотъ они идутъ по дорогѣ кучкой, какъ стадо барановъ, и подымаютъ пыль, а я, благородный, прекрасный Іуда плетусь сзади, какъ грязный рабъ, которому нѣтъ мѣста рядомъ съ господиномъ“, говорилъ съ досадой Іуда Ѳомѣ.

Сойдя съ дороги, онъ огромными скачками спустился въ оврагъ и тамъ остался одинъ со своими мыслями, въ глубинѣ каменистаго оврага, похожаго на опрокинутый, обрубленный черепъ, въ которомъ каждый камень былъ—„какъ застывшая мысль“.

Въ эту ночь не вернулся Іуда на ночлегъ и не исполнялъ своихъ обычныхъ обязанностей.

Вскорѣ послѣ случая въ іудейскомъ селеніи, когда благодаря смѣлости Іуды былъ спасенъ Іисусъ, Іуда, этотъ мнимый „больной“, обнаружилъ неожиданно необыкновенную силу во время состязанія учениковъ въ силѣ.

Всѣ хвалили Іуду и признавали его побѣдителемъ, но Іисусъ „и на этотъ разъ не захотѣлъ похвалить Іуду“.

И снова, черезъ нѣкоторое время, ученики „тѣсною кучкою шли впереди“, а Іуда, побѣдитель, Іуда сильный, „*одинъ плелся сзади*, глотая пыль“.

Тихимъ вечеромъ, когда сладко отдыхало утомленное тѣло и все оно думало о чемъ-то загадочно-прекрасномъ и большомъ, *никто не вспомнилъ объ Іудѣ*.

Ночью Іуда стоналъ и скрипѣлъ зубами и съ устъ его падали „слова, налитыя тоскою и гнѣвомъ“: „Почему Онъ не съ Іудой, а съ тѣми, кто Его не любилъ? Я далъ бы Ему Іуду, смѣлаго, прекраснаго Іуду! А теперь Онъ погибнетъ, *а вмѣстѣ съ Нимъ погибнетъ и Іуда*. Онъ прячется отъ смѣлаго, сильнаго, прекраснаго Іуды! Онъ *любитъ глупыхъ предателей, лжецовъ*“.

Очевидно, тамъ, въ оврагѣ съ камнями, похожими на засѣвшія мысли, тихимъ вечеромъ, когда во мракѣ души Іуды поднимались мысли, „подобныя горамъ“, долгими ночами уже намѣтилъ Іуда Искаріотъ опредѣленное рѣшеніе, что видно изъ подчеркнутыхъ нами словъ.

Съ этимъ рѣшеніемъ долженъ былъ Іуда сопровождать всюду Іисуса и Его учениковъ.

Вскорѣ произошла въ Іудѣ перемѣна, которую замѣтили всѣ и порадовались ей. „Только Іисусъ *также чуждо* смотрѣлъ на него, хотя прямо ничѣмъ не выражалъ своего нерасположенія“.

Произошла эта перемѣна послѣ того, какъ Ѳома обнаружилъ, что Іуда „утаилъ нѣсколько динаріевъ“. Разгнѣванный Петръ схватилъ за воротъ и „чуть не удушилъ“, а Учитель сказалъ: „Іуда можетъ брать денегъ, сколько хочетъ... онъ намъ братъ, и всѣ деньги его, какъ наши“...

Простъ, ловокъ и въ тоже время серьезенъ сталъ Искаріотъ, сталъ чаще задумываться, а такъ какъ „молчаніе Іудиныхъ думъ“ пугало учениковъ, онъ чаще сталъ уединяться... И только однажды поразилъ всѣхъ своей дерзкой выходкой: это произошло во время спора Іоанна и Петра о первенствѣ, споръ, который дѣлался уже непристойнымъ.

Іуда, умѣвшій каждому сказать то, „что ему особенно нравится“, уже раньше каждому изъ любимыхъ учениковъ Іисусъ въ отдѣльности предвѣщалъ это первенство, и вотъ теперь, когда къ нему обратились они оба вмѣстѣ при Іисусѣ съ вопросомъ: „Кто будетъ первый подлѣ Іисуса?“— Іуда отвѣтилъ тихо и важно: „Я! я буду возлѣ Іисуса!“

Таковы факты, предшествовавшіе предательству Іуды.

Какъ разъ къ *этому* времени, а не къ эпизоду въ Виѳаніи, относитъ Леонидъ Андреевъ первый шагъ Іуды къ предательству.

По сказанію евангелистовъ, „первосвященники обрадовались и сразу согласились дать ему денегъ“; у Леонида Андреева: осторожный и хитрый

Анны долго не давалъ Іудѣ рѣшительный отвѣтъ, такъ какъ „не довѣрялъ его легкомысленнымъ надеждамъ на трусость учениковъ и народа... и боялся кровопролитія, боялся грознаго бунта, на который такъ легко шелъ непокорный и гнѣвный народъ Іерусалима“.

И въ третій, и въ четвертый разъ пришелъ къ нему Искаріотъ. „Настойчивый, какъ вѣтеръ, который и днемъ, и ночью стучится въ запертую дверь“...

Но вотъ и еще разъ, и еще разъ постучался Іуда, и только тогда „запертая дверь“ открылась, и торгъ состоялся.

Какъ видятъ читатели, художникъ не допускаетъ того „минутнаго увлеченья“ и той „безразсудной поспѣшности“, о которой пишетъ Э. Ренанъ; этого мало,—не допускаетъ онъ и той невольной ошибки, которою объясняютъ послѣдовавшее за предательствомъ самоубійство Іуды евангелисты...

У Леонида Андреева Іуда знаетъ завѣдомо, что Іисусъ будетъ осужденъ и преданъ смерти, уже давно знаетъ, что „вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ Іуда“.

Во время „горячаго и бѣшенаго торга“ Іуда вопитъ, наступая на первосвященника: „30 серебренниковъ! Вѣдь это одного *обола* не выходитъ за каплю крови! Половины обола не выходитъ за слезы! Четверть обола за стоны! А крики! А судороги! А за то, чтобы его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись его глаза? Это даромъ?..“

Торгъ состоялся. Выйдя за городъ, Іуда спряталъ деньги подъ камнемъ...

Позднѣе Л. Андреевъ еще разъ повторяетъ, что „деньги лежали подъ камемъ“, подчеркивая, что эти деньги мало интересовали Іуду.

Послѣ притворно-бѣшенаго торга, послѣ недавняго „страннаго восторга“, съ которымъ Іуда восхвалялъ достоинства продаваемаго Іисуса, какъ бы испытывая, во что ихъ оцѣнятъ „первосвященники“, предатель возратился „тихо тяжелыми, медленными шагами“... Это была „жестокая и смертная битва“!

Какъ „обманщика“, когда-то спасъ Іуда Іисуса въ одномъ іудейскомъ селеніи отъ смерти, какъ обманщика, предалъ теперь онъ Его на смерть.

А когда вернулся Іуда въ домъ, гдѣ были Іисусъ и ученики, онъ увидѣлъ того, „кого купилъ за 30 серебренниковъ“.

Іисусъ, измученный непрерывной борьбой съ фарисеями, „спалъ спокойно и крѣпко“.

Съ нѣжной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, Іуда тихо коснулся мягкихъ волосъ Іисуса, а потомъ, „выйдя въ мѣсто, куда ходили по нуждѣ, долго плакалъ тамъ, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкалъ воображаемые волосы Іисуса, нашептывалъ тихо что-то нѣжное и смѣшное и скрипѣлъ зубами. Потомъ внезапно пересталъ плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался... И такъ долго стоялъ онъ, тяжелый, рѣшительный и *всему чужой, какъ сама судьба*“.

Въ послѣдніе дни Іуда окружилъ Іисуса тихой любовью, нѣжнымъ вниманьемъ, какъ ласкою... Стыдливый, робкій, какъ дѣвушка въ своей первой любви, странно-чуткій и проницательный, какъ она, онъ угадывалъ малѣйшее невысказанное желаніе Іисуса... Онъ сблизился съ женщинами, окружавшими Іисуса. И то „женственное и нѣжное, что было въ его любви къ Іисусу, сблизило его съ ними, сдѣлало его простымъ, но нѣжнымъ и *даже красивымъ*"...

Въ тоже время одною рукою предавалъ Іисуса, другою рукою Іуда старательно искалъ разстроить собственные планы. Онъ постоянно говорилъ объ опасности, допрашивалъ всѣхъ, любятъ ли они Учителя, принесъ два меча...

Тѣ два меча, о которыхъ упоминаетъ евангелистъ, не указывая откуда они взялись.

Вступленіе Іисуса въ Іерусалимъ и восторгъ народа, кричавшаго „Осанна!", произвело громадное впечатлѣніе на Іуду. „А что, если Онъ правъ? Если *камни* у *Него* подъ ногами, а у *меня* подъ ногами *песокъ* только, тогда что?"—спрашивалъ Іуда Ѳому.

Этотъ вопросъ: „кто правъ" все чаще встаетъ передъ Іудой во всѣ послѣдующіе дни, вплоть до послѣдняго вздоха Іисуса.

О Тайной Вечери, занимающей въ Евангеліи центральное мѣсто, Леонидъ Андреевъ вскользь упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ: „Вотъ прошла и послѣдняя вечеря, полная печали и смущеннаго страха, и уже прозвучали неясныя слова Іисуса о комъ-то, кто предастъ Его".

Когда Ѳома послѣ спрашивалъ Іуду, знаетъ ли онъ, кто предастъ Іисуса, Іуда ему отвѣтилъ: „*Ты* его предашь".

Леонидъ Андреевъ совершенно опускаетъ молитву Іисуса въ саду Гефсиманскомъ, эту бесѣду Сына съ Отцомъ, но зато, точно въ параллель, онъ передъ отправленіемъ Іисуса на гору Елеонскую, гдѣ Онъ, преданный, провелъ послѣднюю ночь съ учениками,—заставилъ Іуду-Предателя вести бесѣду во мракѣ своей души съ нѣжно любимымъ Іисусомъ, бесѣду, страшно напоминающую молитву Іисуса въ саду Гефсиманскомъ... Къ нѣсколькимъ словамъ евангелиста: „А была ночь, когда Онъ вышелъ" (послѣ того, какъ онъ принялъ отъ Іисуса кусокъ хлѣба съ солью и вселился въ него сатана) художникъ добавляетъ длинный монологъ Іуды, заставивъ страшнымъ трагизмомъ звучать „печальный и суровый голосъ" въ тишинѣ надвигающейся ночи: „Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать Тебя въ руки твоихъ враговъ,—говоритъ Іуда...

И было долгое молчаніе, тишина вечера и острыя черныя тѣни.

— Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мнѣ идти?

И снова молчанье.

— Позволь мнѣ остаться. Но Ты не можешь? Или не смѣешь? Или не хочешь?

И снова молчаніе огромное, какъ глаза вѣчности.

Но вѣдь *Ты знаешь, что я люблю Тебя,* зачѣмъ Ты такъ смотришь на Іуду?.. Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелѣ горъ и свинца: развѣ Ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды Искаріота?

И послѣдовало молчаніе, бездонное, какъ послѣдній взглядъ вѣчности.

— Я иду"...

Передъ отправленіемъ на гору Елеонскую Іисусъ „непонятно медлилъ", и въ это время, по разсказу художника, Онъ внезапно обратился къ торопившимъ его ученикамъ съ тѣми словами, которыя приводятся буквально у евангелиста Луки (гл. XXII, ст. 35—38): „Кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму, а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ. Ибо сказываю вамъ, что должно исполниться на Мнѣ и этому написанному: и къ злодѣямъ причтенъ".

Только у евангелиста Луки дальше слѣдуетъ: „Они сказали: Господи! Вотъ здѣсь два меча. Онъ сказалъ имъ: Довольно".

У Леонида Андреева „ученики *удивлялись* и смотрѣли другъ на друга *съ слушаніемъ*. Петръ же отвѣтилъ: „Господи! Вотъ здѣсь два меча.

Онъ взглянулъ *испытующе* на ихъ *добрыя* лица, *опустилъ голову* и сказалъ тихо:—Довольно".

У Апостола Матѳея еще упоминается, что когда Іисусъ и ученики „воспѣвши пошли на гору Елеонскую", Іисусъ сказалъ ученикамъ: *„Всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь"*... (гл. XXVI ст. 30, 31).

Художникъ подробно описываетъ тотъ моментъ, когда „молча проходили они по спящему Іерусалиму" и звонко отдавались по улицамъ шаги идущихъ *„и тѣней своихъ пугались"* ученики. „И тѣ, кто шли сзади, слышали отрывочно тихія слова Іисуса. *О томъ, что всѣ покинутъ Его говорилъ Онъ"*.

Вотъ уже они въ саду Гефсиманскомъ. Іисусъ,—томимый безпокойствомъ, и ученики его, которые говорили, что никогда „не оставятъ его". Зѣвая отъ усталости, они говорятъ о томъ, какъ холодна ночь и о томъ, какъ дорого мясо въ Іерусалимѣ, рыбы же совсѣмъ нельзя достать.

„Душа моя скорбитъ смертельно. Побудьте здѣсь и бодрствуйте"—проситъ ихъ Учитель, быстро удаляясь въ чащу сада, но ученики засыпаютъ. Они *„оставляютъ"* Учителя въ этотъ послѣдній часъ.

Трясущіеся отъ холода, съ испуганными, заспанными лицами вскочили они въ моментъ предательства...

По разсказу евангелистовъ, ап. Петръ выхватилъ мечъ и отсѣкъ имъ правое ухо одному изъ воиновъ, чѣмъ вызвалъ слова Іисуса, противорѣчащія предыдущей его бесѣдѣ: „поднимающій мечъ отъ меча погибнетъ" и чудесное исцѣленіе раненаго воина.

У Леонида Андреева нѣтъ ни словъ Іисуса, ни исцѣленія воина.

„Петръ Симоновъ съ трудомъ, точно потерялъ всѣ силы, извлекъ изъ

ноженъ мечъ и слабо, косымъ ударомъ, опустилъ его на голову одного изъ служителей, но никакого вреда не причинилъ"...

„Тогда,—разсказываетъ объ этомъ моментѣ предательства евангелистъ Маркъ (гл. XIV ст. 60, 51, 52),—оставивши его, всѣ бѣжали. Одинъ юноша, завернувшись по нагому тѣлу въ покрывало, слѣдовалъ за нимъ и воины схватили его. Но онъ, оставивъ покрывало, такъ убѣжалъ отъ нихъ".

Леонидъ Андреевъ подробно описываетъ эту сцену „трепета, готоваго перейти въ громко ляскающую дрожь испуга", и сильными штрихами рисуетъ бѣгство спутниковъ Іисуса:

„И побѣжалъ Іоаннъ, и побѣжалъ Іаковъ, и побѣжалъ Ѳома, и всѣ ученики, сколько ихъ не было здѣсь, *оставивъ Іисуса*, бѣжали. Теряя плащи, ушибаясь о деревья, натыкаясь на камни и падая, они бѣжали въ горы, гонимые страхомъ, и въ тишинѣ лунной ночи звонко гудѣла земля подъ топотомъ многочисленныхъ ногъ".

Не забылъ художникъ вставить въ эту картину бѣгства одну фигуру, отмѣченную и ап. Маркомъ: „*Кто-то неизвѣстный*, повидимому, только что вставшій съ постели, ибо былъ покрытъ онъ только однимъ одѣяломъ, возбужденно сновалъ въ толпѣ воиновъ и служителей. Но когда его хотѣли задержать и схватили за одѣяло, онъ испуганно вскрикнулъ и бросился бѣжать, *какъ и другіе*, оставивъ свою одежду въ рукахъ солдатъ".

Одинъ еще штрихъ добавляетъ художникъ при этомъ къ словамъ ев. Марка и заставляетъ фигуру жить:

„Такъ совершенно голымъ бѣжалъ онъ отчаянными скачками и нагое тѣло его странно мелькало подъ луною".

Что же дѣлалъ въ это время Іуда и какими чертами описываетъ его художникъ въ этотъ роковой моментъ?

Растеряннымъ? Жалкимъ? Отвратительнымъ? Низкимъ и подлымъ?

Отнюдь нѣтъ!

„Безмолвнымъ и строгимъ, какъ смерть въ своемъ строгомъ величіи".

Самое „лобзаніе Іудино" въ тотъ моментъ, когда Іуда замѣтилъ испугъ учениковъ, готовыхъ оставить Учителя, получаетъ совершенно иной характеръ. „И зажглась въ его сердцѣ смертельная скорбь,—пишетъ художникъ объ Іудѣ,—*скорбь, подобная той, которую и слышалъ передъ этимъ Христосъ*. Вытянувшись въ сотню громко звенящихъ рыдающихъ струнъ, онъ быстро рванулся къ Іисусу и *нѣжно* поцѣловалъ Его холодную щеку"...

Это былъ поцѣлуй любви, Іуда поцѣловалъ Іисуса съ „мучительной любовью и тоской, этотъ поцѣлуй вторилъ тѣмъ голосамъ, которые кричали въ чудовищномъ хаосѣ души Іуды: „Голосомъ любви скликаемъ мы палачей изъ темныхъ норъ и ставимъ крестъ—и высоко надъ теменемъ земли мы поднимаемъ на крестѣ *любовью распятую любовь*".

Молніей своего взора освѣтилъ въ эту минуту Іисусъ душу Іуды, но „въ *бездонную глубину ея не могъ проникнуть*“.

Только Петръ сопровождаетъ Іисуса во дворъ первосвященника, гдѣ толпа служителей грѣлась у костровъ.

Тамъ Петръ отрекся отъ Іисуса на глазахъ Іуды и, перепуганный, ушелъ со двора.

„И съ этого вечера,—пишетъ Л. Андреевъ,—до самой смерти Іисуса не видѣлъ Іуда вблизи Его ни одного изъ учениковъ; и среди всей этой толпы были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданій: Тотъ, Кого предали на поруганье и муки, и тотъ, кто Его предалъ. Изъ одного кубка страданья пили они оба, преданный и предатель, и огненная влага одинаково опаляла чистыя и нечистыя уста“.

Вотъ онъ бормочетъ жалобно и хрипло: „Какъ холодно, Боже, какъ холодно“ и пронизанный мгновенной болью всего тѣла, всѣхъ костей, прислушивается, какъ бьютъ Іисуса и бормочетъ тоскливо: „Ахъ, больно, очень больно, сыночекъ мой“. При свѣтѣ догорающихъ костровъ онъ мечется по двору, заглядываетъ въ грязную караульню, гдѣ надругается надъ Іисусомъ сонно-жадная злоба солдатъ, и близкій къ безумію ждетъ, что вотъ, вотъ люди поймутъ, что это—самый лучшій человѣкъ—это такъ просто!.. Но изъ караульни доносятся „крики, смѣхъ и ругательства“.

Вотъ онъ встрѣчаетъ Ѳому и торопливо говоритъ ему: „Нужно, чтобъ всѣ собрались вмѣстѣ и громко потребовали: отдайте Іисуса“..., но Ѳома рѣшительно отмахивается руками, ученики не хотятъ препятствовать суду, они, какъ Іуда, думаютъ, что судъ повелитъ немедленно освободить невиннаго; правда, они допускаютъ, что судъ можетъ осудить, но вѣдь есть „еще настоящій судья“.

Іуда смѣется надъ этимъ и „настоящимъ судьей“, идетъ за Іисусомъ ко дворцу Пилата.

Тамъ собрался тотъ самый народъ, который привѣтствовалъ еще такъ недавно Іисуса восторженными кликами „Осанна“, тамъ долженъ рѣшиться вопросъ: правъ ли Іуда или не правъ?

Но и здѣсь народъ обманываетъ ожиданье Іуды и кричитъ, вопитъ, требуетъ тысячью звѣриныхъ и человѣческихъ голосовъ:—Варраву отпусти намъ! Его же распни, распни!

Разбойника народъ освобождаетъ, а̀ Праведника предаетъ смерти, и по надменному лицу римлянина Пилата пробѣгаютъ судороги отвращенія и гнѣва. Онъ умываетъ руки, онъ злобно кричитъ удивленно молчащему народу:—„Неповиненъ я въ крови Праведника этого“.

Іуда бросается къ нему съ радостью поистинѣ сатанинскою и повторяетъ съ прерывистымъ, горячимъ шопотомъ: „Ты мудрый!.. ты благородный!“

Этотъ римлянинъ *понялъ* истину, какъ самъ Іуда; въ Пилатѣ Іуда какъ бы видитъ *собственное* отраженіе, вѣдь Пилатъ какъ бы говоритъ, умывая руки, и самому Іудѣ: „Ты тоже неповиненъ въ крови этого Праведника, предаваемаго на смерть народомъ и учениками".

Пилатъ можетъ спасти Іисуса, какъ Іуда могъ его не предавать, но онъ послужитъ осуществленію *„ужаса и мечты"*.

Отъ дворца Пилата Іуда идетъ дальше, „поглощаемый чувствомъ всепобѣждающаго жгучаго любопытства", съ „невыносимымъ любопытствомъ" стремясь рѣшить вопросъ, „поймутъ они или не поймутъ", иногда онъ испытываетъ „что-то странное, похожее на ослѣпительную радость паденія".

Страшно усталый, съ каменными мыслями приходитъ онъ къ кресту, тамъ онъ видитъ множество плачущихъ женщинъ, но не видитъ Іоанна рядомъ съ матерью Іисуса, который тамъ былъ по сказанью евангелиста.

Здѣсь у Голгофы Іуда шепчетъ Іисусу: „Я съ Тобою. Туда. Ты понимаешь, туда!"

Этими словами онъ даетъ понять Іисусу о принятомъ рѣшеніи умереть вслѣдъ за Христомъ послѣ Его смерти и *„первымъ быть возлѣ Него"*.

Здѣсь, у креста, на которомъ „напряженно содрогаясь, вытягиваются руки Іисуса", Іуда еще разъ „такъ же ясно, какъ ужасную побѣду свою, видитъ ея зловѣщую шаткость".

Еще время принадлежитъ Іисусу, еще можетъ разорваться тонкая пленка, застилающая глаза людей, еще могутъ тысячи людей услышать все тотъ же кракъ „Осанна", который такъ громко раздается въ сердцѣ Іуды.

Но... осуществился *ужасъ и мечты*. Іисусъ умеръ.

Они не поняли!

Іуда оказался правъ. „Кто вырветъ *побѣду* изъ рукъ Іуды!.."

На другой день послѣ убійства Іисуса Іуда Искаріотъ сперва явился предъ Синедріономъ, а оттуда пошелъ къ ученикамъ Его.

То притворство, которое такъ легко носилъ Іуда всю свою жизнь, тамъ, предъ лицомъ самодовольныхъ, „холодныхъ убійцъ Іисуса", „вдругъ стало невыносимымъ бременемъ и вдругъ однимъ движеніемъ онъ сбросилъ его".

Однимъ словомъ онъ сейчасъ прорветъ тонкую пленку, что застилаетъ ихъ глаза—и вся земля дрогнетъ подъ тяжестью безпощадной истины...

И вотъ онъ сказалъ это страшное слово: „Іуда васъ обманулъ—онъ предалъ невиннаго, не Его предали, а васъ, мудрые, васъ, сильные".

И въ отвѣтъ на это слово онъ увидѣлъ зѣвоту, услышалъ насмѣшливое замѣчаніе: „Это просто дуракъ"...

Іуда Искаріотъ тотъ самый, который всегда говорилъ „дурное о людяхъ", этого не ожидалъ.

Онъ, этотъ предатель, этотъ старый обманщикъ, „громко заплакалъ. Былъ онъ въ эти минуты похожъ на безумнаго".

Ученики ждали вторженія стражи, когда вошелъ къ нимъ Іуда съ

вопросомъ: „Гдѣ были вы, когда распинали вашего друга“?.. „Почему вы живы, когда онъ мертвъ“?—и съ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые онъ бросалъ въ лицо „трусливымъ предателямъ“.

И снова этотъ „старый обманщикъ“, говорившій и думавшій „дурное о людяхъ“, былъ пораженъ, замѣтивъ на столѣ „остатки трапезы“ и узнавъ, что послѣ смерти Учителя его ученики ѣли и спали...

— Я иду къ нему!—сказалъ Іуда, простирая вверхъ властную руку.— Кто за Искаріотомъ къ Іисусу?

Только Петръ поднялся, но его съ ужасомъ остановили...

Самоубійство Іуды явилось, по толкованію Евангелія и Ренана, плодомъ раскаянія и послѣдовало *до смерти* Іисуса, какъ только онъ узналъ о приговорѣ первосвященниковъ.

Мы видали, что у Леонида Андреева самоубійство Іуды, нѣжно любившаго живого, а не мертваго Іисуса, являлось только въ результатѣ желанія быть и теперь возлѣ Іисуса: „Іуда *давно уже*, во время своихъ прогулокъ, намѣтилъ мѣсто, гдѣ онъ убьетъ себя послѣ смерти Іисуса“.

Леонидъ Андреевъ заставляетъ Іуду быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Іисуса, и уже послѣ смерти Іисуса бесѣдовать съ первосвященниками и учениками, потому что для андреевскаго Іуды страшно важно рѣшить вопросъ, кто правъ, кто побѣдилъ, страшно важно *видѣть*, поймутъ ли истину народъ, фарисеи и ученики.

Усталый, съ каменѣющей головой совершилъ Іуда *свой* послѣдній путь, на *свою* Голгофу, не съ крестомъ, а веревкой, не сопровождаемый толпой, а одинъ.

Обстановка самоубійства Іуды у Леонида Андреева какъ бы символизируетъ всю жизнь Іуды, „одинокаго въ жестокой участи своей“...

На горѣ, *высоко надъ Іерусалимомъ*, стояло *одно* дерево, *кривое*, измученное вѣтромъ, рвущимъ его со всѣхъ сторонъ, полузасохшее... Гора была высока, обвѣяна вѣтромъ и зла.—Ты еще проклятая!—говорилъ усталый Іуда, взбираясь на эту гору... Такъ какъ веревка могла *обмануть* Іуду и оборваться, то повѣсилъ онъ ее надъ обрывомъ: если оборвется, то все равно *на камняхъ* найдетъ онъ смерть...

Всю ночь точно какой-то чудовищный плодъ качался Іуда надъ Іерусалимомъ: и вѣтеръ поворачивалъ его *то къ городу лицомъ, то къ пустынѣ*—точно и городу, и пустынѣ хотѣлъ онъ показать Іуду. Но куда бы ни поворачивалось обезображенное смертью лицо — красные глаза налились кровью и теперь одинаковые *неотступно смотрѣли на небо*. А наутро кто-то зоркій увидѣлъ надъ городомъ висящаго Іуду и закричалъ въ испугѣ. Пришли люди и сняли его и, узнавъ, кто это, бросили его въ глухой оврагъ, куда бросали дохлыхъ лошадей, кошекъ и другую падаль.

И всѣ добрые и злые предадутъ одинаково проклятью позорную память его.

И кто-то зоркій, и всѣ добрые, и злые не захотѣли взглянуть въ эти налитые кровью глаза, „неотступно смотрѣвшіе на небо, куда стремился предатель, чтобы быть возлѣ Іисуса“.

Чудовищный плодъ каменистой Іудеи былъ для нихъ только падалью, которую и бросили они въ оврагъ исторіи.

И вотъ художникъ нашихъ дней захотѣлъ намъ раскрыть этотъ оврагъ и показать, *что* было брошено въ оврагъ, захотѣлъ раскрыть и разсказать „тайну этихъ глазъ“, которая была не менѣе велика, чѣмъ „тайна прекрасныхъ глазъ“ Іисуса, раскрыть тайну глазъ, то странно не похожихъ другъ на друга и лгавшихъ, то остановившихся неподвижно надъ работой мысли, „точно слѣпыхъ и *страшно зрячихъ*“, то одинаково налитыхъ кровью и устремленныхъ на небо.

Леонидъ Андреевъ поставилъ лицомъ къ лицу „желтую ливанскую розу, у которой смуглое лицо и *глаза, какъ у серны*“, и многорукій кактусъ, который разрываетъ колючками одежду и имѣетъ „одинъ только *красный цвѣтокъ* и *одинъ только глазъ*“, рыжаго безобразнаго іудея, „рожденнаго *среди камней*“, и кроткаго галилеянина, проведшаго лучшіе годы своей жизни въ Галилеѣ съ ея *тихой водой и зелеными берегами.*

Вы помните въ началѣ этого произведенія какъ бы мимоходомъ брошенное замѣчаніе художника: „Эта страшная *близость божественной красоты и чудовищнаго безобразія*, человѣка съ кроткимъ взоромъ и осьминога съ огромными, неподвижными и тускло-жадными глазами угнетала умъ Ѳомы, какъ *неразрѣшимая загадка*“.

Къ этой неразрѣшимой загадкѣ подходитъ художникъ, заставляя одновременно звучать и печальный, суровый голосъ Іуды, и далекія, призрачныя слова Іисуса, освѣщая и необъятный мракъ души предателя, и кроткую тишину свѣтлѣющаго въ темнотѣ Іисуса.

Къ двумъ страшнымъ словамъ: „безуміе и ужасъ“, когда-то прогремѣвшихъ среди „краснаго смѣха“, художникъ прибавилъ два новыя родственныя имъ слова: *„ужасъ и мечты“*.

Въ этихъ двухъ словахъ заключается гипотеза художника и разрѣшеніе неразрѣшимой загадки.

„Ужасъ и мечты“ стояли у колыбели Іуды Искаріота, который не зналъ, кто былъ его отецъ. „Можетъ быть, тотъ человѣкъ, который билъ его розгой, а, можетъ быть, и дьяволъ, и козелъ, и пѣтухъ. Развѣ можетъ Іуда знать всѣхъ, съ кѣмъ дѣлила ложе его мать?“

„Ужасъ и мечты“ сопровождали Іуду на всѣхъ путяхъ его, когда онъ много лѣтъ шатался въ народѣ и доходилъ даже до одного моря и до другого моря, которое еще дальше“...

„Ужасъ и мечты“ разрѣшили его бракъ и связь съ женой, которая говорила: „Іуда лгунъ, Іуда злой“...

„Ужасъ и мечты“ оторвали его отъ добрыхъ и злыхъ, которые со страхомъ говорили, что Іуда „думаетъ что-то свое“.

„Ужасъ и мечты“ превратили его, „обманутаго всѣми“, въ стараго обманщика.

„Ужасъ и мечты“ толкнули Іуду къ Іисусу и ученикамъ, его, уже *давно* шедшаго „по ихнему пути“.

„Ужасъ и мечты“ направили всю его страшную привязанность одинокаго, всѣми отталкиваемаго Іуды къ Іисусу, котораго *„въ тоскѣ и мукахъ всю свою жизнь искалъ Іуда, искалъ и нашелъ“*.

„Ужасъ и мечты“ оттолкнули отъ него кроткаго, прекраснаго и нѣжнаго, какъ лилія, Іисуса и, наконецъ, „ужасъ и мечты“ выросли въ огромное и стройное дѣло предательства.

„Свое“ Іисуса привлекло сердце Іуды, но это „свое“ заставило Іисуса говорить всегда „противъ Іуды“, у котораго было тоже „свое“.

Красный цвѣтокъ кактуса не захотѣлъ уступить глазамъ серны и смотрѣть на міръ этими глазами; мстителемъ суровымъ, а не кроткимъ галилеяниномъ пришелъ онъ въ міръ неправды и зла и хотѣлъ, чтобы Іисусъ былъ заодно съ Іудой противъ всего міра и противъ всѣхъ „дурныхъ людей“, противъ смерти, царившей на землѣ, противъ трусливаго предательства „*добрыхъ*“ и холоднаго убійства „*злыхъ*“.

Іуда былъ не изъ тѣхъ людей, которые вѣрятъ въ судъ Синедріона и въ критическіе моменты попранія правды аппеллируютъ къ „настоящему судьѣ“... Іуда былъ не изъ тѣхъ прекраснодушныхъ, которые успокаиваются, когда жители селенія „*быстро* повѣрили и денегъ дали“, когда народъ кричитъ „Осанна“.

Да! Онъ „говоритъ о людяхъ *дурно*, но развѣ не могли бы они быть немного лучше“?

Его не даромъ боялись за „*особенныя* мысли“ и ненавидѣли за то, что онъ думалъ „что-то свое“, и не даромъ Іуда Искаріотъ прошелъ отъ моря и до моря; онъ умѣлъ угадывать, что тамъ, гдѣ быстро повѣрили только-что Іисусу, сегодня же повѣрятъ старой женщинѣ, обвиняющей Іисуса въ кражѣ козленка; тамъ, гдѣ сегодня кричатъ „Осанна“, будутъ завтра кричать „распни“; тамъ, гдѣ только-что Его хватали за воротъ, какъ вора, тамъ будутъ цѣловать Его сейчасъ же, какъ брата.

Онъ не вѣритъ человѣческимъ словамъ. Онъ только считается съ человѣческими поступками. Развѣ люди не изолгались до того, что ихъ слово только скрываетъ правду и развѣ не называли часто люди ложью то, что было величайшей правдой, и развѣ не совершалъ онъ часто великую ложь ради маленькой правды?

Іуда Искаріотъ—у Леонида Андреева—революціонеръ съ ногъ до головы. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться „своего“, осуществить

„ужасъ и мечты“ и рѣшить вопросъ, кто обманываетъ Іуду—ученики Іисуса или онъ самъ. Іуда?

„Мятежные сны. чудовищныя грезы, безумныя видѣнья на части разрываютъ его бугроватый черепъ“.

Для такого человѣка нѣтъ добра и зла, дозволеннаго и недозволеннаго. Онъ не боится геенны огненной: „Зачѣмъ тебѣ душа,—говоритъ онъ Петру,—если ты не смѣешь бросить ее въ огонь, когда захочешь?“ Онъ дѣятеленъ. Онъ не хочетъ быть только сторожемъ у града мертвой правды. Пойдетъ на все, онъ даже своими руками удушитъ нѣжно-любимаго Іисуса, если это понадобится. Онъ презиралъ учениковъ, называлъ ихъ трусливыми собаками и не считалъ ихъ людьми, такъ какъ „у нихъ нѣтъ крови въ жилахъ“.

Для него нѣтъ преградъ и нѣтъ невозможнаго, нѣтъ сомнѣнія и нѣтъ привязанностей, онъ „всему чуждъ, какъ судьба“.

„Ѳома, глупый Ѳома,—обратился онъ однажды къ Ѳомѣ,—хотѣлось ли тебѣ когда-нибудь взять землю и поднять ее? И, можетъ быть, бросить потомъ?

— Это невозможно, Іуда!

— Это возможно,—убѣжденно сказалъ Искаріотъ.—И мы ее поднимемъ когда-нибудь, когда ты будешь спать... Мнѣ весело, Ѳома“.

Поднять землю мечтаетъ Іуда, поднять вмѣстѣ съ Іисусомъ; онъ жадно ищетъ въ его глазахъ согласія, только знака, онъ вѣритъ въ Іисуса и въ его великую силу.

Только силу эту Іисусъ направляетъ не такъ, какъ слѣдуетъ: вмѣсто меча Онъ знаетъ только мирную проповѣдь и запрещаетъ „обнажать мечъ“.

„Развѣ можно Его слушать?—говоритъ Петру Іуда объ Іисусѣ.—Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ и борьбѣ?“

Послѣ того, какъ Іисусъ отдаляется отъ Іуды вмѣстѣ съ „тѣсной кучкой“ своихъ, „ужасъ и мечты“ Іуды принимаютъ все болѣе опредѣленный характеръ.

Нужно доказать Іисусу, что тѣ любимые ученики, которые спорятъ о первенствѣ, завтра оставятъ Его, а народъ, за который Онъ готовъ умереть, завтра потребуетъ Его смерти. Нужно доказать, нужно отдать Іисуса въ руки первосвященниковъ и тогда Іисусъ увидитъ, что остается съ нимъ до конца только Іуда. Тогда онъ пойметъ. Іуда любитъ Іисуса, какъ невѣсту, какъ „сыночка“. И онъ отдаетъ Его на муки, на смерть, чтобы „сдѣлать правду“.

Іисусъ пойметъ хотя бы послѣ смерти и тогда будетъ заодно съ Іудой.

Въ моментъ смерти Іисуса, которому уже не принадлежало время, Іуда чувствуетъ странное торжество: *Іисуса не поняли.*

„Теперь все время принадлежитъ ему, и идетъ онъ неторопливо; теперь вся земля принадлежитъ ему, и ступаетъ онъ твердо, какъ повелитель, какъ царь, какъ тотъ, кто безпредѣльно и радостно въ этомъ мірѣ одинокъ. Замѣчаетъ мать Іисуса и говоритъ ей сурово:—Ты плачешь, мать? Плачь, плачь, и долго еще будутъ плакать съ тобою всѣ матери земли. Дотолѣ, пока *мы вмѣстѣ съ Іисусомъ не разрушимъ смерть.*

...Безпредѣльно и радостно одинокій, онъ гордо ощутилъ безсиліе всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ и всѣ ихъ бросилъ въ пропасть. И дальше идетъ онъ спокойными и властными шагами. И не идетъ время ни впереди, ни сзади: покорное, вмѣстѣ съ нимъ движется оно всею своею *незримой громадой*".

Теперь остается Іудѣ только послѣдовать за Іисусомъ. Цѣль у нихъ одна: „поднять землю", были до сихъ поръ разные методы борьбы, но вѣдь теперь Іисусъ убѣдился, и если Онъ и теперь не убѣдился, Іуда продолжитъ борьбу. Вотъ его послѣднія слова, обращенныя къ Іисусу:

„Нѣтъ, они слишкомъ плохи для Іуды. Ты слышишь, Іисусъ? Теперь ты мнѣ повѣришь? Я иду къ Тебѣ. Встрѣть меня ласково. Я усталъ. Я очень усталъ. *Потомъ мы вмѣстѣ съ тобой, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю. Хорошо?*

...Но, можетъ быть, Ты и тамъ будешь сердиться на Іуду Искаріота? И не повѣришь? И въ адъ меня пошлешь? Ну, что же! Я пойду въ адъ. И на огнѣ твоего ада *я буду ковать желѣзо, ковать желѣзо и разрушу Твое небо.* Хорсшо? Тогда Ты повѣришь мнѣ. Тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Іисусъ".

Съ этой желѣзной волей можетъ сравниться воля другого революціонера изъ драмы Леонида Ардреева „Къ звѣздамъ", который хотѣлъ бы зажечь солнце, если бъ оно потухло.

Такимъ представляетъ Іуду Искаріота, думается намъ, Леонидъ Андреевъ, фанатикомъ-революціонеромъ, рѣшившимъ осуществить „ужасъ и мечты" и „сдѣлать правду".

Но есть еще другой Іуда, или, вѣрнѣе, другое лицо у Іуды, обращенное не къ небу, не къ Іисусу, не къ „своему", а къ людямъ, къ добрымъ и злымъ, къ кому-то зоркому.

Художникъ рисуетъ и это лицо, рисуетъ и этого Іуду, рисуетъ „такимъ, какимъ представляли его знающіе".

Съ этимъ другимъ лицомъ настолько всѣ свыклись, самъ Іуда давалъ людямъ „то, чего они хотѣли", такъ привыкъ притворяться, лгать или говорить понятнымъ языкомъ, что ученики *настоящаго* Іуду приняли за сатану.

Двойственность Іуды отражалась въ самой наружности его:

„Короткіе рыжіе волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черты: точно разрубленный съ затылка двойнымъ ударомъ

меча и вновь составленный, онъ явственно дѣлился на четыре части и внушалъ недовѣріе, даже тревогу...

... *Двоилось также лицо Іуды.* Одна сторона его съ чернымъ остро высматривающимъ глазомъ была живая, подвижная, охотно собиравшаяся въ живыя, подвижимыя морщинки. На другой же не было морщинъ и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая и хотя по величинѣ она равнялась первой, но казалась огромной отъ широко-открытаго слѣпого глаза. Покрытый бѣлою мутью, *не скрывающійся ни ночью, ни днемъ, онъ одинаково встрѣчалъ и свѣтъ, и тьму,* но оттого ли, что рядомъ съ нимъ былъ живой и хитрый товарищъ, не вѣрилось въ его полную слѣпоту".

Страшно трудная задача для автора—черезъ все произведеніе провести эту двойственность.

Самый разсказъ какъ будто ведется въ тонѣ людей, „знающихъ Іуду". Только постепенно открывается другое лицо по мѣрѣ того, какъ осуществляется „ужасъ и мечты"..

Этотъ тонъ художникъ не всегда выдерживаетъ. Само произведеніе какъ будто имѣетъ два лица, два разные глаза, нужно раскрыть оба эти лица и оба глаза.

Всѣ остальныя дѣйствующія лица произведенія, всѣ „знающіе" Іуду, непокорный народъ іерусалимскій, жители селеній, первосвященники, ученики и даже самъ Іисусъ—только *другіе* по отношенію къ Іудѣ.

Всѣ считаютъ умнымъ Іуду, Іисусъ также, но всѣмъ чуждо и непонятно „свое" этого человѣка и даже самъ Учитель не могъ проникнуть „въ бездонную глубину его души".

Объ Іисусѣ художникъ страшно мало говоритъ... Активной фигурой все время въ повѣсти является не Учитель, а Іуда, который былъ, „однимъ изъ двѣнадцати", но не хотѣлъ быть Его ученикомъ. Іуда очень часто относился къ нему то какъ къ женщинѣ-невѣстѣ, то какъ къ „сыночку" со страшнымъ сознаніемъ собственной желѣзной воли и своего знанія людей.

Подобно тому, какъ безобразіе Іуды всѣхъ отталкивало, такъ красота Іисуса, похожаго на женщину, съ маленькими руками и небольшими загорѣлыми ногами всѣхъ привлекаетъ и для всѣхъ Онъ былъ „нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ, благоухающей розой ливанскою"...

Обаяніемъ и тишиной, кротостью и нѣжностью вѣетъ отъ этого образа.

Какъ у Достоевскаго въ „Великомъ инквизиторѣ", такъ и у Леонида Андреева Іисусъ молчитъ почти всегда. Онъ проходитъ въ тишинѣ и свѣтлѣетъ въ сумеркахъ и гдѣ-то далеко и нѣжно звучатъ Его призрачныя слова. Мы узнаемъ Его больше по умиленію Петра, по восторгу Іоанна, по мучительной, ревнивой любви Іуды, по тихому обожанію женщинъ.

Мы видимъ его дружескую усмѣшку, съ которой онъ слушаетъ Петра, „какъ онъ тихо спитъ, въ тишинѣ вечера, усталый и кроткій, какъ онъ съ жаднымъ вниманіемъ, по-дѣтски полуоткрывъ ротъ, заранѣе смѣясь глазами, слушаетъ порывистую звонкую рѣчь Петра"...

Мы видимъ Іисуса, который очень мало понимаетъ „въ людяхъ и борьбѣ".

Это не тотъ евангельскій Іисусъ, который громитъ фарисеевъ, изгоняетъ торгующихъ изъ храма и говоритъ ученикамъ: „Вотъ я посылаю васъ, *какъ овецъ среди волковъ:* итакъ, будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби. *Остерегайтесь же людей*: ибо они будутъ отдавать васъ на судалища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ"... „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ".

Жители селеній и мятежный іерусалимскій народъ проходятъ передъ нами съ неустойчивой психологіей толпы и очень мало отличаются отъ тѣхъ „жителей", которые убили Савву при пѣніи „Христосъ воскресе" и отъ того парижскаго народа, который гильотинировалъ Людовика XVI для того, чтобы преклониться передъ деспотизмомъ Наполеона. Отъ его „Осанны" до „Распи"—только одинъ шагъ.

Человѣкъ не толпы такихъ жителей раздражаетъ, они готовы простить обманщику и вору, но не простятъ обличителю лицемѣрія, они готовы терпѣть ложь, но они не потерпятъ „особенныя мысли" и „свое".

Іоаннъ, Петръ, Матѳей и Ѳома—ученики Іисуса недалеко ушли отъ „жителей", недалеко ушли они того неизвѣстнаго въ одѣялѣ, который въ часъ предательства бѣжалъ вмѣстѣ съ ними изъ Гефсиманскаго сада.

Они—„добрые", но, глядя на ихъ добрыя лица, Іисусъ опускаетъ голову и говоритъ, что они оставятъ Его.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ знаменитый художникъ Дюреръ написалъ безсмертные образы четырехъ апостоловъ; Павла, Марка, Петра, Іоанна. Эти четыре портрета—четыре темперамента.

Фигуры апостоловъ у Леонида Андреева Петра, Іоанна, Ѳомы и Матѳея—тоже четыре темперамента, къ которымъ образъ Іуды является огромнымъ экраномъ.

Петръ, къ которому такъ мало подходитъ эпитетъ „камень,"—это олицетвореніе непосредственнаго чувства.

То хватающій за воротъ Іуду, то цѣлующій его, то готовый умереть за Іисуса, то опускающійся, то бросающійся убить предателя, то собирающійся идти вмѣстѣ съ нимъ къ Іисусу. Таковъ этотъ апостолъ.

Но Петръ—сама искренность, Петръ—порывъ, Петръ—рабочій жизни, Петръ—предчувствіе разсвѣта.

Краски и звуки призвалъ художникъ, чтобы набросать его портретъ и

этотъ портретъ въ нѣсколькихъ строкахъ поражаетъ своею яростью. Не вѣрится, что передъ вами только слово художника.

Вы видите, вы слышите, вы чувствуете Петра, одного изъ первыхъ откликнувшагося на проповѣдь Іисуса-Галилеянина, одного изъ всѣхъ учениковъ, схватившагося за мечъ въ часъ предательства, одного изъ всѣхъ, готоваго послѣдовать за Іудой „къ Іисусу".

Вотъ эти нѣсколько строкъ:

„Когда Петръ что-нибудь говорилъ, слова его звучали такъ твердо, какъ будто онъ прибивалъ ихъ гвоздями. Когда Петръ двигался или что-нибудь дѣлалъ, онъ производилъ далеко слышный шумъ и вызывалъ отвѣтъ у самыхъ глухихъ вещей... Въ ущельяхъ горъ его голосъ будилъ сердитое эхо, а по утрамъ на озерѣ, когда ловили рыбу, онъ кругло перекатывался по сонной и блестящей водѣ и заставлялъ улыбаться первые робкіе солнечные лучи. И, вѣроятно, они любили за это Петра: на всѣхъ лицахъ еще лежала ночная тѣнь, а его круглая голова и широкая обнаженная грудь и свободно закинутыя руки уже горѣли на заревѣ восхода".

Іоаннъ Заведеевъ, пренебрежительно относящійся къ Іудѣ, ближе всѣхъ учениковъ стоитъ къ Іисусу. Съ холодными и красивыми очами, красивый, чистый, не имѣющій ни одного пятна на снѣжно-бѣлой совѣсти, нервный и хрупкій, онъ способенъ внезапно загораться, смѣшивая слезы съ гнѣвомъ, восторгъ со слезами...

Матѳей очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ. Полный человѣкъ, боящійся тучности, онъ начитанъ въ Писаніи и выступаетъ „вѣчно съ текстами изъ Соломона".

Но, разумѣется, самой законченной фигурой изъ всѣхъ указанныхъ является апостолъ Ѳома.

Ѳома по отношенію къ Іудѣ является тѣмъ же, чѣмъ Вагнеръ по отношенію къ Фаусту у Гете,—трудолюбивый помощникъ ученаго, лишенный творчества, и „старый профессоръ" у А. Чехова.

Ѳома ближе всѣхъ стоитъ къ Іудѣ, онъ часто слышитъ его слова, хотя никогда не понимаетъ его мыслей, онъ даже разъ замѣтилъ, что у Іуды два лица, но не успѣлъ схватить мелькнувшую при этомъ мысль. Онъ не понимаетъ шутокъ, притворства и лжи, игры словами и мыслями. Онъ во всемъ доискивается *основательнаго и положительнаго.* Никогда онъ не принимаетъ факты на вѣру у него всегда готово на языкѣ: „это нужно доказать", ко всякому своему сообщенію онъ неизмѣнно добавляетъ слово „повидимому", даже въ тотъ моментъ, когда воины уже окружаютъ Іисуса въ саду Гефсиманскомъ.

Тонкостей Ѳома не понимаетъ и не умѣетъ ходить надъ безднами, какъ Іуда съ его „невыносимымъ любопытствомъ" и съ его глазами осьминога.

Длинный, *прямой* станъ, *прямые* и *прозрачные* глаза, двѣ толстыя

складки, идущія отъ носа и пропадающія въ жесткой *ровно подстриженной* бородѣ, *прямые* повисшіе усы—вотъ внѣшность этого положительнаго и основательнаго человѣка.

Еще нѣсколько словъ, еще одинъ штрихъ—и готовъ портретъ во весь ростъ, вотъ этотъ штрихъ: „Ѳома... внимательно и серьезно разсматривалъ, какъ *добросовѣстный портной, снимающій мѣрку...* Онъ не отвѣчалъ на улыбку, но, видимо, принялъ и ее въ *разсчетъ*".

Іуда вызывалъ въ этомъ добросовѣстномъ портномъ сильное любопытство и это создало между нами что-то вродѣ дружбы. Но порою Іуда чувствовалъ невыносимое отвращеніе къ своему странному другу и спрашивалъ Ѳому, этотъ человѣкъ „мятежныхъ сновъ": что ты видишь во снѣ: стѣну, дерево, осла?

Онъ ничего не зналъ, этотъ Ѳома, хотя обо всемъ разспрашивалъ и смотрѣлъ такъ ясно своими прозрачными и ясными глазами, сквозь которые, какъ сквозь финикійское стекло, было видно стѣну назади его и привязаннаго къ ней понураго осла.

Это Ѳома упрекалъ Іуду во лжи, когда тотъ спасъ путемъ лжи Іисуса отъ смерти, хотя Іуда солгалъ потому, что „смерть Іисуса была бы большею ложью"; это Ѳома замѣтилъ пропажу нѣсколькихъ динаріевъ; это Ѳома констатировалъ въ страшную минуту предательства: „повидимому, за нами пришли"; это Ѳома аппеллировалъ къ „настоящему судьѣ", когда шелъ вопросъ о жизни или смерти Іисуса; это Ѳома въ оправданіе бѣгства сказалъ Іудѣ: „Если бы мы умерли, кто бы распространилъ ученье Іисуса?"

„Безплоденъ и нищъ ты будешь навѣки"—сказалъ ему Іуда при послѣднемъ свиданьи, идя на смерть, и проклялъ его.

Во главѣ 14 евангелія отъ Іонна Ѳома говоритъ только нѣсколько словъ: „Господи! Не знаемъ, куда идемъ, и какъ можемъ знать путь?"

Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ создалъ художникъ этотъ основательный и положительный умъ.

Мы видѣли, что художникъ совершенно самостоятельно переработалъ евангельскую легенду и матеріалъ историческій.

Онъ отнесся творчески къ своей задачѣ. Изъ Евангелія онъ взялъ отдѣльныя черточки, которыя вставалъ съ удивительнымъ мастерствомъ въ свои картины; изъ Евангелія онъ заимствовалъ построеніе фразъ, особенный стиль сравненій и повѣствовательную манеру [1]).

---

[1]) „Развѣ ты не понимаешь, что только сторожъ ты теперь у гроба мертвой правды? Засыпаетъ сторожъ и приходитъ воръ, „уноситъ правду съ собою—скажи, гдѣ правда?" или: „И въ тотъ же вечеръ уже всѣ вѣрующіе узнали о смерти предателя, а на другой день узналъ о ней весь Іерусалимъ. Узнала о ней каменистая Іудея, и зеленая Галилея узнала о ней, и до одного моря и до другого, которое еще дальше, долетѣла вѣсть о смерти предателя".

Въ объясненіе фактовъ, въ освѣщеніе характеровъ художникъ внесъ „свое“.

Тамъ, гдѣ основательный и положительный Г. Флоберъ видитъ голую стѣну, тамъ Л. Андреевъ съ невыносимымъ любопытствомъ смотритъ въ бездну.

Тамъ, гдѣ Г. Флоберъ, какъ добросовѣстный портной, безъ улыбки изучаетъ матеріалъ и внимательно снимаетъ мѣрку, принимая все въ разсчетъ, тамъ Л. Андреевъ развиваетъ „особенныя мысли“, строитъ что-то огромное и разрушаетъ „небо“, разрушаетъ принятыя „мѣрки“ и уже произведенный разсчетъ.

„Кто-то зоркій“ и „знающіе люди“ возмутятся при чтеніи написаннаго Л. Андреевымъ и не услышатъ, какъ бьется сердце этого произведенія, бьется и кричитъ свое „Осанна“—распинаемой правдѣ и свое „проклинаю“—трусливымъ предателямъ и холоднымъ убійцамъ.

В. Львовъ.

На Западѣ.

Выборы въ Австріи.

Il n'y a rien de plus intéressant qu'un mur derrière le quel il se passe quelque chose. Въ этихъ словахъ Виктора Гюго—весь секретъ романтизма, и на первый взглядъ можетъ показаться рискованнымъ примѣнять ихъ къ злободневнымъ политическимъ темамъ. А между тѣмъ это такъ. 1/14-го мая въ Австріи впервые произошли выборы по четырехвостной формулѣ, дѣйствительно народные выборы, и еще за нѣсколько дней до выборовъ патентованные политики изъ „Neue Freie Presse" заявляли, что эти выборы представляютъ собой безусловную загадку, политическую лотерею, мистерію народныхъ настроеній. Всѣ съ величайшимъ напряженіемъ ожидали исхода выборовъ и терялись въ догадкахъ. Недавніе германскіе выборы съ ихъ неожиданнымъ результатомъ, повидимому, оправдывали этотъ взглядъ на выборы, какъ на нѣчто непредвидимое, неуловимое, не поддающееся теоріи. И дѣйствительно, кто могъ ожидать этого? Въ Австріи, въ монархіи Габсбурговъ, въ странѣ Меттерниха, которую такъ ненавидѣлъ Герценъ, въ консервативной, ультра-католической Австріи самая крайняя партія, соціалъ-демократія, съ перваго-же натиска добилась чуть-ли не 90 мандатовъ въ парламентѣ (въ настоящую минуту не всѣ еще перебаллотировки закончены, но 84 соціалъ-демократа уже выбраны, въ Галиціи предвидятся еще нѣсколько мандатовъ)—цифра, которой не знаетъ ни одинъ парламентъ, которой не достигла даже германская партія! Конечно, теоретики марксизма предвидѣли, что соціалъ-демократія будетъ представлена въ первомъ истинно-народномъ парламентѣ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ голосовъ. Но что она станетъ самой сильной партіей въ парламентѣ—нѣтъ, объ этомъ и не снилось нашимъ мудрецамъ: правительство, которое провело избирательную реформу черезъ всѣ трудности въ надеждѣ справиться такимъ образомъ съ обструкціей націоналистовъ, попало изъ огня да въ полымя; tu l'as voulu, George Dandin!

Въ Иннсбрукѣ выбранъ соціалъ-демократъ—въ Иннсбрукѣ, главномъ городѣ католическаго Тироля, этой красивѣйшей страны въ мірѣ, гдѣ между грандіозныхъ горныхъ цѣпей, передъ лицомъ вѣчныхъ снѣговъ и дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ ютятся въ долинахъ розовыя

сельскія церкви, словно принаряженныя крестьянскія дѣвушки, и висятъ на скалахъ недоступные феодальные замки; въ старинномъ средневѣковомъ городѣ Иннсбрукѣ съ его Hofkirche, въ которой хранится саркофагъ Kaiser Tak'a, этого „послѣдняго рыцаря на Уранѣ", и двумя грозными рядами стоятъ желѣзныя статуи австрійскихъ и испанскихъ Габсбурговъ. Въ Тріентѣ (Тридентѣ) выбранъ соціалъ-демократъ; въ Тріентѣ, въ которомъ въ душную южную ночь встаютъ передъ вами призраки могучихъ князей церкви, длинной вереницей проходитъ армія воинствующихъ кардиналовъ, епископовъ, аббатовъ, прелатовъ, въ пурпуровыхъ и фіолетовыхъ мантіяхъ и сутанахъ, съ несмѣтной свитой челяди и куртизанокъ, итальянокъ и баварокъ (ибо католическое духовенство любило пожить во-всю, sie trinken heimlich Wein und predigen öffentlich Wasser, какъ говоритъ Гейне); въ Тріентѣ, гдѣ рядомъ съ великолѣпнымъ зданіемъ каѳедры съ ея романскимъ порталомъ зловѣще высится Torre Vanga, угрюмая, черная башня-тюрьма, въ которую владѣтельные епископы упрятывали своихъ противниковъ. Въ богемскихъ горахъ, гдѣ на закатѣ солнца зіяетъ съ лѣсистаго холма одинокая руина, словно единственный зрячій глазъ свирѣпаго гусситскаго монаха Яна Жишки,—выбраны соціалъ-демократы.

Въ газетахъ сообщалось, что въ замкѣ Конопиштъ, въ которомъ проживаетъ наслѣдникъ австрійскаго престола, царило большое смущеніе, когда стало извѣстнымъ, что изъ подававшаго голосъ мужского персонала замка, дворецкихъ, ловчихъ, лѣсничихъ, почти всѣ голосовали за соціалъ-демократа... Въ печальныхъ, монотонныхъ равнинахъ Галиціи, ежегодно затопляемыхъ Саномъ и Прутомъ, тамъ, гдѣ сохранились еще турецкіе казематы, гдѣ въ бѣломъ одноэтажномъ „замкѣ" со спущенными шторами живетъ pan hrabia и по воскресеньямъ мурскимазуры сидятъ подъ почернѣвшимъ навѣсомъ убогаго деревяннаго костела, гдѣ деревенскія корчмы украшены колоннадами и арками въ итальянскомъ стилѣ, потому что всѣ эти Ржевусскіе, Конецпольскіе, Собѣсскіе призывали итальянскихъ мастеровъ украшать ихъ помѣстья,—здѣсь тоже выбраны соціалъ-демократы...

Вся эта пестрая, разношерстная Австрія съ ея блистательнымъ прошлымъ, весь этотъ разноплеменный „лагерь Валленштейна", сверкающій всѣми цвѣтами радуги, снова нашли свое единство, встрепенулись изъ долгаго сна забытаго величія для новой жизни... Словно заколдованная царевна, Австрія проснулась, опять обрѣла свою мощь и красу. Этотъ конгломератъ враждующихъ національностей, съ балластомъ ненужныхъ традицій, мѣшавшихъ развитію страны, превращавшихъ ее до сихъ поръ въ посмѣшище Европы, въ вѣчно брюзжащую старую дѣву, живущую воспоминаніями, нашелъ, наконецъ, свою Synthesis des Mannigfaltigen. Этотъ синтезъ—соціалъ-демократія. Она примирила чеховъ и нѣмцевъ, итальянцевъ и кроатовъ, поляковъ и русиновъ, она вводитъ Австрію въ великую семью новѣйшихъ государствъ, на путь прогресса и культуры.

Weisst du, wie es ward? Великій, полный невыразимаго драматизма аккордъ Вагнеровской нотки. Weisst du, wie es ward? Неужели пишущій эти строки найдетъ въ себѣ достаточно дерзости, чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Достаточно сухости и педантизма, чтобы святотатственной рукой снять покрывало съ мистеріи исторіи? Нѣтъ. Легко сказать, конечно, что ростъ соціалъ-демократіи—историческая необходимость и т. д. Этимъ, однако, вопросъ не исчерпывается. Это не объясняетъ намъ ни поразительныхъ размѣровъ соціалъ-демократическаго тріумфа, ни специфической окраски даннаго случая. Въ старомъ, сословномъ парламентѣ враги избирательной реформы называли соціалъ-демократовъ въ насмѣшку „K. K. (Keiserlich Konigliche) Sozial-demokraten"; этимъ они намекали на то, что правительство въ дѣлѣ реформы шло рука объ руку съ соціалъ-демократіей. Мы оставляемъ въ сторонѣ то, что правительство вынуждено было къ этому грандіозной агитаціей рабочей партіи, устроившей въ день созыва парламента однодневную стачку-демонстрацію *во всей Австріи*; фактъ тотъ, что соціалъ-демократія дѣйствительно изъ всѣхъ австрійскихъ партій является единственной, какъ здѣсь говорятъ, „государственной партіей". Она одна была заинтересована въ томъ, чтобы обветшавшій государственный организмъ Австріи не распался на части, не сталъ жертвой автономныхъ вожделѣній польской шляхты, чешскаго дворянства и пр. Правда, и это можно объяснить съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ. Но что соціалъ-демократія, эта партія будущаго, воплотила въ себѣ историческую традицію Австріи, что она спасла самое цѣнное достояніе Габсбургской монархіи, сохранила ея поэзію, поэзію старины, это, дѣйствительно, одна изъ тѣхъ мистерій исторіи, передъ которой мы можемъ лишь воскликнуть словами героини Выспянскаго: jak się wszystko dziwnie pleci („Vesele")! И жалокъ человѣкъ, который пересталъ удивляться, который все считаетъ яснымъ и понятнымъ! Если мы скажемъ, что въ исторіи ничто не пропадаетъ, что соціалъ-демократія какъ носительница идеаловъ будущаго, eo ipso должна быть хранительницей славнаго прошлаго, потому что это будущее такъ или иначе органически связано съ прошлымъ; если мы скажемъ, что австрійская соціалъ-демократія осталась на высотѣ своей задачи, не утративъ широкихъ историческихъ точекъ зрѣнія,—то этимъ мы только перефразируемъ вопросъ.

Читателю извѣстно, что сильный толчокъ агитаціи австрійской соціалъ-демократіи въ пользу всеобщаго избирательнаго права подали событія въ Россію. Вечеромъ того самого дня, когда въ Россіи обнародованъ былъ манифестъ 17-го октября, въ Вѣнѣ у рейхсрата состоялось импровизированное собраніе, вѣрнѣе, огромное стеченіе народа подъ открытымъ небомъ. Яснѣе извѣстно будетъ читателю, какъ отразилось на Австріи наше террористическое движеніе въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда выстрѣлъ Вѣры Засуличъ чрезвычайно взбудоражилъ умы впечатлительныхъ австрій-

цевъ. Я позволю себѣ привести на этотъ счетъ маленькую справку; она характерна для пониманія того, какой громадный прогрессъ продѣланъ австрійскими рабочими за эти тридцать лѣтъ. Теперь ихъ величаютъ „казенной партіей“, она самая сильная партія въ парламентѣ. Тогда среди нихъ пышнымъ цвѣтомъ процвѣталъ анархизмъ. Одинъ изъ участниковъ тогдашняго движенія, теперь соціалъ-демократическій депутатъ Гибешъ, разсказывалъ разъ на митингѣ, до какихъ нелѣпостей доходили тогдашніе главари. „Мы,—говоритъ онъ,—штудировали по адресъ-календарю адреса высокопоставленныхъ лицъ и рѣшили завести связи съ ихъ прислугой для того, чтобъ удобнѣе можно было проникнуть въ ихъ квартиры и прикончить ихъ; одинъ изъ насъ долженъ былъ поступить служителемъ въ больницу для того, чтобъ доставлять трупный ядъ...“ Связь съ германской соціалъ-демократіей послѣ „закона о соціалистахъ“ прекратилась. Австрійскіе рабочіе шли подъ знаменемъ Моста. Въ 1883 г., послѣ нѣсколькихъ покушеній на банкировъ, въ Вѣнѣ введено было осадное положеніе. Осадное положеніе въ Вѣнѣ! Нынѣшній вѣнецъ и представить себѣ это не въ состояніи. Въ такомъ плачевномъ положеніи находилось рабочее движеніе въ Австріи, когда на сцену выступилъ докторъ Викторъ Адлеръ. Этотъ человѣкъ, можно сказать, вынесъ на своихъ плечахъ все движеніе. Ему удалось убѣдить „независимыхъ“ въ ошибочности ихъ доктрины, его усиліями на Гайнфельдскомъ съѣздѣ создана была единая австрійская рабочая партія. Этотъ свѣтлый умъ и неутомимый работникъ дожилъ до дня, когда задача его жизни увѣнчалась успѣхомъ: соціалъ-демократія—самая сильная партія въ парламентѣ!

Посторонній зритель, попавъ на австрійскіе выборы и желая примѣнить къ нимъ испытанный масштабъ: *здѣсь буржуазія, тамъ пролетаріатъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго*, очутился бы въ очень затруднительномъ положеніи, онъ нашелъ бы, что своя своихъ не познаша. Въ этомъ отношеніи австрійскіе выборы представляютъ много замѣчательнаго. Во-первыхъ, то, что буржуазія почти сплошь да рядомъ (въ особенности въ день главныхъ выборовъ; на перебаллотировкахъ дѣло нѣсколько измѣнилось) голосовала за соціалъ-демократовъ. Затѣмъ то, что соціалъ-демократія завоевала себѣ много чисто-земледѣльческихъ округовъ, въ особенности въ Богеміи; надо помнить, что Австрія въ общемъ все еще остается страной преимущественно земледѣльческой. Въ Вѣнѣ, гдѣ волны избирательной агитаціи вздымались особенно высоко, можно было наблюдать тотъ любопытный феноменъ, что въ богатыхъ кварталахъ соціалъ-демократія пользовалась наибольшими симпатіями, тогда какъ т. н. kleiner Mann, мелкій людъ, велъ противъ нея ожесточеннѣйшую борьбу. Чѣмъ объясняется это смѣшеніе понятій? Тѣмъ, что выборы велись въ Австріи не на почвѣ классовыхъ интересовъ, а подъ знакомъ очищенія политической атмосферы отъ разныхъ некультурныхъ и хулиганскихъ элементовъ, внесенныхъ въ нее

авантюристами и демагогами изъ породы Шенерера и Луэгера. Главный интересъ выборовъ сосредоточивался, съ одной стороны, на борьбѣ соціалъ-демократіи съ партіей т. н. Christlich-Soziale, которыхъ корреспонденты русскихъ газетъ переводятъ обыкновенно „христіанскими соціалистами“, хотя они являются злѣйшими врагами соціалъ-демократіи и самое слово „соціалистъ“, иронически искажаемое ими въ „Sozi“, служитъ у нихъ бранной кличкой; съ другой стороны—на борьбѣ той же соціалъ-демократіи съ шовинистами-радикалами изъ нѣмецкаго и чешскаго лагеря, радикализмъ которыхъ лучше всего характеризуется тѣмъ, что въ старомъ парламентѣ нѣмецкіе націоналисты-радикалы во главѣ съ пресловутымъ Вольфомъ одни нашли смѣлость выступить противъ всеобщаго избирательнаго права (ссылаясь на тотъ же національный жупелъ, на интересы „національнаго достоянія“ нѣмцевъ въ Австріи, т. н. nationaler Besitzstand), а ихъ чешскіе pendants, присвоившіе себѣ названіе „національныхъ соціалистовъ“, вели остервенѣлую борьбу съ соціалъ-демократами на почвѣ клеветы, религіозной нетерпимости и подвоховъ. Если держаться ярлычковъ, то, повидимому, на выборахъ велась братоубійственная война между соціалистами различныхъ оттѣнковъ. Точно такъ же, какъ на главныхъ выборахъ буржуазія въ большинствѣ случаевъ голосовала за соціалъ-демократію, такъ на перебаллотировкахъ, а—ихъ было очень много,—паролемъ соціалъ-демократіи было всюду поддерживать буржуазныхъ кандидатовъ противъ этихъ самозванныхъ „соціалистовъ“.

Съ своей стороны эти soi-disant „христіанскіе соціалисты“ всюду голосовали за противника соціалъ-демократіи, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ. Если они и не могли добиться сколько-нибудь значительнаго количества мандатовъ внѣ Вѣны и деревень Тироля, они отвели свою злорадную душу тѣмъ, что наплевали въ кашу соціалъ-демократамъ. Въ эпоху, переживаемую нынѣ Австріей, христіанско-соціальная партія является самымъ опаснымъ, подколоднымъ врагомъ соціалъ-демократіи: она затемняетъ классовое сознаніе, прибѣгая къ фразѣ, она не имѣетъ никакой серьезной и честной программы; зато по мѣрѣ надобности пользуется цѣлымъ винегретомъ самыхъ разнородныхъ платформъ; такъ, напр., она обѣщаетъ вѣнцамъ дешевое мясо и въ то же время, ничуть не обинуясь, обѣщаетъ тирольскимъ крестьянамъ стоять противъ открытія границы для иностраннаго скота. Она служитъ главнымъ оплотомъ реакціи и клерикализма—доказательство то, что послѣ выборовъ къ ней оффиціально примкнула клерикальная фракція д-ра Эбенгоха, а на перебаллотировкахъ объявила себя застрѣльщикомъ либеральнаго нѣмецкаго бюргерства въ борьбѣ съ „интернаціональной“ соціалъ-демократіей (кстати, нѣмецкое слово Bürgertum звучитъ симпатичнѣе, чѣмъ „буржуазія“; это тоже является далеко не маловажнымъ факторомъ въ дѣлѣ затемненія общественныхъ отношеній).

Въ Австріи классовыя противоположности не развились еще въ такой степени, какъ, напр., въ Германіи, здѣсь еще очень силенъ средній элементъ, мѣщанство; поэтому вмѣсто борьбы на почвѣ опредѣленныхъ программъ здѣсь процвѣтаютъ демагогическіе пріемы, въ которыхъ австрійскіе лавочники превзошли даже американскихъ фокусниковъ; надо принять также во вниманіе импульсивный характеръ австрійцевъ, этихъ южанъ, провансальцевъ среди нѣмцевъ—это была благодарная почва для демагогической травли, для антисемитизма и національнаго шовинизма.

Съ такимъ врагомъ пришлось бороться соціалъ-демократіи. Прежде всего ей необходимо было уничтожить іезуитизмъ въ политической жизни, создать культурную подоплеку для будущей классовой борьбы. Съ легкой руки Луэгера, Шенерера и ему подобныхъ, въ Австріи распространилась такая зловонная, удушливая атмосфера, что для всѣхъ нравственно-опрятныхъ людей ясно было одно: прежде всего необходимо очистить эти Авгіевы конюшни, необходимо дезинфецировать парламентъ отъ паяцовъ и алкоголиковъ, сдѣлавшихъ изъ него притчу во языцѣхъ, отъ субъектовъ вродѣ Эрнста Шнейдера, который у входа на устраиваемыя имъ народныя собранія вывѣшивалъ объявленіе: „Собаки, евреи и соціалъ-демократы сюда не допускаются"; который съ парламентской трибуны предлагалъ крестить евреевъ сѣрной кислотой; который въ 1899 г., когда въ Вѣну занесена была чума, объяснялъ ее тѣмъ, что жиды-врачи насилуютъ въ больницахъ христіанскихъ дѣвушекъ, затѣмъ отравляютъ ихъ и бросаютъ ихъ внутренности въ каналъ... Еще одна иллюстрація: депутатъ Wek передалъ разъ парламентскому служителю пакетъ съ просьбой отнести его на почту; такъ какъ пакетъ былъ очень большой, служитель рѣшилъ подѣлить его на части — и каково же было его изумленіе, когда, снявъ обертку, онъ нашелъ въ ней полторы тысячи листовъ писчей бумаги съ печатью „Abgeordnetenhaus", дюжину карандашей, разрѣзной ножъ и д. д.,—все это господинъ депутатъ укралъ въ парламентѣ! Согласитесь, это—„крѣпкій табакъ", какъ говорятъ нѣмцы. Но это еще не все. Отсидѣвъ свои три недѣли за кражу, Wek снова выставилъ свою кандидатуру среди галиційскихъ крестьянъ и заявляетъ имъ, что украденные листы содержали постановленія парламента противъ крестьянъ, что онъ нарочно укралъ ихъ для пользы крестьянъ, пострадалъ за правое дѣло, угнетенная невинность, значитъ; финалъ—Wek получаетъ свыше 3000 голосовъ! Wek принадлежалъ къ фракціи пресловутаго патера Стояловскаго, галицiйской разновидности вѣнскаго Луэгера. Его исторія смахиваетъ на анекдотъ, но старый, сословный австрійскій парламентъ весь носитъ этотъ анекдотическій характеръ; австрійцы — теплыя ребята, что называется! Какую громадную культурную работу вынесла на своихъ плечахъ австрійская соціалъ-демократія, очистивъ парламентъ отъ этихъ балаганныхъ элементовъ! Когда вводилось всеобщее избирательное право, многіе высказывали опасеніе, что

оно лишь усилитъ разнузданную демагогію, такъ какъ самые отчаянные крикуны въ старомъ парламентѣ были выбраны въ пятой, народной куріи. Но результатъ выборовъ блистательно опровергъ эти опасенія: партія Шенерера и ея чешскіе антиподы потерпѣли разгромъ по всей линіи, самъ Шенереръ, десятки лѣтъ сидѣвшій въ парламентѣ, на сей разъ остался за бортомъ, не попалъ въ обновленный, народный рейхсратъ. Въ этомъ отношеніи надежды правительства оправдались: соціалъ-демократія избавила его отъ человѣка, восклицавшаго въ австрійскомъ парламентѣ: „Да здравствуютъ Гогенцоллерны!“. Такой же débâcle понесла партія Луэгера; рабочіе Вѣны избавили столицу отъ позора быть представленной въ парламентѣ Эрнстомъ Шнейдеромъ. А вѣдь недавно еще всѣ мандаты города Вѣны находились въ рукахъ антисемитовъ. Какъ дисциплинировала соціалъ-демократія народныя массы, видно еще изъ слѣдующаго факта: во многихъ округахъ Галиціи происходили перебаллотировки между кандидатомъ ультрареакціоннаго Польскаго Клуба и радикаломъ-сіонистомъ, и вотъ, слѣдуя лозунгу, выданному организаціей, десятки тысячъ русинскихъ крестьянъ, тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые прежде, быть можетъ, пошли бы на удочку всякихъ Wek'овъ, какъ одинъ человѣкъ, голосуютъ за еврея и проводятъ его въ парламентъ. Это въ Австріи совершенный novum. Правда, въ данномъ случаѣ русинская организація не шла подъ флагомъ соціалъ-демократіи, а образовывала самостоятельную радикальную группу, но она тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ соціалъ-демократіи. Характерно, что въ самомъ разгарѣ борьбы, даже тамъ, гдѣ на перебаллотировкахъ стоялъ соціалъ-демократъ противъ буржуазнаго кандидата, соціалъ-демократія клеймила только тѣхъ своихъ противниковъ, которые прибѣгали къ нечистоплотнымъ пріемамъ борьбы, напримѣръ, къ передержкамъ на выборныхъ плакатахъ; „легенда о политической опрятности г-на Хіари,—пишетъ, напр., „Arbeiter-Zeitung“ объ одномъ изъ такихъ либеральныхъ кандидатовъ,—разъ на всегда похоронена теперь“. Политическая чистоплотность [1])—вотъ козырь, которымъ побѣдила соціалъ-демократія, вотъ девизъ, подъ которымъ велась борьба за обновленіе и оздоровленіе политической жизни въ Австріи. Что удивительнаго послѣ этого, если въ главной газетѣ австрійской буржуазіи, „Neue Freie Presse“, послѣ выборовъ появилась передовица, подписанная громкимъ именемъ Унгера, предсѣдателя высшаго судебнаго учрежденія страны и пользующагося всемірной извѣстностью ученаго, статья, въ которой авторъ поетъ настоящій дифирамбъ соціалъ-демократіи. Что удивительнаго, если буржуазный депутатъ отъ Вѣны Куранда при шумныхъ аплодисментахъ заявляетъ на ра-

[1]) Для курьеза сообщимъ, что у одного либеральнаго вѣнскаго кандидата вырвался на митингѣ слѣдующій перлъ по адресу его противниковъ: „Да вѣдь они даже ѣсть прилично не умѣютъ!“ Какъ видите, читатель, довольно странное пониманіе „вопроса о ножѣ и вилкѣ“.

бочемъ митингѣ: „Мы съ вами, господа, два рыцарскихъ противника; представьте себѣ, что мы сошлись для поединка въ лѣсу, и вдругъ изъ чащи на насъ нападаетъ разбойникъ—конечно, мы подадимъ другъ другу руки и сообща бросимся на коварнаго врага". Этотъ коварный врагъ, конечно, все тѣ же вѣнскіе антисемиты, которые царятъ въ магистратѣ и самымъ безцеремоннымъ образомъ фальсифицируютъ кадастръ избирателей.

Объ этомъ стоитъ поговорить особо. Не правда ли, читатель, вамъ кажется невѣроятнымъ, что результатъ голосованія десятковъ, сотенъ тысячъ избирателей можетъ быть измѣненъ мошенническими манипуляціями? Признаться, и мнѣ казалось это невозможнымъ, пока меня не убѣдили цифры. Въ одной Вѣнѣ было заявлено 32.500 рекламацій. Столько человѣкъ, значитъ, не получило избирательныхъ легитимацій, противозаконно не были внесены въ списки избирателей. Далѣе, вѣнскій магистратъ нарочно выбралъ для доставленія легитимацій т. н. майскій срокъ, время, когда многіе обыватели мѣняютъ свои квартиры. Нарочно посылалъ легитимаціи не черезъ почту, а черезъ коммунальныхъ служителей, въ результатѣ чего въ одномъ только IX округѣ не доставлено было 3.000 уже выставленныхъ легитимацій. Когда вспомнишь, что депутаты проходили иногда большинствомъ десяти голосовъ, тогда понимаешь, какой вредъ могли принесть эти злостныя махинаціи, въ самой столицѣ, на глазахъ у центральнаго правительства. Въ виду этого пріобрѣтаетъ особый интересъ выборная агитація соціалъ-демократіи, достойная удивленія постановка ея, которая чувствительно парализовала ходы противника. Уже задолго до выборовъ въ распоряженіи партіи имѣются полные списки всѣхъ жителей Вѣны, по отдѣльнымъ округамъ, улицамъ, домамъ и квартирамъ. Эти списки сличаются съ оффиціальнымъ кадастромъ избирателей, и затѣмъ партія организуетъ т. н. Hinein-und Herausreklamieren, т. е. добивается включенія невнесенныхъ избирателей и исключенія противозаконно-внесенныхъ; дѣло въ томъ, что партіямъ въ общемъ всегда болѣе или менѣе извѣстно, въ какомъ духѣ будетъ голосовать тотъ или другой обыватель, объ этомъ догадываются по его профессіи, положенію и другимъ признакамъ. Во время выборовъ довѣренныя лица партіи присутствуютъ во всѣхъ секціяхъ, отмѣчаютъ фамилію каждаго голосовавшаго для того, чтобы это лицо не голосовало вторично, какъ это практикуется у Christlich-Sozialen, которые имѣютъ въ своихъ агитаціонныхъ локаляхъ цѣлыя груды запасныхъ Stimmzettel'ей съ печатью магистрата; эти счетчики („Strichlen") знаютъ, какіе избиратели выѣхали изъ Вѣны, и чуть только кто приходитъ голосовать съ легитимаціей такого избирателя, обнаруживаютъ обманъ, у нихъ записаны имена не получившихъ легитимаціи, и они зорко слѣдятъ за поползновеніями противника на эти легитимаціи; а вѣдь этотъ противникъ, даромъ что нѣмецъ, научился у нашего Чичикова и голосуетъ также за мертвыя души, выставляетъ легитимаціи на имена умершихъ обывателей...

Сотни и тысячи соціалъ-демократическихъ агитаторовъ дѣйствовали въ одной Вѣнѣ, чтобы контролировать избирательный аппаратъ вѣнскаго магистрата. А сколько работы потрачено было на то, чтобы ходить изъ дому въ домъ, разносить всюду избирательныя прокламаціи, справляться у каждаго симпатизирующаго партіи, къ кому еще обратиться! Такъ какъ въ самый день выборовъ христіанско-соціальные агитаторы всяческими хитростями и обманами старались отнимать у избирателей предмѣстій ихъ легитимаціи или замѣнять ихъ Stimmzettel'и другими съ литографированной уже на нихъ фамиліей ихъ кандидата, то штабъ партіи въ послѣднюю минуту отрядилъ своихъ людей слѣдовать за этими господами, заходить за ними во всѣ дома и слѣдить за ихъ продѣлками. Работа въ высшей степени интенсивная, требующая самой тщательной организаціи. Въ провинціи Нижняя Австрія введена обязательность участія въ выборахъ для каждаго избирателя т. н. Wahlpflicht; прежде, когда этого не было, главная задача агитаторовъ въ день выборовъ заключалась въ томъ, чтобы ѣздить къ лѣнивымъ избирателямъ и тащить ихъ къ урнѣ, цѣлая армія фіакровъ стояла къ ихъ услугамъ. До какой виртуозности дошла въ Вѣнѣ техника избирательной агитаціи, видно изъ того, что въ первомъ округѣ, гдѣ подано было нѣсколько тысячъ голосовъ и антисемитскій депутатъ прошелъ большинствомъ какихъ-нибудь 60 голосовъ, партія отлично знала, кто далъ ему перевѣсъ—это были кельнеры отеля „Имперіаль". За нѣсколько дней до выборовъ въ Вѣну пріѣхала депутація изъ Венгріи, чтобы изучить на мѣстѣ организацію избирательной кампаніи.

Въ заключеніе мнѣ надо сказать нѣсколько словъ о выборахъ въ Галиціи, этомъ больномъ мѣстѣ Австріи, „Filiale Russlands", какъ ее здѣсь называютъ. Здѣсь безраздѣльно царитъ олигархія польской шляхты, которая своимъ терроризмомъ заслужила ненависть всей Австріи и которой поэтому терять нечего, она и не церемонится. Во время выборовъ здѣсь были чисто-азіатскіе порядки: на улицахъ стояли войска, выборщиковъ не пускали къ урнѣ, тысячи избирательныхъ записокъ пропадали безслѣдно, мужиковъ заставляли на глазахъ начальства вписывать въ ихъ избирательныя записки имя консервативнаго депутата. Въ результатѣ—кровавыя столкновенія, убитые, тяжело раненые. Характерно вотъ что: польское коло въ старомъ парламентѣ было самымъ неподатливымъ врагомъ избирательной реформы и уступило правительству только тогда, когда полякамъ дали—вопреки всякой справедливости — вдвое слишкомъ болѣе мандатовъ, чѣмъ руссинамъ, и кромѣ того декретировали для Галиціи пропорціональную систему выборовъ. Послѣдняя должна была служить для охраны интересовъ поляковъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ они въ меньшинствѣ. Придумана была сложная система выборовъ, которая повела къ тому, что чуть ли не во всѣхъ галицiйскихъ округахъ выборы пришлось повторять два и три раза. Духовнымъ отцомъ этой системы былъ „профессоръ"

Гломбинскій изъ Львова; эта злосчастная система, вѣроятно, и будетъ его единственнымъ вкладомъ въ науку, если не считать тѣ нѣсколько лаконическихъ фразъ, которыми онъ на чисто-гусарскій маперъ побилъ въ парламентѣ Маркса. Господину профессору не понравились ни одна изъ извѣстныхъ теперь 162 системъ пропорціональныхъ выборовъ, онъ непремѣнно долженъ былъ сочинять свою; вмѣсто столь успѣшнаго въ другихъ странахъ принципа Listenscrutinium'а, выборовъ по спискамъ, который состоитъ въ томъ, что каждый избиратель пишетъ на своей запискѣ нѣсколько именъ, онъ ввелъ ту же систему единоличныхъ выборовъ съ той лишь разницей, что на каждый такой округъ полагаются два мандата и второй депутатъ считается выбраннымъ, если получитъ больше четверти всѣхъ поданныхъ голосовъ. И что же? Результатъ этой доморощенной компиляціи оказался совершенно неожиданнымъ: польское меньшинство не только не получаетъ своего мандата, но, напротивъ, руссины вмѣсто одного получаютъ оба мандата! Въ польской прессѣ сыплются теперь возгласы негодованія противъ Гломбинскаго! Почтенный профессоръ не предвидѣлъ такого оборота дѣла. А случилось слѣдующее: въ округахъ, гдѣ руссины имѣютъ подавляющее большинство голосовъ, они не отдаютъ всѣхъ голосовъ одному своему кандидату, онъ получаетъ лишь столько голосовъ, сколько необходимо, чтобы онъ прошелъ, остальные руссинскіе голоса достаются второму руссинскому или дружественному руссинамъ кандидату, такъ что онъ попадаетъ на перебаллотировку, а на перебаллотировкѣ опять голосуютъ всѣ руссинскіе избиратели, и ставленникъ польскаго коло, конечно, проваливается самымъ безпощаднымъ образомъ... Теперь я съ разрѣшенія читателя опять сдѣлаю экскурсію въ область теоріи. Какимъ это образомъ возможно, что простая ариѳметическая ошибка въ состояніи такъ радикально измѣнить результатъ выборовъ? Что смотря по тому, какую принять систему подсчета, измѣняются соотношенія общественныхъ силъ? Значитъ, большинство и меньшинство не имманентные продукты эволюціи классовъ, а лишь отраженія нашихъ—sit venia verbo—апріорныхъ математическихъ комбинацій? Матеріалистическая концепція исторіи сводится такимъ образомъ на математическую, а понятіе числа, счета вѣдь самое, что ни-на есть, идеальное, формальное понятіе! Я ограничусь лишь постановкой вопроса. Если для васъ тайна, какъ вообще изъ сумманіи индивидуальныхъ голосовъ происходитъ общественное мнѣніе, или, выражаясь словами старика Блунчли, какъ изъ „воли всѣхъ" происходитъ „всеволя", то вѣдь тайна въ квадратѣ—эти математическія комбинаціи въ соціальной діагностикѣ. Jak się wszystko dziwnie pleci! Галиційскіе выборы являютъ еще одну интересную сторону. Здѣсь процвѣтаетъ Stimmenkauf, покупка голосовъ у избирателей за деньги; нѣкоторымъ кандидатамъ выборы обходятся по 100.000 гульденовъ. Въ нищихъ, убогихъ мѣстечкахъ Галиціи съ ихъ несчастнымъ еврейскимъ населеніемъ, питающимся чуть ли

не одной селедкой въ пятницу, эта купля голосовъ составляетъ значительный источникъ дохода, мѣстную индустрію, такъ сказать. Мнѣ пришлось разъ быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены во время избирательной кампаніи въ Галиціи; это было тогда, когда выбирали еще по старому закону, и торговыя палаты выбирали депутатовъ отдѣльно отъ населенія; я присутствовалъ на одномъ засѣданіи такой „izby handlowej". „Какъ,—возмущался одинъ ораторъ,—г-нъ NN. жертвуетъ 3.000 гульд. въ пользу нашего сиротскаго дома, онъ настоящій благодѣтель города, онъ вотъ уже у насъ три мѣсяца, и вы всѣ знаете, что онъ не жалѣетъ денегъ, что у него много заработали бѣдные жители города, мало того, онъ имѣетъ дѣла съ нашей торговой палатой, онъ обѣщаетъ ввести у насъ по сходной цѣнѣ электрическое освѣщеніе — и вы послѣ всего этого не желаете принять его кандидатуры! Я отказываюсь понять это, господа; я не знаю, какъ назвать такое поведеніе". Сказалъ и ушелъ, хлопнувъ дверью, галиційскій Катонъ. Здѣсь передъ нами аналогія подкупа. Но этотъ подкупъ не прячется, не боится столкновенія съ уголовнымъ уложеніемъ, это цѣлая политическая теорія. Нашъ Катонъ и не задумывается о томъ, что польза депутата должна сказаться лишь въ парламентѣ, онъ ждетъ отъ него немедленныхъ, осязательныхъ выгодъ, и въ этомъ смыслѣ врядъ ли можно назвать послѣднія подкупомъ. Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи самая отсталая и бѣдная страна Европы, Галиція, сошлась съ богатой и прогрессивной Америкой, гдѣ выборы тоже изъ средства дѣлаются цѣлью (см. Ostrogorski. La démocratie contemporaine et l'organisation des partis politiques).

Предыдущія строки были набросаны мною сейчасъ послѣ выборовъ. Тѣмъ временемъ произошли уже перебаллотировки, парламентъ открытъ и на сцену выступили новые характерные моменты, которыхъ я и коснусь въ этомъ постскриптумѣ.

Здѣсь теперь у всѣхъ на устахъ тактика соціалъ-демократовъ по отношенію къ коронѣ. Уже за нѣсколько дней до открытія вѣнскаго рейхсрата, въ Будапештѣ случилось нѣчто, не совсѣмъ обычное въ лѣтописяхъ исторіи. Когда Францъ-Іосифъ прибылъ въ столицу Венгріи для празднованія одного юбилея, на улицахъ, ведущихъ отъ вокзала ко дворцу, стояли шпалерами десятки тысячъ рабочихъ-соціалъ-демократовъ, которые, слѣдуя выраженному партіей девизу, собрались устроить овацію монарху. Это была не только манифестація въ пользу всеобщаго избирательнаго права, которое Францъ-Іосифъ по собственной иниціативѣ (послѣ доклада своего министра Кристоффи) рѣшилъ ввести въ Венгріи и за которое онъ вотъ уже два года ведетъ упорную борьбу съ правящей въ Венгріи олигархіей, это была также дань уваженія популярному королю. „Мы не кричали подобострастнаго ура,—читаемъ мы въ телеграммѣ, полученной вѣнской „Arbeiter-Zeitung",—но съ серьезнымъ и почтительнымъ видомъ снимали шапки

передъ монархомъ". При открытіи вѣнскаго рейхсрата, когда старѣйшій по возрасту депутатъ провозгласилъ ура за императора, всѣ 90 [1]) соціалистическихъ депутата вмѣстѣ съ остальными членами парламента поднялась со своихъ мѣстъ и выслушали это ура стоя. (Удалился изъ зала только одинъ депутатъ—шенеріанецъ Маликъ). Это, кажется, первый подобный фактъ въ исторіи европейскаго парламентаризма; какъ извѣстно, соціалъ-демократы въ такихъ случаяхъ всегда покидаютъ залъ засѣданій. На тронную рѣчь, которую императоръ произноситъ во дворцѣ съ покрытой головой, окруженный эрцгерцогами и магнатами съ большой помпой, тоже явились 11 соціалъ-демократовъ; партія предоставила это на усмотрѣніе каждаго изъ нихъ. Конечно, такой рѣдкій поворотъ въ сторону отъ партійныхъ традицій и, если хотите, принциповъ, вызвалъ оживленные толки. Особенно волнуются антисемиты, любимымъ конькомъ которыхъ всегда былъ „республиканизмъ" соціалъ-демократовъ; съ пѣной у рта газета Луэгера обрушивается на „соци", не переводя духа обвиняетъ ихъ и въ томъ, что они „заговорщики", и въ томъ, что они измѣнили рабочимъ, явившись во дворецъ въ безукоризненныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ—это, молъ, не рабочіе. Конечно, антисемитскимъ демагогамъ очень невыгодно, что у нихъ отнимается возможность парадировать въ роли защитниковъ любимаго монарха, и несомнѣнно, шагъ соціалъ-демократовъ сдѣланъ былъ, между прочими соображеніями, также и въ пику антисемитамъ. Вотъ что пишетъ органъ австрійской соціалъ-демократіи: „Антисемиты наши совсѣмъ потерялись, они обвиняютъ насъ въ томъ, что мы полиняли и въ томъ, что мы остались совершено тѣми же. И если бы у насъ было хоть малѣйшее сомнѣніе въ правильности нашего рѣшенія принять участіе въ торжественномъ открытіи рейхсрата, то плохо скрываемое бѣшенство нашихъ враговъ одно уже доказываетъ, что мы поступили, какъ слѣдуетъ. Но намъ не надо никакихъ такихъ доказательствъ. Если вообще не можетъ быть желательнымъ придавать преувеличенное значеніе вопросамъ этикета, то настоящій моментъ, когда впервые собрался парламентъ всеобщаго и пр. избирательнаго права, совсѣмъ онъ не годится для оппозиціонныхъ демонстрацій, это ясно. Мы вступаемъ въ новый народный домъ съ твердой волей добиться для представителей пролетаріата того вліянія, которое полагается имъ по ихъ численности, мы завоевали себѣ этотъ парламентъ своей кровью и вовсе не склонны позволить нашимъ противникамъ поставить насъ въ изолированное положеніе. Къ тому же нашему чувству противорѣчитъ выбрать этотъ моментъ для демонстраціи, которую можно было бы толковать, какъ направленную противъ особы императора, выступаю-

[1]) Мой приблизительный подсчетъ передъ баллотировками оказался вѣрнымъ: выбрано 87 соціалъ-демократовъ и 3 «вольныхъ соціалиста». По числу голосовъ, полученныхъ соціалъ-демократами (1.041.948 изъ 4.599.168), они должны были бы имѣть 116 мандатовъ.

щаго въ Венгріи и Австріи за равное право. Историческая противоположность между монархическимъ и демократическимъ принципомъ будетъ разрѣшена не на почвѣ церемоніала... Пусть наши противники успокоятся; какъ это имъ ни непріятно, соціалъ-демократія всегда будетъ поступать такъ, какъ требуетъ отъ нея разумъ, тактъ и ея достоинство". Тронная рѣчь, съ своей стороны, вполнѣ отвѣчала составу новаго, народнаго парламента. Въ ней на каждомъ шагу просвѣчиваетъ сознаніе, что всеобщее и пр. избирательное право является могучимъ шагомъ впередъ, который создастъ обновленную Австрію; престарѣлый императоръ съ умысломъ приводитъ эту реформу въ связь съ освобожденіемъ крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей, которое произошло въ самомъ началѣ его царствованія. „Arbeiter-Zeitung" называетъ эту тронную рѣчь историческимъ документомъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ подробнѣе остановиться на содержаніи тронной рѣчи. Она вся посвящена соціальнымъ реформамъ; первымъ дѣломъ говорится о страхованіи отъ старости и болѣзни, реформѣ, необходимой, „чтобы завершить это дѣло человѣколюбія и общественной справедливости", затѣмъ о страхованіи рабочихъ вообще, о фабричномъ законодательствѣ на почвѣ результатовъ прошлогодней Бернской конференціи, далѣе объ облегченіи кредита для ремесленниковъ и крестьянъ, о горнорабочихъ, о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, о поднятіи уровня народныхъ учителей, учрежденіи новыхъ ремесленныхъ и коммерческихъ школъ, о финансахъ, о просмотрѣ гражданскаго уложенія и пр. Конечно, все это только болѣе или менѣе платоническія пожеланія, но ut desint vires, tamen est laudanda voluntas! Утомленная многолѣтней безплодной обструкціей, обновленная Австрія съ восторгомъ бросается на путь политической работы и соціальнаго законодательства. Крупнѣйшія партіи парламента состоятъ теперь изъ представителей рабочихъ и мелкой буржуазіи, экономическіе вопросы будутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, стоять на первомъ планѣ. На митингахъ д-ръ Адлеръ и другіе депутаты-соціалъ-демократы подчеркиваютъ необходимость положительной постепенной работы. „Мы будемъ умѣрены, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — но вы не бойтесь этого слова, это только слово!" Для австрійской соціалъ-демократіи характерно что она претендуетъ для себя на мѣсто вице-президента палаты, которое, вѣроятно, и получитъ. Это тоже уникумъ въ новѣйшей исторіи. Въ этомъ отношеніи—какая рѣзкая разница между австрійской соціалъ-демократіей и ея старшей сестрой, германской соціалъ-демократіей! Если обстрагировать отъ другихъ причинъ, мы должны объяснить ее лежащимъ въ характерѣ сѣверныхъ нѣмцевъ педантизмомъ, съ другой стороны—экспансивностью австрійцевъ, на которыхъ сильно дѣйствуетъ личность Франца-Іосифа. Но—мы настаиваемъ на этомъ—въ этой столь замѣчательной констелляціи отношеній между австрійской соціалъ-демократіей и короной гораздо характернѣе и важнѣе роль короны, нежели поведеніе соціалъ-демократической

партіи. Послѣдняя поступилась всего нѣкоторыми оттѣнками, на почвѣ принциповъ она ничѣмъ не отличается отъ германской партіи, тогда какъ носитель австрійской короны во-истину могъ бы послужить примѣромъ многимъ своимъ коронованнымъ собратьямъ. Этотъ человѣкъ, набожный католикъ, ежегодно платящій изъ собственныхъ суммъ милліонъ папѣ, относится къ исполненію своихъ конституціонныхъ обязанностей съ чисто-религіозной глубиной и серьезностью; его присяга конституціи является для него святой вещью, и въ столь сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ къ Венгріи, напримѣръ, онъ ни на іоту не нарушилъ своихъ прерогативъ, тщательно остается на почвѣ закона и конституціи. Это, а не только его личная жизнь, полная поэзіи и трагизма, создала ему его популярность. Не могу не напомнить здѣсь того факта, что Францъ-Іосифъ вернулъ изъ Константинополя останки Кошута, злѣйшаго врага Габсбурговъ, объявившаго въ 1848 г. династію низложенной и чуть не отнявшаго у нея навсегда Венгрію; сынъ Кошута теперь министръ Францъ-Іосифа. Карлъ Каутскій, говоря въ „Neue Zeit" объ австрійской избирательной реформѣ, совершенно умолчалъ о заслугахъ короны въ дѣлѣ проведенія ея, и надо признаться, наша „Рѣчь" была вполнѣ права, упрекая его въ прямолинейности и тенденціозности. Только благодаря вмѣшательству короны, палата господъ вотировала реформу, причемъ это вмѣшательство не перешло предѣловъ, дозволенныхъ конституціей. Въ Австріи вліяніе короны все еще очень сильно, и Францъ-Іосифъ можетъ служить не только отрицательнымъ примѣромъ того, какимъ не долженъ быть монархъ, но также положительнымъ образцомъ конституціоннаго правителя: въ Австро-Венгріи съ ея національной рознью, съ ея сильной феодальной аристократіей и вожделѣніями нѣмецкаго и венгерскаго меньшинства, государственный хаосъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и, однако, носитель австрійской короны, несмотря на представлявшееся на каждомъ шагу искушеніе, несмотря на то, что онъ могъ разсчитывать на одобреніе заинтересованныхъ сторонъ, не прибѣгнулъ къ государственному перевороту, онъ далекъ отъ мысли объ этомъ, и министръ Бадени, проведшій въ 1897 г. съ обходомъ парламентскаго дѣлопроизводства законъ о допущеніи полиціи въ парламентъ и свергнутый черезъ 3 дня народной бурей, впалъ съ тѣхъ поръ въ немилость у императора и не являлся болѣе ко двору. Францъ-Іосифъ нашелъ другой путь для оздоровленія государственнаго механизма: всеобщее избирательное право.

Коснемся еще вопроса о составѣ новаго парламента. Въ немъ насчитывается—horribile dictu—36 партій. Въ русскихъ газетахъ читателю иногда преподносятъ всѣхъ этихъ „нѣмецкихъ прогрессистовъ", „нѣмецкихъ народниковъ", „нѣмецкихъ конституціоналистовъ", „всѣхнѣмцевъ", „свободныхъ всѣхнѣмцевъ" и т. д. Пусть читатель не ждетъ отъ меня объясненія характера этихъ партій; я достаточно долго жилъ въ Австріи

и все же, признаюсь, не могу найти серьезной разницы между ними. Эта расщепленность партій должна быть отнесена на счетъ анекдотичности, какъ мы выразились выше, стараго парламента, она не имѣетъ соціальной подкладки, и въ новомъ парламентѣ уже намѣтилась эволюція въ сторону сплоченія всѣхъ буржуазныхъ партій передъ лицомъ общаго врага. На перебаллотировкахъ луэгеріанцы провели, напримѣръ, пресловутаго Вольфа, котораго они же осыпали самой площадной бранью въ старомъ парламентѣ, какъ главу т. н. Los-von-Rom-Bewegung (эманципація отъ Рима); это былъ настоящій „Monsterverband", какъ называли въ Голландіи союзъ католиковъ и антиреволюціонныхъ кальвинистовъ, находившійся у власти въ 1888—1891 гг. Точно такъ же, уже послѣ перебаллотировокъ, нѣмецкіе „прогрессисты" и „народники" соединились съ луэгеріанцами, которые вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ 31 нѣмецкимъ клерикаломъ являются теперь самой крупной нѣмецкой партіей (100 человѣкъ). Этотъ компромиссъ встрѣчаетъ, однако, сильную оппозицію; на экономической и національной почвѣ онъ вполнѣ понятенъ, но клерикализмъ луэгеріанцевъ является загвоздкой; тѣмъ не менѣе, президентомъ палаты, вѣроятно, будетъ выбранъ ставленникъ луэгеріанцевъ, какъ результатъ этого Monsterverband'а. По всѣмъ видимостямъ, новый парламентъ, отрекшись отъ демагогіи прежняго „анекдотическаго" парламента, побѣдивши ее, будетъ работать подъ знакомъ экономическихъ, классовыхъ интересовъ. Относительно калейдоскопической пестроты состава парламента и намѣчаемаго сплоченія въ классовыя партіи я приведу здѣсь мысль Шмоллера изъ его статьи въ вѣнской „Neue Freie Presse" (3-го и 4-го апрѣля 1907 г.): „Парламентское министерство, — говоритъ онъ, причемъ понимаетъ подъ этимъ министерство, вышедшее изъ среды парламента въ отличіе отъ т. наз. министерства чиновниковъ,—предполагаетъ наличность двухъ партій или блоковъ партій, охватывающихъ 80—95% всего состава парламента... Такъ въ Англіи чередованіе двухъ аристократическихъ кликъ (тори и виги) сдѣлало возможнымъ сносное, иногда даже отличное правительство. Недаромъ англійская поговорка гласитъ: мы имѣемъ парламентскихъ министровъ цѣною монархически-дисциплинированныхъ партій... Что касается континентальныхъ партій, то, наоборотъ, словно сыпучій песокъ на дюнахъ, онѣ никогда не повинуются своимъ вождямъ такъ, какъ англійскія партіи... оттого, здѣсь такъ часто зрѣлище, что самыя различныя партіи образуютъ коалиціи для сверженія министерства. Съ другой стороны,—продолжаетъ Шмоллеръ,—наши парламентскія партіи ужъ слишкомъ переспѣлы: онѣ же не чисто-политическія партіи, а только такія партіи могутъ претендовать на министерскія кресла; онѣ все больше становятся классовыми и церковными организаціями... Если не ошибаюсь, Гнейсту принадлежатъ слова, что парламентская смѣна министровъ возможна только во времена, когда нѣтъ на-лицо борьбы

классовъ... У насъ теперь все такія партіи, которыя, очутись онѣ у власти, явились бы опасностью для общественнаго блага". Я, конечно, не берусь спорить съ маститымъ профессоромъ, въ особенности въ рамкахъ фельетонной статьи; однако, не могу не указать на то, что мнѣніе Шмоллера и Гнейста не подтверждается современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Австріи, гдѣ мы имѣемъ теперь яркій примѣръ эволюціи политическихъ партій (если понимать подъ національными партіями партіи политическія) въ классовыя. Именно старый парламентъ былъ настоящимъ *luogo di traffico*, каждая партія готова была продать государство за чечевичную похлебку то автономіи для Галиціи, то чешскаго университета для Ольмюца, то какой-нибудь мѣстной желѣзной дороги въ Далмаціи и т. д. Тогда какъ новый парламентъ, какъ видно уже изъ тронной рѣчи, изъ партійной прессы, изъ парламентскихъ настроеній, одушевленъ крупными, общегосударственными задачами. Зато подтверждается крайне содержательное указаніе Шмоллера на „систему двухъ партій": нынѣшнее австрійское министерство взято изъ представителей главныхъ парламентскихъ партій. Характернѣйшій примѣръ „партій словно сыпучій песокъ на дюнахъ" представляютъ „свободные всѣхнѣмцы",—партія Вольфа; эти величайшіе задиралы въ рейхсратѣ, говорящіе отъ лица всей націи и свергавшіе министерства, получили всего 71.644 голоса (на 4.599.168 всего поданныхъ голосовъ), стоятъ на 18-мъ мѣстѣ въ числѣ всѣхъ другихъ партій, а между тѣмъ имъ и теперь еще удалось заставить плясать по своей дудкѣ всѣ нѣмецкія буржуазныя партіи, они настояли на недопущеніи въ обще-нѣмецкій клубъ трехъ вѣнскихъ депутатовъ-либераловъ, ненавистныхъ имъ потому, что они выбраны съ помощью соціалъ-демократовъ. Я приведу еще нѣсколько цифръ для характеристики новаго парламента:

Клубы.	Число получ. голос.	и мандатовъ.
Соціалъ-демократическій	1.041.948	87
Луэгеріанцы и клерикалы	722.314	100
Чешскій	600.909	83
Руссинскій	562.142	30
Польскій	395.630	54
Нѣмецкій	292.703	47

Приведу еще слѣдующій подсчетъ:

Соціалъ-демократы	1.041.948 гол.	22,7%
Клерикалы всѣхъ націй	1.336.777 „	29%
„Другія буржуазныя партіи"	2.077.458 „	45,3%
Расщеплено	142.985 „	3%

Изъ первой таблицы явствуетъ, что избирательная геометрія радикальнѣйшимъ образомъ измѣняетъ отношеніе большинства и меньшинства, и что славянское большинство искусственно приравнено къ нѣмецкому меньшинству парламента; изъ второй—что клерикальная идея не будетъ болѣе имѣть гегемоніи въ новомъ парламентѣ.

Интересенъ также слѣдующій подсчетъ: клерикальныхъ голосовъ подано изъ

славянскихъ	59%
кроатскихъ	46%
нѣмецкихъ	39%

Австрійскіе братушки оказываются, такимъ образомъ, главнымъ оплотомъ католической церкви въ Австріи. Любопытно, что въ Галиціи самые закоренѣлые реакціонеры—юнкеры, являющіеся въ парламентѣ ближайшими союзниками луэгеріанцевъ, выбраны, главнымъ образомъ, евреями и въ городахъ, тогда какъ радикалы проходили здѣсь большей частью въ деревняхъ; объясняется это тѣмъ, что галиційскія власти имѣютъ болѣе способовъ воздѣйствія на евреевъ-горожанъ и терроризируютъ ихъ.

Подведемъ резюме. Выборы въ парламентъ происходили не подъ знакомъ классовой борьбы, а подъ знакомъ очищенія политической атмосферы отъ затемняющей ее демагогіи. Тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, именно благодаря этой причинѣ, новый парламентъ, по всѣмъ видимостямъ, будетъ состоять изъ крупныхъ, серьезныхъ партій, построенныхъ на классовой основѣ. Съ одной стороны, соціалъ-демократы, съ другой—луэгеріанцы и пиставшіе къ нимъ тирольскіе клерикалы и нѣмецкіе либералы. Консерваторы и буржуазія другихъ націй (польское коло) уже открыто заявили о своемъ тяготѣніи къ луэгеріанцамъ. Національный вопросъ отступилъ на задній планъ передъ экономическимъ, поляки поддерживаютъ кандидатуру луэгеріанца Вайскирхнера въ президенты палаты, а не чеха Зачека, хотя славяне имѣютъ большинство въ палатѣ. Открытымъ остается вопросъ, сумѣютъ ли луэгеріанцы примирить экономическіе интересы буржуазіи, мѣщанства, крестьянъ и помѣщиковъ, представленные въ ихъ партіи. Первоначально они выступали въ качествѣ экономической опозиціи мѣщанства, затѣмъ стали партіей консервативно-клерикальной par excellence. Однако, время отъ времени они должны были кое-что предпринимать для т. н. Kleinen Mann, и недавно еще улицы Вѣны были свидѣтельницами характерныхъ циническихъ демонстрацій лавочниковъ противъ потребительныхъ ассоціацій. Въ Австріи еще силенъ цеховой духъ, и интересы мѣщанства трудно согласовать съ интересами буржуазіи и аграріевъ; до сихъ поръ луэгеріанцы дѣлали это не на экономической почвѣ, а на почвѣ антагонизма съ соціалъ-демократіей, хотя послѣдняя является главнымъ образомъ партіей экономической. На первомъ планѣ въ этой борьбѣ стояла идеологія, слова. Помните, читатель, въ какой-то битвѣ римлянъ съ африканцами легіонеры испугались львовъ и подались было назадъ; тогда римскій полководецъ крикнулъ: „Солдаты, неужели вы испугались этихъ африканскихъ собакъ?", и воины его ринулись впередъ и побѣдили. Назовите льва собакой—и вы перемѣшаете политическія карты; на эту „надстройку" главъ не обращаютъ, къ сожалѣнію, должнаго вниманія.

Капелюшъ.

Журнальное обозрѣніе.

(XVI сборникъ товарищества „Знаніе“.—«Современный міръ“—апрѣль 1907 г.—„Русская мысль“—апрѣль 1907 г.—„Русское Богатство“—мартъ 1907 г.).

I.

Недобрая слава одного изъ учениковъ Христовыхъ, Іуды,—слава предателя, послужила Л. Андрееву темой для художественной разработки въ его новомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ XVI сб. „Знанія“, подъ заглавіемъ „Іуда Искаріотъ и другіе“.

Страшно самое имя Іуды, и Л. Андреевъ ставитъ рядомъ съ этимъ именемъ имена всѣхъ учениковъ, близко стоявшихъ къ Іисусу, подъ общимъ названіемъ: „и другіе“, и уже однимъ этимъ какъ бы бросаетъ всѣмъ то обвиненіе, которое долгое время тяжко лежало надъ однимъ и выдѣляло его мрачную фигуру, какъ совершившаго одно изъ тѣхъ дѣлъ человѣческихъ, которое не по силамъ одному человѣку.

Не по силамъ одному—вотъ почему.

У Іисуса было много враговъ, которые не только ненавидили Его, но, быть можетъ, даже боялись, и рѣшили убить Его.

Но когда враги Іисуса рѣшились на убійство, они стали искать возможность привести свое рѣшеніе въ исполненіе не тайно, но открыто, на глазахъ у всѣхъ. Для того же, чтобы совершить это дѣло, т. е. совершить убійство открыто и безпрепятственно, нужно было одно условіе—попустительство всѣхъ людей, на глазахъ которыхъ долженъ былъ совершаться актъ казни-убійства.

Враги Іисуса сами могли обвинить Его,—и обвинили, они могли осудить Его,—и осудили; они могли совершить убійство,—и на это они были готовы. Все это они могли сдѣлать: это было ихъ желаніемъ, и въ этомъ осуществлялась ихъ власть,—но ни сами они, и никто, не могли, если бы и хотѣли, создать такія условія, при которыхъ всѣ тѣ люди, на глазахъ которыхъ должно было совершиться задуманное злодѣйство, отнеслись бы къ нему настолько равнодушно и безучастно, чтобы они

безпрепятственно могли довести до конца начатое. Такое равнодушіе и не могло и не можетъ быть никѣмъ вселено въ людей, если бы оно не было присуще имъ самимъ.

Убили Іисуса враги его. Но большая часть людей, чуждыхъ какъ самому Іисусу, такъ и врагамъ Его,—все то огромное большинство людей, которое всегда является въ качествѣ зрителей драмы, это огромное большинство людей, вовсе ни принимавшихъ никакого участія, какъ въ самомъ осужденіи Іисуса, такъ и въ Его смерти,—явилось той сферой, въ средѣ которой дѣло это стало вполнѣ возможнымъ, и какъ возможное, оно стало совершившимся фактомъ. Все это „большинство" какъ по отношенію къ Іисусу, такъ и по отношенію къ преслѣдовавшимъ Его врагамъ, и было предателемъ.

Іуда же—или почти не былъ предателемъ, или и вовсе не былъ имъ. Онъ былъ убійцей Іисуса.

Если бы въ одномъ домѣ было нѣсколько жильцовъ, и если бы у кого-либо изъ жильцовъ нашлись враги, которые хотѣли убить этого жильца, и лишь не знали бы, какъ пройти въ домъ и найти тамъ свою жертву,—если бы эти враги ворвались въ домъ въ сопровожденіи одного изъ жильцовъ, который указалъ бы имъ среди всѣхъ другихъ того, кого хотѣли убить разбойники, и разбойники стали бы душить того человѣка на глазахъ у всѣхъ остальныхъ людей, и душили бы его до тѣхъ поръ, пока не убили, то развѣ тотъ, кто указалъ путь разбойникамъ,—предатель? Нѣтъ. Онъ такой же убійца, какъ и тотъ, кто душилъ жертву своими руками; и такой же врагъ его, какъ и всякій, кто готовился совершить преступленіе.

Тотъ, кто пришелъ съ разбойниками,—самъ разбойникъ.

А всѣ остальные жильцы дома, которые не хотѣли убійства и могли бы помѣшать ему, но не мѣшали, тѣ—попустители и предатели.

Распяли Іисуса не только потому, что были враги, которые хотѣли смерти Его, но еще и потому, что оказалось возможнымъ совершить это преступленіе не по одному тому, что среди людей, близко стоявшихъ къ Іисусу, былъ также и его врагъ, а еще и потому, что всѣ остальные люди не мѣшали, не препятствовали тому, что происходило. Іисусъ, какъ и мы теперь, жилъ въ мірѣ попустительства и предательства.

И когда Іисусъ былъ распятъ и умеръ, когда совершилось непоправимое дѣло, на которое смерть наложила свою вѣчную печать, всѣ люди,—и тѣ, которые близко знали Іисуса, и тѣ, которые были Ему людьми совершенно посторонними, но не были его врагами, и не желавшіе Его смерти,—всѣ ужаснулись тому, что произошло, ибо совершилось на ихъ глазахъ то, чего они не желали и не могли желать, но что, благодаря ихъ попустительству, произошло и уже было непоправимо; тогда люди

смутно почувствовали отвращеніе и ужасъ передъ своимъ предательствомъ, результатомъ котораго явилась ненужная имъ ужасная смерть.

Тогда, по свойственному каждому человѣку желанію сознавать себя правымъ, люди, чтобы оправдать самихъ себя въ своемъ попустительствѣ, стали искать виновнаго, на котораго можно было бы сложить всю тяжесть того, въ чемъ былъ повиненъ каждый. И, конечно, общій голосъ не замедлитъ указать того, кого *можно* было бы осудить. И обвинили Іуду. Какъ будто при казни, совершенной надъ Іисусомъ, присутствовалъ только одинъ Іуда, и какъ будто отъ одного только Іуды зависѣла возможность распятія Іисуса врагами Его.

Враги Іисуса повинны въ томъ, что они хотѣли убить Его. Они повинны также и въ томъ, что привели свое желаніе въ исполненіе. Они повинны въ томъ, что воспользовались для своей цѣли вмѣшательствомъ Іуды. Іуда повиненъ въ томъ, что принялъ участіе въ дѣлѣ враговъ Іисуса. Но въ томъ, что всѣ враги Іисуса,—всѣ его противники, судьи, свидѣтели, палачи, ихъ слуги, помощники и сообщники,—что всѣ эти люди могли дѣлать свое дѣло безпрепятственно, въ этомъ повинны всѣ безъ исключенія люди, которые оставались равнодушны къ совершавшемуся на ихъ глазахъ,—они попустители и предатели.

Люди всю тяжесть своей всеобщей вины сложили на одного человѣка, не подумавъ о томъ, что одинъ человѣкъ и не могъ совершить того, въ чемъ обвиняли его. И осталось въ памяти людей имя Іуды въ черномъ ореолѣ того тяжкаго и ужаснаго преступленія, которое тяготѣетъ надъ всѣми людьми.

То, что совершилъ Іуда,—было ужасно. Но то, что совершили всѣ другіе,—еще ужаснѣе. Іуда не пережилъ того, что было имъ сдѣлано, покончивъ жизнь самоубійствомъ. Люди пережили все, что они сдѣлали, и, переживъ, отреклись отъ своего преступленія, обвинивъ въ немъ одного Іуду. И сложился въ сознаніи людей образъ предателя, и съ этимъ ужаснымъ образомъ связано имя Іуды, имя одного человѣка, будто и вправду одинъ могъ совершить то, что совершалось всѣми людьми безъ изъятія.

И если можно сомнѣваться относительно того, играли ли какую-нибудь роль 30 серебренниковъ въ томъ участіи, какое принималъ Іуда при преданіи Іисуса,—то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ люди, на глазахъ которыхъ происходили судъ и казнь Іисуса, не принимали въ этомъ дѣлѣ участія именно потому, что каждый охранялъ свои 30 серебренниковъ или даже и меньше того. Всѣ были виновны въ этихъ серебренникахъ, но, желая видѣть себя правыми, осудили одного.

Такова, въ общемъ, мысль, которую проводитъ Л. Андреевъ въ своемъ разсказѣ „Іуда Искаріотъ и другіе". Не одинъ Іуда былъ предателемъ, но также и другіе. Мысль эта ярко выражена авторомъ въ послѣдней бесѣдѣ Іуды съ учениками Іисуса, происходившей послѣ совершившейся казни.

Явившись къ ученикамъ и выждавъ мгновенье, когда улеглось волненіе нежданной встрѣчи, „Іуда громко воскликнулъ:

— Радуйтесь глаза Іуды изъ Каріота! Холодныхъ убійцъ вы видѣли сейчасъ,—и вотъ уже трусливые предатели предъ вами! Гдѣ Іисусъ? Я васъ спрашиваю: гдѣ Іисусъ?"

И Іуда съ упрекомъ, и даже больше того,—съ глумленіемъ, сталъ обличать учениковъ въ томъ, что никто изъ нихъ ничего не сдѣлалъ въ защиту своего Учителя, ни тогда, когда Его судили, ни тогда, когда Его распинали на деревѣ.

— „Молчи!—крикнулъ Іоаннъ, поднимаясь.—Онъ самъ хотѣлъ этой жертвы.

И жертва Его прекрасна!"

— „Развѣ есть прекрасная жертва? Что ты говоришь, любимый ученикъ? Гдѣ жертва, тамъ и палачъ, и предатели тамъ! Жертва—это страданія для одного и позоръ для всѣхъ. Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотрятъ на нее сверху и снизу, и хохочутъ и кричатъ: посмотрите на эту землю, на ней распяли Іисуса! И плюютъ на нее, какъ я!

Іуда гнѣвно плюнулъ на землю.

— Онъ весь грѣхъ взялъ на Себя. Его жертва прекрасна!—настаивалъ Іоаннъ.

— Нѣтъ, вы на себя взяли весь грѣхъ. Любимый ученикъ! Развѣ не отъ тебя начнется родъ предателей, порода малодушныхъ и лжецовъ? Слѣпцы, что сдѣлали вы съ землею? Вы погубить ее захотѣли, вы скоро будете цѣловать крестъ, на которомъ вы распяли Іисуса! Такъ, такъ—цѣловать крестъ обѣщаетъ вамъ Іуда!"

Въ этихъ, и въ другихъ рѣчахъ Іуды, при его послѣднемъ свиданіи съ учениками, авторъ и проводитъ ту основную мысль своего разсказа, что не одинъ Іуда былъ повиненъ въ предательствѣ Іисуса, но и другіе.

Но эта мысль разсказа тонетъ и расплывается въ обиліи красокъ, которыми Андреевъ рисуетъ образъ самого Іуды.

Лицо Іуды въ изображеніи Андреева является чѣмъ-то въ высшей степени неопредѣленнымъ, несмотря на то, что весь разсказъ, главнымъ образомъ, построенъ на личности Іуды. Іисусъ въ разсказѣ Андреева не играетъ почти никакой роли,—онъ все время остается какъ бы за кулисами. Ученики тоже очерчены очень слабо, и появляются только тогда, когда художнику нужно освѣтить какую-нибудь рѣзкую черту характера главнаго дѣйствующаго лица разсказа—Іуды. И несмотря на это, все-таки фигура Іуды выдѣляется между учениками Іисуса темнымъ силуэтомъ вовсе не сливающимся съ общимъ колоритомъ всей картины. Фигура Іуды бросается въ глаза чернымъ пятномъ, очертанія котораго и рѣзки, и сильны, но вовсе не передаютъ того внутренняго, психологическаго склада,

которымъ Іуда отличался отъ всѣхъ другихъ окружавшихъ его лицъ, среди которыхъ нарождалась и развивалась ужасная драма этого человѣка.

Многое художникомъ вовсе недосказано, и то, что должно было дать образъ, остается только намекомъ на этотъ образъ, и потому или совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія, или же оставляетъ чувство внутренняго раздвоенія: показано не то, что хотѣлъ показать художникъ.

Въ самомъ началѣ разсказа Андреевъ говоритъ о томъ, что Іуда, вообще, пользовался недоброю славой среди всѣхъ, кто его зналъ и болѣе или менѣе близко сталкивался съ этимъ человѣкомъ. Но и самъ Андреевъ говоритъ объ Іудѣ только то, чѣмъ вообще людская молва надѣляетъ человѣка, не заслужившаго ея симпатій.

Обвиняли Іуду въ томъ, что онъ всегда былъ лживъ; что онъ былъ человѣкъ злой; что онъ былъ воръ; и что онъ никого не любилъ, не имѣлъ друзей, и ни съ кѣмъ и ни въ чемъ никогда не былъ искреннимъ. Все это понятія, довольно растяжимыя, и не подтвержденныя никакими фактами, они вовсе не рисуютъ индивидуальность такою, какой она является въ жизни, а не въ устахъ массы, привычной осуждать и порицать всякаго, кто чѣмъ-либо привлекъ ея вниманіе.

Передавая, что могли говорить и думать относительно Іуды всѣ окружавшіе его, Андреевъ въ то же время рисуетъ ту черту характера Іуды, которая и выдѣляетъ его среди другихъ лицъ, появляющихся въ разсказѣ,— иронію Іуды.

Случай, когда въ одномъ изъ селеній Іисусъ и его ученики, встрѣченные враждебно, избавились отъ опасности только благодаря тому, что Іуда вызвалъ въ толпѣ смѣхъ своими униженными кривляніями, даетъ поводъ злобно иронизировать надъ всѣми, когда онъ, догнавъ въ полѣ учениковъ, былъ встрѣченъ ими холодно и сурово.

— „Ты хочешь видѣть глупцовъ?—сказалъ онъ Ѳомѣ, задумчиво шедшему сзади.—Посмотри: вотъ идутъ они по дорогѣ, кучкой, какъ стадо барановъ, и подымаютъ пыль. А ты умный, Ѳома, плетешься сзади; а я, благородный, прекрасный Іуда, плетусь сзади, какъ грязный рабъ, которому не мѣсто рядомъ съ господиномъ“.

Ѳома упрекнулъ Іуду въ томъ, что онъ лгалъ и притворялся.—„Теперь я вѣрю, что отецъ твой—дьяволъ,—сказалъ Ѳома,—это онъ научилъ тебя, Іуда“.

— „Значитъ, дьяволъ научилъ меня? Такъ, такъ, Ѳома. А я спасъ Іисуса? Значитъ, дьяволъ любитъ Іисуса, значитъ, дьяволу нужны Іисусъ и правда? Такъ, такъ, Ѳома. Но вѣдь мой отецъ не дьяволъ, а козелъ. Можетъ, и козлу нуженъ Іисусъ? Хе? А вамъ Онъ не нуженъ, нѣтъ? И правда не нужна?“

Но всѣ эти слова, какъ и многое другое, что говоритъ Іуда, не даютъ

опредѣленнаго понятія о внутреннихъ переживаніяхъ, какими вызываются эти рѣчи; и объ этихъ-то переживаніяхъ авторъ и не говоритъ ничего ни въ одномъ мѣстѣ своего разсказа. Іуда отсталъ отъ учениковъ, спустился въ оврагъ, выбралъ уединенное мѣсто, сѣлъ, прислонился усталою головою къ сѣрому камню и тяжело задумался. Въ эту ночь онъ не вернулся на ночлегъ,—а о чемъ онъ думалъ и что пережилъ въ эту ночь—объ этомъ авторъ не говоритъ ни слова. А сколько было приготовленій къ этому моменту и какъ драгоцѣнна была бы разгадка этихъ одинокихъ думъ Іуды Искаріота-предателя.

Однажды Іуда былъ уличенъ въ томъ, что утаилъ часть общихъ денегъ. Ученики были возмущены. Но Іисусъ сказалъ, что всѣ деньги принадлежатъ такъ же и Іудѣ, какъ и каждому изъ нихъ; и что Іуда всегда можетъ брать, какъ и всякій, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, столько, сколько ему нужно. Ученики тотчасъ примирились съ Іудой, цѣлуя его и прося прощенія, что обидѣли его.

Ѳома не сразу согласился примириться съ Іудой; и когда подошелъ къ нему съ обычнымъ извиненіемъ только къ концу дня, Іуда встрѣтилъ его извиненіе со своею всегдашней ироніей.

— „И это столько времени тебѣ понадобилось, чтобы повторить только Его слова? Не дорожишь же ты временемъ, умный Ѳома“.

Въ этихъ словахъ, и въ томъ, что онъ попросилъ Ѳому провѣрить въ ящикѣ деньги,—насмѣшка надъ Ѳомой, надъ его медлительностью и, быть можетъ, ограниченностью сужденій, но въ нихъ не видно ни того, какъ смотрѣлъ самъ Іуда на свой поступокъ: считалъ ли онъ себя воромъ, или нѣтъ; ни того, какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе ко всему случившемуся. Закончилъ Іуда свое объясненіе съ Ѳомою почти весело, со смѣхомъ назвавъ самого себя „крюкомъ, на который вывѣшиваетъ для просушки—Іоаннъ—свою отсырѣвшую добродѣтель, Ѳома—свой умъ, поѣденный молью“.

Іудѣ былъ порученъ денежный ящикъ; на немъ же лежали всѣ хозяйственныя заботы; и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Іуда могъ быть заподозрѣнъ и даже уличенъ въ неправильномъ расходованіи, и въ кражѣ денегъ, какъ могутъ быть подозрѣваемы и уличаемы въ этомъ всѣ расходчики въ мірѣ,—тѣмъ болѣе, что Іуда велъ хозяйство безотчетно. Случай этотъ, конечно, весьма непріятный,—но, будучи не столько трагическаго, сколько юмористическаго свойства, врядъ ли могъ имѣть какое-нибудь рѣшающее значеніе въ жизни такого человѣка, какимъ является въ разсказѣ Андреева Іуда,—всегда откровенно-лживый, злобно-насмѣшливый.

Какъ подѣйствовалъ на Іуду весь этотъ инцидентъ съ 3-мя динаріями, неизвѣстно. Былъ ли онъ оскорбленъ поведеніемъ своихъ товарищей; обозлился ли онъ на нихъ за ихъ поцѣлуи вслѣдъ за тѣмъ, какъ они сами же называли его воромъ; подѣйствовало ли на него то участіе,

которое принялъ въ этой исторіи Іисусъ,—все это въ разсказѣ Андреева не находитъ никакого освѣщенія.

Такимъ образомъ и самая перемѣна въ характерѣ Іуды, замѣченная вскорѣ послѣ этого всѣми учениками и выразившаяся въ томъ, что „на людяхъ пересталъ онъ говорить дурное и больше молчалъ, такъ что самъ строгій Матвѣй счелъ возможнымъ похвалить его, сказавъ словами Соломона:—Скудоумный высказываетъ презрѣніе къ ближнему своему, но разумный человѣкъ молчитъ",—не понятна.

Эта перемѣна ничего не говоритъ о характерѣ Іуды, и ни съ какой стороны не рисуетъ его индивидуальной личности, ибо это внезапное молчаніе ничѣмъ не обосновано и не изъ чего не вытекаетъ. Если кто и оставался совершенно равнодушенъ къ курьезу съ 3-мя динаріями, то это именно самъ Іуда; и вся эта исторія тронула его во всѣхъ отношеніяхъ меньше, чѣмъ кого бы то ни было изъ всѣхъ его товарищей; однако же, каждый остался тѣмъ, кѣмъ былъ и прежде, а измѣнился одинъ Іуда. Здѣсь чутье художника измѣнило Андрееву, какъ измѣнило оно ему и во многихъ другихъ отвѣтственныхъ мѣстахъ разсказа.

„Только однажды Іуда какъ-то особенно рѣзко и странно напомнилъ прежняго Іуду, и произошло это какъ разъ во время спора о первенствѣ въ царствіи небесномъ",—говоритъ авторъ. Спорили Петръ и Іоаннъ. И тому, и другому, на ихъ вопросы о первенствѣ, каждому порознь Іуда какъ-то высказался въ ихъ пользу. И вотъ, возобновивъ споръ въ присутствіи Іисуса, оба ученика разомъ призвали Іуду разрѣшить ихъ споръ; весьма понятно, что какъ Петръ, такъ и Іоаннъ, оба одинаково надѣялись, что Іуда выскажется въ ихъ пользу. Но оба спорившіе были обмануты въ своихъ надеждахъ на правый судъ Іуды, ибо сей послѣдній, когда къ нему пристали оба спорившіе разомъ, ко всеобщему удивленію разрѣшилъ весь споръ въ свою пользу:—„Я! я буду возлѣ Іисуса!"— неожиданно заявилъ онъ и вышелъ.

Авторъ, видимо, слишкомъ понадѣялся на этотъ остроумный отвѣтъ Іуды, и не взялъ на себя труда пойти вслѣдъ за Іудой и внимательнѣй разглядѣть игру его физіономіи. Быть можетъ, хотя лицо Іуды пролило бы свѣтъ въ его душу. Быть можетъ, заявивъ о своемъ притязаніи на первенство и выйдя изъ дома, Іуда лишь усмѣхнулся и тотчасъ забылъ о происшедшемъ, какъ объ остроумной выходкѣ, или, быть можетъ, лицо его долгое время оставалось сурово; быть можетъ, въ его чертахъ отразилось глубокое внутреннее волненіе и мука,—ни то, ни другое, ни третье не извѣстно, а безъ этого и весь отвѣтъ Іуды спорившимъ ученикамъ самъ по себѣ не имѣетъ никакого значенія. Если при этомъ отбросить „медленно опущенные взоры", „тихое біеніе себя въ грудь костлявымъ пальцемъ"—почему не перстомъ!—и тому подобныя эффектныя, но ничего не значущія вещи, то и отвѣтъ Іуды окажется не имѣющимъ вовсе ника-

кого смысла. Это не болѣе, какъ словесная передряга между людьми, долго живущими вмѣстѣ, надоѣвшими другъ другу до одури, начинающими вздорить и пустословить между собою исключительно вслѣдствіе воцарившейся между ними скуки.

Разговоръ Іуды съ Маріею стоитъ внѣ критическаго анализа. То, какъ Іуда напоминалъ Маріи ея прошлое, можетъ служить образцомъ грубаго невѣжества, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ обрисовывать личность человѣка, который впослѣдствіи обратился со словами: „Я васъ спрашиваю: гдѣ Іисусъ?“

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что Іуда, оставаясь въ числѣ учениковъ Іисуса, присоединился къ его врагамъ. И когда враги Іисуса нашли возможнымъ предать его суду, Іуда способствовалъ стражѣ, которой былъ данъ приказъ арестовать Іисуса. Іуда присутствовалъ при производствѣ суда и при совершеніи казни,—страдалъ онъ при этомъ лютыми муками и послѣ смерти Іисуса самъ повѣсился. А почему онъ все это продѣлалъ, осталось попрежнему загадкой.

Андреевъ говоритъ о многомъ: о великой мести, о великой побѣдѣ, о безпредѣльномъ и радостномъ одиночествѣ и еще о многомъ другомъ, чего простому смертному понять, можетъ быть, и невозможно. Но лицо Іуды остается туманнымъ. Это незаконченный образъ, полный намековъ на какую-то мечту, долго и неотступно преслѣдовавшую мысль художника, но не осуществившуюся въ его созданіи.

Вся прелесть разсказа—въ кованомъ стилѣ, внѣшней эффектности и блестящей мысли о предательствѣ „другихъ“, но образъ предателя мертвъ, какъ трупъ, который вытащили изъ гроба, одѣли въ яркія одежды и поволокли по землѣ, пугая прохожихъ загадкой нарушенной смерти.

II.

Ни одно лѣто не проходитъ безъ того, чтобы не плодились цѣлыя тучи мухъ, комаровъ, мошекъ и всякихъ иныхъ вредныхъ и непріятныхъ паразитовъ, отравляющихъ жизнь.

Въ очеркѣ Н. Тимковскаго „Гаврюхинъ“, помѣщенномъ въ апрѣльской кн. „Современнаго Міра“, мѣткими штрихами обрисованъ типъ такой мошки, ничтожество которой въ суровую пору обыкновенно бываетъ вовсе незамѣтно и ярко обнаруживается только въ то время, когда мошка получитъ возможность расправить свои зыбкія крылья и подняться на доступную по ея силѣ высоту.

Жилъ нѣкто, Нифонтъ Ивановичъ Гаврюхинъ, человѣкъ богатый, главный владѣлецъ большой фабрики, на которой работало много народу. У него былъ сынъ Иванъ, который ничего ровно не дѣлалъ, и только, по выраженію Рогова, главнаго довѣреннаго старика Гаврюхина,—„на-

болѣе книжками занимался". И вотъ, пришло время, старый Гаврюхинъ умеръ, и хозяиномъ фабрики сталъ его сынъ, Иванъ. И тогда всѣ, и тѣ, которые работали на фабрикѣ, и тѣ, которые сами не работали, а только пользовались доходами, какіе приносила фабрика, стали ждать большихъ перемѣнъ. Одни, которымъ и при старомъ хозяинѣ жилось худо и тяжело, ждали съ надеждой и радостью; другіе же, кому жилось хорошо, ждали съ унынiемъ и страхомъ. А что перемѣны должны были произойти, это было для всѣхъ очевидно, такъ какъ все, что говорилъ и дѣлалъ молодой хозяинъ, многимъ казалось и чуднымъ, и непонятнымъ.

— „Какія у владыки бѣлыя руки,—умиленно сказала старуха-мать, оставшись послѣ поминокъ вдвоемъ съ сыномъ въ пустыхъ, мрачныхъ комнатахъ.

— У епископа, мамаша, не руки, а десницы,—возразилъ Иванъ Никифоровичъ и, посвистывая что-то игривое, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Ну теперь добра не жди!—подумала старуха и заплакала".

Не ждали добра также ни Роговъ, ни Довмонтовъ, директоръ фабрики, такъ какъ все, что они вспоминали изъ прежняго поведенія молодого хозяина, не могло, по ихъ твердому убѣжденію, предвѣщать ничего хорошаго. Такъ, напримѣръ, Иванъ Гаврюхинъ при встрѣчѣ съ рабочими всегда первый снималъ шляпу, а остановившись однажды противъ главнаго корпуса, онъ нѣсколько разъ многозначительно повторилъ:— „Да, фабрика, фабрика... Любопытное учрежденіе".

Измѣнилось также и настроеніе рабочихъ.

— Только бы до молодого хозяина досвретись,—говорили рабочіе,—а ужъ мы тогда единымъ духомъ всѣхъ нашихъ езуитиковъ на настоящую точку поставимъ".

Самъ же молодой хозяинъ сталъ больше читать, и заводилъ новыя знакомства съ какими-то людьми, никогда прежде не бывавшими въ домѣ Гаврюхиныхъ, по долго проводилъ съ ними время въ своемъ кабинетѣ, ведя съ ними какіе-то продолжительные разговоры. Но въ остальномъ молодой Гаврюхинъ ни въ чемъ не измѣнялъ своей жизни и не вмѣшивался въ дѣла фабрики. А время шло, и рабочіе и администрація фабрики все ждали какихъ-то новыхъ перемѣнъ, но перемѣнъ все не было.

Ждалъ перемѣнъ въ жизни и самъ молодой хозяинъ. И книги, которыя онъ читалъ, и картины, которыя приковывали его вниманіе, и тѣ люди, съ которыми сходился Гаврюхинъ,—все говорило ему о какой-то иной жизни, лучшей, чѣмъ та, которою онъ жилъ самъ и всѣ окружающіе, а какъ измѣнить свою жизнь—Гаврюхинъ не зналъ. Не зналъ, съ чего начинать перемѣну своей жизни и что для этого надо дѣлать. Онъ ждалъ, что совершится что-нибудь необычайное и освѣтитъ все то, что было ему непонятно и неизвѣстно.

„Бывали дни, когда Иванъ Нифонтовичъ часами ходилъ по кабинету въ смутной и тревожной увѣренности, что вотъ-вотъ „оно“ сейчасъ придетъ и осѣнитъ его. Онъ чутко прислушивался, оглядываясь на дверь, засматривая въ окно. Ожиданіе становилось все болѣе напряженнымъ, почти мучительнымъ“.

Въ одинъ изъ такихъ дней мучительнаго и напряженнаго ожиданія къ Ивану Нифонтовичу пришелъ Роговъ и принесъ крупную сумму денегъ. Это былъ дивидендъ, полученный съ фабрики на долю Гаврюхина. Въ головѣ Гаврюхина бѣшенно закружились самыя фантастическія и тревожныя мысли. Не настала ли рѣшительная минута, когда можно и надо было поступить по-своему, такъ, чтобы измѣнилась вся жизнь? Изорвать деньги, или выбросить ихъ въ окно, или пожертвовать ихъ на что-нибудь и выгнать къ чорту Рогова вмѣстѣ съ его деньгами, а самому бѣжать и измѣнить въ своей жизни все, не оставивъ камня на камнѣ,—всѣ эти мысли еще мелькали въ головѣ хозяина, а самъ онъ, между тѣмъ, уже протягивалъ руки къ деньгамъ, бралъ ихъ у Рогова, машинально считалъ и, спрятавъ ихъ въ несгораемый шкапъ, отпустилъ довѣреннаго, проводивъ его тяжелымъ взглядомъ.

Такъ поступилъ Иванъ Гаврюхинъ, столкнувшись съ житейскими обстоятельствами, когда онъ чувствовалъ, что ему необходимо было что-то сдѣлать. Взявши деньги, онъ подумалъ, что дальше такъ продолжаться не можетъ и уже былъ увѣренъ въ томъ, что въ самомъ недалекомъ будущемъ должно совершиться нѣчто, что озаритъ предъ нимъ „весь этотъ круговоротъ въ жизни“.

Одного не зналъ Гаврюхинъ: онъ не зналъ того, что, что бы ни случилось, ему необходимо было самому начать дѣлать то, что онъ считалъ нужнымъ, а не ждать, что все, что совершается,—совершится само собою, безъ его участія, и совершится такъ, какъ ему того хотѣлось. Не зналъ же онъ этого потому, что онъ самъ никогда ничего не дѣлалъ и не умѣлъ дѣлать.

И когда Гаврюхинъ неожиданно получилъ телеграмму отъ Рогова, вызывавшаго его на фабрику и увѣдомлявшаго, что на фабрикѣ было неспокойно, Гаврюхинъ тотчасъ выѣхалъ, и на слѣдующее утро былъ уже на фабрикѣ.

Рабочіе волновались, собравшись большою толпой у дома правленія. Гаврюхинъ же, собираясь выйти къ нимъ, не зналъ, съ чего начинать, о чемъ ему говорить съ рабочими, и какія надо было принимать мѣры. Рабочіе же, думая, будто хозяина къ нимъ не пускаютъ, волновались больше и больше и стали громко и настойчиво требовать, чтобы къ нимъ вышелъ самъ хозяинъ. Это же самое совѣтовали ему и директоръ, и довѣренный.

„А когда всѣ пристали къ нему, спрашивая: „Что же, наконецъ,

дѣлать"?—онъ обвелъ компанію страннымъ, блуждающимъ взглядомъ и произнесъ какъ бы про себя:

— Люблю я смотрѣть на кукольныя комедіи"...

А къ рабочимъ такъ и не вышелъ. И пока въ его головѣ блуждали разнообразные обрывки мыслей, вдругъ оконное стекло разлетѣлось со звономъ, и камень, упавъ сначала на столъ, тяжело покатился и загремѣлъ по полу. Гаврюхинъ сразу помертвѣлъ лицомъ, и искаженнымъ отъ страха и ярости голосомъ закричалъ, чтобы тотчасъ-же послали къ губернатору и вызвали солдатъ. Но солдаты были уже близко: это сдѣлали и безъ его распоряженія. Узнавъ объ этомъ, Гаврюхинъ „апатично махнулъ рукой и произнесъ упавшимъ голосомъ":

— „Не знаю... Дѣлайте, какъ хотите... Умываю руки".

И тогда стало ясно, что напрасно боялись молодого хозяина, напрасно ждали перемѣнъ, и что чтеніе книгъ, и все, чѣмъ занимался Гаврюхинъ, было тоже напраснымъ, ненужнымъ дѣломъ. Онъ научился по нимъ смутно угадывать противорѣчія въ окружающей его жизни,—и какъ мошка, пригрѣтая лучами солнца, въ тихую погоду поднимается на сажень въ вышину и кружится въ неподвижномъ воздухѣ,—такъ и онъ иногда могъ произносить какія-то непонятныя, загадочныя фразы для окружающихъ, но держался увѣренно только до тѣхъ поръ, пока жизнь его не трогала. Когда же передъ нимъ возникала необходимость дѣятельности, онъ сразу утрачивалъ и обычный ходъ своихъ мыслей, и свое самообладаніе, и уступалъ мѣсто другимъ, самъ исчезая безслѣдно, какъ исчезаетъ мошка при первомъ порывѣ вѣтра, несущаго ливень и грозу.

Въ лицѣ Ивана Гаврюхина очерчена интересная фигура. Это—типъ. Это—мошкара культуры. Жизнь такихъ людей скрашивается и обогащается всѣмъ, что общедоступно въ творческой дѣятельности человѣчества. Но роль этихъ людей въ развитіи творческихъ силъ ничтожна и унизительна. Какъ рой мошекъ, они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ жизни совершается плодотворная живая работа, но сами они ничего не вносятъ въ жизнь, и лишь отравляютъ существованіе всему, что близко сталкивается съ ними,—сами гибнутъ и сосутъ живую кровь. Какимъ путемъ слагаются подобныя личности—отвѣта на этотъ вопросъ г. Тимковскій въ своемъ очеркѣ не пытается дать. Но уже и въ томъ не малая заслуга автора, что имъ подмѣченъ опредѣленный типъ и создано живое лицо, въ которомъ запечатлѣлись живыя черты печальной современности.

Въ апрѣльской кн. „Русской Мысли" напечатана фантазія О. Дымова „Мы плывемъ". Если бы къ этому названію прибавить еще—„и дремлемъ", то такое заглавіе вполнѣ исчерпывало и оправдывало бы собою

все содержаніе этого небольшого разсказа. Но авторъ, къ сожалѣнію, ни въ заглавіи, ни въ самомъ разсказѣ, нигдѣ не даетъ почувствовать, что онъ изображаетъ дремотное состояніе и, сопряженныя съ такимъ состояніямъ, сбивчивыя сонныя видѣнія какихъ-то скучнѣйшихъ пассажировъ самаго скучнаго парохода. Цѣль автора, конечно,—судя по нѣкоторымъ признакамъ,—заключалась вовсе не въ томъ, чтобы описывать скучные сны. Онъ, видимо, хотѣлъ дать въ нѣсколькихъ штрихахъ этюдъ, который можно было бы назвать: „Мы живемъ".

„Мы плывемъ, и въ общей каютѣ, мѣрно позвякивая, вздрагиваютъ стеклышки канделябровъ. Текутъ берега, зеленые лѣса и красный песокъ. И неподвижно одно только небо съ бѣлыми іюльскими облаками, въ которыхъ похоронено наше дѣтство".

Такъ начинается разсказъ г. Дымова.

Какимъ образомъ похоронено въ облакахъ дѣтство—это тайна автора: оставимъ эту тайну неприкосновенной!

Пассажировъ на пароходѣ не много. Какая-то дама въ черной косынкѣ; молодой судебный слѣдователь и гимназистка въ коротенькомъ форменномъ платьицѣ; старикъ-лѣсничій съ женою, и съ ними женщина-крестьянка; два калики-вояжера и съ ними смуглая женщина; какіе-то нищіе и капитанъ парохода. Матросовъ не видно ни одного.

Начинается разсказъ краткимъ описаніемъ парохода и его пассажировъ въ одинъ изъ скучныхъ вечеровъ плаванія. Кто стоитъ у борта, кто гуляетъ по пароходу, кто пьетъ чай. На капитанской вышкѣ татары неслышно молятся Богу. Кругомъ темнѣетъ. Наступила ночь.

Въ эту ночь всѣ, повидимому, спали, какъ убитые. Авторъ ни о комъ ничего не сообщаетъ. Раннимъ утромъ пароходъ остановился у какой-то пристани. Слышны были голоса, шумъ. Пароходъ принялъ грузъ и тронулся дальше. Нарушенный сонъ скоро снова вернулся. Утренній сонъ былъ слаще ночного. Но, наконецъ, къ 10-ти часамъ спать стало невмоготу,—поднялись.

„Словно вчерашній день вернулся, но, гдѣ-то побывавъ ночью, сталъ еще легче, радостнѣе. По сіяющей золотой лѣстницѣ поднялись мы на слѣдующую ступень, гдѣ въ зеленомъ дыму росисто и прозрачно и гдѣ душа растворяется въ золотомъ озерѣ".

Всѣ эти,—нельзя сказать, чтобы вполнѣ ясныя,—восторженныя слова показываютъ, что путешественники чувствуютъ себя великолѣпно, что крѣпкій сонъ пошелъ имъ въ прокъ. Перемѣнъ на пароходѣ не произошло никакихъ; все осталось по-вчерашнему. Иные пьютъ чай, иные такъ сидятъ. „Судебный слѣдователь ходитъ по палубѣ, заглядываетъ въ оконца каютъ, думаетъ: гдѣ же гимназистка?" Что думаютъ остальные — неизвѣстно.

Такъ близился полдень. Далѣе пусть говоритъ самъ авторъ.

„И вотъ счастье наступило въ 12 часовъ съ минутами. Оно прильнуло къ самому сердцу, открыло всѣ его входы, вошло и оттуда разнеслось по тѣлу, захватывая мозгъ, закрывая мокрые отъ чудесныхъ слезъ глаза“.

Потомъ идутъ разсужденія о томъ, что никакъ невозможно человѣку знать ни времени, ни мѣста, гдѣ подстерегаетъ его счастье.

„...Мы не предчувствовали ничего. Относило назадъ темные, строгіе утренніе берега, впереди разстилался день, какъ неизслѣдованная страна, и вдругъ снизу черезъ палубу просочились звуки музыки. И въ то же мгновеніе насъ, какъ теплымъ воздухомъ, охватило необъяснимое счастье.

„Въ трюмѣ, у самой кормы на гармоникѣ игралъ слѣпой“.

Гармоника, это общераспространенное орудіе пытки, у слѣпого имѣла какія-то, чисто-сказочнаго характера, особенныя свойства, какъ и самъ слѣпой. Ибо игра его вмѣстѣ съ пѣсней „про путеводителя Макарова“ не только не отравила пассажирамъ существованія, и не только никто не впалъ отъ этой музыки въ слѣпое бѣшенство, какъ того надо было ожидать, но наоборотъ,—музыка эта сдѣлала то, что „весь пароходъ съ буфетомъ, судебнымъ слѣдователемъ, піанино и стеклышками канделябровъ вошелъ въ полосу голубого счастья, какъ въ мирный туманъ...“

Длилась ли музыка слѣпца цѣлый день, или же она сразу разбудила въ думахъ пассажировъ тонкое ощущеніе къ какому-то ритму жизни, понять трудно, но только пассажиры, подобно древнимъ пифагорейцамъ, вняли гармонію сферъ и оставались счастливы до́ восхода луны. Съ появленіемъ луны гимназистка стала искать судебнаго слѣдователя, капитанъ появился около гимназистки, къ дамѣ съ вуалью подошелъ какой-то поэтъ, и надо думать, всѣ эти люди дѣйствительно чувствовали себя не дурно. Но при чемъ же здѣсь золотыя озера, гармоника и пр.?

Конецъ всему былъ весьма плачевенъ.

Счастье миновало. Длилось оно не больше двухъ лѣтнихъ дней. Все прошло.

„Внизу въ трюмѣ жмутся къ теплой машинѣ темные, голодные люди. Мы несемся, несемся чему-то навстрѣчу, и это не отвратимо. И у насъ лѣсничій съ сумасшедшей женой, чахоточная проститутка въ платьѣ гимназистки, поэтъ, два комми-вояжера, нанявшіе общую женщину. Какъ насъ встрѣтятъ? Что мы скажемъ?“

Если бы авторъ стремился нарисовать хаотическія впечатлѣнія человѣка, котораго поминутно клонитъ ко сну, то было бы ясно, почему путешественнику звуки пиликавшей гармоники временами казались чудными музыкальными аккордами; почему гимназистка-подростокъ вдругъ преобразилась въ чахоточную проститутку; почему жена лѣсничаго, съ ея „умнымъ, сердечнымъ“ взглядомъ вдругъ превратилась въ сумасшедшую и пр., и

пр. Все это было бы понятно. Это была бы картина кошмарныхъ представленій человѣка, который не имѣетъ силы ни бороться съ одолѣвающимъ его сномъ, ни уснуть въ непривычной дорожной обстановкѣ.

Но г. Дымовъ вовсе не думалъ описывать всю ту чепуху, которая лѣзетъ человѣку въ голову, когда онъ, безпрестанно засыпая и вновь пробуждаясь, впадаетъ въ состояніе полнаго и безпомощнаго обалдѣнія.

Авторъ, наоборотъ, стремился нарисовать какую-то общую картину съ широкимъ захватомъ. Часто повторяя выраженіе „мы плывемъ", которымъ онъ и начинаетъ, и заканчиваетъ свое творенiе, г. Дымовъ какъ бы создаетъ символъ жизни, нежданно-негаданно возникающаго счастья, и такъ же мгновенно проходящаго; все въ семъ бренномъ мірѣ призрачно и подвержено перемѣнамъ... Облекая эти, до крайности скудныя мысли, въ форму самыхъ неопредѣленныхъ общихъ образовъ, какъ, напримѣръ: „мы плывемъ", „мы несемся, несемся чему-то навстрѣчу"... — „по сіяющей золотой лѣстницѣ поднялись мы...", и перемѣшивая всѣ эти гибкія обобщенія съ такими обыденными вещами, каковыми являются судебный слѣдователь, лысый комми-вояжеръ, галоши татарина и пр.,—авторъ избавляетъ себя отъ труда повѣдать читателю, во-первыхъ, куда „мы плывемъ", и къ чему „мы несемся" столь неудержимо;—и во-вторыхъ, что именно замѣчательнаго онъ усмотрѣлъ въ особахъ какъ судебнаго слѣдователя, такъ равно и всей прочей компаніи парохода, и какія соображенія навели его на мысль знакомить читателя съ публикой, ему самому, повидимому, совершенно неизвѣстной. Избавившись отъ того и другого, но все-таки намекнувъ при этомъ на какое-то стремленіе, показавъ мелькомъ какія-то маски и спаявъ все это золотыми озерами, полосами голубого счастья и пр., авторъ многозначительно заканчиваетъ свое творенiе, въ той, очевидно, надеждѣ, что читатель, ослѣпленный игрою словъ, увѣруетъ, что въ его писаніи непремѣнно кроется смыслъ, непостижимый для непосвященныхъ въ тайны творчества. И легковѣрный читатель, пожалуй, и въ правду иногда остановится въ почтительномъ изумленіи надъ подобнымъ писаніемъ и станетъ доискиваться въ немъ смысла. Напрасно! При чтеніи подобнаго рода твореній вполнѣ достаточно помнить мудрый совѣтъ чеховскаго стараго бухгалтера, Прохора Семеновича Будылды:—„Ты не пугайся... А главное, не вникай... Читай и не вникай въ эту умственность".

III.

Въ помѣщенномъ въ мартовской кн. „Русскаго Богатства" разсказѣ А. Н. Попова „Правильный законъ", написанномъ почти исключительно монологами, и при томъ длиннѣйшими, разсказывается, какъ рылъ татаринъ канаву вдоль помѣщичьяго луга, отграничивая его отъ мірского вы-

гона, и какъ два мужика, подъѣхавъ къ мѣсту работы и пустивъ лошадей въ барскій лугъ на пастбище, сами спокойно подошли къ татарину, съ тѣмъ, чтобы по порученію міра прогнать татарина съ работы, такъ какъ у мужиковъ была забастовка.

Обмѣнявшись выраженіями самаго общаго характера, какъ-то: „Вотъ накласть тебѣ по лысой башкѣ...—Ухъ и псы же эти татары!...—съ одной стороны, и — „д-дуракъ русакъ..., русскій лѣнтяй!" — съ другой, мужики подсѣли къ костру, гдѣ въ котелкѣ кипятился кирпичный чай татарина, закурили и разговорились.

Разговоръ зашелъ сначала о томъ, что татары бѣднѣе русскихъ, хотя и работаютъ больше; и одинъ изъ собесѣдниковъ, Гусаровъ, мужикъ, склонный доискиваться во всемъ той правды, которая примиряла бы всѣ житейскія противорѣчія, — этотъ самый Гусаровъ укоризненно вспомнилъ и то, что у татаръ господъ нѣтъ, что ихъ никто не тѣснитъ, и что бѣдность ихъ, такимъ образомъ, не можетъ быть оправдана.

Татаринъ призналъ, что они, дѣйствительно, живутъ очень бѣдно. Но желая оправдать эту бѣдность, онъ сталъ говорить, какъ татаринъ, послѣ каждой недѣли неустаннаго труда, гуляетъ, по его словамъ, до тѣхъ поръ, пока не прогуляетъ все до послѣдней нитки; и затѣмъ, когда уже гулять больше не на что,—„опять спина трещи".

— „Русакъ дуракъ,—прибавилъ онъ, безнадежно махнувъ, рукой,—ни тѣла не питаетъ, ни души". Гулять, по словамъ татарина, значило—питать душу. На это Чокмарь, молодой, хорошо одѣтый, крѣпкій парень, отвѣтилъ татарину весьма резонно, что русскій тоже „питаетъ душу", можетъ, не хуже любого татарина, но что корень бѣдности все же не въ „питаніи души", а въ томъ, что народъ живетъ, и въ особенности жилъ раньше,—„какъ во снѣ". Чокмарь вспоминаетъ, какъ прежде покорно и почтителнно старики просили у барина „лужишко, дровишекъ, хворостишку". При этомъ Чекмарь энергично ругаетъ стариковъ чертями; указываетъ на только что уже пущенныхъ, спокойно пасущихся на барскомъ лугу лошадей, чего не могло быть прежде и говоритъ, что уже миновало и то, какъ, бывало, не только земскій,—„урядничишко послѣдній все село загоняетъ".

> — „Что годовъ маялись!—возбужденно воскликнулъ Чокмарь,—и старики, отцы и дѣти, маялись, а до забастовокъ сами не додумались... Нашлись же вотъ добрые люди, наставили на разумъ... И диво, братецъ мой,—изумился Чокмарь,—какъ сразу весь этотъ гадъ схлынулъ. Какъ вотъ дымокъ комара отшибаетъ, такъ и они отъ насъ отвалились..."

И слово за слово мужики разговорились о томъ, возможенъ ли такой „правильный законъ", по которому жилось бы всѣмъ одинаково, и хорошо ли, худо ли, но по справедливости. Гусаровъ сильно сомнѣвался въ

способности человѣка устраиваться во всемъ разумно и по-хорошему; Чокмарь, наоборотъ, высказывалъ твердую увѣренность въ такой способности, говоря о томъ, какъ противъ прежняго измѣнился въ послѣднее время весь народъ; татаринъ говорилъ о томъ, что издалека и вчужѣ всякая жизнь и всякій законъ кажутся хорошими, но стоитъ ихъ узнать поближе, и жизнь, и ея законы тотчасъ оказываются и тяжелы, и горестны.

И говорили эти три, мирно сидѣвшіе у костра, человѣка, такъ обстоятельно и такъ пространно, что если бы взглянуть на нихъ, забывъ время и мѣсто бесѣды, то врядъ ли можно было бы признать, что люди эти—русскіе мужики, переживающіе борьбу съ землевладѣльцемъ, бастующіе, и пріѣхавшіе прогнать татарина-нищаго съ его работы. Въ ихъ рѣчахъ столько спокойной увѣренности и медлительной вдумчивости, что можно подумать, будто жизнь этихъ людей уже давно стала во всемъ благодатна, и если они толкуютъ о какомъ-то правильномъ законѣ, то только потому, что довольство жизнью и досугъ даютъ имъ возможность взвѣшивать каждый шагъ, и судить, насколько разумно или нѣтъ все, что течетъ предъ ихъ спокойнымъ взглядомъ.

Впечатлѣніе это поддерживается еще и тѣмъ, что мужики, разсудивъ всѣ обстоятельства дѣла, рѣшили не мѣшать татарину, не лишать его заработка понапрасну, такъ какъ работа его не имѣла никакого отношенія къ тѣмъ работамъ, которыя пріостановлены забастовкой.

Распорядившись, Гусаровъ и Чокмарь тронулись въ путь. „Они ѣхали по выгону къ селу и долго слышно было въ полуденномъ затишьѣ, какъ они спорили все объ одномъ и томъ же: о правдѣ, о землѣ, о волѣ...“ Казалось, ничто не мѣшало ихъ спору, ничто не вторгалось въ ихъ жизнь: крестьяне могли поступать, и поступали во всемъ такъ, какъ казалось имъ разумно и нужно. Нужна забастовка—бастовали; нужно согнать татарина съ работы—гнали; не нужно—нѣтъ; нужно кормить лошадей—кормили на барскомъ лугу; вызываетъ земскій: хотятъ—идутъ, хотятъ—нѣтъ, такъ какъ минуло то время, когда бывало не только земскій,—„урядничишко послѣдній все село загоняетъ“.

Такую картину рисуетъ г. Поповъ въ своихъ монологахъ, названныхъ „Правильнымъ закономъ“.

Но въ этой же самой книжкѣ журнала помѣщенъ другой разсказъ, „Гараська-диктаторъ“—С. Аникина. Изъ этого разсказа мы узнаемъ, что не только „урядничишко“, а даже стражникъ, Гараська-болванъ, по глупости своей ни къ чему не прибившійся и поступившій въ стражники,—Гараська, дурость котораго извѣстна еще сызмальства всѣмъ односельчанамъ,—этотъ самый дурень „все село заполонилъ“ и даже „прямо сказать, заморозилъ...“,—то самое село, гдѣ начинали уже налаживаться всѣ дѣла по волѣ мірского схода, гдѣ крестьяне прогнали писаря, выбрали новаго старшину, и куда уже ни земскій, ни приставъ, ни урядникъ

зря не „совались“. Оставался один Гараська-стражникъ, да и онъ вписался въ крестьянскій союзъ.

Такъ было. Но продолжалось это только до той поры, пока не пріѣхалъ съ казаками исправникъ, не поставилъ сходъ вольнолюбиваго села Лапотнаго на колѣни, а приставъ не возложилъ на дурня Гараську диктаторскихъ полномочій, вручивъ ему казенные чистые бланки со своею подписью, дабы Гараська могъ „орудовать и по правиламъ“.

Кто же правъ,—г. Поповъ или г. Аникинъ?

Г. Поповъ рисуетъ слишкомъ разсудительныхъ мужиковъ, твердо идущихъ навстрѣчу ясно намѣченнымъ цѣлямъ.

Г. Аникинъ изображаетъ преувеличенно-властнаго и страшнаго на селѣ деспота-стражника и полную мякинность этихъ самыхъ мужиковъ.

Разсудительность и рѣшимость, къ сожалѣнію, не всегда руководятъ людьми въ ихъ дѣлахъ, и крестьяне въ этомъ смыслѣ не могутъ составлять исключенія. Что же касается свирѣпаго стражника, сосредоточившаго въ своемъ лицѣ всѣ существующія по губерніи степени властей, то вѣдь стражникъ этотъ, если вѣрить г. Аникину,—глупъ, какъ пробка, и вдобавокъ—пьянъ, и самъ по себѣ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть того рокового значенія въ жизни деревни, какое ему приписываетъ г. Аникинъ.

Неправильное освѣщеніе крестьянской жизни въ обоихъ этихъ разсказахъ на все налагаетъ свой ложный колоритъ, и потому не только дѣйствующія лица, но также и самые эпизоды, рисуемые гг. Поповымъ и Аникинымъ, одинаково безжизненны и фальшивы, самые же разсказы ихъ—невѣроятно скучны и антихудожественны.

П. Дмитріевъ.

Критика и библіографія.

Θедоръ Сологубъ. *Мелкій бѣсъ*. Изд-во „Шиповникъ". 1907 г. Ц. 1 руб. 75 коп.

Страшная книга... Жуткая книга... Карамазовщина, Достоевщина, чортъ, дьяволъ, недотыкомка, Передоновъ... Человѣкъ, обнаженный до того, что „больше некуда", разоблаченный до самыхъ тайниковъ своей грязной, низкой души, квинтъ-эссенція всего нечеловѣчески-грубаго и подлаго, что *можетъ* быть въ живомъ существѣ,—вотъ герой повѣсти Θедора Сологуба „мелкій бѣсъ", живущій въ осмысленной, одухотворенной душѣ. Есть, отъ чего ужаснуться... „Книги онъ только держалъ, а не читалъ, чтобы показать, что у него свободныя мнѣнія, — хотя на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ ни мнѣній, ни даже охоты къ размышленіямъ... Давно уже онъ не прочелъ ни одной книги, говорилъ, что некогда, газетъ не выписывалъ, новости узнавалъ изъ разговоровъ. Впрочемъ, и узнавать ему нечего было— ничто во внѣшнемъ мірѣ его не занимало. Надъ подписчиками на газеты онъ даже издѣвался, какъ надъ расточителями денегъ и времени. Дорого, подумаешь, было для него его время".

...„Да и что такое были гимназисты для Передонова? Не только ли аппаратомъ для растаскиванія перомъ чернилъ по бумагѣ и для пересказа суконнымъ языкомъ того, что когда-то было сказано языкомъ человѣчьимъ! Передоновъ во всю свою учительскую дѣятельность совершенно искренно не понималъ и не думалъ о томъ, что гимназисты такіе же люди, какъ и взрослые".

Таковъ учитель и наставитель подрастающаго поколѣнія Ардальонъ Борисычъ Передоновъ, готовящійся стать инспекторомъ, чрезъ руки котораго прошло, пожалуй, не одно поколѣнье учащейся молодежи,—типъ, достойный пера Гоголя или Салтыкова-Щедрина... Не знаю, существуетъ ли гдѣ-нибудь даже и въ глухомъ провинціальномъ углу реальная и точная копія сологубовскаго Передонова? Пожалуй, что и нѣтъ. Вѣроятнѣе, что Сологубъ *выдумалъ* этотъ образъ, сочинилъ, слѣпилъ его изъ множества полу-Передоновыхъ, четверть-Передоновыхъ, изъ всѣхъ подобій и *возмож-*

ностей его, разсѣянныхъ по бѣлу-свѣту, гуляющихъ по вечерамъ на бульварѣ, учащихъ днемъ нашихъ дѣтей, мечтающихъ о повышеніи (какъ же я могу жить безъ мѣста?), людей „безъ мнѣній, безъ охоты къ размышленію". Мнѣ лично представляется слѣдующимъ образомъ эмбріонъ передоновскаго типа. Авторъ задался мыслью изобразить человѣка, какимъ онъ *можетъ* быть, какимъ онъ будетъ или бываетъ, если раздѣть его морально и умственно *до-нага*, если отнять у него все—разумъ, свободную волю, тенденціи къ прогрессу, къ совершенствованію, къ различенію добра и зла и всему прочему, составляющему отличительныя способности человѣка, *какъ таковаго*... И такого обнаженнаго, циничнаго и безстыднаго нижечеловѣка [1]) показалъ намъ Өедоръ Сологубъ и... ужаснулъ. Ужаснулъ такъ же, какъ ужаснулъ насъ Шницлеръ своимъ „Хороводомъ", въ которомъ, конечно, больше реальности, но все же страшитъ больше всего *возможность* подобнаго моральнаго растлѣнія... Ужаснулъ, какъ ужасалъ Зола, изображая натуралистическія сцены пробужденія и нахожденья въ человѣкѣ звѣря, темныхъ, гнусныхъ подонковъ души атавистическаго происхожденія... И этотъ ужасъ сильнѣе всякихъ сентенцій, ярче и характернѣе самой краснорѣчивой проповѣди.

Хорошъ ли романъ Сологуба? Слово это совершенно непримѣнимо къ нему. Написанъ удивительно просто и завлекательно-интересно... Характеры и типы очерчены изумительно-выпукло и жизненно. Есть сцены, прямо безподобныя по силѣ изобразительности при внѣшней экономіи эпитетовъ и кажущейся неяркости словъ (сцены искушенія Людмилой гимназиста, пачканье обоевъ въ квартирѣ Передонова, свадьба). Большой талантъ, огромное мастерство... И повторяю: страшная, жуткая... и прекрасная книга...

Анаст. Чеботаревская.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. *Трагическій звѣринецъ.* Разсказы. Издательство „Оры". Петербургъ. 1907 г. Ц. 1 руб.

Разсказъ ведется отъ лица дѣвочки, самостоятельно выраставшей въ атмосферѣ дворянско-помѣщичьихъ традицій, самостоятельно переживавшей подчасъ трагическія коллизіи на фонѣ столкновенія „барскихъ" и „человѣческихъ" интересовъ, самостоятельно доходившей до безусловнаго отрицанія классовыхъ устоевъ и безсознательно додумывавшейся до принциповъ революціоннаго соціализма. („Глухая Дама", „Царевна Кентавръ", „Медвѣжата"). Вотъ эта чрезмѣрно подчеркиваемая *самостоятельность* и *безсознательность-инстинктивность*, очевидно, очень симпатичныя автору, показались намъ немного подозрительными. Мы знаемъ, что дѣти вообще впечатлительны, подвижны, воспріимчивы, склонны къ бунтарству, къ открытому мятежу... но и также большіе собственники, себялюбцы, подчасъ недовѣрчивы и рѣдко такъ категоричны, какъ героиня раз-

[1]) Мое выраженіе. Противоположность „сверхчеловѣку".

сказовъ г-жи Зиновьевой-Аннибалъ. Врядъ ли возможенъ въ головѣ девятилѣтняго ребенка мыслительный процессъ, въ одно мгновенье сметающій всѣ привитыя воспитаніемъ и обстановкой традиціи, и ставящій на мѣсто ихъ... почти... экспропріацію собственности и обязательный, восьмичасовой рабочій день („Глухая Дама"). „Въ первый разъ взглянула я на людей и ихъ устройство, и увидѣла, такъ просто увидѣла и такъ просто поняла, каждою человѣческой кровинкой поняла, что все это совсѣмъ *не настоящее* [1]), что люди устроили. И такъ не будетъ, потому что такъ я не хочу".

...„Мы всѣхъ полюбимъ: и Прокофія, и Илью, и повара, и Елену Прохоровну, и Өедора кучера, и братьевъ, и твою маму и... и судомойку. Всѣ будемъ спать и ѣсть вмѣстѣ, и вмѣстѣ работать, и... верхомъ... или даже и ненужно. Такъ будетъ безъ того удивительно весело, и вѣдь это такъ просто. И нечего будетъ намъ красть".

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается... Повѣримъ *на слово* г-жѣ Зиновьевой-Аннибалъ, что ея дѣвочка-феноменъ инстинктивно предчувствовала тезисы научнаго соціализма, но впечатлѣніе надуманности и нѣкоторой несвободности автора отъ поставленныхъ имъ себѣ заранѣе дедукцій остались у насъ отъ иныхъ страницъ „Трагическаго звѣринца". Какъ намъ уже случалось замѣтить раньше, у г-жи Зиновьевой-Аннибалъ присущъ *изобразительный* талантъ, и въ этомъ смыслѣ ей очень удались многія описательныя сцены и картины, хотя бы въ той же „Глухой Дамѣ". Удаченъ также діалогъ, почти всегда живой, образный и яркій. Основной же недостатокъ книги, носящей, вѣроятно, авто-біографическій характеръ (на это указываетъ однообразіе изображаемыхъ типовъ и монотонно-единообразный фонъ дѣйствія, возможный только въ реальности), это то, что въ большинствѣ случаевъ авторъ изображаетъ *не то, что было*, а то, какъ ему *представляется* бывшее по истеченіи многихъ лѣтъ — post factum. Доходя въ извѣстномъ возрастѣ до признанія соціализма, ему начинаетъ казаться, что онъ уже стоялъ на этой точкѣ зрѣнія еще въ дѣтствѣ (! *ред.*) и эти воображаемыя черты часто затмеваютъ и искажаютъ дѣйствительную и своеобразно интересную физіономію ребенка и г-жа Зиновьева-Аннибалъ въ этомъ случаѣ не избѣжала общей и ненужной ошибки.

Въ остальномъ книга интересна и оригинальна. Было бы весьма благодарной задачей прослѣдить впечатлѣніе отъ ея чтенія на подрастающее поколѣніе, съ еще неоформившейся психологіей мысли. Мы очень рады, что на этотъ разъ г-жа Зиновьева-Аннибалъ выступила въ *реалистическомъ* духѣ, гораздо болѣе родственномъ ея яркому и сильному письму, чѣмъ тѣ претенціозныя попытки на символизмъ, которыя исказили интересный замыселъ „Тридцати трехъ уродовъ".

Анаст. Чеботаревская.

---

1) Курсивъ мой вездѣ.

Н. Олигеръ. Разсказы, т. I, изд. Издат. Бюро, ц. 1 р.

Въ настоящее время значительно ослабѣло прошлогоднее увлеченіе мелкой, агитаціонной и почти исключительно политической литературой и наблюдается интересъ къ болѣе основнымъ, научнымъ книгамъ и къ серьезной беллетристикѣ. Полтора года тому назадъ жизнь хлынула такимъ бурнымъ потокомъ, что массовому читателю некогда было читать большія книги и серьезно изучать вопросы, некогда было интересоваться художественными произведеніями. Требовались немедленные отвѣты на самые насущные вопросы жизни, приходилось во многихъ случаяхъ довольствоваться на первое время отвѣтами, выработанными уже опытомъ другихъ странъ и народовъ, и лихорадочно, на-спѣхъ вырабатывать свои собственныя, новыя формы жизни. И русская литература переживала небывалый еще, кажется, нигдѣ въ мірѣ революціонный періодъ, въ первый разъ порвавъ желѣзные тиски цензуры. Теперь она мало-по-малу входитъ въ свое русло,—русло, правда, еще не нормальное, потому что репрессія безпощадно давитъ серьезную политическую печать и почти совершенно уничтожила широко развившуюся въ дни свободы политическую каррикатуру,—но художественная литература начинаетъ уже отражать то, что было пережито Россіею въ бурный періодъ подъема революціонной волны.

Въ недавно появившихся разсказахъ Н. Олигера—передъ нами ярко и картинно проносятся и недоброй памяти карательныя экспедиціи, и аграрные безпорядки,—безпорядки стихійные, не освѣщенные элементомъ сознательности массъ, и дикія сцены русско-японской войны, и „квалифицированная смертная казнь“ въ глухой пустынѣ, совершаемая надъ „опасными людьми“, наивно повѣрившими въ свою свободу. Жизнь за эти два года давала и свѣтлыя впечатлѣнія, давала примѣры могучаго подъема духа массъ, небывалаго еще въ Россіи пробужденія народныхъ силъ и героическихъ подвиговъ. Но дикая реакція и невѣроятно-тяжелыя, почти сказочныя условія борьбы такъ подавили талантливаго писателя, что каждый его разсказъ—это кровавая драма. Тутъ разъяренная толпа бросаетъ въ огонь ни въ чемъ неповиннаго студента, тамъ кидается въ воду безработный рабочій, не выдержавшій мученій голода своихъ и единственнаго близкаго ему существа—собаки, а тамъ гибнутъ отъ безсердечія и лицемѣрія людей и снова опускаются на дно жизни двѣ бывшія проститутки,—великодушныя дѣвушки, оказавшія чудеса самопожертвованія на войнѣ. Въ каждомъ разсказѣ говоритъ сама жизнь, все это, дѣйствительно, пережито всевыносящими русскими гражданами, и пережито не въ какія-то далекія времена, а вотъ сейчасъ, на нашихъ глазахъ, нами самими,—насъ самихъ хватали на улицахъ жандармы, наши друзья погибали въ ссылкѣ, нашихъ близкихъ разстрѣливали карательныя экспедиціи. И авторъ съ удивительной сердечной теплотой относится къ своимъ героямъ, онъ самъ живетъ съ ними, а не наблюдаетъ ихъ со стороны, и

всѣ лица вышли у него живыя, одухотворенныя. Художественная литература всегда идетъ вслѣдъ за жизнью; грандіозныя впечатлѣнія послѣднихъ лѣтъ должны были оставить глубокій слѣдъ на психикѣ художника, и чѣмъ ярче эти впечатлѣнія, чѣмъ богаче жизнь, тѣмъ шире будетъ и размахъ художественной литературы. Намъ предстоитъ теперь видѣть блестящій расцвѣтъ ея въ Россіи, и мы имѣемъ всѣ данныя еще много ожидать отъ автора этого сборника. Онъ выпустилъ пока только первый томъ своихъ разсказовъ, печатавшихся раньше въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Остается пожелать ему, чтобы въ его новыхъ разсказахъ обновляющаяся жизнь и ея новые элементы, за которыми—все великое будущее страны, заняли бы должное мѣсто среди его художественныхъ образовъ.

В. Величкина.

Кнутъ Гамсунъ. *Драма жизни.* Пер. С. А. Полякова. Изд. второе. Книгоизд. „Скорпіонъ". Москва. Ц. 50 к.

Весь К. Гамсунъ—какая-то напряженная до тоски мелодія, которую можно лишь передать загадочнымъ „Warum?" Р. Шумана. Тонкій, острый наблюдатель самыхъ незамѣтныхъ проявленій жизни, К. Гамсунъ ищетъ въ нихъ ключи къ внутреннему таинственному для него смыслу жизни человѣка. Черезъ самое неуловимое онъ хочетъ подойти къ ней и это выражается въ особенностяхъ его письма. Напримѣръ, въ „Панѣ", описывая наступленіе весны, К. Гамсунъ изображаетъ не солнце, не общую картину, а самые неуловимые, но самые несомнѣнные зато признаки: онъ говоритъ о корѣ на деревьяхъ, о видѣ мховъ и лишаевъ. Онъ какъ будто влюбленъ болѣзненно въ жизнь и для него, какъ для влюбленнаго, нѣтъ „пустяковъ", и самое незначительное для человѣка въ иномъ состояніи духа пріобрѣтаетъ огромное и рѣшающее значеніе. Зато необыкновенная мѣткость, съ которою онъ подмѣчаетъ эти драгоцѣнныя черточки, правда жизни ихъ вводитъ въ обманъ нѣкоторыхъ критиковъ и они даютъ имъ право назвать реалистомъ этого тонкаго художника съ такимъ безпощадно-острымъ зрѣніемъ. Но „реализмъ" К. Гамсуна заключается только въ умѣніи быть вѣрнымъ природѣ. Онъ ловитъ и передаетъ самые незамѣтные для менѣе встревоженно-напряженной души излучины и проблески внутренняго свѣта, которые даютъ ключъ къ таинственному процессу, совершающемуся внутри человѣка. Напримѣръ, поразительно поставлена короткая и яркая, какъ молнія, озаряющая глубины, фраза Терезиты въ „Драмѣ жизни", которую та бросаетъ послѣ разговора съ Карено „красавцу-рабочему".

„Чтобы этого больше не было", говоритъ она. И читатель сразу понимаетъ и сущность ея отношеній къ этому рабочему, и что она озарилась надеждою на безконечно болѣе глубокое и прекрасное, совершенно

чуждое всего „прежняго“, духовное преображеніе черезъ Карено. Весь комплексъ чувствъ и отношеній, вся „драма“ Терезиты—въ этой короткой черточкѣ. У К. Гамсуна совершенно свой масштабъ для опредѣленія существеннаго въ загадочной, страшно загадочной для него жизни и потому центръ тяжести изображаемаго Гамсуномъ лежитъ на такихъ для обычнаго письма незначительныхъ деталяхъ, что кажется, будто въ его глазахъ зрительный аппаратъ другого устройства, чѣмъ у всѣхъ, дѣлающій большимъ незамѣтное и уменьшающій все крупное. И, думается, что здѣсь есть извѣстная сознательность, что въ словахъ „искателя правды“ Карено есть смыслъ, относящійся къ самому К. Гамсуну, когда Карено говоритъ: „Быть можетъ, мнѣ удастся при помощи оптическаго обмана нѣсколько расширить мое земное познаніе.“ „О-о... какъ бы я желалъ доискаться до сути!..“ И эта жажда найти „суть“—это тоска Гамсуна, заставляющая его фиксировать все вниманіе на мельчайшихъ проявленіяхъ почти несознанныхъ движеній личности, на той игрѣ лучей, по которой ему кажется возможнымъ уловить внутреннее озареніе человѣческаго „я“. „Суть“—не въ достиженіи людьми ихъ цѣлей, а въ томъ таинственномъ „нѣчто“, что свѣтитъ людямъ, но недостижимо, „какъ луна“, говоря словами Терезиты, героини драмы, которая воплощаетъ въ себѣ эту тоску по „озареніи“. Она—самое интересное изъ дѣйствующихъ лицъ „Драмы жизни“ еще потому, что въ ней К. Гамсунъ подошелъ къ чисто-женской „драмѣ“ или проблемѣ. То обстоятельство, что она—женщина, дѣлаетъ ея исканія еще трагичнѣе и безысходнѣе, потому что, ища воплощенія своихъ сокровеннѣйшихъ запросовъ иной жизни въ отношеніяхъ съ людьми, она натыкается въ отвѣтъ на эти исканья своего тоскующаго духа на любовь къ себѣ, какъ къ женщинѣ, на эту вѣчную антиномію духа и естества. Она темная, несознательная, она не знаетъ, какъ это зналъ В. Соловьевъ, что такое Афродида вульгарная и Афродита небесная, но она—воплощеніе тоски по „небесной“ и, какъ волна о скалы, бьется о роковую для нея, всегда становящуюся на пути преграду—страсть къ ней, какъ къ женщинѣ. Искатель Карено, сродный ей въ тоскѣ въ исканьяхъ, является для нея тѣмъ прекраснѣйшимъ въ жизни, для чего „нѣтъ жертвъ“. Но она въ немъ пробуждаетъ страсть къ себѣ, ея „луна“ очутилась на землѣ, у нея уже нѣтъ точки прицѣла для устремленій, она утратила лучшее своего „я“ и взамѣнъ получила то, что ей давали всѣ кругомъ, и тогда она бьется и мечется, какъ ослѣпшая, и за свою боль дѣлаетъ больно всѣмъ обманувшимъ ее миражемъ отвѣта на исканья, пока „Справедливость“—нищій Тю, такъ прозванный,—не убиваетъ ее... Это вторая „героиня“ драмы—„Справедливость“. Что-то обѣщающая и нищая, ничего не знающая, у которой всѣ предполагаютъ какое-то знаніе, она нужна людямъ „Драмы жизни“, какъ отвѣтъ на большой вопросъ „почему“, какъ уходъ отъ безпощаднаго „Warum?“ непримиренной души. Тю точно говоритъ собою:

роль „справедливости" нелѣпа, ея единственное оправданіе—это смерть, ея единственный смыслъ—поставить хоть такую механическую точку страданію и другого средства для прекращенія „драмы жизни" нѣтъ. Образъ Отермана, сходящаго съ ума лишь только онъ даже въ области матеріальныхъ благъ увидѣлъ „огромное"; образъ Карено, нелѣпо и безцѣльно лишеннаго плода цѣлой жизни, рукописи, когда сгораетъ башня; дѣти Отермана, сожженныя его же рукою; люди, падающіе отъ какой-то ужасной эпидеміи,—все это нагромождается къ концу драмы точно для того, чтобъ показать зависимость человѣка отъ какихъ-то случайностей, ничего общаго съ внутренне-цѣннымъ для него не имѣющихъ. Эти случайности стряхиваютъ человѣка въ пропасть, лишь только онъ хочетъ опереться на что-либо, внѣ его лежащее, лишь только свой отвѣтъ на запросъ о внутреннемъ или внѣшнемъ благополучіи онъ мнитъ обрѣтеннымъ. Все дѣлается нелѣпо, все „не то"—лишь только „обрѣтено". Но почему?

И какъ на вопросительной нотѣ шумановскаго „Warum?", обрывается „Драма жизни" только потому, что пришла смерть и поставила точку. А не будь ея, безъ конца тянулась бы все та же загадочная игра случайности на фонѣ глубокой тоски по какому-то иному отвѣту.

Такова „страшная" и какая-то щемяще-захватывающая, какъ рѣчи безъ значенья, пьеса К. Гамсуна, которой „безъ волненья внимать невозможно". Что то, намъ для насъ самихъ въ себѣ незамѣтное, но интимное, но наболѣвшее, задѣваетъ она...

Ир. Д.

П. Кропоткинъ. *Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ.* Изданіе товар. „Знаніе". Пер. съ англ. В. Батуринскаго, подъ ред. автора.

Въ мартѣ 1901 г. авторъ прочелъ въ институтѣ Лоуэлля, въ Бостонѣ, восемь лекцій по исторіи русской литературы въ XIX ст. „и этотъ краткій курсъ былъ поводомъ къ составленію настоящей книги". На 352 страницахъ тутъ даны сообщенія и о „ранней народной литературѣ", и о лѣтописяхъ, о „средневѣковой литературѣ", о „временахъ Екатерины II" и „декабристахъ". Далѣе говорится о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и болѣе новыхъ нашихъ классикахъ. Но вкратцѣ упоминается, напр., и о Нарѣжномъ, объ Я. Панаевѣ, Н. Герделѣ, Л. Шелгуновой; въ главѣ: „драма"—о Хмѣльницкомъ, А. И. Писаревѣ и пр.; не забытъ и Крыловъ-Александровъ. Среди критиковъ названъ и П. Полевой. Самымъ молодымъ писателемъ въ книгѣ поставленъ г. Горькій. Очевидно, содержаніе „курса" принаровлено къ особымъ цѣлямъ и составу слушателей. Русскому читателю, кромѣ того, нѣтъ основаній ждать отъ книги и какой-либо большой историко-литературной учености. Насъ могутъ здѣсь интересовать, что ли,

литературныя мнѣнія соотечественника—даровитаго, извѣстнаго, убѣжденнаго соціальнаго теоретика и дѣятеля. Эти мнѣнія подчасъ самостоятельны и цѣлостны. Ницше, напр., именуетъ Достоевскаго единственнымъ психологомъ, многому научающимъ. А г. Кропоткинъ не удерживается повторить формулу Михайловскаго о „жестокомъ талантѣ". Въ „Братьяхъ Карамазовыхъ" онъ усматриваетъ только „нѣсколько хорошихъ страницъ, попадающихся кое-гдѣ на протяженіи романа" и т. д. Яркая индивидуальность, г. Крапоткинъ вообще слабо вибрируетъ на творчество Достоевскаго. Симпатіи автора легко прорываются. Больше всего въ „курсѣ" толкуется о Толстомъ. Въ его педагогическихъ трудахъ авторъ отыскиваетъ „чисто-анархическіе принципы" — высшая похвала въ устахъ г. Кропоткина. Но и освѣщеніе толстовской философіи авторъ прерываетъ на самомъ любопытномъ мѣстѣ: „Могутъ ли два элемента, одинъ изъ которыхъ относится къ области знанія и науки, а другой (справедливость)—къ области этики, оказаться достаточными для построенія религіи, безъ какой-либо примѣси *мистицизма*—этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы настоящей книги". Можетъ быть, характерно для г. Кропоткина съ его прямолинейностью и заявленіе: „Смѣхъ — всегда уже шагъ къ примиренію". Потому, на его взглядъ, и у Салтыкова „ѣдкія замѣчанія *слишкомъ часто* теряются въ *порокѣ* малозначительной *болтовни*". Автору у насъ книга не валететъ никакихъ новыхъ лавровъ. Но вѣдь она и назначалась англичанамъ. Все же противъ перевода книги на русскій языкъ едва ли правильно возражать: вѣдь и компиляціями дѣйствительно интеллигентныхъ и идейныхъ писателей мы еще не столь богаты.

А. Налимовъ.

Лейтенантъ С. (К. К. Случевскій). *Стихотворенія.* Спб. 1907.

Мопассанъ настойчиво требовалъ, чтобы только одни *сочиненія* писателя были открыты для общества, для публики. Нашъ Гончаровъ защищалъ полную *личную* неприкосновенность автора и по смерти его. Но вотъ возьмите въ руки томъ стихотвореній К. К. Случевскаго. Какъ оторветесь вы тутъ отъ мысли, что молодой офицеръ, представленный здѣсь на портретѣ,—жертва Цусимскаго эпизода нашей соціальной драмы?! Пересматриваете стихи, и вамъ невольно кажется, что на самыхъ раннихъ изъ нихъ уже дрожали какія-то зловѣщія тѣни. Въ книгѣ много разнообразныхъ морскихъ пейзажей, очевидно, снятыхъ съ натуры. Авторъ не однажды даетъ понять, что самочувствіе у него, моряка, бодрое, что на своемъ поприщѣ онъ не чужакъ и не случайный гость. „Куда подвижная не кинетъ насъ судьба,—говоритъ авторъ,—какихъ земныхъ морей еще мы не видали? Привычкой долгою насъ волны привязали къ себѣ, какъ женщина—влюбленнаго раба. Скучна намъ берега тревожная свобода".

А относительно морскихъ битвъ мы даже слышимъ отъ Случевскаго такія признанія: „О, если можетъ смерть служить началу жизни, пускай шумитъ гроза и рушится на насъ,—мы жизнь свою спѣшимъ отдать отчизнѣ...“ и „влагой скорбною омыта искупленья, пусть счастье новое, родимая страна, тебя обрадуетъ зарею возрожденья“. Но лиризмъ, преобладающій у Случевскаго, выдвигаетъ черты поколѣнія, круга, момента—знакомыя, но не обѣщавшія побѣдъ. Въ стихотвореніи „Отвѣтъ“ авторъ обращается къ какимъ-то „степеннымъ людямъ“. И шлетъ имъ отсюдь не уважительные попреки, причемъ и своихъ сверстниковъ не выставляетъ въ чарующемъ свѣтѣ.

Пускай, по вашему, мы слабы и больны...
Но не вами ль мы на свѣтъ такими рождены?
Не вами ль брошены безъ всякихъ убѣжденій
Среди пылающихъ на торжищѣ строеній?

Авторъ, видимо, силится не поддаваться пессимизму. И, однако, воспѣваетъ „забвеніе“. „Но въ чемъ забвеніе? *Не все ль равно!*... Забвенье такъ найти, чтобъ, имъ утомлено, не мстило за себя поруганное чувство, и радость не была бъ позорно отнята...“ „Хотѣлъ бы, природа, всеобщая мать, твой нѣмой и таинственный сонъ разгадать, пережить твой тяжелый кошмаръ“. А самъ погибъ отъ „кошмара“ исторіи „невольникомъ чести“.

А. Налимовъ.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. СПБ. 1907. (XLV+297 стр.). Ц. 3 р.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать, — сказано въ заявленіи отъ редакціи „Галлереи“. Если бы даже это была правда, если бы пересталъ существовать навсегда этотъ фокусъ россійской государственности, съ ея ненасытной жаждой мести, то и тогда біографіи шлиссельбургскихъ узниковъ представляли бы громадный историческій интересъ. Но Шлиссельбургъ живъ, — онъ живъ у истоковъ Невы и въ далекомъ Акатуѣ, онъ живъ въ каждой губернской и уѣздной тюрьмѣ съ политическими заключенными,—и для того, чтобы пересталъ, наконецъ, существовать строй, неспособный дать ничего, кромѣ безчисленныхъ Шлиссельбурговъ, нужно пожелать самаго широкаго распространенія „Галлереи“.

Въ книгѣ находимъ біографическіе очерки тридцати лицъ, мучившихся, замученныхъ и казненныхъ въ исторической тюрьмѣ: четыре біографіи декабристовъ,—затѣмъ черезъ поляка Валеріана Лукасинскаго, черезъ Бакунина и Долгушина исторія русской революціи въ лицахъ переходитъ

къ дѣятелямъ земледольческаго и народовольческаго періодовъ, заканчиваясь пятью лицами, казненными за покушеніе на Александра 1-го марта 1881 г. Изъ этихъ пяти лицъ, къ сожалѣнію, только Александру Ильичу Ульянову посвященъ обстоятельный очеркъ, написанный его сестрою А. Ульяновой.

Наибольшее вниманіе привлекаютъ къ себѣ біографіи и характеристики, написанныя Вѣрой Николаевной Фигнеръ (Фроленко, Морозовъ, Антоновъ, Похитоновъ, Лукашевичъ, Новорусскій). Сколько въ этихъ очеркахъ величественной,—я бы сказалъ Шлиссельбургской,—простоты, и сколько тонкой нѣжности безъ словъ, порою переходящей въ едва уловимый юморъ! Объ авторѣ этихъ очерковъ читатель почерпнетъ характерныя данныя изъ статьи товарища В. Фигнеръ по Шлиссельбургу—С. Иванова, а также изъ статьи С. Елпатьевскаго. Перу С. Иванова принадлежитъ и біографія Л. А. Волкенштейнъ, убитой во Владивостокѣ въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ кровавой россійской конституціи. Некрологъ застрѣлившагося въ Якутскѣ Л. Ѳ. Яновича написанъ Л. Василевскимъ (Плохоцкимъ), такъ же, какъ и некрологъ погибшаго въ Шлиссельбургѣ Людвига Варынскаго.

Весь чистый доходъ отъ продажи „Галлереи“ предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Совершенно независимо отъ этой частной цѣли, желательно, чтобы книга получила самое широкое распространеніе ради своего содержанія, — этой замѣчательной исторіи русской революціи въ лицахъ.

М. Ольминскій.

Проф. Озеровъ. *Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?* Критика русскаго расходнаго бюджета и государственный контроль (по неизданнымъ документамъ). М. 1907 г. Стр. V+305. Ц. 1 руб.

Подробное заглавіе достаточно ясно говоритъ о характерѣ этой чрезвычайно интересной книги. Она посвящена развитію и доказательству той мысли, что „многіе факты нашей государственной жизни вливали ядъ въ народный организмъ: авторъ имѣетъ въ виду чрезвычайную доступность государственнаго сундука для бѣлыхъ рукъ, легкость полученія всевозможныхъ снисхожденій, субсидій и т. д.“ (стр. II); что „для всѣхъ власть имущихъ или пользующихся вліяніемъ представлялась возможность творить свою волю; казенный сундукъ чрезвычайно легко поддавался у насъ этимъ вліяніямъ... въ интересахъ отдѣльныхъ группъ“ (стр. 178); что „экономическая политика орошала золотымъ дождемъ промышленные классы. Народъ платилъ, правительство собирало его деньги и крупную долю ихъ клало въ карманы состоятельныхъ лицъ, клало подъ разными формами—въ видѣ казенныхъ заказовъ по повышенной цѣнѣ, въ видѣ ссудъ изъ

государственнаго банка, подрядовъ и поставокъ при постройкѣ ж. д; что вся наша исторія есть сплошная организація такого обогащенія части населенія, его кучки за счетъ массы“ (стр. 284—285). „Все это создавало особую атмосферу въ Россіи, атмосферу азарта, игры и авантюръ“ (стр. 180).

А контроль?

„Государственный контроль, при всемъ его добромъ желаніи, обреченъ былъ оставаться пассивнымъ зрителемъ всей этой нехозяйственности, всѣхъ этихъ злоупотребленій, снабженныхъ всѣми формальностями права, всего этого процесса чрезмѣрно-форсированнаго обогащенія немногихъ за счетъ широкихъ слоевъ населенія. Воздѣйствовать на этотъ процессъ онъ былъ не въ силахъ: это было внѣ его компетенціи и внѣ его власти, онъ могъ только зарегистрировать у себя эти явленія, нерѣдко *боялся даже вскрывать ихъ*!.. У государственнаго контроля не было власти“ (стр. 183). *Сотни милліоновъ* неправильно тратятся, и все это потому, что у контроля руки коротки для сильныхъ міра сего, и онъ не въ состояніи ихъ уловить—онъ цѣпляется, въ концѣ концовъ, за... пресловутаго стрѣлочника, всегда и во всемъ виноватаго... и здѣсь передъ контролемъ стрѣлочникъ же является козломъ отпущенія“.

Такимъ образомъ „съ нищаго народа сдираютъ послѣднюю рубашку, а...“ администрація... „остается суха“... „Да гдѣ же мы живемъ?“—восклицаетъ проф. Озеровъ (стр. 207).

Все это, подобная „финансовая организація, не есть дѣло только финансовой техники...; это явленіе глубоко-общественное и организація финансовъ тѣсно связана *со всѣмъ строемъ* общественной и политической жизни страны... Въ абсолютной монархіи почти нѣтъ государственнаго контроля—контроль здѣсь частное дѣло монарха.

Финансы страны могутъ быть поставлены хорошо только при хорошемъ народномъ представительствѣ, слѣдовательно, широкомъ избирательномъ правѣ, свободѣ печати, дѣйствительномъ контролѣ народнаго представительства, публичности дѣйствій финансовой администраціи“ (стр. 181).

Таковы основныя мысли книги, для доказательства которыхъ приводятся столь убѣдительные и краснорѣчивые *факты* изъ области бюрократическаго хозяйничанья, что этотъ трудъ проф. Озерова *долженъ сыграть видную роль въ борьбѣ за бюджетное верховенство Думы и оказать серьезное вліяніе на постановку контрольнаго дѣла*. Приводимые проф. Озеровымъ факты, которые онъ добылъ изъ центральнаго архива государственнаго контроля въ Петербургѣ и Москвѣ, производятъ на читателя прямо-таки потрясающее впечатлѣніе. Здѣсь поражаешься не внутренней силой аргументовъ, приводимымъ авторомъ въ подкрѣпленіе той или иной мысли, а той безподобной картиной бюрократическаго хищничества, которую онъ нарисовалъ, картину, охватывающую *весь* сто-

роны и уголки нашего финансоваго хозяйства. Поэтому книга проф. Озерова цѣнна больше всего своимъ *фактическимъ* матеріаламъ,—въ нее тщательно записаны всѣ грѣхи стараго режима, поскольку послѣдній проявлялъ себя въ наиболѣе близкой для него сферѣ государственныхъ финансовъ.

Проявленіе *такой* книги въ *настоящее* время было прямо-таки необходимо и, несомнѣнно, успѣхъ ея будетъ колоссаленъ: ее будутъ цитировать въ Думѣ, печати, на митингахъ... Ее необходимо имѣть всякому, кто интересуется судьбами своей родины...

Очень жаль, что этотъ цѣнный трудъ проф. Озерова не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Книга, повидимому, написана на-спѣхъ, ибо въ ней нѣтъ послѣдовательности и много хаотичнаго, а отдѣльныя части и главы непропорціональны въ отношеніи трактуемыхъ въ нихъ вопросовъ, что нѣсколько затрудняетъ нахожденіе центральной мысли данной главы.

Говоря объ экономической политикѣ Россіи, авторъ восхищается экономическимъ прогрессомъ Америки, но въ доказательство этого приводитъ фактъ, что государственный долгъ Америки не великъ и имѣетъ тенденцію къ сокращенію, совершенно не считаясь съ долгами *отдѣльныхъ штатовъ* (долги эти велики, но въ сумму государственнаго долга не входятъ) и съ тѣмъ, что въ Америкѣ жел.-дор. дѣло находится въ *частныхъ* рукахъ; невѣрно также и то утвержденіе, что Соед. Штаты „начинаютъ выступать въ качествѣ мірового банкира“ (стр. 269): напряженность мірового денежнаго рынка и высота учетно-ссудныхъ нормъ въ центральныхъ банкахъ Европы вызваны главнымъ образомъ необузданнымъ требованіемъ на металлъ со стороны Америки.

Въ отношеніи выводовъ съ авторомъ во многомъ можно не соглашаться, но тѣмъ не менѣе выводы эти вполнѣ прогрессивны. Такъ, проф. Озеровъ стоитъ за *принудительное* отчужденіе земли, $9^1/_2$—10 (пока) рабочій день и за широкую, коренную реформу фабричнаго законодательства и народнаго просвѣщенія, которое будетъ предпосылкой для введенія 8 ч. рабоч. дня. Въ области податныхъ отношеній проф. Озеровъ намѣчаетъ планъ радикальной реформы всего нашего податного дѣла.

Книга издана хороша.

В. Мукосѣевъ.

В. Мечъ. *Силы реакціи.* Изд. „Движеніе“. М. 1907 г. Ц. 45 коп.

Книжка В. Меча „Силы реакціи“ является первымъ выпускомъ серіи работъ, задуманной группой московскихъ меньшевиковъ, подъ общимъ названіемъ „Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи въ 1905 и 1906 гг.“. Авторы этой коллективной работы (Вл. Горнъ, В. Мечъ и Черевaнинъ) ставятъ себѣ цѣлью выяснить съ точки зрѣнія марксизма основные соціальные процессы Великой россійской революціи. При этомъ

они имѣютъ въ виду „представить развитіе великой народной борьбы, какъ единый, связный процессъ, въ видѣ одной широкой, цѣльной и вмѣстѣ детализованной картины". Перспектива заманчивая, задача широкая! Но поскольку можно судить по первому выпуску, авторы врядъ ли справятся со своей задачей.

Книжка „Силы реакціи" состоитъ изъ двухъ частей: въ первой (I и II главы) авторъ анализуретъ русскую дѣйствительность и опредѣляетъ активные и пассивные, сознательные и безсознательные контръ-революціонные классы и сословія; во второй — онъ даетъ краткій историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности реакціонныхъ и черносотенныхъ организацій. Выясняя экономическія предпосылки реакціонной позиціи дворянства, духовенства, бюрократіи и группы крупныхъ капиталистовъ, какъ активныхъ и сознательныхъ защитниковъ самодержавія, г. В. Мечъ правильно замѣчаетъ, что „если бы сила реакціи заключалась только въ этихъ группахъ,—дѣло режима было бы давно проиграно". Дѣйствительно, незакономѣрнымъ и научно-невѣроятнымъ являлось бы положеніе, что режимъ, выгодный людямъ, представляющимъ какихъ-нибудь 4 — 5 милліоновъ населенія, удержится противъ 130 милліоновъ остального народа, враждебнаго ему. Причину этого противорѣчія авторъ справедливо усматриваетъ въ консерватизмѣ городскихъ и сельскихъ классовъ мелкихъ собственниковъ и группъ изолированнаго, раздробленнаго труда. Но дальнѣйшій его анализъ „силъ реакціи" страдаетъ существеннымъ упущеніемъ. Прежде всего, авторъ разсматриваетъ реакцію и ея силы внѣ связи съ ростомъ задачъ революціи. Если аграрное движеніе закончило „поэтическій періодъ" земскаго либерализма, то не менѣе справедливо, что революціонныя выступленія Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ толкнули либеральную буржуазію вправо, въ сторону реакціи. Г. В. Мечъ очень слабо и бѣгло освѣщаетъ дѣятельность и взаимоотношеніе послѣдней съ ростомъ силъ реакціи. Онъ совсѣмъ не разсматриваетъ, напр., роль либеральной буржуазіи въ октябрьскіе и декабрьскіе дни 1905 г., которая имѣла, на нашъ взглядъ, кардинальное значеніе для хода революціи и реакціи. Авторъ совсѣмъ не удѣляетъ также вниманія механическимъ силамъ режима и въ частности роли войска, какъ вспомогательной силы реакціи. Что касается второй части книжки, то она содержитъ историческую сводку общеизвѣстныхъ свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности черной сотни. Ничего новаго въ ней авторъ не даетъ. Занавѣсъ таинственной силы и власти „орденовъ черныхъ рыцарей" дальше и выше генераловъ Богдановича и Трепова не вскрывается. Вопросъ, почему столыпинскій кабинетъ министровъ, облеченный „всей полнотой власти" до разгона Госуд. Думы включительно, оказывается безсильнымъ и безпомощнымъ передъ вольнонаемными убійцами—Сашкой Косымъ и Гамзѣй Гамзѣичемъ,—остается для читателя открытымъ...

Д. М. З.

Соціализмъ въ Англіи. *Сборникъ статей англійскихъ соціалистовъ, составл. С. Веббомъ.* Пер. съ нѣм. Изд. д-ра Г. Курелла. Библіотека „Общественной Пользы". СПБ. 1907. Ц. 1 руб.

Самой свѣжей изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ,—десять лѣтъ съ лишнимъ. Отсюда уже можно судить, насколько современный соціализмъ въ Англіи соотвѣтствуетъ той картинѣ, которая вырисовывается изъ чтенія сборника. Рѣзкій поворотъ въ настроеніи рабочаго класса въ Англіи, обнаружившійся въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, и быстрые успѣхи соціалъ-демократіи все усиливались и постепенно сближали классовую тактику англійскаго пролетаріата съ тактикой ихъ континентальныхъ товарищей. Своеобразіе англійскаго соціализма по мѣрѣ роста новаго движенія стало исчезать. И тѣ отличительныя черты чисто-англійской складки, которыя накладывали на соціализмъ въ Англіи самодовольную печать буржуазнаго „здраваго смысла", теперь во всякомъ случаѣ не являются самой характерной примѣтой рабочаго движенія въ Англіи. Между тѣмъ сборникъ въ общемъ, главнымъ образомъ, и настаиваетъ на этомъ отходящемъ въ прошлое своеобразіи.

Сборникъ составленъ для нѣмецкаго читателя однимъ изъ виднѣйшихъ представителей особеннаго, англійскаго соціализма, Сиднеемъ Веббомъ. И въ своемъ предисловіи С. Веббъ такъ характеризуетъ отличіе англійскаго движенія отъ нѣмецкаго. Англійскій соціализмъ, говоритъ онъ, не носитъ классоваго характера: „Значительная часть англійскихъ соціалистовъ принадлежатъ къ среднимъ классамъ... милліоны же рабочихъ не только подаютъ голоса за консерваторовъ, но и очень консервативно настроены". Что касается этого соціализма среднихъ классовъ, своего рода внѣклассоваго соціализма, то его своеобразный характеръ достаточно ярко выясняется изъ того, что „въ каждомъ правительственномъ учрежденіи есть соціалисты, принадлежащіе къ обществу фабіанцевъ (къ этому же обществу принадлежитъ и С. Веббъ), но это не мѣшаетъ имъ двигаться по служебной лѣстницѣ". И Веббъ перечисляетъ многихъ видныхъ соціалистовъ, занимающихъ важныя административныя должности. Такъ, напр., одинъ изъ организаторовъ международнаго соціалистическаго конгресса въ Лондонѣ въ 1896 г. „занимаетъ очень важный постъ въ консервативномъ министерствѣ". Веббъ приводитъ всѣ эти примѣры для иллюстраціи того, что въ Англіи никого не преслѣдуютъ за принадлежность къ соціалистическимъ партіямъ, но эти многочисленные факты очень характерны и для самихъ англійскихъ соціалистовъ изъ „среднихъ классовъ". Два—три положенія изъ фабіанской программы дополнятъ и объяснятъ столь невиданное на континентѣ своеобразіе.

„Въ Англіи,—гласитъ седьмой пунктъ этой программы, трактующій о „фабіанскомъ соціализмѣ",—вопросъ заключается не въ томъ, чтобы на-

родъ получилъ больше власти, а въ томъ, чтобы онъ разумно распорядился уже имѣющейся въ его рукахъ властью". Или четвертый пунктъ о „конституціонализмѣ фабіанцевъ": „Фабіанцы симпатизируютъ стремленію средняго человѣка къ постепенному мирному улучшенію своей доли; они избѣгаютъ возстаній и конфликтовъ съ арміей и полиціей; они не жаждутъ мученичества... они не предполагаютъ, чтобы въ одинъ прекрасный день было поставлено на карту существованіе имущихъ классовъ, съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой".

Идеальная „трезвость" и умѣренность такого рода соціалистическаго движенія, вполнѣ понятно, имѣетъ своимъ идеальнымъ же предѣломъ государственный соціализмъ. Можно *смѣло* (курс. нашъ. *Л. Б.*) сказать, восклицаетъ С. Веббъ, что значительное увеличеніе городскихъ газовыхъ заводовъ указываетъ на безсознательное усвоеніе основоположеній соціализма; что расширеніе свободнаго обученія и увеличеніе числа всѣмъ доступныхъ библіотекъ служитъ показателемъ *распространенія коммунистическихъ идей* (курс. нашъ. *Л. Б.*) „Смѣлость" подобныхъ утвержденій достаточно охарактеризована соціалъ-демократической литературой, чтобы останавливаться сейчасъ на ихъ разборѣ.

Въ какомъ освѣщеніи могъ явиться рабочій классъ для этого соціализма? Къ какому пролетаріату могъ идти съ такой пропагандой этотъ соціализмъ? Отвѣтъ получается слѣдующій: „Англійскіе рабочіе не составляютъ единаго однороднаго класса; они распадаются на множество слоевъ, изъ которыхъ каждый рѣзко и опредѣленно понимаетъ свои профессіональные интересы и считаетъ себя выше тѣхъ, кто стоитъ ниже его". Здѣсь указанъ типичный фактъ недавняго прошлаго въ Англіи: рѣзкое раздѣленіе рабочихъ на обученныхъ и необученныхъ, замкнутыя профессіональныя организаціи первыхъ, враждебное отношеніе привилегированныхъ и организованныхъ рабочихъ къ чернорабочимъ,—словомъ, здѣсь обрисованъ, такъ называемый, старый трэдъ-юніонизмъ. И опять-таки слѣдуетъ отмѣтить, что современное рабочее движеніе въ Англіи слишкомъ далеко ушло отъ этой профессіональной „политики", чтобы можно было удовлетвориться опредѣленіемъ сборника. „Трезвость" англійскаго соціализма, такимъ образомъ, питалась особаго рода состояніемъ классовой неопредѣленности, какъ временнымъ этапомъ великаго движенія. „Представленіе о „пролетаріатѣ, сознающемъ свое классовое положеніе", совершенно непримѣнимо къ Англіи",— такое категорическое утвержденіе, въ свою очередь, стало „совершенно непримѣнимымъ" къ Англіи. Но буржуазная близорукость представителей своеобразнаго англійскаго соціализма, конечно, считала это состояніе особымъ, вѣчно присущимъ англійскому пролетаріату качествомъ. Поэтому-то у Вебба и могла вылиться слѣдующая характерная фраза, въ которой такъ рельефно выступаетъ и самодовольный размахъ умѣренности, и буржуазная наивность „трезваго" соціализма: „Есть очень много данныхъ

за то, что общество (фабіанцевъ), благодаря политической свободѣ, отсутствію классовой розни и благосостоянію широкихъ слоевъ англійскаго народа, добьется реформъ путемъ вліянія на общественное мнѣніе, на образованные и состоятельные классы".

Сборникъ, такимъ образомъ, въ значительной степени имѣетъ историческое значеніе и мало соотвѣтствуетъ современному соціалистическому движенію въ Англіи. Но для знакомства съ былымъ яркимъ своеобразіемъ онъ даетъ много интересныхъ данныхъ. Кромѣ очень небольшихъ статеекъ Гайндмана („Переходъ къ соціалъ-демократіи") и Бакса („Трикъ"), представляющихъ не своеобразное теченіе англійскаго соціализма, а марксистское, въ сборникѣ помѣщены слѣдующія произведенія: Вильяма Мориса „Такъ называемое общество и дѣйствительное общество", двѣ статьи Сиднея Вебба—„Истинный и ложный соціализмъ" и „Политика фабіанцевъ и англійскій соціализмъ",—Роберта Блэгфорда „Соціализмъ. Отвѣтъ на энциклику папы", Д. Б. Шоу—„Безнадежность анархизма", Сиднея Балла—„Этическая сторона соціализма", В. Ф. Весткорта—„Церковь и соціализмъ" Джона Бернса—„Безработные", Беатрисы Веббъ—„Отношеніе профессіональныхъ союзовъ къ кооперативнымъ товариществамъ" и, наконецъ, произведенія четырехъ рабочихъ В. Абрагама, М. Аустина, Д. Маудсли и Т. Мэна, членовъ королевской комиссіи (въ 1891 г.) для изученія положенія наемныхъ рабочихъ,—„Отчетъ меньшинства королевской комиссіи по вопросу о наемномъ трудѣ 1891—1894 гг.".

Переводъ сборника сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно.

Л. Б.

Эрнестъ Унтерманъ. *Антоніо Лабріола и Іосифъ Дицгенъ.* Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Изданіе Дауге. Спб. 1907.

Мы не можемъ признать этотъ „опытъ сравненія" особенно удачнымъ. Унтерманъ приводитъ сперва рядъ цитатъ изъ сочиненій Лабріола, затѣмъ изъ Дицгена и сопоставляетъ ихъ. Цитаты въ общемъ малохарактерны для взглядовъ обоихъ мыслителей, но американскій соціалистъ называетъ ихъ почему-то „главными" (с. 19) и на основаніи ихъ „сразу же раскрываетъ характерное различіе въ теоріи. Историческій матеріализмъ исходитъ изъ человѣческаго общества, пролетарскій же монизмъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ естественную природу (weltall). Отсюда—важное различіе на практикѣ (с. 24). Первый пунктъ этого различія тотъ, что безъ дицгеновской теоріи познанія историческій матеріализмъ остается будто бы несовершеннымъ и несвободнымъ отъ нѣкоторыхъ метафизическихъ пережитковъ. Этой же причинѣ—т. е. отсутствію знакомства съ философіей Дицгена—Унтерманъ приписываетъ рядъ ошибокъ у Маркса и

его послѣдователей. Если Марксъ и Энгельсъ ошиблись, напримѣръ, въ своемъ взглядѣ на билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ, то, помимо другихъ причинъ, это „обусловливается отчасти и недостаточностью самого историческаго матеріализма въ тѣсномъ „смыслѣ слова" (с. 27). Если во взглядахъ Лабріолы существуютъ дефекты, то „и здѣсь чувствуется недостатокъ теоріи познанія Дицгена" (с. 34). Если Лабріола рецензируетъ книгу Масарика „О философскихъ основахъ марксизма", то Унтерманъ опять-таки очень сожалѣетъ, что „незнаніе Лабріолой теоріи познанія Дицгена помѣшало ему ближе заняться Масарикомъ въ данномъ вопросѣ" (с. 37) И т. д. и. т. д. Какого бы вопроса ни коснулся какой-нибудь писатель-марксистъ, во всемъ помѣхой, по свидѣтельству Унтермана, является его незнакомство съ теоріей Дицгена (она же—пролетарскій монизмъ, она же—монистическій матеріализмъ и т. д.). Мы думаемъ, что отъ такихъ похвалъ не поздоровится дицгенской философіи. Во всякомъ случаѣ книжка Унтермана совсѣмъ не убѣдительна и мало помогаетъ разобраться въ оцѣнкѣ значенія Лабріолы и Дицгена.

Переводъ не свободенъ изъ промаховъ. На с. 31 итальянскій ученый Б. Краче названъ Кросомъ. На с. 44 говорится о какомъ-то „импоссибилистскомъ" соціализмѣ. Въ своемъ предисловіи къ переводу г. Дауге называетъ Авенаріуса и Маха „крайне индуктивно-конкретными мыслителями" (с. 8). „Индуктивно-конкретный" мыслитель... „Еще хорошо, если только мошенникъ, а, можетъ быть, и того еще хуже", какъ говоритъ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

П. Ю.

Эрнестъ Унтерманъ. *Наука и революція.* Историческій очеркъ развитія теоріи эволюціи и вліянія классовыхъ интересовъ на философскія и научныя теоріи. Переводъ съ англійскаго А. Круглякова. Книгоиздательство „Освобожденіе труда".

Широковѣщательный подзаголовокъ тонкой—въ 130 небольшихъ страничекъ—книжки отдаетъ чисто-американской рекламой. Никакого „очерка развитія и вліянія классовыхъ интересовъ и пр." читатель не найдетъ въ этой книжкѣ. Это почти голый перечень въ хронологическомъ порядкѣ наиболѣе крупныхъ успѣховъ человѣческой мысли, связанный съ „классовыми интересами" рѣдкими малозначущими замѣчаніями автора. Греціи посвящено какихъ-нибудь пять страничекъ, Риму и эпохѣ средневѣковья—12, позднѣйшимъ эпохамъ больше, но только потому, что возрастаетъ число именъ, о которыхъ приходится упоминать Унтерману. Переводчикъ, въ свою очередь, преподноситъ намъ такіе перлы своего переводческаго таланта: „Но когда умерли послѣдніе великіе метафизики XVII столѣтія, Мальбрантъ и Арнольдъ, *міровыя дѣла начали сосредоточивать*

публичный интересъ на ограниченіи сверхъестественныхъ спекуляцій" (с. 41). Или на с. 95: „Новый толчокъ работѣ электрической пустоты былъ данъ въ 1893—95 г." въ работахъ Ленора и Рентгена. И т. д.

Для сорока копеекъ можно всегда найти лучшее употребленіе, чѣмъ покупка плохой и плохо переведенной книжки Унтермана.

П. Ю.

Къ очередному съѣзду Р. С.-Д. Р. П. *О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ.* Сборникъ статей А. А. Архангельскаго, Эля и Ахмета Ц—ова съ приложеніемъ резолюцій и библіографіи о рабочемъ съѣздѣ. Мск. 1907 г. Ц. 30 к.

Неопредѣленно и туманно формулированная идея созыва всероссійскаго рабочаго съѣзда, впервые высказанная П. Аксельродомъ лѣтомъ 1906 года, приняла въ настоящее время конкретное содержаніе, вылилась въ ясныя формы. Среди сторонниковъ рабочаго съѣзда долгое время царила большая путаница и неопредѣленность во взглядахъ на задачи и цѣли этого съѣзда и на его составъ. Робко и неувѣренно обсуждался этотъ вопросъ въ московскомъ сборникѣ: „Политическое положеніе и тактическія проблемы". Еще неопредѣленнѣе шла агитація въ рабочихъ кружкахъ и собраніяхъ. Первый, кто вплотную подошелъ къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ, кто смѣло поставилъ точку надъ і, былъ Ю. Ларинъ. Взявши девизомъ своей брошюры: „Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ" слова Дантона: „смѣлость, смѣлость и смѣлость", этотъ видный партійный работникъ, но плохой теоретикъ опредѣленно заявилъ, что соціалъ-демократы должны созвать рабочій съѣздъ съ цѣлью кореннымъ образомъ реорганизовать партію и превратить ее въ широкую всерос. рабочую партію „путемъ объединенія всѣхъ существующихъ сплоченій съ соціалистическими тенденціями и стоящихъ внѣ ихъ дѣйствующихъ элементовъ". Съ появленіемъ брошюры Ю. Ларина между сторонниками и противниками рабочаго съѣзда разгорается страстная полемика, которая, осложняясь фракціонной борьбой, принимаетъ острыя формы и изъ сферы идейной борьбы переходитъ въ область практической дѣятельности...

Ноябрьская конференція организацій Р. С.-Д. Р. П. поспѣшила вынести резолюцію, что „активные шаги по организаціи созыва рабочаго съѣзда совершенно недопустимы и являются нарушеніемъ партійной дисциплины до тѣхъ поръ, пока по этому вопросу не состоялось соотвѣтствующаго рѣшенія партійнаго съѣзда. Поскольку же обсужденіе вопроса о рабочемъ съѣздѣ ведется въ партійной прессѣ и на партійныхъ собраніяхъ, оно не должно выходить изъ границъ чисто-принципіальнаго обсу-

жденія". Резолюція эта, внося извѣстную планомѣрность въ агитацію за и противъ рабочаго съѣзда, побудила сторонниковъ послѣдняго настоять на внесеніи вопроса о рабочемъ съѣздѣ въ програму дня предстоящаго съѣзда Р. С.-Д. Р. Партіи.

На ряду съ конкретизаціей идеи рабочаго съѣзда, по мѣрѣ выясненія его цѣли и состава, среди его сторонниковъ произошла дифференціація, обозначались два основныхъ теченія. Одно изъ нихъ ставитъ задачей съѣзда непосредственное созданіе всероссійской соціалистической рабочей партіи и составъ его ограничиваетъ представительствомъ авангарда рабочихъ, обладающихъ классовымъ самосознаніемъ; другое—считаетъ задачей съѣзда образованіе массовой безпартійной организаціи пролетаріата (Всерос. Рабочій Союзъ); реорганизацію же с.-д. партіи это теченіе разсматриваетъ, какъ задачу частную и второстепенную. Крайнимъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ взглядовъ перваго теченія является брошюра Ю. Ларина. Предлагаемый же вниманію читателей сборникъ „О Всероссійскомъ Рабочемъ Съѣздѣ" составленъ сторонниками второго направленія.

Сборникъ этотъ содержитъ три статьи: А. Архангельскаго „Значеніе безпартійныхъ рабочихъ съѣздовъ", Эля—„Всероссійскій рабочій съѣздъ" и Ахмета Ц—ова—„Мелкобуржуазная стихія въ с.-д. партіи и рабочій съѣздъ". Авторъ первой задался цѣлью проанализировать условія созыва, задачи и составъ рабочихъ съѣздовъ въ Германіи и во Франціи; Эль пытается выяснить классовое содержаніе идеи рабочаго съѣзда, значеніе его для широкой организаціи пролетаріата и условія его созыва и, наконецъ, Ахметъ Ц—овъ, характеризуя „большевизмъ", какъ „мелкобуржуазную стихію, захлестывающую нашу партію", старается опредѣлить условія борьбы съ этой стихіей. Всѣ три статьи, несмотря на нѣкоторыя различія въ оттѣнкахъ мысли, представляютъ одно цѣлое. Всѣ онѣ содержатъ лозунгъ: „всѣ дороги ведутъ къ рабочему съѣзду". Каждая старается доказать, что основной потребностью современнаго революціоннаго момента является самая широкая, простирающаяся до предѣловъ класса, самоорганизація пролетаріата, заложить начало которой возможно единственно путемъ созыва всерос. безпартійнаго рабочаго съѣзда. Соціаль-политическая позиція авторовъ „Сборника" подробно выясняется въ статьѣ Эля. „Общерабочій съѣздъ,— по его словамъ,—заложитъ начало не организаціи рабочаго авангарда, а организаціи рабочей *массы*, *класса*, слѣдовательно, *безпартійной* организаціи, напримѣръ, „Всероссійскаго Рабочаго Союза"... Союзъ этотъ, подобно Совѣтамъ Рабочихъ Депутатовъ, не приметъ открыто и разъ навсегда какой-либо изъ существующихъ партійныхъ программъ, но ограничится лишь коллективной выработкой *ближайшихъ* задачъ и методовъ пролетарской классовой борьбы. Такимъ образомъ, онъ будетъ существовать *рядомъ* съ с.-д. партіей". Противъ такой постановки вопроса со стороны соціалъ-демократовъ, на нашъ взглядъ, не можетъ быть принци-

ціальныхъ возраженій. Здѣсь вопросъ тактики, а не принципа. Нельзя не согласиться, что въ данный историческій моментъ, въ интересахъ подъема революціонной борьбы, съ цѣлью закрѣпить ея ближайшіе лозунги и выработать тактическіе пріемы, весьма цѣлесообразно для с.-д. партіи созвать рабочій съѣздъ. При условіи активнаго участія въ немъ организованныхъ рабочихъ, по примѣру Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, Р. С.-Д. Р. П. безспорно займетъ на съѣздѣ доминирующее вліяніе. Организованность партіи возрастетъ, вліяніе ея на рабочія массы усилится. Но мы не можемъ согласиться съ переоцѣнкой значенія рабочаго съѣзда, которую допускаютъ авторы „Сборника". Прежде всего наивно думать, что рабочій съѣздъ уничтожитъ фракціонныя разногласія и создастъ единство въ организаціи. Вѣдь *фактически* единства въ Р. С.-Д. Р. П. никогда не существовало и не существуетъ: до 1902 года мѣстные комитеты и союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса, формально объединенные общей с.-д. идеей, вели самостоятельную, разрозненную работу. Съ 1902 г. началась полоса непрерывныхъ конференцій, съѣздовъ, совѣщаній и т. д. и т. д., скорѣй разъединяющихъ, чѣмъ объединяющихъ партію. Такъ наз. „объединительный" съѣздъ категорически подтвердилъ, что причина фракціонной вражды и, какъ ея слѣдствіе, деморализація партіи зависятъ не отъ лидеровъ партіи и личнаго состава комитетовъ и редакцій, а имѣютъ глубокіе принципіально-программные корни. Конный пѣшему не товарищъ. „Бланкисты и оппортюнисты" (по взаимной терминологіи) не могутъ безъ вреда для общаго дѣла существовать въ одной партіи. Рабочій съѣздъ, формально безпартійный, но фактически состоящій изъ рабочихъ „большевиковъ" и „меньшевиковъ", с.-р. и трудовиковъ, а также неопредѣленныхъ по своимъ соціально-политическимъ убѣжденіямъ, съѣздъ, созванный при современныхъ политическихъ порядкахъ, безсиленъ разрѣшить партійный кризисъ, такъ какъ разрѣшеніе его зависитъ исключительно отъ замѣны удушливой атмосферы подпольной дѣятельности открытымъ существованіемъ партіи, ея съѣздовъ и организацій. Затѣмъ авторы „Сборника" слишкомъ низко кланяются объективному ходу историческаго процесса въ жизни и дѣятельности пролетаріата, какъ политическаго борца за свое классовое освобожденіе. Конечно, революціонная романтика Н. Ленина изъ „Что дѣлать?" давно уже сдана въ архивъ женевской мудрости, и сама книжка, если она и теперь читается, то какъ полубеллетристическое произведеніе, а не какъ руководство къ политической дѣятельности. Теперь даже лидеры „большевиковъ" узнали, что рабочій классъ даже изъ глубины своихъ заблужденій придетъ неизбѣжно къ своей классовой идеологіи [1]). Для многихъ же марксистовъ всегда было истиной положеніе „Сборника", что „какъ бы консервативны рабо-

[1]) См. А. Луначарскій. Предисловіе къ книжкѣ А. Лабріола.

чiи не были, какими бы ярыми сторонниками буржуазнаго строя они себя ни выставляли,—объективныя условія этого строя толкаютъ ихъ на самостоятельную политическую борьбу за свои классовые интересы, въ ихъ полномъ объемѣ, включительно до соціалистическаго строя". Но мы также знаемъ, что пути этой борьбы есть болѣе длинные и болѣе короткіе. Марксизмъ—не кальвинизмъ, и задача марксизма—правильно понять направленіе общественнаго развитія, опредѣлить, какія объективныя и субъективныя силы способствуютъ ему и какія его тормазятъ, и, наконецъ, внести сознаніе, осмыслить пролетарскую борьбу, чѣмъ и способствовать освобожденію пролетаріата кратчайшимъ путемъ, съ уменьшеніемъ „мукъ родовъ". Здѣсь мы сталкиваемся съ основнымъ пунктомъ разногласія сторонниковъ и противниковъ рабочаго съѣзда. При этомъ должны отмѣтить, что критическій анализъ съ точки зрѣнія марксизма партіи и класса, рабочаго движенія и соціалъ-демократическаго—въ „Сборникѣ" также отсутствуетъ, какъ и въ брошюрѣ Ю. Ларина. Послѣдній насъ убѣждаетъ, что „нечего бояться, что если вы теперь снимете вывѣску и широко пустите въ партію подлинныя дѣйственныя силы рабочаго класса,—нечего бояться, что онѣ тогда принизятъ движеніе и совлекутъ его съ вѣрнаго классоваго пути. Вѣдь рѣчь идетъ объ авангардѣ, о цвѣтѣ рабочаго класса—на что же намъ, соціалъ-демократамъ, еще надѣяться, какой расписки просить у судьбы, кромѣ гарантіи неизбѣжнаго объективнаго хода вещей?" Раздѣляютъ ли эту точку зрѣнія авторы „Сборника"? Прямыхъ и опредѣленныхъ указаній нѣтъ, но, видимо,—да. Такъ, А. Архангельскій, излагая въ своей статьѣ исторію возникновенія „Общегерманскаго Рабочаго Союза" и рекомендуя этотъ союзъ, какъ прототипъ организаціи русскаго пролетаріата, горячо нападаетъ на партійно-патріотическій пессимизмъ тѣхъ соціалъ-демократовъ, которые боятся рабочей массы, и указываетъ, какъ низка с.-д. цѣнность рабочей партіи, трепещущей передъ пролетаріатомъ. Онъ съ особенной любовью цитируетъ слова Коммунистическаго Манифеста: коммунисты не имѣютъ „такихъ интересовъ, которые не совпадали бы съ интересами всего пролетаріата". Послѣднее вѣрно, но если бы А. Архангельскій подробно изучилъ роль Лассаля въ организаціи „Общегерм. Р-чаго Союза", онъ увидѣлъ бы также, что не всегда интересы всего пролетаріата, хотя и временно, совпадаютъ съ интересами коммунистовъ. Лассаль былъ прежде всего идеологъ рабочаго класса. Выясняя послѣднимъ „идею рабочаго сословія", онъ большое значеніе приписывалъ наукѣ. Его „Программа работниковъ" была принята лейпцигскимъ комитетомъ и затѣмъ Союзомъ не только при борьбѣ съ буржуазными демократами, но и при расколѣ въ рабочей массѣ. Заслуга Лассаля передъ германскимъ рабочимъ движеніемъ въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ ходъ общественнаго развитія Германіи 60-хъ г.г. м. ст. и распространилъ свои идеи въ рабочей массѣ. Этотъ

историческій прецедентъ наглядно иллюстрируетъ, что *классы* есть категорія экономическая, обусловливаемая производственными отношеніями, а *партія*—идеологическій союзъ людей одной вѣры, одного научнаго міросозерцанія.

Д. Зайцевъ.

Юрій Ларинъ. *Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ.* Складъ книги—при книгоиздательствѣ „Новый Міръ". Москва. 1906 г.

Книжка состоитъ изъ двухъ статей: первая — „Широкая рабочая партія, какъ очередная задача", —появляется въ печати впервые, вторая—„О нашей партіи (по поводу съѣзда)",—написанная непосредственно послѣ апрѣльскаго партійнаго съѣзда въ Стокгольмѣ,—перепечатывается здѣсь изъ „Откликовъ Современности".

Впечатлѣніе производитъ эта книжечка въ одно и то же время и очень бодрое, и очень грустное,—бодрое неисчерпаемымъ запасомъ антимистической энергіи, звучащей въ каждой страницѣ автора, грустное—характернымъ разбродомъ своихъ мыслей и своихъ плановъ...

Авторъ начинаетъ съ состоянія Р. С.-Д. Р. П. Онъ даетъ столь же сильную, сколько вѣрную характеристику. „Смятенная мысль, — читаемъ мы,—частью извѣрившись въ привычныхъ методахъ дѣйствій, частью обжегшись, что называется, на своихъ неудачахъ, загнанная въ тупикъ, какъ ей кажется, политическаго безсилія, лихорадочно ищетъ какого-нибудь выхода". Неудавшійся призывъ партіи къ общей забастовкѣ, сдѣланный лѣтомъ и петербургскимъ комитетомъ большевиковъ, и меньшевистскимъ центральнымъ комитетомъ, въ такой степени подорвалъ авторитетъ партіи, ея обаяніе въ ея собственныхъ глазахъ... Авторъ отнюдь не даетъ избитыхъ объясненій, получившихъ такое распространеніе последнее время, вродѣ того, что, молъ, партія „интеллигентская" и пр. Причины упадка—въ преобладаніи элементовъ стихійности въ пролетарскомъ движеніи, въ томъ, что партія съ ея верхами была „техническимъ аппаратомъ по части обслуживанія стихійныхъ настроеній и порывовъ", „лишь регистраторомъ", а не „европейской партіей дѣйствія". Съ одной стороны, большевизмъ, „не имѣющій значенія, такъ такое теченіе, которое вело бы дальше партійную жизнь", съ другой—меньшевизмъ, „съ его половинчатой и неувѣренной практикой, съ его уныніемъ и непониманіемъ своего положенія, стоящій передъ своей ликвидаціей"—все дѣло въ томъ, что партія-аппаратъ" должна быть замѣнена „партіей политическаго дѣйствія", методъ регистраціи стихійныхъ настроеній—методомъ сознательнаго политическаго разсчета. Въ анализѣ политическаго формированія партіи у Ларина, несомнѣнно, много здоровыхъ, интересныхъ мыслей, такихъ, которыя можетъ высказать только человѣкъ, самъ пережившій всѣ фазисы ея развитія, недаромъ „съ любовью и преданностью" ей свой трудъ посвящающій.

Но вотъ—какъ быть, что дѣлать? Вотъ у Ларина выходитъ одна грусть. Выходъ изъ партійнаго кризиса авторъ видитъ въ рабочемъ съѣздѣ, не въ томъ съѣздѣ, о которомъ говорятъ нерѣдко соціалъ демократы, мало общаго имѣющемъ со строительствомъ партіи, какъ таковой, а въ учредительномъ съѣздѣ для широкой рабочей партіи. „Рѣчь здѣсь идетъ,—выражаясь словами автора,—не о раствореніи партіи въ классъ, организаціи авангарда въ организаціи всей массы, но лишь объ объединеніи авангарда—900 тысячъ изъ 9 милліоновъ,—лишь объ оформленіи и организаціонномъ закрѣпленіи той практики, которая уже начинаетъ прорываться и иногда овладѣвать жизнью“. Хорошо. Какую же „практику“ имѣетъ онъ въ виду? Не только практику соціалъ-демократическую—имѣется ли въ виду большинство или меньшинство,—не только практику профессіональныхъ союзовъ, но и практику с.-р—овъ, не боясь, что тов. Черновъ обратитъ его въ с.-р—ство, когда будетъ съ ними въ одной партіи“. Гэдъ и Жорэсъ во Франціи, Каутскій и Бернштейнъ въ Германіи, Ферри и Турати въ Италіи—онъ не видитъ основаній, почему бы Плеханову и Чернову не учиться во всероссійскомъ центральномъ бюро? Словомъ, не „секта“, а „широкая рабочая партія“, которая бы фиксировала политическій уровень *всѣхъ* передовыхъ рабочихъ—вотъ выходъ... Уже изъ этого читатель видитъ, насколько слаба, путана положительная часть статьи Ю. Ларина, сравнительно съ его анализомъ состоянія партіи. Прежде всего, почему такой путь будетъ кратчайшимъ? Авторъ скажетъ: „Пути исторіи ведутъ русскій пролетаріатъ на дорогу широкаго здороваго соціалъ-демократизма, и образованіе широкой партіи, которую условія и опытъ заставятъ быть и дѣлаться все болѣе соціалъ-демократической въ цѣломъ, по духу и поведенію, лежитъ на этомъ пути“. Нечего, молъ, бояться... Но блаженъ, кто вѣруетъ... Но чѣмъ убѣдитъ авторъ того, для кого процессъ историческаго развитія—понятіе болѣе сложное, чѣмъ для него? Сошлемся хотя бы на побѣду с.-р—въ на самыхъ крупныхъ заводахъ въ этомъ году,—или Ларину неизвѣстно, какую роль въ этой побѣдѣ играла идея „народнически-большевистскаго“ блока? Съ извѣстной точки зрѣнія близость с.-р—въ намъ еще понятна—мы никогда не сомнѣвались, что часть с.-р—въ постепенно будетъ переходить въ ряды соціалъ-демократовъ, но зачѣмъ попутно предупреждать этотъ процессъ чисто-механическимъ товариществомъ на паяхъ,—это остается тайной Ю. Ларина. Что въ состояніи измѣнить такая „широта“? Если вопросъ въ тѣхъ элементахъ, которые, по справедливому мнѣнію автора, лежатъ въ основнѣ партійнаго разброда, поскольку вопросъ идетъ о внутреннихъ дефектахъ партіи, то не очевидно ли—значеніе *тов.* Чернова или... *тов.* Святловскаго для ихъ устраненія, по меньшей мѣрѣ, ничтожно. Единственный результатъ, возможный съ нашей точки зрѣнія, это еще большее обостреніе тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ путается пар-

тійная мысль. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ такихъ „проектовъ“, какъ проектъ Ю. Ларина и такихъ товарищей, какъ марксистообразные...

Л. Кл.

И. Херасковъ. *Крестьянство въ буржуазныхъ революціяхъ*. Москва. 1906 г. 63 стр. Ц. 15 коп.

Содержаніе книжки г. Хераскова нѣсколько уже ея заглавія—въ ней рѣчь идетъ объ участіи крестьянства въ буржуазныхъ революціяхъ не главнѣйшихъ европейскихъ странъ, а лишь одной Франціи. На Германіи и Австріи авторъ совершенно не останавливается.

Такое ограниченіе своей темы авторъ мотивируетъ тѣмъ, что „революція 48-го года въ нѣмецкихъ государствахъ, наоборотъ, слишкомъ скоро обрывалась уступками правительства, чтобы демократія могла развернуть тамъ всѣ свои силы. Въ этомъ смыслѣ нѣмецкія революціи были лишь блѣдной копіей съ французской. Многое говоритъ за то, что мы, русскіе, идемъ скорѣе по стопамъ Франціи 89-го года, чѣмъ Германіи 48-го года“. Гадать, конечно, трудно, мы лично думаемъ, что русское революціонное движеніе вообще не будетъ идти ни по чьимъ стопамъ, а проложитъ свой путь, соотвѣтствующій тому чрезвычайному своеобразію соціально-политическихъ условій, при которомъ оно совершается.

Въ концѣ своей книжки авторъ, впрочемъ, и самъ указываетъ на это чрезвычайное своеобразіе условій. Россія отличается отъ Франціи 1789 г., говоритъ авторъ, тѣмъ, что „развитіе капитализма ушло у насъ гораздо дальше. Вмѣсто неопредѣленнаго по составу и слабаго политически класса санкюлотовъ, мы имѣемъ многочисленный, проникнутый классовыми стремленіями и быстро организующійся въ классовую партію, пролетаріатъ. Къ народной борьбѣ противъ феодальнаго строя у насъ примѣшана классовая борьба пролетаріата; два момента, раздѣленные во Франціи промежуткомъ въ 60 почти лѣтъ,—въ нашей революціи наложены одинъ на другой“ (59 стр.).

Но въ этихъ словахъ авторъ перечислилъ еще далеко не всѣ главныя особенности. Необходимо еще принять во вниманіе необъятные размѣры Россіи, ея чрезвычайно пестрый національный составъ, а также и огромныя силы сопротивленія, которыми располагаетъ русскій абсолютизмъ.

Въ виду этихъ чрезвычайно сложныхъ условій трудно ожидать, что русская революція пойдетъ по стопамъ французской 89 г. Къ перечисленнымъ нами факторамъ необходимо еще принять во вниманіе международные факторы. Въ этомъ отношеніи Россія находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ Франція 89 г.

Давъ содержательный очеркъ исторической роли крестьянства во французскихъ революціяхъ, авторъ затѣмъ намѣчаетъ основныя задачи русской соц.-дем. по отношенію къ крестьянству. **П. Б—инъ.**

В. А. Келтуяла. *Курсъ исторіи русской литературы.* Пособіе для самообразованія. Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга первая. Спб. 1906. Стр. XVI+764. Цѣна 2 р. 50 к.

Для подробнаго ознакомленія съ древне-русской литературой обыкновенно рекомендуются книги Галахова и Порфирьева, значительно устарѣвшія и отставшія отъ современной науки. Болѣе новымъ и цѣннымъ трудомъ по исторіи русской литературы является книга Пыпина, но она не можетъ быть рекомендована на первыхъ порахъ, такъ какъ подводитъ итоги литературному развитію Россіи и предполагаетъ въ читателѣ извѣстный запасъ первоначальныхъ свѣдѣній въ данной области. Поэтому „Курсъ" г. Келтуялы появляется какъ нельзя болѣе кстати. Книга начинается обширнымъ введеніемъ, гдѣ прежде всего разбираются такія понятія, какъ слово, словесность, письменность, литература, поэзія, проза. Здѣсь, между прочимъ, заявляется, что „терминъ *литература* имѣетъ тенденцію обозначать всякаго рода словесныя произведенія—устныя, письменныя и печатныя, а потому и своему труду г. Келтуяла даетъ названіе „Курсъ исторіи русской литературы", хотя въ книгѣ разсматривается и народная словесность. Далѣе, въ параграфѣ о задачахъ исторіи литературы говорится, что всякое литературное произведеніе должно изучаться въ связи съ біографіей автора, въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ того класса населенія, „къ которому примыкаетъ авторъ, въ связи съ общественнымъ, умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ всего народа, въ связи съ характеромъ общественно-трудовыхъ воздѣйствій народа на природу, наконецъ, въ связи съ состояніемъ болѣе культурныхъ сосѣднихъ народовъ. Затѣмъ, во введеніи говорится о доисторическомъ бытѣ славянъ, сравниваются условія развитія романо-германскихъ и славянскихъ народовъ, разсматривается культурное состояніе Византіи и Болгаріи, дѣятельности Кирилла и Меѳодія, образованіе русскаго государства, принятіе русскими христіанства и борьба его съ язычествомъ.

Послѣ введенія разсматриваются „первоначальныя основы древне-русской литературы". Въ главѣ о „народной основѣ" рѣчь идетъ о развитіи и отдѣльныхъ видахъ общенароднаго устнаго творчества (заговоры, заклинанія обрядовыя бытовыя пѣсни, сказки, загадки, пословицы и поговорки). Вторая глава посвящена „еврейско-византійско-болгарской основѣ древне-русской литературы". Здѣсь подробно говорится о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифахъ, о переводной агіографической, патристической, естественно-научной, исторіографической и беллетристической литературѣ, а также о суевѣрныхъ и гадательныхъ книгахъ. Только съ 317-ой страницы начинается собственно исторія древне-русской литературы, но и то не сразу, а послѣ вступленія, посвященнаго экономическому и обще-

ственно-политическому строю кіевской Руси и ея исторической судьбѣ. Далѣе, первая глава трактуетъ о „княжеско-дружинномъ устномъ творчествѣ", т. е. о былевомъ эпосѣ, которому посвящено болѣе 200 страницъ. Затѣмъ слѣдуетъ „княжеско-дружинное письменное творчество", выразившееся въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Поученіе" Владимира Мономаха, „Слово о полку Игоревѣ", „Моленіе" Даніила Заточника и „Слово о погибели русской земли". Третья глава посвящена церковной литературѣ, четвертая—„церковно-дружинному письменному творчеству", выразившемуся въ лѣтописяхъ. Въ общемъ, древне-русской литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова удѣлено менѣе одной трети всей книги.

Приведенный планъ отличается новизной и стройностью; особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣдовательное проведеніе соціологическаго принципа при изложеніи исторіи оригинальной древне-русской литературы, разсматриваемой съ точки зрѣнія идеи о классовомъ ея происхожденіи и характерѣ. Но, увлекаясь соціологическимъ принципомъ, авторъ не всегда съ достаточнымъ уваженіемъ относится къ принципу хронологическому. Во главѣ о народной основѣ древне-русской литературы, авторъ выходитъ за предѣлы разсматриваемаго періода, приводя пословицы: „пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой", „голодный французъ и воронѣ радъ". Зато во второй главѣ, посвященной основамъ древне-русской литературы, авторъ книги забываетъ, что исторія древней русской литературы, по его же собственнымъ словамъ, обнимаетъ время „до конца XVII вѣка" и что поэтому нельзя ограничиваться изложеніемъ одной только еврейско-византійско-болгарской переводной литературы. Глава, посвященная княжеско-дружинному творчеству, недостаточно считается съ тѣмъ фактомъ, что былины не только по своему языку, но иногда и по содержанію, относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ „эпоха древняго кіевскаго просвѣщенія", напримѣръ, былины, въ которыхъ усматриваютъ отраженіе татарскаго нашествія, былины о гибели богатырей и, по всей вѣроятности, былина о Чурилѣ. Самъ г. Келтуяла въ комментаріяхъ къ отдѣльнымъ былинамъ нерѣдко выходитъ за предѣлы излагаемаго имъ періода.

Перейдя отъ плана къ содержанію книги, также можно указать кое-какіе недочеты. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что несмотря на крупный объемъ, „Курсъ" г. Келтуялы не представляетъ полнаго обзора даже оригинальныхъ произведеній русской словесности. Особенной неполнотой отличаются главы о народной словесности и о церковной литературѣ. Одни вопросы въ книгѣ разсмотрѣны черезчуръ подробно, другіе черезчуръ кратко. Черезчуръ подробно изложена, напримѣръ, исторія христіанской церкви, а византійской литературѣ удѣлена всего *одна* страница. О древне-русскомъ бракѣ говорится больше, чѣмъ о свадебныхъ пѣсняхъ. Замѣтно, что книга составлена нѣсколько поспѣшно, что отразилось и на языкѣ. Встрѣчаются даже неправильныя фразы въ такомъ родѣ: „Какъ страна съ преобла-

даніемъ сельскаго хозяйства, болгарское населеніе раздѣлялось на два класса" (стр. 62). Встрѣчаются рѣзко-противорѣчивыя свѣдѣнія объ одномъ и томъ же памятникѣ. О „Лѣтописцѣ" патріарха Никифора въ одномъ мѣстѣ говорится, что это „краткій перечень императоровъ" (с. 65), въ другомъ сказано, что тамъ кратко излагается всемірная исторія отъ сотворенія міра до 829 года (с. 270), въ третьемъ же мѣстѣ сообщается что „Лѣтописецъ" излагаетъ историческія событія отъ Августа до Константина (с. 279). На одной и той же страницѣ дважды говорится, что Добрыня Ядрейковичъ видѣлъ въ Константинополѣ золотое блюдо, на которомъ были поднесены дары княгинѣ Ольгѣ (с. 708). На стр. 410 извращенъ извѣстный лѣтописный разсказъ о шелковыхъ и полотняныхъ парусахъ. Даже о такомъ извѣстномъ памятникѣ, какъ „Хожденіе" Даніила, сообщается невѣрное свѣдѣніе, будто въ началѣ *и въ концѣ* этого сочиненія дается „краткое описаніе путей... отъ Константинополя до Іерусалима и *обратно*" (с. 672). Желая передать послѣднее слово науки, г. Келтуяла часто вноситъ въ свою книгу разнаго рода гипотезы и предположенія, иногда очень сомнительныя, иногда прямо наивныя, причемъ въ большинствѣ случаевъ не отмѣчаетъ, кѣмъ они высказаны. Такъ, имя, Дажбога производится отъ словъ „дай богатство" (с. 29). Добрыня Ядрейковичъ въ своемъ „Путешествіи въ Царьградъ" упоминаетъ свѣтящіеся каменья императора Льва. „Отсюда,—по заявленію г. Келтуялы,—въ устной поэзіи камни-самоцвѣты" (с. 708). Былина о встрѣчѣ Ильи Муромца со станишниками объявляется „отголоскомъ древней исторіи" (с. 443), какъ будто въ позднѣйшее время не было на Руси разбойниковъ. Въ доказательство „необыкновеннаго гостепріимства" Владиміра приводится извѣстный эпизодъ съ ложками, а о пирахъ—ни слова (с. 415).

При всѣхъ недостаткахъ, подобныхъ указаннымъ, „Курсъ" г. Келтуялы—хорошая и полезная книга. Она написана простымъ и яснымъ языкомъ. Содержаніе памятниковъ древне-русской литературы изложено, большею частью, очень подробно и въ переводѣ на современный языкъ. Въ большинствѣ случаевъ авторъ сообщаетъ послѣднее слово науки и для дальнѣйшаго ознакомленія съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ книги даетъ необходимыя библіографическія данныя (указаны, впрочемъ, только пособія). Вообще, книга г. Келтуялы во многомъ превосходитъ руководства Галахова и Порфирьева и, по всей вѣроятности, займетъ ихъ мѣсто.

С. Ашевскій.

Редакторъ-Издатель **Ал. Острогорскій.**

